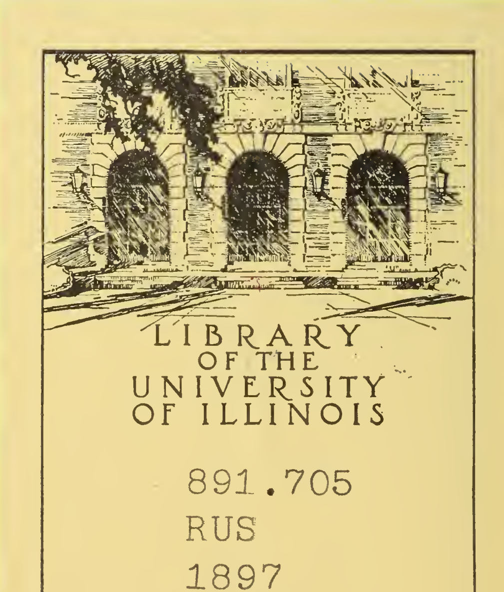

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма въ четырехъ актахъ.

Перси Биши Шелли.

Переводъ съ англійскаго.

1820—1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Греческіе трагики, заимствуя свои сюжеты изъ національной исторіи или миѳологіи, при разработкѣ ихъ соблюдали извѣстный сознательный произволъ. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятаго толкованія или подражать, въ повѣствованіи и въ заглавіи, своимъ соперникамъ и предшественникамъ. Подобная система привела бы ихъ къ отреченію отъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя служили побудительнымъ мотивомъ для творчества, отъ желанія достичь превосходства надъ своими соперниками. Исторія Агамемнона была воспроизведена на аѳинской сценѣ съ такимъ количествомъ варіацій, сколько было самыхъ драмъ.

Я позволилъ себѣ подобную же вольность. «Освобожденный Прометей» Эсхила предполагалъ примиреніе Юпитера съ его жертвой, какъ отплату за разоблаченіе опасности, угрожавшей его власти отъ вступленія въ бракъ съ Ѳетидой. Согласно съ такимъ разсмотрѣніемъ сюжета, Ѳетида была дана въ супруги Пелею, а Прометей, съ соизволенія Юпитера, былъ освобожденъ отъ плѣнничества Геркулесомъ. Еслибъ я построилъ мой разсказъ по этому плану, я не сдѣлалъ бы ничего иного, кромѣ попытки возстановить утраченную драму Эсхила, и еслибы даже мое предпочтеніе къ этой формѣ разработки сюжета побудило меня лелѣять такой честолюбивый замыселъ, одна мысль о дерзкомъ сравненіи, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресѣчь ее. Но, говоря правду, я испытывалъ отвращеніе къ такой слабой развязкѣ, какъ примиреніе Поборника человѣчества съ его Утѣснителемъ. Моральный интересъ вымысла, столь мощнымъ образомъ поддерживаемый страданіемъ и непреклонностью Прометея, исчезъ бы, еслибъ мы могли себѣ представить, что онъ отказался отъ своего гордаго языка и робко преклонился передъ торжествующимъ и коварнымъ противникомъ.

Единственное созданіе воображенія сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана, и на мой взглядъ Прометей представляетъ изъ себя болѣе поэтическій характеръ, чѣмъ Сатана, такъ какъ,—не говоря уже о храбрости, величіи и твердомъ сопротивленіи всемогущей силѣ,—его можно представить себѣ лишеннымъ тѣхъ недостатковъ, честолюбія, зависти, мстительности и жажды возвеличенія, которые въ героѣ «Потеряннаго Рая» вступаютъ въ конфликтъ съ интересомъ. Характеръ Сатаны порождаетъ въ умѣ вредную казуистику, заставляющую насъ сравнивать его ошибки съ его несчастіями и извинять первыя потому, что вторыя превышаютъ всякую мѣру. Въ умахъ тѣхъ, кто разсматриваетъ этотъ грандіозный замыселъ съ религіознымъ чувствомъ, онъ порождаетъ нѣчто еще худшее. Между тѣмъ Прометей является типомъ высшаго моральнаго и интеллектуальнаго совершенства, повинующимся самымъ чистымъ безкорыстнымъ мотивамъ, которые ведутъ къ самымъ прекраснымъ, къ самымъ благороднымъ цѣлямъ.

Данная поэма почти цѣликомъ была написана на горныхъ развалинахъ термъ Каракаллы, среди цвѣтущихъ прогалинъ и густыхъ кустарниковъ, покрытыхъ пахучими цвѣтами, распространяющихся въ видѣ все болѣе и болѣе запутанныхъ лабиринтовъ по огромнымъ терасамъ и головокружительнымъ аркамъ, висящимъ въ воздухѣ. Яркое голубое небо Рима, вліяніе пробуждающейся весны, такой могучей въ этомъ божественномъ климатѣ, и новая жизнь, которой она опьяняетъ душу, были вдохновеніемъ этой драмы.

Образы, разработанные мною здѣсь, во многихъ случаяхъ извлечены изъ сферы движеній человѣческаго ума или изъ сферы тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми они выражаются. Въ современной поэзіи это пріемъ необычный, хотя Данте и Шекспиръ полны аналогичныхъ примѣровъ,—и Данте болѣе, чѣмъ кто-либо другой и съ наибольшимъ успѣхомъ прибѣгалъ къ данному пріему. Но греческіе поэты, какъ писатели знавшіе рѣшительно о всѣхъ средствахъ пробужденія симпатіи въ сердцахъ современниковъ, пользовались этимъ сильнымъ рычагомъ часто. Пусть же мои читатели припишутъ эту особенность изученію античныхъ произведеній, потому что въ какой-нибудь другой, болѣе высокой, заслугѣ мнѣ, вѣроятно, будетъ отказано.

Я долженъ сказать нѣсколько чистосердечныхъ словъ относительно той степени, въ которой изученіе современныхъ произведеній могло повліять на мою работу, ибо именно такой упрекъ дѣлался относительно поэмъ гораздо болѣе популярныхъ, чѣмъ моя, и несомнѣнно заслуживающихъ гораздо большей популярности. Невозможно, чтобы человѣкъ, живущій въ одну эпоху съ такими писателями, какъ тѣ, что стоятъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы, могъ добросовѣстно утверждать, будто его языкъ и направленіе его мыслей могли не претерпѣть измѣненій отъ изученія созданій этихъ исключительныхъ умовъ. Достовѣрно, что, если не характеръ ихъ генія, то формы, въ которыхъ онъ сказался, обязаны не столько ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, сколько особенностямъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія тѣхъ умовъ, среди которыхъ онѣ создались. Извѣстное

число писателей такимъ образомъ обладаетъ формой, но имъ недостаетъ духа тѣхъ, кому будто бы они подражаютъ; дѣйствительно, форма есть какъ бы аксессуаръ эпохи, въ которую они живутъ, а духъ долженъ являться самопроизвольною вспышкой ихъ собственнаго ума.

Особенный стиль, отличающій современную англійскую литературу,—напряженная и выразительная фантастичность,—если его разсматривать какъ силу общую, не былъ результатомъ подражанія какому-нибудь отдѣльному писателю. Масса способностей во всякій періодъ остается въ сущности одной и той же; обстоятельства, побуждающія ее къ дѣятельности, безпрерывно мѣняются. Еслибъ Англія была раздѣлена на сорокъ республикъ, причемъ каждая по размѣрамъ и населенію равнялась бы Аѳинамъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что, при учрежденіяхъ не болѣе совершенныхъ, чѣмъ учрежденія аѳинскія, каждая изъ этихъ республикъ создала бы философовъ и поэтовъ равныхъ тѣмъ, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключимъ Шекспира. Великимъ писателямъ золотого вѣка нашей литературы мы обязаны пламеннымъ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія, низвергнувшимъ наиболѣе древнія и наиболѣе притѣснительныя формы ортодоксальныхъ предразсудковъ. Мильтону мы обязаны прогрессомъ и развитіемъ того же самаго духа: пусть вѣчно помнятъ, что священный Мильтонъ былъ республиканцемъ и смѣлымъ изслѣдователемъ въ области морали и религіи. Великіе писатели нашей собственной эпохи, какъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, являются созидателями и предшественниками какой-то неожиданной перемѣны въ условіяхъ нашей соціальной жизни или въ мнѣніяхъ, являющихся для нихъ цементомъ. Умы слагаются въ тучу, она разряжается своей коллективной молніей, и равновѣсіе между учрежденіями и мнѣніями теперь возстановляется или близко къ возстановленію.

Что касается подражанія, поэзія есть искусство мимическое. Она создаетъ, но она создаетъ посредствомъ комбинированія и изображенія. Поэтическія отвлеченія прекрасны и новы—не потому, что тѣ элементы, изъ которыхъ они составлены, не имѣли предварительнаго существованія въ умѣ человѣка или въ природѣ, а потому, что все въ цѣломъ, будучи создано ихъ комбинированіемъ, даетъ нѣкоторую мыслимую и прекрасную аналогію съ этими источниками мысли и чувства и съ современными условіями ихъ развитія; великій поэтъ представляетъ изъ себя шедевръ природы, и другой поэтъ не только долженъ его изучать, но и непремѣнно изучаетъ. Еслибъ онъ рѣшился исключить изъ сферы своего созерцанія все прекрасное, что существуетъ въ произведеніяхъ какого - нибудь великаго современника, это было бы такъ же неразумно и такъ же трудно, какъ приказать своему уму не быть болѣе зеркаломъ всего прекраснаго, что есть въ природѣ. Такая задача была бы претензіей для каждаго, хотя бы самаго великаго, и даже у него въ результатѣ получились бы напряженность, неестественность и отсутствіе силы. Поэтъ представляетъ изъ себя сочетаніе извѣстныхъ внутреннихъ способностей, измѣняемыхъ другими, и из-

вѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, возбуждающихъ и поддерживающихъ эти способности; онъ является такимъ образомъ олицетвореніемъ не одного элемента, а двухъ. Въ этомъ отношеніи каждый человѣческій умъ измѣняется подъ воздѣйствіемъ всѣхъ предметовъ природы и искусства, подъ воздѣйствіемъ всякаго слова, всякаго внушенія, которому онъ позволилъ влiять на свое сознаніе; онъ—какъ зеркало, гдѣ отражаются всѣ формы, сочетаясь въ одну. Поэты, также какъ философы, живописцы, скульпторы и музыканты, являются въ одномъ отношеніи товарищами своей эпохи, въ другомъ—ея созданіями. Отъ такой подчиненности не могутъ уклониться даже высшіе умы. Есть извѣстное сходство между Гомеромъ и Гезіодомъ, Эсхиломъ и Еврипидомъ, Виргиліемъ и Гораціемъ, Данте и Петраркой, Шекспиромъ и Флетчеромъ, Драйденомъ и Попомъ; въ каждомъ изъ нихъ есть общая родовая черта, подъ господствомъ которой формируются ихъ индивидуальныя отличія. Если такое сходство есть результатъ подражанія, охотно признаюсь, что я подражалъ.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, что мною руководило чувство, которое шотландскій философъ весьма мѣтко охарактеризовалъ, какъ «страстное желаніе реформировать міръ». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого онъ не объясняетъ. Что касается меня, я предпочелъ бы скорѣе быть осужденнымъ вмѣстѣ съ Платономъ и лордомъ Бэкономъ, чѣмъ быть въ небесахъ вмѣстѣ съ Палеемъ и Мальтусомъ. Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтическія произведенія единственной задачѣ—усиливать непосредственно духъ реформы, или что я смотрю на нихъ какъ на произведенія въ той или иной степени содержащія какую-нибудь, созданную разсудкомъ, систему человѣческой жизни. Дидактическая поэзія мнѣ отвратительна; то, что можетъ быть одинаково хорошо выражено въ прозѣ, въ стихахъ является претенціознымъ и противнымъ. Моею задачей до сихъ поръ было—дать возможность наиболѣе избранному классу читателей съ поэтическимъ вкусомъ обогатить утонченное воображеніе идеальными красотами нравственнаго превосходства; я знаю, что до тѣхъ поръ, пока умъ не научится любить, преклоняться, вѣрить, надѣяться, добиваться,—разсудочные принципы моральнаго поведенія будутъ сѣменами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путникъ будетъ топтать ихъ, между тѣмъ какъ они должны были принести для него жатву счастія Еслибъ мнѣ суждено было жить для совершенія моей задачи, т.-е. для составленія систематическаго повѣствованія о томъ, что представляется мнѣ неподдѣльными элементами человѣческаго общежитія, защитники несправедливости и суевѣрія не могли бы льстить себя тою мыслью, будто Эсхила я беру охотнѣе своимъ образцомъ, нежели Платона.

Говоря о себѣ съ свободой, чуждой аффектаціи, я не нуждаюсь въ самозащитѣ передъ лицомъ людей чистосердечныхъ; что касается иныхъ, пусть они примутъ во вниманіе, что, искажая вещи, они оскорбятъ не столько меня, сколько свой собственный умъ и свое собственное сердце.

Какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, онъ обязанъ имъ пользоваться, разъ этотъ талантъ можетъ сколько-нибудь служить для развлеченія и поученія другихъ: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будетъ для него достаточнымъ наказаніемъ; пусть же никто не утруждаетъ себя, громоздя надъ его усиліями прахъ забвенія; куча пыли въ этомъ случаѣ укажетъ на могилу, которая иначе осталась бы неизвѣстной.

Дѣйствующія лица:

Прометей.
Демогоргонъ.
Юпитеръ.
Земля.
Океанъ.
Аполлонъ.
Меркурій.
Геркулесъ.
Азія, *Пантея*, *Іона* — Океаниды.
Призракъ Юпитера.
Духъ Земли.
Духъ Часовъ.
Духи, Эхо, Фавны.
Фуріи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сцена.—Индійскій Кавказъ, ущелье среди скалъ, покрытыхъ льдомъ. Надъ пропастью прикованъ Прометей. Пантея и Іона сидятъ у его ногъ.—Ночь.— По мѣрѣ развитія сцены медленно занимается разсвѣтъ.

Прометей. Монархъ боговъ и демоновъ могучихъ,
Монархъ всѣхъ духовъ, кромѣ одного!
Передъ тобой—блестящія свѣтила,
Несчетные летучіе міры;
Изъ всѣхъ, кто живъ, кто дышетъ,—только двое
На нихъ глядятъ безсонными очами:
Лишь ты и я! Взгляни съ высотъ на землю,
Смотри, тамъ нѣтъ числа твоимъ рабамъ;
Но что-жъ ты имъ даешь за ихъ молитвы,
За всѣ хвалы, колѣнопреклоненья,
За гекатомбы гибнущихъ сердецъ?—
Презрѣнье, страхъ, безплодную надежду.
И въ ярости слѣпой ты мнѣ, врагу,
Далъ царствовать въ тріумфѣ безконечномъ
Надъ собственнымъ моимъ несчастьемъ горькимъ,
Надъ местью неудавшейся твоей—
Три тысячи какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
Исполненныхъ безсонными часами,
Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,

Что каждый мигъ казался дольше года,—
Сознаніе, что я одинъ въ борьбѣ,
Сознаніе, что нѣтъ нигдѣ пріюта,
И боль тоски, отчаянье, презрѣнье—
Вотъ царство, гдѣ царить досталось мнѣ.
Въ немъ больше славы, вѣчной и лучистой,
Чѣмъ тамъ, гдѣ ты царишь на пышномъ тронѣ,
Котораго я не взялъ бы себѣ.
Могучій богъ, ты былъ бы всемогущимъ,
Когда бы я съ тобою сталъ дѣлить
Позоръ твоей жестокой тиранніи,
Когда бы здѣсь теперь я не висѣлъ,
Прикованный къ стѣнѣ горы гигантской,
Смѣющейся надъ дерзостью орла,
Безмѣрной, мрачной, мертвенно-холодной,
Лишенной травъ, животныхъ, насѣкомыхъ,
И формъ и звуковъ жизни. Горе мнѣ!
Тоска! Тоска всегда! Тоска навѣки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
Ни ласки сна! И все же я терплю.
Скажи, Земля, граниту горъ не больно?
Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
Скажите, эти пытки вамъ не видны?
Ты, Море, область бурь и тихихъ сновъ,
Небесъ далекихъ зеркало земное,
Скажи, ты было глухо до сихъ поръ,
Не слышало стенаній агоніи?
О, горе мнѣ! Тоска! Тоска навѣки!

Меня тѣснятъ враждебно ледники,
Пронзаютъ остріемъ своихъ кристалловъ,
Морозно-лунныхъ; цѣпи, точно змѣи,
Въѣдаются, сжимаютъ до костей
Объятіемъ—и жгучимъ, и холоднымъ.
Юпитера крылатая собака
Нечистымъ клювомъ, дышащимъ отравой,
Въ груди моей на части сердце рветъ;
И полчища видѣній безобразныхъ,
Исчадія угрюмой сферы сновъ,
Вокругъ меня сбираются съ насмѣшкой;

Землетрясенья демонамъ свирѣпымъ
Довѣрена жестокая забава—
Изъ ранъ моихъ дрожащихъ дергать гвозди,
Когда за мной стѣна бездушныхъ скалъ
Раздвинется, чтобъ тотчасъ вновь сомкнуться:
Межъ тѣмъ какъ духи бурь изъ бездъ гудящихъ
Торопятъ дикимъ воемъ ярость вихря,
Бѣгутъ, спѣшатъ нестройною толпой,
И бьютъ меня, и хлещутъ острымъ градомъ.

И все же мнѣ желанны день и ночь,
Блѣднѣетъ ли туманъ сѣдого утра,
Покорный свѣту солнечныхъ лучей,
Восходитъ ли по тусклому Востоку,
Межь тучъ свинцовыхъ, Ночь въ одеждѣ звѣздной,
Медлительна и грустно-холодна,—
Они влекутъ семью часовъ безкрылыхъ,
Ползучую лѣнивую толпу,
И между ними будетъ часъ урочный,
Тебя онъ свергнетъ, яростный Тиранъ,
И вынудитъ—стереть лобзаньемъ жаднымъ
Потоки крови съ этихъ блѣдныхъ ногъ,
Хотя они тебя топтать не будутъ,
Такимъ рабомъ потеряннымъ гнушаясь.
Гнушаясь? Нѣтъ,—о, нѣтъ! Мнѣ жаль тебя.
Какъ будешь ты ничтожно-беззащитенъ,
Какая гибель будетъ властно гнать
Отверженца въ бездонныхъ сферахъ Неба!
Твоя душа, растерзанная страхомъ,
Откроется, зіяя точно адъ!
Въ моихъ словахъ нѣтъ гнѣва, много скорби,
Ужъ больше я не въ силахъ ненавидѣть:
Сквозь тьму скорбей я къ мудрости пришелъ.
Когда-то я дышалъ проклятьемъ страшнымъ,
Теперь его хотѣлъ бы я услышать,
Чтобъ взять его назадъ. Внемлите, Горы,
Чье эхо чары горькаго проклятья
Разсыпало, развѣяло кругомъ,
Гремя стозвучно въ хорѣ водопадовъ!
О, льдистые холодные Ключи,
Покрытые морщинами Мороза,

Вы дрогнули, услышавши меня,
Вы съ трепетомъ тогда сползли съ утесовъ
И въ Индію поспѣшно потекли!
Ты, ясный Воздухъ, гдѣ блуждаетъ Солнце,
Пылая безъ лучей! И вы, о, Вихри,
Безгласно вы повисли между скалъ,
Съ безжизненно-застывшими крылами
Вы замерли надъ пропастью притихшей,
Межъ тѣмъ какъ Громъ, что былъ сильнѣй, чѣмъ вашъ,
Заставилъ міръ земной дрожать со стономъ!
О, если тѣ слова имѣли власть,—
Хоть зло во мнѣ теперь навѣкъ погасло,
Хоть ненависти собственной моей
Я болѣе не помню,—все-жъ прошу васъ,
Молю, не дайте имъ теперь погибнуть!
Въ чемъ было то проклятье? Въ чемъ? Скажите!
Вы слушали, вы слышали тогда!

Первый Голосъ: Изъ Горъ.

Много дней и ночей, много сотенъ вѣковъ,
Наполнялись мы лавой кипучей,
И, какъ люди, подъ бременемъ тяжкихъ оковъ,
Содрогались толпою могучей.

Второй Голосъ: Отъ Источниковъ.

Насъ пронзали стремительныхъ молній огни,
Оскверняліс мы горькою кровью,
И внимали стенаньямъ свирѣпой рѣзни,
И дивились людскому злословью.

Третій Голосъ: Изъ Воздуха.

Съ первыхъ дней бытія надъ землей молодой
Я блисталъ по высотамъ и склонамъ,
И не разъ и не два мой покой золотой
Былъ смущенъ укоризненнымъ стономъ.

Четвертый Голосъ: Отъ Вихрей.

У подножія горъ мы крутились вѣка,
Мы внимали громовымъ ударамъ,
И смотрѣли, какъ лавы несется рѣка

Изъ вулкановъ, объятыхъ пожаромъ,
Не умѣли молчать и, чтобъ вѣчно звучать,
Мы желаньемъ ломали Безмолвья печать,
Отдаваясь ликующимъ чарамъ.

Первый Голосъ.

Но лишь однажды ледники
До основанья пошатнулись,
Когда мы съ ужасомъ согнулись
Въ отвѣтъ на крикъ твоей тоски.

Второй Голосъ.

Всегда стремясь къ пустынѣ моря,
Одинъ лишь разъ во тьмѣ временъ
Промчали мы протяжный стонъ
Нечеловѣческаго горя.
И вотъ морякъ, на днѣ ладьи
Лежавшій въ сонномъ забытьи,
Услышалъ ревъ пучины шумной,
Вскочилъ,—и, вскрикнувъ: «Горе мнѣ!»—
Онъ въ море бросился, безумный,
И скрылся въ черной глубинѣ.

Третій Голосъ.

Внимая страшнымъ заклинаньямъ,
Былъ такъ истерзанъ сводъ небесъ,
Что между порванныхъ завѣсъ
Рыданья вторили рыданьямъ;
Когда-жъ лазурь сомкнулась вновь,
По небу выступила кровь.

Четвертый Голосъ.

А мы ушли къ высотамъ спящимъ
И тамъ дыханьемъ леденящимъ
Сковали шумный водопадъ;
Въ пещеры льдистыя бѣжали
И тамъ испуганно дрожали,
Глядя впередъ, глядя назадъ;
Отъ изумленья и печали,
Мы все молчали, *мы* молчали,
Хотя для насъ молчанье — адъ.

Земля. Неровныхъ скалъ безгласныя пещеры
Тогда вскричали: «Горе!» Сводъ небесъ
Отвѣтилъ имъ протяжнымъ воплемъ: «Горе!»
И волны моря, пурпуромъ покрывшись,
Карабкались на землю съ громкимъ воемъ,
Толпа вѣтровъ хлестала ихъ бичомъ,
И блѣдные, дрожащіе народы
Внимали долгій возгласъ: «Горе! Горе!»

Прометей. Я слышу смутный говоръ голосовъ,
Но собственный мой голосъ дней далекихъ
Не слышенъ мнѣ. О, мать моя, зачѣмъ
Глумишься ты съ толпой своихъ созданій
Надъ тѣмъ, безъ чьей упорной твердой воли
Исчезла-бъ ты съ семьей своихъ дѣтей
Подъ бѣшенствомъ свирѣпаго Тирана,
Какъ легкій дымъ незримо исчезаетъ,
Развѣянный дыханіемъ вѣтровъ.
Скажи мнѣ, вы не знаете — Титана,
Кто въ горечи своихъ терзаній жгучихъ
Нашелъ преграду вашему врагу?
Вы, горныя зеленыя долины,
Источники, питаемые снѣгомъ,
Чуть видные глубоко подо мной,
Лѣсовъ тѣнистыхъ смутныя громады,
Гдѣ съ Азіей когда-то я бродилъ,
Встрѣчая жизнь въ ея глазахъ любимыхъ,—
Зачѣмъ теперь тотъ духъ, что васъ живитъ,
Гнушается бесѣдовать со мною?
Со мною, кто одинъ вступилъ въ борьбу
И всталъ лицомъ къ лицу съ коварной силой
Властителя заоблачныхъ высотъ,
Насмѣшливо глядящаго на землю,
Гдѣ стонами измученныхъ рабовъ
Наполнены безбрежныя пустыни.
Зачѣмъ же вы безмолствуете? Братья!
Дадите ли отвѣтъ?

Земля. Они не смѣютъ.

Прометей. Но кто-жъ тогда посмѣетъ? Я хочу
Опять услышать звуки заклинанья.
А! Что за страшный шепотъ пробѣжалъ,—
Встаетъ, растетъ! Какъ будто бы не звуки

Трепещутъ вкругъ меня, — а стрѣлы молній
Дрожатъ, готовясь бурно разразиться.
Стихійный голосъ Духа смутно шепчетъ,
Онъ близится, все близится ко мнѣ,
И я къ нему любовью проникаюсь.
Скажи мнѣ, Духъ, какъ проклялъ я его?

Земля. Какъ можешь ты услышать голосъ мертвыхъ?

Прометей. Ты — Духъ живой. Скажи, какъ жизнь сама
Сказала бы, ведя со мной бесѣду.

Земля. Я знаю рѣчь живыхъ, но я боюсь, —
Жестокій царь небесъ меня услышитъ
И въ ярости привяжетъ къ колесу
Какой-нибудь свирѣпой новой пытки,
Больнѣй, чѣмъ та, которую терплю.
Въ тебѣ добро, ты можешь все постигнуть,
Твоя любовь свѣтла, — и если боги
Не слышатъ этотъ голосъ, — ты услышишь,
Ты болѣе, чѣмъ богъ, — ты мудрый, добрый:
Такъ слушай же внимательно теперь.

Прометей. Какъ сумрачныя тѣни, быстрымъ роемъ,
Въ моемъ умѣ встаютъ и таютъ мысли,
И вновь трепещутъ страшною толпой.
Я чувствую, что все во мнѣ смѣшалось,
Какъ въ томъ, кто слился съ кѣмъ-нибудь въ объятьи;
Но въ этомъ нѣтъ восторга.

Земля. Нѣтъ, о, нѣтъ, —
Услышать ты не можешь, ты безсмертенъ,
А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
Кто долженъ умереть.

Прометей. Печальный голосъ!
Но кто же ты?

Земля. Я мать твоя, Земля.
Та, въ чьей груди, въ чьихъ жилахъ каменистыхъ,
Во всѣхъ мельчайшихъ фибрахъ, — до листовъ,
Трепещущихъ на призрачныхъ вершинахъ
Деревьевъ высочайшихъ, — билась радость,
Какъ будто кровь въ живомъ и тепломъ тѣлѣ,
Когда отъ этой груди ты воспрянулъ,
Какъ духъ кипучій радости живой,
Какъ облако, пронизанное солнцемъ!
И внявъ твой голосъ, всѣ мои сыны

Приподняли измученныя лица,
Покрытыя обычной грязной пылью,
И нашъ Тиранъ, жестокій и всевластный,
Въ испугѣ жгучемъ сталъ дрожать, блѣднѣть,
Пока не грянулъ громъ ему въ защиту,—
И ты, Титанъ, прикованъ былъ къ скалѣ.
И вотъ, взгляни на эти милліоны
Міровъ, что мчатся въ пляскѣ круговой,
Со всѣхъ сторонъ пылая вѣчнымъ блескомъ:
Ихъ жители, взирая на меня,
Увидѣли, что свѣтъ мой гаснетъ въ небѣ;
И встало море съ ропотомъ протяжнымъ,
Приподнятое властью странной бури;
И столбъ огня, невиданнаго прежде,
Подъ гнѣвомъ неба всталъ изъ снѣжныхъ горъ,
Тряся своей мохнатой головою;
Въ равнинахъ былъ потопъ — и стрѣлы молній,
Цвѣли волчцы средь мертвыхъ городовъ;
И тамъ, гдѣ прежде нѣжились хлѣба,
И тамъ, гдѣ были травы луговыя,
Мелькнули ядовитые цвѣты,
И сорною толпой зашевелились,
И высосали грудь мою корнями,
И грудь моя изсохла отъ тоски;
Мое дыханье,—воздухъ утонченный,—
Мгновенно потемнѣло, запятналось
Той ненавистью жгучей, что возникла
У матери къ врагу ея дѣтей,
Къ врагу ея возлюбленнаго чада;
Я слышала проклятіе твое,
И если ты теперь его не помнишь,—
Мои моря, пещеры, сонмы горъ,
Мои ручьи, и тотъ далекій воздухъ,
И вѣтры, и несчетныя громады
Невнятно говорящихъ мертвецовъ
Хранятъ его, какъ талисманъ завѣтный.
Мы въ радованьи тайномъ размышляемъ,
Надѣемся на страшныя слова,
Но вымолвить не смѣемъ.

Прометей. Мать моя!
Все, что живетъ, что бьется и страдаетъ,

Находитъ утѣшенье у тебя;
Цвѣты, плоды и радостные звуки,
И сладкую, хоть бѣглую любовь;
Не мой удѣлъ — извѣдать это счастье,
Но я свои слова прошу назадъ,
Отдай ихъ мнѣ, молю, не будь жестокой.

Земля. Ты долженъ ихъ услышать. Такъ внимай же!
Въ тѣ дни, какъ не былъ прахомъ Вавилонъ,
Мой мудрый сынъ, кудесникъ Зороастръ,
Въ саду блуждая, встрѣтилъ образъ свой.
Изъ всѣхъ людей одинъ лишь онъ увидѣлъ
Видѣніе такое. Знай, что есть
Два міра жизни, два—пустынной смерти:
Одинъ изъ нихъ ты видишь, созерцаешь,
Другой сокрытъ въ глубинахъ преисподнихъ,
Въ туманномъ обиталищѣ тѣней
Всѣхъ формъ, что дышутъ, чувствуютъ и мыслятъ,
Покуда смерть ихъ вмѣстѣ не сведетъ
Навѣкъ туда, откуда нѣтъ возврата.
Тамъ сны людей, ихъ свѣтлыя мечтанья,
И все, чему упорно сердце вѣритъ,
Чего надежда ждетъ, любовь желаетъ;
Толпы видѣній, образовъ ужасныхъ,
Возвышенныхъ, и странныхъ, и таящихъ
Гармонію спокойной красоты;
Въ тѣхъ областяхъ и ты висишь, какъ призракъ,
Страданьемъ искаженный, между горъ,
Гдѣ бурные гнѣздятся ураганы;
Всѣ боги тамъ, всѣ царственныя силы
Міровъ неизреченныхъ, сонмы духовъ,
Тѣней огромныхъ, властью облеченныхъ,
Герои, люди, звѣри; Демогоргонъ,
Чудовищнаго мрака воплощенье;
И онъ, Тиранъ верховный, на престолѣ
Огнисто-золотомъ. Узнай, мой сынъ,
Одинъ изъ этихъ призраковъ промолвитъ
Слова проклятья, памятнаго всѣмъ,—
Какъ только воззовешь протяжнымъ зовомъ,
Свою ли тѣнь, Юпитера, Гадеса,
Тирана, или тѣхъ боговъ сильнѣйшихъ,
Властителей дробящагося Зла,

Что въ мірѣ распложаются обильно
Съ тѣхъ поръ какъ ты погибъ, со дня, какъ стонутъ
Мои сыны, поруганныя чада.
Спроси, они должны тебѣ отвѣтить,
Спроси, и въ этихъ призракахъ безплотныхъ
Отмщеніе Всевышняго забьется,—
Какъ бурный дождь, гонимый быстрымъ вѣтромъ,
Врывается въ покинутый чертогъ.

Прометей. О, мать моя, хочу, чтобъ злое слово
Не высказано было мной опять
Иль кѣмъ-нибудь, въ комъ сходство есть со мною.
Подобіе Юпитера, явись!

Іона. Крылами скрыла я глаза.
Крылами мой окутанъ слухъ,—
Но чу! мнѣ слышится гроза,
Но вотъ! встаетъ какой-то духъ.
Сквозь мягкихъ перьевъ бѣлизну
Я вижу темную волну,—
И свѣтъ потухъ!
О только-бъ не было вреда
Тебѣ, чьи боли намъ больны,
Чьи пытки видимъ мы всегда,
Съ кѣмъ мы страдать должны.

Пантея. Подземный смерчъ гудитъ вокругъ,
Звучитъ гряда разбитыхъ горъ
Ужасенъ духъ, какъ этотъ звукъ,
На немъ изъ пурпура уборъ.
Своею жилистой рукой
Онъ держитъ посохъ золотой.
О, страшный взоръ!
Свирѣпъ огонь глубокихъ глазъ,
Тотъ свѣточъ ненависть зажгла,
Онъ точно хочетъ мучить насъ,
Но самъ не терпитъ зла.

Призракъ Юпитера. Зачѣмъ сюда велѣнье тайныхъ силъ,
Что властвуютъ надъ этимъ міромъ страннымъ,
Въ раскатахъ бурь закинуло меня,
Непрочное пустое привидѣнье?
Вкругъ устъ моихъ какіе звуки рѣютъ?
Не такъ во мракѣ, блѣдными устами,

Толпа видѣній шепчетъ межъ собой.
И ты скажи, страдалецъ гордый,— кто ты?
Прометей. Ужасный образъ! Вотъ таковъ, какъ ты
И онъ, Тиранъ свирѣпый, тотъ, чьей тѣнью
Ты долженъ быть. Я врагъ его, Титанъ.
Скажи слова, которыя услышать
Желалъ бы я, хотя глухой твой голосъ
Не будетъ отраженьемъ думъ твоихъ.
Земля. Внимайте всѣ, сдержавши голосъ эхо,
Сѣдыя горы, древніе лѣса,
Семьи ручьевъ, цвѣтами окруженныхъ,
Пророческихъ пещеръ, ключей, бѣгущихъ
Вкругъ пышныхъ островковъ,—ликуйте всѣ,
Внимая звукамъ страшнаго заклятья,
Котораго не можете сказать.
Призракъ Юпитера. Какой-то духъ, меня своею силой
Окутавши, бесѣдуетъ во мнѣ.
Онъ рветъ меня, какъ тучу—стрѣлы молній
Пантея. Смотрите! онъ глядитъ могучимъ взглядомъ,
Надъ нимъ темнѣетъ небо.
Іона. Еслибъ скрыться!
Куда бы скрыться мнѣ! Онъ говоритъ.
Прометей. Въ его движеньяхъ, гордыхъ и холодныхъ,
Проклятіе сквозитъ. Я вижу взоры,
Въ нихъ свѣтится безстрашный вызовъ, твердость,
Отчаянье и ненависть,—и все
Какъ будто бы записано на свиткѣ.
О, говори, скорѣе говори!
Призракъ Юпитера. Заклятый врагъ! Свирѣпствуй! Будь готовъ
Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
Тиранъ людского рода и боговъ,—
Есть духъ одинъ, что выше дикой власти.
Я здѣсь! Смотри! Бичуй меня
Морозомъ, язвою огня,
Громи вѣтрами, градомъ, бурей,
Какъ вѣстникъ ужаса приди,
За болью боль нагромозди,
Гони ко мнѣ скорѣй толпу голодныхъ фурій!
А! Сдѣлай все! Тебѣ запрета нѣтъ.
Ты всемогущъ,—собой лишь не владѣешь,
Да тѣмъ, что я хочу. Источникъ бѣдъ!

Ты бременемъ надъ міромъ тяготѣешь.
Пытай на медленномъ огнѣ
Меня и всѣхъ, кто дорогъ мнѣ;
Гонимый злобой вѣроломной,
Достигни грани роковой,
А я, съ подъятой головой,
Взгляну, какъ будешь ты гремѣть изъ тучи темной.
Но помни, богъ и царь среди боговъ,
Ты, чьей душой исполненъ міръ мученій,
Ты, правящій подъ громкій звонъ оковъ
И жаждущій колѣнопреклоненій,
Тебя, мучитель, проклялъ я,
Съ тобою ненависть моя,
Она тебя отравитъ ядомъ,
Вѣнецъ, въ которомъ будетъ зло,
Тебѣ надѣнетъ на чело,
На тронѣ золотомъ съ тобою сядетъ рядомъ.
Будь проклятъ! Знай: тебѣ придетъ пора,
Одинъ, ты встрѣтишь вражескую Вѣчность,
И, зло любя, познаешь власть добра,
Извѣдаешь мученій безконечность.
Да будетъ! Дѣлай зло—и жди!
Потомъ къ возмездію приди,—
Лишенный царскаго убранства,
Исчерпавъ бѣшенство и ложь,
Позорнымъ плѣнникомъ падешь,
Въ безбрежности временъ, въ безбрежности пространства!

Прометей. Скажи, о, Мать, мои слова то были?

Земля. Твои слова.

Прометей. Мнѣ жаль. Они безплодны.
Я не хочу, чтобъ кто-нибудь страдалъ.

Земля. О, гдѣ для горя взять мнѣ силъ!
Теперь Юпитеръ побѣдилъ.
Реви, гремучій Океанъ,
Поля, покройтесь кровью ранъ,
О, духи мертвыхъ и живыхъ,
Рыдайте въ мукахъ огневыхъ,
Земля отвѣтитъ вамъ на стонъ,—
Кто былъ защитой вамъ, разбитъ и побѣжденъ!

Первое Эхо. Разбитъ и побѣжденъ!

Второе Эхо. И побѣжденъ!

Іона. Не бойтесь: это лишь порывъ,
Титанъ еще не побѣжденъ;
Но тамъ, взгляните за обрывъ,
За снѣжный горный склонъ:
Воздушный призракъ тамъ спѣшитъ,
Подъ нимъ лазурь небесъ дрожитъ,
Крутится тучекъ длинный рядъ;
Блестя отдѣлкой дорогой,
Его сандаліи горятъ;
Подъятой правою рукой
Какъ будто онъ грозитъ,—и въ ней
Сверкаетъ жезлъ, и вкругъ жезла
То меркнетъ свѣтъ, то вспыхнетъ мгла,—
Играютъ кольца змѣй.

Пантея. Юпитера герольдъ, спѣшитъ Меркурій.

Іона. А тамъ за нимъ? Несчетная толпа,—
Видѣнія съ желѣзными крылами,
Съ кудрями гидры,—вотъ они плывутъ,
Ихъ воплями смущенъ далекій воздухъ,
И гнѣвный богъ, нахмурившись, грозитъ имъ.

Пантея. Юпитера прожорливые псы,
Въ раскатахъ бурь бѣгущія собаки,
Которыхъ онъ накармливаетъ кровью,
Когда несется въ сѣрныхъ облакахъ,
Предѣлы неба громомъ разрывая.

Іона. Куда-жъ они теперь спѣшатъ
Неисчислимыми толпами?
Покинувъ пытокъ темный адъ,
Питаться новыми скорбями!

Пантея. Титанъ глядитъ не гордо, но спокойно.

1-я фурія. А! Запахъ жизни здѣсь я слышу!

2-я фурія. Дай мнѣ
Лишь заглянуть въ лицо ему!

3-я фурія. Надежда
Его терзать мнѣ сладостна, какъ мясо
Гніющихъ тѣлъ на стихшемъ полѣ битвы
Для хищныхъ птицъ.

1-я фурія. Еще ты будешь медлить,
Герольдъ! Впередъ, смѣлѣй, собаки Ада!
Когда же Майи сынъ намъ пищу дастъ?

Кто можетъ Всемогущему надолго
Угоднымъ быть?

Меркурій. Назадъ! Къ желѣзнымъ башнямъ,
Голодными зубами скрежещите
Вблизи потока воплей и огня.
Ты, Геріонъ, возстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинксъ, изъ демоновъ хитрѣйшій,
Что Ѳивамъ далъ небесное вино,
Отравленное ядомъ,—далъ уродство
Чудовищной любви, страшнѣйшей злобы:
Они за васъ свершатъ задачу вашу.

1-я фурія. О, сжалься, сжалься! Мы умремъ сейчасъ
Отъ нашего желанья. Не гони насъ.

Меркурій. Тогда лежите смирно и молчите.—
Страдалецъ грозный, я къ тебѣ пришелъ
Безъ всякаго желанья, противъ воли,
Иду, гонимый тягостнымъ велѣньемъ
Всевышняго отца, дабы свершить
Замышленную пытку новой мести.
Мнѣ жаль тебя, себя я ненавижу
За то, что сдѣлать бóльшаго не въ силахъ;
Увы, едва вернусь я отъ тебя,
Какъ небо представляется мнѣ адомъ,—
И день и ночь преслѣдуетъ меня
Измученный, истерзанный твой образъ
Съ улыбкой укоризненной. Ты—мудрый,
Ты—кроткій, добрый, твердый,—но зачѣмъ же
Напрасно ты упорствуешь одинъ
Въ борьбѣ со Всемогущимъ? Иль не видишь,
Что яркіе свѣтильники небесъ,
Медлительное время измѣряя,
Тебѣ гласятъ о тщетности борьбы,
И будутъ вновь и вновь гласить все то же.
И вотъ опять Мучитель твой, задумавъ
Тебя подвергнуть мукамъ, страшной властью
Облекъ тѣ силы злыя, что въ Аду
Неслыханныя пытки измышляютъ.
Мой долгъ—вести сюда твоихъ враговъ,
Нечистыхъ, ненасытныхъ, изощренныхъ
Въ свирѣпости,—и здѣсь оставить ихъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь ты же знаешь тайну,

Сокрытую отъ всѣхъ живыхъ существъ,
Способную исторгнуть власть надъ небомъ
Изъ рукъ того, кто ею облеченъ,
И дать ее другому: этой тайны
Страшится нашъ верховный Повелитель.
Одѣнь ее въ слова, и пусть она
Придетъ къ его стопамъ, какъ твой заступникъ;
Склони свой духъ къ мольбѣ, и будь, какъ тотъ,
Кто молится въ великолѣпномъ храмѣ,
Согнувъ колѣна, гордость позабывъ:
Ты знаешь, что даянье и покорность
Смиряютъ самыхъ дикихъ, самыхъ сильныхъ.

Прометей. Злой умъ мѣняетъ доброе согласно
Своей природѣ. Кто его облекъ
Могучей властью? Я! А онъ въ отплату
Меня сковалъ на мѣсяцы, на годы,
На долгіе вѣка,—и Солнце жжетъ
Изсохшую, израненную кожу,—
И холодъ Ночи снѣжные кристаллы,
Смѣясь, бросаетъ въ волосы мои,
Въ то время, какъ мои любимцы, люди,
Для слугъ его потѣхой стали. Такъ-то
Тиранъ платить умѣетъ за добро!
Что-жъ, это справедливо: злыя души
Принять добра не могутъ: дай имъ міръ,—
Въ отвѣтъ увидишь страхъ, и стыдъ, и злобу,
Но только не признательность. Онъ мститъ мнѣ
За рядъ своихъ же низкихъ злодѣяній.
Для душъ такихъ добро—больнѣй упрека,
Оно терзаетъ, ранитъ ихъ, и жалитъ,
И спать имъ не даетъ, твердя о мести.
Покорности онъ хочетъ? Нѣтъ ея!
И что сокрыто въ томъ фатальномъ словѣ?
Глухая смерть и рабство для людей.
Покорность—сицилійскій мечъ, дрожащій
На волоскѣ надъ царскою короной,—
Онъ могъ бы взять ее, но я не дамъ.
Другіе пусть потворствуютъ злодѣйству,
Пока оно, безчинствуя, царитъ.
Имъ нечего бояться: Справедливость,
Достигнувъ торжества, карать не будетъ,

А только съ состраданіемъ оплачетъ
Мученія свои... И вотъ я жду.
А часъ возмездья близится, и даже
Пока мы рѣчь ведемъ, онъ ближе сталъ.
Но слышишь—то ревутъ собаки Ада,
Скорѣй, не медли, небо омрачилось,
Нахмурился во гнѣвѣ твой отецъ.

Меркурій. О, еслибъ можно было намъ избѣгнуть:
Тебѣ—страданій, мнѣ—постылой кары
Быть вѣстникомъ твоихъ скорбей. Отвѣть мнѣ,
Ты знаешь, сколько времени продлится
Владычество Юпитера?

Прометей. Одно лишь
Открыто мнѣ: оно должно пройти.

Меркурій. Увы, не можешь ты исчислить, сколько
Еще придетъ къ тебѣ жестокихъ мукъ!

Прометей. Пока царитъ Юпитеръ, будутъ пытки—
Не менѣе, не болѣе.

Меркурій. Помедли,
Мечтой въ нѣмую Вѣчность погрузись,
Туда, гдѣ все, что Время записало,
Все то, что можемъ въ мысляхъ мы увидѣть
Вѣка, загроможденные вѣками,
Лишь точкой представляются,—куда
Смущенный умъ идти не можетъ больше,—
Въ предѣлы, гдѣ, уставши отъ полета,
Онъ падаетъ и кружится во тьмѣ,
Потерянный, ослѣпшій, безпріютный,—
Быть можетъ даже тамъ ты счесть не сможешь
Всей бездны лѣтъ, которыя придутъ
Съ безсмѣннымъ рядомъ новыхъ-новыхъ пытокъ!

Прометей. Быть можетъ умъ безсиленъ счесть мученья,—
И все-жъ они проходятъ.

Меркурій. Еслибъ ты
Могъ жить среди боговъ, обвѣянъ нѣгой!

Прометей. Мнѣ лучше здѣсь,—висѣть въ ущельи мертвомъ,
Не вѣдая раскаянья.

Меркурій. Увы!
Дивлюсь тебѣ, и все-жъ тебя жалѣю.

Прометей. Жалѣй рабовъ Юпитера покорныхъ,
Снѣдаемыхъ презрѣніемъ къ себѣ,

Меня жалѣть нельзя, мой духъ спокоенъ,
Въ немъ ясный миръ царитъ, какъ въ солнцѣ—пламя.
Но что̀ слова! Зови скорѣй враговъ.
Іона. Сестра, взгляни, огнемъ бездымно-бѣлымъ
Разбило стволъ того густого кедра,
Окутаннаго снѣгомъ. Что за гнѣвъ
Звучитъ въ раскатахъ яростнаго грома!
Меркурій. Его словамъ, а также и твоимъ,
Я долженъ быть послушенъ. Какъ мнѣ трудно!
Пантея. Смотри, ты видишь, тамъ дитя небесъ
Бѣжитъ, скользитъ крылатыми ногами
По косвенной покатости Востока.
Іона. Сестра моя, сверни скорѣе крылья,
Закрой глаза: увидишь ихъ—умрешь:
Они идутъ, идутъ, рожденье дня
Несчетными крылами затемняя,
Какъ смерть, пустыми снизу.
1-я фурія. Прометей!
2-я фурія. Титанъ безсмертный!
3-я фурія. Другъ людского рода!
Прометей. Тотъ, кто здѣсь слышитъ этотъ страшный голосъ, —
Титанъ плѣненный, Прометей. А вы,
Чудовищныя формы,—что̀ вы, кто вы?
Еще ни разу Адъ, всегда кишащій
Уродствами, сюда не высылалъ
Такихъ кошмаровъ гнусныхъ, порожденныхъ
Умомъ Тирана, жаднымъ къ безобразью;
Смотря на эти мерзостныя тѣни,
Какъ будто бы я дѣлаюсь подобенъ
Тому, что созерцаю,—и смѣюсь,
И глазъ не отрываю, проникаясь
Чудовищнымъ сочувствіемъ.
1-я фурія. Мы—слуги
Обмановъ, пытокъ, страха, преступленья
Когтистаго и цѣпкаго; всегда,
Подобныя собакамъ исхудалымъ,
Что жадно гонятъ раненую лань,
Мы гонимся за всѣмъ, что плачетъ, бьется,
Живетъ и намъ дается на забаву,
Когда того захочетъ высшій царь.
Прометей. О, множество ужаснѣйшихъ созданій

Подъ именемъ однимъ! Я знаю васъ.
И гладь озеръ, и стонущее эхо
Знакомы съ шумомъ вашихъ темныхъ крылъ.
Но все-жъ зачѣмъ другой, кто васъ ужаснѣй,
Изъ бездны вызвалъ ваши легіоны?

2-я фурія. Не знаемъ. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

Прометей. Что̀ можетъ въ безобразьи ликовать?

2-я фурія. Влюбленные, взирая другъ на друга,
Отъ прелести восторга веселѣютъ:
Равно и мы. И какъ отъ яркихъ розъ
Воздушный свѣтъ струится, нѣжно-алый,
На блѣдное лицо склоненной жрицы,
Для празднества сплетающей вѣнокъ,
Такъ съ нашихъ жертвъ, съ ихъ мрачной агоніи,
Струится тѣнь и падаетъ на насъ,
Давая вмѣстѣ съ формой одѣянье,
А то бы мы безъ образа дышали,
Какъ наша мать, безформенная Ночь.

Прометей. Смѣюсь надъ вашей властію, надъ тѣмъ,
Кто васъ послалъ сюда для низкой цѣли.
Презрѣнныя! Исчерпайте всѣ пытки!

1-я фурія. Не думаешь ли ты, что мы начнемъ
Срывать отъ кости кость и нервъ отъ нерва?

Прометей. Моя стихія—боль, твоя—свирѣпость.
Терзайте. Что̀ мнѣ въ томъ!

2-я фурія. Да ты какъ будто
Узналъ, что мы всего лишь посмѣемся
Въ твои глаза, лишенные рѣсницъ!

Прометей. Что̀ дѣлаете вы, о томъ не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьемъ зла. О, какъ жестоко
То властное велѣніе, которымъ
Вы созданы, и все, что такъ же низко.

3-я фурія. Подумалъ ли о томъ, что мы способны
Тобою жить, въ тебѣ, черезъ тебя,
Одна, другая, третья, всей толпою,
И если омрачить не можемъ душу,
Горящую внутри,—мы сядемъ рядомъ,
Какъ праздная крикливая толпа,
Что портитъ ясность духа самыхъ мудрыхъ.
Въ твоемъ умѣ мы будемъ страшной думой,

Желаньемъ грязнымъ—въ сердцѣ изумленномъ,
И кровью въ лабиринтѣ жилъ твоихъ,
Ползущей жгучимъ ядомъ агоніи.

Прометей. Иначе быть не можете. А я
По-прежнему—владыка надъ собою
И роемъ пытокъ такъ же управляю,
Какъ вами—вашъ Юпитеръ.

Хоръ фурій. Отъ предѣловъ земли, отъ предѣловъ земли,
Гдѣ и Утро и Ночь полусумракъ сплели,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Вы, отъ возгласовъ чьихъ стонъ стоитъ на холмахъ,
Въ часъ, когда города разсыпаются въ прахъ,
Вы, что мчитесь межъ тучъ, разрушенье творя
И безкрылой стопой возмущая моря,
Вы, что гоните смерчъ, промелькнувшій вдали,
Чтобъ со смѣхомъ губить и топить корабли,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Бросьте сонныхъ мертвецовъ,
Тѣхъ, что дремлютъ сномъ вѣковъ;
Дайте отдыхъ лютой злобѣ,
Пусть до времени она
Спитъ, какъ въ тихомъ, черномъ гробѣ,—
Встанетъ свѣжей послѣ сна,—
Радость вашего возврата.
Бросьте юные умы,—
Въ нихъ дыханіе разврата
Вскормитъ бѣшенство чумы.
Пусть безумецъ тайну Ада
Не измѣритъ силой взгляда;
Новымъ ужасомъ смущенъ,
Пусть надъ нимъ помедлитъ сонъ.
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Мы бѣжимъ изъ мрачныхъ вратъ,
Сзади воетъ шумный Адъ,
Мы плывемъ,
Громъ усилилъ свой раскатъ,
Васъ на помощь мы зовемъ!

Іона. Сестра, я слышу грохотъ новыхъ крыльевъ.

Пантея. Оплоты скалъ дрожатъ отъ этихъ звуковъ,
Какъ чуткій воздухъ. Сонмы ихъ тѣней
Рождаютъ мракъ темнѣе черной ночи.

1-я фурія. Къ намъ домчался быстрый зовъ,
Насъ умчалъ среди вѣтровъ,
Съ красныхъ пажитей войны;
2-я фурія. Прочь отъ людныхъ городовъ;
3-я фурія. Гдѣ всѣ улицы полны
Стономъ тѣхъ, кто хочетъ ѣсть;
4-я фурія. Гдѣ всечастно льется кровь,
Гдѣ страдающихъ не счесть;
5-я фурія. Гдѣ пылаютъ вновь и вновь,
Въ яркомъ пламени печей,
Бѣлыхъ, жаркихъ—
Одна изъ фурій. Стой, молчи,
Вмигъ прервемъ потокъ рѣчей,
Не шепчи:
Если въ тайнѣ сохранимъ,
Въ чемъ—страшнѣйшая бѣда,
Непокорнаго тогда
Мы скорѣе побѣдимъ,
Мы его поработимъ,
А теперь, поборникъ мысли, онъ еще неукротимъ.
Фурія. Порви покровъ!
Другая фурія. Онъ порванъ, онъ разорванъ!
Хоръ. Встала, выросла бѣда!
Съ неба свѣтитъ на нее
Утра блѣдная звѣзда.
Чтȯ, спокойствіе свое
Позабылъ, Титанъ?
Ты падешь,
Не снесешь
Новыхъ ранъ!
Что-жъ, ты похвалишь то знанье, что въ душахъ людей пробудилъ?
Дать имъ сумѣлъ только жажду,—а чѣмъ же ты ихъ напоилъ?
Далъ имъ надежду, желанья, любви лихорадочный бредъ,
Вȯды ключей мелководныхъ,—безплодный вопросъ,—не отвѣтъ.
Видишь мертвыя поля,
Видишь, видишь, вся земля
Кровью залита.
Вотъ пришелъ одинъ, съ душой
Нѣжной, кроткой и святой;
Молвили уста
Тѣ слова, что будутъ жить

После смерти этихъ устъ,
Будутъ истину душить,
Будетъ міръ угрюмъ и пустъ.
Видишь, дальній небосклонъ
Дымомъ яростнымъ смущенъ:
Въ многолюдныхъ городахъ
Крикъ отчаянья и страхъ.
Плачетъ нѣжный духъ того,
Кто страдалъ отъ слезъ людскихъ:
Кроткимъ именемъ его
Губятъ тысячи другихъ.
Вотъ, взгляни еще, взгляни:
Гдѣ-жъ блестящіе огни?
Точно искрится свѣтлякъ,
Чуть смущая лѣтній мракъ.
Тлѣютъ угли,—вкругъ углей
Сонмъ испуганныхъ тѣней,
Всѣ глядятъ по сторонамъ.
Радость, радость, радость намъ!
Всѣ вѣка временъ прошедшихъ громоздятся вкругъ тебя,
Мракъ въ грядущемъ, всѣ столѣтья помнятъ только про себя,
Настоящее простерлось, какъ подушка изъ шиповъ,
Для тебя, Титанъ безсонный, для твоихъ надменныхъ сновъ

1-й полухоръ. Агонія верхъ взяла:
Онъ трепещетъ, онъ дрожитъ,
Съ поблѣднѣвшаго чела
Кровь мученія бѣжитъ.
Пусть немного отдохнетъ:
Вотъ, обманутый народъ
Отъ отчаянья возсталъ,
Полднемъ яркимъ заблисталъ,
Правды хочетъ, правды ждетъ,
Воли духъ его ведетъ,—
Всѣ какъ братья стали вновь,
Ихъ зоветъ дѣтьми Любовь—

2-й полухоръ. Стой, гляди, еще народъ,
Братъ на брата, всѣ на всѣхъ,
Жатву пышную сберетъ
Вмѣстѣ съ смертью черный грѣхъ:
Кровь, какъ новое вино,
Шумно бродитъ, заодно

Съ горькимъ страхомъ,—гибнетъ міръ,
Тлѣетъ, гаснетъ,—и тирановъ, и рабовъ зоветъ на пиръ.

(Всѣ фуріи исчезаютъ, кромѣ одной).

Іона. Сестра, ты слышишь, какъ благой Титанъ
Свободно стонетъ,—тихо, но ужасно,—
Какъ будто грудь его должна порваться:
Такъ бурный смерчъ взрываетъ глубь морей,
И стонутъ вдоль по берегу пещеры.
Быть можетъ, ты осмѣлишься взглянуть,
Какъ лютые враги его терзаютъ.
Пантея. Смотрѣла дважды,—больше не могу.
Іона. Что-жъ видѣла?
Пантея. Ужасное: прибитый
Къ кресту, печальный юноша, со взоромъ,
Исполненнымъ терпѣнья.
Іона. Что еще?
Пантея. Кругомъ—все небо, снизу—вся земля
Усѣяны толпой тѣней ужасныхъ,
Нѣмыхъ видѣній смерти человѣка,
Сплетенныхъ человѣческой рукой;
Иныя представляются созданьемъ
Людскихъ сердецъ: толпы людскія гибнутъ
Отъ одного движенья устъ и глазъ;
Еще другія бродятъ привидѣнья,
На нихъ взглянуть—и послѣ жить нельзя.
Не станемъ искушать сильнѣйшій ужасъ,
Къ чему смотрѣть, когда мы слышимъ стоны?
Фурія. Замѣть эмблему: кто выноситъ зло
За человѣка, кто гремитъ цѣпями,
Идетъ въ изгнанье,—тотъ лишь громоздитъ
И на себя и на него страданья
Все новыя и новыя.
Прометей. Смягчи
Мучительную боль очей горящихъ;
Пусть губы искаженныя сомкнутся;
Пускай съ чела, увитаго шипами,
Не льется кровь,—мѣшается она
Съ росою глазъ твоихъ! О, дай орбитамъ,
Которыя вращаются въ испугѣ,
Узнать недвижность смерти и покоя;

И пусть твоей угрюмой агоніей
Не будетъ сотрясаться этотъ крестъ,
И пальцы блѣдныхъ рукъ играть не будутъ
Запекшеюся кровью! Не хочу
Назвать тебя по имени. Ужасно!
Оно проклятьемъ стало. Вижу, вижу
Возвышенныхъ, и мудрыхъ, и правдивыхъ;
Твои рабы ихъ съ ненавистью гонятъ;
Иныхъ нечистой ложью отпугнули
Отъ очага ихъ собственныхъ сердецъ,
Оплаканнаго послѣ—слишкомъ поздно;
Иные цѣпью скованы съ тѣлами,
Гніющими въ темницахъ нездоровыхъ;
Иные—чу! Толпа хохочетъ дико!—
Прикованы надъ медленнымъ огнемъ.
И множество могучихъ царствъ проходитъ,-
Плывутъ у ногъ моихъ, какъ острова,
Изъ глубины исторгнутые съ корнемъ;
Ихъ жители—всѣ вмѣстѣ въ лужахъ крови,
Въ грязи, облитой заревомъ пожаровъ.

Фурія. Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;
Но худшее, неслышимо, незримо,
Сокрыто позади.

Прометей. Скажи!

Фурія. Въ душѣ
У каждаго, кто пережилъ погибель,
Рождается боязнь; высокій духомъ
Боится увидать, что вѣрно то,
О чемъ онъ даже мыслить не хотѣлъ бы;
Встаетъ обычай вмѣстѣ съ лицемѣрьемъ,
Какъ капища, гдѣ молятся тому,
Что совѣстью изношено. Не смѣя
О томъ, что людямъ нужно, размышлять
Они не сознаютъ, чего не смѣютъ.
У добраго нѣтъ власти, кромѣ той,
Что позволяетъ плакать безнадежно.
У сильныхъ нѣтъ того, что имъ нужнѣе,
Чѣмъ что-нибудь другое,—доброты.
Мудрецъ лишенъ любви, а тотъ, кто любитъ,
Не знаетъ свѣта мудрости,—и въ мірѣ
Все лучшее живетъ въ объятьяхъ зла.

Для многихъ, кто богатъ и власть имѣетъ,
Является мечтою справедливость,
А между тѣмъ среди скорбящихъ братьевъ
Они живутъ, какъ будто бы никто
Не чувствовалъ: не знаютъ, что творятъ.

Прометей. Твои слова—какъ туча змѣй крылатыхъ,
И все же я жалѣю тѣхъ, кого
Не мучаютъ они.

Фурія. Ты ихъ жалѣешь?
Нѣтъ больше словъ!

(*Исчезаетъ*).

Прометей. О, горе мнѣ! О, горе!
Всегда тоска! Навѣки ужасъ пытки!
Глаза мои, безъ слезъ, закрыты,—тщетно:
Въ душѣ, терзаньемъ жгучимъ озаренной,
Яснѣй лишь вижу всѣ твои дѣянья,
Утонченный Тиранъ! Въ могилѣ—миръ.
Въ могилѣ все скрывается благое,
Прекрасное, но я, какъ богъ, безсмертенъ,
И смерти не хочу искать. О, пусть,
Свирѣпый царь, ты страшно мстить умѣешь,—
Въ отмщеньи нѣтъ побѣды. Тѣ видѣнья,
Которыми ты мучаешь меня,
Моей душѣ терпѣнья прибавляютъ,
И часъ придетъ, и призраковъ не будетъ.

Пантея. Увы! Что̀ видѣлъ ты?

Прометей. Есть два мученья:
Одно—смотрѣть, другое—говорить;
Избавь меня отъ одного. И слушай:
Въ святилищахъ Природы внесены
Завѣтныя слова,—то кличъ безмолвный,
Къ высокому и свѣтлому зовущій.
На тотъ призывъ, какъ человѣкъ одинъ,
Сошлись народы, громко восклицая:
«Любовь, свобода, правда!» Вдругъ съ небесъ
Неистовство, какъ молнія, упало.
Въ толпу людей,—борьба, обманъ и страхъ,—
И вторгнулись тираны, раздѣляя
Добычу межъ собою. Такъ я видѣлъ
Тѣнь истины.

Земля. Возлюбленный мой сынъ,

Я чувствовала всѣ твои мученья
Съ той смѣшанною радостью, что въ сердцѣ
Встаетъ отъ чувства доблести и скорби.
Чтобъ дать тебѣ вздохнуть, я позвала
Прекрасныхъ легкихъ духовъ, чье жилище—
Въ пещерахъ человѣческихъ умовъ;
Какъ птицы рѣютъ крыльями по вѣтру,
Такъ эти духи носятся въ эѳирѣ;
За нашимъ царствомъ сумерекъ они,
Какъ въ зеркалѣ, грядущее провидятъ;
Они придутъ, чтобъ усладить тебя.

Пантея. О, сестра, посмотри, тамъ сбираются духи толпой,
Точно хлопья играющихъ тучекъ на утрѣ весны,
Наполняютъ просторъ голубой.

Іона. Посмотри, вонъ еще, какъ туманы среди тишины,
Что встаютъ съ родника, если вѣтры усталые спятъ,
И встаютъ, и спѣшатъ по оврагу скорѣй и скорѣй.
Слышишь? Что это? Музыка сосенъ? Вершины шумятъ?
Или озеро плещетъ? Иль шепчетъ ручей?

Пантея. Это что-то гораздо печальнѣй, гораздо нѣжнѣй.

Хоръ духовъ. Съ незапамятныхъ временъ
Мы не дремлемъ надъ толпой
Человѣческихъ племенъ,
Угнетаемыхъ судьбой.
Мы услада всѣхъ скорбей,
Мы защитники людей,
Мы печалимся о нихъ,
Дышемъ въ помыслахъ людскихъ,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ;—
Если тамъ сгустится тьма,
Если тамъ за лѣтнимъ днемъ
Встанетъ бурная зима;—
Или все опять свѣтло,
Словно въ часъ, когда рѣка—
Какъ недвижное стекло,
Гдѣ не таютъ облака;—
Легче вольныхъ рыбъ морскихъ,
Легче птицъ въ дыханьи бурь,
Легче помысловъ людскихъ,
Вѣчно мчащихся въ лазурь,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ

Мы какъ тучки вешнимъ днемъ,
Ищемъ молній и зарницъ,
Медлимъ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.
Мы для всѣхъ, кто твердъ въ борьбѣ,
Тотъ завѣтъ несемъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Іона. Еще, еще приходятъ другъ за другомъ,
И воздухъ, окружающій видѣнья,
Блистателенъ, какъ воздухъ вкругъ звѣзды.

Первый духъ. Прочь отъ яростной борьбы,
Гдѣ сошлись на зовъ трубы
Возмущенные рабы,
Я летѣлъ среди зыбей,
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй.
Все смѣшалось тамъ, какъ сонъ,
Тѣнь разорванныхъ знаменъ,
Тамъ глухой протяжный стонъ
Мчится въ меркнущую твердь:
«Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
Но одинъ побѣдный звукъ,
Выше мрака и могилъ,
Выше судорожныхъ рукъ,
Всюду двигался и жилъ,—
Нѣжно въ яростной борьбѣ
Тотъ завѣтъ звучалъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Второй духъ. За́мокъ радуги стоялъ,
Въ морѣ снизу бился валъ;
Побѣдительно могучъ,
Призракъ бури прочь бѣжалъ,
Между плѣнныхъ, между тучъ;
Жгучихъ молній яркій лучъ
Пополамъ ихъ раздѣлялъ.
Посмотрѣлъ я внизъ—и вотъ
Вижу, гибнетъ мощный флотъ,
Точно щепки—корабли,
Бьются, носятся вдали,
Вотъ ихъ волны погребли,—
Точно адъ кругомъ возсталъ,

Бѣлой пѣной заблисталъ.
Точно въ хрупкомъ челнокѣ,
Плылъ спасенный, на доскѣ,
Врагъ его не вдалекѣ,
Обезсилѣвъ, шелъ во тьму,—
Доску отдалъ онъ ему,
Самъ, смиряясь, утонулъ,
Но предъ смертію вздохнулъ,
Былъ тотъ вздохъ воздушнѣй грезъ,
Онъ меня сюда принесъ.

Третій духъ. У постели мудреца
Я, незримый, молча ждалъ.
Красный свѣтъ огня блисталъ
Возлѣ блѣднаго лица:
Книгу тотъ мудрецъ читалъ.
Вдругъ на пламенныхъ крылахъ
Началъ рѣять легкій Сонъ,
Я узналъ, что это онъ,
Тотъ же самый, что въ сердцахъ
Много лѣтъ назадъ зажегъ
Вдохновенье и печаль,
Ослѣпительный намекъ,
Тѣнь огня, что манитъ вдаль.
Онъ меня сюда увлекъ—
Быстро, быстро, точно взглядъ.
Прежде чѣмъ настанетъ день,
Долженъ онъ летѣть назадъ,
А не то сгустится тѣнь
Въ сонныхъ думахъ мудреца,
И, проснувшись, онъ весь день
Не прогонитъ эту тѣнь
Съ омраченнаго лица.

Четвертый духъ. У поэта на устахъ,
Какъ влюбленный, я дремалъ
Въ упоительныхъ мечтахъ.
Онъ едва-едва дышалъ.
Онъ не ищетъ нѣгъ земныхъ,
Знаетъ ласки устъ иныхъ,
Поцѣлуи красоты,
Что живетъ въ глуши мечты.
Любитъ онъ лелѣять взоръ,—

Не волнуясь, не ища,—
Блескомъ дремлющихъ озеръ,
Видомъ пчелъ въ цвѣтахъ плюща;
Онъ не знаетъ, что̀ предъ нимъ,
Занятъ помысломъ однимъ:
Изъ всего онъ создаетъ
Стройность дышащихъ тѣней,
Имъ дѣйствительность даетъ,
Что̀ прекраснѣй и полнѣй,
Чѣмъ живущій человѣкъ,
Долговѣчнѣй блѣдныхъ дней,
И живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.
Изъ видѣній тѣхъ одно
Сна разрушило звено,—
Я скорѣй умчался прочь,
Я хочу тебѣ помочь.

Іона. Ты видишь, два видѣнія сюда
От запада летятъ и отъ востока,
Созданія воздушныхъ высшихъ сферъ,
Какъ близнецы, какъ голуби, что мчатся
Къ родимому гнѣзду,—плывутъ, скользятъ,—
Ты слышишь звуки нѣжныхъ пѣснопѣній,
Плѣнительно-печальныхъ голосовъ,
Съ любовью въ нихъ отчаянье смѣшалось.

Пантея. Ты говоришь! Во мнѣ слова погасли.

Іона. Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Видишь,
Какъ свѣтятся измѣнчивыя крылья,
То облачно-пурпурныя, то вновь
Лазурныя и нѣжно-золотыя;
Улыбкой ихъ окрестный воздухъ дышетъ
И свѣтится, какъ въ пламени звѣзды.

Хоръ духовъ. Ты видѣлъ нѣжный ликъ Любви?

Пятый духъ. Летѣлъ я надъ пустыней,
Какъ облачко, спѣшилъ, скользилъ въ пространствѣ тверди синей;
И этотъ призракъ ускользалъ на крыльяхъ искрометныхъ,
Звѣзда—въ челѣ, восторгъ живой—въ движеньяхъ беззаботныхъ;
Куда ни ступитъ, вмигъ цвѣты воздушные блистаютъ,
Но я иду,—они за мной, блѣднѣя, увядаютъ.
Зіяла Гибель позади: безглавые герои,

Толпы безумныхъ мудрецовъ, страдальцевъ юныхъ рои
Сверкали въ сумракѣ ночномъ. Блуждалъ я въ безднѣ
зыбкой,
Пока твой взоръ, о, царь скорбей, не скрасилъ все улыбкой.

Шестой духъ. О, духъ родной! Отчаянье живетъ въ нездѣшней
мглѣ,
Не носится по воздуху, не ходитъ по землѣ,
Придетъ оно безъ шороха, и вѣяньемъ крыла
Навѣетъ упованія въ сердца, что выше зла,
И лживое спокойствіе отъ тѣхъ безшумныхъ крылъ
Въ сердцахъ, что дышутъ нѣжностью, смиряетъ страстный пылъ,
И музыка воздушная лелѣетъ ихъ тогда,
Баюкаетъ и шепчетъ имъ о счастьи навсегда,
Зовутъ они Любовь къ себѣ,—чудовище земли,—
Пробудятся и скорбь найдутъ въ лохмотьяхъ и въ пыли

Хоръ. Пусть съ любовью Скорбь—какъ тѣнь,
Пусть за ней и ночь, и день,
Гибель мчится по пятамъ,
Бѣлокрылый скачетъ конь,
Вѣстникъ Смерти, весь—огонь,
Смерть всему, цвѣтамъ, плодамъ,
Воплощенью красоты,
И уродливымъ чертамъ.
Пусть! Но часъ пробьетъ—и ты
Укротишь безумный бѣгъ.

Прометей. Вамъ открыто, что придетъ?

Хоръ. Если таетъ вешній снѣгъ,
Если стаялъ вешній ледъ,—
Опадаетъ старый листъ,
Мягкій вѣтеръ нѣжитъ слухъ,
Воздухъ ласковъ и душистъ,
И блуждающій пастухъ,
Торжествуя смерть зимы,
Ужъ предчувствуетъ и ждетъ,
Что шиповникъ зацвѣтетъ;—
Такъ и тамъ, гдѣ дышемъ мы,
Правда, мудрость и любовь,
Пробуждаясь къ жизни вновь,
Намъ, недремлющимъ въ борьбѣ,
Тотъ завѣтъ несутъ любя,

Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Іона. Куда же скрылись духи?

Пантея. Только чувство
Отъ нихъ осталось въ сердцѣ,—словно чары
Отъ музыки, въ тѣ свѣтлыя мгновенья,
Когда утихнетъ лютня, смолкнетъ голосъ,
Но отзвуки мелодіи нѣмой
Въ душѣ глубокой, чуткой, лабиринтной
Еще живутъ и будятъ долгій гулъ.

Прометей. Плѣнительны воздушныя видѣнья,
Но, чувствую, напрасны всѣ надежды,
Одна любовь вѣрна; и какъ далеко,
Ты, Азія, чье сердце предо мной,
Въ былые дни, открытое горѣло,
Какъ искристая чаша, принимая
Душистое и свѣтлое вино.
Все тихо, все мертво. Тяжелымъ гнетомъ
Виситъ надъ сердцемъ сумрачное утро;
И, еслибъ было мнѣ дано уснуть,
Мой смутный сонъ исполнился бъ тревогой.
О, какъ хотѣлъ бы я скорѣй свершить
Свое предназначенье—быть опорой,
Спасителемъ страдальца-человѣка;
А то—уснуть, безмолвно потонуть
Въ первичной безднѣ всѣхъ вещей,—въ пучинѣ,
Гдѣ нѣтъ ни сладкихъ нѣгъ, ни агоніи,
Гдѣ нѣтъ утѣхъ Земли и пытокъ Неба.

Пантея. А ты забылъ, что около тебя
Всю ночь, въ холодной мглѣ, тревожно дышетъ
Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда надъ ней тѣнь духа твоего
Наклонится съ заботливостью нѣжной.

Прометей. Я говорилъ, что всѣ надежды тщетны,
Одна любовь вѣрна: ты любишь.

Пантея. Правда!
Люблю глубоко. Но звѣзда разсвѣта
Блѣднѣетъ на востокѣ. Я иду.
Ждетъ Азія тамъ, въ Индіи далекой,
Среди долинъ изгнанья своего,—
Гдѣ раньше были дикіе утесы,

Подобные морозному ущелью,
Свидѣтели твоихъ безсмѣнныхъ пытокъ,
Теперь же дышутъ нѣжные цвѣты,
Вздыхаютъ травы, отклики лѣсные,
И звуки вѣтра, воздуха и водъ,
Присутствіемъ ея преображенныхъ,—
Всѣ чудныя созданія эѳира,
Которыя живутъ сліяньемъ тѣснымъ
Съ твоимъ дыханьемъ творческимъ. Прости!

К. Бальмонтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Николаевичъ Островскій.

(По моимъ воспоминаніямъ).

Если съ Большой Лубянской площади пойти по Солянкѣ, мимо Опекунскаго Совѣта, въ которомъ нѣкогда находилась въ закладѣ и перезалогѣ почти вся помѣщичья Россія, повернуть налѣво, то ударишься (какъ говорятъ въ Москвѣ) въ узкій переулокъ. Огибая церковь Іоанна Предтечи и дѣлая длинное и кривое колѣно, Серебряническій переулокъ приводитъ на поперечную улицу. Прямо противъ устья переулка стоялъ неказистый деревянный домъ, обычнаго московскаго пошиба. Обшитъ онъ былъ тесомъ и покрашенъ темной коричневою краской; размѣрами небольшой, въ пять оконъ. Смотря на него съ улицы, казался онъ одноэтажнымъ, такъ какъ второй этажъ глядѣлъ окнами на свой и сосѣдній дворъ. Домъ стоялъ па самомъ низу, у подошвы горки, и начиналъ собою рядъ другихъ домовъ такого же узенькаго, но на этотъ разъ прямого переулка, примыкающаго на верхушкѣ къ церкви Николы въ Воробинѣ.

Московскому городскому обществу на этомъ некрасивомъ домѣ, слѣдуя добрымъ обычаямъ петербургскаго, уже не доведется прибить доску съ надписью, напоминающею о томъ, что, въ честь родного слова и во славу отечественнаго искусства, здѣсь жилъ и работалъ Александръ Николаевичъ Островскій. «И ста запустѣніе на мѣстѣ святѣ»: домовое мѣсто прорѣзано теперь новымъ переулкомъ, носящимъ иностранное имя, вѣроятно, того фабриканта, который взгромоздилъ тутъ же на углу безобразное зданіе своего заведенія, а противъ него выстроились два дома, покрашенные голубою краской.

Какъ все въ Москвѣ дышетъ почтенной и внушительной стариной и еще многое до сихъ поръ живетъ ея остаточнымъ наслѣдіемъ, такъ и это мѣсто, куда привели насъ личныя благодарныя воспо-

минанія, не лишено историческаго значенія, хотя и въ малыхъ размѣрахъ.

Прямо передъ окнами дома А. Н. Островскаго разстилался обширный пустырь, принадлежащій народнымъ банямъ, изстари называвшимся «серебряными»,—и, вѣроятно, онѣ были первыми въ Москвѣ общими и торговыми, по крайней мѣрѣ упоминаніе о нихъ во владѣнныхъ старыхъ актахъ относится ко временамъ царя Алексѣя. Черезъ сто лѣтъ послѣ него и ровно за столько же до нашихъ дней какой-то заѣзжій иностранный художникъ остановился на нихъ, зарисовалъ, отгравировалъ и раскрасилъ, посвятивъ свою картину императору Павлу. Съ его соизволенія она дозволена была во всенародное обращеніе (о чемъ и напечатано внизу) и, какъ библіографическая рѣдкость, попадается въ двухъ варіантахъ. На обѣихъ изображенъ этотъ самый передбанный дворъ, въ томъ видѣ и обстановкѣ, когда общія бани, по самой сущности своего названія, дѣйствительно были общими, т.-е. мытье производилось въ нихъ японскимъ или вообще азіатскимъ обычаемъ, въ одномъ помѣщеніи и лицами обоего пола совмѣстно и одновременно. На одной (раскрашенной) гравюрѣ по направленію къ голымъ фигурамъ моющихся, степенно шествуетъ, съ пузатымъ главою впереди, купеческое семейство полнаго состава отъ мала до велика. На другой гравюрѣ (не иллюминованномъ экземплярѣ) группу красныхъ дѣвицъ, въ тѣлогрѣяхъ и косыночкахъ, сопровождаетъ такая же группа добрыхъ молодцевъ въ кучерскихъ шляпахъ. Надъ той и другой, на заднемъ планѣ, двое рабочихъ взгромоздились на вышку и накачиваютъ сюда, въ чанъ, ручнымъ рычагомъ воду изъ Яузы, занимающей добрую половину рисунка, — ту воду, которая и въ то время несомнѣнно не была пригодною. На самомъ заднемъ планѣ уже дымитъ фабричная труба и виднѣется самое зданіе фабрики, изготовляющей для мелкой рѣки густые, тяжелые и липкіе отбросы *).

Изъ оконъ второго этажа, который занималъ Александръ Николаевичъ въ 50 годахъ, и мы видали виды, которые также ушли въ преданіе: выскакивали изъ банной двери такія же откровенныя фигуры, какія изображены на павловскихъ гравюрахъ. Срывались онѣ, очевидно, прямо съ баннаго полка, потому что въ зимнее время валилъ съ нихъ паръ. Оторопѣло выскочивъ, онѣ начинали валять-

---

*) Лѣтъ 5—6 тому назадъ и самыя бани, за ветхостью, срыты съ лица земли и замѣщены жилыми постройками и дровянымъ складомъ, сдѣлавъ такимъ образомъ рѣдкую гравюру еще болѣе цѣнною въ глазахъ антикваріевъ. Только одинъ извозчикъ, старикъ, отъ цѣлой биржи, вызвался довезти насъ къ „серебрянымъ“ банямъ, прочіе уже этого мѣста не знали: такъ коротка стала память современной молодежи.

ся съ боку на бокъ въ глубокихъ сугробахъ снѣга, который, конечно, не сгребался. Затѣмъ опрометью же эти очумѣлые люди бросались назадъ въ баню и стремительно на полокъ доколачивать, ласково и ругательно въ перемежку обращаясь къ парильщику, горячими намыленными вѣниками бѣлое тѣло, въ прокъ и стальной закалъ «на предбудущее время». «Стомаха же ради и частыхъ недуговъ», для закрѣпы свѣжей стали въ надлежащую оправу, послѣ горячей и дешевой бани, имѣлся тутъ же и передъ окнами кабакъ: въ банные дни, не переставая, взвизгивала входная его дверь на блокѣ съ кирпичикомъ.

Предбанный пустырекъ и неказистый домъ нашего драматурга обезпеченъ былъ полицейской будкой, ушедшей также въ преданіе. Не столько охранялся онъ ею, сколько докучливо торчала она сама передъ глазами, единственно съ тою цѣлью, что такъ угодно было начальству. Будку эту съ подчаскомъ занималъ беззубый полицейскій стражъ Николай, сдѣлавшійся теперь (по крайней мѣрѣ лично для насъ) также въ своемъ родѣ лицомъ историческимъ, при всемъ ничтожествѣ его значенія для обывателей. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ этомъ тихомъ и удаленномъ уголкѣ широко раскинувшагося на семи холмахъ города. Подъ седьмымъ и послѣднимъ холмомъ и стояла эта послѣдняя будка съ остаточнымъ будочникомъ въ тяжелой сермяжной бронѣ и съ неуклюжей алебардой, не задолго до преобразованія московской полиціи.

Хотя и ходила еще по Москвѣ въ ней сложившаяся, но владѣющая всероссійскимъ глубокимъ значеніемъ, поговорка: «Мнѣ все ни почемъ, былъ бы будочникъ знакомъ», но Николай вовсе подъ нее не подходилъ. Этого мнѣнія слѣпо придерживался только дворникъ Александра Николаевича, Иванъ Михайловъ, и то лишь изъ личныхъ видовъ. Прямыя свои обязанности Николай исполнялъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе его сослуживцы, неисправно. Окольная сплетня говорила, что лишь только особому счастью обязанъ онъ сохраненіемъ если не жизни, то житья въ городской будкѣ въ ту страшную ночь, о которой рѣчь впереди. Не страшенъ онъ былъ обывателямъ, хотя также не могъ и не смѣлъ похвалиться передъ ними неподкупною совѣстью. На обычный ночной его окликъ: «Хто йдеть?» привычный обыватель либо ничего не отвѣчалъ, либо его же самого дерзко останавливалъ:

— Ну, что ты, братецъ, орешь на всю улицу,—всѣхъ ты только пугаешь понапрасну. Спалъ бы себѣ во всю носовую завертку.

Иной, впрочемъ, позволялъ себѣ дружелюбно вступать съ нимъ въ ласково-шутливый разговоръ:

— Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пѣтухомъ-то кричишь: али ужъ проснулся на счастье? Вотъ погоди ужо, — проѣдетъ Лужинъ (оберъ-полицеймейстеръ тѣхъ временъ), отберетъ у тебя топорище-то твое, — другое запоешь. Зададутъ тебѣ завтра «раздѣлюцію»... Давай-ка, однако, свѣженькаго-то твоего понюхать.

Угрожающій намекъ напоминаетъ недавнее событіе, долгое время занимавшее Москву и служившее предметомъ толковъ и пересудовъ всего первопрестольнаго города. Предмѣстникъ Лужина Цинскій, объѣзжая ночью полицейскіе посты, набралъ въ свои сани 12 алебардъ, стоявшихъ прислоненными къ будкамъ (живыхъ охранителей на лицо не оказалось). Набралъ бы онъ и больше, если бы позволяло мѣсто въ его саняхъ. Такая попечительность новаго главнѣйшаго оберегателя городского спокойствія и блюстителя благочинія явилась, дѣйствительно, историческимъ событіемъ такой особой важности и значенія, что его поспѣшили обезсмертить въ стихахъ. Аркадій Марковъ, извѣстный составитель дѣловыхъ письмовниковъ и поставщикъ многочисленныхъ переводовъ французскихъ романовъ Евг. Сю и Дюма-отца, для книжнаго издательскаго рынка на Никольской, написалъ, въ подражаніе извѣстной балладѣ Жуковскаго, довольно остроумную пародію «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», — поэму, вызвавшую неудовольствіе и сдѣлавшуюся запрещенною. Самъ авторъ искусно и ловко умѣлъ скрыться отъ преслѣдованій, оставивъ для историческихъ изслѣдователей имя свое полутемнымъ и спорнымъ. Безспорнымъ, однако, остается то, что въ разсчетѣ личной корысти, въ видахъ охраны собственной персоны, на всякій недобрый часъ и неудачный случай, Марковъ былъ на дружеской ногѣ со всѣми будочниками, зналъ всѣхъ по именамъ (но безъ отчествъ). Проходя мимо каждой будки въ ночное время, всегда интересовался, кто стоитъ на часахъ, и куда подѣвался товарищъ-подчасокъ и былъ очень доволенъ, когда получалъ въ отвѣтъ:

— Отпустилъ я его на всю ночь, до утра. Къ своей сударкѣ пошелъ.

Опросы этого рода иногда имѣли существенное значеніе для талантливаго, но потеряннаго Маркова, въ тѣхъ частыхъ случаяхъ его жизни, когда, налаживая въ переплетъ нетвердыя ноги, онъ не доходилъ на нихъ до квартирки у вдовой дьячихи-просвирни на монастырѣ церкви Трехъ Святителей, и ему неодолимо хотѣлось свободнаго мѣста: въ казенныхъ будкахъ Марковъ зачастую ночевывалъ добровольцемъ. И во всякомъ случаѣ мимо рѣдкой будки проходилъ онъ безъ того, чтобы, ради скрѣпленія дружбы и пріятнаго

компанства, не попросить понюхать даромъ или присыпать въ табакерку на мѣдный пятакъ свѣженькаго табачку-зеленчака. Всѣ будочники Москвы занимались въ тѣ времена изготовленіемъ въ ступкахъ и безакцизною продажею этого продукта, получая его большею частію въ подарокъ изъ сосѣдней лавки со шлеями и хомутами или прикупая на мѣдную гривну знаменитые нѣжинскіе корешки. Такъ поступалъ, вслѣдъ за другими, и этотъ Николай съ цѣлью розничной продажи въ подспорье къ жалованью, о размѣрѣ котораго въ настоящее время и сказать даже стыдно.

Невозможно затѣмъ понять и объяснить, чѣмъ обезпечивалась охрана жилища Алек. Ник. и для чего поставлена была противъ самыхъ оконъ его безобразная будка. Въ то время, впрочемъ, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ тѣмъ, что Николай существовалъ для одного лишь Ивана Михайлова. Всегда на-веселѣ и нерѣдко въ невмѣняемомъ состояніи, Михайлычъ явно показывалъ, съ кѣмъ дѣлилъ добрую долю своихъ удовольствій, праздничныхъ и будничныхъ утѣхъ. Все досужее время, котораго у него было въ избыткѣ (такъ какъ въ услугахъ его мало нуждались) дѣлилъ или у него въ конурѣ, или на-голо и открыто въ подручномъ питейномъ съ нимъ же. Оправляя себя, оправдывалъ онъ и своего друга.

— Иного жулика онъ и спугнетъ! Слышь, какъ стучитъ топорищемъ-то своимъ!

Несмотря однако же на это, Иванъ Михайловъ все-таки прикормилъ и приспособилъ ко двору сердитую собаку, по тогдашнему всеобщему московскому обычаю. Онъ въ то же время безмѣрно любилъ и ласкалъ комнатную породистую и чуткую «Гольку» (особой англійской породы собачку), которая до глубокой собачьей старости прожила въ этомъ не оберегаемомъ, но богохранимомъ домѣ.

Гостепріимный хозяинъ жилъ здѣсь въ простотѣ уединеннаго и неказоваго быта, подчиняясь всеобщимъ московскимъ обычаямъ, намѣренно не желая отъ нихъ отставать, какъ заповѣдныхъ и священныхъ для него, въ особенности какъ для кореннаго истинно-русскаго человѣка въ самомъ высшемъ значеніи этого великаго слова. Такъ, между прочимъ, когда онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ, у него туда не было проведено звонка. И въ этомъ онъ не отставалъ отъ сосѣдей.

Когда медленнымъ шагомъ и съ опасливой оглядкой «не наша» цивилизація, вмѣстѣ съ комфортомъ, пробиралась по стогнамъ богоспасаемаго града Москвы (вскорѣ послѣ крестьянской свободы), зацѣпляя, однако, и захолустныя Зацѣпы,—звонки начали проводить во дворы. Надо было повѣситься на ручкѣ у калитки любого

дома на Таганкѣ и въ Замоскворѣчьѣ, чтобы вызвать заспаннаго сторожа и, подъ защитою его, входить со двора мимо лохматой собаки. Она испуганно надрывалась отъ лая до перехватовъ въ горлѣ, а привязана была такимъ удобнымъ способомъ, чтобы всѣхъ входящихъ чужихъ возможно ей было хватать прямо за икры.

Удостоенные чести свободнаго входа въ открытыя двери, войдемъ сюда подъ радушный кровъ этого свѣтила нашей литературы въ то время, когда еще вокругъ него и въ немъ самомъ весело играла молодая жизнь,—войдемъ, и—

Съ благоговѣйною слезою
Благословимъ мы чтò прошло,
И передъ урной гробовою
Преклонимъ скорбное чело.

Дѣйствительно, особенная умилительная сердечная простота во взаимныхъ отношеніяхъ господствовала въ полной силѣ здѣсь, въ безискусственной обстановкѣ жизни нашего великаго писателя. Онъ въ коротенькой поддѣвочкѣ нараспашку, съ открытою грудью, въ туфляхъ, покуривая жуковскій табакъ изъ черешневаго чубука, съ ласковой и неизмѣнно-привѣтливой улыбкой встрѣчалъ всякаго, кто получилъ къ нему право входа. Требованія для того были скромны, но обусловлены твердо и рѣшительно, не по писанной инструкціи, а на основахъ обычнаго права: обязательно быть прежде всего русскимъ человѣкомъ и доказать свои услуги какой-либо изъ отраслей родного искусства, той или другой безразлично. Если давалось преимущество литературнымъ и театральнымъ дѣятелямъ, то это зависѣло отъ того, что самъ хозяинъ исключительно въ эту сторону обратилъ всю свою любовь и здѣсь же укрѣпилъ свои вѣрованія безраздѣльно и безповоротно.

Отрытое исповѣданіе этой твердой и непоколебимой вѣры въ силу и мощь народнаго духа онъ успѣлъ уже предъявить громогласно ко всенародному извѣстію,—и сталъ онъ посвященнымъ избранникомъ. Неразлучная съ вѣрой любовь къ отечественному искусству и родному слову, обаяніемъ своимъ, послужила притягательной силой,—и избранникъ сталъ во главѣ первенствующимъ. Неотложно объявились у него пособники и не замедлили вскорѣ затѣмъ явиться поклонники. Всякій принесъ свою посильную лепту, а при жертвахъ и на эти доброхотные вклады усилились и средства къ укрѣпленію самой вѣры и облегчилось поступательное движеніе по тернистому пути, къ открытой и ясно обозначившейся, сквозь полумракъ, желанной цѣли. Соединенныя усилія уже одни

обнадеживали успѣхомъ, несмотря на то, что дорога тянулась по рытвинамъ, черезъ груды наваленныхъ препонъ, и мосты черезъ рѣки были поломаны или совсѣмъ разрушены, и подъемы на горы либо запущены и заброшенными стали заростать, либо намѣренно были попорчены такъ, что не только ослабѣвала надежда на какую-либо побѣду, но не доставало и многихъ орудій, необходимыхъ и пригодныхъ для борьбы. У старорусскихъ богатырей на эти роковые случаи недобрыхъ встрѣчъ съ препонами припасено было вѣщее слово зарока—идти дорогою прямоѣзжею и твердо вѣровать, что все то не Божіимъ изволеніемъ, а по злому вражьему попущенію. Шли увѣренно впередъ, и эти новые, по завѣтамъ старыхъ, и вели борьбу неустанно, испытывая временами тяжелыя пораженія, но временами же освѣжаясь и укрѣпляясь сладкими плодами счастливыхъ побѣдъ. Когда же совсѣмъ разсвѣло, исчезъ ночной сумракъ и загорѣлось на небѣ яркое красное солнце, оказалось, что въ честной борьбѣ у этихъ путниковъ прибавилось силы. За великую любовь ихъ не только досталась побѣда съ одолѣніемъ, но и въ силу того, на законныхъ основаніяхъ, многое имъ было выдѣлено въ пріобрѣтеніе и приращеніе добровольно уступленнымъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ прямую награду за старые труды и дознанные подвиги. Какъ до этой поры закаляла въ мужество эта любовь къ родинѣ и страдающему меньшему брату, такъ теперь, когда и для этого наступили счастливые дни, старая любовь еще болѣе окрѣпла и, сдѣлавшись сознательною, повела къ новымъ побѣдамъ и пріобрѣтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь въ воспоминаніяхъ о прожитомъ и провѣряя свои давнія наблюденія надъ видѣннымъ, слышаннымъ и испытаннымъ, увѣренно приходишь къ заключенію, что единственно любовь къ народу руководила всѣми мыслями и дѣяніями того московскаго литературнаго кружка, которому посвящены эти строки. Живыми, какъ бы сейчасъ и наглядно дѣйствующими, являются усиленныя заботы и работы, дружныя и совмѣстныя, всего кружка, уже успѣвшаго оставить *Москвитянинъ* и возрости численностію отъ вновь примкнувшихъ добровольцевъ. На первомъ планѣ и на видномъ мѣстѣ стояла русская народная пѣсня. Она прежде всего и напрашивается на воспоминанія наши.

Русскія народныя пѣсни въ компаніи молодыхъ московскихъ писателей очень долгое время пользовались особымъ почетомъ. Хорошихъ, безъискусныхъ исполнителей, умѣвшихъ передавать ихъ голосомъ, безъ выкрутовъ и завитковъ, разыскивали всюду, не

гнушаясь грязныхъ, но шумливыхъ и веселыхъ, трактировъ и нисходя до погребковъ, гдѣ пристраивались добровольцы изъ мастеровъ пѣнія и виртуозовъ игры на инструментахъ. Здѣсь услаждали они издавна праздныхъ любителей изъ купечества.

— Дѣлай, дѣлай!—раздавались поощрительные возгласы загулявшихъ и разгулявшихся, отъ которыхъ, въ награду и поощреніе пѣвцовъ и музыкантовъ, слѣдовало угощеніе сладкими водками, денежныя награды, наконецъ, объятія и поцѣлуи.

— Выпьемъ еще плоскодонную рюмочку. Вѣдь, пьешь?

— Пью все, окромя купороснаго масла.

— Повторимъ по рюмочкѣ—для вѣрности глаза.

— Давай ему еще этого самаго, монплезиру.

— Наливай намъ разгонную и т. д.

Т. И. Филипповъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ Горбунову, вспоминаетъ о подобномъ веселомъ заведеніи у Каменнаго моста: «Николка рыжій—гитаристъ, Алексѣй съ торбаномъ: водку запивалъ квасомъ, потому что никакой закуски желудокъ уже не принималъ. А былъ артистъ и «венгерку» на торбанѣ игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню». Будучи самъ превосходнымъ исполнителемъ народныхъ пѣсенъ и въ то же время ученымъ изслѣдователемъ и знатокомъ отечественной поэзіи, онъ придавалъ своимъ выразительнымъ художественнымъ исполненіемъ высокую цѣнность всѣмъ этимъ перламъ родного творчества, отыскивалъ и пѣлъ наиболѣе типичныя или самыя рѣдкія, полузабытыя или совсѣмъ исчезающія изъ народнаго обращенія.

Вспоминая товарищескія сходки у Аполлона Григорьева, съ неподдѣльнымъ искреннимъ увлеченіемъ, Горбуновъ записалъ про себя на память: «за душу захватывала русская пѣсня въ натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходнемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича, сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ разсказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова».

Дѣйствительно, надо всѣми пѣвцами изяществомъ и точностью исполненія главенствовалъ Тертій Ивановичъ и былъ непобѣдимъ. Безплодно силились соперничать съ нимъ два земляка—друга: М. А. Стаховичъ и П. И. Якушкинъ, пристававшіе съ своими орловскими пѣснями, вѣрно передаваемыми по говору и мотивамъ. Первый, впрочемъ, восполнялъ недостатки въ пѣніи искусною игрою на гитарѣ и былъ неподражаемъ въ пляскѣ, а Якушкинъ, зная огромное количество пѣсенъ, напѣвы ихъ, своимъ крикливымъ раскатистымъ голосомъ, не умѣлъ передавать вѣрно, и очень многіе

путалъ. Самого А. Н. Островскаго г-жа Воронова засчитала въ пѣвца, свидѣтельствуя, что онъ недурно пѣлъ; она умѣла акомпанировать. У нея нашлись знакомые ему романсы, и онъ никогда не отказывался пѣть, когда его просили. «Мнѣ,—пишетъ г-жа Воронова,—никогда впослѣдствіи не приходило въ голову спросить у кого-нибудь изъ людей, близкихъ къ Островскому, что сдѣлалось съ его голосомъ и его пѣніемъ, но тогда мы имъ очень любовались». На этотъ вопросъ отвѣтъ простой: онъ пересталъ пѣть; по крайней мѣрѣ я, да и никто изъ ближайшихъ къ нему лицъ, ни разу не слыхалъ его пѣнія, потому ли, что спалъ съ голоса и огорчился до молчанія, или потому, что счелъ болѣе полезнымъ и безопаснымъ для себя уступить мѣсто лучшимъ и настоящимъ пѣвцамъ.

Въ числѣ послѣднихъ выдѣлялся, разысканный въ погребкѣ на Тверской (уголъ Университетскаго переулка), приказчикъ, торговавшій на отчетѣ;—М. Е. Соболевъ, ярославецъ родомъ, владѣвшій, что называется, серебрянымъ голосомъ: высокимъ, звучнымъ и чистымъ теноромъ, ловко и умѣло приноровленнымъ къ заунывнымъ деревенскимъ пѣснямъ. Стремился онъ, впрочемъ, доморощенымъ вкусомъ, къ чувствительнѣйшимъ романсамъ и аріямъ изъ оперъ по увлеченію знаменитымъ и несравненнымъ театральнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ. Впрочемъ, Соболевъ умѣлъ уловить только быстрый и разудалый переходъ отъ аріи въ Аскольдовой могилѣ къ пѣсенкѣ: «Чарочки по столику похаживаютъ». Въ пѣснѣ Торопки «Близко города Славянска» Соболевъ немного походилъ на Бантышева, въ исполненіи «Размолодчиковъ», «Не бѣлыхъ снѣговъ во чистомъ полѣ» и «Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь»—имѣлъ соперника только въ одномъ Т. И. Филипповѣ. Слушать его сходились и такіе мастера пѣнія, какъ старикъ цыганъ, родной братъ Матрены, восхищавшей Пушкина,—старикъ купеческой осанки, знавшій много старинныхъ былинъ (я со словъ его записалъ нигдѣ не напечатанную про Алешу Поповича прекрасную). А заходилъ онъ сюда, между прочимъ, выпить самодѣльной мадерцы бутылочку и закусить ее, на условной московскій вкусъ, либо мятнымъ пряничкомъ, либо винной ягодой. Видывали здѣсь и Ивана Васильева, извѣстнаго и въ Петербургѣ содержателя самаго лучшаго хора (въ страхѣ, смиреніи и цѣломудріи), почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка, который и въ компаніи Островскаго пользовался должнымъ вниманіемъ и любовью. Здѣсь же, въ погребкѣ, нерѣдко засѣдалъ театральный пѣвецъ Климовскій, пѣніемъ котораго одинъ любитель восхитился до того, что назначилъ ему ежегодную пенсію, и проч.

Во всякомъ случаѣ этотъ погребокъ Зайцева (по вывѣсочной надписи Zeizow) былъ своего рода клубомъ. Для посѣтителей изъ любителей пѣнія предоставлено было особое помѣщеніе наверху, надъ погребкомъ, въ видѣ довольно просторной залы. На сколько же не признавали его отдѣленіемъ кабачка доказалъ одинъ изъ посѣтителей, извѣстный художникъ, не задумавшійся нарисовать на стѣнѣ мастерски углемъ свой портретъ, который бережно потомъ охранялся, конечно, служа въ то же время и нѣкоторой рекламой.

Вскорѣ клубнымъ мѣстомъ пріятельскихъ свиданій сдѣлался, по завѣтному обычаю, общему всей Москвѣ, московскій трактиръ Гурина или лучше то его отдѣленіе, которое очень издавна называлось «Печкинской кофейной» и имѣло отдѣльные кабинеты. Покинутый Соболевъ впослѣдствіи, при случайной встрѣчѣ съ Горбуновымъ на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ, вспоминая со вздохами милое прошлое, своей теноровой фистулой, говорилъ:

— Меня, Ваничка, не поняли тогда: я все это свое дѣло и бросилъ.

Осталось неизвѣстнымъ, чего въ немъ не поняли и что̀ заставило его покинуть выгодную торговлю: то ли, что онъ большой талантъ, заслуживавшій лучшей участи и, вѣроятно, императорской сцены, или то, что̀ онъ хотѣлъ вплотную торговать, а къ нему ходили пѣть или всласть его самого слушать и приглашать его на домъ. Впрочемъ, эта претензія заднимъ числомъ—неосновательна: заслуги его указаны однимъ изъ посѣтителей въ нижеслѣдующемъ шутливомъ стихотвореніи, написанномъ для пріятелей и занесенномъ въ особый сборникъ, называвшійся «Суботникомъ».

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Садомѣ
Былъ великій съѣздъ.
    Трезвый и степенный
Собирался людъ:
Былъ тутъ Келль почтенный,
Максинъ и Шервудъ.
    Петя Безобразовъ,
И толстякъ Борисъ,
И Борисъ Алмазовъ:—
Всѣ перепились.
    Лонгиновъ Михайло
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ...
По-тихоньку пьетъ.

А Алмазовъ Борька
И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ.
Костя ключъ отъ шкафа
Часто вынималъ,
И издѣлья Яффа
Пилъ и одобрялъ.
Максинъ *) отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ,—
Спиртового лаку
Требовалъ стаканъ.
Михаилъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочь
Пѣснею своей.
И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ,
Между тѣмъ Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Увлеченіе кружка Островскаго или молодой редакціи *Москвитянина* русскою пѣсней, можетъ быть, имѣло прямымъ или косвеннымъ источникомъ движеніе въ эту сторону славянофиловъ, во главѣ съ П. В. Кирѣевскимъ, примыкавшихъ также своими симпатіями къ погодинскому журналу. Съ другой стороны, тѣмъ не менѣе, перлы народнаго творчества здѣсь получали живое художественное толкованіе. Пѣсня оживала не въ мертвыхъ записяхъ, а въ своихъ цѣльныхъ образахъ. Тутъ уже вовсе не требовалось сухихъ комментарій, которыми вскорѣ, по выходѣ въ свѣтъ сборника Кирѣевскаго, совершенно затемнили ея истинный, глубокій смыслъ, а ненужными и неумѣстными мудрствованіями умалили и ея высокую цѣнность. То же увлеченіе кружка производило и другія благотворныя вліянія и, между прочимъ, на творчество современныхъ поэтовъ. Наиболѣе талантливый изъ нихъ, примкнувшій

*) Актеръ—комикъ въ трагическихъ роляхъ, извѣстный болѣе тѣмъ, что игралъ тѣнь отца Гамлета и былъ неудачливъ въ роляхъ съ провалами. Извѣстно было всѣмъ, что, ложась въ постель на ночь, онъ ставилъ подъ кроватью полуштофъ водки, чтобъ имъ начинать свой вѣчно праздный день. Разъ, вмѣсто животворной влаги, по ошибкѣ, выпилъ лаку—и остался живъ. Костя Булгаковъ—знаменитый своими остроумными шалостями во время службы въ гвардіи, подъ покровительствомъ Великаго Князя Михаила Павловича,—друга его отца, московскаго почтъ-директора, къ которому присланъ былъ изъ Петербурга для исправленія въ поведеніи, но не исправился. Яффъ—извѣстный въ то время виноторговецъ въ Москвѣ и фабрикантъ винъ иностраннаго происхожденія. Мардарій—слуга.

нѣсколько позднѣе (бывшій въ то время инспекторомъ 2-й московской гимназіи на Разгуляѣ), Левъ Александровичъ Мей, успѣвшій создать прелестныя лирическія произведенія на восточные мотивы, и преимущественно еврейскіе, на библейскія темы, евангельскія событія и событія изъ римской жизни, рѣшительно перемѣнилъ строй своей лиры, перейдя на родную отечественную почву. Здѣсь онъ сразу нашелъ себѣ новые вдохновляющіе мотивы, которые до той поры были ему мало или вовсе неизвѣстны. Съ несомнѣнною искренностью, судя по силѣ выраженія и образовъ, въ своей превосходной *Запѣвкѣ:* «Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская, благовѣстная, побѣдная, раздольная, непогодою-невзгодою повитая, во крови, въ слезахъ крещеная-омытая»,—онъ показалъ, насколько была сильна его рѣшимость разорвать связи со старымъ и налаженнымъ и насколько было беззавѣтно и безповоротно отреченіе. Доказательства тому послѣдовательно являлись на лицо въ пѣсняхъ: о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (озаглавленной имъ *Спаситель*), про боярина Евпатія Коловрата, про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую, про Александра Невскаго и проч. и въ драмахъ *Царская невѣста* и *Псковитянка,* заставившихъ забыть его скучную и неудавшуюся *Сервилію* — драму изъ древней римской жизни. Переводы съ иностранныхъ языковъ (греческаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго) онъ началъ усиленно пополнять тою же, мастерскою по стиху и удачною по выбору, передачею стихотвореній славянскихъ поэтовъ: польскихъ—Мицкевича, Сырокомли, Одынца, Залѣсскаго, Ходзьки, Реута и украинскаго—Шевченки. Увлеченіе же пѣснями въ строгомъ народномъ смыслѣ, кромѣ пробы своей поэтической силы въ великорусскихъ народныхъ мотивахъ и на темы, взятыя изъ преданій и суевѣрій, Л. А. Мей, очевидно и съ большимъ успѣхомъ, обнаружилъ въ переводахъ народныхъ пѣсенъ прочихъ славянскихъ племенъ. Душѣ поэта стало теперь дорого и выраженіе богатырской самоувѣренности русскаго народа, столь образно выражавшейся въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (одинъ изъ наиболѣе удачныхъ переводовъ изъ существующихъ въ русской литературѣ), въ равной степени милы и цѣнны ему и меланхолическіе мотивы, подслушанные имъ въ народныхъ пѣсняхъ. Насколько прочувствовано Меемъ житье-бытье русской женщины, высказано имъ въ трехъ прелестныхъ пѣсенкахъ и въ той четвертой («Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ»), которая наиболѣе другихъ осталась у всѣхъ въ памяти вмѣстѣ съ *Русалкой* и *Вихремъ*. Въ послѣднемъ поэтъ показалъ изумительную виртуозность стиха, составляющую, впрочемъ, одну

изъ блестящихъ характерныхъ чертъ его поэтическаго таланта. Въ товарищескія бесѣды кружка Островскаго Мей, конечно, имѣлъ полную возможность внести извѣстную дозу эстетическихъ наслажденій, но несравненно меньшую тѣхъ, которыя доставлялись исполненіемъ несочиненныхъ и оглаженныхъ, а коренныхъ народныхъ пѣсенъ, принятыхъ непосредственно изъ устъ самого народа.

Во всякомъ случаѣ, на этомъ наглядномъ примѣрѣ поэта для насъ незабвеннымъ и знаменательнымъ представляется то явленіе, что если въ кружкѣ московскихъ друзей привольно было лишь кореннымъ русскимъ людямъ, то побывавшій здѣсь уходилъ и съ болѣе приподнятымъ челомъ, увѣренною и твердою поступью, какъ будто онъ на свое прирожденное званіе получилъ оформленный и засвидѣтельствованный патентъ.

Извѣстное право, какъ бы своего рода патентъ, требовалось, конечно, для того, чтобъ обратить на себя вниманіе кого-либо изъ членовъ кружка и быть сюда представленнымъ и затѣмъ допущеннымъ. Вспоминаю про эту молодежь, которая окружала А. Н. Островскаго, удачно была имъ подобрана, а между собою успѣла спѣться такъ, что умѣла подцвѣтить досужные часы работниковъ мысли и слова, когда они, для обмѣна мнѣніями и для развлеченій, собирались у Островскаго, у Григорьева, у Ев. Эдельсона. Братъ послѣдняго, Аркадій, представилъ своего товарища по рязанской гимназіи, Колюбакина. Этотъ прихватилъ съ собою Мальцева, и т. д. Образовалась, такимъ образомъ, небольшая компанія живой и веселой молодежи, въ составѣ 4—5 человѣкъ, прозванная шутливымъ именемъ «оглашенныхъ». Бродяжною или праздною она не была: либо училась, либо служила и, привлеченная притягательною силой литературнаго свѣтила, составилась изъ самыхъ усердныхъ и горячихъ его поклонниковъ. Благодарная за допускъ и счастливая исключительностью своего положенія, она, въ свою очередь и въ мѣру наличныхъ силъ и способностей, желала и умѣла послужить кружку избранныхъ хотя бы веселостью, вообще неразлучною съ молодостью, но этимъ отпущенною въ избыткѣ. Самъ хозяинъ добродушно и искренно увлекался шаловливыми, остроумными и находчивыми шутками Мальцева; заливался дѣтскимъ визгливымъ хохоткомъ своимъ смѣшливый Писемскій; приходилъ въ обычный восторгъ, проявлявшійся громкимъ откровеннымъ смѣхомъ, легко увлекавшійся Ап. Григорьевъ. Подхваченные здѣсь пѣсенки и романсы выносились въ нашу студенческую семью, гдѣ и распѣвались тѣ изъ нихъ, какъ наприм. «Спи, моя Яцента», которые наиболѣе отвѣчали молодому настроенію и рѣзвому задору.

Живой и всегда неизмѣнно веселый, съ явнымъ оттѣнкомъ беззаботнаго характера и открытой души, «Костя» Мальцевъ необычайною подвижностью нервной природы успѣлъ выдѣлиться впереди всѣхъ прочихъ. Онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣлъ представить сцену молящейся старухи. Стоило ему лишь накинуть на свою курчавую голову носовой платокъ, подвязавъ его подъ подбородкомъ, вытянуть этотъ подбородокъ, измять морщинами свое красивое лицо съ правильными чертами,—и подобіе 70-ти лѣтней шепелявой и беззубой старухи было изумительно и по сходству, и по быстротѣ превращенія. Она расположилась молиться усердно, накладывая широкіе кресты на лобъ и плечи, но вдругъ и неожиданно привязалась чужая и злая собака. Старуха молится, собака теребитъ ее за подолъ и намѣревается укусить за ногу. Одна лаетъ, другая ворчитъ на нее и отмахивается, не забывая, въ то же время, шепелявить молитвенныя слова. Собака, наконецъ, добилась своего—укусила, старуха своего—больно ударила ногой въ морду. Въ одно время и собака визжитъ отъ боли, и старуха отъ той же причины вскрикиваетъ. И вой, и крикъ, перемежаясь, сливаются, пока не оставитъ изумительный артистъ мѣста представленія и не удалится, прихрамывая. Еще забавнѣе была эта же сцена, когда она разыгрывалась вдвоемъ съ Колюбакинымъ, но вызывала гомерическій смѣхъ ихъ же обоихъ сцена, представляющая стадо, которое гонитъ пастухъ съ поля и животныя, большія и малыя, съ изумительнымъ сходствомъ, подавали свои голоса. Въ москворѣцкой банѣ у Каменнаго моста, шустрый Костя, вбѣгая въ раздѣвальную, разъ заржалъ жеребенкомъ. Банщикъ Иванъ Мироничъ Антоновъ, маленькій ростомъ, говорившій фальцетомъ и отборными книжными словами, на шалость Мальцева замѣтилъ тѣмъ выраженіемъ, которымъ воспользовался Ал. Ник. въ одной изъ своихъ комедій: «малодушествомъ занимается».

На помощь Мальцеву являлись либо И. Е. Турчаниновъ, либо «Межевой», либо иные досужіе и умѣлые разсказчики. Первый—Иванъ Егорычъ—числился въ драматической труппѣ Малаго театра, неизмѣнный и постоянный спутникъ Островскаго, сблизившійся съ нимъ и пріятный ему на одной общей страсти. Оба были страстные и замѣчательные рыболовы, особенно въ мудреномъ способѣ лова на удочку, для чего уѣзжали они на знаменитые карасями пруды подмосковныхъ селъ Коломенскаго и Царицына. Ив. Ег. придумалъ изображать на своемъ лицѣ и всей фигурой старую истасканную енотовую шубу. Нѣкто весельчакъ и чудакъ, служившій землемѣромъ, а въ компаніи извѣстный подъ

названіемъ «межевого» и «Николая послѣдняго», охотно во всякое время уморительно представлялъ утку и т. д. *). Мелкіе разсказы и забавныя сцены не переставали чередоваться одна за другою, въ перегонку и соревнованіе, пока не занялъ въ ней мѣсто Ив. Ѳед. Горбуновъ, заставившій всѣхъ прочихъ или стушеваться, или совсѣмъ замолкнуть. Осталось имъ перенимать его сцены, съ большею или меньшею удачею ему подражать и, во всякомъ случаѣ, распространять о немъ молву и помогать укрѣпленію его славы. Какъ компетентные (отчасти) судьи, эти его предмѣстники были первыми его пріятелями и восторженными поклонниками. Мальцевъ, наприм., вскорѣ покинулъ старуху, какъ только Горбуновъ воспользовался тою же природною подвижностью своихъ лицевыхъ мускуловъ и успѣлъ создать классическаго и неумирающаго генерала Дитятина **). Колюбакина, богато одареннаго отъ природы разнороднымъ дарованіемъ и обѣщавшаго сдѣлаться серьезнымъ артистомъ комикомъ, въ компаніи веселой молодежи Горбуновъ уже не нашелъ. Живы были о немъ разсказы и памятной осталась мимоходная легкая замѣтка Алекс. Ник., въ шутливой формѣ вызванная случайнымъ совпаденіемъ: университетскіе студенты Колюбакинъ и Мальцевъ были рязанцами. Это дало поводъ Островскому, задумавшему тогда своего *Минина* и занимавшемуся разборомъ старыхъ историческихъ актовъ, сдѣлать бытовую справку:

— Эти рязанцы по природѣ уже таковы, что, какъ нѣмцы, безъ штуки и съ лавки не свалятся. Вѣдь, вотъ нашъ костромичъ Сусанинъ не шумѣлъ: выбралъ время къ ночи, завелъ враговъ въ самую лѣсную глушь. Тамъ и погибъ съ ними безъ вѣсти, да такъ, что до сихъ поръ историки не кончили еще спора о томъ, суще-

*) Это былъ Николай Ягужинскій, доброхотно пристроившій себя въ безсмѣнные ординарцы Ал. Ник. Будучи человѣкомъ весьма неглупымъ, очень любилъ выпить и служилъ предметомъ постоянныхъ шутокъ всего кружка. Особенно забавенъ онъ былъ, когда приступалъ къ выпивкѣ, какъ бы какому священному дѣйствію: любовался хмѣльной влагой, прикидывая на свѣтъ, гладилъ съ ласковыми приговорами стеклянную посуду и проч. Онъ залился горькими искренними слезами, когда, ради шутки, одинъ изъ свидѣтелей этой забавной игры, притворившійся спящимъ, подмѣнилъ водку водой.

**) Сохранился портретъ его въ этомъ видѣ. Подъ форменной каской измятое морщинами (безъ всякой гримировки и иныхъ искусственныхъ средствъ) сурово смотритъ лицо этого добродушнаго, болтливаго и находчиваго въ отвѣтахъ на самые неожиданные, странные, иногда и глупые нерѣдко, вопросы. Этого сподвижника 12-го года, къ слову сказать, Горбуновъ, замѣчательный каллиграфъ и рисовальщикъ, умѣлъ прекрасно зарисовывать своимъ бойкимъ карандашомъ. Портретъ снятъ въ Саратовѣ извѣстнымъ въ свое время по Волгѣ фотографомъ Муренко. Садовскій, наприм., въ своихъ письмахъ къ Горбунову обращался всегда съ титуломъ превосходительства, и проч.

ствовалъ ли еще онъ въ самомъ-то дѣлѣ на бѣломъ свѣтѣ. А Прокопью Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: и вовсе въ этой штукѣ не было нужды. Актерская жилка у всѣхъ рязанцевъ прирожденная (и онъ перечислилъ достаточное число извѣстныхъ лицъ). Надо же, вѣдь, случиться тому, что и Садовскій родился рязанцемъ.

«Ванечку» Колюбакина природа наградила щедрою рукой, заботливо снабдивъ разнообразными способностями и задатками. При высокомъ, 9-ти вершковъ, ростѣ онъ сложенъ былъ въ богатыря и владѣлъ замѣчательною силой: онъ легко поднималъ 18 пудовъ, носилъ на себѣ 26 пудовъ, и на рукахъ его не было никакой возможности ущипнуть натянутую на стальныхъ мускулахъ кожу. Вообще сложенъ онъ былъ какъ античная фигура Геркулеса. Когда ему нужно было отправиться на знакомство съ Островскимъ, во всей Ножовой линіи Гостинаго двора мы не могли найти готовыхъ сапоговъ, и тѣ, которые предложилъ намъ торговецъ съ увѣреніемъ, что войдутъ даже на ноги «Минину-Пожарскому», нашему богатырю оказались узкими. Благодаря этимъ внѣшнимъ качествамъ, онъ тотчасъ выдѣлился изъ толпы сверстниковъ и университетскихъ товарищей далеко до конца перваго полугодія по поступленіи на первый курсъ медицинскаго факультета. Хотя слава ему предшествовала, но наглядныя доказательства не замедлили ее подкрѣпить, когда въ той залѣ знаменитой студенческой Британіи, гдѣ тогдашняя новость машина-оркестріонъ наигрывала «Вотъ на пути село большое», а студенты, собравшіеся пить чай, подпѣвали,—Колюбакинъ побѣдилъ полового Семена, прозваннаго «крѣпкорукимъ». Сидя на полу и ухватившись за желѣзную кочергу съ цѣлью испытанія кто кого перетянетъ, Ванечка, въ виду толпы собравшихся на зрѣлище, свободно приподнялъ соперника съ полу и, какъ легкій куль, перекинулъ его черезъ себя, сдержалъ на рукахъ и объ полъ не шлепнулъ. Опытъ повторенъ былъ съ равнымъ успѣхомъ три раза, въ виду возникавшихъ споровъ и по требованію эксперта. Этотъ случайный и посторонній посѣтитель, подойдя къ побѣдителю, крѣпко пожалъ его руку, назвавъ его своимъ старшимъ братомъ. Оказалось, что это былъ тоже извѣстный силачъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, память о которомъ еще очень свѣжа была въ университетѣ, и, оказывается, была непрерывною и преемственною, нисходя отъ Дахредена до И. В. Павлова.

Намъ, дружившимъ съ Колюбакинымъ, ближе всѣхъ другихъ извѣстна была его голубиная кротость и та обычная силачамъ сдер-

жанность и увѣренность въ себѣ, которыя останавливали его отъ всякаго порыва къ проявленію мускульной мощи. Доброта его доходила до евангельской заповѣди, и онъ буквально и не одинъ разъ исполнялъ ту, которая повелѣваетъ отдать ближнему своему рубаху. И самъ онъ въ настоящемъ народномъ смыслѣ былъ дѣйствительно «рубахой»: и веселъ, и беззаботенъ, и расточителенъ даже въ скудныхъ своихъ средствахъ, и простъ, и легокъ па товарищескія сближенія. Когда мы, по пыльнымъ шоссейнымъ дорогамъ, изъ всѣхъ 9-ти губернскихъ гимназій Московскаго учебнаго округа, подъ шлагбаумами всѣхъ четырнадцати городскихъ заставъ, съѣхались въ Москву ради университета, въ Сандуновскихъ баняхъ произошла наша встрѣча. Когда, послѣ одѣванья, сосѣди по диванамъ оказались въ вицмундирахъ съ голубыми воротниками, тотчасъ же и наладился разговоръ.

— Давайте, господа, познакомимся: мы вотъ рязанцы, — сказалъ Колюбакинъ.

— А мы костромичи.

— Зайдемте къ намъ чайку попить, табачку покурить. Впрочемъ, къ кому ближе?

Квартира рязанцевъ оказалась ближе.

Казинъ притащилъ отъ хозяйки нечищенный самоваръ, снялъ съ лѣвой ноги сапогъ и началъ имъ раздувать непрогорѣлые уголья. Мы сбѣгали за калачами и сайкой, прихвативъ попутно четвертку жуковскаго табаку, потому что папиросы только что начинали входить въ употребленіе и были пока доступны состоятельнымъ людямъ, продавались съ деревянными мундштучками. Мы стояли на рубежѣ перелома стараго пріема куренья на новый и наканунѣ перехода Москвы съ ассигнаціоннаго или мѣднаго рубля на серебряный. Стали пить чай: Нестеровъ заигралъ на гитарѣ, Колюбакинъ подпѣвалъ ему свѣтлымъ, чистымъ, замѣчательно-пріятнымъ басомъ. Въ хозяйствѣ рязанцевъ оказалась одна трубка съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и стамбулкой, прокуренной, однако, до видимыхъ слезъ и слышнаго вопля. Курили всѣ, и трубка была пущена въ круговую: одинъ докуритъ и выколотитъ, другой набьетъ. Захаровъ наблюдаетъ очередь, чтобъ увлекшійся не задерживалъ трубки свыше опредѣленнаго времени и она успѣла бы всѣхъ обойти прежде, чѣмъ тоскливо не скажетъ, что она уже вся, — надо набивать новымъ табакомъ. Была тогда въ студенческомъ кругу мода на дроздовку (она же и рябиновка): достали въ складчину и ее, — по гривеннику съ брата. Она требовала откровенности и еще больше упростила товарищескія отношенія. Колюбакинъ сразу оттѣнился

тѣмъ, что его гимназическіе товарищи обращались къ нему съ самою нѣжною заботливостью, любовно стараясь передъ новыми знакомыми выставить его впередъ и показать намъ его выдающіяся способности. Оказалось вообще, что рязанцы гораздо развитѣе насъ, костромичей: и открыли намъ свободно и услужливо множество такихъ убѣжденій и вѣрованій, о которыхъ мы не имѣли понятія или запуганно не смѣли думать. Сдѣлалъ это для нихъ одинъ человѣкъ (Крастелевъ, учитель русскаго языка), помимо воли начальства, которое оказалось такимъ же строгимъ, какъ и наше.

Расщедрившаяся на дары свои природа, капризно избравшая нашего друга въ любимцы, дала ему способность превосходно рисовать, изумительно схватывая портретное сходство лицъ съ каррикатурнымъ оттѣнкомъ всегда остроумнаго свойства. Такого рода изображеніе бывшаго въ наше время инспектора студентовъ Ивана Абрамовича Шпейера, изъ моряковъ, толстаго, неуклюжаго, гладко, подъ гребенку, выстриженнаго, причемъ короткіе волосы торчали щетиной, а изъ-подъ очковъ на обрюзгломъ лицѣ глядѣли сердитые, недобрые глаза,—Колюбакинъ изобразилъ во всей прелести изумительнаго сходства до смѣшного. Б. Н. Алмазовъ не удержался отъ того, чтобы не скрѣпить точность изображенія собственноручнымъ свидѣтельствомъ. Онъ написалъ подъ портретомъ (а мы его наклеили надъ входною дверью квартиры нелюбимаго нами инспектора) слѣдующее двустишіе:

Се Шпейеръ, се Омаръ, се бегемотовъ внукъ,
Оберегающій Россію отъ наукъ.

Не задолго передъ тѣмъ И. С. Тургеневъ, во время посѣщенія вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ университетскаго диспута, при видѣ Шпейера, пожелалъ узнать, кто это такой, и замѣтилъ:

— Увѣряю васъ, что кто-то изъ предковъ, даже, вѣроятно, не дальше, какъ его дѣдъ, принадлежалъ къ породѣ бегемотовъ.

Мнѣ до сихъ поръ не удалось забыть того неистоваго бегемотскаго рева, которымъ разразился Шпейеръ утромъ, въ столовой казенныхъ студентовъ, послѣ того, какъ познакомился онъ съ надписью подъ портретомъ, вернувшись изъ клуба.

Не малое наслажденіе доставляли намъ неслыханные комическіе разсказы собственнаго сочиненія Колюбакина, которые потомъ высоко оцѣнены были компаніей Островскаго. Особенное же удовольствіе испытывали мы отъ его прелестнаго голоса. А насколько мы этимъ не увлекались, вотъ и ясное доказательство. Проходимъ однажды мимо церкви Сергія въ Пушкаряхъ, куда собирался народъ

поглазѣть на купеческую свадьбу. Протолкались и мы въ церковь, въ самый передъ. Переговоривъ съ дьячкомъ и принявъ благословеніе священника, Колюбакинъ уже стоялъ слѣва впереди аналоя и держалъ передъ собою поднятую по общимъ пріемамъ книгу «Апостолъ», придерживая пальцемъ то мѣсто, гдѣ ему надо было читать. Когда кончилось вѣнчаніе и мы двинулись къ выходу, сѣденькій старичокъ придержалъ нашего «Ванечку» за капюшонъ шинели и говорилъ:

— Ивану Антоновичу и въ молодыхъ его лѣтахъ ни въ жисть такъ бы не сдѣлать, какъ вышло у васъ, милостивый государь! Очень вамъ за все это благодарны: прочитали и чувствительно, и великатно, безъ крику. Позвольте вамъ поклониться «лобанчикомъ».

И совалъ Колюбакину въ руку французскій золотой съ изображеніемъ головы. Монета, конечно, заготовлена имъ была для игры среди прочихъ свадебныхъ забавъ и утѣхъ,—для игры въ трынку (въ «три листка», она же и «подкаретная»). Уподобленіе же чтенія Апостола относилось къ тогдашнему протодьякону митрополита Филарета, докрикивавшему уже послѣднія свои могучія басовыя ноты.

Еще лучше и, можно смѣло сказать, съ художественнымъ мастерствомъ читалъ Колюбакинъ гоголевскія комедіи, въ особенности *Тяжбу*: самъ Садовскій отдавалъ ему преимущество передъ своимъ чтеніемъ, и съ этимъ согласны были всѣ прочіе. Такое-то мастерство, на несказанную радость и гордость нашу, заявленное нашимъ другомъ, между прочимъ, по дошедшимъ слухамъ, заинтересовало Островскаго. Привелъ къ нему милаго и любимаго товарища Арк. Эдельсонъ, а чрезъ него уже устроилась и первая наша встрѣча съ знаменитымъ писателемъ. Не для отвѣтнаго визита, а уже прямо съ цѣлью готоваго отозваться на зовъ человѣка, который пришелся по душѣ, и еще лишній разъ полюбоваться имъ въ его товарищеской семьѣ, Александръ Николаевичъ Островскій пришелъ втроемъ къ намъ на чердачокъ, на Спиридоновку.

Посмотрѣть на его ясныя очи мы настроились торжественно и радостно, не вполнѣ довѣряясь сбывчивости событія, и нервно, хлопотливо и суетливо готовились къ его возможной встрѣчѣ. Вымели комнатку, прибрали постели, побрились, вычистили самоваръ, собрали цѣлый капиталъ суммою свыше пяти рублей на угощеніе, въ которомъ къ бутылкѣ дроздовки прибавлена была еще бутылка мадеры. Думали было на оставшуюся сдачу купить монашенокъ и покурить ими, но Колюбакинъ отклонилъ: дорогой гость самъ курилъ жуковскій табакъ и, помнится, носилъ его при себѣ въ кисетѣ.

Давно уже мы бѣгали по трактирамъ съ исключительною цѣлью добиться книжки *Москвитянина*, гдѣ была напечатана комедія *Свои люди сочтемся*. Ни протекція половыхъ Семена и Кузьмы, ни переходъ въ Московскій желѣзный трактиръ, гдѣ также выписывались всѣ журналы, не помогли нашей неутомимой жаждѣ. Понапрасну мы съѣли много пироговъ въ 25 к. ас. и выпили нѣсколько паръ чаю, пока добились книжки для прочтенія второпяхъ, такъ какъ настороженные половые стояли, что называется, надъ душой, выжидая, когда отложена будетъ книжка въ сторону, схватить и унести ее къ болѣе почетному и уважаемому посѣтителю. Насладившись торопливымъ чтеніемъ, мы какъ будто совсѣмъ не читали, узнали ее совершенно вновь, когда Колюбакинъ принесъ отъ Евг. Ник. Эдельсона эту комедію и своимъ мастерскимъ чтеніемъ протолковалъ ее намъ во всю художественную силу въ рельефно выраженныхъ красотахъ ея. Мы уже давно знали, что Гоголь умеръ для творчества, и не разъ бѣгали взглянуть на него еще живого, ожидая, когда онъ изъ воротъ дома Талызина выходилъ на Никитскій бульваръ для прогулки. Здѣсь онъ жилъ подъ дружескимъ попеченіемъ, окруженный ласкою и любовью извѣстныхъ своею христіанскою жизнью супруговъ: графа Александра Петровича Толстого и графини, жены его, Анны Ѳедоровны *). До насъ уже дошелъ слухъ о томъ, что Островскій у Погодина читалъ ему свою комедію, что Гоголь опоздалъ противъ назначеннаго имъ срока, пришелъ, когда уже началось чтеніе; пробылъ до конца чтенія и, на вопросъ хозяина, отозвался о пьесѣ одобрительно, но къ Алек. Ник. не подходилъ и не изъявлялъ желанія съ нимъ познакомиться. Похвальный отзывъ Гоголя, написанный на клочкѣ бумаги карандашомъ, переданъ былъ Погодинымъ А. Н. Островскому и сохранялся имъ, какъ драгоцѣнность, конечно, въ томъ же убѣжденіи, какое высказалъ тому же Гоголю въ письмѣ своемъ В. Г. Бѣлинскій: «Я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ».

На покинутое Гоголемъ добровольно и вакантное мѣсто выступилъ достойный послѣдователь и прямой наслѣдникъ его, съ выработаннымъ новымъ взглядомъ на русскую жизнь и русскаго человѣка съ особеннымъ преимуществомъ знатока великорусскаго

*) Извѣстно, что Ал. Петр. былъ тверскимъ губернаторомъ, а потомъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода.

народнаго быта и его несомнѣнно вѣрныхъ и до тонкости изученныхъ національныхъ свойствъ, а въ особенности отечественнаго языка въ изумительномъ совершенствѣ.

Передъ нами въявѣ уже объявилось новое, вспыхнувшее яркимъ блескомъ свѣтило, и съ трепетнымъ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли мы на него, всматривались во всѣ черты его умнаго лица, прислушивались къ звукамъ его голоса, который казался намъ музыкально-мелодичнымъ, и ловили каждое слово. Изумлены были въ то же время его простымъ товарищескимъ отношеніемъ къ Колюбакину и ласковымъ, прислушливымъ и внимательнымъ обращеніемъ съ нами. И, помнится, всѣмъ этимъ были даже нѣсколько недовольны: не того мы ждали, не то рисовало намъ прислужливое воображеніе, забѣжавшее впередъ. Словно надо было бы какъ-нибудь повеличественнѣе и повнушительнѣе: вѣдь, уже избранникъ, вѣдь, уже лежитъ на широкомъ и открытомъ челѣ его печать безсмертія. И какіе мы счастливые передъ прочими товарищами, тоже своего рода избранные, малые избранные, которымъ однако же многіе позавидуютъ изъ бѣгавшихъ вмѣстѣ съ нами смотрѣть на Гоголя. Позавидуютъ намъ въ особенности Николаевъ, знавшій наизусть письма Герцена объ изученіи природы, и Глазковъ, также безподобно читавшій *Мертвыя души* съ артистическимъ оттѣнкомъ, признаннымъ всѣми, и Сапчаковъ, который велъ постоянные, доходившіе иногда до дерзкихъ выходокъ, споры съ профессоромъ Шевыревымъ, Гоголевскимъ другомъ и душеприказчикомъ.

Вотъ передъ нами вживѣ воскресшія надежды на возрожденіе примолкавшей художественной литературы, надъ которой неумытыми руками хозяйничали Елагинъ, Ахматовъ, Мусинъ-Пушкинъ и прочая братія. На первый взглядъ А. Н. показался намъ, судя по внѣшнему виду замкнутымъ, какъ будто даже суровымъ, но вглядѣвшись, мы замѣтили, что каждая черта лица рѣзко обозначена, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и дышала жизнію. Верхняя часть лица въ особенности показалась намъ привлекательною и изящною. Но лишь только развернулся Колюбакинъ, куда эта вся черствость взгляда скрылась. Глаза сдѣлались ласковыми, исчезло величавое выраженіе всего лица и замѣтная на немъ легкая складка лукаваго юмора—уступили теперь добродушному и открытому смѣху. Эта быстрая смѣна впечатлѣній въ подвижныхъ и живыхъ чертахъ лица, выражавшаяся неожиданнымъ переходомъ отъ задумчиваго къ открытому и веселому выраженію, всегда была поразительна. Мы приняли это въ свидѣтельство, что подъ обманчивой и призрач-

ной невозмутимостью и при видимой солидности въ движеніяхъ скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники безпредѣльной нѣжности, иначе бы онъ такъ мягко и ласково не улыбался и не былъ бы такъ очаровательно простъ. Бѣлокурый, стройный, и даже какъ и мы всѣ, малые и приниженные, застѣнчивый онъ и общимъ обворожительнымъ видомъ, и всею фигурой, совершенно побѣдилъ насъ, расположивъ въ свою пользу до послѣдней степени.

Сопоставляя свои первыя наблюденія съ впечатлѣніями Горбунова при первой встрѣчѣ съ Островскимъ, невольно останавливаемся на тождествѣ чувствъ. Мы благоговѣли передъ нимъ, не потому только, что этому обязывала насъ молодость, впечатлительная и гибкая, а также главнымъ образомъ потому, что мы еще не были заражены современною модною и ходовою болѣзнью «ничему не удивляться» (nihil admirari), но воспламенялись энтузіазмомъ въ равной степени, какъ къ красотамъ природы, такъ и къ людямъ. Мы видѣли въ нихъ героевъ. Намъ и въ голову не приходило смѣяться надъ товарищами и стыдить самихъ себя за то, что̀ ходили на Никитскій бульваръ любоваться, какъ гулялъ Гоголь.

Впослѣдствіи и вскорѣ Островскій поспѣшилъ доказать и многоразличными фактами убѣдить всѣхъ насъ въ томъ, что онъ былъ по-истинѣ нравственно-сильный человѣкъ, и эта сила соединялась въ немъ со скромностью, нѣжностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромнаго вліянія на окружающихъ. Никогда ни одинъ мыслящій человѣкъ не сближался съ нимъ, не почувствовавъ всей силы этого передового человѣка. Онъ дѣйствовалъ, вдохновлялъ, оживлялъ, поощряя тѣхъ, кто подлежалъ его вліянію и избранію. Дружба его умножала нравственныя средства, подкрѣпляла насъ въ нашихъ намѣреніяхъ, возвышала и облагороживала наши цѣли и давала возможность дѣйствовать съ большою способностью въ собственныхъ дѣлахъ и съ большою пользой для другихъ.

При такихъ высокихъ свойствахъ Островскаго приблизившіеся къ нему уже не отставали отъ него, пребывая вѣрными ему до конца. Вглядываясь во всѣхъ окружавшихъ его и близко стоявшихъ къ нему и вспоминая каждаго въ лицо и по имени, вижу не одинъ десятокъ такихъ, которые, какъ звенья въ цѣпи, какъ плетешокъ въ хороводѣ, цѣпляясь одинъ за другого, тянулись сюда неудержимо. Всѣ твердо знали, что здѣсь почувствуютъ они себя самихъ въ наивысшемъ нравственномъ довольствѣ, утѣшенными и успокоенными. Никогда и никому ни разу въ жизни Ал. Никол.

не далъ почувствовать своего превосходства. Онъ былъ уступчивъ и терпѣливъ даже и на тѣ случаи, когда отысканная имъ или только обласканная личность въ самобытности своей переходила границу и вступала въ области оригинальности, вызывавшей улыбку или напрашивавшейся на насмѣшку,—словомъ, когда этотъ оригинальный человѣкъ начиналъ казаться чудакомъ. Конечно, это было на руку драматическому писателю, одаренному тонкимъ чутьемъ наблюдателя, и заявляемыя странныя уклоненія въ характерахъ принимались про запасъ въ будущихъ работахъ, какъ матеріалъ для комедій, но самый наблюдаемый субъектъ не испытывалъ неловкости положенія. Не оскорблялось его самолюбіе, и онъ самъ не только не спѣшилъ отходить прочь, но еще прочнѣе и душевнѣе привязывался къ наблюдателю.

Колюбакинъ былъ неудачливъ и даже несчастливъ именно тѣмъ, что слишкомъ короткое время находился подъ вліяніемъ этой высокой личности и представлялъ противоположный образчикъ тому, чѣмъ сталъ впослѣдствіи Горбуновъ, какъ художникъ, выработавшійся подъ ближайшимъ и долговременнымъ вліяніемъ Островскаго. Послѣдній успѣлъ помочь Колюбакину тѣмъ, что исхлоталъ ему мѣсто помощника капитана на меркурьевскомъ пароходѣ «Гермогенъ», когда не задался университетъ.

Поступили мы въ университетъ въ 1850 году, когда всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, были закрыты. Колюбакину, страстному словеснику, волей-неволей привелось съ верхнихъ скамеекъ амфитеатра слушать крикливую трескотню латинскихъ словъ и фразъ на лекціи лысаго Севрука по описательной анатоміи. Крутая государственная мѣра, вызванная революціонными движеніями въ Европѣ конца сороковыхъ годовъ, примѣненная въ пятидесятомъ, едва не помѣшала, наприм., гимназическому товарищу Колюбакина Д. И. Иловайскому сдѣлаться профессоромъ и историкомъ, хотя въ то же время палка, дѣйствуя неожиданно оборотнымъ концомъ, убила въ знаменитомъ Сергѣѣ Петровичѣ Боткинѣ юриста: воспитался знаменитый клиницистъ, выдающійся діагностъ, получившій европейскую извѣстность среди ученаго міра и болящаго люда. За то половина курса разбрелась въ разныя стороны, и однимъ изъ первыхъ сбѣжалъ Колюбакинъ сначала на Волгу, а потомъ въ бродячую труппу перелетныхъ птицъ—провинціальныхъ актеровъ, среди которыхъ онъ погрязъ и погибъ. А. Н. Островскій, во время поѣздки по Южной Россіи съ геніальнымъ артистомъ, умирающимъ Мартыновымъ, видѣлъ гдѣ-то на ярмарочномъ театрѣ нашего неудавшагося медика, и остался игрою его недовольнымъ. Природная

комическая жилка еще оставалась дѣйствующею, но лишь мѣстами и неровными порывами; балаганная сцена сдѣлала уже свое: въ *Женитьбѣ Гоголя*, которую нѣкогда онъ зналъ всю наизусть, онъ поразилъ не только незнаніемъ своей роли, но и вставками собственнаго вымысла въ угоду райка, возмутившими компетентнаго судью до глубины любящаго сердца. Народившееся въ немъ самомнѣніе довело его до нервной раздражительности при выслушиваніи неодобрительныхъ отзывовъ даже такихъ лицъ, сужденія которыхъ явно не стоили вниманія, не имѣя никакой цѣны. Въ Балашовѣ, городкѣ Саратовской губерніи, Колюбакинъ набѣжалъ на одного изъ такихъ, прожившаго отцовское имѣніе на поискахъ всякаго рода забавъ и увеселеній и прожигавшаго скудные остатки его около той труппы, въ которой первое амплуа занималъ нашъ неудавшійся артистъ, милый и дорогой товарищъ. Рѣзкій отзывъ гуляки Докукина объ игрѣ его вызвалъ, за трактирнымъ столомъ послѣ выпивки, крупную ссору, доведшую до оскорбленія дѣйствіемъ со стороны угощавшаго. Кроткій нравомъ и незлобивый сердцемъ Колюбакинъ не вынесъ оскорбленія и отвѣчая тѣмъ же, при своей необыкновенной силѣ, больно отомстилъ за обиду. Свидѣтели поспѣшили примирить ихъ, заставили поцѣловаться, выпили бутылку шампанскаго и разошлись. Колюбакинъ еще не успѣлъ заснуть въ своемъ номерѣ гостиницы, какъ въ его дверь раздался стукъ и послышался, въ нѣжныхъ и ласковыхъ тонахъ, голосъ его оскорбителя. Радушно открылъ дверь Колюбакинъ и, какъ снопъ, повалился тутъ же навзничь, пораженный предательской пулей прямо въ сердце. Убійцу судили и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы, именемъ убитаго дополнивъ безконечно длинный списокъ безвременно погибающихъ несомнѣнно талантливыхъ русскихъ натуръ.

Среди счастливцевъ, окружавшихъ Островскаго въ первые годы его литературной дѣятельности, былъ и тотъ Несчастливцевъ, который далъ ему нѣсколько чертъ для обрисовки симпатичнаго лица этого имени въ извѣстной, любимой публикою, комедіи *Лѣсъ*, роль котораго съ такимъ блестящимъ и неослабѣвающимъ успѣхомъ исполняетъ въ настоящее время на петербургской сценѣ Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

Самъ авторъ, давно знавшій этого уважаемаго артиста, какъ образованнаго человѣка и прекраснаго исполнителя многихъ ролей въ его разныхъ пьесахъ, пожелалъ видѣть Писарева въ этой расхваленной роли. По окончаніи пьесы въ Солодовниковскомъ театрѣ

въ Москвѣ, весною 1880 года, Ал. Ник. пришелъ на сцену взволнованный, въ слезахъ.

— Что вы со мной сдѣлали? Вы мнѣ сердце разорвали. Это—необыкновенно!

— А я боялся сегодня только одного васъ, Александръ Николаевичъ. Кромѣ васъ для меня никого не существовало.

— Вамъ некого бояться, Модестъ Ивановичъ!... Это высокохудожественно!... Это, повторяю: «необыкновенно»!

Передавая незабвенныя слова, благородный артистъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать словами Бѣлинскаго: «Я не заношусь слишкомъ высоко, но, признаюсь, и не думаю о себѣ слишкомъ мало. Я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и — что еще лестнѣе—имѣлъ счастье пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ».

Такая же жертва личнаго темперамента, столько же талантливый, но болѣе опытный сценическій дѣятель въ драматическихъ роляхъ, былъ въ то же время послѣднимъ изъ могиканъ, послѣднимъ трагикомъ, пользовавшимся огромною извѣстностью въ провинціяхъ и горячею привязанностью товарищеской семьи—несчастныхъ пролетаріевъ, бездомныхъ и бездольныхъ скитальцевъ, на судьбу которыхъ лишь въ послѣдніе дни обратила вниманіе благотворительность. Это—Корнилій Полтавцевъ, несомнѣнный благодѣтель меньшей актерской братіи, единоличный, скорый и умѣлый заступникъ и охранитель ея при хищническихъ и безнаказанныхъ поползновеніяхъ театральныхъ антрепренеровъ. Во всякомъ случаѣ, память о немъ благодарно сбереглась столь долгое время, и имя его въ своей сферѣ заслуженно переходитъ въ потомство. Обладая горячимъ сердцемъ, привлекательнымъ, уживчивымъ и ласковымъ нравомъ, онъ дѣлился съ товарищами послѣднимъ кускомъ черстваго хлѣба и, какъ Колюбакинъ, въ буквальномъ смыслѣ, послѣднею, оставшеюся въ дорожной сумкѣ, рубашкою. Изъ всѣхъ знакомыхъ артистовъ «Корнилій», какъ хорошо мнѣ помнится, у Александра Николаевича Островскаго пользовался особенною, предпочтительною любовью, а потому не имѣю права умолчать и объ этой прекрасной личности, также еще и по поводу нижеслѣдующаго знаменательнаго явленія, ярко выразившагося въ тѣ дни, когда Корнилій Полтавцевъ сводилъ свои послѣдніе разсчеты съ жизнью и подвелъ уже итоги.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ мнѣ Е. Э. Дріанскій тотчасъ послѣ похоронъ этого артиста-человѣка, Корнилія Николаевича Полтавцева, въ письмѣ отъ 1 января 1866 г.: «Вчера въ 2 часа опустили мы въ могилу нашего Корнилія. Скончался онъ 30-го въ часъ и 10 минутъ пополудни такъ: велѣлъ натереть себѣ бокъ; въ это время вошелъ къ нему И. В. Самаринъ, больной сдѣлалъ рукой поцѣлуй, улыбнулся. Рука уже безнадежно упала, глаза закрылись, и присутствующіе минутъ пять не догадывались, что онъ уже скончался. Меня извѣстили объ этомъ уже въ 4 часа. Слѣдовало успѣть похоронить его на другой же день, потому что новый годъ—табельный. Не успѣли ни хорошенько опубликовать, ни успѣшно устроиться, однако же все сдѣлалось какъ нельзя лучше. Откуда набралось народу, Богъ вѣсть! Театральные всѣ, а прочаго люда столько, что половина его осталась на паперти. Гробъ усыпали весь цвѣтами, я во время самой обѣдни получалъ ихъ невѣсть отъ кого корзину за корзиной. Всѣ солисты наши: Владиславлевъ, Куровъ, Лавровъ, Бижановскій, Константиновъ и проч., и проч., пѣли обѣдню на два хора. Каретъ и прочихъ экипажей набралось и провожало гробъ вплоть до Пятницкаго кладбища не меньше, какъ на версту. Положили его по сосѣдству съ Щепкинымъ, Грановскимъ и Павловымъ. Только въ этотъ день объяснилось, какимъ искреннимъ сочувствіемъ пользовался у всѣхъ этотъ человѣкъ, у котораго была постоянно, какъ говорятъ, «душа нараспашку»...

Егоръ Эдуардовичъ Дріанскій изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ, былъ наиболѣе частымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ Островскаго, и не одно лишь это обстоятельство обязываетъ насъ остановиться на немъ воспоминаніями. За отзывчивое, мягкое сердце онъ въ равной степени оцѣненъ былъ и литературными, и театральными кружками: у постели помиравшаго Корнилія Полтавцева онъ проводилъ цѣлые дни и темныя ночи; въ литературныхъ кружкахъ возбуждалъ сочувствіе постоянными неудачами въ дѣлахъ. Казалось, не было человѣка несчастнѣе его. А онъ и не скорбѣлъ, и не унывалъ, и тотчасъ забывалъ о себѣ, какъ только требовалась на сторонѣ его помощь или простое участіе, и затѣмъ хлопоталъ безъ устали. «Сейчасъ тороплюсь на похороны (пишетъ онъ въ одномъ письмѣ). На нашихъ театральныхъ моръ пошелъ. Вотъ въ одинъ мѣсяцъ хоронимъ другую актрису: у Суворова жену спрятали на-дняхъ, а теперь будемъ ховать Рензгаузена: этого вѣрно видали въ *Фаустѣ*, товарищъ Кузнецова, а Корнилій впереди. Объ этомъ не могу вспомнить равнодушно: того и жду, что прибѣгутъ сказать...» Въ то же время вспоминаются его хлопоты

о новоявленномъ разсказчикѣ, прибывшемъ изъ Рязани (Ф. Ф. Смердовѣ), котораго онъ также представлялъ Островскому, дѣйствительно, съ забавными разсказами, изъ которыхъ особенно выдавался *Рекрутскій наборъ*, болѣе крупный и лучше отдѣланный. Въ печать ихъ не удалось пристроить въ то время, бѣдное литературными органами,—обстоятельство въ самомъ дѣлѣ существеннаго значенія. Теперь имъ отвели бы мѣсто въ любомъ изданіи, не принимая даже въ разсчетъ строгую разборчивость. Самъ Дріанскій не мало помыкался и пострадалъ отъ этихъ затрудненій, несмотря на то, что *Записки Мелкотравчатаго* (въ особенности) въ *Библіотекѣ для чтенія,* 1857 г. и тамъ же *Панычъ*, *Одарка* комедія въ *Русскомъ Словѣ* изд. гр. Кушелева-Безбородко, *Квартетъ* (всего до 15 вещей) обратили на это дарованіе вниманіе читателей *). На писанія онъ былъ скоръ и плодовитъ. Покойный Горбуновъ до самой смерти не могъ забыть той формы извѣщенія, съ которою явился разъ Дріанскій къ А. Н. Островскому, какъ бы съ какимъ рапортомъ:

— Ту повѣстушку, что читалъ, на-дняхъ исправилъ, какъ указывали. Теперь романъ «заквасилъ».

Романъ этотъ, взятый Катковымъ для *Русскаго Вѣстника*, вызвалъ цѣлую бурю недоразумѣній и споровъ, доведенныхъ до жалобы Дріанскаго въ газетахъ. «Положеніе мое хуже въ десять разъ, чѣмъ сказать бы скверное (пишетъ онъ ко мнѣ). Брожу, какъ очумѣлый, и не придумаю, что̀ начать и съ каждымъ новымъ днемъ прихожу къ болѣе и болѣе грустному убѣжденію, что у насъ на Руси добыть кусокъ насущнаго рѣшительно нѣтъ возможности честнымъ литературнымъ трудомъ. Романъ, по милости Каткова, теперь долженъ, кажется, прокиснуть, лежа на столѣ: у насъ, въ Москвѣ, издателя не найдешь со свѣчой. Одинъ Салаевъ — и тотъ, при всей охотѣ, отнѣкивается, ссылаясь на трудность ладить съ цензорами, которые, вслѣдствіе новаго благодѣтельнаго постановленія, отказываются читать рукописи, превышающія 10 печатныхъ листовъ, а по отпечатаніи могутъ крамсать вещь, какъ ихъ душенькѣ угодно. Одинъ изъ самыхъ честныхъ и надежныхъ у насъ — это Ив. Григ. Соловьевъ, но этотъ просто не имѣетъ свободной минуты, прочіе, безденежная мелкота, съ которою сходиться опасно, и т. д.» Романъ этотъ такъ и не вышелъ въ свѣтъ въ доказательство того, какъ нужно было 30 лѣтъ тому назадъ при-

*) Его разсказы, *Записки Мелкотравчатаго*, настолько не утратили своей свѣжести, что были оцѣнены спеціалистами и, въ видѣ приложеній, перепечатаны въ 1883 году при журналѣ *Природа и Охота*.

строить литературно-отдѣланное произведеніе. Въ настоящее время оно бы не залежалось и не обезсилило бы въ конецъ достойнаго человѣка, страдавшаго всѣми жизненными невзгодами.

Впрочемъ, не одинъ неудачливый Дріанскій сѣтовалъ на подобныя затрудненія въ обнародованіи заготовленныхъ для печати произведеній. Тотъ же досадливо нахмуренный тонъ слышится и отъ не менѣе извѣстнаго писателя и болѣе близкаго пріятеля А. Н. Островскаго, каковъ автора *Ночного* и проч. Въ письмѣ М. А. Стаховича къ П. И. Якушкину, въ которомъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ о томъ, что началъ писать воспоминанія свои о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ,—извѣстномъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ,—находимъ такія строки: «Плохая участь провинціальныхъ литераторовъ! Два раза посылаю *Мельницу*, и все невпопадъ. Если она не помѣщена въ *Библ. для Чтенія*, то сходи къ Писемскому или Дружинину и моимъ именемъ возьми ее. А какъ я не хочу имѣть *Библіотеки* даромъ, то пришлю имъ 6 переводовъ изъ Гейне и своихъ четыре стихотворенія. Тогда *Мельницу* перешлешь ко мнѣ или къ Павлову, вмѣстѣ обдѣлаемъ съ общаго совѣта, и она намъ годится впередъ», и проч. М. А. Стаховичъ, однако, не подходитъ подъ уровень съ Дріанскимъ, какъ очень богатый человѣкъ, вовсе не нуждавшійся въ литературномъ заработкѣ, и притомъ настолько денежный, что это самое богатство послужило одною изъ причинъ его преждевременной насильственной смерти.

Странствуя по черноземнымъ губерніямъ Россіи и направляясь изъ Ельца на Пензу, отгостилъ я у него съ Павломъ Якушкинымъ въ усадьбѣ Пальнѣ, случайно попавши на сельскій храмовой праздникъ; осенью 1858 года Мих. Алек. проводилъ Якушкина въ усадьбу его матери—Сабурово, Малоархангельскаго уѣзда. Это было въ началѣ октября, а въ концѣ этого мѣсяца въ гостепріимной и радушной семьѣ Якушкиныхъ услыхали, что недавній гость ихъ (27 октября) удавился. Стали припоминать, что онъ былъ грустенъ,—и повѣрили, плакали объ немъ, какъ по родномъ, зная его за хорошаго и умнаго человѣка; служили паннихиды и заупокойную обѣдню, чтобы узнать подробности несчастья, писали бурмистру Мих. Алек. съ пожеланіемъ, чтобы простилъ ему Богъ это страшное преступленіе. Вся губернія вѣрила въ то, что несчастный, дѣйствительно—самоубійца, такъ какъ нашли его голову въ петлѣ. Однако, по слѣдамъ истязаній, найденныхъ на тѣлѣ, предположено было убійство, заподозрили бурмистра, приближеннаго къ барину человѣка, съ которымъ на нашихъ глазахъ Мих. Алек. обращался черезчуръ за панибрата, и письмоводителя Киндякова (Стаховичъ

былъ елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства). Киндяковъ незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ съ довѣренностью въ Орелъ за полученіемъ очень крупной суммы денегъ, неизвѣстно куда исчезнувшей и, повидимому, Стаховичу недоставленной. Слѣдователи: Мироненко съ жандармскимъ полковникомъ Артишевскимъ—довели обоихъ убійцъ до полнаго сознанія. Ихъ наказали и сослали въ Сибирь, а московскій кружокъ литераторовъ вынужденъ былъ занести въ свой синодикъ новую жертву неуравновѣшеннаго характера и новую потерю несомнѣнно даровитаго писателя, умѣвшаго оживлять кружокъ и вносить въ него и заразительную веселость, и умныя, живыя бесѣды. Стаховичъ не только былъ незауряднымъ пѣсенникомъ, но и большимъ знатокомъ народнаго быта, былъ общительнымъ и популярнымъ въ народѣ человѣкомъ, какъ прямой и искренній радѣтель крестьянскихъ интересовъ въ достопамятную эпоху реформъ, и въ первые годы проведенія ихъ въ жизнь среди множества опасныхъ подводныхъ скалъ.

С. Максимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРМАТУРА *).

Романъ Поля Эрвьё.

V.

Катерина Сафръ.

Герцогъ и герцогиня де-Латерранку не пожелали устраивать на свадьбѣ дочери большое свѣтское сборище. Не по душѣ оно имъ было, сближались они только съ равными себѣ, а таковыми не признавали почти никого. Вотъ почему для брачной церемоніи они выбрали одинъ изъ послѣднихъ дней августа и маленькую капеллу своего замка Эвекфлёръ въ департаментѣ Сены-и-Марны, служившаго имъ одною изъ лѣтнихъ резиденцій. Этимъ способомъ они избавлялись отъ толпы гостей. Порѣшивши выдать дочь замужъ за очень богатаго человѣка и принимая во вниманіе ничтожность ея приданаго и ея некрасивость, они заранѣе отказались отъ пріискиванія зятя, достойнаго ихъ своею родовитостью. Рожеръ д'Іанси потому оказался для нихъ подходящимъ, что его состояніе и огромныя надежды въ будущемъ соединялись въ лицѣ представителя четвертаго поколѣнія далеко не важнаго рода. За давностью, не легко уже становилось припомнить, какими способами создалъ великолѣпіе обширныхъ помѣстій старикъ Шабульо, умершій много лѣтъ назадъ, нажившійся на поставкахъ для арміи, на прокладкѣ трубъ для городскихъ нечистотъ, что не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній съ юстиціей. Герцогу и герцогинѣ хотѣлось, елико возможно, меньше фигурировать на ряду со вдовою баронессой д'Іанси, матерью Рожера, хотя она и была урожденная Дю-Трюфіё де-Мушели. Но за то вокругъ нея и за нею тянулся цѣлый выводокъ дѣтей, снохъ и зятьевъ отставного майора де-Мушели. Благо

*) *Русская Мысль* 1896 г., кн. XII.

разумнѣе было ограничить до крайней степени число постороннихъ зрителей, не вызывать ихъ молчаливаго изумленія передъ манерами и внѣшностью будущихъ свойственниковъ семейства герцоговъ де-Латерранку. Гостить въ замкѣ приглашены были только ближайшіе родные: баронъ и баронесса де-Божоле, графъ де-Водемонъ, супруги де-Понтіё, де-Куси и маркизъ де-Реневъ. На самое торжество бракосочетанія въ церкви положено было пригласить не болѣе тридцати человѣкъ старинныхъ друзей герцога.

Такимъ образомъ никто, кромѣ членовъ двухъ семействъ, вступающихъ въ родство, не могъ претендовать на то, что его имя не занесено въ списокъ столь тщательно отобранныхъ и очень немногочисленныхъ приглашенныхъ. Тѣмъ не менѣе Мари-Бланшъ де-Громмеленъ впала въ настоящее сокрушеніе отъ невозможности попасть на свадьбу Рожера. Короткимъ письмомъ онъ сообщилъ графинѣ, что никакихъ празднествъ по этому случаю не будетъ и что религіозная церемонія совершится въ присутствіи людей самаго близкаго кружка.

Несмотря на это, недѣли за двѣ до назначеннаго дня Мари-Бланшъ порѣшила отправиться гостить къ своему брату Артуру въ замокъ Мёлетъ потому именно, что помѣстье это было всего въ пяти километрахъ отъ Эвекфлёра.

Катерина Сафръ любезно хозяйничала тамъ съ разумнымъ и скромнымъ радушіемъ. Имѣніе было обширное, холмистое, съ солнечными и тѣнистыми мѣстами, домъ былъ расположенъ на возвышенности, отличающейся сухостью воздуха. Каждое лѣто дочка Катерины пріѣзжала туда истомленною пребываніемъ въ Парижѣ и очень быстро поправлялась, оживала на чистомъ воздухѣ, на свободѣ деревенской жизни. Артуръ Сафръ устроилъ себѣ въ этомъ убѣжищѣ библіотеку, необходимую для его ученыхъ изысканій, и, снѣдаемый академическимъ честолюбіемъ, упрямо сочинялъ брошюры, высиживалъ «сообщенія», передѣлывалъ и отдѣлывалъ свои «замѣтки».

Баронесса Сафръ жила въ это время у невѣстки до своей вторичной въ году поѣздки на воды. Поскольку можно было судить о ея привязанностяхъ, ей нравилось это комфортабельное и уединенное мѣсто жительства, гдѣ она спокойно каждый день прогуливалась по липовымъ и каштановымъ аллеямъ въ вѣчной погонѣ за выздоровленіемъ.

Мари-Бланшъ извѣстила Рожера о своемъ пребываніи въ сосѣдствѣ Эвекфлёра. Молодой человѣкъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ подавалъ надежду на свое скорое посѣщеніе, но нисколько не то-

ропился явиться лично. Чтобы какъ-нибудь заглушить свое нетерпѣніе, графиня удвоила дозы морфина, но отнюдь не хотѣла разстаться съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что нельзя относиться къ ней, какъ къ посторонней, на этой герцогской свадьбѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени она употребляла всѣ усилія на то, чтобы Катерина Сафръ повезла ее къ Латерранку. Но хозяйка дома отказалась исполнить ея желаніе, ссылаясь на несвоевременность визита, который она имѣла обыкновеніе ежегодно дѣлать своимъ сосѣдямъ.

Нѣсколько разъ Мари-Бланшъ уѣзжала совершенно одна въ маленькомъ экипажѣ, запряженномъ пони, не говоря, куда она отправляется. Быстрою рысью она доѣзжала до того мѣста, гдѣ ее останавливали ворота парка Эвекфлёра. Но какъ зàмокъ, такъ и его обитатели оставались для нея невидимыми...

Не задолго до дня, назначеннаго для свадьбы, Катерина Сафръ была крайне удивлена тѣмъ, что Рожеръ д'Іанси пріѣхалъ верхомъ въ зàмокъ Мёлетъ. Видъ молодого человѣка былъ очень озабоченный, и мало правдоподобными оказывались поводы, которыми онъ пытался объяснить свой пріѣздъ. Катерина сообразила тотчасъ, что ничего лучшаго не остается ей сдѣлать, какъ предоставить гостю возможность поговорить конфиденціально съ графиней де-Громмеленъ.

Молодой человѣкъ поспѣшилъ сообщить Мари-Бланшъ объ одномъ обстоятельствѣ, крайне непріятномъ для нихъ обоихъ и упорно повторяющемся изо дня въ день. Съ нѣкоторыхъ поръ кто-то не даетъ ему покоя анонимными письмами точно такъ же, какъ и другимъ обитателямъ замка Эвекфлёръ. Темой таинственной корреспонденціи служили отношенія Рожера къ графинѣ де-Громмеленъ, интимность которыхъ авторъ раскрывалъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ и съ большими подробностями. Распознать почеркъ не было никакихъ средствъ, такъ какъ все это было написано печатными буквами. Письма были отправлены черезъ разныя почтовыя конторы ближайшихъ мѣстностей, а нѣкоторыя положены прямо въ почтовый ящикъ зàмка. Рожеръ терялся въ догадкахъ. Онъ поочередно заподозривалъ всѣхъ: родныхъ, пріятелей, слугъ. Предположилъ было, что только горничная графини, пріѣхавшая съ нею вмѣстѣ, могла такъ ловко шпіонить. Но очень скоро онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этого предположенія, такъ какъ невѣдомый авторъ писемъ пускался въ такія подробности, которыя третьему лицу могли стать извѣстными развѣ лишь какимъ-нибудь чудомъ. Самъ Рожеръ, да и Мари-Бланшъ тоже едва ли могли бы

поразсказать столько! Герцогъ, герцогиня, женихъ ихъ дочери по очереди получали такого рода посланія, которыя немного ранѣе могли бы послужить поводомъ къ отказу жениху, да и теперь производили впечатлѣнія въ высшей степени непріятныя.

Рожеру не удалось добиться отъ графини де-Громмеленъ никакого сколько-нибудь путнаго указанія.

Она ограничивалась выраженіемъ своего полнаго презрѣнія и отказывалась входить въ обсужденіе такихъ гадостей, не пожелала даже взять въ руки одинъ изъ листковъ, привезенныхъ Рожеромъ съ тѣмъ, чтобы показать ей.

— Нѣтъ! — говорила она съ смѣлымъ и привѣтливымъ видомъ. — Оставьте это, другъ мой... Ничего я не хочу читать. Не вижу въ томъ надобности... ни малѣйшей надобности...

— Помогите же мнѣ хоть немного...— настаивалъ онъ.— Наведите на какую-нибудь мысль, на подозрѣніе...

Она сдѣлала отрицательный жестъ, печальный и великодушный, желая дать понять, что она прощаетъ потому, что презираетъ. Она тѣшила себя такими отвѣтами, будто всѣмъ этимъ Рожеръ встревоженъ за нее, будто онъ волнуется совсѣмъ не изъ-за того, насколько это можетъ компрометировать его самого и надѣлать ему непріятностей.

— Я выше всѣхъ подобныхъ гадостей! — говорила она.— Обо мнѣ не безпокойтесь. Я никого не боюсь и не опасаюсь никакихъ нападокъ... Къ тому же эта исторія имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ какъ отнимаетъ у меня поводъ сожалѣть о томъ, что ваша свадьба будетъ происходить въ очень тѣсномъ кругу... На самомъ дѣлѣ, еслибы вы захотѣли теперь, чтобъ я была на ней, это оказалось бы невозможнымъ. Вамъ не дозволилъ бы этого скандалъ, надѣланный письмами. Мнѣ же они доставили удовольствіе васъ видѣть и высказать вамъ мои добрыя пожеланія... Этимъ я вполнѣ утѣшена!

Рожеръ видѣлъ выраженіе нѣги, которое она придавала своему вызывающему лицу, слегка подкрашенному, видѣлъ ея позы и тѣлодвиженія не только стройной женщины, а прямо-таки кокотки. Подогрѣтый воспоминаніями, которыя съ такою отчетливостью оживлены были письмами, онъ подался впередъ съ явнымъ желаніемъ обнять Мари-Бланшъ.

Она отъ этого уклонилась очень мило. Въ данную минуту она была удовлетворена результатами своей игры, такъ какъ выполнила всѣ обязанности относительно самой себя. Она имѣла такой видъ, будто избавилась отъ долго удручавшей ее заботы. Она со-

знавала, наконецъ, что, какъ бы тамъ ни было, она займетъ выдающееся мѣсто на брачномъ торжествѣ въ капеллѣ Эвекфлёра. Лично она тамъ не будетъ, за то постоянно раздражающее воспоминаніе о ней не дастъ покоя нахмуреннымъ лбамъ герцога и герцогини де-Латерранку.

Катерина Сафръ не могла не замѣтить съ нѣкоторою жалостью, чего, собственно, не достаетъ ея золовкѣ-интриганткѣ въ ихъ монотонномъ житьѣ. Въ замкѣ Мёлетъ не было про запасъ ни одного мужчины, чье ухаживаніе могло бы хоть сколько-нибудь развлекать досужее кокетство Мари-Бланшъ. Положеніе стало еще болѣе удручающимъ, когда пріѣхалъ Громмеленъ съ двумя сыновьями, возвращаясь изъ Анжера, куда онъ счелъ нужнымъ свозить ихъ къ доживающему свои послѣдніе дни богатому и бездѣтному родственнику. Тутъ ужъ Катерина отъ всей души начала сочувствовать печальному одиночеству Мари-Бланшъ, въ которомъ та несомнѣнно очутилась между своею матерью и своими дѣтьми, лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ, въ домѣ родного брата и его жены. По обязанности доброй хозяйки, Катерина задумала устроить одинокой гостьѣ какой-нибудь флиртъ, хотя бы маленькій, хотя бы съ самимъ Громмеленомъ. Къ тому же она считала себя болѣе чѣмъ вправѣ сдѣлать такую попытку, такъ какъ Мари-Бланшъ настоятельно просила ее объ этомъ во время ихъ страствованія по моднымъ магазинамъ.

Катерина тотчасъ же приступила къ исполненію припомнившагося ей деликатнаго порученія золовки. Случай къ тому представился самъ собою во время одной изъ частныхъ бесѣдъ, которыя Громмеленъ охотно заводилъ съ нею, при чемъ воздерживался отъ своихъ обычныхъ желчныхъ выходокъ. Въ обществѣ Катерины, равной ему въ качествѣ прирожденной аристократки, онъ оставлялъ свои чопорныя и сухія манеры, служившія ему какъ бы своего рода броней въ кругу «отродья» Сафровъ. Между графомъ и Катериной, несмотря на то, что они рѣдко видѣлись, существовала связь болѣе надежная, болѣе сближающая, чѣмъ даже бракъ: это общее имъ обоимъ сознаніе, что они люди одинаково «высокорожденные».

Во время ихъ прогулки вдвоемъ по парку, разговоръ коснулся здоровья Мари-Бланшъ, бозпокоившаго Катерину, которая не подозрѣвала, что разстраиваетъ его ежедневное отравленіе морфіемъ. Она замѣчала, какъ иногда бываетъ порывистъ смѣхъ ея золовки, съ какимъ трудомъ и какъ неясно выговариваетъ она порою нѣкоторыя слова, звучащія до нѣкоторой степени дико. Ея рѣсницы

покрываются свинцовыми тонами, расходящимися въ настоящіе круги подъ глазами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачиваютъ свой чудный блескъ.

— О!—возразилъ Громмеленъ.—Если моя жена чувствуетъ себя теперь не совсѣмъ хорошо, такъ это потому, что попала она здѣсь на лоно природы, а лоно это ей не по вкусу. Ей требуется жизнь широкая, веселая, безъ отдыха. Она поправится въ Парижѣ зимой и будущею весной. Тогда я замѣчаю нѣкоторые тревожные симптомы лишь въ тотъ день, когда ей приходится отстать отъ компаніи, отправляющейся ужинать, или когда она слышитъ разсказъ о неприличномъ увеселеніи и не имѣетъ возможности захлопать въ ладоши и тотчасъ же заявить, что и ей надо туда ѣхать!... Нѣтъ, добрый другъ мой, тревожиться намъ нѣтъ пока основанія. Для этого подождемъ, чтобы моя жена натащила менѣе полдюжины гостей къ обѣду, если случайно ей самой доведется обѣдать дома. Что меня касается, то я останусь спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока не увижу въ сезонъ увеселеній, что моя жена ложится иногда спать раньше трехъ часовъ утра!...

— Надо полагать, что вы ее не очень торопите...— рискнула сказать Катерина съ улыбкой, подчеркивавшей значеніе этого нѣсколько вольнаго замѣчанія.

Громмеленъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и, убѣдившись въ томъ, что она сказала именно то, что хотѣла сказать, только пожалъ плечами.

Но это простое средство оказалось недостаточнымъ для того, чтобы отдѣлаться отъ продолженія разговора. Громмеленъ натолкнулся на женское упрямство по такому вопросу, въ которомъ оно особенно стойко, въ силу естественнаго закона и солидарности всѣхъ женщинъ. Катерина говорила:

— Это стремленіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ Мари-Бланшъ не обусловливается ли отчасти чѣмъ-нибудь такимъ, въ чемъ она не виновата?... Эта немного лихорадочная потребность выѣзжать, чтобы быть окруженною ухаживаніями и комплиментами, не указываетъ ли скорѣе на тревожное состояніе женщины, доведенной до нѣкотораго сомнѣнія въ своей привлекательности? Быть можетъ, ваша жена ищетъ въ глазахъ праздной толпы удостовѣренія въ томъ, что она все еще молода и хороша, что она не утратила еще очаровательности, къ которой... дома, въ силу привычки... остаются болѣе или менѣе... равнодушными?

На лицѣ Громмелена отразилось недовольство.

— Ужъ не сама ли она,— спросилъ графъ, — сообщила вамъ

интимныя подробности о нашей жизни, что я могъ бы назвать, пожалуй, доносомъ?

Очевидно, онъ не хотѣлъ даже ничего отрицать. Но, чтобы не обострять отношеній между супругами, Катерина поспѣшила выгородить золовку, отклонить отъ нея отвѣтственность за нескромность.

— Не имѣю я развѣ удовольствія,— возразила она,— принимать васъ здѣсь въ своемъ домѣ? Если я имѣю нѣкоторыя достоинства хозяйки, то—уже не взыщите, когда окажутся и кое-какіе недостатки, свойственные этой должности. Такъ, напримѣръ, не могло ли побудить меня любопытство замѣтить, какую комнату вы выберете изъ числа тѣхъ, что я предложила въ ваше распоряженіе?... Вы предпочли наиболѣе отдаленную отъ занятой вашею женой, наиболѣе уединенную. Изъ этого я вывела мои маленькія заключенія.

Громмеленъ молчалъ недовѣрчиво. Въ неторопливой прогулкѣ безъ цѣли они спустились съ пригорка къ самой рѣкѣ и сѣли на каменную поросшую мохомъ скамью въ концѣ подстриженной въ видѣ стѣнъ тиссовой аллеи. Тутъ нависшія вѣтви деревьевъ образовали уютную бесѣдку, располагающую къ откровенности.

— Во всемъ этомъ,—упрямо продолжала Катерина,—съ обѣихъ сторонъ у васъ, я полагаю, ничего иного быть не можетъ, кромѣ простого недоразумѣнія. И я нахожу очень естественнымъ, что затронуто самолюбіе вашей жены. Ничуть не оскорбительно для васъ признать это и не можетъ быть непріятно разсѣять такое недоразумѣніе.

Онъ нѣсколько разъ покачивалъ головой съ такимъ выраженіемъ губъ, которое ясно говорило нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Но Катерина, все-таки, не унималась. Теперь она уже не надѣялась добиться чего-нибудь для Мари-Бланшъ, но заинтересованная сама она продолжала приставать къ Громмелену, дразнить его, чтобы допытаться, наконецъ, до настоящихъ поводовъ.

— Дѣло въ томъ,—продолжала она,—что тутъ затронуто не одно только самолюбіе женщины! Вѣдь, это же даетъ ей достаточныя основанія для подозрѣній, пожалуй, даже для увѣренности.

— Въ чемъ?—прервалъ ее Громмеленъ.

— Въ томъ, что она имѣетъ право ревновать!

При этихъ словахъ онъ прыснулъ злымъ смѣхомъ. И вдругъ Громмеленъ уступилъ потребности приподнять немного томительную маску, которую онъ носилъ ради общества, и хоть минуту вздохнуть свободно полною грудью. Для него большимъ облегчені-

емъ было высказать передъ кѣмъ-нибудь, равнымъ ему по-роду, ясное пониманіе своего положенія и сдѣлать это прямо съ открытымъ лицомъ. Говоря тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала, однако, долго сдерживаемая ненависть, онъ объявилъ:

— Никогда!... Никогда не дамъ я ей возможности совсѣмъ уже не стѣсняться. Отсутствіе какого бы ни было сближенія съ нею моя единственная гарантія въ томъ, что, по ея милости, я не сдѣлаюсь снова отцомъ. Такимъ образомъ я, по крайней мѣрѣ, огражденъ отъ самаго наглаго оскорбленія!... Въ противномъ случаѣ... о, тогда!...

И жестами онъ дополнялъ свою мысль, что тогда исчезнутъ послѣднія сдержки для его жены, послѣдніе атомы свѣтскихъ приличій, наступитъ конецъ всему, произойдетъ крушеніе всѣхъ консервативныхъ принциповъ,—коммуна и анархія водворятся въ самой его супругѣ.

Катерина сидѣла, широко раскрывши глаза отъ изумленія, пораженная отчетливымъ пониманіемъ того положенія, въ которомъ находился мужъ ея золовки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по инстинкту той же «голубой» крови, что текла въ ея жилахъ и въ жилахъ Громмелена, Катерина тотчасъ прониклась одинаковыми съ нимъ чувствами. Для нея вполнѣ ясно было, въ силу какихъ традицій этотъ мужъ, столь терпѣливо сносящій все, что производитъ взрывы и разрушаетъ семьи обыкновенныхъ людей, относится съ такою заботливою нетерпимостью и щепетильностью къ подлинной кровности своего потомства.

Снова надѣвая личину притворства, Громмеленъ проговорилъ, какъ бы въ оправданіе своего долготерпѣнія по отношенію къ поведенію жены:

— Какъ бы ни было, она мать моихъ дѣтей!

И въ этомъ случаѣ онъ оставался послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своей доктринѣ.

Было у него, впрочемъ, и другое для того основаніе, болѣе побудительное, которое онъ про себя придерживалъ до поры, до времени.

Затѣмъ оба продолжали разговаривать о предметахъ безразличныхъ. Было бы совершенно излишнимъ Громмелену предупреждать Катерину о томъ, чтобъ она не выдала Мари-Бланшъ того, что имъ сказано было въ увлеченіи оживленною бесѣдой. Скромность сама собою подразумѣвалась, по обычаямъ людей касты, между которыми откровенныя изліянія имѣли характеръ государственныхъ тайнъ и не могли быть никому передаваемы, внѣ канцелярій, удо

стоенныхъ обоюднаго ихъ довѣрія и, равно съ ними, высоко поставленныхъ.

На слѣдующій день пріѣхалъ баронъ Сафръ, почти совсѣмъ больной отъ слишкомъ мучительныхъ спекуляцій и разсчитывавшій, хоть на двадцать четыре часа, найти желанный отдыхъ въ замкѣ Мёлетъ.

Разъ за разомъ важныя новости были сообщены ему телеграммами изъ Лондона и изъ Амстердама. То были извѣстія о прекращеніи платежей двумя первоклассными банкирскими домами, которые опирались на него такъ же точно, какъ онъ на нихъ опирался, въ колоссальной ассоціаціи для скупки серебра въ слиткахъ.

Послѣ стольвихъ побѣдъ, одержанныхъ въ биржевыхъ бояхъ, баронъ Сафръ видѣлъ теперь, что противъ него вооружилась часть людей, которые разбогатѣли по его милости и подъ его предводительствомъ, которые еще недавно были ловкими подручными, исполнявшими его финансовые планы.

Катерина тотчасъ же замѣтила необычное выраженіе, омрачавшее лицо ея свекора. Онъ, впрочемъ, и самъ лишь наполовину скрывалъ тяжесть, удручавшую его умъ въ настоящее время, дивясь про себя какой-то странной слабости, доводившей его въ первый разъ въ жизни до того, что въ немъ немного пошатнулась вѣра въ свою счастливую звѣзду.

День былъ томительно жаркій, духота предвѣщала грозу. Сидя на площадкѣ передъ домомъ, въ обществѣ Катерины и ея дочки, баронъ Сафръ смотрѣлъ на тучи, скоплявшіяся на горизонтѣ въ тяжелыя массы съ металлическими отблесками, казавшимися отраженіемъ гнетущихъ его думъ. Онъ привлекъ внучку на свои колѣни и спросилъ, глядя на дѣвочку жесткими глазами, въ которыхъ все-таки свѣтилось что-то похожее на нѣжность дѣда:

— Знаешь ли ты, для чего людямъ нужно учить исторію?

И когда растерявшаяся дѣвочка сдѣлала отрицательный знакъ головой, выскальзывая изъ его рукъ, баронъ продолжалъ, обращаясь къ снохѣ:

— Знаніе исторіи никогда не въ состояніи вдохновлять людей, оно можетъ только нагонять на нихъ робость среди превратностей, которыя переживаетъ вдохновеніе. Примѣры никогда и никого не остановили. Но, когда дѣло дѣлается, воспоминанія о дурныхъ примѣрахъ подрываютъ энергію, парализуютъ силы... Есть ли что-нибудь болѣе глупое, чѣмъ вотъ такая фраза: «Тарпейская скала рядомъ съ Капитоліемъ?» Сколько разъ должна она была становиться

удручающею для умовъ, которымъ особенно необходимо было сохранять ничѣмъ ненарушимую вѣру въ себя?... Видите ли, милая дочь моя, нѣтъ такого положенія, въ которомъ люди становились бы болѣе суевѣрными, чѣмъ въ минуты перерывовъ въ теченіе большой борьбы, въ тѣ часы отдыха, когда сознаешь свое утомленіе, чѣмъ и задерживается развязка, которой хотѣлось бы добиться скорѣй!

Нѣсколькими ласковыми перерывами Катерина пыталась дать другое направленіе мыслямъ своего свекора. Но, точно подъ вліяніемъ маніи, онъ продолжалъ:

— Восемьдесятъ лѣтъ назадъ исторія увѣковѣчила, а мы заучили новый терминъ, заставляющій терять бодрость. Я разумѣю Ватерлоо. Его не могутъ выбросить изъ своей памяти всѣ тѣ, кто, послѣ безпрерывныхъ усилій, по достиженіи громадныхъ результатовъ, видятъ себя принужденными снова биться противъ массы злосчастья. Да! такъ вошло въ употребленіе еще одно выраженіе, распространяющее еще одну лишнюю мысль, которая предназначена удручать людей, поставленныхъ въ необходимость бороться съ коалиціей враждебныхъ имъ интересовъ... Слово Ватерлоо обозначаетъ извѣстный родъ разгрома человѣка, на что въ прежнія времена не существовало опредѣленнаго выраженія. Разумѣется, и прежде, кто пускался въ приключенія, тотъ зналъ, что дѣло можетъ кончиться плохо. Но, за отсутствіемъ научнаго термина, люди не предвидѣли, забывали, не знали, какая случайность приведетъ ихъ къ гибели. Угроза, выраженная словомъ Ватерлоо, формулирована теперь ясно и оказываетъ роковое давленіе на опасенія нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ. Правда, бѣдствія, пораженія давно извѣстны, они стары, какъ міръ. Но извѣстны они были, какъ нѣчто неопредѣленное, неясное, не существовало точнаго выраженія для напоминанія о нихъ... И вотъ—Ватерлоо!... Четырьмя слогами резюмируется то, что въ судьбѣ человѣка имѣетъ значеніе непоправимаго, и ихъ ничѣмъ уже не отгонишь отъ своего сознанія... Ватерлоо!...—повторилъ онъ, какъ бы прислушиваясь къ мрачному тону собственнаго голоса.

— Но,—возразила Катерина шутливо,—не упускайте изъ вида и того, что Ватерлоо грозитъ опасностью лишь тому, противъ кого ополчается вся Европа!...

— Да развѣ же нельзя себѣ представить такого положенія?—проговорилъ Сафръ, уклончиво.—Допустите дьявольское соглашеніе между всѣми банками, между всѣми биржами континента, противъ финансовой политики одного человѣка, противъ могущества

огромнаго капиталиста, доигрывающаго свою послѣднюю партію... Нечего сказать, удобное положеніе для нанесенія хорошихъ ударовъ противникамъ!

Катерина воспользовалась тѣмъ, что баронъ самъ перешелъ въ легкій тонъ, весело погрозила ему пальцемъ и сказала:

— Берегитесь!... Такихъ словъ не слѣдуетъ говорить при недоброжелателяхъ. Они поспѣшатъ разнести вѣсть, что вы впадаете въ манію... не въ манію величія, такъ какъ имѣете достаточное право сравнивать себя съ великими, — васъ заподозрятъ въ маніи преслѣдованія.

Баронъ Сафръ разсмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, длившимся нѣсколько секундъ, видимо стараясь привести въ равновѣсіе весь аппаратъ своихъ могучихъ нервовъ, несокрушимо самоувѣреннымъ движеніемъ руки провелъ по своему необычайно широкому лбу и, чтобы перемѣнить разговоръ, обратился къ другому, занимавшему его предмету.

— Говорилъ я вамъ, что устроилъ при себѣ нашего милѣйшаго д'Эксирёйля?

Хотя Катерина слышала уже про это отъ Мари-Бланшъ, она притворилась ничего не знающею и сочла за лучшее отвѣтить просто:

— Нѣтъ, вы мнѣ ничего не говорили объ этомъ. Вы сдѣлали это, вѣроятно, очень недавно?

— Въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Я уже давно находилъ нужнымъ взять въ помощники человѣка очень представительнаго. Мнѣ необходимо было имѣть кого-нибудь, кто, въ извѣстной степени, могъ бы изображать собой главу моего кабинета или даже посланника... Замѣчаете, отъ величія я не отступаюсь?

Желая поддержать шутливый тонъ, Сафръ вторично разсмѣялся и продолжалъ:

— До сихъ поръ я въ полномъ удовольствіи отъ сдѣланнаго мною выбора. Д'Эксирёйль съ отличнымъ искусствомъ исполнилъ уже одно мое порученіе во Франкфуртѣ. У него совершенно неоцѣнимый даръ быстро схватывать самую сущность дѣлъ, и въ настоящее время мнѣ не легко было бы обходиться безъ него.

— Онъ совершенно разорился, кажется?

— За него опасаюсь, что это такъ... Во всякомъ случаѣ онъ искалъ хорошо оплачиваемаго занятія...

— И, на его счастье, вы помогли ему.

Говоря это, Катерина даже бровью не повела. Сафръ, при всемъ своемъ вниманіи, не разобралъ въ ея словахъ ничего иного,

кромѣ хвалы его великодушію и готовности помочь хорошему человѣку.

— Мое доброе мнѣніе о немъ,—пояснялъ баронъ,—было составлено раньше на томъ основаніи, что его семья была всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашими родными...

Сафръ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица молодой женщины и не торопливо выговаривалъ слово за словомъ, совершенно такъ, какъ человѣкъ ступаетъ шагъ за шагомъ, проходя по ненадежной дорогѣ.

— Я убѣжденъ былъ, кромѣ того,—говорилъ онъ,—въ томъ, что и вы были расположены къ нему.

— Расположена и теперь.

Сказано это было нѣсколько сухо. Послѣ короткаго молчанія, Катерина добавила:

— А вслѣдствіе того, что жить ему стало тяжелѣе, онъ внушаетъ мнѣ еще бо̀льшую симпатію.

— Прекрасно! — подчеркнулъ Сафръ.—Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ... Что зависѣло отъ меня, я сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ для человѣка, въ высшей степени порядочнаго, доведеннаго до послѣдней крайности. А вы, моя милая дочь, съ вашею очаровательною добротой, одни можете помочь мнѣ довершить начатое мною доброе дѣло...

— Неужели?... Какимъ образомъ?

Великій баронъ пріостановился въ затрудненіи, сбиваемый все болѣе и болѣе двусмысленнымъ значеніемъ, которое начинало чувствоваться въ его фразахъ.

— Когда я предложилъ Эксирейлю то положеніе, которое онъ занимаетъ теперь, я видѣлъ ясно его колебанія... Онъ боялся оказаться, до нѣкоторой степени, униженнымъ въ глазахъ общества...

Катерина одобрительно покачивала головой съ самымъ серьезнымъ видомъ человѣка, понимающаго только хорошее, естественное и приличное въ томъ, что тутъ говорится.

Сафръ рискнулъ идти дальше:

— Мнѣ пріятно было бы, еслибъ окружающіе меня, для довершенія моего маленькаго добраго дѣла, облегчили этому бѣдному малому его усилія удержать за собой прежнее положеніе въ обществѣ. Я предложилъ бы моимъ дочерямъ быть въ отношеніи его болѣе, чѣмъ когда-либо, привѣтливыми... И лично васъ я прошу отвести ему очень дружески мѣсто въ кругу вашихъ знакомствъ, вашихъ удовольствій, пріемовъ...

Молодая женщина продолжала покачивать головой съ тѣмъ же

видомъ согласія и готовности все исполнить. Подбодренный тѣмъ, что цѣль уже почти достигнута, Сафръ сдѣлалъ послѣднее усиліе:

— Такъ, напримѣръ, когда я пріѣду сюда на нѣсколько дней, вы, быть-можетъ, нашли бы удобнымъ пригласить его со мною вмѣстѣ... Они премилая парочка! — поспѣшилъ онъ закончить.

— Да, — отвѣтила Катерина, — затрудненіе въ одномъ: вѣроятно въ это время будетъ у насъ еще моя свекровь...

Какъ разъ въ эту минуту показалась баронесса, возвращавшаяся съ своей обычной прогулки къ винограднику, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ для нея было смотрѣть, какъ зрѣетъ виноградъ. Вокругъ баронессы скакали и бѣгали въ запуски маленькіе Громмелены, на которыхъ она обращала, повидимому, не больше вниманія, чѣмъ на пару разыгравшихся щенятъ.

Возраженіе снохи вызвало у Сафра движеніе недовольства.

— Какое отношеніе можетъ имѣть присутствіе моей жены къ тому, о чемъ я говорилъ?

Катерина объяснила невозмутимо:

— Тутъ все дѣло въ недостаткѣ помѣщенія. Вы хорошо знаете, что до тѣхъ поръ, пока моя свекровь дѣлаетъ намъ удовольствіе своимъ пребываніемъ здѣсь, ей требуются три комнаты: одна на день, одна для ночи и одна, рядомъ съ ними, для ея горничной.

И Катерина встала, очень любезно улыбаясь свекру, котораго она покидала, и свекрови, которой шла навстрѣчу, чтобы спросить ее, какъ она чувствуетъ себя этимъ удушливо-жаркимъ днемъ.

Баронъ Сафръ, оставшись одинъ, долго сидѣлъ въ задумчивости. Мысли его заняты были тѣмъ, что произошло, — почти давно уже, — между нимъ и Жизелью д'Эксирейль.

Въ первые дни послѣ этой сцены, оставленныя ею впечатлѣнія были внезапно оттѣснены, заглушены въ немъ опасными неудачами финансовыхъ операцій, встревожившими его голову громадною массою думъ. Но Сафръ хорошо понималъ, что воспоминаніе объ этой женщинѣ исчезнуть не можетъ. Онъ зналъ, что въ данное время оно только затерялось за множествомъ нагромоздившихся извѣстій, угрожающихъ сразу скопившимися опасностями.

Одинъ разъ всего баронъ видѣлъ мадамъ д'Эксирейль, ухитрившись такъ устроить, что мужъ самъ привелъ его къ Жизели, пригласивши обѣдать. Для этого Сафру достаточно было дать понять Эксирейлю, что въ отсутствіе баронессы и всей семьи, уѣхавшихъ въ деревню, онъ вынужденъ въ этотъ день обѣдать дома одинъ холостякомъ.

Сказать по правдѣ, баронъ былъ положительно озадаченъ обра-

щеніемъ съ нимъ молодой женщины. По отношенію къ нему она выказала только ледяную вѣжливость. А всего поразительнѣе былъ такой видъ у нея, будто она понятія не имѣетъ о томъ, что своимъ появленіемъ могъ заставить ее почувствовать баронъ Сафръ. Единственно, что въ продолженіе цѣлаго вечера онъ успѣлъ уловить на ея лицѣ, это мимолетное выраженіе ненависти, не къ нему даже, а къ Жаку д'Эксирейлю, чего тотъ не замѣтилъ. Нѣсколько разъ она какъ бы хотѣла уничтожить его своими взглядами, когда Жакъ чуть-чуть свыше мѣры ухаживалъ за гостемъ или слегка намекалъ на то, чѣмъ онъ обязанъ барону. Изъ этого Сафръ вывелъ заключеніе, что ему придется все начинать сызнова, чтобъ овладѣть Жизелью. Предположеніе это не показалось ему непріятнымъ. Ясно было, что окончательная побѣда надъ такою женщиной—далеко не легкое дѣло. А съ тѣмъ вмѣстѣ Сафръ счелъ себя вправѣ быть увѣреннымъ въ томъ, что съ нею нечего опасаться нескромности, ни жалобъ мужу, ни скандала...

Нѣсколько дней спустя, баронъ снова погрузился весь въ свои дѣла. Графъ и графиня де-Громмеленъ тоже уѣхали гостить къ своимъ друзьямъ въ Туренъ.

Въ домѣ Артура Сафра оставались только баронесса, да приглашенные Катериной одинъ бѣдный кузенъ и одна старая дѣвица изъ семьи Вальдреновъ.

Вскорѣ затѣмъ маркизъ де-Реневъ воспользовался торжественнымъ случаемъ, заставившимъ его гостить въ Эвекфлёрѣ, и черезъ день послѣ пріѣзда явился въ замокъ Мёлетъ, гдѣ его не пустили безъ обѣда.

Катерина употребила всѣ усилія, зависящія отъ хозяйки, чтобъ оживить свое тихое лѣтнее жилище и сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ немъ молодого человѣка.

Реневъ въ глубинѣ души сознавался въ томъ, что абсолютно ничего не можетъ разобрать въ характерѣ своей обворожительной пріятельницы, которую онъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ преслѣдовалъ необыкновенно пылкими, очень мило принимаемыми и совершенно безплодными ухаживаніями... О чемъ мечтаетъ она такъ задумчиво? Чего ждетъ она еще неизвѣданнаго отъ жизни?... Или, быть-можетъ, въ ея томномъ взглядѣ отражается полное отреченіе отъ всего?... Несмотря на ея очень упорное сопротивленіе, молодому человѣку удалось вырвать у нея сознаніе въ томъ, что она не любитъ своего мужа. И весьма возможно, что, послѣ своей дочери, ничего въ мірѣ она не любитъ, кромѣ прелести ума и изящества красиваго маркиза. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ она

почти призналась ему, или, во всякомъ случаѣ, дала ему поводъ угадывать это. Онъ помнилъ минуты, когда ему казалось, будто она готова отдаться всей своей нѣжности къ нему, и тогда-то она принимала самый насмѣшливый тонъ, сразу охлаждавшій ихъ обоихъ.

Катерина, принимая его въ этотъ день, расточала передъ нимъ всю живость своей веселости, служившей, какъ онъ уже зналъ это, выраженіемъ чувства радости по случаю его пріѣзда. Это, конечно, до нѣкоторой степени утѣшало его, но ввести въ заблужденіе отнюдь не могло. Реневъ ни на что уже не надѣялся. Тѣмъ не менѣе, часы, проведенные съ нею, летѣли быстро и почти счастливо въ этой безукоризненно-чистой короткости. Наслажденіе, которое неодолимо привлекало его къ Катеринѣ, заключалось въ мечтѣ, что онъ, несомнѣнно, одинъ во всемъ мірѣ могъ увлечь ее, хотя вслѣдъ затѣмъ являлось сознаніе, полная увѣренность въ томъ, что никогда этого не будетъ.

Послѣ обѣда, на предложеніе Катерины пройтись по саду никто не отозвался, кромѣ Ренева. И скоро они вышли вдвоемъ, любуясь красотой яснаго, теплаго вечера.

— Какъ вы молчаливы сегодня! — воскликнула она, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ.

Онъ смотрѣлъ на освѣщенный луною чудный силуэтъ молодой женщины. Обутая въ лаковые сапожки, она держала въ рукѣ высокую камышевую трость. Корсажъ ея бѣлаго платья былъ отдѣланъ красными муаровыми отворотами, придававшими ей видъ воинственной смѣлости. А широкополая шляпа на ея черныхъ блестящихъ волосахъ дѣлала ее похожею на одну изъ знатныхъ дамъ, героинь Вандеи.

— Я думалъ,—заговорилъ Реневъ со вздохомъ,—о томъ, что, быть-можетъ, иной судьбы вы удостоили бы меня, еслибы мы съ вами жили въ другія времена... Мы, вѣроятно, принимали бы участіе въ событіяхъ, болѣе пламенныхъ, которыя могли бы вызвать въ васъ ко мнѣ такія чувства... за которыя я съ восторгомъ отдалъ бы всю мою кровь!

— Стóитъ ли пускаться фантастически въ глубь временъ? — сказала она грустнымъ голосомъ. — Далеко это!... И что для насъ было бы хорошаго, еслибы мы тогда встрѣтились?... Сами судите: мы современники, однихъ лѣтъ, живемъ въ одномъ городѣ, и, все-таки, не встрѣтились даже для того, чтобы стать мужемъ и женой!...

— А еслибы во время встрѣтились, то сдѣлать это все же не могли бы!

Она взглянула на него, желая удостовѣриться въ томъ, что препятствіемъ къ ихъ браку, на которое онъ намекнулъ, былъ тотъ мотивъ, который она съ своей стороны угадала: самый первый изъ всѣхъ—недостатокъ средствъ у обоихъ.

Унылый жестъ спутника былъ утвердительнымъ отвѣтомъ на ея невысказанный вопросъ.

— Увы!—вздохнулъ молодой человѣкъ изъ глубины души

И, не оборачивая головы къ ней, онъ говорилъ тихо:

— А! Еслибы вы любили меня такъ, какъ я васъ люблю, вамъ и въ голову никогда бы не пришло, что мы не женаты!

— Какъ же это не пришло бы мнѣ въ голову, когда я то замужемъ за другимъ?

Реневъ не выдержалъ и пустился опять въ борьбу, изъ которой уже столько разъ выходилъ съ измученнымъ сердцемъ.

— Возможно ли,—началъ онъ оживляясь,—чтобы вы ставили предразсудки выше естественныхъ правъ человѣка любить и быть любимымъ,—тѣхъ правъ, неотъемлемость которыхъ мы чувствуемъ душой своей?

— Не вздумайте проповѣдывать мораль животныхъ. Мы должны отличаться отъ нихъ именно тѣмъ, что вы называете предразсудками.

— А вотъ я нахожу, что люди уподобляются животнымъ, такъ какъ допускаютъ приручать себя къ условнымъ обычаямъ, дрессировать, какъ стадо, въ направленіи ходячихъ идей, водить, какъ барановъ, при чемъ они безсмысленно повторяютъ лишь то, что дѣлаютъ другіе!... Конечно, удобно сообразоваться съ обиходомъ, давно готовымъ и установленнымъ разъ навсегда. Не много требуется даровитости для того, чтобы пройти такой курсъ добродѣтели и поступать всегда такъ, какъ тамъ прописано...

— Что же, по вашему, достойно уваженія въ человѣкѣ?

— Я считаю, что нѣтъ ничего болѣе истиннаго, прекраснаго, высокаго, чѣмъ самостоятельность избранныхъ натуръ. Я восхищаюсь лишь тѣмъ, въ чемъ проявляется независимая личность, умѣющая сама создать себѣ особливое существованіе. И, наконецъ, я преклоняюсь передъ дивными проявленіями страсти, которая одна способна вызвать въ человѣкѣ полное развитіе его души и можетъ въ совершенной свободѣ разума вести его къ апогею личности.

— Сожалѣю о томъ,—возразила Катерина немного сухо, — что мои взгляды столь ограничены, по вашему мнѣнію... Но, съ другой стороны, позвольте мнѣ все-таки порадоваться тому, что не всѣ считаютъ себя вправѣ устраивать свою жизнь какъ имъ взду-

мается... или, вѣрнѣе, какъ вамъ нравится... То, что вы хотѣли мнѣ доказать, было,—не правда ли,—урокомъ, какъ мнѣ слѣдуетъ вести себя по отношенію къ вамъ?...

Бесѣда утратила всю свою мягкость. Затаенныя чувства Катерины, какъ всегда, лишь только проглядывала ихъ нѣжность, быстро сдавливались и оставляли послѣ себя одну горечь. Реневъ, раздосадованный, недовольный собою за то, что вызвалъ ея недовольство, продолжалъ, сдерживаясь:

— Скажите, однако, что вы находите столь похвальнаго и священнаго въ ходѣ вещей, по обычаямъ?

— Во всякомъ случаѣ, организаціей семьи мы имъ обязаны... И этого уже достаточно для того, чтобъ уважать ихъ!

Насмѣшливо-злое выраженіе появилось на губахъ молодого человѣка.

— Да, къ слову о семьѣ,—сказалъ онъ,—я имѣю къ вамъ порученіе отъ главы вашей семьи. Наканунѣ моего отъѣзда я встрѣтился въ ресторанѣ съ барономъ Сафромъ, недавно вернувшимся отсюда...

Катерина видѣла ясно, что подготовляется какая-то ехидная иронія.

— И что же онъ просилъ передать мнѣ?

Реневъ сдѣлалъ видъ, будто колеблется.

— Глава вашей семьи,—повторилъ онъ,—довѣрилъ мнѣ постараться выспросить у васъ половчѣе, имѣете вы или нѣтъ какіе-нибудь поводы быть не особенно расположенною къ Эксирэйлямъ... Данныя мнѣ инструкціи, вполнѣ дружескія, состоятъ въ томъ, чтобъ я разузналъ осторожно, чѣмъ обусловлено ваше предубѣжденіе... быть можетъ... совершенно случайное... конечно, незаслуженное... противъ молодой женщины?...

Губы Катерины рѣзко сжались.

— Мнѣ любопытно было бы знать,— сказала она,— зачѣмъ понадобилось ваше посредничество въ такомъ вопросѣ?

— Мнѣ это тоже любопытно... Я раздумывалъ о томъ, въ силу какихъ сложныхъ умозаключеній баронъ Сафръ нашелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ, ничтожному, для улаживанія съ женою его сына того дѣла, которое его интересуетъ. И какъ я ни ломалъ голову, этому нашлось только одно объясненіе...

— Какое?

Маркизъ смѣло устремилъ на нее глаза. И съ изящною дерзостью человѣка, котораго знаніе свѣта научило, насколько избытокъ наглости можетъ остаться безнаказаннымъ, онъ отвѣтилъ:

— Вашъ свекоръ думаетъ, навѣрное, что я вашъ любовникъ... О! не сердитесь! Разберите сами... Если не это, то какое основаніе имѣлъ онъ обращаться къ моему вліянію на жену его родного сына? И уже не моя вина, если самъ онъ такимъ образомъ призналъ меня болѣе достойнымъ васъ!...

И, на самомъ дѣлѣ, рѣзкость нападенія не особенно оскорбила Катерину. Она молчала, въ то время, какъ ея думы принимали то направленіе, которое онъ имъ далъ. Она видѣла, какъ обычное теченіе жизни выбиваетъ безпрерывно изъ колеи всѣ убѣжденія, на которыя она слѣпо полагалась, рѣшивши идти неуклонно прямымъ путемъ.

Они прогуливались по высокой площадкѣ, тянувшейся вдоль фасада дома. Поровнявшись съ однимъ изъ послѣднихъ оконъ нижняго этажа, они машинально остановились, не доходя до полосы свѣта, падавшаго изъ окна. Передъ столомъ, заваленнымъ толстыми книгами, освѣщеннымъ сильною лампой, они увидали Артура Сафра, запрокинувшаго въ раздумьѣ свою маленькую, упрямую и болѣзненную головку будущаго кандидата на академическія почести. Подъ руками у него лежали въ порядкѣ кипы бумагъ, отъ времени до времени онъ вписывалъ что-то гусинымъ перомъ въ тетрадь, перемарывалъ и опять писалъ. Выйдя изъ обѣда, онъ тотчасъ же направился въ свою комнату пролагать себѣ путь къ Институту.

Реневъ, не говоря ни слова, подмѣтилъ взглядъ Катерины, устремленный на мужа и почти въ ту же минуту затерявшійся въ пустомъ пространствѣ. Красавчикъ-маркизъ прочелъ на лицѣ своей спутницы мимолетное выраженіе, отъ котораго безумно забилось его сердце. Вся фигура чудно-красивой женщины выражала безконечное презрѣніе къ мелкому глупышу, имѣвшему на нее всѣ неограниченныя права мужа.

— Такъ неужели вы могли бы дѣлить меня... вонъ съ нимъ?— проговорила она отрывистымъ голосомъ, въ тонѣ котораго Реневъ съ гордостью разслышалъ, что онъ стоитъ внѣ всякаго сравненія.

До этой минуты ничего похожаго на подобный вопросъ не приходило ему въ голову. Молодой человѣкъ прошепталъ растерянно:

— Да развѣ же эта фигура осмѣливается?...

Выраженіе горькой злобы скользнуло по лицу Катерины.

— Будьте моею!—воскликнулъ Реневъ, въ припадкѣ страшной ревности.—И только моею!...

Онъ быстро двинулся къ Катеринѣ. Она отступила назадъ, тихо и печально качая головой. И, чтобы покончить разъ навсегда,

она въ нѣсколькихъ фразахъ раскрыла ему все, казавшееся необъяснимымъ, указала самую сущность закона, которому она повиновалась.

— Нѣтъ, я не могу отнять себя у того человѣка, которому я принадлежу! Меня ему продали... я на это согласилась. Тутъ уже нѣтъ возврата!... Видите ли, милый мой, я происхожу изъ такой семьи, гдѣ всегда честно исполняли принятыя на себя обязательства, жертвовали собою до послѣдней крайности... Для насъ, женщинъ,— добавила она съ гордою рѣшимостью отчаянія,— подчиняться самому отвратительному порядку вещей, изнывать отъ ужаса на своемъ посту, не покидая его,— есть намъ данный въ удѣлъ способъ исполнять наши обязательства!

Катерина медленно удалялась отъ него. Въ эту минуту ей непріятно, горько было, что она раскрыла передъ нимъ свои задушевныя убѣжденія, и она не хотѣла ничего далѣе слушать и говорить ему.

— Постойте!—шепталъ онъ, не помня себя.—Умоляю васъ, Катерина!... Все, что хотите... что потребуете... Я на все согласенъ!...

Но она была уже далеко. Повертывая ручку стеклянной двери гостиной, молодая женщина пріостановилась на мигъ и отвѣтила:

— А я нѣтъ!... Никогда!

Хозяйка вошла въ домъ и скрылась въ глубинѣ комнаты, гдѣ небольшимъ кружкомъ сидѣли остальные гости. Рѣшившись послѣдовать за нею тѣмъ же путемъ, маркизъ де-Реневъ, самъ не зная какъ и почему, вспомнилъ о теоріи «арматуры», которую излагалъ ему когда-то Тарсюль. Не убѣдился ли онъ самъ теперь въ томъ, что на нее опирается сопротивленіе любимой женщины?... Только, разсуждая о матеріальной связи, властно устанавливаемой деньгами, Тарсюль, увлеченный пессимизмомъ, ограничился лишь указаніемъ на корысть и выгоды. Онъ упустилъ изъ вида тѣ случаи, когда такая связь держится лишь по милости честности людей.

VI.

Графъ де-Громмеленъ.

Послѣ умершаго стараго дяди въ Туренѣ на долю Громмелена досталось около сорока тысячъ франковъ годового дохода. Какъ только приведена была въ извѣстность сумма наслѣдства, графъ порѣшилъ, что впредь онъ имѣетъ достаточную возможность распоряжаться своими чувствами, какъ угодно, и устроить свою жизнь,

какъ онъ найдетъ для себя болѣе удобнымъ. Покончивши всѣ формальности по полученію наслѣдства, онъ прямо отъ нотаріуса прошелъ къ стряпчему, контора котораго была этажомъ ниже.

Сказавши свое имя и титулъ, Громмеленъ заявилъ о своемъ желаніи начать противъ жены процессъ о разводѣ. Стряпчій справился, прежде всего, о томъ, не занимался ли кто-нибудь изъ его коллегъ дѣлами представляющагося кліента. Единственнымъ щекотливымъ пунктомъ было опасеніе перебить практику у товарища. Но, разъ успокоенный на этотъ счетъ, почтенный чиновникъ охотно взялся мстить за графа де-Громмелепа, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ этой минуты онъ готовъ былъ любезно и неуклонно исполнять его желанія, стать ярымъ противникомъ графини де-Громмеленъ, которую онъ никогда не видалъ, преслѣдовать ее, травить, загнать и заставить заплатить всѣ судебныя издержки.

— Угодно вамъ сказать, какіе имѣете поводы для развода?

— Супружеская невѣрность,—отвѣтилъ мужъ просто.

— О, графъ, обвиненіе очень серьезное! Не погнѣвайтесь на мою осторожность въ данномъ случаѣ! Я поставилъ себѣ за правило дѣйствовать съ большою осмотрительностью въ подобныхъ дѣлахъ, когда въ нихъ замѣшаны лица, принадлежащія къ высшему парижскому обществу... Предположенія должны быть подкрѣплены вѣскими доказательствами... По вашему мнѣнію, какъ давно началось то, въ чемъ вы обвиняете вашу супругу?

— Думаю, что лѣтъ пять-шесть назадъ...

— И вы теперь только узнали объ этомъ?

— Я только что рѣшилъ покончить съ этимъ.

— А... извините за выраженіе... сообщникъ графини принадлежитъ, конечно, къ вашему кругу... изъ числа вашихъ знакомыхъ, быть можетъ?... Это весьма важно для опредѣленія правъ на дѣтей... Короче сказать, имѣемъ ли мы дѣло, какъ это обыкновенно бываетъ и какъ я того отъ души желаю, съ вашимъ близкимъ знакомымъ, съ пріятелемъ, бывающимъ у васъ чуть не каждый день?

— Этого я не знаю.

— Стало быть, вы еще только подозрѣваете? Но кого же, однако?

— Ни на кого я не могу указать въ данную минуту...

— Въ такомъ случаѣ, на чемъ же вы основываете ваши предположенія?... Какъ вы хотите начинать дѣло?

— Государь мой, мнѣ не нужно знать, кто любовникъ моей жены, для того, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что у нея есть

любовникъ. Съ меня довольно того, что я ее знаю!... Я поручаю вамъ выслѣдить и уличить ее. Устройте дѣятельный надзоръ за нею. На это у васъ есть спеціальные люди, услугами которыхъ, я полагаю, вы пользуетесь въ подобныхъ случаяхъ?

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ стряпчій.

— Слѣдовательно, къ тому времени, когда фактъ можно будетъ формально удостовѣрить, мы получимъ такимъ образомъ достаточныя свѣдѣнія объ интересующей насъ личности... Мнѣ это—не къ спѣху. Поручая вамъ сдѣлать все необходимое, я предупреждаю, что покончить дѣло хотѣлъ бы скорѣе, но особенно торопить васъ не намѣренъ.

Затѣмъ Громмеленъ далъ нѣкоторыя указанія на привычки графини, на дни и часы, въ которые она уходитъ всего чаще изъ дому, долго не возвращается, пребываетъ—неизвѣстно гдѣ.

Покончивши съ этимъ, онъ вернулся домой какъ разъ къ завтраку и спокойно усѣлся за столъ на свое мѣсто отца семейства и супруга. По правую его руку помѣстился его старшій сынъ, по лѣвую—младшій, противъ него сидѣла мать этихъ дѣтей,—каковымъ титуломъ онъ самъ такъ недавно прикрывалъ поведеніе графини, великодушно вздыхая, въ разговорѣ съ Катериной Сафръ.

Мари-Бланшъ сообщила мужу о двухъ приглашеніяхъ на обѣды въ одинъ и тотъ же день, только что полученныхъ отъ генеральши Кляси-Боркъ и отъ Мейлей.

— Я очень затрудняюсь, кому отдать предпочтеніе,—говорила она.—У Жанны всегда веселѣе, но у нея бываютъ иногда какіе-то господа изъ кружковъ артистовъ, тогда какъ у генеральши, хотя и чахнешь отъ тоски девять разъ изъ десяти, за то можешь попасть въ число самыхъ отборнѣйшихъ и очутиться за столомъ съ однимъ изъ членовъ фамиліи де-Гюйенъ!... Терпѣть я не могу этихъ приглашеній на картонѣ. Нѣтъ возможности угадать по нимъ, съ кѣмъ васъ посадятъ... Хозяева точно не понимаютъ, что люди обѣдаютъ, по большей части, не у нихъ, а скорѣе съ тѣми, кого они приглашаютъ... Какъ вы полагаете, къ кому намъ лучше ѣхать?

— Въ какой день зовутъ?

— О, черезъ три недѣли!... Я хочу отвѣтить черезъ нѣсколько дней, пособравши предварительно кое-какія данныя.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Громмеленъ твердо,—прежде всего, надо быть корректными. Рѣшать вопросъ вы можете, какъ вамъ угодно, а отвѣчайте сейчасъ же. Для меня, въ виду такого долгаго срока, это безразлично... И я имѣю основаніе предполагать, что останется совершенно безразличнымъ!

И на самомъ дѣлѣ, не прошло двѣнадцати дней, какъ онъ получилъ приглашеніе пожаловать въ контору стряпчаго, взявшагося вести его дѣло.

— Графъ,—заявилъ ему стряпчій,—я думаю, что вы останетесь довольны. Я собралъ свѣдѣнія, и ихъ вполнѣ достаточно. Мы можемъ приступить къ формальностямъ, которыя послужатъ основаніемъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Только... вы знаете пословицу: не слѣдуетъ гнаться за двумя зайцами... Вамъ предстоитъ сдѣлать выборъ.

— Выборъ?—спросилъ Громмеленъ, пощипывая усы и гордо выпрямляясь.

— Непремѣнно!... Собранными свѣдѣніями дознано, что графиня отправляется попеременно въ два различныя мѣста свиданій и встрѣчается тамъ съ двумя разными лицами...

Стряпчій досталъ изъ своихъ бумагъ рядъ замѣтокъ, подтверждавшихъ сказанное имъ.

Какъ ни былъ Громмеленъ подготовленъ ко всякимъ случайностямъ, сообщеніе это все же покоробило его внутренно. Впечатлѣніе, испытанное имъ, могло бы быть передано такими словами: «Очень мило! По-истинѣ, восхитительно!» Онъ не затруднился бы сказать это громко, еслибъ велъ настоящій разговоръ съ родственникомъ, съ близкимъ человѣкомъ или съ равнымъ себѣ. Но съ собесѣдникомъ, на котораго графъ смотрѣлъ съ высоты своего величія, онъ счелъ неумѣстнымъ высказываться. На его лицѣ лежало дерзкое выраженіе, дававшее понять, что графиня знаетъ сама, какъ надлежитъ ей поступать.

— Можете назвать мнѣ имена этихъ господъ?—спросилъ мужъ.

Стряпчій справился въ своихъ бумагахъ.

— Да, во-первыхъ, имѣется наниматель маленькой квартирки съ вами по сосѣдству, графъ, въ очень чистомъ домѣ... Да, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ васъ... Тамъ графиня встрѣчается съ однимъ господиномъ, какъ будто военнымъ... Позвольте, какъ его фамилія? Я помню, что по второму разу его тоже выслѣдили. Вотъ: его зовутъ мосьё д'Іанси.

— Какъ, опять онъ?—воскликнулъ Громмеленъ.—Да, вѣдь, онъ женился всего три мѣсяца назадъ!

Стряпчій сдѣлалъ жестъ, выражающій, что онъ скорбитъ объ этомъ, но горю помочь не въ силахъ.

— А кто другой?—продолжалъ Громмеленъ.

— Другой—мосьё де-Форлеанъ, живущій со своею матушкой.

Онъ принимаетъ графиню въ номерѣ меблированныхъ комнатъ, очень зауряднаго вида, въ улицѣ Звѣзды...

Въ выборѣ графъ де-Громмеленъ ни минуты не колебался. У него множество резоновъ было ничего не предпринимать противъ д'Ианси. Въ ихъ числѣ не первенствующее значеніе имѣло то обстоятельство, что замышляемое враждебное столкновеніе съ блестящимъ офицеромъ могло бы повести къ дуэли. Для Громмелена болѣе существенное значеніе имѣла свѣтская корректность его довольно уже старыхъ отношеній къ Рожеру. А за тѣмъ тутъ дѣло касалось не только женатаго человѣка, но очень близкаго къ семейству, аристократическое спокойствіе котораго было бы непорядочно тревожить скандаломъ. Это могло бы произвести очень неблагопріятное впечатлѣніе на весь кружокъ Жизоровъ, Латерранку и друг. И наоборотъ, Ліонель де-Форлеанъ былъ ничтожнымъ новичкомъ въ парижскомъ обществѣ. Салонъ его матери не имѣлъ никакого значенія. Ближайшіе его родственники были неважными провинціальными дворянчиками...

Стряпчему оставалось только уговориться съ кліентомъ относительно нѣкоторыхъ подробностей, условиться о томъ, какъ вѣрнѣе изловить того изъ виновныхъ, котораго Громмеленъ сочтетъ болѣе удобнымъ притянуть къ дѣлу. Стряпчій направилъ оскорбленнаго мужа къ мѣстному полицейскому коммиссару, изъявившему готовность оказать содѣйствіе, какъ только потребуется вмѣшательство административной власти.

Все устроилось такъ удачно, что на третій день передъ вечеромъ виновные были застигнуты врасплохъ полиціей, вошедшей безъ шума въ ихъ номеръ, при помощи двойного ключа, выданнаго слугою меблированныхъ комнатъ...

Приглашенный чиновникомъ графъ де-Громмеленъ удостовѣрилъ, что ошибки не произошло, что присутствующіе видятъ передъ собой дѣйствительно мамашу его дѣтей. Тотчасъ же былъ составленъ протоколъ, по формѣ, установленной для такихъ случаевъ...

Когда, по уходѣ нежданныхъ гостей, комната осталась въ полномъ распоряженіи постояльцевъ, Мари-Бланшъ поспѣшила, прежде всего, отдѣлаться отъ Ліонеля, жалкаго, растеряннаго, неспособнаго ни разсуждать, ни что-либо обдумать. Она выпроводила его быстро и грубо, разговаривая громко сама съ собой... Юнецъ бѣжалъ, ошеломленный всѣмъ случившимся и того болѣе, быть можетъ, словами своей дамы, которыми она раздѣлывала своего мужа и которыхъ, по мнѣнію Ліонеля, не могла не только произносить, но даже и знать порядочная женщина.

Отсутствіе какихъ-либо предшествующихъ симптомовъ, непредвидѣнность скандала усиливали потрясающій эффектъ, произведенный имъ на Мари-Бланшъ. Но въ женщинѣ, съ такимъ разстроеннымъ мозгомъ, привыкшей слѣдовать безъ малѣйшаго удержа всѣмъ своимъ влеченіямъ, первымъ пробудилось чувство безумной ненависти. Не задумываясь надъ тѣмъ, что поступокъ съ нею Громмелена представлялъ лишь начало осуществленія обдуманнаго плана, она мечтала только о самой злой мести. Одна мысль, заслоняющая собою всѣ остальныя, вертѣлась неотступно въ ея хилой головкѣ: мысль о томъ, что непремѣнно должно существовать какое-нибудь легальное средство, которое можно съ подавляющимъ успѣхомъ пустить въ ходъ противъ мужа, осмѣлившагося уличить въ невѣрности свою супругу.

Только выйдя на улицу, Мари-Бланшъ, отрезвленная немного холодомъ, начала понимать отчасти свое положеніе. Она сообразила, насколько позорно и невозможно было ея возвращеніе къ себѣ, гдѣ Громмеленъ, — какъ ей представлялось, — водворился совершенно спокойно и отдалъ уже приказаніе вышвырнуть ее вонъ изъ дома, который онъ получилъ за нею въ приданое!... Кто ихъ тамъ знаетъ,—возможно, что и полицейскій коммиссаръ поджидаетъ ее въ этомъ домѣ? Почему бы и не такъ? Не сдѣлался ли онъ самымъ близкимъ человѣкомъ ея мужу, который не постыдился показать ему свою жену въ такомъ неприличномъ видѣ?

Вдругъ ей пришла въ голову мысль, восхитившая ее своею геніальностью:—надо, какъ можно скорѣй, мчаться къ отцу, требовать его помощи, его могучаго заступничества, пользуясь его извѣстнымъ ей огромнымъ нерасположеніемъ къ Громмелену. Да, такъ и слѣдовало поступить, необходимо было противопоставить мужчину такой силы, какъ баронъ Сафръ, этому гадкому мужу, не посовѣстившемуся вступить въ союзъ съ полицейскимъ противъ слабой женщины и почти мальчика!...

Къ отцу она явилась совсѣмъ не во-время. Баронъ Сафръ нисколько не расположенъ былъ отвлекаться отъ дѣла для кого бы ни было. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день раннимъ утромъ ѣхать въ Лондонъ, а до тѣхъ поръ у него даже для сна минуты не было свободной. Въ часы такихъ думъ и напряженныхъ разсчетовъ всѣ чувства барона принадлежали массамъ цифръ, складывавшихся въ его головѣ.

А потому, при входѣ дочери, взгляды ихъ обоихъ имѣли такое выраженіе, будто они оба сами не знаютъ, откуда они явились и какъ очутились вмѣстѣ.

— Папаша,— заговорила Мари-Бланшъ въ сильномъ волненіи,—я пріѣхала просить васъ... Умоляю, защитите меня, избавьте меня отъ моего мужа! Вы знаете, что это за человѣкъ! Я не могу далѣе жить съ нимъ!

— Что такое случилось?—спросилъ баронъ разсѣянно.

— О, глупости!... Но это окончательно невыносимо!... До сихъ поръ,—продолжала она съ притворною дрожью въ голосѣ,—я не хотѣла безпокоить васъ моими жалобами на его обращеніе со мной. Но всякому терпѣнію есть граница. Мое истощилось, я хочу выйти изъ этого рабства. Теперь я всѣ надежды мои возлагаю на вашу поддержку и на вашу доброту.

Сафръ, слишкомъ занятый собственными дѣлами, едва слушалъ и смутно понималъ жалобы дочери.

— На что онѣ тебѣ понадобились?—спросилъ онъ.

— Чтобы потребовать развода.

— Ну, этому не бывать! Никогда я не стану тебя поддерживать ради такой безсмысленной неловкости.

Мари-Бланшъ закусила губы отъ злости. Она знала, что почти нѣтъ средствъ убѣдить отца отступиться отъ разъ принятаго рѣшенія, и уже ненавидѣла его за то, что онъ порѣшилъ дѣло такъ скоро.

— Что же будетъ со мной,—проговорила она тономъ горькой укоризны,—если вы первый выдаете меня?

Сафръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Изъ-за какого повода можешь ты начать процессъ съ мужемъ?

— Все равно изъ-за какого!... Изъ-за характера!... Моя горничная можетъ засвидѣтельствовать, каковъ онъ... Это худшій изъ самыхъ грязныхъ людей! И если онъ осмѣлится возражать что-нибудь, тогда всѣ поднимутся противъ него!

Сафръ отрицательно покачалъ головой и возразилъ:

— Наше общество знать не хочетъ того, насколько супруги могутъ быть неправы одинъ относительно другого. Но есть одинъ поступокъ, единственный, котораго оно никому не прощаетъ: это—разводъ! Мы сплошь и рядомъ видимъ, что мужъ—шутъ парадный, а жена—шутовка негодная, и общество ничуть этимъ не шокируется, потому что шутъ съ шутовкой въ качествѣ супруговъ живутъ, какъ всѣ, какъ установлено свѣтскими обычаями. Дѣло въ томъ, что женщина безъ мужа—не въ обычаѣ. Въ нашемъ high-life'ѣ женщина существуетъ и признается только въ парѣ съ му-

жемъ... Посмотри сама, въ какое отвратительное положенiе поставили мадамъ Кризьё со времени ея развода, несмотря на ея абсолютную безупречность!... Или еще баронессу Амбре-Гелли, которая почти безупречна...

— Но рядомъ съ ними мы видимъ другихъ, которыя пречудесно живутъ безъ мужей, а у нихъ все-таки бываютъ и Куси, и Жизоры, и Божоле, и всякiе Эпернoны!...

— Ну, вотъ еще! Не достаетъ, чтобы ты указала на женщину, которая была вице-королевой и разошлась съ своимъ лордомъ, носитъ теперь свою прежнюю, старинную аристократическую фамилiю! Изъ всякихъ самыхъ священныхъ правилъ есть, разумѣется, исключенiя... Да кромѣ того, еслибы не было у нея двухъ миллiоновъ годового дохода, еслибъ она принуждена была жить скромненько, мы бы посмотрѣли, насколько стали бы съ нею церемониться! Повторяю тебѣ: для женщины только и есть одна роль — оставаться женой своего мужа. При этомъ условiи она можетъ дѣлать все, что угодно, хотя бы самое худшее, даже не скрывая этого, а дѣлая только видъ, будто скрываетъ. Всѣмъ извѣстно, что отъ человѣческихъ слабостей никто не свободенъ, только всѣ притворяются, будто не замѣчаютъ того, что продѣлываетъ ближнiй, лишь бы самъ онъ не выставлялъ на-показъ своихъ поступковъ... Общество принимаетъ на себя поручительство за всѣхъ женщинъ, которыхъ оно принимаетъ, но съ тѣмъ условiемъ, чтобы мужъ былъ первымъ поручителемъ. А отъ него требуется только, чтобъ онъ терпѣливо сносилъ все, очевидно съ нимъ происходящее, какъ и то, что никому не извѣстно, и чтобъ онъ не нарушалъ ребячьими криками общей гармонiи и спокойствiя избраннаго кружка порядочныхъ людей...

Мари - Бланшъ вздрагивала отъ нетерпѣнiя, едва слушая пространныя разглагольствованiя барона, уснащавшаго ими свой отказъ въ помощи, отъ которой зависѣла теперь участь его дочери. Онъ принадлежалъ къ тому разряду говоруновъ, которые не терпятъ, чтобъ ихъ прерывали, и въ данную минуту разошелся.

— Всего лучше, осмотрись кругомъ, перебери нашихъ знакомыхъ! Все это люди высшаго общества, пользующiеся наилучшею репутацiей за свою порядочность и изящество, всѣ заискиваютъ въ нихъ ради прiемовъ, которые у нихъ бываютъ, и тѣхъ прiемовъ, гдѣ желательно, чтобъ они бывали... Присмотрись, оцѣни, сочти и скажи, не добрая ли половина этихъ женщинъ терпима въ нашемъ кругу лишь потому, что онѣ замужемъ и что за нихъ отвѣчаетъ мужъ. И ты пойми, что вся сила тутъ въ замужествѣ, а не въ му-

жѣ! Мужъ можетъ быть самымъ послѣднимъ изъ шелопаевъ. Сомнительныхъ женщинъ принимаютъ вовсе не изъ уваженія къ мужьямъ, которыхъ обвиняютъ въ глупости, въ снисходительности и въ гадости... Все держится не личностями, а самимъ бракомъ какъ установленіемъ... Посуди сама, еслибъ мужья не были поручителями, развѣ сталъ бы кто-нибудь принимать баронессу Рифенилье или мадамъ де-Люзюръ, которыхъ всѣ приглашаютъ, однако? Или мадамъ де-Бираксъ, про которую всѣмъ извѣстно, что ея портной получаетъ уплату по счетамъ отъ Ишельдорфа? А мадамъ де-Мюльвиль?... А такая шлюха, какъ маркиза де-Ринжемонъ, съ которою мы третьяго дня обѣдали у тебя!...

— А мадамъ д'Эксирейль?—воскликнула Мари-Бланшъ, позеленѣвшая отъ нетерпѣнія и злости.

— Ну,—возразилъ баронъ высокомѣрно,—про эту, сколько мнѣ извѣстно, нельзя сказать ничего дурного.

Мари-Бланшъ промолчала, опустивши голову съ упорно-вызывающимъ видомъ. Сафръ, задѣтый за живое, заговорилъ отрывистымъ и рѣзкимъ тономъ:

— Ты поняла меня, надѣюсь. Я весьма рекомендую тебѣ отказаться отъ нелѣпой затѣи. И съ моей стороны не жди ты ни малѣйшей поддержки... а наоборотъ!...

— О!—воскликнула Мари-Бланшъ внѣ себя.— Я вѣрить не могу, что вы такъ меня покинете!

Похолодѣвшими пальцами она хотѣла схватить руки отца. Но онъ былъ оскорбленъ ею... Сафръ поднялся съ мѣста, отстранилъ дочь и заявилъ:

— Прошу кончить... Оставь меня въ покоѣ. У меня есть дѣло посерьезнѣе твоихъ несносныхъ причудъ... Если изъ головы ихъ не выкинешь, то можешь являться въ другой разъ, послѣ... черезъ полгода. Предупреждаю, впрочемъ, что мнѣнія своего я не измѣню.

Тонъ голоса и поза барона выражали опредѣленно, что его дочери остается одно — убираться вонъ. Но весьма не легко внушить мысль уходить тому, кому дальше идти некуда.

Въ эту минуту баронесса Сафръ вошла въ кабинетъ мужа. Точность была доведена ею до мелочности, и баронесса обезпокоилась тѣмъ, что мужъ запоздалъ на этотъ разъ приходомъ къ обѣду. Она поздоровалась съ дочерью, не соблаговоливши удивиться ея присутствію. Съ обычною своею осторожностью она поспѣшила тотчасъ же сдѣлать почти незамѣтнымъ для разговаривавшихъ, что въ комнатѣ появилось третье лицо.

Мари-Бланшъ, при всей путаницѣ мыслей, ни на минуту не

обманывала себя предположеніемъ, что мать способна оказать ей матеріальную поддержку или нравственную помощь. Но она тотчасъ же подбодрилась сознаніемъ, что она уже не одна съ отцомъ, а есть у нея нѣкоторая опора, если не въ присутствіи матери, то въ присутствіи женщины... Въ то же время она начала съ нѣкоторою ясностью понимать мотивы, побудившіе графа де-Громмеленъ объявить ей войну столь открыто. Мари-Бланшъ сообразила, наконецъ, что если мужъ обратился къ содѣйствію полиціи, то, разумѣется, онъ рѣшился идти дальше и довести дѣло до послѣдней крайности, указанной закономъ.

Тогда, прижатая необходимостью раскрыть немного свою игру, она смѣло пустилась навстрѣчу упрекамъ отца и заговорила:

— А еслибъ, желая начать процессъ съ мужемъ, я не имѣла другой цѣли, кромѣ желанія лишить его преимущества, которое онъ получитъ, начавши процессъ противъ меня?... Да, да... Неужели и въ такомъ случаѣ вы оставите меня одну выкарабкиваться изъ подобной исторіи?

Сафръ сдвинулъ брови. Онъ увидалъ правду и отвѣтилъ грубо:

— Мари-Бланшъ, перестань лгать! Признайся, что ты сдѣлала что-то такое, чѣмъ вооружила противъ себя мужа.

Молодая женщина отвернулась, не опуская головы.

— Пусть такъ!—продолжалъ баронъ.—Сказаннаго мною я не измѣню. Тебѣ остается одно—выпросить у мужа прощеніе, хотя бы во имя вашихъ дѣтей, хотя бы пришлось для этого ползать на колѣняхъ!

— Никогда!—крикнула она.

— Стало быть... Дура ты неловкая!... Попалась съ поличнымъ! Это мерзко и постыдно смѣшно! А, кажется, не можешь ты пожаловаться на привередливость мужа... Только сама-то ты не унималась до тѣхъ поръ, пока твое поведеніе не бросилось ему въ глаза. Сама ты выдавала себя каждый день болтовней, туалетами, манерами.... Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я угадываю. чую...

— Что?—прервала она нахально.

— А вотъ то, что отецъ не такъ глупъ, какъ мужъ! Я очень хорошо видѣлъ, что ты готова завертѣться и ждешь только случая... чтобы запустить свой чепчикъ черезъ мельницы!

Глаза Мари-Бланшъ сверкнули презрительнымъ лукавствомъ. Она готова была почти смѣяться, слыша доказательство того, какъ она въ теченіе шести лѣтъ дурачила такого большого знатока людей и ихъ слабостей, какимъ былъ баронъ Сафръ!

— Ты вообразила,— гнѣвно говорилъ онъ,— что тебѣ достаточно явиться сюда для того, чтобы я взялся улаживать всѣ твои нелѣпыя дѣла!... И не подумаю... Я убѣжденъ теперь, что ты кругомъ виновата, и вѣдайся ты съ своимъ мужемъ. Я ничего не возражу, если онъ захочетъ воспользоваться своими правами. И, кромѣ того, я отнюдь не желаю унижаться передъ этимъ господиномъ, выпрашивая его снисхожденія къ виновной!

— Я не ожидала,—возразила Мари-Бланшъ язвительно,—видѣть васъ такимъ ригористомъ!

И она взглянула на мать, разсчитывая подмѣтить на ея лицѣ выраженіе, хотя бы нѣмого, сочувствія, которое она думала заслужить ехиднымъ тономъ своего отвѣта. Но баронесса Сафръ оставалась совершенно безучастною съ неподвижно-блѣднымъ лицомъ.

Мари-Бланшъ, въ переживаемомъ ею душевномъ состояніи, представлялось, будто совершающіяся вокругъ нея событія являются уже предвѣстниками того, какъ ее отовсюду прогонятъ. И она испытывала только инстинктивную потребность причинять вредъ и зло, подобно тому, какъ преслѣдуемая оса, изъ чувства самосохраненія, кидается на угрожающаго ей и жалитъ на-удачу.

— Если васъ не трогаетъ участь родной дочери, — ѣдко говорила Мари-Бланшъ,—и притомъ несчастной дочери, то, во всякомъ случаѣ, вамъ-то слѣдовало бы быть, въ особенности, снисходительнымъ къ чьимъ бы ни было слабостямъ!...

— Это еще что?

— Я хочу сказать, что никто не совершенство... что кто за другими примѣчаетъ, тотъ долженъ помнить, что примѣчаютъ и за нимъ... и что вы поступали бы справедливѣе, еслибы проявляли поменьше строгости!

Сафръ двинулся къ Мари-Бланшъ, грозно сдвигая брови.

— Нельзя ли безъ апологій!... Говори прямо, если способна къ правдивости.

Мари-Бланшъ не дрогнула, не попятилась назадъ.

— Вамъ угодно, чтобъ я поименно перечислила тѣхъ женщинъ, которыхъ съ того дня, какъ я стала понимать ихъ роль, вы вводили мнѣ въ назиданіе въ этотъ самый домъ, оказывая имъ почетъ и... выплачивая имъ подобающую дань!—закончила она, чуть не хохоча.

— О, Мари-Бланшъ!—прошептала баронесса Сафръ.—Дитя мое, ты забываешь, что я здѣсь!

Графиня де-Громмеленъ обратила къ матери полубезумное лицо. Баронесса дѣлала ей знаки болѣзненной робости, давая понять, что

давно пора прекратить эту унизительную сцену. Вся фигура баронессы какъ будто говорила дочери:—«Развѣ ты не видишь, какъ я понимала обязанности жены? Я, наиболѣе заинтересованная, не закрывала ли постоянно глаза на все, что дѣлалъ твой отецъ? И какъ ничтожны подобныя мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, здоровъ или боленъ человѣкъ?...»

Баронъ Сафръ, доведенный оскорбленіемъ до неистовства, дрожа отъ гнѣва, подошелъ къ дочери и взялъ ее за плечи. Встрѣтились ихъ взгляды, опьяненные бѣшенствомъ, обусловленнымъ не столько враждебнымъ столкновеніемъ отца съ дочерью, сколько всѣми терзаніями, пережитыми ими обоими, всѣмъ тѣмъ, что накопилось въ нихъ противъ людей, вообще. Въ глазахъ отца и въ глазахъ дочери свѣтилось странное выраженіе скрытаго помѣшательства, которымъ дочь расплачивалась за постоянное употребленіе яда, обманывавшаго ея развращенныя чувства, а отецъ—за свои разсчеты и кабалистическія подписи, губившія въ настоящую минуту накопленное имъ богатство и разрушавшія его огромное состояніе...

— Уходи вонъ!—кричалъ Сафръ.—Ты негодная дочь и потерянная женщина!... Съ этой минуты я не знаю тебя, убирайся, куда хочешь, я выгоняю тебя!

И обратившись къ женѣ, сдѣлавшей было нѣсколько шаговъ впередъ съ поднятыми руками, онъ сказалъ:

— А васъ прошу не вступаться, не мѣшать мнѣ охранять ваше и мое собственное достояніе... Ничего я слушать не буду!

Баронесса безпрекословно подчинилась требованіямъ мужа изъ благоговѣнія передъ геніемъ милліонера и успѣла только шепнуть дочери:

— Если тяжело тебѣ вернуться сейчасъ домой, то проживи нѣсколько дней у брата или у сестры...

...Очутившись снова на улицѣ, куда она буквально была выброшена, Мари-Бланшъ пошла безъ опредѣленной цѣли... Вся будущность, казалось, вдругъ померкла передъ ея глазами... Въ особенности страшно было то, что Мари-Бланшъ чувствовала себя исключенною изъ предстоящихъ веселыхъ собраній, на которыя она уже приглашена, къ которымъ такъ восхитительно готовилась. Да, это уже не перерывъ, это—конецъ! Мари-Бланшъ не будетъ уже изо дня въ день разыгрывать каждый вечеръ маленькую королеву, окруженную поклонниками! Конецъ изящнымъ праздникамъ, шумному веселью, всѣмъ радостямъ тщеславія!... И въ тотъ же мигъ ей живо представились картонки, загромождавшія ея уборную...

Что же будетъ теперь? Сразу отказаться отъ всего этого? Никуда не показываться?... И обильныя, жгучія слезы полились по ея щекамъ, при воспоминаніи о миломъ, чудномъ, атласномъ платьѣ абрикосоваго цвѣта, которое она примѣривала всего нѣсколько часовъ назадъ... Стоило хлопотать изъ-за того, чтобы оно поспѣло вô-время, къ обѣду къ генеральши Клеси-Боргъ, который дается, какъ извѣстно теперь, въ честь одной инфанты!...

Но, минуту спустя, слезы Мари-Бланшъ моментально высохли отъ жгучести новаго охватившаго ее чувства. Большинство тѣхъ женщинъ, на безпорядочность которыхъ только что указывалъ баронъ Сафръ, будетъ тамъ, на этомъ пріемѣ, будетъ расточать передъ принцессой королевской крови свои радостныя привѣтствія, свое торжествующее кокетство,—въ полной, отвратительной безопасности!... Такимъ образомъ все останется попрежнему неизмѣннымъ для всѣхъ, которыя, разумѣется, хуже ея, во сто разъ хуже, въ тысячу разъ, быть можетъ, но которыхъ никто не подкарауливалъ, которыя не испытали еще, что значитъ быть захваченной врасплохъ на мѣстѣ преступленія!

Нѣтъ, нѣтъ! Невозможно, немыслимо допустить, чтобъ эти женщины продолжали наслаждаться спокойно, съ гордымъ видомъ, тогда какъ она, Мари-Бланшъ, одна на свѣтѣ будетъ обречена бродить по пустынному бульвару,—одна бѣдная, несчастная Мари-Бланшъ будетъ терзаться и страдать, зная, что ее, доведенную до отчаянья, опозоренную, никуда не пригласятъ!...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея фонарь почтоваго отдѣленія свѣтилъ манящимъ и предательскимъ блескомъ. Мари-Бланшъ автоматически вошла въ контору и потребовала закрытыхъ писемъ на ту монету, которая выпала изъ ея кошелька. Ей дали пять штукъ.

Привычнымъ печатнымъ шрифтомъ, усвоеннымъ ею для анонимныхъ писемъ, она писала одному господину, что на его женѣ не видать брилліантовъ потому, что отобралъ ихъ отъ нея, какъ говорятъ, теноръ Акилини. Другому было написано, что его женѣ слѣдовало бы воспользоваться остаткомъ молодости и замѣнить кѣмъ-нибудь кретина виконта, котораго она разорила въ конецъ. Третьимъ посланіемъ сообщался мужу номеръ холостой квартирки и названіе улицы, гдѣ его жена бываетъ ежедневно. Это Мари-Бланшъ знала доподлинно, такъ какъ сама заинтересованная дама разсказывала ей объ этомъ въ минуту пріятельской откровенности. Въ слѣдующемъ письмѣ она передавала имя того, кого всѣ называютъ отцомъ послѣдней дочки, порадовавшей адресата своимъ появлением въ свѣтъ.

Все это она писала и заклеивала, повинуясь какому-то дикому вдохновенію...

Оставался одинъ бланкъ.

Кому писать еще?... Затрудненіе не въ томъ, конечно, что не хватаетъ матеріала для подобныхъ посланій... Но кого же выбрать, кому отдать предпочтеніе, когда остается только одинъ листокъ? На кого излить злобу теперь же, не откладывая?...

И не рѣшивши этихъ вопросовъ, Мари-Бланшъ начала такъ:

«Весь Парижъ потѣшается надъ вами, какъ надъ обманутымъ мужемъ»...

Подобное утвержденіе имѣло настолько общій характеръ, что могло относиться къ достойнѣйшему изъ людей такъ же точно, какъ и къ самому негодному.

«Любовника вашей жены,—продолжала она писать,—вы сдѣлали своимъ лучшимъ другомъ»...

И это имѣло опять-таки значеніе общаго мѣста. Мари-Бланшъ не знала сама, какою гадостью изукрасить дальше свое сочиненіе. Слѣдующая фраза, написанная также наудачу, оказалась нѣсколько болѣе категорическою:

«Хотя вы и смотрите простачкомъ, но всѣмъ ясно, что вы на содержаніи»...

Это послѣднее слово являлось какъ бы лучемъ свѣта. Имя неизвѣстнаго до этой минуты адресата навернулось само собой: Мари-Бланшъ написала адресъ Жака д'Эксирейля, собрала свою корреспонденцію и опустила въ ящикъ весь пакетъ яда.

Покончивши съ этимъ, Мари-Бланшъ вышла опять на улицу. Какое-то странное ощущеніе овладѣло всѣмъ существомъ молодой женщины, направляло ее, распоряжалось ею, заставляло ее двигаться, какъ нитка приводитъ въ движеніе руки и ноги картоннаго паяца. Дѣло въ томъ, что становилось уже поздно и давно прошелъ обычный часъ, когда несчастная манія заставляла ее дѣлать вечернія впрыскиванія морфина. Порочная склонность давала знать о себѣ съ неодолимою силой, влекла ее, какъ настоятельная необходимость.

Разстроенному воображенію представлялся съ поразительной отчетливостью золотой блескъ маленькаго инструмента, дававшаго наслажденіе, мучительной игрушки, которая одна возстановляла до нѣкоторой степени равновѣсіе всего организма Мари-Бланшъ. Подъ такимъ вліяніемъ она, почти безсознательно, добралась до своего дома. Точно миражъ мелькалъ передъ ея глазами и влекъ къ себѣ волшебными чарами... Она позвонила, вошла без-

препятственно въ домъ и направилась въ свои комнаты, подчиняясь инстинкту, который велъ ее къ искусственному блаженству.

Отравленіе морфиномъ замѣнило собою все для нея: семейныя привязанности, любовь къ отцу, сознаніе обязанностей... Дрожа и задыхаясь, рылась она въ своихъ безпорядочныхъ ящикахъ, разыскивая шприцъ и выбирая мѣсто для укола на своемъ нетерпѣливо трепещущемъ тѣлѣ. И, наконецъ-то, сладкій мигъ настал, нервы улеглись, румянецъ счастья проступилъ на ея щекахъ, а на губахъ заиграла улыбка беззаботнаго ребенка...

Немного времени спустя по возвращеніи Мари-Бланшъ, пріѣхала ея мать и приказала доложить о себѣ графу де-Громмеленъ. Баронъ Сафръ, спокойно обсудивши дѣло, рѣшилъ черезъ жену сдѣлать попытку помирить супруговъ.

Графъ сидѣлъ съ газетой въ рукахъ въ курильной комнатѣ и наслаждался чтеніемъ новостей, сообщаемыхъ въ этотъ исключительно пріятный для него день, употребленный имъ съ необыкновенною пользой. Добрый хозяинъ встрѣтилъ тещу съ вѣжливою предупредительностью.

Баронесса начала бесѣду самымъ безнадежно-слабымъ голосомъ, сопровождая свои фразы легкими вздрагиваніями, которыми она напоминала всѣмъ, насколько слабо ея здоровье и насколько всѣ обязаны относиться къ нему осторожно.

— Тотъ фактъ, что я рискнула выѣхать изъ дому въ такой часъ говоритъ вамъ, мой добрый другъ, лучше всякихъ словъ о томъ, какъ сильно я взволнована.

Громмеленъ наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Слѣдовательно, вамъ извѣстно, что произошло сегодня?

— О,—остановила его баронесса Сафръ, протягивая впередъ руки, какъ бы для того, чтобы предупредить всякое объясненіе, могущее вредно повліять на нее.—Я не хочу знать ничего опредѣленнаго... Не разсказывайте, не разстраивайте меня больше лишними подробностями! Я допускаю, что во всемъ виновата Мари-Бланшъ!... Къ тому же она, бѣдняжка, слишкомъ искренна и даже сейчасъ въ разговорѣ съ отцомъ вела себя такъ, что и его не сумѣла расположить къ себѣ. Я пріѣхала сюда лишь за тѣмъ, чтобъ обратиться къ вашему великодушію...

— Если ваша дочь благоразумно согласится не защищаться, то я обѣщаю вамъ щадить ее, насколько это возможно. Я буду выставлять противъ нее лишь то, что безусловно необходимо, и никогда не упущу изъ вида того, что она мать моихъ двухъ сыновей. Если же она будетъ сопротивляться, если позволитъ себѣ малѣй-

шее обвинение меня въ чемъ-либо, я закидаю ее грязью... Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, что можетъ обезпечить мнѣ выигрышъ процесса...

— Процесса!—простонала баронесса.—О, другъ мой, неужели вы захотите доводить дѣло до такой крайности?

— Сударыня, вотъ уже шесть лѣтъ, какъ моя жена измѣняетъ мнѣ, можно сказать, безпрерывно. Пять лѣтъ я убѣжденъ въ этомъ, знаю это достовѣрно, вижу это, не говоря ни слова...

Баронесса Сафръ воспользовалась такимъ утвержденіемъ, открывшимъ ей возможность добиваться возстановленія мира между супругами.

— Другъ мой, разъ у васъ хватило мужества переносить столько лѣтъ подобную невзгоду, стало-быть вы пережили самое тяжелое... Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, не наиболѣе ли горько начало?

Громмеленъ не нашелъ нужнымъ пускаться въ обсужденіе такого вопроса. Онъ хорошо помнилъ, что относился всегда съ неизмѣннымъ чувствомъ омерзѣнія къ продѣлкамъ жены. Чтобы выносить подобное положеніе, ему приходилось постоянно говорить и повторять себѣ, что лишь недостаточность средствъ не дозволяетъ ему сердиться явно. Теперь, когда онъ имѣетъ приличный достатокъ, никакія соображенія не представлялись ему убѣдительными для продолженія совмѣстной жизни съ обманывавшею его женой. Онъ понималъ, что извѣстная порядочность вынуждаетъ его отдать полученное имъ приданое и тѣмъ доказать, что нельзя благороднаго человѣка закабалить деньгами, когда онъ въ нихъ больше не нуждается.

Баронесса приходила въ отчаяніе отъ видимаго упорства зятя. Да и у ней самой не хватало ни сердечности, ни воодушевленія, необходимыхъ въ подобныхъ дѣлахъ для того, чтобъ убѣждать, настаивать и даже умолять человѣка, крѣпко отстаивающаго свое рѣшеніе.

— Вѣдь, это произведетъ ужасающій скандалъ! — прошептала она.

Громмеленъ отвѣтилъ невозмутимо:

— Это ужъ не моя вина.

Любящая мать умолка на нѣсколько минутъ, совсѣмъ лишившись дыханія, что она продѣлывала безъ особеннаго труда и усилій, когда находила это нужнымъ. Громмеленъ очень участливо отнесся къ такому болѣзненному припадку, виновникомъ котораго онъ могъ себя считать въ извѣстной мѣрѣ, приличествующей обстоя-

тельствамъ. Его взглядъ, слѣдившій за возвращающимся понемногу дыханіемъ баронессы, выражалъ любезное сочувствіе, съ какимъ графъ отнесся бы къ сигарѣ, предложенной имъ гостю и вдругъ переставшей куриться.

Нѣсколько оправившись, баронесса попробовала сдѣлать послѣднее усиліе.

— Я знаю, — заговорила она опять, — что нѣкоторыя, очень серьезныя, соображенія отходятъ на второй планъ въ такія минуты, когда роковые вопросы сердца побуждаютъ супруговъ расходиться!... Но достаточно ли подумали вы, другъ мой, о послѣдствіяхъ вашей разлуки съ Мари-Бланшъ? Приняли ли вы во вниманіе, что это поведетъ къ разрыву со всѣмъ, что̀ представляетъ для васъ имя барона Сафра въ настоящее время... и, особливо, въ будущемъ?

И баронесса закашляла съ видомъ умирающей, чтобы показать возможную близость перспективы, указанной ею въ будущемъ.

— Я васъ не понимаю,—благородно заявилъ Громмеленъ,—и представить себѣ не могу, что угодно вамъ дать мнѣ понять этими словами.

— Видите ли, вопросъ, котораго я касаюсь, заслуживаетъ того, чтобы въ ряду другихъ ему было отведено первое мѣсто, принимая во вниманіе ваши года и года Мари-Бланшъ... Вмѣсто того, чтобы поддаваться пустому раздраженію, не лучше ли обратиться къ утѣшительному будущему,—считаю себя вправѣ даже сказать безъ хвастовства,—къ блестящему будушему, ожидающему васъ?... Не имѣете вы развѣ основанія разсчитывать, что отъ моего мужа и отъ меня вы получите рѣдкое въ мірѣ вознагражденіе? Потерпите, мой другъ, потерпите еще нѣсколько лѣтъ, и вы, конечно, забудете о негодованіи, созданномъ иллюзіями, изъ-за которыхъ было бы непростительнымъ легкомысліемъ отказываться отъ самыхъ существенныхъ реальностей! И какъ сами вы будете жалѣть о томъ, чѣмъ вы пожертвовали, уступивши негодованію... быть можетъ, представляющемуся вамъ и не совсѣмъ лишеннымъ основанія... Но, вѣдь, всѣ подобныя основанія, каковы бы они ни были, отходятъ все дальше въ прошлое и никогда не переживаютъ молодости женщины!

Она вложила всю трогательную слабость своего организма въ намеки и въ недомолвки, и въ то же время порѣшила, про себя, что не поведетъ дальше своей послѣдней попытки. Да, черезъ пять минутъ она покончитъ это, перестанетъ задыхаться, вздрагивать, утомляться, разстраивая и безъ того уже хилое свое здоровье.

Громмеленъ, сохраняя видимое спокойствіе, былъ, все-таки, раздраженъ хитрыми уловками тещи, къ которымъ она прибѣгала, маня его, съ дразнящею и наивно разсчитанною медленностью, «надеждами» на наслѣдство Мари-Бланшъ.

— О!—воскликнулъ онъ.—Если я стану утѣшать себя въ семейныхъ неудачахъ тѣмъ вознагражденіемъ, которое мнѣ дастъ наслѣдство барона Сафра, то не особенно это будетъ жирно!

Баронесса сдѣлала гримасу, ясно выражавшую: — «Ну-ну! Не обкушайтесь!»

До сихъ поръ Громмеленъ не хотѣлъ касаться одного обстоятельства, о которомъ онъ былъ освѣдомленъ. Рѣшившись не имѣть ничего общаго съ интересами тестя, онъ старался избѣгать неловкости какимъ бы ни было образомъ вмѣшиваться въ его дѣла, хотя бы на словахъ. Кромѣ того, зная, что для барона началось уже крушеніе, онъ не желалъ давать повода къ некрасивому, но возможному сравненію своего образа дѣйствій съ бѣгствомъ крысъ, покидающихъ корабль... Новая гримаса тещи вывела его изъ себя, и онъ порѣшилъ плохимъ извѣстіемъ ошеломить высокое мнѣніе, которое она имѣла объ административной непогрѣшимости своего супруга.

— Сударыня,—объявилъ онъ,—въ настоящее время состояніе барона Сафра непоправимо разстроено.

Точно оживленная гальваническимъ токомъ, баронесса возразила на этотъ разъ съ нарождающеюся силой:

— Это что за шутка?

— Нѣтъ, я передаю вамъ вещь очень серьезную. Финансовыя операціи вашего мужа идутъ такъ, что въ скоромъ времени онъ окончательно разорится. Теперь это уже дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ... или даже нѣсколькихъ недѣль.

Баронесса Сафръ сдѣлалась неузнаваемою. Слыша, что зять,—человѣкъ положительный, очень церемонный и осторожный,—высказывается такъ опредѣленно, она ни на минуту не усомнилась въ основательности передаваемыхъ имъ свѣдѣній.

— Позвольте!—заговорила она живо.—Объясните, въ чемъ дѣло.

Инстинктивнымъ движеніемъ она сбросила на плечи свою кружевную мантилью. Этотъ простой уборъ, который, собираясь выѣхать изъ дому, она накинула на голову, до сихъ поръ ни на одну линію не измѣнилъ своего положенія. Только теперь баронесса насторожила слухъ и зрѣніе, съ этого мгновенія она по-настоящему, сердцемъ и умомъ, отдалась разговору.

Громмеленъ, съ своей стороны, нашелъ возможнымъ выдти изъ обычной сдержанности, насколько то дозволяла его прирожденная чопорность.

— Я не хочу,—заговорилъ онъ,—и не могу входить въ техническія подробности дѣла. Относительно обстоятельствъ, вызвавшихъ гибель вашего мужа, я могу сказать только, что его замыслы, грандіозные вначалѣ, превратились очень скоро въ безумную спекуляцію. Несомнѣнно, для того, чтобы вырвать изъ рукъ такого сильнаго бойца, какъ баронъ, тѣ средства, какими онъ располагалъ, нужно было необычайное сцѣпленіе обстоятельствъ!... Но въ наше время вы не разъ слыхали, разумѣется, про такія же гигантскія катастрофы. Въ настоящую минуту вашему мужу приходится бороться съ биржевыми маневрами на рынкахъ всего міра, отъ Нью-Йорка до Берлина. Изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ его примѣру, не уцѣлѣло теперь ни одного. Баронъ Сафръ держится еще, благодаря колоссальности своего состоянія, но и онъ погибнетъ, теперь его чередъ!...

Настоящее чудо поразительнаго исцѣлѣнія совершилось надъ баронессой. Откуда только взялись блескъ въ глазахъ, оживленіе всего лица, приливъ румянца къ щекамъ?

— Вы вполнѣ увѣрены,—спросила она энергично,—въ достовѣрности полученныхъ вами свѣдѣній?

— Безусловно!

Но для того, чтобъ обстоятельно разобраться въ дѣлѣ, у нея оказалось силъ нѣсколько больше, чѣмъ требовалось. Она суетилась, не могла усидѣть на мѣстѣ, соображала меньше секунды и предлагала вопросы еще быстрѣе.

— Можете сказать, какъ вы узнали объ этомъ?

— Узналъ отъ очень вѣрнаго человѣка.

— Полагаете, что объ этомъ уже знаютъ въ публикѣ?

— Не думаю... Человѣкъ, предупредившій меня и занимающій такое положеніе, что долженъ все это знать достовѣрно, говорить объ этомъ не станетъ. Мнѣ онъ счелъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ по дружбѣ.

— Предупредилъ онъ также Артура и моего другого зятя?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Громмеленъ презрительно.

— А, это вашъ личный другъ... вамъ однимъ сказалъ?

Громмеленъ пояснилъ свысока:

— Просто, добрый знакомый, съ которымъ у насъ давнишнія добрыя отношенія...

Баронесса быстро перешла къ другому предмету. Не остава-

лось слѣда спокойнаго равнодушія и томной лѣни, которыя всѣ привыкли видѣть издавна... Теща Громмелена опиралась на столикъ смѣлымъ и фамильярнымъ движеніемъ. Два ея пальца, точно крѣпкія, надежныя вила, солидно подпирали ея подбородокъ.

— Слушайте,— говорила она рѣзко дѣловымъ тономъ,— не могу же я спокойно выжидать, пока совершится катастрофа?.. Другъ мой, я обращаюсь къ вамъ всею моею душой, какъ къ отцу моихъ внуковъ, какъ къ моему сыну... къ настоящему, какимъ я васъ всегда считала, передъ Богомъ и передъ людьми!... Помогите мнѣ! Скажите, что мнѣ дѣлать?...

— Это вопросъ очень щекотливый... По моему мнѣнію, самый корректный способъ улаживать семейныя дѣла состотъ въ томъ, чтобы передать ихъ въ руки юристовъ... Обратитесь къ вашему нотаріусу,—ему, навѣрное, многое извѣстно... Баронъ Сафръ, вѣроятно, много разъ требовалъ вашей подписи?

— О, нѣтъ! очень рѣдко... иначе я бы насторожилась!--отвѣтила она мягко.

— Въ такомъ случаѣ поторопитесь! Быть можетъ, не ушло еще время спасти кое-что... пожалуй, даже весьма изрядный кусокъ.

— Завтра утромъ мой мужъ уѣзжаетъ на двое сутокъ... Къ его возвращенію я все устрою, ничего не упущу, все обдѣлаю!...

Она встала, бодрая, проворная, готовая на все. Пожимая обѣ руки Громмелена самымъ задушевнымъ образомъ, она распростилась съ зятемъ, не вспомнивши даже имени Мари-Бланшъ. Баронесса Сафръ уходила наэлектризованная волненіемъ, съ сознаніемъ важной обазанности, которую она должна исполнить передъ самой собой, что придавало ей почти торжественный видъ. Ее совершенно преобразила одна мысль: необходимость сохранить ту роскошь, широту и прелесть которой она безсознательно любила изъ-за того, чтобы самой, безъ видимой въ томъ нужды, пользоваться среди нея маленькимъ пріютомъ... очень маленькимъ... только въ самомъ центрѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

(Изъ Виктора Гомулицкаго).

Проснись: уснула даль въ серебряномъ сіяньи,
Нѣжнѣе запахъ розъ, нѣжнѣе взоръ свѣтилъ,
Плыветъ къ лазури дымъ съ невѣдомыхъ кадилъ,
А съ устъ—слова любви, беззвучны, какъ молчанье.

Нѣжнѣе запахъ розъ, нѣжнѣе взоръ свѣтилъ,
Волна слилась съ волной, въ томительномъ лобзаньи,
Плывутъ слова любви, беззвучны, какъ молчанье,
Лишь юность внемлетъ имъ,—слухъ старцамъ измѣнилъ.

Волна слилась съ волной въ томительномъ лобзаньи,
Доноситъ вѣтерокъ напѣвы райскихъ силъ,
Лишь юность внемлетъ имъ,—слухъ старцамъ измѣнилъ.
Какъ много странныхъ тайнъ въ полночномъ ожиданьи!

Доноситъ вѣтерокъ напѣвы райскихъ силъ,
Совы ночную тишь тревожитъ завыванье:
Какъ много странныхъ тайнъ въ полночномъ ожиданьи,—
Такъ сладокъ бредъ любви, такъ стонъ нужды уныль.

Мих. Гербановскій.

МІРСКОЕ ДИТЯ.

Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

„Tout est l'histoire".
George Sand.
Histoire de ma vie, I, p. 268.

Имѣя въ виду систематически знакомить переводами русскаго читателя съ главнѣйшимъ направленіемъ европейской литературы, мы не случайно остановились на произведеніяхъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ, одной изъ самыхъ видныхъ представительницъ реальнаго романа въ Германіи. Реальное изображеніе человѣческой души и общественной жизни во всѣхъ ея сферахъ, въ противоположность романтической фантастикѣ съ одной стороны и декадентскаго символизма съ другой, является въ настоящее время господствующимъ направленіемъ нѣмецкой художественной литературы. Писатели различаются между собою сферами изображаемой жизни, оттѣнками въ пониманіи реализма; но всѣ они стараются твердо держаться реальной почвы. Это направленіе замѣтно обнаруживается еще въ первой половинѣ XIX столѣтія. Б. Ауэрбахъ въ своихъ *Schwarzwälder Dorfgeschichten* сдѣлалъ первый значительный опытъ художественнаго воспроизведенія крестьянской жизни; послѣ него Клаусъ Гротъ и Фрицъ Рейтеръ для большаго реализма писали свои деревенскіе разсказы на мѣстномъ діалектѣ. Новѣйшіе писатели этого направленія вернулись къ литературной рѣчи, и въ ихъ произведеніяхъ, съ которыми мы въ свое время познакомимъ нашихъ читателей, замѣтно отражаются современныя соціальныя и моральныя злобы дня крестьянской среды. Въ пятидесятыхъ годахъ выступаетъ цѣлый рядъ романистовъ, изображавшихъ общественную жизнь большихъ городовъ; но историческія событія сороковыхъ годовъ наложили особый отпечатокъ на ихъ произведенія, лишивъ ихъ въ большей или меньшей степени эпическаго спокойствія и объективности. Рѣзче всего этотъ духъ времени отразился на романахъ Гуцкова и Шпильгагена, нѣсколько слабѣе на произведеніяхъ Фрейтага и Гейзе и менѣе всего на такихъ писателяхъ, которые, какъ швейцарецъ Готфридъ Келлеръ, далеко стояли отъ крупныхъ событій,

хотя мѣстная швейцарская политика затрогивается и въ его романахъ. Новѣйшіе писатели отчасти вернулись къ прежней объективности, хотя между ними есть очень много послѣдователей Шпильгагена, такъ какъ современное политическое и соціальное положеніе Германіи возбуждаетъ и тревожные вопросы и страстную борьбу. Событія сороковыхъ годовъ, какъ это всегда бываетъ, дали новый толчокъ развитію историческаго романа, причемъ главный интересъ писателей сосредоточивался на нѣмецкой старинѣ, хотя нѣкоторые, какъ Эберсъ, пытались дать художественную реставрацію даже египетскихъ древностей. Реалистическое направленіе сослужило и здѣсь хорошую службу: романисты добросовѣстно стремятся къ исторической правдѣ, но, къ сожалѣнію, чаще всего эта правда ограничивается археологическою точностью описаній. Прусскія побѣды надъ Австріей и Франціей создали историческій романъ изъ современной жизни; но и эти произведенія не менѣе грѣшатъ противъ исторической правды, чѣмъ египетскіе романы Эберса, хотя и по другой причинѣ: quasi-патріотическій шовинизмъ при всей наклонности авторовъ къ реализму превращаетъ ихъ произведенія въ хвалебные панегирики побѣдителю. Главнымъ представителемъ этого направленія является очень плодовитый и весьма талантливый романистъ Теодоръ Фонтанъ изъ Бранденбурга, потомокъ поселившихся нѣкогда здѣсь французскихъ гугенотовъ.

Что касается до отношенія романистовъ къ дѣйствительности, то въ современной нѣмецкой литературѣ слѣдуетъ отмѣтить особенно одну черту: несравненно большій интересъ къ бытовому роману, чѣмъ къ индивидуально-психологическому. Писатели чаще всего и охотнѣе всего изображаютъ общественную жизнь, причемъ внутренняя исторія героя разсматривается въ тѣсной связи съ окружающей его средой, а иногда служитъ только для ея иллюстраціи. При этомъ въ самыхъ пріемахъ изображенія дѣйствительности можно различить три главныя направленія. Во-первыхъ, значительная часть молодыхъ нѣмецкихъ писателей находится подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго натурализма. Апостоломъ этого направленія является М. Конрадъ, произведенія котораго грубостью и грязью превосходятъ романы Зола и безконечно уступаютъ имъ по таланту; его послѣдователи обыкновенно помѣщали свои произведенія въ фельетонахъ соціалистическихъ газетъ, что̀ вызвало даже формальный протестъ со стороны читателей. Впрочемъ, болѣе талантливые изъ нѣмецкихъ послѣдователей Зола, какъ К. Блейбтрей, оставаясь вѣрны его теоріи «эспериментальнаго романа», довольно удачно стараются избѣжать его односторонности. Второе направленіе составляютъ юмористы; его представителемъ можетъ служить авторъ исторіи фамиліи Бухгольцевъ, хорошо извѣстный и русской читающей публикѣ. Но большинство крупныхъ нѣмецкихъ писателей-романистовъ свободны и отъ односторонности французскаго натурализма, который видитъ въ дѣйствительности только ея темныя стороны, и отъ узости юмористовъ. Эти романисты изображаютъ жизнь, какъ она есть; но они не фотографируютъ дѣйствительности, какъ она представляется поверхностному наблюдателю

съ случайной точки зрѣнія,—наоборотъ, они стараются вполнѣ возсоздать ее въ ея настоящемъ видѣ: найти и показать ея хорошія стороны тамъ, гдѣ онѣ прикрыты наноснымъ и случайнымъ, открыть и выставить на видъ зло тамъ, гдѣ оно скрыто подъ лицемѣрною маской. Къ этой категоріи гуманныхъ и идеально настроенныхъ писателей-романистовъ принадлежитъ и Марія Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

Эбнеръ, урожденная графиня Дубская, славянка по происхожденію, родилась въ Моравіи въ 1830 году, до замужства не знала нѣмецкаго языка, выступила на литературное поприще, какъ драматургъ, только въ 1860 и лишь въ 80-хъ годахъ получила громкую извѣстность, какъ романистка. Принадлежа по рожденію къ чешской аристократіи, Эбнеръ вышла замужъ за инженеръ-полковника, профессора инженерной академіи въ Вѣнѣ и, благодаря семейнымъ связямъ, хорошо знала жизнь и нравы какъ славянской, такъ и нѣмецкой знати, но въ то же время она имѣла полную возможность близко ознакомиться и съ другими классами австрійскаго населенія, такъ какъ ея молодость прошла въ деревенскомъ зàмкѣ ея отца, гдѣ она и позже всегда проводила лѣтніе мѣсяцы, а вмѣстѣ съ мужемъ она жила и въ столицѣ, и въ захолустномъ городкѣ Клостербрукѣ около Знайма, куда была переведена инженерная академія. Эта широкая возможность непосредственно наблюдать жизнь различныхъ общественныхъ сферъ до извѣстной степени пополняла недостатокъ систематическаго образованія, такъ какъ Эбнеръ получила, такъ называемое, домашнее воспитаніе и всю жизнь оставалась самоучкой. Кромѣ того, аристократическое происхожденіе доставило ей и еще одно удобство: революціонныя движенія сороковыхъ годовъ, къ которымъ Эбнеръ могла относиться сознательно, кореннымъ образомъ затрогивали дворянство, и будущая писательница воспитывалась подъ вліяніемъ живыхъ и горячихъ политическихъ интересовъ. Впечатлительная и наблюдательная, Эбнеръ превосходно пользовалась выгодами своего положенія и позже, когда художественный талантъ заставилъ ее выступить на литературное поприще, хорошее знакомство съ жизнью и масса старыхъ и новыхъ наблюденій и впечатлѣній доставили ей обильный матеріалъ для художественной обработки.

Эбнеръ не сразу попала на настоящій путь. Ея первыя произведенія: историческія драмы *Марія Стюартъ* и *Марія Роланъ*—не обладаютъ значительными достоинствами; то же самое можно сказать и объ ея позднѣйшихъ драматическихъ опытахъ. Даже повѣсть и романъ, позже поставившіе ее въ первые ряды современныхъ нѣмецкихъ писателей, сначала не имѣли успѣха: фирма Котта, издавшая ея первые разсказы, потерпѣла отъ нихъ убытокъ, и Эбнеръ съ трудомъ нашла издателей для своихъ дальнѣйшихъ работъ. Но мало-по-малу успѣхъ былъ завоеванъ: сначала П. Гейзе, а затѣмъ и нѣмецкая критика по достоинству оцѣнили крупный талантъ новой, хотя уже и весьма пожилой писательницы. По основному направленію своей дѣятельности Эбнеръ—реалистка. Она заботливо изучаетъ и подражаетъ дѣйствительности, стремится вѣрно изобразить нравы, точно

описать обстановку но она не фотографируетъ, а творитъ, ищетъ въ жизни проявленій своихъ нравственныхъ идеаловъ, создаетъ художественные образы соотвѣтственно своему пониманію души человѣческой. Болѣе того, Эбнеръ не обладаетъ безстрастной объективностью; у нея есть совершенно ясныя для читателя симпатіи и антипатіи, опредѣленныя нравственныя и политическія воззрѣнія. Это не значитъ, что ея романы представляютъ собою какую-либо проповѣдь; наоборотъ, лирики въ нихъ очень мало, а риторика съ дидактикой совершенно отсутствуетъ; но она умѣетъ придать своимъ художественнымъ образамъ опредѣленный смыслъ, стремится художественными средствами вызвать у читателя опредѣленное отношеніе къ изображаемому явленію. Въ основѣ моральныхъ и политическихъ воззрѣній Эбнеръ лежитъ глубокое убѣжденіе, что въ человѣческую природу заложено естественное стремленіе къ добру, и это убѣжденіе прямо или косвенно отражается на всѣхъ ея произведеніяхъ. Такъ, при всемъ разнообразіи сюжетовъ и при полной оригинальности въ обработкѣ каждаго изъ нихъ (Эбнеръ никогда не повторяется) герои ея многихъ и лучшихъ романовъ выходятъ «изъ мрака къ свѣту». Таковы Божена, д-ръ Розенцвейгъ, Марія Дорнбахъ и нѣкоторые другіе. Таковъ и Павелъ Голубъ въ разсказѣ *Мірское дитя.* Этотъ взглядъ обусловливается нравственными воззрѣніями Эбнеръ, которыя она лучше всего формулируетъ устами учителя Хабрехта въ томъ же разсказѣ: ея художественные образы имѣютъ тенденцію убѣдить читателя, что мораль, которая исчерпывается дѣятельною любовью, вытекаетъ только изъ человѣческой природы и не нуждается ни въ какихъ другихъ спорахъ и санкціяхъ. Такой взглядъ на человѣка Эбнеръ вывела не изъ какихъ-либо философскихъ теорій, а изъ неподдѣльной любви къ людямъ, изъ искренней гуманности, которая незамѣтно для нея самой поставила ее въ оппозицію съ роднымъ ей по семейнымъ связямъ дворянствомъ. Въ многочисленныхъ разсказахъ изъ дворянскаго и крестьянскаго быта ея симпатіи всегда на сторонѣ слабыхъ и бѣдныхъ, крѣпостное право она ненавидитъ и относится съ открытымъ отрицаніемъ ко всѣмъ аристократическимъ привилегіямъ. Такъ же ненавистенъ ей и національный фанатизмъ, составляющій столь характерное явленіе для Австріи. «Мы смертельно боимся,—говоритъ Эбнеръ въ своихъ афоризмахъ,—какъ бы ни распространилась слишкомъ широко любовь къ ближнему и мы ставимъ для нея границы въ національностяхъ».

Основной взглядъ Эбнеръ на человѣческую природу опредѣляетъ и ея отношеніе къ отдѣльнымъ ея сторонамъ и къ жизни вообще. Въ противоположность французскимъ натуралистамъ и ихъ нѣмецкимъ подражателямъ Эбнеръ не считаетъ зло существеннымъ явленіемъ жизни и главнымъ сюжетомъ для художественной обработки. «Въ упадкѣ находится то искусство,—говоритъ она въ *Афоризмахъ*,—которое отъ изображенія страсти обращается къ изображенію порока», и въ своихъ произведеніяхъ или старается открыть затертую жизнью основную черту человѣческой природы или мимоходомъ касается людской испорченности и ея преступныхъ про-

явленій. Въ разсказѣ *Мірское дитя* старый Голубъ не удостоивается большаго вниманія автора, а его преступленіе и совсѣмъ не изображается. Этой же глубокой вѣрой въ человѣка опредѣляется и отношеніе Эбнеръ къ ея положительнымъ образамъ: она не считаетъ нужнымъ скрывать ихъ слабости, иногда относится къ нимъ даже съ юморомъ, какъ, напримѣръ, къ учителю Хабрехту, который исповѣдуетъ ея моральныя воззрѣнія. Вслѣдствіе этого герои Эбнеръ совершенно свободны отъ сантиментальной идеализаціи и производятъ впечатлѣніе живой дѣйствительности. Вообще увѣренность нѣмецкой писательницы въ торжествѣ добра въ силу самихъ свойствъ человѣческой природы придаетъ ей какую-то спокойную ясность въ изображеніи жизни. Она ненавидитъ равнодушіе, но не любитъ потрясать читателя описаніемъ сильныхъ страстей и глубокихъ пороковъ. Характерно, что даже любовь занимаетъ весьма второстепенное мѣсто въ произведеніяхъ женщины-писательницы. Эбнеръ думаетъ, что герои любви такая же рѣдкость, какъ и другіе герои, и что истинная любовь, по словамъ учителя Хабрехта, «самое жестокое изъ всѣхъ средствъ, какія изобрѣло разгнѣванное божество, чтобы наказывать свое твореніе».

Наконецъ, въ силу своихъ основныхъ воззрѣній, Эбнеръ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ современныхъ нѣмецкихъ реалистовъ, интересуется индивидуальной жизнью, внутренней исторіей отдѣльнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе только одинъ ея большой романъ *Unsühnbar* и очень немногіе разсказы сосредоточиваютъ весь интересъ на индивидуальной психологіи съ весьма слабымъ вліяніемъ на героевъ окружающей среды. Несравненно чаще изображаетъ Эбнеръ внутреннее развитіе личности или подъ вліяніемъ историческихъ событій, или подъ дѣйствіемъ окружающей среды, такъ что большая часть ея произведеній носитъ характеръ или историческаго, или бытоваго романа. Къ первой категоріи принадлежатъ ея повѣсти изъ исторіи крестьянскихъ движеній въ Галиціи въ 1846 г. и революціи 1848 года. Эбнеръ сама пережила эти событія и ея изображеніе представляетъ собою ихъ художественную исторію, поскольку она отражалась на отдѣльныхъ личностяхъ. Еще многочисленнѣе разсказы изъ быта австрійской знати и славянской деревни въ Австріи, которые тоже можно назвать своего рода исторіей. Взятые въ своей совокупности, эти разсказы изображаютъ всѣ перемѣны, которыя пережило австрійское дворянство и крестьянство за послѣдніе полвѣка,—отъ гордаго клерикальнаго консерватора до либеральнаго союзника и единомышленника буржуазіи съ одной стороны и отъ крѣпостного мужика до современнаго пролетарія съ другой. Къ этой категоріи бытовыхъ романовъ принадлежитъ и деревенскій разсказъ *Мірское дитя*.

I.

Въ октябрѣ 1860 г. въ главномъ городѣ провинціи Б. закончился судебный процессъ рабочаго съ каменоломенъ Мартина Голуба и жены его Варвары Голубъ.

Въ концѣ іюня супруги прибыли съ двумя дѣтьми, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ и дѣвочкой десяти лѣтъ, изъ мѣстечка Золешау, расположеннаго у подножія Града, въ село Куновикъ. Съ перваго дня мужъ заключилъ условіе съ администраціей имѣнія, распредѣлилъ работу между женой, сыномъ и нѣсколькими поденщиками, а самъ отправился въ трактиръ пить водку. Такое положеніе дѣлъ длилось три мѣсяца, пока семья жила въ Куновикѣ. Жена и мальчикъ Павелъ работали; мужъ былъ пьянъ или собирался напиться. Иногда онъ приходилъ, пошатываясь, на ночлегъ, послѣ чего семья являлась на работу въ синякахъ и прихрамывая. Поденщики, не признававшіе авторитета пьяницы, постоянно мѣнялись. Наконецъ, въ каменоломнѣ остались только мать съ дѣтьми. Высокая, сильная женщина, съ признаками былой красоты на загорѣломъ лицѣ и рядомъ съ нею неуклюжій, короткошеій мальчуганъ, напоминавшій медвѣжонка. Дѣвочку звали Милада; гибкое, нѣжное существо, въ свѣтло-голубыхъ глазахъ котораго свѣтилось больше ума и жизни, чѣмъ у сына съ матерью вмѣстѣ. Малютка тщательно слѣдила за обоими и оказывала имъ посильную помощь. Безъ дѣвочки на каменоломнѣ врядъ ли нарушалось бы когда-нибудь молчаніе. Мать съ сыномъ въ мрачномъ безмолвіи убивались надъ работой съ ранняго утра до глубокой ночи. Такъ шло непрерывно въ будни и праздникъ, къ величайшему негодованію благочестивыхъ обитателей деревни. Слухи о нечестивой семьѣ дошли до священника и побудили его сдѣлать виновнымъ внушеніе; но оно не подѣйствовало. Тогда въ праздникъ Успенья Богородицы пастырь духовный отправился послѣ обѣда на мѣсто преступленія и велѣлъ Варварѣ Голубъ немедленно прекратить работу, которая оскверняетъ праздникъ. На бѣду Мартинъ, спавшій послѣ легкаго похмѣлья, совсѣмъ несвоевременно проснулся и вышелъ. Увидавъ Павла, который стоялъ открывши ротъ и разставивъ руки и съ явнымъ одобреніемъ слушалъ увѣщанія священника, отецъ съ кулаками налетѣлъ на него сзади. Священникъ, не задумываясь, бросился мальчику на помощь, отнялъ его у разсвирѣпѣвшаго отца, но тѣмъ самымъ обратилъ гнѣвъ на себя. На глазахъ у свидѣтелей, сбѣжавшихся на крикъ Голуба, обезумѣвшій пьяница осыпалъ защитника ругательствами и, наконецъ, бросился на него съ кулаками. Священникъ, не потерявъ присутствія духа, отстранилъ голову и, поднявъ палку, нанесъ бушевавшему легкій ударъ по головѣ. Мартинъ заревѣлъ, бросился на землю, корчился, какъ червякъ, кричалъ, что его убили. Сна-

чала стоны Мартина вызывали всеобщій смѣхъ, но мало-по-малу у него нашлись защитники.

Въ толпѣ зѣвакъ, собравшихся около распростертаго пьяпицы, послышались голоса въ его пользу; защитникамъ возражали; завязалась перебранка, готовая перейти въ рукопашный. Авторитета священника хватило ровно настолько, чтобы разогнать крикуновъ. Они направились въ трактиръ, пили тамъ за здоровье избитаго священникомъ, и шумѣли до тѣхъ поръ, пока кучка деревенскихъ парней не рѣшилась положить конецъ неистовому безобразію деревенскихъ буяновъ. Дѣло не обошлось безъ грандіозной драки, какой не запомнятъ со дня послѣдней большой свадьбы въ Куновикѣ.

Мѣстная полиція предоставила свободно разыгрываться бурѣ и въ награду за благоразуміе и осторожность на слѣдующее утро вся деревня была на ея сторонѣ. По общему приговору, виноватъ былъ одинъ Голубъ, и съ нимъ не стоило церемониться. Администрація имѣнія охотно уничтожила контрактъ, заключенный съ Мартиномъ. Голуба разсчитали и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ денегъ, которыя ему приходились за вычетомъ неустойки, онъ не получилъ ни крейцера: все пошло трактирщику за долгъ.

Послѣ тщетной попытки отстоять свое мнимое право, рабочему оставалось одно—идти искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Началось переселеніе: впереди шелъ верховный глава семьи въ узкихъ, обтрепанныхъ, холщевыхъ штанахъ и рваной синей курткѣ. Дырявая шляпенка была надѣта набекрень; красное лицо пропоицы отекло; губы бормотали грязныя ругательства противъ священника и его прихвостней, отнявшихъ у труженика честный кусокъ хлѣба.

За Мартиномъ шла жена. Лобъ ея былъ перевязанъ, и, казалось, несчастная едва передвигала ноги; несмотря на это, она тащила телѣжку съ кое-какою домашнею рухлядью и рабочими инструментами; тамъ же лежала Милада, завернутая въ одѣяло. Больная или исколоченная? О послѣднемъ легко было догадаться, такъ какъ передъ отъѣздомъ Мартинъ страшно бушевалъ въ своей семьѣ. Павелъ заключалъ шествіе. Упершись руками въ задокъ телѣжки, онъ сильно толкалъ ее впередъ и низко склонялъ голову, когда на встрѣчу попадились люди, съ сожалѣніемъ смотрѣвшіе на выселявшихся или отвѣчавшіе насмѣшками на дикую ругань Голуба.

Нѣсколько дней спустя, въ пасмурное сентябрьское утро,

когда церковный сторожъ шелъ въ домъ священника за ключами, ему бросилось въ глаза, что дверь ризницы только притворена. Въ изумленіи онъ не зналъ, что подумать, а войдя внутрь, нашелъ всѣ шкафы раскрытыми; на полу валялось церковное облаченіе, съ котораго были содраны золотые позументы. Въ ужасѣ схватясь за голову, сторожъ прошелъ въ церковь: разбитая дарохранительница лежала пустая на полу. Старикъ обезумѣлъ отъ страха. «Воры!—кричалъ онъ,—воры!»—самъ ждалъ, что вотъ-вотъ его схватятъ сзади, и, ничего не помня, добѣжалъ до дому священника...

Священникъ не имѣлъ обыкновенія запирать двери. «Что у меня взять?!» — говорилъ онъ. Сторожу достаточно было толкнуть дверь. Такъ онъ и сдѣлалъ. Отчаяніе и ужасъ! Въ сѣняхъ на полу лежала въ безсознательномъ состояніи старая служанка, обливаясь кровью. Когда изъ открытой двери на нее пахнула рѣзкая струя свѣжаго воздуха, она зашевелилась и устремила неподвижный взоръ на вошедшаго; затѣмъ слабымъ, но страшно выразительнымъ жестомъ указала на комнату священника.

Сторожъ, близкій къ помѣшательству, дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, смотритъ и, отчаянно вскрикнувъ, падаетъ на колѣни, въ ужасѣ передъ тѣмъ, что̀ представилось его взору.

Четверть часа спустя вся деревня узнала, что этою ночью убитъ священникъ, очевидно, въ борьбѣ за церковные ключи; по всѣмъ признакамъ, борьба была отчаянная.

Всѣ прекрасно знали, чьихъ это рукъ дѣло. Еслибъ даже не было свидѣтельницы, для каждаго было несомнѣнно, что убійца—Мартинъ Голубъ. Прежде всего навели справки въ Золешау. Оказалось, что онъ былъ тамъ недавно; отдалъ дѣтей на хлѣбы къ мірскому пастуху, а самъ съ женой снова ушелъ.

Недѣлю спустя, чета была накрыта въ воровскомъ притонѣ близъ границы, въ то самое время, когда Голубъ намѣревался спустить торгашу часть изломанной въ куски дароносицы, украденной въ церкви Куновика. Преступникъ сдался послѣ упорнаго сопротивленія. Жена съ молчаливымъ равнодушіемъ отнеслась къ своей судьбѣ.

Вскорѣ оба предстали передъ судомъ города Б.

Судебное слѣдствіе, не встрѣчая препятствій, закончилось быстро. Съ самаго начала Мартинъ Голубъ утверждалъ, что преступленіе задумано и приведено въ исполненіе не имъ, а женою. Хотя ему не разъ доказывали всю нелѣпость подобнаго заявленія, онъ стоялъ на своемъ. Онъ путался въ собственной грубо-сплетен-

ной лжи, давалъ противорѣчивыя показанія и, оправдываясь, подтверждалъ обвиненіе.

Удивительно было поведеніе жены.

Однообразіе ея отвѣтовъ напоминало извѣстное: Non mi recordo, она неизмѣнно повторяла:

«Какъ мужъ, такъ и я. Что мужъ, то и я!»

Въ его присутствіи несчастная женщина стояла неподвижно, едва дыша, съ каплями холоднаго пота на лбу, устремивъ на мужа полный смертельнаго страха взоръ. Если его не было въ залѣ, ей все-таки чудилось, что онъ близко; растерянный взоръ ея блуждалъ вокругъ, точно чего-то отыскивая, и, наконецъ, неподвижно устремлялся въ пустое пространство. Скрипъ двери, незначительный шумъ заставляли ее вздрагивать и бормотать стереотипныя слова: «Какъ мужъ, такъ и я! Что мужъ, то и я!» Напрасно ей говорили. «Ты подписываешь свой смертный приговоръ», на нее это не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія и совсѣмъ не пугало. Она боялась не судей, не смерти, а только «мужа».

Въ виду страха, близко граничащаго съ безуміемъ, защитникъ находилъ свою кліентку невмѣняемой и въ блестящей рѣчи требовалъ оправданія. Оправдать ее было невозможно; но наказаніе, назначенное соучастницѣ въ тяжеломъ преступленіи, было мягкое.

Вердиктъ гласилъ: Мужъ приговаривается къ смертной казни черезъ повѣшеніе, жена—къ десятилѣтнему заключенію въ смирительный домъ.

Варвара Голубъ немедленно начала отбывать свое наказаніе. Надъ Мартиномъ въ опредѣленный закономъ срокъ былъ приведенъ въ исполненіе судебный приговоръ.

II.

У общины мѣстечка Золешау возникъ вопросъ: что дѣлать съ дѣтьми осужденныхъ? Родныхъ у нихъ не было. Изъ милосердія никто не согласится взять на себя такую обузу. Староста, находясь въ безпомощномъ положеніи, рѣшился направиться къ владѣтельницѣ зàмка и попросить у нея аудіенціи.

Узнавъ въ чемъ дѣло, дама поспѣшила во дворъ, торопясь насколько позволяли ей ноги, изъ которыхъ одна была короче другой. Вытянувъ впередъ лицо съ очками на орлиномъ носу и далеко отставивъ назадъ локти, она захромала къ группѣ людей, ожидавшихъ ее у воротъ. Староста, видный мужчина, въ цвѣтѣ лѣтъ, снялъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Что ему нужно?—спросила баронесса, бросая на него мрачный взглядъ. — Я знаю, что ему нужно; но изъ этого ничего не выйдетъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до дѣтей висѣльниковъ, которые убили добраго пастора... Это мальчишка? На что онъ похожъ! Я его давно знаю; онъ кралъ у меня вишни.—Не онъ?—обернулась она къ Павлу, который покраснѣлъ какъ ракъ и скосилъ глаза.

— Почему онъ не отвѣчаетъ? Отчего не снимаетъ шапки?

— Потому что у него ея нѣтъ,—замѣтилъ староста въ оправданіе.

— Вотъ какъ! А что же у него на головѣ?

— Лохматые волосы, ваше сіятельство.

Раздался веселый смѣхъ, но немедленно затихъ, когда старуха, ткнувъ пальцемъ въ пространство, откуда послышался отвѣтъ, сказала:

— Это дѣвочка? Поди сюда.

Милада довѣрчиво приблизилась, и суровый взоръ, который госпожа устремила на личико ребенка, постепенно смягчался. Она разсматривала маленькое существо въ лохмотьяхъ и худенькія ножки, покрытыя грязью. Въ головѣ ея сложилось твердое рѣшеніе.

— Дѣвочку я во всякомъ случаѣ беру къ себѣ. Хотя мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты помогать общинѣ. Но я знаю одно, что у васъ ребенокъ не выживетъ. А почему это случится?

Староста хотѣлъ позволить себѣ вѣжливое возраженіе.

— Ему бы лучше помолчать,—прервала старая дама,—я все знаю! Дѣти, за которыхъ община должна платить въ школу, въ двѣнадцать лѣтъ не умѣютъ отличить А отъ Б.

Она неодобрительно покачала головой, взглянула еще разъ на ноги малютки и прибавила:

— А дѣти, которыхъ община должна снабжать обувью, бѣгаютъ босикомъ. Знаю я васъ,—остановила она новую попытку старосты возразить:—у меня давно пропала охота вмѣшиваться въ ваши дѣла и желаніе измѣнять ваши порядки. Возьмите мальчишку и заботьтесь о немъ по-своему; онъ этого заслужилъ! Дѣвочка можетъ теперь же остаться у меня.

Староста не замедлилъ воспользоваться разрѣшеніемъ уйти, въ восторгѣ, что освободился отъ части обузы, свалившейся на плечи деревнѣ. Павелъ слѣдовалъ за нимъ до конца двора. Тамъ онъ остановился и оглянулся на сестру. Къ ней подошла служанка, которой старая дама отдавала приказанія.

— Выкупать, лохмотья сжечь, выбрать платья изъ запаса, приготовленнаго къ Рождеству,—говорила она.

Дадутъ ли ей поѣсть?—пришло Павлу въ голову. Она навѣрно голодна. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ научился размышлять, его главною заботой было охранять ребенка отъ голода. Хорошо имѣть одежду, недурно и выкупаться, особенно въ большой компаніи, когда купаютъ лошадей. Какъ часто Павелъ таскалъ малютку къ рѣчкѣ и позволялъ ей плескаться ручонками и ножонками! Но все-таки самое важное—не голодать.

— Скажи, что ты голодна!—закричалъ мальчикъ внушительно сестрѣ.

— Какъ, молодецъ еще все здѣсь? Уйдешь ты, наконецъ, отсюда?!—раздалось изъ зáмка эхо, пробужденное его словами.

Староста, уже огибавшій уголъ сада, вернулся назадъ, схватилъ Павла за шиворотъ и потащилъ за собою.

Три дня совѣщались деревенскія власти о судьбѣ Павла. Наконецъ, ихъ осѣнила счастливая мысль, которую онѝ поспѣшили привести въ исполненіе. Въ зáмокъ отправилась депутація и повергла къ стопамъ баронессы всеподданнѣйшую просьбу: такъ какъ она была безконечно добра и приняла къ себѣ дочь несчастнаго Голуба, то не возьметъ ли также и сына.

Рѣшеніе, полученное столпами деревни, звучало безнадежно, и снова начались безконечныя совѣщанія.

— Что дѣлать?

— То, что всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ,—совѣтовалъ староста,—мальчикъ будетъ переходить изъ дома въ домъ, находя ежедневно кровъ и пропитаніе у разныхъ крестьянъ.

Всѣ крестьяне воспротивились. Никто не желалъ принимать въ свою семью разбойничье отродье, даже на одинъ день въ мѣсяцъ.

Наконецъ, пришли къ слѣдующему рѣшенію: мальчикъ останется тамъ, гдѣ жилъ, куда отдалъ его родной отецъ: у бездѣльника, мірского пастуха.

Правду сказать, еслибъ община допустила у себя въ видѣ роскоши присутствіе совѣсти, то возмутилась бы такимъ рѣшеніемъ.

Пастухъ (онъ носилъ классическое имя Виргилія) и его жена, вмѣстѣ съ хозяевами, у которыхъ они жили, считались самыми безшабашными людьми въ деревнѣ. Онъ былъ горькій пьяница, она—фальшивая, злобная женщина, не разъ судившаяся за знахарство и, тѣмъ не менѣе, не прекращавшая своего темнаго ремесла.

Никому не пришло бы въ голову довѣрить другого ребенка такимъ людямъ. Но Павелъ? Что же можетъ онъ увидать тамъ дурного, чего тысячу разъ не видалъ дома.

Такъ былъ разрубленъ Гордіевъ узелъ. Постановили отпускать

ежегодно четыре осьмины ржи на содержаніе ребенка. Пастухъ получилъ право заставлять мальчика выгонять и пасти стадо и въ свою очередь обязался наблюдать, чтобы молодецъ посѣщалъ по воскресеньямъ церковь, а зимой ходилъ въ школу.

Виргилій съ семьей жилъ въ предпослѣдней избѣ, на краю деревни. Онъ занималъ комнатку величиною въ квадратную сажень, съ маленькимъ оконцемъ въ четыре стекла, изъ которыхъ каждое равнялось половинѣ кирпича; оно никогда не отворялось, такъ какъ при первой попыткѣ гнилая рама разлетѣлась бы въ кусочки. Подъ окномъ стояла скамья, на которой спалъ пастухъ, противъ нея ящикъ, набитый соломой, гдѣ спали жена и дочь пастуха.

Входъ въ комнату составляли узкія сѣни, въ глубинѣ которыхъ находилась печь. Впрочемъ, послѣдняя рѣдко исполняла свое назначеніе, потому что красть дрова изъ году въ годъ становилось труднѣе. Она служила хранилищемъ необильныхъ запасовъ провизіи и хлѣба, грязныхъ сапогъ Виргилія, его кнута, старыхъ бутылокъ, корзинъ безъ ручекъ, горшковъ и корчагъ—предметовъ достойныхъ кисти художника-реалиста.

Среди хлама Павелъ очистилъ мѣстечко для Милады, гдѣ она спала, свернувшись какъ котенокъ. Самъ онъ растягивался на полу около печки; если малютка просыпалась среди ночи, то опускала къ нему руки, хватала его за волосы и спрашивала: «Ты здѣсь, Павличекъ?» Онъ ворчалъ: «Здѣсь, здѣсь, спи себѣ!» Шутя кусалъ ей пальчикъ, она также шутя вскрикивала. Тогда Виргилій рычалъ на нихъ: «Тише вы, воровское отродье, висѣльники!»

Милада умолкала отъ страху, а Павелъ становился на колѣни, гладилъ малютку по головѣ и тихо шепталъ ей на ухо, пока она засыпала.

Когда мальчикъ въ первый разъ пошелъ спать безъ сестры, то подумалъ: «славно сегодня посплю, баловница меня не разбудитъ!» Но уже раннимъ утромъ онъ былъ на ногахъ и бѣжалъ прямо къ зàмку. Домъ стоялъ среди сада, который обнесенъ былъ проволочной изгородью; густыя, вѣчно-зеленыя пихты не пропускали внутрь любопытныхъ взоровъ. Мальчикъ всталъ у воротъ противъ дома, прижался лицомъ къ металлическимъ прутьямъ и ждалъ. Долгое время все было тихо; наконецъ, послышалось хлопанье дверей, стукъ открывающихся оконъ, и Павлу показалось, что онъ слышитъ вдали голосъ Милады. Сильный порывъ вѣтра пронесся надъ зàмкомъ, съ деревьевъ посыпались сухіе сучья, и желтые листья закружились въ воздухѣ. Двѣ дѣвушки пробѣжали изъ людской къ дому; одна впопыхахъ налетѣла на стараго павлина, который

бродитъ изъ угла въ уголъ по двору. Онъ такъ смѣшно отскочилъ въ сторону, что Павелъ громко расхохотался. Зàмокъ и его окрестности оживились; подходили люди и къ воротамъ, но каждый входящій и выходящій запиралъ за собой калитку. Это нововведеніе удивляло прохожихъ. Съ какой стати запирать ворота среди бѣлаго дня, что это значитъ? Такое неудобное распоряженіе долго не продержится. Но, къ удивленію деревенскихъ жителей, оно продолжало держаться, и вскорѣ объяснилась его причина.

Павелъ узналъ о ней отъ Вински, хорошенькой дочки безобразнаго пастуха.

— Эй, ты, негодяй,—сказала она,—твоя сестра оказывается такая же дрянь, какъ ты! Петрушка съ господской кухни разсказывалъ, что барыня держитъ ее какъ свою дочку, а она все въ лѣсъ глядитъ! Поэтому зàмокъ держитъ на запорѣ, какъ копилку съ деньгами. Еслибъ я была барыней, не стала бы такъ нѣжничать, ужъ я знаю, что-бы сдѣлала... Твоего отца повѣсили за шею, а сестру твою я бы связала за ноги и за руки и такъ повѣсила на стѣнку.

Эта картина носилась цѣлый день передъ глазами Павла, а ночью она слилась съ другой, сохранившейся съ дѣтства въ его памяти. Онъ видѣлъ однажды, какъ охотникъ несъ изъ лѣсу подстрѣленную молодую козулю. Связанная по ногамъ веревкой она висѣла на палкѣ за спиной охотника. Павелъ помнилъ, какъ бѣдное животное выгибало тонкую шею, подымало уши и старалось приподнять голову; онъ вспоминалъ, сколько отчаянія было во взорѣ несчастнаго животнаго.

Во снѣ онъ видѣлъ это выраженіе глазъ у Милады.

Разъ мальчикъ даже громко вскрикнулъ: «Ты здѣсь?»—поднялся въ полуснѣ и повторилъ: «Ты здѣсь?»—сталъ ощупью искать вокругъ себя и, наконецъ, совершенно проснулся. Съ быстротою молніи, какъ порывъ бури налетѣло на него сиротливое чувство разлуки. Суровый мальчикъ разразился слезами, перешедшими въ отчаянное рыданіе, разбудилъ семью пастуха, хозяевъ дома, спавшихъ за стѣнкой. Всѣ напустились на него, и когда, несмотря на угрозы, онъ остался глухъ, общими усиліями вышвырнули его за дверь.

Такое охлажденіе способно было заглушить самое отчаянное страданіе. Съ минуту Павелъ неподвижно лежалъ на мерзлой землѣ. Совершенно новое для него, тяжелое ощущеніе гнетущей тоски мало-по-малу ослабѣвало и его мѣсто заняло прежнее, хорошо знакомое чувство: упорная, холодная, сверлящая злоба.

«Погодите,—думалъ онъ,—погодите, вотъ я васъ!»...

Рѣшеніе положить всему конецъ не заставило себя ждать; планъ дѣйствій медленно зрѣлъ въ неповоротливыхъ мозгахъ Павла. Когда же мальчикъ преодолѣлъ, наконецъ, трудности размышленія, все остальное показалось ему пустяками. Онъ проникнетъ въ замокъ, уведетъ сестру, пойдетъ съ ней черезъ горы въ чужія страны, наймется работникомъ и никогда, во всю жизнь, не услышитъ упрека въ томъ, что онъ сынъ своихъ родителей.

Съ чувствомъ побѣдителя поднялся Павелъ съ земли и пошелъ окольными путями, черезъ задворки къ саду, окружавшему замокъ. Свистокъ ночного сторожа предупредительно указывалъ, гдѣ опасность. Въ поляхъ лежалъ твердый, глубокій снѣгъ; земля блестѣла ярче неба, на которомъ блѣдный серпъ луны постоянно скрывался за легкую дымку облаковъ. Павлу удалось перелѣзть черезъ садовую ограду, а затѣмъ, перебираясь съ вѣтки на вѣтку, спрыгнуть въ садъ. Онъ зналъ, что находится въ наиболѣе отдаленной части сада, самой удобной, какъ для настоящаго времени, такъ и для будущаго бѣгства. Съ возрастающей увѣренностью шелъ онъ впередъ... все прямо, прямо, впереди долженъ быть замокъ. Что будетъ потомъ, Павелъ не представлялъ себѣ ясно; онъ шелъ выручать Миладу, это было несомнѣнно, а дальше будь неизвѣстность и препятствія, эта мысль освѣщала ему путь и ободряла его. Мальчикъ не замѣчалъ, что страшно мерзнетъ въ худой одеждѣ, что члены его окоченѣли отъ стужи; къ несчастью, мракъ все сгущался; Павелъ поминутно натыкался на деревья и падалъ. Въ первый разъ онъ быстро вскочилъ на ноги, но во второй явилось искушеніе: «Полежи немного, отдохни, усни!» Однако, собравъ всю силу воли, побрелъ онъ дальше и достигъ, наконецъ, желанной цѣли. Сердце мальчика сильно билось, когда онъ коснулся старой, вывѣтрившейся стѣны замка. Можетъ быть, онъ въ двухъ шагахъ отъ сестры. Можетъ быть, она спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ стоитъ подъ окномъ, которое можетъ достать руками. Почему бы и не такъ?

Онъ принялся тихо, тихо стучать въ окно. Тогда ему послышалось съ земли сердитое ворчанье, и что-то низенькое, на коротких ножкахъ поползло къ нему; не успѣлъ онъ оглянуться, какъ животное прыгнуло ему на шею, стараясь схватить за горло. Павелъ сдержалъ крикъ; онъ сдавилъ изъ всѣхъ силъ дворняжку, но она была сильнѣе и обладала бо̀льшимъ навыкомъ въ борьбѣ съ врагами

Лай собаки сдѣлалъ свое дѣло: сбѣжались люди, заспанные, въ

смертельномъ испугѣ; но когда увидали, что придется имѣть дѣло съ ребенкомъ, ко всѣмъ вернулось мужество. Павла окружили и схватили, несмотря на то, что онъ бился и рвался, какъ дикій звѣрь.

III.

Никому не удалось узнать, что было нужно Павлу въ замкѣ. Упрямство, съ какимъ онъ отвергалъ всѣ предположенія, ясно доказывало, что у него были самыя дурныя намѣренія. Взломать двери или поджечь домъ: отъ него все можетъ статься! Таково было общественное мнѣніе. Община, взявшая на себя материнскія обязанности, постановила подвергнуть Павла примѣрному наказанію чрезъ посредство учителя Хабрехта въ присутствіи всей школьной молодежи.

Учитель, болѣзненный, нервный человѣкъ, съ видимымъ неудовольствіемъ согласился исполнить возложенную на него обязанность. Онъ держался взгляда, что такая экзекуція на глазахъ молодой публики рѣдко приноситъ пользу виновному и всегда, безусловно, вредитъ зрителямъ.

— Эти маленькіе звѣрки отъ такого зрѣлища дѣлаются большими скотами, — выражался онъ слишкомъ грубо для педагога. Возраженія учителя нерѣдко принимались общиной къ свѣдѣнію; но на этотъ разъ они остались безплодными.

Въ день, назначенный для наказанія ночного злоумышленника, учитель со вздохомъ принялъ его изъ рукъ деревенской полиціи и повелъ за вихоръ къ дверямъ классной комнаты. Остановившись тамъ, онъ поднялъ наклоненную голову мальчика вверхъ и сказалъ:

— Взгляни на меня, что ты уставился въ полъ, дрянной мальчишка!

Мало ласки звучало въ этихъ словахъ, но почему-то они благопріятно подѣйствовали на Павла и даже то, какъ учитель трясъ его въ это время за волосы, имѣло нѣчто внушающее довѣріе и ободрительно подѣйствовало на мальчика.

— Трепещи, негодный упрямецъ, трепещи!—продолжалъ учитель, дѣлая страшные глаза и производя костлявою рукой угрожающій жестъ въ воздухѣ. Павелъ, изъ котораго въ теченіе трехъ дней не могли вытянуть ни одного слова, бросилъ искоса пугливый взглядъ на учителя и сказалъ съ усмѣшкой:

— А я, все-таки, не боюсь!

Въ классѣ сперва жужжали, какъ въ ульѣ; потомъ жужжанье перешло въ неистовый шумъ, наконецъ, поднялась драка изъ-за лучшихъ мѣстъ на время предстоящаго зрѣлища.

Учитель неодрбрительно проворчалъ себѣ что-то подъ носъ и снова затрясъ Павла:

— Если ты ничего не боишься, то ори во все горло, я тебѣ совѣтую!—сказалъ онъ, открывая дверь и вошелъ въ классъ. Въ комнатѣ все стихло; раздались только единичные взрывы удовлетвореннаго ожиданія. На скамейкахъ тѣснились другъ къ другу; царило трогательное согласіе.

Учитель поставилъ Павла возлѣ каѳедры и оглянулся, ища розгу. Такъ какъ онъ не находилъ ея или дѣлалъ видъ, что не находитъ, послышался голосъ: «Вотъ она, въ углу, на окнѣ!» Голосъ шелъ изъ послѣднихъ рядовъ и принадлежалъ Арносту, сыну крестьянина, у котораго жилъ пастухъ. Павелъ показалъ ему кулакъ, чѣмъ возбудилъ враждебный ропотъ. Болѣе сотни глазъ съ злорадствомъ и ненавистью обратились на грязнаго оборванца. Въ немъ клокотала злоба.

«Что я вамъ сдѣлалъ?—думалъ онъ.—Почему всѣ вы до единаго мои враги»?

Хабрехтъ велѣлъ всѣмъ замолчать и обратился съ рѣчью, въ которой приготовлялъ школьниковъ къ полному разочарованію.

— Вамъ весело. Почему? Съ какой стати? Вы рады, что другого будутъ сѣчь? Берегитесь! Вамъ самимъ будетъ отъ этого больно! Каждый изъ васъ,—онъ понизилъ голосъ до таинственнаго шепота и медленно вытянулъ указательный палецъ по направленію къ аудиторіи—каждый изъ присутствующихъ, готовый вылѣзти изъ кожи отъ злорадства, скоро полѣзетъ вонъ изъ кожи отъ ужасной боли. Каждый, кто будетъ таращить глаза и смотрѣть, какъ я сѣку, самъ почувствуетъ слѣды ударовъ... почувствуетъ!—повторилъ онъ пророчество.—А теперь смотрите, что можетъ сдѣлать учитель!

Ребятишки струсили передъ чудомъ, которое должно было надъ ними совершиться. Только кое-кто искоса бросалъ робкіе взгляды на страннаго человѣка, длинная, худая фигура котораго походила на привидѣніе. Мальчики уставились въ землю, дѣвочки закрылись фартуками.

Учитель поспѣшно приступилъ къ дѣлу. Съ неимовѣрной быстротой закружился пучокъ розогъ надъ головой преступника, нанося по временамъ слабые удары, которые Павелъ счелъ только прелюдіей къ настоящему наказанію. Но вдругъ учитель воскликнулъ:

— Господи, вотъ очки свалились!...—Подыми ихъ... За наказаніе поблагодаришь послѣ урока.

Павелъ въ оцѣпенѣніи, съ безсмысленно удивленнымъ лицомъ смотрѣлъ на учителя; онъ ждалъ еще настоящей порки, а ему говорятъ, что она уже кончена и велятъ идти на мѣсто: «на послѣднее мѣсто, на задней скамейкѣ!» Учитель вынулъ платокъ, вытеръ со лба потъ, взялъ медленно щепотку табаку и началъ занятія.

Арностъ, красный, какъ ракъ, шепталъ сосѣду:

— Видѣлъ?

— Чуточку,—отвѣтилъ тотъ.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Чувствую, въ спинѣ!

— А у меня горитъ ухо!

Маленькая любопытная дѣвочка, у которой нечаянно глазъ пришелся противъ дырочки на фартукѣ, воспользовалась случайностью, чтобы подсмотрѣть, что будетъ; она сознавалась потомъ подругамъ, что сидѣла точно на горохѣ.

Послѣ урока Павелъ хотѣлъ выйти со всѣми вмѣстѣ; но учитель остановилъ его и долго внимательно смотрѣлъ въ глаза, наконецъ, спросилъ, стыдно ли ему?

Мальчикъ тихо отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? Какъ нѣтъ? Или ты совсѣмъ потерялъ стыдъ?

Мальчикъ упрямо замолчалъ. Учитель прекрасно зналъ это молчаніе своего рѣдкаго гостя. До сихъ поръ онъ обращалъ мало вниманія на тупого мальчика. Сегодня же, вынужденный наказывать его за неизвѣстное преступленіе, онъ почувствовалъ къ нему состраданіе. Въ немъ шевельнулась жалость, и онъ съ горечью сказалъ:

— Ты выросъ въ стыдѣ; да, выросъ, потому что тебѣ четырнадцать лѣтъ, привыкъ къ стыду и не знаешь, что такое стыдъ!

Тогда Павелъ промолвилъ:

— Ну, ладно, знаю ужъ!

Дѣтскій ротъ искривило старческое выраженіе подавленной горечи. Онъ не понималъ раньше, чего хотѣлъ учитель со своей розгой, которая не причиняла боли; но теперь онъ отлично понялъ, что его попрекаютъ злосчастной жизнью.

— Знаю ужъ, — повторилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ сквозь напускную дерзость невольно слышалась боль мучительнаго сознанія.

Учитель внимательно наблюдалъ его: мальчикъ былъ воплощенное несчастіе! Не природа была тому виною. Она хорошо выполнила свою задачу: дала ему силу и здоровье; это доказывала широкая грудь, красныя губы, крѣпкіе, желтоватые зубы. Но благія намѣренія природы были испорчены непосильнымъ трудомъ, плохой пищей и всевозможными лишеніями. Худой, коренастый мальчикъ съ копной всклокоченныхъ волосъ, которые дѣлали голову несоразмѣрно большой, со впалыми щеками и выдавшимися скулами, едва прикрытый лохмотьями изъ лѣтней матеріи, съ онучами вмѣсто обуви, представлялъ въ одно и то же время отталкивающее и крайне грустное впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ не угасло еще сознаніе его жалкаго положенія. Долго молчалъ учитель; молчалъ также и Павелъ; онъ безнадежно отвѣсилъ нижнюю губу и украдкой бросалъ взоры на дверь, какъ человѣкъ, ищущій предлога улизнуть.

Наконецъ, учитель заговорилъ:

— Не будь дуракомъ. Когда ты не въ школѣ, то долженъ думать, какъ бы попасть туда, а не въ ней думать, какъ бы уйти!

Павелъ изумился; странно, но вполнѣ согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, что учитель можетъ угадывать чужія мысли.

— Теперь иди,—продолжалъ онъ,—но завтра приходи опять, и послѣ завтра тоже; если ты цѣлую недѣлю будешь аккуратно ходить въ классъ, то получишь отъ меня хорошіе сапоги.

— Сапоги? Какъ у крестьянскихъ дѣтей? Настоящіе сапоги съ высокими голенищами?

Всю обратную дорогу Павелъ безъ передышки повторялъ: «настоящіе сапоги»,—и волшебная прелесть звучала въ этихъ словахъ. Онъ забылъ даже, что намѣревался вздуть Арноста и на слѣдующее утро стоялъ у школьныхъ дверей раньше, чѣмъ ихъ отперли. За урокомъ онъ трудился съ величайшимъ рвеніемъ и прилагалъ старанія побороть трудности ученія. Онъ пренебрегъ увѣщаніями Виргилія и его жены, которые хотѣли принудить его идти на фабрику, вмѣсто того, чтобы забавляться въ школѣ. Правда, такія увѣщанія происходили втайнѣ; открыто мѣшать мальчику ходить зимой въ школу они бы не рѣшились,—это было противно ихъ соглашенію съ общиной.

Прошло семь дней; въ послѣдній день, по окончаніи уроковъ, Павелъ несся домой, держа въ каждой рукѣ по новому сапогу.

Дома была одна Винска, когда вернулся мальчикъ. Она наблюдала, какъ онъ поставилъ блестящую пару въ углу, около печки, самъ отошелъ немного и погрузился въ тихое созерцаніе. Его угрю-

мыя черты не могли выразить радости, но онѣ были оживленнѣе, чѣмъ всегда, и выражали грубое удовольствіе.

Разъ онъ подошелъ поближе, поднялъ одинъ сапогъ, обтеръ его рукавомъ, поцѣловалъ и снова поставилъ на мѣсто. Въ комнатѣ раздался смѣхъ: Винска подошла къ порогу, прислонилась плечомъ къ дверному косяку (между комнатой и сѣнями не было двери) и спросила:

— Гдѣ ты укралъ сапоги, негодяй?

Онъ даже не оглянулся и не соблаговолилъ отвѣтить. Винска до тѣхъ поръ повторяла свой вопросъ, пока Павелъ на нее не огрызнулся:

— Укралъ! Какъ тебѣ не укралъ!

— Оселъ,—пробурчала она,—видишь ли? Самъ сознаешься!

Взглядъ ея жадныхъ сѣрыхъ глазъ блуждалъ попеременно отъ сапогъ къ собственнымъ босымъ, красивымъ ногамъ. Павелъ усѣлся на корточкахъ около своей новой, драгоцѣнной собственности; ему казалось, что онъ долженъ защищать ее отъ грозящей опасности. Винска склонила голову набокъ, улыбнулась мальчику, который грозно смотрѣлъ на нее, и сказала заискивающимъ голосомъ:

— Ну, скажи мнѣ, гдѣ ты досталъ ихъ?

Павелъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Онъ недавно случайно слышалъ, что такимъ тономъ Винска говорила съ Петромъ, своимъ любовникомъ. Въ груди мальчика поднялась горячая волна; онъ пожиралъ глазами красивую дѣвушку и думалъ, какъ хорошо было бы теперь броситься на нее и—исколотить.

Онъ, однако, не шевельнулся, только безсознательно открылъ ротъ и сказалъ:

— Мнѣ далъ ихъ учитель.

Винска принялась тихонько хихикать.

— Вотъ кто! Если онъ далъ тебѣ сапоги, то это все равно, что у тебя ихъ нѣтъ!

— Какъ, нѣтъ?

— Такъ и нѣтъ! Ты завтра проснешься, а они исчезли.

— Исчезли?... Какъ бы не такъ!...

— Да, да! Подарки учителя не переживаютъ ночи. Ты, вѣдь, знаешь, что онъ колдунъ!

Павелъ пришелъ въ ярость.

— Я знаю, что онъ не колдунъ!

Дѣвушка презрительно выпятила губы.

— Дурачина! Онъ три дня былъ мертвымъ и лежалъ въ гробу.

Развѣ это не правда? Каждый ребенокъ знаетъ, что человѣкъ, три дня пробывшій мертвымъ, заглянулъ въ адъ и кое-чему понаучился у чорта.

Павелъ молча уставился на дѣвушку; ему стало жутко. Она зѣвнула, прижалась щекой къ приподнятому плечу и нѣсколько минутъ спустя сказала небрежно, точно повторяла старую, тысячу разъ разсказанную исторію:

— Старой слѣпой Марскѣ, которая умерла у насъ въ прошломъ году, учитель тоже подарилъ пару башмаковъ. Она поставила ихъ возлѣ кровати, а утромъ, когда хотѣла надѣть, наступила ногой на огромную жабу, въ тарелку величиной.

— Неправда! — вскричалъ Павелъ. Его бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ страха и гнѣва, и вдругъ къ глазамъ подступили слезы.

Винска презрительно посмотрѣла на него и ушла въ комнату.

Вечеромъ Павелъ долго боролся со сномъ; онъ хотѣлъ сторожить свое сокровище; читалъ нѣсколько разъ подъ рядъ «Отче нашъ», чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Но, наконецъ, задремалъ.

Когда на слѣдующее утро онъ проснулся, пророчество Вински сбылось: сапоги исчезли.

IV.

Павелъ не проронилъ ни слова о своемъ несчастіи. Когда Винска, плутовски смѣясь, спросила его, гдѣ сапоги, онъ такъ грубо ударилъ ее, что она съ крикомъ бросилась прочь. На разспросы школьныхъ товарищей онъ отвѣчалъ кулаками; больше всѣхъ досталось Арносту, который пошелъ даже жаловаться учителю. Но изъ жалобы ничего не вышло; у учителя была одна особенность: онъ дѣлался совершенно глухимъ, когда одинъ изъ учениковъ жаловался на другого. Прошла недѣля: Павелъ не появлялся въ школѣ; онъ добровольно пошелъ на фабрику и работалъ тамъ съ утра до ночи. Нѣсколько разъ посылалъ за нимъ учитель, но такъ какъ желаннаго результата не послѣдовало, онъ отправился, наконецъ, собственной персоной въ жилище Виргилія, чтобы привести мальчика въ школу.

Учителя встрѣтила жена пастуха и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, извергла цѣлый потокъ жалобъ на свою судьбу. Черезъ пять минутъ учителю казалось, что онъ стоитъ подъ жолобомъ, изъ котораго вмѣсто дождевой воды сыплются ржаныя зерна. Въ его больной, усталой головѣ все спуталось.

Женщина призывала Бога и всѣхъ святыхъ въ свидѣтели своихъ страданій. Нѣтъ, она не подозрѣвала, какую обузу навяжетъ себѣ на шею, когда соглашалась взять въ домъ сына повѣшеннаго и каторжницы. Много горя видѣла она на своемъ вѣку, но хуже этого мальчика ничего не встрѣчала. Каждое его слово—ложь и обманъ. Развѣ онъ не разсказываетъ, что названные родители не пускаютъ его въ школу и берутъ себѣ его недѣльный заработокъ?

Широко раскрывъ глаза и выразительно взглядывая на старика, она прибавила въ порывѣ раздраженія: «Не во гнѣвъ будь сказано, онъ срамитъ не однихъ насъ, бѣдныхъ стариковъ, и про другихъ разсказываетъ ужасныя вещи».

Учитель вынулъ платокъ и приложилъ къ влажной головѣ. Онъ зналъ, какого рода слухи ходили о немъ по деревнѣ; они возбуждали въ немъ противорѣчивыя чувства: порой огорчали, порой развлекали своей нелѣпостью и побуждали ради шутки поддерживать ихъ. На этотъ разъ было первое; онъ замахалъ рукою.

— Довольно, довольно, придержи язычокъ!

— Пресвятая Богородица! Я молчу; я соглашусь лучше проглотить языкъ... Я говорю только, что дрянной мальчишка не стоитъ заботъ г. учителя... Чудесные сапоги, напримѣръ! Онъ дня ими не пользовался!

— Вотъ какъ! Гдѣ же они?

Виргилиха (такъ звали ее въ деревнѣ) опять затараторила:

— Гдѣ сапоги? Пусть спроситъ г. учитель у еврея, которому мальчишка спустилъ ихъ. Конечно, еврей отопрется!—взвизгнула она.

Хабрехтъ, совершенно оглушенный, заткнулъ уши и пошелъ прочь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вернулся, однако, назадъ и велѣлъ непремѣнно прислать на слѣдующій день Павла въ школу. Женщина обѣщала исполнить порученіе и сдержала обѣщаніе: вечеромъ она передала Павлу, что учитель не велѣлъ ему показываться себѣ на глаза.

Лишній трудъ. Мальчикъ и безъ того на версту обходилъ учителя. За то Винску не покидалъ ни на минуту: бѣгалъ за ней, какъ сердитая собаченка, готовая во всякое время огрызнуться на хозяина, но вмѣстѣ съ тѣмъ покорная его волѣ. Онъ дѣлалъ все, что она хотѣла: былъ у нея на посылкахъ; кралъ для нея изъ лѣсу дрова, яйца изъ деревенскихъ кладовыхъ и всецѣло подчинился ей.

Между тѣмъ у Павла было и другое занятіе, котораго онъ никогда не забывалъ. Изо дня въ день приходилъ онъ къ садовой калиткѣ замка, смотрѣлъ во дворъ и пожиралъ глазами окна дома.

Сначала съ пламенной надеждой въ сердцѣ, а когда она угасла,— по привычкѣ.

Въ одинъ прекрасный майскій полдень, придя на свой наблюдательный постъ, мальчикъ къ величайшему удивленію нашелъ ворота отпертыми. Подъ колоннадой подъѣзда стоялъ экипажъ баронессы, закрытая карета, запряженная парою сытыхъ бѣлыхъ лошадей. Слуги съ поклонами тѣснились около экипажа, къ которому былъ привязанъ дорожный сундукъ. Накорецъ, дверка съ шумомъ затворилась, лакей вскочилъ на козлы, тяжелый сундукъ подпрыгнулъ на рессорахъ, и экипажъ тронулся въ путь. Шагомъ обогнулъ онъ дворъ, медленно приблизился къ воротамъ и покатилъ по улицѣ. Павелъ бросилъ разсѣянный взглядъ внутрь кареты и отскочилъ ошеломленный. Онъ прижался лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза; но и съ закрытыми глазами ясно и отчетливо видѣлъ то, что мелькнуло передъ нимъ: баронесса была не одна въ роскошной каретѣ; рядомъ съ ней сидѣла маленькая барышня, красиво одѣтая, въ хорошенькой шляпочкѣ; черты лица напоминали Миладу; но у сестры Павла никогда не было такихъ пухлыхъ, розовыхъ щечекъ.

Мальчикъ бросился впередъ и со всѣхъ ногъ помчался за каретой. Экипажъ дѣлалъ объѣздъ и, тормозя колеса, медленно спускался съ горы. Павелъ побѣжалъ наискось черезъ зеленый лугъ, обогналъ карету и съ бьющимся сердцемъ ждалъ ее на краю дороги. Она приближалась гремя и раскачиваясь; Мальчикъ вытянулся, взглянулъ внутрь и снова увидѣлъ прежній милый образъ. На этотъ разъ и его увидѣли; онъ услышалъ крикъ радости и голосокъ Милады весело звалъ: «Павелъ, Павелъ!» Дѣвочка такъ стремительно бросилась къ окну, что стекло задребезжало и разлетѣлось въ кусочки. Карета остановилась, и лакей хотѣлъ спрыгнуть съ козелъ. Но баронесса поспѣшила приказать: «Оставаться по мѣстамъ. Впередъ! Отогнать мальчишку прочь!» Надъ головой Павла просвисталъ кнутъ, а въ каретѣ раздался отчаянный крикъ. Затѣмъ послышалось ласковое уговариваніе. Павелъ увидалъ, что старая дама притянула къ себѣ дѣвочку, и ребенокъ плакалъ у нея на рукахъ. Этотъ плачъ потрясъ мальчика до глубины души. Тогда Павелъ испустилъ веселый крикъ и, на приличномъ разстояніи отъ кучерского кнута, принялся кувыркаться, ходить колесомъ, представлять медвѣдя. Когда ему захватило духъ, онъ остановился, посмотрѣлъ на малютку, сдѣлалъ ей гримасу и до тѣхъ поръ строилъ рожи, пока она разсмѣялась. Какъ радостно забилось его сердце, когда онъ снова услыхалъ ея веселый смѣхъ!

А разстояніе между нимъ и каретой росло и росло. Павелъ не

бѣгалъ и не скакалъ болѣе; онъ шелъ впередъ и когда добрелъ до подошвы большой горы, лошади взобрались уже на ея крутую вершину. Съ трудомъ карабкался онъ кверху и, достигнувъ верхушки, повалился на землю. Въ вискахъ у него стучало, передъ глазами стояли красные круги. У ногъ разстилалась, залитая солнечнымъ свѣтомъ, равнина, на границѣ которой начинался городъ; его крайніе домики чуть чуть бѣлѣлись; золоченыя башни церквей сіяли точно звѣзды на голубомъ небѣ! По направленію къ городу, среди зеленыхъ полей вилась дорога; по дорогѣ ползла черная точка. За этой точкой неотступно слѣдилъ внимательный взоръ Павла, какъ будто въ ней была вся его жизнь, все его счастье. Когда точка совершенно скрылась изъ глазъ, Павелъ въ изнеможеніи бросился на землю и лежалъ неподвижно, какъ мертвый.

Его сестра стала барышней и уѣхала въ городъ. Теперь незачѣмъ ходить къ садовой калиткѣ; отнято удовольствіе подкарауливать малютку. Тяжело отозвалось въ сердцѣ мальчика сознаніе, что потеряна послѣдняя радость. Онъ бы охотно заплакалъ, но не могъ; онъ бы согласился сейчасъ умереть здѣсь, не сходя съ мѣста. Онъ часто слыхалъ, какъ кляли его существованіе собственный отецъ и чужіе люди; и всегда испытывалъ при этомъ непріятное чувство: теперь же онъ самъ желалъ смерти. И развѣ каждый не воленъ въ своей жизни?—думалось ему. На то есть много средствъ. Можно, напримѣръ, задержать дыханіе; это не штука! Неудобно только, что придется долго ждать смерти. Твердо рѣшившись, Павелъ дѣлаетъ попытку. Онъ уткнулся лицомъ въ землю, но какъ-разъ въ это время около него что-то зашелестѣло; прислушавшись, онъ различилъ слабый шумъ, точно отъ хлопанья птичьихъ крыльевъ. Павелъ приподнялъ голову и взглянулъ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣлъ на гнѣздѣ рябчикъ и съ невыразимымъ страхомъ смотрѣлъ на врага, который крался черезъ молодой кустарникъ прямо къ гнѣзду. Не слышно, грозно, ползло что-то сѣрое. Кошка! Павелъ видитъ ее у самаго гнѣзда. Она облизывается, вытягивается, собираясь прыгнуть на добычу. Одинъ взмахъ крыльевъ и птица спасена, но она не трогается съ мѣста. Въ заботѣ о жизни маленькаго существа, Павелъ забылъ о самоубійствѣ. «Лети же, глупое созданіе!»—думалъ онъ. Но вмѣсто того, чтобы летѣть, птичка припала къ гнѣзду, стараясь плотнѣе закрыть его и безпокойно слѣдила темными глазками за каждымъ движеніемъ хищницы. Павелъ поднялъ комокъ земли, вскочилъ на ноги и такъ стремительно бросилъ имъ кошкѣ въ голову, что та перевернулась на собственной оси и, ослѣпленная, чихая, побѣжала прочь.

Мальчикъ смотрѣлъ ей во слѣдъ; ему было грустно и хорошо. Онъ перенесъ тяжелое страданіе и сдѣлалъ доброе дѣло. Непосредственно за тѣмъ, какъ онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, покинутымъ и готовъ былъ умереть, въ немъ затеплилось что-то новое, точно сознаніе собственной силы... иной, болѣе высокой, чѣмъ та, которую доставляли ему мощныя руки. Что это за сила? Неясно вставалъ этотъ вопросъ изъ темнаго міра его представленій, и онъ впалъ въ чуждое ему до сихъ поръ, трудное, но пріятное раздумье.

Его разбудилъ громкій крикъ:

— Павелъ, Павелъ! Поди сюда, Павелъ!

На дорогѣ стоялъ учитель, котораго завела сюда послѣобѣденная прогулка; онъ уже нѣсколько времени наблюдалъ за мальчикомъ. Въ рукахъ у него была суковатая палка, которую онъ быстро спряталъ за спину при приближеніи Павла.

— Что ты тутъ творишь, дрянной мальчишка? — спросилъ онъ.—Ты, кажется, разоряешь птичьи гнѣзда?

Павелъ молчалъ, какъ всегда, когда на него взводили напраслину; учитель пригрозилъ ему:

— Не серди меня, отвѣчай!... Отвѣчай, говорятъ тебѣ!

И такъ какъ мальчикъ продолжалъ упорно молчать, учитель поднялъ вдругъ палку и ударилъ его. Тотъ принялъ ударъ не сморгнувъ.

Въ сердцѣ Хабрехта заговорило раскаяніе и жалость:

— Павелъ,—сказалъ онъ мягко и печально, — я слышу о тебѣ одно дурное, ты идешь по плохому пути; что изъ тебя выйдетъ?

Это обращеніе не тронуло мальчика; напротивъ: значительная доза презрѣнія прибавилась къ ненависти противъ стараго колдуна, который обманулъ его.

— Что изъ тебя выйдетъ?—повторилъ учитель

Павелъ выпрямился, подбоченился и сказалъ:

— Воръ!

V.

Вечеромъ того же дня баронесса вернулась домой, но одна. Ея поѣздки въ городъ продолжались каждую недѣлю, въ теченіе всего лѣта. Въ деревнѣ стало скоро извѣстно, что она посѣщаетъ монастырь благочестивыхъ сестеръ; баронесса была въ дружбѣ съ настоятельницей обители и довѣрила ей воспитаніе Милады. Учрежденіе пользовалось большимъ уваженіемъ, и когда Па-

велъ услыхалъ, куда отдали сестру, его наполнило чувство радости и гордости и также благодарности къ баронессѣ. Онъ сопротивлялся даже нѣкоторое время требованіямъ Вински и собственному желанію сдѣлать разбойничій набѣгъ на господскій лѣсъ. Къ сожалѣнію, это сопротивленіе длилось недолго.

Съ тѣхъ поръ, какъ старый лѣсничій жилъ на пенсіи, а его мѣсто занялъ сынъ, доступъ въ лѣсъ былъ запрещенъ всѣмъ, кто не имѣлъ на то права. Новый законъ возбудилъ недовольство и вызвалъ нарушеніе его.

Образовалась кучка мальчиковъ и дѣвочекъ, по большей части изъ дѣтей собственниковъ, во главѣ которой, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ Павелъ.

Маленькими группами, потихоньку крадучись, весело пробирались дѣти въ лѣсъ. Укромные уголки и глухія тропинки были имъ лучше извѣстны, чѣмъ самимъ охотникамъ. Съ дѣтскою безпечностью шли они навстрѣчу приключеніямъ, которыя могли окончиться двояко. Или благополучно: тогда предстояло возвращеніе домой съ вязанкой дровъ за плечами, похвалы родителей и горячій ужинъ; или неудачно: тогда ихъ ждала трепка на мѣстѣ преступленія и то же самое дома. Послѣднее случалось рѣдко съ кѣмъ-либо кромѣ Павла, который въ экспедиціяхъ составлялъ всегда арріергардъ; въ минуту опасности товарищи покидали его, надѣясь на его молчаливость. И онъ ни разу не выдалъ ихъ; да и кто бы сталъ вѣрить словамъ дрянного мальчишки!

Репутація Павла ухудшалась со дня на день. Замѣчали ли въ лѣсу порчу деревьевъ, ее приписывали питомцу пастуха. Если исчезали куры, картофель, груши—все это кралъ Павелъ. Когда его ловили на мѣстѣ преступленія и грозили наказаніемъ, онъ молча уставлялся говорящему въ лицо. Старые люди побаивались мальчика и не рѣшались бранить: пожалуй, еще пуститъ камнемъ изъ-за угла. Мало-по-малу на Павла наложили такъ много черныхъ красокъ, что въ сравненіи съ нимъ семья Виргилія казалась добродѣтельной.

Одного не сообразили его односельчане: чтобы выполнить всѣ безчисленныя продѣлки, которыя ему приписывались, надо было имѣть тысячу рукъ и силу великана. Павелъ, послѣ продолжительнаго размышленія постигъ всю глупость тѣхъ, которые готовы были приписать ему невозможное, лишь бы это была какая-нибудь гадость; онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ этимъ людямъ. Ему нравилось при всякомъ удобномъ случаѣ вредить тупоумному

и злобному народу; и какъ другіе наслаждаются уваженіемъ, которое имъ оказываютъ, онъ наслаждался непріязнью окружающихъ.

Время шло, лѣто близилось къ концу; наступило 1 сентября, день большого церковнаго праздника. Въ прошломъ году еще Павелъ протолкался черезъ толпу и во время торжественной обѣдни босой и въ лохмотьяхъ стоялъ на колѣняхъ среди крестьянскихъ ребятишекъ, плотно прижавшись къ ступенямъ алтаря. Въ этомъ году мальчикъ не вошелъ въ церковь; онъ остался наружи съ нищими и бродягами, къ которымъ вполнѣ подходилъ по наряду. Его нѣкогда длинная, зеленая куртка теперь едва доходила до пояса; потертая на всѣхъ швахъ, она представляла изъ себя собраніе образчиковъ всѣхъ старыхъ платьевъ Виргилихи, въ видѣ большихъ и маленькихъ заплатъ. Толстая рубаха не прикрывала грудь; холщевые штаны, бурые отъ старости и обтрепанные по краямъ, были подтянуты выше колѣнъ, точно обладатель ихъ собрался переходить черезъ ручей. Павелъ стоялъ, прислонясь къ церковной оградѣ и закинувъ руки за голову. Онъ равнодушно смотрѣлъ на идущихъ въ церковь; толпою шли парни и дѣвушки; послѣднія прямо проходили въ церковь, первые останавливались у палатокъ, выстроенныхъ по сторонамъ дороги, и разсматривали ихъ содержимое въ ожиданіи благовѣста къ проповѣди. Одинъ изъ нихъ, низенькій молодой человѣкъ съ некрасивымъ плоскимъ лицомъ, бросался въ глаза необычайно угрюмымъ видомъ. Онъ одѣтъ былъ въ тонкое полугородское платье. Чтобы не было сомнѣнія въ зажиточности юноши на его черную куртку извели столько матеріи, что напереди она топырилась, какъ бочка, а сзади образовала изгибъ, вродѣ кошачьей спинки. Молодежь встрѣтила деревенскаго щеголя съ предупредительнымъ вниманіемъ, въ которомъ сквозило немного ироніи; замѣтно было, однако, что каждый желалъ стать съ нимъ на короткую ногу. И понятно: щеголь былъ единственный сынъ старосты, наслѣдникъ большого, хорошо устроеннаго крестьянскаго двора.

Съ колокольни раздался первый ударъ; притокъ народа къ церкви прекратился; только запоздавшіе крестьяне торопливо шли по улицѣ.

Послѣ всѣхъ, совершенно одна, появилась Винска и тотчасъ же возбудила вниманіе свиты, окружавшей Петра, сына старосты.

— Чортъ возьми! Винска! Да, какъ она хороша сегодня.

— Какъ ей къ лицу головной платочекъ. Онъ шелковый, клянусь честью!—посыпались замѣчанія.

— На ней по меньшей мѣрѣ шесть юбокъ!

— А какъ скромна-то! Ахъ, ты, святая!

У каждаго нашлось для нея грубое словечко или галантное, которое безстыдствомъ превосходило грубое. Только Петръ молчалъ и внимательно слѣдилъ за птичкой, которая сидѣла па углу церковной ограды и вспорхнула при приближеніи Вински. Дѣвушка скоро скрылась въ толпѣ, стоявшей близъ церковныхъ дверей. Парни послѣдовали за нею, и Павелъ разслышалъ, какъ одинъ сказалъ другому: «Интересно было бы знать, откуда досталась Виргилію, старому кривоногому чорту, такая хорошенькая дочка?!»

— А я бы хотѣлъ знать, откуда дочери стараго чорта достались красивые наряды?—спросилъ другой вмѣсто отвѣта.

Павелъ не замѣтилъ, что на Винскѣ было нарядное платье; онъ видѣлъ только ея ноги или вѣрнѣе сапоги. При взглядѣ на нихъ въ душѣ мальчика поднялось полузабытое воспоминаніе о большой радости и о тяжеломъ страданіи. Онъ упорно и настойчиво принялся размышлять. Когда Винска ругала его, то всегда заканчивала брань словами: «И глупъ же ты, такъ глупъ, что глупѣе тебя нѣтъ никого въ деревнѣ!» Еще недавно эти слова не трогали Павла; но съ нѣкоторыхъ поръ они стали огорчать его; онъ догадывался, что въ нихъ есть доля правды. «Глупъ!—пробормоталъ онъ и схватился за лобъ,—но не такъ глупъ, какъ она думаетъ; негодная тварь!» Не такъ глупъ, чтобы забыть все, что случилось годъ тому назадъ, и изгнать изъ памяти смутное подозрѣніе, возникшее тогда же и окрѣпшее теперь.

Служба длилась долго; солнце стояло почти въ зенитѣ, когда музыка и пѣніе умолкли, и молящіеся стали быстро покидать церковь. Глаза Павла искали Винску, но ея не было. Толпа схлынула: часть крестьянъ окружила палатки, а другая, довольно рѣдкая, пошла по улицѣ къ деревнѣ. Дочь пастуха пропала, а съ ней вмѣстѣ и Петръ.

Послѣ обѣдни Павелъ долженъ былъ идти домой, чтобы гнать съ Виргиліемъ стадо въ поле; но сегодня онъ не намѣренъ былъ исполнять приказаніе пастуха. Мальчикъ бродилъ по сосѣднимъ полямъ, отыскивая Винску. Нетерпѣніе, обостренное мучительнымъ голодомъ, доходило до ярости и клокотало у него въ груди.

Вечеромъ Павелъ подошелъ къ трактиру, гдѣ шло веселье. Пьяные пѣли, мальчишки боролись, дѣвочки прыгали и скакали подъ звуки цимбалъ и гудковъ, доносившіеся черезъ открытую дверь. Любопытные осаждали окна танцовальной комнаты, наблюдали, что тамъ происходитъ, и дѣлали замѣчанія. Послѣ продолжительной борьбы Павлу удалось завоевать себѣ мѣсто; онъ увидалъ, какъ

среди скудно освѣщенной комнаты кружились танцующіе. Невдалекѣ отъ окна Петръ вертѣлъ на одномъ мѣстѣ Винску. Онъ уже порядкомъ выпилъ, снялъ съ себя куртку, а съ нею и деликатное обхожденіе. Въ рубашкѣ и жилетѣ Петръ былъ самымъ обыкновеннымъ парнемъ, не лучше любого работника.

Винска потупляла глаза и поминутно краснѣла отъ его словъ и поцѣлуевъ, которые онъ похищалъ у нея.

Павелъ забылъ голодъ, а нетерпѣніе выросло до неистовой, непонятной ему боли. Онъ сталъ биться, какъ въ когтяхъ хищнаго животнаго, и испустилъ отчаянный стонъ.

Окружающіе испугались; его столкнули внизъ,—онъ не сопротивлялся и пошелъ въ темнотѣ къ своему непривѣтливому жилищу. Въ избушкѣ мерцалъ огонекъ. На оконномъ карнизѣ стояла свѣча; въ освѣщенной комнатѣ сидѣли на скамьѣ Виргилій съ женой, между ними стояла тарелка съ жаренымъ и бутылка водки. Старики ѣли, пили и благодушествовали. Павелъ посмотрѣлъ на нихъ съ улицы, потомъ обошелъ къ двери и вытянулся на каменныхъ ступеняхъ, прислонясь головой къ косяку. Если онъ заснетъ, Винска, возвратясь домой, должна будетъ разбудить его, чтобы проникнуть въ домъ. Часы шли; блѣдный свѣтъ, который бросала на дорогу свѣча, погасъ. Облачка, окутывавшія луну, перенесли Павла въ ту зимнюю ночь, когда онъ рѣшился освободить изъ неволи Миладу.

Что за дуракъ былъ онъ тогда! Дуракомъ остался и до настоящаго времени...

Отъ единственнаго человѣка, который никогда не оскорблялъ его,—единственнаго, который сдѣлалъ ему добро, онъ отвернулся изъ-за тупого недовѣрія и подчинился обманщицѣ, которая обкрадывала его и надъ нимъ же издѣвалась... Конечно, издѣвалась и вышучивала! Она такъ охотно насмѣхалась надъ нимъ по болѣе ничтожному поводу, чѣмъ его безграничная глупость...

«Что я съ ней сдѣлаю?—спросилъ онъ себя.—Убью до смерти!»—послѣдовалъ отвѣтъ.

Ни малѣйшаго раздумья: что будетъ потомъ? Ни малѣйшаго опасенія, ни малѣйшаго сомнѣнія въ исполнимости быстро составленнаго плана.

Онъ всталъ, тихонько открылъ дверь, принесъ палку Виргилія и положилъ ее около себя, затѣмъ снова улегся на прежнее мѣсто... и успокоился. Вѣки смежились; мальчикъ заснулъ,—не крѣпко, чуть-чуть, какъ имѣлъ привычку спать въ ночномъ, когда караулилъ лошадей.

Едва свѣтало, когда его разбудили легкіе шаги. Она пришла. Съ невиннымъ выраженіемъ на безпечно-веселомъ лицѣ подошла Винска къ двери; увидя Павла, она въ раздумьѣ остановилась, затѣмъ увѣренно вошла по ступенькамъ и нагнулась, чтобъ отодвинуть преграду. Тогда онъ схватилъ ее за ногу и повалилъ на землю. Она упала, не вскрикнувъ, и тотчасъ же, пока онъ искалъ палку, поднялась на колѣни. Одинъ взглядъ на лицо юноши, и она поблѣднѣла, какъ полотно.

— Павелъ,— бормотала она,— что съ тобой, или ты хочешь прибить меня?

Она прижала руки къ груди и со страхомъ смотрѣла на него.

— Не прибить—убить хочу я тебя! — отвѣтилъ онъ глухо и отвернулся, чтобъ избѣжать ея умоляющаго взгляда. — Только прежде сними мои сапоги!

— Пресвятая Богородица! ты хочешь убить меня изъ-за сапогъ?

— Да, хочу!

— Не кричи такъ... разбудишь стариковъ.

— Пускай!

Она прижалась къ нему. Боязливая улыбка скользнула на ея губахъ.

— Они придутъ ко мнѣ на помощь. Какъ же ты тогда убьешь меня? Ну, успокойся, перестань сердиться!

Онъ старался освободиться изъ ея объятій, которыя были ему пріятны и возмутительны; онъ чувствовалъ, въ негодованіи на себя, что гнѣвъ противъ нея исчезаетъ подъ вліяніемъ ласки.

— Подлая тварь! —вскричалъ онъ.

— Не шуми,— просила она.— Если сбѣгутся люди, что ты выиграешь? Не кричи! Убей меня, но не кричи; убей, глупый, глупый Павелъ!

Она захихикала, совершенно успокоенная и увѣренная въ побѣдѣ.

Сквозь лохматые волосы, закрывавшіе Павлу глаза, сверкнулъ такой страстный взоръ, отъ котораго Винска затрепетала. Передъ нею былъ не глуповатый малый, а слишкомъ рано созрѣвшій мужчина; она инстинктивно искала себѣ защиты у него на груди.

— Не убивай меня, самъ пожалѣешь!

Дѣвушка стояла рядомъ съ нимъ и держала его за руку, изъ которой выпала палка. Она просила, ластилась, старалась тронуть его сердце и приговаривала:

— Ты самъ пожалѣешь меня! Ты больше всѣхъ будешь жалѣть бѣдную Винску!

— Ты не бѣдная!—оборвалъ онъ,—нѣтъ!... ты—подлая... я пойду въ окружное управленіе и подамъ на тебя жалобу.

— Изъ-за сапогъ?—она отъ всей души беззаботно разсмѣялась.

— Да!

Быстро опустилась Винска на ступени, сняла сапоги и поставила ихъ передъ Павломъ.

— На, бери ихъ, висѣльникъ! на кой они мнѣ! Скажу только словечко Петру, и онъ купитъ мнѣ другіе, гораздо лучше.

Павелъ зарычалъ, какъ дикій звѣрь:

— Не надо, не надо! Возьми мои, я дарю тебѣ ихъ! Только не ходи больше къ Петру... Обѣщай!

Онъ схватилъ ее за плечи и трясъ до того, что она перестала слышать и видѣть: «Обѣщай! обѣщай!»

— Успокойся! Даю тебѣ слово,—отвѣтила Винска; но тонъ, которымъ она говорила, былъ такъ неубѣдителенъ, и лицо приняло такое странное выраженіе, что Павелъ сжалъ кулаки и грозно произнесъ:

— Берегись!

VI.

На слѣдующей недѣлѣ выдалось много дождливыхъ дней. Когда наступало пасмурное утро, Павелъ собиралъ учебныя пособія и шелъ, на потѣху всѣмъ прохожимъ, въ школу. Тамъ сидѣлъ онъ, единственный взрослый среди дѣтей, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, на задней скамьѣ. Сначала учитель дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его; только много спустя, сталъ онъ опять съ нимъ заниматься. Однажды, когда классы уже кончились, и комната опустѣла, Павелъ не уходилъ. Учитель, видя его замѣшательство, спросилъ:

— Что тебѣ нужно? У меня ты не научишься ничему, годному для твоей будущей карьеры.

Павелъ удивленно открылъ глаза, а учитель продолжалъ:

— Вѣдь, ты объявилъ мнѣ, что хочешь сдѣлаться воромъ? Но, несчастный, я не учу воровству.

У Павла чуть не сорвался отвѣтъ:

— Значитъ, мнѣ здѣсь нечего дѣлать! — но онъ удержался и сказалъ:—я бы желалъ научиться читать и писать!

— При случаѣ ты и теперь прочтешь, что нужно!

— Анъ вотъ, при случаѣ-то я этого и не могу сдѣлать!

— Постарайся!

— Стараюсь, а все-таки не могу!

— Дай твою книгу.

Павелъ покачалъ головой.

— По книжкѣ-то я прочту, а вотъ,— онъ полѣзъ дрожащей рукой за пазуху и вытащилъ измятое письмо,—вотъ, что я получилъ съ почты.

— Писанное? Вотъ въ чемъ штука! Ну, этого, пожалуй, и я не осилю!

Учитель раскаялся въ своей шуткѣ, когда Павелъ, принявшій ее въ серьезъ, въ первый разъ въ жизни заговорилъ смиренно:

— Я бы все-таки попросилъ г. учителя попробовать.

Павелъ пожиралъ листокъ глазами и боязливо, съ осторожностью, передалъ его старику, какъ хрупкій предметъ, который легко изломать. Учитель развернулъ листокъ и пробѣжалъ нѣсколько строчекъ.

— Это письмо, Павелъ, и знаешь ли отъ кого?

— Отъ сестры Милады, изъ монастыря.

— Нѣтъ, не отъ сестры изъ монастыря.

— Нѣтъ?

— Письмо отъ твоей матери изъ...—онъ запнулся, а мальчикъ съ искаженнымъ лицомъ грубо докончилъ:

— Изъ смирительнаго дома.

— Прочесть?

Павелъ опустилъ голову и отвѣтилъ молчаливымъ кивкомъ.

Учитель прочелъ:

«Сынъ мой Павелъ! Три мѣсяца тому назадъ я взялась за перо и написала нѣсколько строкъ моей дорогой Миладѣ въ монастырь; она ихъ не получила, монахини не отдали ей письма; онѣ велѣли сказать мнѣ, что всего лучше будетъ, если она ничего не услышитъ о матери; я не знаю, права ли я, что пишу тебѣ, Павелъ, мой милый сынъ, чтобы ты отвѣтилъ мнѣ, здоровы ли вы, ты и твоя милая сестра. Что касается меня, я здорова и совершенно довольна своимъ положеніемъ.

Твоя мать.

«Дѣти мои, день и ночь молюсь о васъ Господу и надѣюсь, что, когда придетъ время, Милада сдѣлается монахиней. Я работаю прилежно и заработокъ откладываю для своихъ дѣтокъ... Черезъ шесть лѣтъ, мой милый сынокъ, я возвращусь домой и прошу еще васъ вспоминать иногда о матери, самой несчастной женщинѣ на свѣтѣ».

Буквы письма были выведены твердо, въ припискѣ замѣтно

было дрожаніе руки; большія блѣдныя пятна выдавали, что письмо писалось въ слезахъ. Съ трудомъ разбиралъ чтецъ, наполовину смытыя слова, и онъ проникся чувствомъ страданія и любви, которыми дышали строки несчастнаго посланія.

— Павелъ,—сказалъ онъ,—ты долженъ сейчасъ же отвѣтить матери.

Юноша отвернулся и уставился въ полъ.

— Что мнѣ ей отвѣчать?—пробормоталъ онъ.

— Что тебѣ подскажетъ сердце.

Павелъ скосилъ ротъ.

— Ей тамъ хорошо!

— Хорошо?! Глупый мальчишка! Хорошо въ тюрьмѣ?

Старикъ воодушевился; онъ говорилъ тепло и краснорѣчиво, прекрасныя слова, которыя онъ произносилъ, трогали его самого, но не расшевелили Павла. На всѣ доводы учителя у него было два отвѣта, которые онъ повторялъ къ мѣсту и не къ мѣсту: «Она же сама говоритъ, что ей хорошо!» или: «Сестра ей не пишетъ, зачѣмъ же я буду писать?»

— Развѣ у тебя нѣтъ никакого чувства къ матери?

— Никакого,—отвѣтилъ Павелъ.

Старикъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я говорю о томъ времени, когда ты былъ ребенкомъ и честно работалъ подъ руководствомъ честной матери... Нечего таращить глаза! Честной и правдивой, говорю я. Такова была твоя мать; къ сожалѣнію, слишкомъ запуганная и терявшая разсудокъ изъ страха передъ подлымъ... Ну, да что тамъ!—оборвалъ онъ,—всѣ ее жалѣли; даже въ судьяхъ возбудила она жалость; только ты, ея сынъ, относишься къ ней безсердечно. Почему, почему это? Я спрашиваю тебя. Отвѣчай! Говори что-нибудь!

Онъ сдвинулъ очки на лобъ и приблизилъ близорукіе глаза къ лицу Павла. Черты послѣдняго выражали желѣзное упрямство; потемнѣвшіе глаза его свѣтились такой рѣшимостью, которая въ серьезномъ дѣлѣ создаетъ мучениковъ.

Старикъ вздохнулъ, отодвинулся и сказалъ:

— Иди домой, съ тобой ничего не сдѣлаешь! — когда Павелъ подошелъ уже къ двери, учитель остановилъ его: — одно хочу я тебѣ еще сказать. Я замѣтилъ, что ты не совсѣмъ равнодушенъ, когда тебя бранятъ; настанетъ время, когда ты пожелаешь быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми людьми и тебѣ будетъ пріятно слышать, когда скажутъ: «Въ юности Павелъ Голубъ былъ негодяемъ, а теперь ведетъ себя хорошо». На этотъ случай замѣть себѣ,

замѣть себѣ, Павелъ,—повторилъ онъ съ удареніемъ, и легкій румянецъ покрылъ его желтыя щеки:—Не клевещи на себя самъ. Все дурное, что скажутъ о тебѣ люди, можетъ возбудить сомнѣніе, можетъ быть забыто. Но самое нелѣпое и безсмысленное, что ты самъ на себя наклевещешь, не смывается; оно прирастаетъ къ тебѣ, какъ собственная кожа—и переживаетъ тебя!

Онъ положилъ руки на голову и неуклюже, безъ опредѣленнаго плана, шагалъ по комнатѣ, точно спугнутая ночная бабочка, и жалобно причиталъ:

— Забудь, пожалуй, все, что я тебѣ говорилъ; но этого совѣта не забывай; я даю тебѣ его вслѣдствіе личнаго опыта!

Павелъ задумчиво наблюдалъ за учителемъ; ему жаль было старика и въ то же время казалось глупымъ: чего ради онъ убивается? Развѣ изъ-за того, что люди считаютъ его колдуномъ?... Вотъ, очень нужно! Ему хотѣлось узнать причину, но онъ не рѣшался задать вопросъ прямо. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока учитель спросилъ, наконецъ:

— Что тебѣ еще нужно?

Павелъ отвѣтилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что огорчаетъ г. учителя?

Хабрехтъ выпрямился, глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза:

— Позже, Павелъ, позже; теперь еще ты не поймешь меня.

Тогда Павелъ выпалилъ:

— Дѣло касается колдовства?

Учитель непроизвольно вскрикнулъ:

— Да, да!—взялъ его за плечи и высунулъ за дверь.

Значитъ вѣрно! Старика огорчало подозрѣніе въ колдовствѣ. Такое отношеніе показалось Павлу невѣроятнымъ ребячествомъ. Съ этого момента онъ считалъ учителя слабымъ человѣкомъ и выбросилъ изъ головы его настоятельное предостереженіе. Ему даже точно нравилось поступать наоборотъ. Люди должны считать его хуже, чѣмъ онъ есть: онъ этого желаетъ. За лаской и любовью гоняются одни малодушные; имѣть право сказать себѣ: я лучше, чѣмъ обо мнѣ думаютъ, вотъ истинная награда сильному духомъ.

Павелъ постарался еще разъ прочесть письмо матери и теперь, когда онъ зналъ содержаніе,—это удалось ему довольно легко. Винска застала его за письмомъ и пожелала узнать, что онъ читаетъ; а когда Павелъ отказалъ ей въ объясненіи, постаралась вырвать изъ рукъ листокъ бумаги.

— Какъ?—негодовала она, видя его упорство,—ты хочешь, чтобъ я не ходила къ Петру, а самъ имѣешь отъ меня тайны? По-

лучаешь письма и скрываешь ихъ?—Хорошенькія брови сдвинулись, на губахъ появилась неуловимая усмѣшка:—ты думаешь, что я не ревнива?

Она шутила, издѣвалась надъ нимъ; онъ зналъ это прекрасно и былъ доволенъ такой шуткой.

— Ревнива? Похоже на то! Это ты-то ревнива?—бормоталъ онъ, и передъ нимъ разверзались небеса при одной мысли, что игра можетъ когда-нибудь перейти въ серьезное дѣло. Когда-нибудь, въ далекомъ, туманномъ будущемъ, которое все впереди и гдѣ всѣ надежды онъ возлагалъ только на собственныя силы.

Винска подперлась одной рукой, другую протянула къ нему.

— Отъ кого письмо, Павличекъ?—спросила она, лукаво ласкаясь,—письмо, которое ты хранишь у себя на сердцѣ?

— Отъ матери,—быстро отвѣтилъ онъ и отвернулся.

Винска вскрикнула отъ изумленія:

— Не можетъ быть! Я не думала, что изъ смирительнаго дома позволяютъ писать письма. И что ей писать? Можетъ быть, наставленія, какъ лучше воровать, чтобы попасть на даровую квартиру?

Павелъ въ смущеніи кусалъ губы.

— Выбрось письмо,—продолжала Винска,—и не разсказывай о немъ ни единой душѣ; никто не долженъ подозрѣвать, что къ намъ приходятъ письма изъ тюрьмы. О насъ и такъ болтаютъ много лишняго.

— Все-таки меньше, чѣмъ вы заслуживаете!—вскричалъ рѣзко Павелъ.

Винска покраснѣла и въ смущеніи кротко сказала:

— Я всегда о тебѣ забочусь, вчера цѣлый день работала на тебя; я сшила тебѣ новую рубашку.

— Рубашку?—вотъ какъ!

— Но повѣрь мнѣ, не связывайся съ матерью; повѣрь мнѣ, что она больше отца достойна висѣлицы; онъ, конечно, былъ правъ, повторяя на судѣ: «жена совратила меня!» Что могъ онъ самъ выдумать?—онъ былъ вѣчно пьянъ; а она... о, она оборудовала все дѣльце!... Та же исторія, что у Адама съ Евой въ раю!

Она украдкой взглянула на Павла и замѣтила на лицѣ его необычайное удивленіе.

— Развѣ Адамъ былъ пьянъ? — спросилъ онъ съ любопытствомъ.

Винска схватила его за уши, потрясла и расхохоталась.

— Вотъ, дуракъ-то, рѣчь идетъ не объ Адамѣ, а о твоемъ отцѣ и о томъ, что твоя мать научила его убить священника.

— Молчи!—закричалъ Павелъ:—ты лжешь!

— Я не лгу, а говорю то, что думаю и что всѣмъ извѣстно.

— Кому? Кому это извѣстно?

Она отвѣтила уклончиво. Онъ схватилъ ее за руки своими сильными руками, притянулъ къ себѣ и повторялъ:—Кто это говоритъ? Кому это извѣстно?—пока она со страху не промолвила:

— Арностъ говоритъ!

— Пусть онъ скажетъ это мнѣ, мнѣ!—я выбью ему всѣ зубы и брошу его въ ручей!

— Онъ тебѣ этого не скажетъ, онъ боится тебя. Пусти меня, я тоже боюсь тебя, пусти меня, Павелъ!

— А, боишься! Бойся, бойся,—произнесъ онъ съ торжествомъ и отпустилъ на свободу. Дорогую награду получилъ онъ за великодушіе: Винска нѣжно посмотрѣла на него и на минуту склонила головку къ нему на плечо. Радостный трепетъ охватилъ юношу, но онъ не шевельнулся и употребилъ всѣ усилія, чтобы казаться равнодушнымъ.

— Павелъ,—начала Винска минуту спустя,—у меня есть къ тебѣ маленькая просьба; желаешь ее исполнить? это очень легко.

Его лицо омрачилось.

— Ты всегда такъ говоришь, знаю я тебя! Ну, что тебѣ надо?

— У стараго павлина въ замкѣ еще осталось нѣсколько красивыхъ перьевъ,—сказала она,—выдерни ихъ и подари мнѣ.

Она просила такимъ дѣтскимъ голосомъ, съ такимъ наивнымъ выраженіемъ лица, что Павелъ стоялъ какъ очарованный. Онъ не далъ замѣтить своего настроенія, пробормоталъ что-то непонятное и грубо оттолкнулъ ее локтемъ. Затѣмъ взялъ кнутъ, пошелъ къ водопою собирать лошадей, чтобы гнать въ ночное.

Пастбище лежало въ ложбинкѣ близъ деревни, невдалекѣ отъ кладбища, образующаго удлиненный четыреугольникъ, окруженный бѣлой стѣной и выходящій въ поле. Ночь стояла теплая, точно лѣтомъ; ярко сіялъ мѣсяцъ и, залитая его свѣтомъ, поляна казалась тихой, зеркальной поверхностью водъ. Мирно паслись лошади. Павелъ залѣзъ въ шалашъ, растянулся на землѣ, вытянулъ руки, положилъ на нихъ голову и наблюдалъ за лошадьми.

Рыжая кобыла старосты была прежде его любимицей, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ возненавидѣлъ сына старосты, лошадь также стала ему ненавистна.

Разсчитывая на прежнюю дружбу, она довѣрчиво подошла къ

нему, обнюхала и обдала своимъ горячимъ дыханіемъ. Толчокъ и ударъ кулакомъ по мордѣ были отвѣтомъ на ласку. Она пошла прочь, скорѣе удивленная, чѣмъ испуганная, а Павелъ погрозилъ ей въ догонку кулакомъ. Ему хотѣлось уничтожить все на свѣтѣ, что имѣло какое-либо отношеніе къ сопернику. Обѣщаніе Вински не внушало ему довѣрія; оно дано было слишкомъ поспѣшно и въ такомъ тонѣ, какимъ успокоиваютъ капризныхъ дѣтей.

Винска не желаетъ шуму и огласки; съ нѣкоторыхъ поръ она прикидывается честной дѣвушкой и перестала равнодушно относиться къ мнѣнію людей. Испугъ, съ какимъ она вскричала: «Никто не долженъ знать, что къ намъ приходятъ письма изъ тюрьмы», еще звучалъ въ ушахъ Павла. Ему казалось, что листокъ жжетъ ему грудь; онъ вытащилъ его и смялъ въ кулакѣ.

Зачѣмъ было матери писать къ нему? И безъ того довольно стыда вынесъ онъ изъ-за нея. Она стояла между нимъ и другими людьми; онъ не дастъ ей стать между собой и Винской, которая ему такъ дорога. Въ глубинѣ души онъ зналъ, что мать невинна, но какой-то смутный инстинктъ побуждалъ его противорѣчить себѣ: «А можетъ быть?» Изъ туманнаго сомнѣнія выросло твердое рѣшеніе: «Я не хочу ея знать!» Онъ разорвалъ въ клочки письмо матери. На послѣднемъ, который остался у него въ рукахъ, можно было разобрать: «о матери, самой несчастной женщинѣ на свѣтѣ»...

«Ты всегда была несчастной, — подумалъ онъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ,—всегда несчастной!» Передъ его глазами всталъ ея серьезный, молчаливый образъ: изможденная непосильнымъ трудомъ, горькой нуждой, жестокостью мужа, вѣчно согнутая надъ работой. Рядомъ съ ней видѣлъ онъ себя, воодушевленнаго ея примѣромъ и почти также безропотно отдающагося труду. Ему вспомнились суровыя наставленія матери и ни одной ласки... Только молчаливая заботливость, особенно выражавшаяся при дѣлежѣ хлѣба: по большому куску на долю каждаго ребенка и крошечный для себя.

Павелъ принялся перечитывать клочки письма; потомъ положилъ ихъ одинъ на другой, въ нерѣшимости посмотрѣлъ на кучку и, наконецъ, снесъ ихъ на кладбище и закопалъ около стѣны, подъ вѣтвями плакучей ивы.

Возвратясь домой, онъ легъ и крѣпко заснулъ. Ему снилась красивая рубашка, сшитая Винской; высокая женщина съ закрытымъ лицомъ, въ темной арестантской одеждѣ старалась отнять ее. Съ этихъ поръ образъ таинственной женщины преслѣдовалъ его. Если въ лунную ночь онъ невзначай взглядывалъ въ сторону клад-

бища, изъ тумана выходила мрачная фигура и скользя двигалась около стѣны. Павелъ со страхомъ смотрѣлъ на привидѣніе и думалъ: «Должно быть мать умерла и теперь является ко мнѣ».

Онъ не разсказывалъ Винскѣ объ этомъ приключеніи; да и не представлялось случая. Она была съ нимъ нелюбезна. Когда онъ возвращался домой, смотрѣла ему въ руки и ѣдко говорила: «Спасибо за перышки!» а затѣмъ старательно избѣгала встрѣчи. Павелъ отлично зналъ, что такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ ея ребяческаго желанія, и обдумывалъ, какъ выполнить эту довольно легкую для него задачу.

Съ отъѣзда Милады садовая калитка въ замкѣ стояла открытой съ утра до ночи; старый павлинъ постоянно бродилъ мимо нея. Онъ сохранилъ только часть своего нарядпаго лѣтняго оперенія: на комично длинныхъ, голыхъ стержняхъ красовалось три роскошныхъ пера. Однажды Павелъ караулилъ птицу и, увидавъ, что она приближается, проскользнулъ въ садъ. Павлинъ величаво шелъ по узкой дорожкѣ, скрытой отъ дома деревьями и кустарникомъ, и ради развлеченія то тутъ, то тамъ хваталъ клювомъ насѣкомыхъ. Вѣроятно, несмотря на осторожность Павла, птица услыхала его шаги; она остановилась, быстро повернула голову, точно спрашивая: «Что тебѣ надо?»—«Сейчасъ увидишь!»—подумалъ Павелъ, и, когда она ускорила шагъ, мальчикъ прыгнулъ, поскользнулся и упалъ; онъ не потерялъ, однако, присутствія духа, вытянулъ руку и, сильно рванувъ, выдернулъ у павлина послѣднее украшеніе. Тотъ рѣзко закричалъ, обернулся назадъ, летя и подпрыгивая добрался до врага и, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ подняться съ земли, разъяренная птица сѣла ему на шею и стала долбить голову своимъ крѣпкимъ, острымъ клювомъ. Павлу было больно, но въ то же время смѣшно, что птица вступила съ нимъ въ бой. Онъ судорожно смѣялся и дѣлалъ усиліе стряхнуть съ себя павлина. Но тотъ съ неимовѣрной силой вцѣпился въ него, распростеръ крылья, стараясь не потерять равновѣсія и громко крича, вытягивалъ голову, отыскивая глаза непріятеля... Тогда Павлу стало страшно... Обѣими руками схватилъ онъ длинную, голубоватую шею и загнулъ ее, точно желая завязать узелъ. Животное отчаянно вскрикнуло и соскользнуло по плечу Павла на землю, гдѣ осталось лежать на спинѣ, со скрюченными ногами. Побѣдителю некогда было убѣждаться, живъ ли врагъ, потому что изъ замка показались люди. Онъ схватилъ съ травы перья и съ быстротою молніи выбѣжалъ изъ сада. На улицѣ онъ умѣрилъ шаги, чтобы не обратить на себя вниманія прохожихъ. Сердце его усиленно билось; онъ воображалъ себѣ, какой

шумъ поднимется въ замкѣ, когда найдутъ издыхающую птицу. Ему показалось, что во главѣ толпы, спѣшившей на крикъ къ мѣсту борьбы, онъ видѣлъ баронессу. Нѣкоторое время Павелъ шелъ спокойно, и у него явилась надежда, что опасность миновала. Какъ вдругъ до его слуха донеслись крики:

— Висѣльникъ, негодяй!

Быстро оглянувшись, онъ увидѣлъ за собой худого, сгорбленнаго садовника и двухъ старыхъ рабочихъ.

— Ну-ка, суньтесь, несчастные калѣки! — закричалъ Павелъ и стремглавъ помчался къ деревнѣ.

Онъ быстро подвигался впередъ, не опасаясь погони. Весь вопросъ былъ въ томъ, какъ бы получше укрыть покражу. Красный, съ блестящими глазами, вбѣжалъ онъ домой. Винска стояла въ сѣняхъ и покраснѣла отъ удовольствія, получивъ перья. Но когда Павелъ быстро пробормоталъ: — Спрячь ихъ и спрячься сама! — она испугалась и спросила:

— Что это значитъ? Мнѣ ихъ не надо!

Онъ сунулъ ей покражу, толкнулъ ее въ комнату, а самъ вернулся къ выходу, гдѣ, побѣдоносно скрестивъ руки, прислонился къ косяку и съ отважною миной ожидалъ погоню.

Передовой былъ такъ возбужденъ, что могъ давать свои приказанія только отрывочными фразами:

— Схватить его!... Схватить собаку! Въ замокъ! — кричалъ онъ спутникамъ.

Два скромныхъ, миролюбивыхъ работника поглядывали то другъ на друга, то на садовника и опять другъ на друга. «Хватать! развѣ это ихъ дѣло?» Они считали себя усердными помощниками садовника потому, что брались за грабли и бродили съ ними по дорожкамъ, когда въ саду показывалась баронесса. Остальное время они лежали въ травѣ, пили водку и курили, по большей же части спали. Павелъ шутя и съ истиннымъ удовольствіемъ расшвырялъ бы такую гвардію, но, жалѣя Винску и опасаясь скандала, онъ лишилъ себя развлеченія и спокойно далъ взять за шиворотъ, что оба старика исполнили робко и не безъ внутренняго волненія. Однако при видѣ покорности, съ какой Павелъ отдался имъ въ руки, они подняли носъ и съ гордостью повели черезъ деревню озорника, къ которому раньше не смѣли подступиться. Садовникъ, поднявшій тревогу, прикрывалъ шествіе; около бѣжала деревенская мелюзга.

— Что онъ сдѣлалъ? — спрашивали прохожіе.

— Кого-то задушилъ...

Кого? Въ точности никому не было извѣстно; но всѣ навѣрное знали, что онъ попадетъ подобно матери въ смирительный домъ и подобно отцу умретъ на висѣлицѣ. Ему грозили кулаками, бросали въ него каменьями; но слова больнѣе камней попадали въ цѣль. Павелъ злобно смотрѣлъ по сторонамъ; сознаніе непримиримой ненависти къ окружающимъ укрѣпляло и закаляло его сердце.

Спокойно вошелъ онъ на дворъ зàмка; его немедленно проводили въ комнату нижняго этажа, гдѣ окна были за желѣзными рѣшетками; позади него заперли дверь на ключъ.

Павелъ попалъ въ одну изъ многочисленныхъ гостиныхъ. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ глаза его смотрѣли на міръ Божій, не видалъ онъ такой роскоши. Шелковая матерія съ зеленымъ отливомъ, точно кошачьи глаза, висѣла на дверяхъ и окнахъ, образуя богатыя складки, какъ на праздничномъ платьѣ Вински; этою же матеріей были обиты скамьи и скамеечки, съ мягкими подушками. На стѣнахъ висѣли картины, вѣрнѣе вставленныя въ рамы—темныя пятна, изъ которыхъ мѣстами выглядывали блѣдныя физіономіи и точно манили мертвыя руки.

Тамъ стоялъ большой шкафъ, похожій на церковный алтарь; въ простѣнкѣ—зеркало, гдѣ Павелъ могъ видѣть себя, во всемъ своемъ нищенскомъ великолѣпіи. Взглянувъ въ зеркало, онъ подумалъ: «вотъ каковъ я!» и въ это время замѣтилъ надъ своею головой престранный предметъ: плоскій, желѣзный сосудъ, отъ котораго во всѣ стороны простирались золотыя руки; необычайно тоненькою веревочкой прикрѣплялся онъ къ потолку. Казалось, его единственною цѣлью было свалиться и раздавить всякаго, кто неосмотрительно встанетъ подъ нимъ.

Немного спустя, послышались шаги, дверь отворилась, и вошла баронесса. Она шла, съ трудомъ опираясь на палку, сгорбленная, и непрерывно моргала.

Непосредственно за ней слѣдовалъ глубоко удрученный учитель; его жидкіе волосы растрепались, и даже такому плохому наблюдателю, какъ Павелъ, бросилось въ глаза его странное поведеніе.

— Гдѣ угодно сѣсть вашему сіятельству?—спросилъ старикъ; онъ обошелъ вокругъ комнаты и выдвинулъ всѣ стулья, точно желая облегчить баронессѣ выборъ.

— Не безпокойтесь, г-нъ учитель,—сказала она сердито и сѣла прямо подъ люстрой, спиной къ окну; положивъ палку на колѣни, она велѣла Павлу подойти.

Онъ послушно исполнилъ приказаніе. Учитель сталъ за стуломъ баронессы и черезъ ея голову то угрожалъ обвиняемому сердитыми взорами, то старался его тронуть глубоко печальнымъ выраженіемъ лица.

Баронесса держала руку на подобіе зонтика около лба и заговорила, поднявъ на Павла красные глаза.

— Ты выросъ и сталъ большимъ негодяемъ. Когда я видѣла тебя въ послѣдній разъ, ты былъ еще маленькій. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать, — отвѣтилъ онъ разсѣянно. Его вниманіе было цѣликомъ поглощено желѣзнымъ предметомъ на тонкой веревочкѣ. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ эта странная вещь упадетъ, и баронесса на судейскомъ креслѣ превратится въ лепешку.

Дама заговорила снова:

— Не зѣвай по сторонамъ, смотри на меня, когда съ тобой говорятъ!... Шестнадцать лѣтъ!... Три года тому назадъ ты кралъ у меня вишни, теперь ты задушилъ моего милаго павлина, котораго, да проститъ мнѣ Богъ, я любила больше многихъ людей.

Учитель поднялъ кверху молитвенно сложенныя руки и сдѣлалъ мальчику знакъ повторить этотъ жестъ. Павелъ не послушался.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—продолжала баронесса.—Отвѣчай!

Павелъ молчалъ. Старая дама покраснѣла. Раздраженнымъ тономъ повторила она вопросъ.

Юноша покачалъ головой; онъ взглянулъ исподлобья на разгнѣванную баронессу, и улыбка искривила его губы.

Старуха пришла въ ярость. «Дерзкій мальчишка!»—закричала она, взяла палку и ударила его по плечу.

«Ну-да,—подумалъ Павелъ, опять удары, всегда и вездѣ удары!...» Онъ со вздохомъ взглянулъ на желѣзный предметъ: «Падай,—подумалъ онъ,—падай ей на голову!» Хабрехтъ отвѣсилъ за спиной баронессы поклонъ, выражавшій одобреніе.

— Ваше сіятельство милостиво поучили Павла Голуба,—замѣтилъ онъ.—Это хорошо; это прекрасная подготовка къ допросу, который я, съ разрѣшенія вашего сіятельства, хочу предпринять.—

Старой женщинѣ было не по себѣ послѣ невольной вспышки. Ея гнѣвъ прошелъ, осталось горькое чувство сожалѣнія.

— Къ чему допросъ? Дрянной мальчишка задушилъ моего павлина и не хочетъ сознаться, ради чего? Потому что ему пришлось бы сказать: изъ злости!

— Вѣрно! Это такъ!—подтвердилъ учитель.—У бѣднаго пав-

лина, когда его нашли мертвымъ, не хватало въ хвостѣ перьевъ; дрянной мальчишка навѣрно вырвалъ ихъ изъ злости!

— Вотъ это вздоръ, г-нъ учитель!—сердито проворчала баронесса.—Еслибъ онъ, подобно многимъ другимъ глупымъ парнямъ, только вырывалъ у моего павлина перья, это не было бы признакомъ злости,—я бы назвала это: глупость и воровство.

— Святая истина!—вставилъ Хабрехтъ.—Глупость и воровство! Такъ оно и есть, ваше сіятельство.

— Еще не извѣстно, такъ ли?

— Совершенно вѣрно. Ваше сіятельство правильно освѣтили дѣло. Вырывать перья! Ай, ай, ай! Мальчишкѣ понадобились перья; онъ раздразнилъ павлина, вовлекъ его въ борьбу, въ которой бѣдная птица погибла.

Какъ воронъ Одина, припалъ Хабрехтъ къ уху баронессы и шепталъ: «У противника остались слѣды геройской борьбы. Взгляните на лобъ мальчика, онъ пробитъ клювомъ и весь въ крови.

— Да? Мнѣ кажется, это такъ.

— Говори, Павелъ Голубъ!—вскричалъ учитель,—говори въ свое оправданіе. Тебѣ нужны были перья, глупый малый; ты не имѣлъ злого умысла?

— Говори!—приказала баронесса.—Тебя кто-нибудь подбилъ украсть перья? Потому что,—замѣтила она послѣ нѣкотораго размышленія,—на что они тебѣ?

— И правда, на что они тебѣ? Нищій, въ павлиньихъ перьяхъ.

Каждый разъ, когда произносили слово перья, мальчика коробило; когда же, наконецъ, учитель поставилъ вопросъ ребромъ: «Кто подучилъ тебя? можетъ быть, хорошенькая Винска?» тогда на Павла напалъ смертельный страхъ, чтобы такое подозрѣніе не повлекло за собой дурныхъ послѣдствій для дочери пастуха и, твердо рѣшившись отвратить отъ нея бѣду, онъ заговорилъ глухимъ голосомъ: «Никто меня не подучалъ, я задушилъ павлина изъ злости!»

Баронесса порывисто ударила палкой о полъ и встала.

— Вотъ вамъ! Слышали? Бросьте его! Онъ пропащій малый!

— Помилосердуйте, ваше сіятельство!—умолялъ старикъ.—Не вѣрьте ему. Безмозглый дуракъ лжетъ на себя! Онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, ваше сіятельство!

Она сдѣлала учителю знакъ замолчать и близко подошла къ Павлу. Ея усталые глаза грустно смотрѣли на дикаго мальчика.—И это братъ моей милой дѣвочки!—сказала она, глубоко вздыхая.—Каждый разъ, когда малютка ко мнѣ пишетъ, или когда я ее навѣщаю, она спрашиваетъ меня, какъ поживаетъ мой Павликъ?

Когда онъ придетъ ко мнѣ?... Ей извѣстно, что я знать его не хочу, а она все-таки спрашиваетъ, милое дитя.

Павелъ насторожился, широко открылъ глаза, ноздри его раздувались.

— Какое дитя? Милада?

— Когда придетъ ко мнѣ Павелъ?—повторяла баронесса, разстроенная и возбужденная, едва удерживая слезы.—Развѣ я могу послать тебя къ ней, вора, дрянного мальчишку, перваго негодяя въ деревнѣ?... развѣ я могу?

— Пошлите меня къ ней,—тихо сказалъ Павелъ.

Учитель пожалъ плечами, выдвинулъ нижнюю челюсть впередъ и дѣлалъ выразительные знаки.

— Будьте милосерды, ваше сіятельство; я униженно прошу ваше сіятельство!—вотъ какъ надо говорить.

Павелъ ломалъ свои растопыренные пальцы, грудь его высоко подымалась; всхлипывая безъ слезъ, онъ еще разъ проговорилъ:

— Пошлите меня!

Баронесса обратилась къ учителю:

— Кажется, это на него подѣйствовало?

— Необычайно подѣйствовало! Ваше сіятельство вѣрно попали съ такимъ мудрымъ рѣшеніемъ...

— Рѣшеніемъ? О рѣшеніи не можетъ быть и рѣчи.

Не обращая вниманія на протестъ, учитель продолжалъ:

— Невинное дитя лучше всякаго другого сумѣетъ повліять на его совѣсть; дитя...

— Дитя,—перебила баронесса,—гордость и общая любимица всего монастыря.

— Вотъ видите, ваше сіятельство! Что можетъ быть благотворнѣе и дѣйствительнѣе общенія съ благоразумной сестрой, ея примѣра и вліянія для необузданнаго юноши.

— Можетъ быть,—сказала задумчиво старая дама.—И такъ, съ Божьей помощью, мы испытаемъ это средство... Послѣднее средство. Если оно не удастся, тогда—даю честное слово—при первомъ его проступкѣ, онъ пойдетъ на судъ не ко мнѣ, а въ окружное управленіе.

— Ты слышишь?—вскричалъ учитель; Павелъ невнятно пробормоталъ:

— Да.

Въ дѣйствительности онъ не зналъ, о чемъ говорили, и говорили ли вообще. Съ той минуты, какъ ему подали надежду на сви

даніе съ Миладой, онъ ничего не слышалъ. Недостижимая цѣль его долгихъ мечтаній была такъ близка; его пламенное желаніе, причинившее столько страданій, неожиданно осуществлялось.

Сердце усиленно билось въ груди; радостный крикъ, котораго онъ не могъ подавить, вырвался изъ горла. Павелъ повернулся на пяткахъ и заявилъ:

— А теперь я иду къ Миладѣ.

— Постой,—закричала баронесса,—какъ ты глупъ!—Не такъ просто попасть къ Миладѣ! Теперь ты пойдешь домой, въ субботу придешь въ зàмокъ и получишь письмо къ настоятельницѣ монастыря. Его ты снесешь въ монастырь и, при удачѣ, можетъ быть, увидишь сестру.

— Навѣрно! Я навѣрно увижу ее! Только бы попасть туда!—сказалъ Павелъ и непроизвольнымъ движеніемъ засучилъ рукава.

— Поменьше самоувѣренности,—возразила баронесса.—Она устала и направилась къ прежнему мѣсту.

Тогда Павелъ стремительно бросился къ ней, быстро оттолкнулъ ее въ сторону, выдвинулъ изъ подъ люстры кресло.

— Вотъ такъ,—вскричалъ онъ,—теперь садитесь!

Старуха была близка къ обмороку и съ отчаяннымъ крикомъ уцѣпилась за руку учителя, протянутую имъ съ глубокимъ почтеніемъ; онъ довелъ баронессу до кресла; самъ, весь дрожа отъ негодованія, съ сжатыми кулаками обратился къ Павлу:

— Что ты дѣлаешь? Что съ тобой, негодяй?

Павелъ спокойно указалъ на люстру.

— Если веревочка оборвется, барыню убьетъ,—сказалъ онъ.

— Оселъ, оселъ! вонъ отсюда!—вскричалъ Хабрехтъ. Юноша безпрекословно исполнилъ приказаніе, не теряя времени на поклоны.

Баронесса понемногу успокоилась и сказала:

— Онъ непроходимо глупъ; но у него было доброе намѣреніе.

— Богъ свидѣтель, что это такъ!—вскричалъ учитель.—Жаль только, что онъ напугалъ ваше сіятельство!

— Не въ этомъ дѣло!—она вынула платокъ и приложила ко лбу.—Гораздо хуже, несравненно хуже, что я еще разъ поступила непослѣдовательно... Сколько разъ я повторяла себѣ: рѣшено, что Милада не увидитъ брата—а теперь сама посылаю его къ ней... Нѣтъ больше силы воли, нѣтъ энергіи, ничтожный поводъ—и твердаго рѣшенія какъ не бывало.

— Это отъ старости, ваше сіятельство, успокоительно-любезнымъ тономъ сказалъ Хабрехтъ,—съ этимъ ничего не сдѣлаешь... Человѣкъ мѣняется. Подумайте, ваше сіятельство, даже зубы, которые въ молодости грызутъ твердые орѣхи, подъ старость едва справляются съ корочкой хлѣба.

— Не аппетитное сравненіе,— возразила баронесса.—Увольте меня, г-нъ учитель, отъ такихъ неаппетитныхъ сравненій.

Н. К.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ.

(Недѣля въ Санъ-Марино.)

I.

Какъ мнѣ надоѣлъ Римини! Мрачный, скучный, грязный. Только всего и есть, что поэтическое имя да легенды, отъ которыхъ до сихъ поръ пахнетъ желѣзомъ и кровью. За углами его темныхъ улицъ, за массивными балконами, подъ громадными, похожими на крѣпостныя, воротами, въ мертвой тишинѣ безлюдныхъ храмовъ чудятся закованные въ сталь безжалостные кондотьеры, наемные рыцари, убійцы-поденщики, монахи-тюремщики. На этомъ однообразномъ фонѣ выдѣляются только Малатесты, но и тѣ, какъ въ сѣромъ маревѣ собравшагося на казнь народа издали кидается въ глаза красная рубаха палача, останавливаютъ на себѣ ваше вниманіе невѣроятными ужасами, преступленіями, безпощаднымъ преслѣдованіемъ всѣхъ, кто здѣсь осмѣливался поднять голову. Даже голубая улыбка Адріатическаго моря не бросаетъ на этотъ средневѣковый уголокъ кроткаго отсвѣта. Впрочемъ, Римини и тутъ остался вѣренъ себѣ. Онъ заслонился отъ полувоздушной дали лазурныхъ водъ паркомъ и виллами для купающихся, только отъ неба не могъ прикрыться, хотя, я думаю, почтенной компаніи Малатестъ не разъ хотѣлось опрокинуть на свое каменное гнѣздо плотную крышку. Бродя по этимъ узкимъ улицамъ, такъ странно видѣть надъ ними благоговѣйную и нѣжную синеву. Она не къ лицу старому Римини, его потемочнымъ воспоминаніямъ, его нынѣшней долгой и мучительной агоніи. Кондотьеры, долго правившіе имъ, недурно начали. Въ 1285 году Джіованни Малатеста, по прозванію «Хромой», убилъ жену Франческу Полента изъ Равенны и своего брата Паоло-Красиваго. За нихъ отомстилъ ему Данте въ V-й пѣснѣ *Ада*. Это преступленіе не помѣшало какъ самому Джіо-

ванни, такъ и его потомкамъ прихватить къ Римини значительную часть Романьи. Обезпечивъ себя съ этой стороны богатыми владѣніями, даже подчинивъ своей власти торговую Анкону, они сочли, что «дьяволъ для нихъ сдѣлалъ достаточно», и посему «вознамѣрились надуть и Бога». Начиная съ Сигизмунда, сына Пандольфа (1417 — 1468 гг.), они собираютъ у себя во дворцѣ проповѣдниковъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, причемъ служившее имъ искусство вовсе не смягчало ихъ нравовъ. Застѣнки риминийскихъ тюремъ были все такъ же полны, и мѣстному палачу доставалось столько работы, что въ любопытномъ, сохранившемся въ назиданіе потомкамъ, документѣ одинъ таковой, какъ Цильельмо, требуетъ, чтобы по содержанію его сравняли, по крайней мѣрѣ, съ дворцовымъ пѣвцомъ Бонифаччіо изъ Форли. Подъ наружными сводами стараго собора Малатесты похоронены въ великолѣпныхъ саркофагахъ «поэты» и «философы», составлявшіе дворню этихъ кондотьери. На нѣкоторыхъ начертаны имена служилыхъ пѣснопѣвцевъ и мыслителей; другіе безмолвствуютъ о томъ, что̀ заключено въ ихъ мраморѣ. Можетъ быть, въ одномъ изъ такихъ покоится и много потрудившійся палачъ Цильельмо, считавшій себя равнымъ пѣвцу и стихослагателю Бонифаччіо. Какая скромность!

Передъ судомъ потомства простой подневольный убійца куда выше поэта, торговавшаго своимъ священнымъ даромъ... Понятно, что, освѣщенный такимъ кровавымъ заревомъ, Римини отнюдь не являлся очень привлекательнымъ. Я искалъ отдыха отъ работы, природы, тепла и свѣта, а тутъ однѣ каменныя темницы и воспоминанія, сжимающія сердце. Прибавьте къ этому, что нынѣшнее населеніе средневѣковаго города страдаетъ водобоязнью. Грязь, грязь и грязь вездѣ. Дѣти ободраны и не мыты со дня своего торжественнаго появленія на свѣтъ; по улицамъ ходить нельзя,—столь онѣ изукрашены своеобразною производительностью сихъ ангеловъ, и хотя городъ и хвастается площадью Юлія Цезаря и воротами Октавія Августа, но, я думаю, и въ этомъ ему завидовать нечего. Я скучалъ въ отелѣ «Золотого Орла», который, если вѣрить гербамъ и пышнымъ объявленіямъ, исключительно посѣщается вѣнценосными обоего пола особами. Ѣздилъ по окрестностямъ, но и это здѣсь не утѣшеніе. Современная Италія съ ея гоньбой за величіемъ тоже не мать, а мачиха мужику и мелкому ремесленнику. Нищета кругомъ. Цѣлыя деревни обезлюдѣли,—народъ бѣжитъ отсюда всюду, куда только ни направляютъ его переселенческія общества: въ Бразилію, въ Аргентину, въ Африку. Подумываютъ даже о Кавказѣ и нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Манія

grandiosa воинственнаго короля Гумберта окончательно разорила объединенную страну. Подъ льстивый шепотъ своихъ союзниковъ онъ не слышитъ жалобъ, не хочетъ ихъ слышать, упорно закрывая уши и только все усиливая непомѣрныя для Италіи вооруженія. А разореніе и бѣдность разливаются все шире и шире по благословенному небомъ краю, гдѣ только бы расти, плодиться и множиться населенію, въ трое большему настоящаго... Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я познакомился со священникомъ изъ С.-Марино.

— А у насъ вы будете?

— Гдѣ?

— Въ малѣйшей, но едва ли не въ счастливѣйшей изъ республикъ—въ С.-Марино!

— Непремѣнно. Я давно собираюсь туда.

— Будете удивлены,—въ концѣ девятнадцаго вѣка встрѣтите настоящую идиллію. И главное—рядомъ съ такими нищими городами, какъ Римини, Пезаро... Насъ всѣхъ немного,—десяти тысячъ не насчитаете, и у насъ не знаютъ нищеты. Всѣ работаютъ, и какъ! Вѣдь мы — республика каменщиковъ. Буквально ѣдимъ хлѣбъ въ потѣ лица. И нашъ святой основатель Марино былъ каменщикъ, да и я тоже. Ребенкомъ ломалъ гранитъ и мраморъ и теперь случается иной разъ, несмотря на черную рясу. У насъ никто не презираетъ труда. Часто сосѣдъ бросаетъ кирку. «Зачѣмъ?» — «Надо идти заниматься государственными дѣлами». Оказывается, что онъ засѣдаетъ въ совѣтѣ республики. Еще недавно однимъ изъ регентовъ нашихъ былъ лучшій каменщикъ изъ Кіезануова. И посмотрите, какъ твердо держалъ онъ бразды правленія... Не даромъ насъ, каменщиковъ, французскій поэтъ Пьеръ Дюпонъ называлъ «могучимъ родомъ». Вы помните его стихи «Каменоломы». Перечтите ихъ прежде, чѣмъ поѣхать къ намъ, они—хорошее вступленіе въ нашу республику.

Я не только ихъ помнилъ, но и перевелъ когда - то. Привожу ихъ здѣсь потому, что дѣйствительно трудно прибрать лучшій эпиграфъ къ этому горному гнѣзду вольныхъ и по-своему счастливыхъ людей.

У львовъ пріютъ оспаривая съ бою,
Когда-то жилъ въ пещерахъ человѣкъ,
Довольствуясь водою дождевою
Изъ выбоинъ... Насталъ великій вѣкъ—
Умъ управлялъ рукой. Среди пустыни
Колодцы рылъ и подымались тутъ

Рядъ пирамидъ, и храмы, и твердыни,—
Прославимъ же каменоломовъ трудъ!...
Могучій родъ! твоей рукой
Владѣетъ духъ любви святой,
Сумѣлъ ты гордо добывать
Гранитъ изъ нѣдръ земли скупой,
Чтобъ человѣка укрывать.

Вездѣ ихъ слѣдъ: во время фараона
Моисею путь чрезъ море осушилъ
Ихъ тяжкій трудъ. Для храма Соломона
Громады скалъ на скалы громоздилъ.
Дворцы Аѳинъ и монументы Рима,
Созданія обширнѣйшихъ умовъ,
Соборъ, гдѣ Богъ присутствуетъ незримо,—
Когда-бъ безъ ихъ явилися трудовъ?
Могучій родъ, и т. д.

О, мраморы Пароса и Каррары,
Вы дали намъ героевъ и боговъ!
Земля мертва,—труда всесильны чары:
Онъ вырвалъ васъ изъ каменныхъ оковъ.
Пусть Фидіасъ, пускай Микель-Анджело
Юпитеровъ и Моисеевъ создаютъ,
Вѣдь глыбы имъ каменоломы смѣло
Изъ сердца горъ великихъ достаютъ.
Могучій родъ, и т. д.

Мнѣ помнится, въ дни дѣтства золотые
Я вдаль глядѣлъ, но гордою стѣной
Передо мной шли горы голубыя,
Гдѣ человѣкъ ломалъ гранитъ нѣмой.
Зайдя туда, стукъ кирокъ я услышалъ
И гордо мнѣ каменоломъ сказалъ:
«Дитя! Ліонъ изъ этихъ камней вышелъ».
И этотъ стукъ мнѣ душу взволновалъ.
Могучій родъ, и т. д.

Работникъ тотъ, мнѣ помнится доселѣ,—
Весь рыжій онъ,—типъ галла представлялъ.
Его глаза отвагою блестѣли,
И голосъ золотомъ въ груди его звучалъ.
Скалу бы могъ пробить своей рукою,
И ею же слабѣйшаго спасти.
Какъ счастливо всю жизнь свою съ тобою
Твоя жена должна бы провести!
Могучій родъ, и т. д.

Онъ каждый день, урочный трудъ кончая,

Къ своимъ веселымъ дѣтямъ приходилъ.
Я старшихъ зналъ: ихъ жизнь была иная,
Въ глазахъ ихъ мракъ отцовскій блескъ смѣнилъ.
Въ Монружѣ тѣ копались подъ землею,
Кончая трудъ, какъ солнышко зашло...
Ахъ! Мужества имъ нужно было вдвое,
Чтобъ одолѣть такое ремесло!
Могучій родъ, и т. д.
Пусть видятъ васъ лишь птицы надъ скалами,
Нетопыри во мракѣ подъ землей,—
Мы будемъ знать, что тяжкими трудами
Вашъ скудный хлѣбъ дается вамъ судьбой.
Тѣ арки, что такъ гордо, величаво
Взвились въ лазурь надъ безднами въ скалахъ,
Прославивъ трудъ, ему даруютъ право
На вѣчный міръ и царство... въ небесахъ.

Такимъ-то именно «царствомъ въ небесахъ» является республика С.-Марино. И вѣчный миръ ея не нарушается вотъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ! Какая страна можетъ похвалиться этимъ, и, въ самомъ дѣлѣ, какъ счастливы народы, не имѣющіе исторіи,— особенно такой, какъ риминійская, съ ея преступленіями, насиліями, убійствами, кровью вписанная въ лѣтописи человѣческаго мученичества! Да и гдѣ, впрочемъ, была она лучше? Всюду и вездѣ являлись свои Малатесты съ палачами и придворными поэтами, со сбирами и служилыми философами.

II.

Не успѣлъ я отъѣхать и одной версты отъ Римини, какъ все вокругъ меня круто измѣнилось, точно по щучьему велѣнью. Отъ мрачнаго средневѣковаго призрака забытаго исторіей города не осталось и слѣда. По сторонамъ—сады и виноградники. Тяжелые, черносиніе гроздья лежатъ чуть не на землѣ, огибая тонкія лозы. Фиговыя деревья засыпаны крупными, грузно налитыми плодами. Рдѣющіе шары гранатъ дразнятъ въ эту жару сквозь черную зелень своихъ деревьевъ. Громадныя тыквы точно кѣмъ-то разбросаны по черной, рыхлой почвѣ и горятъ какъ золото. Заслонившись отъ всего свѣта ревнивою листвой, чуть-чуть сквозятся каменные крестьянскіе дома. Кое-какіе выбѣгаютъ на дорогу, и тутъ вы видите ихъ стѣны, точно коралловыми ожерельями обвѣшанныя гирляндами краснаго перцу. Подъ самыми окнами, въ большихъ сѣткахъ, покоятся дыни,—все это сорвано рано и дозрѣваетъ

на солнцѣ. Сѣютъ кукурузу, кипятъ трудъ и суета не знающаго и дня отдыха работника, кое-гдѣ вѣтромъ принесетъ обрывокъ пѣсни, и—будьте увѣрены—гдѣ только жилье, оттуда непремѣнно выскочутъ дѣти, грязныя, со струпьями на головѣ, въ однѣхъ рубашонкахъ, да и тѣ у нихъ, какъ у Прекрасной Елены, непремѣнно разодраны по сторонамъ. Елена Прекрасная еще хоть что-нибудь оставляетъ для догадокъ, а тутъ все на-чистоту. Самая вопіющая невинность если чѣмъ и прикрыта, такъ развѣ дорожною пылью. Отбиться отъ нихъ нѣтъ возможности. Они перегоняютъ вашихъ лошадей, чуть не подъ колеса кидаются, вскакиваютъ на подножки; кинешь съ одной стороны, вопіющая невинность перебирается на другую, въ полной увѣренности, что вы ее съ этого фасу не узнаете. На спускахъ они, какъ синицы за телеграфную проволоку, ухитряются уцѣпиться за задокъ вашего экипажа, вмѣстѣ съ нимъ скатятся внизъ—и только что онъ начнетъ всползать на крутизну, опять крики: «умираемъ съ голоду», «ни отца, ни матери», «помогите ради Мадонны и св. Франческо». Совершенныя мухи! За то дороги, какъ вездѣ въ Италіи, великолѣпны. Вообще въ этомъ отношеніи надо отдать ей справедливость, — отъ Альпъ до Тирренскаго моря весь полуостровъ не только вдоль и поперекъ изрѣзанъ рельсовыми путями, трамваями, конками, — рядомъ съ ними повсюду извиваются чудесныя и превосходно содержимыя шоссе. Вы можете вездѣ проѣхать въ экипажѣ за самую малость и такимъ образомъ не изъ окна вагона, а какъ слѣдуетъ познакомиться со страною. Въ самыхъ крошечныхъ городкахъ—скромные, но безукоризненно-чистые отели. Въ тосканскихъ деревняхъ, а также въ Англіи, остановитесь въ любомъ крестьянскомъ домѣ и васъ поразитъ его чистота. Не совѣтую только дѣлать это въ Романьи: тутъ существуетъ повѣрье, что мыться очень вредно. Есть даже пословица: «земля грязна, потому хорошо и роститъ. Еслибы не дѣти—нищіе и сироты отцовъ и матерей, работающихъ тутъ же въ сторонѣ, — то поѣздка эта была бы очаровательна. Такъ уже привыкъ народъ. Цѣлые вѣка жилъ нищенствомъ, и савойская мишура пока ничего въ этомъ отношеніи не достигла. Я зналъ въ Италіи семьи, разумѣется деревенскія, обладающія хорошимъ достаткомъ,—полями, садами, скотомъ, воспитывающія шелковичныхъ червей, торгующія,—и онѣ все-таки высылаютъ ребятъ на дорогу. «Все-де не даромъ болтаются дома,—что-нибудь да и принесутъ. Путешественнику-де ничего не стоитъ, а въ семьѣ каждая копейка дорога». Нищенство здѣсь считается опредѣленнымъ промысломъ, нисколько не унижающимъ человѣка.

Въ Римини оффиціально записано въ эту почтенную профессію до трехъ тысячъ человѣкъ горожанъ; что касается поселянъ, то ихъ поголовно можно зачесть въ нее, потому что при случаѣ каждый изъ нихъ, протянувъ руку, будетъ васъ увѣрять, что онъ «умираетъ отъ голоду», хотя природа наградила его рожей, подходящей какъ разъ на выставку обжорной лавки. Засмотритесь на работающую дѣвушку, и та сейчасъ: «moio di fame!...» И она умираетъ, и ей надо помочь!...

За то что здѣсь прелестно—такъ это дали.

Въ самомъ дѣлѣ, какія изумительныя красоты передъ вами. Апеннины близко подходятъ сюда, и на чистомъ небѣ ихъ синія вершины рисуются такъ мягко и нѣжно, такъ прозрачно, воздушно изъ-за нихъ намѣчиваются другія и позади этихъ то проступятъ или исчезнутъ третьи, что нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ горнаго края. Какимъ-то поэтическимъ сномъ мерещится онъ вамъ впослѣдствіи—очаровательный, свободный, волшебный по своей легкости... вотъ-вотъ дунетъ вѣтеръ и унесетъ отъ васъ весь этотъ миражъ, съ его бѣлыми городками, таинственными зàмками, полузабытыми башнями, одиноко умирающими на своихъ вершинахъ. При этомъ освѣщеніи—всѣ тѣни ложатся синью или лиловыми тонами, захватываютъ сизую дымку мирныхъ долинъ, скалы, точно прозрачныя, пронизаны солнцемъ, бархатные скаты горъ ласкаютъ глазъ, а что поближе, то расцвѣчено такой эмалью, что, кажется, бросилъ бы все и ушелъ въ это захолустье. Остановите экипажъ, пойдите пѣшкомъ. Васъ сразу овѣетъ отовсюду свѣжестью и прохладой, тихимъ шелестомъ изумрудной листвы, говоромъ водъ, бѣгущихъ по отдаленному морю, пѣніемъ птицъ, которыя, кажется, однѣ понимаютъ, что значитъ счастье жизни, ея долгій праздникъ среди этой нерукотворной и кроткой красоты. Дорога идетъ все вверхъ и вверхъ. Опоясываетъ одну гору за другой, изъ тѣни сизаго ущелья выбѣгаетъ въ сонную, заласканную солнцемъ долину и снова лѣпится на крутизну и вдругъ вдали, едва различимая, точно старое золото, потускнѣвшее, но сохранившее свой благородный колоритъ,—чудится вамъ цѣлая гряда утесовъ, осѣвшихъ на большую гору, точно на пьедесталъ поднявшуюся на всѣхъ этихъ холмахъ и вершинахъ. На утесѣ — трудно сообразить сначала, что это — мечта, или дѣйствительно выросли три зàмка? Но время идетъ, и они не пропадаютъ. Напротивъ, опредѣляются, сбрасываютъ внизъ стѣны, подымаютъ свои башни, а направо крайній раздвигается въ цѣлую цитадель.

— Что это? — спрашиваете вы.

— Санъ-Марино!... Она какъ левъ легла на этой вершинѣ.

Изъ зоологіи неизвѣстно, чтобы львы забирались на такія вершины, но сравненіе такъ картинно и вѣрно, что вы принимаете его на слово, стараясь разобрать разсыпавшіеся вокругъ этого льва городки. Такъ вотъ эта республика каменоломовъ, пережившая сотни другихъ итальянскихъ республикъ, нѣкогда цѣлый міръ наполнявшихъ блескомъ и славой, чтобъ умереть, наконецъ, въ цѣпкихъ когтяхъ савойскаго орла... Въ самомъ дѣлѣ, кругомъ кипѣли войны, весь міръ задыхался въ крови, росли тюрьмы и въ нихъ точно ячейки въ соту множились беспросвѣтные застѣнки, работали палачи, лгали презрѣнные поэты, служа торжествующей силѣ, оправдывали и обоготворяли ее теологи и философы, и только Санъ-Марино со своей вершины смотрѣлъ спокойно на эту трагикомедію исторіи, спокойный за свое «завтра» и гордый своимъ «вчера». Любуясь этимъ государственнымъ «мальчикомъ съ пальчикъ», я невольно задавался вопросомъ: что же этому географическому лиллипуту дало такую силу? Смиреніе передъ сильными сосѣдями?—Нѣтъ. Я вспомнилъ, какъ Санъ-Марино въ 48 году не побоялся прикрыть и пріютить Гарибальди съ остаткомъ его разбитаго отряда. Значитъ, тутъ было что-то другое—выше всякой силы, побoрающее ее и даже болѣе — заставляющее служить себѣ, признавать себя, считаться съ собою.

III.

У Далматинскихъ береговъ есть островъ Арбе, глыба камней, едва подернутый вверху зеленью и только у морского берега представляющій нѣкоторыя удобства для жизни. И до сихъ поръ это рай для каменщиковъ. Двѣ тысячи лѣтъ они работаютъ надъ его уничтоженіемъ, — и точно это не люди, а муравьи, — слѣдовъ отъ ихъ разрушительнаго труда на очертаніяхъ острова не замѣтно. Тѣ же скалы висятъ на голубомъ фонѣ неба, тою же причудливою каймой рисуется онъ издали рѣдкому путешественнику. Въ половинѣ четвертаго вѣка жилъ да былъ здѣсь нѣкто Марино каменоломъ, котораго солнце заставало за работой и только ночь возвращала домой. Помимо этого онъ славился большимъ умомъ и глубокою вѣрой (дѣлавшей его особенно ненавистнымъ «еретикамъ и язычникамъ, коимъ, какъ извѣстно, весьма помогаетъ сатана», если вѣрить свидѣтельству добраго монаха Себастіана, писавшаго о нашемъ скромномъ каменщикѣ). Сатана этотъ такъ вооружилъ еретиковъ и язычниковъ, что, дабы избѣжать «не только

поношеній, но и самыя жестокія смерти», Марино разъ собралъ все, что у него было,— а это составило всего одинъ узелъ,— добылъ себѣ лодку и на ней, ведомый «чудодѣйственною силою Божьей», ухитрился переплыть Адріатику въ самую бурную погоду. Лодка была даже безъ мачты, но на ея носу все время стоялъ ангелъ, распростирая крылья, а самъ Марино—въ нѣдрахъ самой отчаянной непогоды читалъ молитвы. Такимъ образомъ средневѣковая легенда украсила бѣгство каменолома съ родного острова всѣмъ, что полагалось по католическому ритуалу. Не были забыты ни утихавшія передъ челнокомъ волны, ни тучи разбѣгавшіяся по сторонамъ въ направленіи протянутой руки ангела, такъ что Марино все время среди общей темноты видѣлъ отлично путь передъ собой. И самое время, употребленное имъ на это мореплаваніе оказалось поистинѣ чудесно. Самому быстроходному пароходу нынѣ понадобилось бы на это двѣнадцать часовъ, а лодка пересѣкла Адріатику въ десять, причемъ когда Марино разъ заснулъ, то у руля оказался другой ангелъ, исполнявшій за него это трудное дѣло. Само Провидѣніе, такимъ образомъ, давало знать своему избраннику, что оно предназначило ему не совсѣмъ обыкновенный жребій. Въ сущности, если обнажить настоящій историческій фактъ отъ легендарной шелухи,—то въ основаніи его окажется дѣйствительное событіе бѣгства скромнаго каменщика изъ своей суровой и негостепріимной родины въ Римини, гдѣ онъ тотчасъ же нашелъ подходящія ему занятія. Тамъ строился въ это время портъ, и далматійскіе каменщики очень цѣнились подрядчиками работъ. Марино началъ здѣсь зарабатывать много, но... «прелестный міръ» былъ ему противенъ. Ему хотѣлось труда среди тишины и уединенія пустыни, лицомъ къ лицу съ природой, только анахорету открывающей свои великія тайны. Онъ вспомнилъ годы, проведенные на горѣ родного острова, гдѣ около не было никого, но за то и скалы, и деревья, и облака говорили тамъ понятнымъ ему языкомъ. И сверхъ того, портовые рабочіе нисколько не походили въ то время на современныхъ намъ золоторотцевъ Одессы, Ростова-на-Дону, Таганрога и тому подобныхъ приморскихъ городовъ. Ихъ занимали религіозные вопросы, схоластическія толкованія противныя Марино, который вѣровалъ, какъ вѣруютъ дѣти. Убѣдясь, такимъ образомъ, что въ Римини ему не спастись, онъ взялъ съ собою пару голубей и ушелъ на близлежащую гору Титанъ, гдѣ были цѣлые залежи великолѣпнаго камня,—слѣдовательно, недостатка въ работѣ не оказывалось. Тутъ онъ велъ святую жизнь, ѣлъ мало и плохо, спалъ на ложѣ, выдолбленномъ имъ изъ камня,

и все время молился и работалъ, работалъ и молился. Легенда и тутъ скромнаго человѣка не хотѣла оставить въ покоѣ. Когда онъ уставалъ, то ангелы дѣлали для него камень мягче воска, а засыпая на краткое время, онъ зналъ впередъ, что тѣ же небесные покровители окончутъ за него взятое имъ на срокъ дѣло. Въ сущности, Марино работалъ, не покладая рукъ и надѣясь на самого себя больше всего. Онъ очень рѣдко ходилъ въ Римини, развѣ въ большіе праздники въ церковь. Человѣкъ онъ сосредоточенный, созерцательный и какъ всѣ любящіе уединеніе и природу—поэтъ въ душѣ. Ложе онъ устроилъ себѣ на скалѣ, откуда открывается дивный видъ на восемьдесятъ верстъ по радіусу. Цѣлое море Апеннинъ, гряда за грядою волнующихся на западѣ и на югѣ. На сѣверѣ идиллическія долины Тосканы, на востокѣ лазурь Адріатики, такъ нѣжно и мягко сливающаяся съ синевой небесъ. Ему гремѣли грозы, часто внизу подъ нимъ сверкали молніи, и онъ, какъ одинокій морякъ на оставленномъ кораблѣ, одинъ плылъ съ своею вершиною въ цѣломъ океанѣ зловѣще клубившихся и невѣдомо куда бѣжавшихъ тучъ...

Ересь, изгнавшая его изъ Далмаціи, не оставила бѣднаго Марино въ покоѣ и здѣсь. Въ Римини забрались ея послѣдователи, или какъ ихъ называютъ хроники «capi guasti», т.-е. порченыя головы. Какъ всякому доброму монаху хорошо извѣстно, въ такихъ случаяхъ дьяволу даруется особенная власть надъ людьми, и бѣдному риминійскому епископу Гауденціо—схизматики надѣлали столько хлопотъ, что онъ вездѣ сталъ искать себѣ союзниковъ и помощниковъ. О Марино онъ зналъ столько хорошаго, что этотъ каменщикъ показался ему въ данныхъ обстоятельствахъ настоящимъ «uomo della situazione». Онъ послалъ его просить сойти съ своего своеобразнаго Патмоса для борьбы съ врагами вѣры. Тотъ не заставилъ повторять приглашенія и, спустившись въ Римини, повелъ такую отчаянную войну съ ересью, что въ благодарность Гауденціо назначилъ его... діакономъ. Такимъ образомъ онъ думалъ оставить Марино внизу навсегда, но, очевидно, разсчитывалъ безъ своего гостя. Городской шумъ былъ этому не по душѣ, да и кромѣ того, руки просили работы. Не удобно было въ Римини діакону бить камень, что въ горной пустынѣ ждало его и неотразимо манило къ себѣ. Каждое утро, выходя на площадь и не слушая громкой и суетной болтовни, онъ любовался вершиною Титана, такъ могуче подымавшагося вдали. Его тянуло туда, въ поднебесье, на чистый воздухъ и къ скаламъ, гдѣ были имъ оставлены его кирка, его каменное ложе, откуда звѣзды казались такъ близки, а земля такъ да-

лека... Наконецъ, онъ не выдержалъ. Откланялся Гауденціо и на его убѣжденія отвѣчалъ только одно: «я простой работникъ, оставьте меня моимъ утесамъ и забудьте обо мнѣ». Взялъ посохъ и весело пошелъ къ горамъ, еще заранѣе ощущая бодрящій вѣтерокъ ихъ ущелій, освѣжающее дыханіе цвѣтовъ, поднявшихся изъ каменныхъ трещинъ, и все обаяніе открывающагося ему простора...

Строгость жизни каменолома Марино казалась въ эту эпоху религіознаго фанатизма и нравственной распущенности—поразительной. Его въ живѣ уже почитали святымъ и изъ Равенны, Римини, Пезаро и Фано съ одной стороны, Имолы, Фаэнцы и Форли съ другой—сотни пилигримовъ подымались на вершины Титана поклониться отшельнику и услышать его поученіе. На простые умы онъ дѣйствовалъ неотразимо. Въ церквахъ гремѣли схоластическія проповѣди по-латыни уже непонятной народу. Присяжные ораторы съ храмовыхъ каѳедръ разсуждали о вопросахъ для него мало занимательныхъ, ему далекихъ и непостижимыхъ. Марино говорилъ языкомъ рабочихъ, бралъ сравненія и примѣры изъ жизни, которую вели его слушатели, и, что всегда привлекаетъ къ себѣ неотразимо толпу, вмѣстѣ съ нею разбиралъ, какъ быть, чему вѣрить, чего добиваться, какъ устроить свое существованіе такъ, чтобъ оно и себѣ и другимъ было не въ обиду. Разумѣется, все сводилось къ общему знаменателю, одинаковому въ самыя разнообразныя эпохи, отъ Цинцинато до Марино, отъ Марино до Руссо, отъ Руссо до Толстого,—опроститься, отбросить всѣ искусственныя потребности, трудиться самому во что бы то ни стало и избѣгать всего сложнаго, не необходимаго, стоящаго внѣ природы. Многіе изъ его поклонниковъ оставались на вершинахъ Титана, сначала временно, а потомъ выдолбили себѣ въ скалѣ пещеры и основались навсегда въ этомъ поднебесьи, откуда люди кажутся такими маленькими, по созданію ничтожными, а вселенная необъятною, божественною въ величіи своей царственной красоты. Риминійская патриціанка, которой принадлежала гора Титанъ, тоже явилась послушать премудраго каменщика и такъ имъ увлеклась, что не сходя съ мѣста подарила ему все, что вокругъ могло окинуть его око. Насколько подарокъ былъ значителенъ, видно изъ того, что привыкшій къ обширнымъ горизонтамъ Марино былъ очень дальнозорокъ.

Марино какъ жилъ, такъ и умеръ простымъ рабочимъ. Смерть застала его за киркою. Онъ только что было принялся за растеску новаго утеса, какъ почувствовалъ, что его конецъ близокъ. Мигомъ онъ собралъ вокругъ всѣхъ своихъ, передалъ имъ во владѣніе Титанъ съ округомъ, завѣщалъ жить въ полномъ равенствѣ, брат-

ствѣ и общеніи имущества. Разъ навсегда приказалъ, чтобы здѣсь, гдѣ будетъ лежать его тѣло, не было ни высшихъ, ни низшихъ. Всѣ одинаковы и одинъ Богъ надъ всѣми! Посовѣтовалъ не отступать отъ артельнаго труда, потому что только при немъ всѣ будутъ сыты и довольны. Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобъ его перенесли на каменное ложе, къ которому онъ такъ привыкъ. И оттуда, любуясь дивными далями горъ, лѣсовъ, долинъ, ущелій, синевою моря и лазурью неба—онъ передавалъ своимъ поклонникамъ послѣдніе завѣты любви, общенія и милости. «Не отказывайте никому, кто прибѣгнетъ къ вамъ за помощью и пожелаетъ поселиться между вами, не уподобляйтесь тѣмъ риминійцамъ, которыхъ нужда научила скупости, жестокости, стяжанія. Оставьте камень быть твердымъ, сердца ваши должны умягчаться отъ зрѣлища людского горя. Помните, нѣтъ въ Евангеліи правила, которое бы исполнялось чаще, какъ: рука дающаго не оскудѣваетъ».

Умирая, Марино простиралъ руки, какъ будто желалъ весь міръ заключить въ свои объятія. Заходящее солнце обливало своимъ золотомъ утесъ Титана, въ сизую дымку уходили долины, море все горѣло на горизонтѣ, и красными яркими точками мелькали на немъ паруса рыболововъ.

Похоронивъ своего наставника, горные каменоломы не знали, чѣмъ бы имъ лучше почтить его память. Наконецъ, остановились на мысли воздвигнуть церковь. Кстати ея здѣсь не было, и только въ одной изъ пещеръ стоялъ простой алтарь. Храмъ выросъ быстро,—и руки, и матеріалъ были даровые. Работали не за плату, значитъ—дѣло спорилось вдвое скорѣе. Вмѣстѣ съ церковью сюда явился и рагоссо—священникъ. До сихъ поръ у алтаря, въ потемкахъ грота, служилъ самъ Марино; теперь титанцы отыскали въ Фано простенькаго, немудрящаго попика, который бы не очень уже давилъ ихъ своими схоластическими тонкостями. «Ты молись и управляй нами, а мы будемъ тебя содержать, только денегъ не дадимъ, потому что ихъ и у насъ самихъ нѣтъ!» Рагоссо достался въ самомъ дѣлѣ безъ лукавства и безъ претензій. Ему наслѣдовалъ другой такой же, но уже населеніе Титана при этомъ нѣсколько измѣнилось. Внизу, у моря и въ долинахъ множились и усиливались религіозныя гоненія; варвары наступали отовсюду, и подъ этимъ двойнымъ напоромъ враждебныхъ теченій многія семейства спасались на Титанъ. Каменоломы принимали всѣхъ, никому не отказывали, помня великій завѣтъ своего учителя. Они ставили новымъ согражданамъ одно условіе—трудиться и вести жизнь такую же простую, какую вела община до нихъ. Когда такимъ образомъ

число жителей на Титанѣ значительно умножилось, «немудрящій» попикъ вдругъ почувствовалъ несвойственные ему доселѣ аппетиты и нѣсколько разъ превысилъ свою власть. Но каменщики не даромъ привыкли имѣть дѣло съ жесткими и твердыми скалами. Они живо утихомирили своего «paroсcо». Не отняли отъ него державы, но ограничили ее совѣтомъ «отцовъ», безъ которыхъ попику нельзя уже было предпринять ничего. Такъ продолжалось до десятаго вѣка. Существовала на горной вершинѣ дѣйствительная республика, безъ имени только.

Республика каменоломовъ, рабочихъ, отлично управлявшихся мѣстнымъ попомъ и отцами семей, разъ въ годъ, на общихъ собраніяхъ всего наличнаго населенія, повѣрявшихся всѣми вмѣстѣ и каждымъ по желанію. Не было при этомъ никакихъ различій,—даже женщины имѣли право голоса въ этомъ оригинальномъ вѣчевомъ соборѣ. Отъ участвовавшихъ требовалось соблюденіе только одного условія: они должны были имѣть цензъ работы.

Въ десятомъ вѣкѣ общее движеніе итальянскихъ муниципій не обошло и горы Титана. Всѣ города кругомъ мало-по-малу сбрасывали гегемонію духовенства и отдѣляли церковь отъ государства. Соединеніе того и другого являлось, какъ они говорили «né carne, né pesce», по-нашему—ни рыба, ни мясо. Парокко на Титанѣ заартачился было, но съ каменьщиками шутки плохи. Ихъ не пересилишь, и они устранили его спокойно, безъ всякихъ потрясеній. У священника такимъ образомъ была отнята и законодательная и исполнительная власть. Создали государственный совѣтъ «consiglio generale», куда избирались каждые три года правители большинствомъ трехъ пятыхъ голосовъ всѣхъ республиканцевъ. Въ это же самое время является уже и имя республики Санъ-Марино. Безъименное существованіе великой державы такимъ образомъ прекратилось, она была, соотвѣтственно желанію всѣхъ ея гражданъ, окрещена въ честь ея основателя. Дѣла подъ руководствомъ государственнаго совѣта пошли такъ хорошо, что касса республики была переполнена деньгами. Кругомъ все въ нихъ нуждалось, а тутъ не знали куда дѣвать золота. Потребности оставались просты, какъ и прежде. Каждый гражданинъ долженъ былъ работать и—работалъ; доходовъ некуда было расходовать, и они копились. Поэтому въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Санъ-Марино уже прикупалъ землицу за землицей у вѣчно нуждавшихся «великолѣпныхъ» графовъ Монтрефельтро, синьоровъ ди-Урбино. По мѣрѣ того, какъ казначейство Санъ-Марино пухло, кое-кто уже начиналъ на него облизываться. Особенно епископы и папскіе легаты. Они постоянно нуждались въ

деньгахъ, и у нихъ подъ ложечкой сосало при мысли о доходахъ Санъ-Марино. «Какая-нибудь сволочь каменьщики, — разсуждалъ отецъ Людовико изъ Урбино, — не знаютъ, какъ имъ распорядиться съ своими деньгами, тогда какъ мы, князья церкви, постичь не можемъ, гдѣ бы ихъ раздобыть!» Они подбирались къ республикѣ; но санъ-маринцы, принимая этихъ emminentissimi со всѣмъ наружнымъ почетомъ, требуемымъ ихъ саномъ, отпускали ихъ съ пустыми карманами. При семъ для «свѣдѣнія и руководства» граждане республики посвящали ихъ эмминенціи въ то, что хотя у нихъ въ С.-Марино войска и нѣтъ, но каждый каменьщикъ въ то же время и солдатъ — отлично владѣетъ оружіемъ и умереть за свое свободное и счастливое государство почитаетъ для себя и своей семьи величайшею честью. Эмминенціи, воздѣвъ очи горѣ и благословляя жестоковыйныхъ каменоломовъ, возвращались домой «colle pive nel sacco» — несолоно хлебавши. Республика, благодаря духу самихъ гражданъ, одушевлявшему ихъ братству, ея свободѣ и общему, остававшемуся неумолимымъ закономъ, труду, казалась такъ сильна, что загребистыя лапы всякихъ кондотьери, герцоговъ, папскихъ легатовъ и подобныхъ политическихъ кулаковъ сначала не простирались къ ея границамъ. «Ею какъ гвоздемъ подавишься», говоритъ о С.-Марино завоеватель Пандольфо Малатеста. Напротивъ, горная община внушала къ себѣ такое уваженіе, что всѣ окрестные властители вмѣняли себѣ въ великую честь ея дружбу и всѣми мѣрами старались оказывать ей всякое вниманіе. Это, впрочемъ, продолжалось недолго. Сынъ Пандольфо, Сигизмундъ, уже нападалъ на С.-Марино, да и другіе, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшихъ моихъ очерковъ, подбирались къ нему. Такъ маленькая республика просуществовала пятнадцать вѣковъ, защищаясь и показывая когти однимъ и дружа съ другими. Она и до сихъ поръ является столь же жизнеспособною, дѣятельною и нравственно сильною, какою ее оставилъ въ свое время ея основатель, святой каменоломъ Марино. Это служитъ лучшимъ опроверженіемъ того, что установилось по отношенію къ ней, будто республика обязана существованіемъ своимъ слабости. Теперь, можетъ быть, она и слаба рядомъ съ соединенною Италіей, но прежде тосканскіе, урбинскіе, моденскіе герцоги, правители риминійскіе, болонскіе, даже венеціанскіе и вся эта жадная, щучья порода столь нравственными соображеніями не руководилась, а просто глотала мимоходомъ всякую попадавшуюся имъ слабую плотичку... Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что и теперь С.-Марино вовсе не ищетъ себѣ защиты въ своей слабости; въ этомъ отношеніи каменьщики

остались каменьщиками и думаютъ, что при охотѣ и сообща всякій утесъ они осилить могутъ.

IV.

Чѣмъ выше я подымался, тѣмъ окрестности дѣлались лучше и лучше. Какимъ ни обладай мастерствомъ въ живописи природы,— слово будетъ мертво въ изображеніи этого неистощимаго разнообразія красокъ, тоновъ, переходовъ, этой дивной свѣтотѣни, которою щеголяли С.-Марино и его округи. Какъ будто нарочно съ сѣвера набѣжали тучи, торопливыя, изодравшіяся въ слѣпомъ, полномъ ужаса стремленіи на югъ, лохматыя, то и дѣло обнажавшія чудную синеву бездонной бездны за ними... То одна, то другая проливались гдѣ-то въ сторонѣ дождемъ... Все сдѣлалось такъ отчетливо, такъ близко. Рѣзче обрисовались капризныя вершины, ярче заблестѣли эмали горныхъ луговъ подъ косыми лучами солнца... Вонъ грозный зàмокъ Леоне, онъ какъ часовой всталъ на крутизну и зорко глядитъ оттуда на цѣлое море кряжей—этихъ каменныхъ волнъ, точно завороженныхъ въ моментъ самаго отчаяннаго хаоса. Башни С.-Леоне кажутся отсюда мрачными. Такъ и чудится, что тамъ по какому-то колдовству еще живутъ средніе вѣка съ ихъ пытками и гранитными мѣшками, съ подземельями и западнями ощетинившихся ножами колодцевъ, съ нежданными провалами въ пропасть и дыбами, на которыхъ еще не запеклась кровь вчерашняго мученика. Тамъ въ одной изъ темныхъ башенъ умеръ послѣ долгаго заточенія магъ и чародѣй Каліостро, не сумѣвшій заворожить себя отъ этой каменной гробницы. И все выше и выше ползетъ путь, все гуще зелень садовъ, тяжелѣе гроздья виноградниковъ, выше трава луговъ и пахуче цвѣты, прислонившіеся къ нагрѣтымъ лѣтнимъ зноемъ утесамъ. Чу... Что это... двѣ тучи— протянулись одна къ другой, раскинули длинныя, лохматыя лапы, сцѣпились, и вдругъ оттуда брызнуло огнемъ и надъ горами торжественно и гулко загремѣло, повторяясь въ ущельяхъ, отражаясь отъ каменныхъ скрижалей скалъ, точно поднятыхъ къ самому небу исполинскими руками «великой матери», какъ называли землю древніе. Грянуло въ другой сторонѣ... Молніи скрестились... точно мечи ангеловъ, начавшихъ битву съ духами тьмы... Казалось, вершины затрепетали на своихъ вѣчныхъ основаніяхъ отъ новаго удара, а въ промежуткахъ между сѣрыми зловѣщими массами, то сливавшимися, то разрывавшимися голубила ласковая, нѣжная, святая лазурь, та именно, которую такъ любили старые итальянскіе художники, въ которой именно рождались переданные ими по-

лотну божественныя видѣнія и дивные призраки. Она все та же, эта чистота недосягаемой бездны, въ нее такъ же, какъ и тогда, уходитъ благоговѣйный взоръ, но, увы, ангелы и мадонны уже не являются людямъ. «Сегодня» съ его заботой заслонило поэтическій міръ фантазіи. Она уже не можетъ осилить тяжелыхъ потемокъ человѣческаго горя.

Чѣмъ выше, тѣмъ дали раздвигаются все шире... Изъ-за прежнихъ кряжей выступаютъ новые, за ними мерещутся тѣ, которыхъ снизу и не видать, а за этими еще однимъ только намекомъ чудятся мягкія очертанія высотъ, ставшихъ на сторожѣ мраморной Пизы, суетливаго и шумнаго Ливорно, умирающей въ тѣни царственныхъ дворцовъ Генуи... Вся Тоскана своими рельефами раскидывается передъ вами... Кажется, неровности ея, всякая складка точно на картѣ намѣчены синью. На зло непогодѣ, міръ остался голубымъ. Много другихъ красокъ и оттѣнковъ. Вы не различаете, любуетесь ими, ищите на человѣческомъ языкѣ выраженія для нихъ, но закройте глаза, или вспомните все это, потомъ и у васъ все-таки остается впечатлѣніе какой-то сплошной лазури. Что за странность! Встрѣчаете деревушки—и точно въ другой міръ попалъ. Каменные дома чисты, дворы убраны, дѣти вымыты и нарядны, и рожицы ихъ смотрятъ весело. Сытыя, пухлыя, какъ раскормленные мопсы, и главное—никто не бѣжитъ за вашимъ экипажемъ и не «умираетъ отъ голоду». Рука, опустившаяся было въ карманъ за soldo, оставляетъ его въ покоѣ.

— Что это значитъ?—спрашиваю у кучера.

— Э!... Развѣ eccelenza не знаетъ? Мы уже въ С.-Марино.

— И тутъ нѣтъ нищихъ?

— Кому же... Развѣ они тратятся на войско, на подати... Имъ съ полгоря, санъ-маринцамъ. И вонъ у нихъ какъ земля обработана, небось не чета нашей. У насъ еще виноградъ зеленъ,—а тутъ уже сняли его. Слышите, виномъ пахнетъ: кругомъ сотни давилокъ въ работѣ. С.-маринецъ самъ ѣстъ свой хлѣбъ и пьетъ свое вино. У него нѣтъ, какъ у насъ, въ Италіи, цѣлой арміи чиновниковъ, которые толстѣютъ на счетъ голодающихъ contadini (крестьянъ)... Была бы моя воля, я бы и самъ ушелъ въ С.-Марино. Вы знаете, изъ республики до сихъ поръ никто не уѣхалъ въ Америку, а у насъ изъ одного Риминійскаго округа туда переселилось за десять лѣтъ болѣе восемнадцати тысячъ человѣкъ.

На нужду, на лютую борьбу съ жизнью, на вѣчное горе!

Должно быть, дѣйствительно, не сладко въ этой благословенной небомъ Италіи, если изъ-подъ ея солнца сотнями тысячъ каж-

дый годъ бѣгутъ эмигранты за океанъ, за тридевять земель въ тридесятыя царства, къ чорту на кулички, лишь бы развязаться съ вѣчными поборами потерявшей послѣдній свой разумъ родины.

Вонъ, вдали, подъ самыми скалами, на которыхъ камнемъ изъ камня выросла маленькая столица республики, въ зеленомъ поясѣ садовъ какой-то изящный городокъ, весь прислонившійся къ стройнымъ колокольнямъ церкви. Это Борго Маджіоре (Borgo Maggiore); вотъ еще дальше, бѣлымъ гнѣздомъ, прицѣпилось къ утесу Айвайоло—третій городокъ республики... ихъ у нея около шести, и всѣ они поражаютъ васъ чистотой, довольствомъ простой жизни. «У насъ нѣтъ никого, кто бы обладалъ даже сто тысячью лиръ (35,000 р.) но, за то если встрѣтите нищаго, такъ и знайте, онъ пришелъ къ намъ «изъ-за границы». Это «изъ-за границы» только на первый взглядъ смѣшно. С. - Марино не зачѣмъ отдѣлять отъ Италіи часовыми, кордонами, столбами съ надписями и безъ оныхъ. Сравнительное счастье народа, трудящагося здѣсь на самого себя, опредѣляетъ границы республики отъ королевства ощутительнѣе всякихъ установленныхъ на сей предметъ вещественныхъ знаковъ.

Мы въѣхали въ улицу небольшого городка.

Чистенькіе домики, зàмокъ на верху со щитомъ, на которомъ изображены три башни—гербъ республики, двѣ, три лавки, веселая, сытая толпа и опять тѣ же раскормленныя и вымытыя дѣти. И, вѣдь, значитъ можно же обойтись безъ отрепьевъ на головѣ, грязи на лицѣ и впалыхъ щекъ, безъ этого вѣчнаго крика: «умираемъ отъ голоду»... Вонъ карабинеръ — здѣшняя жандармерія. Другой — такой же. Щеголи первой руки. Какъ я узналъ потомъ, это единственные представители постоянной военной силы С.-Марино. Кромѣ нихъ есть еще военная banda musicala, но всѣ ея обязанности заключаются въ томъ, чтобъ по праздникамъ давать концерты, по очереди въ городкахъ республики. Есть еще милиція, но она на своемъ мѣстѣ. Она собирается только въ день избранія регентовъ, торжественно сопровождая ихъ въ palazzo del consiglio, и спокойно расходится по домамъ.

Какъ ни легка здѣсь служба карабинеровъ, или по нашему жандармеріи, какъ ни пестръ и красивъ ихъ мундиръ, но санъмаринцы между собой никакъ не могутъ найти охотниковъ идти въ «попугаи». Народъ простой и рабочій считаетъ позоромъ службу, гдѣ «нечего дѣлать», и вотъ посему генеральный совѣтъ нашелъ исходъ: онъ нанимаетъ ихъ въ Италіи.

— Тамъ все равно людямъ ѣсть нечего,—пусть у насъ откормятся!

— Да, что же у васъ дѣлаютъ жандармы?

— Какъ видите,—ничего. При встрѣчѣ съ нашими дѣвушками крутятъ себѣ усы и всею своей особой изъявляютъ готовность. Вотъ и все ихъ дѣло.

Дѣйствительно, даже въ этомъ городкѣ Castello di Sieravalle, при первой встрѣчѣ, я былъ пораженъ ихъ щеголеватостью и равнодушіемъ хотя бы къ моей особѣ. Вѣдь, кажется, чего проще: ѣдетъ человѣкъ изъ-за границы; ну, заподозри въ немъ хоть слегка анархиста, или вообще персону не безъ злонамѣренныхъ наклонностей. Брось хоть взглядъ: что̀-де онъ везетъ съ собою—въ чемоданѣ или головѣ! Хоть заставь его инквизиторскимъ осмотромъ издали потупиться, дескать ты не очень-то того! Мы, вѣдь, тоже бодро отыщемъ въ случаѣ чего. Нѣтъ! Дѣйствительно, мѣстныя дѣвицы, великолѣпно расчесанныя, проходятъ по улицѣ,— жандармъ немедленно закручиваетъ усъ и всѣмъ корпусомъ изъявляетъ немедленную и непреоборимую готовность, а на чужестранца,—какъ говорятъ въ Москвѣ,—нуль вниманія! Даже обидно,—такъ и хотѣлось крикнуть: а можетъ быть я, чортъ васъ побери, динамитъ везу! Но тутъ и этимъ не удивишь, ибо въ республикѣ каменоломовъ динамитные патроны продаются кому угодно,—они нужны постоянно по здѣшней работѣ. Вышелъ я изъ экипажа. Хотѣлъ познакомиться съ этимъ первымъ С.-Маринскимъ городкомъ. Дѣйствительно, какая простая жизнь! Ни одного дома побогаче, но за то и жалкихъ хлѣвовъ, гдѣ въ грязи и всякой сквернѣ гніетъ нищета,—нѣтъ. Вонъ франтъ въ модномъ, лѣтнемъ костюмѣ за однимъ столомъ съ потнымъ рабочимъ. Распиваютъ общую бутылку вина. Подошелъ я спросить что-то,—невѣдомо откуда является третій стаканъ, и меня радушно приглашаютъ:—Попробуйте-ка новаго Сіеравалле. Внизу вы ничего не получите. Это кровь нашихъ скалъ.—Внизу,—значитъ въ Италіи; какъ-то сама природа пріучила с.-маринцевъ смотрѣть на королевство сверху... Попробовалъ,—дѣйствительно, «вино справедливое», какъ выражался въ Ростовѣ-на-Дону одинъ мой пріятель. Истинная кровь земли. Съ каждою каплей—новое здоровье прибываетъ...

— Что это за за̀мокъ у васъ?—спрашиваю у рабочаго.

— Въ верху?

— Да.

— Въ свое время онъ сыгралъ большую историческую роль.

Однако, думаю, какъ выражаются санъ-маринскіе каменьщики.

— Какую же?

— Онъ принадлежалъ Малатестѣ. Тотъ вздумалъ было повздорить съ нами; мы отняли Castello и сдѣлали изъ него нашъ передовой оплотъ. Этотъ здѣсь, тѣ три на Титанѣ,—указалъ онъ на утесы, тонувшіе въ небесахъ: республика ими отгородилась такимъ образомъ отъ всѣхъ кондотьери. Нашъ Сіеравалльскій замокъ, впрочемъ, прославился и другимъ: здѣсь родился Fra Giovanni di Sieravalle въ 1425 году.

— Никогда не слышалъ о существованіи этого великаго человѣка.

— Великимъ онъ не былъ, за то полезнымъ—да. Онъ написалъ великолѣпный комментарій къ «Божественной Комедіи»... его цѣнятъ до сихъ поръ, потому что его святѣйшество Леонъ XIII еще недавно приказалъ вновь издать его. Фра Джіакомо изъ Болоньи пробовалъ было оспаривать нашего Джіованни, но его попытка осталась только попыткой...

Впослѣдствіи я познакомился со многими рабочими въ С.-Марино, и моя первая встрѣча уже перестала меня удивлять... Между прочимъ, тотъ же каменьщикъ мнѣ разсказалъ прелестную легенду. Малатеста, въ одну изъ немногихъ попытокъ сцапать республику, приказалъ своей опричинѣ добыть «языка». Ему хотѣлось узнать, какъ подступиться къ главной высотѣ республики Tanta Косса, такъ какъ онъ слышалъ, что къ ней существуетъ довольно безопасная тропинка. Риминійскій Малюта Скуратовъ—Валента Кардано, любимецъ Пандольфо Малатесты, съ первой попавшейся каменоломни сорвалъ чернорабочаго и привелъ сюда, въ этотъ замокъ. Какъ ни «улещалъ» его Пандольфо, рабочій оставался нѣмъ. Заперли его въ каменный мѣшокъ и начали морить голодомъ,—тотъ же результатъ. Ни слова—да и только. Наконецъ, Малатеста во дворѣ замка велѣлъ разложить костеръ, а каменьщика ввести къ себѣ на башню.

— Посмотри кругомъ. Все, что ты видишь,—я дамъ тебѣ въ управленіе. Ты будешь моимъ намѣстникомъ. Теперь взгляни внизъ,—какъ пылаетъ костеръ! Знай, я сожгу тебя въ немъ, если ты откажешься отвѣчать. Выбирай.

Каменьщикъ, опершись на зубцы башни, любовался чуднымъ зрѣлищемъ горнаго края, въ этотъ часъ заката, горѣвшаго передъ нимъ всѣми своими красками. Вонъ вверху Санъ - Марино, дальше—вершины Тосканы и Романьи. Вонъ въ голубомъ воздухѣ сливающееся съ нимъ лазурное море.

— Ну, выбирай.

— Да!... Я бы могъ броситься съ этой башни и такимъ обра-

зомъ найти смерть менѣе мучительную. Но это было бы трусостью. Я хочу показать тебѣ, какъ способенъ умереть каждый с.-маринецъ за свою свободную родину.

Онъ повернулся къ костру. Черный дымъ его уже высоко подымался въ розовѣвшемъ воздухѣ. Красные языки пламени шипѣли, пожирая сухое дерево.

Не ожидая, чтобъ его повела туда стража, каменьщикъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ парапетъ башни и, упавъ въ огонь, сгорѣлъ въ немъ очистительною жертвой за независимость своего маленькаго, но героическаго отечества.

Малатеста немедленно вернулся въ Римини.

Лучше всего, что даже имя этого рабочаго осталось неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ вышло гораздо сильнѣе. Оно слилось съ цѣлымъ народомъ.

Герой говоритъ вамъ съ пожелтѣвшихъ страницъ старой исторіи не отъ себя, а въ немъ весь С. - Марино свидѣтельствуетъ свою готовность скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться силѣ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЕ РАБОТНИКИ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

...Пузатый, давно не чищенный самоваръ только-что пересталъ кипѣть и тянулъ теперь однообразную, высокую ноту. Я пріютился съ нимъ на самомъ краю большого стола, заваленнаго бумагами, и испытывалъ скуку пустого и одинокаго, безконечно-длиннаго зимняго вечера. Не болѣе часа тому назадъ ямщикъ водворилъ меня на ночлегъ въ это волостное правленіе, а я уже успѣлъ продѣлать все то, что полагается дѣлать застрявшимъ на станціи путешественникамъ: и чаю напился, и объявленія на стѣнахъ прочиталъ. Объявленія, впрочемъ, были не интересны: «срокъ рапортовъ г. земскому начальнику», «срокъ донесеній земской управѣ», «срокъ рапортовъ г. исправнику» и т. д. И вотъ теперь я сижу, аккуратно просматривая *Губернскія Вѣдомости*. Я узнаю изъ этого источника о торгахъ, о розыскѣ какихъ-то пропавшихъ лицъ и о томъ, что совѣтникъ правленія получилъ орденъ св. Анны. На противоположномъ концѣ стола помощникъ волостного писаря пишетъ тихо и медленно, выводя заглавныя буквы. Этотъ очень усердный молодой человѣкъ, въ суконномъ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубашки, не обращаетъ на меня никакого вниманія. Повидимому, онъ совсѣмъ ушелъ въ свою работу и занятъ теперь исключительно своими придаточными предложеніями. «Усматривая изъ донесенія...» «Вслѣдствіе предписанія вашего высокородія...» «Принимая во вниманіе...»—такъ и рябитъ въ глазахъ отъ этихъ неизбѣжныхъ вступленій. Какая, однако, это громадная литература! Каждую минуту по всѣмъ направленіямъ и всѣми способами ходятъ эти бумаги. И по желѣзной дорогѣ ѣздятъ онѣ, и на земскихъ лошадяхъ катаются, и даже пѣшкомъ ходятъ въ невылазную осеннюю грязь при помощи сотника. Я долженъ сознаться, что чувствую себя среди этихъ бумагъ совершеннымъ профаномъ. Я про-

сматриваю ихъ одну за другой, но за мое профанство онѣ мало говорятъ мнѣ своимъ однообразнымъ, казеннымъ языкомъ. Но вотъ молодой человѣкъ кончаетъ свою работу, онъ собираетъ свои бумаги и раскланивается со мной: покойной ночи! Я стараюсь какъ-нибудь примоститься на жесткомъ, засаленномъ диванѣ. Волостной писарь приходитъ на помощь.

— Вы бы, ваше благородіе, на полу. Потому — клопа будетъ меньше. Дозвольте—я помогу!

Я достаю подушку, и мы наскоро устраиваемъ постель на моей шубѣ. Я тушу, наконецъ, огарокъ свѣчи, торчащій рядомъ со мной въ пустой чернильницѣ, и водворяется тишина. Но не скоро еще придется заснуть. Вспоминаются далекіе друзья, которые теперь, вѣроятно, сошлись въ свѣтлой и теплой комнатѣ; слышно, какъ стучитъ маятникъ большихъ, старыхъ часовъ, и кажется, что онъ не дастъ вамъ заснуть, что онъ стучитъ надъ самой подушкой; предсказанные писаремъ клопы переселились, должно быть, съ дивана... Который, однако, можетъ быть теперь часъ? Я зажигаю свѣчу, и почти въ ту же минуту нелѣпаго вида кукушка высовывается изъ старыхъ часовъ и хрипло и рѣзко кричитъ... одиннадцать разъ. Ея голосъ такъ непріятенъ, что хочется погрозить ей кулакомъ и сказать:

— Замолчи!

На другой день я просыпаюсь рано отъ холода. Морозъ, усилившійся за ночь, заковалъ узорами оконныя стекла. Я сижу за кипящимъ самоваромъ и съ наслажденіемъ глотаю горячую жидкость. У крыльца позвякиваютъ колокольчики моего ямщика, и черезъ минуту я слышу его молодой и веселый голосъ въ сѣняхъ.

— Вотъ такъ морозецъ! Ну, что, онъ, поди, дрыхнетъ еще?

— Они теперь чай кушаютъ,—отвѣчаетъ ему сдержанный шепотъ писаря.

Не торопясь, начинаю я собираться. Я не тороплюсь потому, что до училища, куда долженъ доставить меня ямщикъ,—недалеко, какихъ-нибудь три версты, и надо застать его въ сборѣ, въ полномъ разгарѣ его учебной жизни.

Съ ранняго утра, когда еще такъ скупо освѣщены занесенныя снѣгомъ избенки и надъ всѣмъ селомъ тянутся дымки топящихся еще печей,—начинаютъ собираться ребята къ училищу. Съ каждою минутой увеличивается эта толпа жаждущихъ «свѣта и знанія» и постепенно исчезаетъ за гостепріимными дверями училища. По большей части прямо въ полушубкахъ разсаживаются ребятишки за парты. Въ набитой биткомъ и вмѣщающей три отдѣленія

классной комнатѣ стоитъ сплошной шумъ, похожій на гулъ пчелинаго роя. Сторожъ, успѣвшій уже къ этому времени принести въ классную комнату ведро съ водой и жестяной кружкой для утоленія жажды аудиторіи, съ покорной грустью смотритъ на комки снѣга, оставленные на полу лаптями учениковъ. Но вотъ изъ посконныхъ сумокъ достаются букварй, аспидныя доски, съ ними же вмѣстѣ вынимаются и тотчасъ же прячутся куски хлѣба, печеный картофель и проч. Изъ своего помѣщенія (обыкновенно очень тѣсная комнатка, а иногда и по-просту родъ чулана) появляется учитель. Молитва. Школа начинаетъ жить своей учебной жизнью.

Если вамъ случалось бывать въ городскихъ училищахъ, то здѣсь, въ этой убогой школѣ захолустной и убогой деревни,—вамъ непремѣнно бросится въ глаза, васъ поразитъ даже серьезная вдумчивость дѣтей. Присмотритесь только къ выраженію ихъ лицъ во время какого-нибудь объясненія, прислушайтесь къ ихъ отвѣтамъ,—и вы подумаете, быть можетъ, что это не дѣти. Не дѣти— по крайней мѣрѣ съ нашей, установившейся точки зрѣнія. Сдѣлайте справку о возрастѣ въ классно́мъ журналѣ. Кто же, однако, они?—Маленькіе работники. Въ самомъ дѣлѣ, громадное большинство старшаго отдѣленія—это уже хотя и малосильные, но все же настоящіе пахари. И они, и ихъ младшіе братья, убирающіе дома скотину и помогающіе во всемъ обиходѣ крестьянскаго хозяйства, могутъ вамъ—серьезно и обстоятельно — разсказать многое. Они разскажутъ вамъ и о раскладкѣ мірскихъ сборовъ, и о передѣлѣ душевыхъ надѣловъ,—о цѣломъ строѣ своей жизни, какъ разъ именно о томъ, о чемъ, пожалуй, не сумѣетъ разсказать путно учитель. И кажется, что только поэтому можно пройти съ ними въ трехлѣтній періодъ (отъ котораго останется не болѣе полутора года за вычетомъ каникулъ и праздниковъ) довольно обширную программу. Положимъ, что какъ слѣдуетъ ее все-таки не пройдешь, а потомъ придется отказывать добровольцамъ, желающимъ поучиться еще годокъ послѣ окончанія курса, но вѣдь это ужъ неизбѣжно...

Лихіе колокольчики моего ямщика положительно смутили мирную жизнь школы. Учитель, человѣкъ уже пожилой, выходитъ мнѣ на встрѣчу въ галошахъ и полушубкѣ. Можно было бы подумать, что онъ уходитъ изъ школы; мнѣ, впрочемъ, не приходитъ этого въ голову: изъ донесенія, лежащаго въ моемъ портфелѣ въ саняхъ ямщика, я знаю, что передо мной одна изъ тѣхъ школъ, гдѣ зимой работаютъ не иначе, какъ въ шубахъ. Поэтому мы оба, и я, и учитель, такъ и принимаемся за работу — въ полушубкахъ. Помѣщеніе тѣсно, а главное—очень уже холодно. Щели, образовавшіяся

въ стѣнахъ, учитель старательно законопатилъ разными тряпками, но, видно, этимъ теперь не поможешь. За то бойкое, прямо таки радостное настроеніе ребятъ дѣлаетъ нашу работу веселой. Весело смотрѣть на этого русаго, нѣсколько лохматаго мальчугана, который у доски сообразилъ трудную, чуть ли не до степени ребуса, задачу, и вотъ теперь звонкимъ голосомъ на весь классъ объясняетъ ея минувшія трудности. Вотъ только со стихами намъ ужъ очень трудно приходится: непривычная риѳма мѣшаетъ. Я слушаю одно стихотвореніе за другимъ и никакъ не могу отдѣлаться отъ картины, написанной рукой геніальнаго художника. Помните, когда заплутавшійся купецъ сидитъ въ избѣ сосѣдней деревни, а молодой парень запрягаетъ на дворѣ лошадь, чтобъ его проводить. Кругомъ гудитъ снѣжная буря, и парень, учившійся такъ же, какъ теперь учатся его младшіе братья, высказываетъ книжнымъ языкомъ свои впечатлѣнія такъ, какъ это *въ Пульсонѣ напечатывано.*

Буря съ мглою небо скроитъ,
Вихры снѣжные крутятъ,
Ажъ какъ звѣрь она завоитъ...

Я не могу отдѣлаться отъ этой картины, но меня интересуетъ не вопросъ: отчего это такъ, а другой тоже, если хотите, интересный вопросъ: скоро ли вотъ эта самая, законопаченная тряпками, школа заполнитъ пропасть, лежащую между простою пѣсенкой и отрывкомъ былины и пѣсней художника. А вѣдь заполнитъ, да и теперь на нашихъ глазахъ заполняетъ. И вотъ мы работаемъ веселою, а потому и хорошею работой. Время идетъ, часовая стрѣлка съ неумолимою точностью подвигается впередъ, и мнѣ надо спѣшить, чтобъ успѣть въ этотъ короткій зимній день добраться до слѣдующей школы. Меня не удивляетъ выраженіе усталости на лицѣ учителя. Какъ бы ни была хороша работа, но говорить цѣлый день въ страшно-холодной и все-таки душной комнатѣ—тяжело. Но я вижу смущеніе на его усталомъ лицѣ и потому спѣшу его успокоить:

— Что же дѣлать,—говорю я,—если въ старшемъ отдѣленіи на двѣнадцать человѣкъ всего четыре хрестоматіи! Вамъ, вѣроятно, скоро пришлютъ. Невозможно же безъ учебниковъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста не забудьте!—говоритъ онъ.

На этотъ разъ меня удивляетъ собственное малодушіе: вѣдь я хорошо знаю, что теперь въ нашемъ земствѣ нѣтъ на покупку книгъ ни копейки, но у меня просто духу не достаетъ, хоть и условно, не обнадежить его. Удивляетъ меня и то, что, несмотря на мое нѣсколько опрометчивое утѣшеніе, учитель продолжаетъ смущаться.

— Вы ужъ, пожалуйста,—говоритъ онъ совсѣмъ подавленнымъ голосомъ,—скажите *тамъ* всю правду. Я вамъ все разскажу; и если батюшка на меня обидѣлся и передалъ попечительницѣ...

Я слушаю длинную и необыкновенно темную исторію обиды Меня удивляетъ ничтожность причинъ, вызвавшихъ эту размолвку. Тутъ есть и какіе-то пропущенные уроки, и несвоевременный при ходъ въ гости учителя. Есть цѣлый рядъ какихъ-то неуловимо-враждебныхъ настроеній, отъ которыхъ съ досадой приходится отмахиваться въ жизни, но которыя здѣсь, перепутавшись съ дѣломъ, становятся совсѣмъ непонятными. Я внимательно слушаю, стараясь проникнуть въ самую суть ничтожной и темной исторіи.

— Вы вѣдь ее знаете, нашу попечительницу. Призываютъ онѣ меня и говорятъ мнѣ: «одного моего слова достаточно, и тебя завтра же здѣсь не будетъ!» Вы ужъ, пожалуйста, примите участіе... Шестнадцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и притомъ же семья...

Да, конечно, я долженъ принять въ этомъ участіе. Сидя въ саняхъ, я плотнѣе закутываюсь въ шубу и пытаюсь формулировать свой будущій отчетъ объ этомъ училищѣ. «Четыре книги на двѣнадцать человѣкъ... завтра тебя здѣсь не будетъ... законопатили тряпками»,—мелькаетъ у меня въ мысляхъ. Эти отрывочныя мысли словно гонятся за мной, провожая меня изъ села. Вотъ исчезаютъ послѣднія избы на выѣздѣ, и передъ нами ровная и бѣлая степь. Морозъ сдѣлался теперь мягче и идетъ снѣгъ. Густою, очень красивою сѣткой закрываетъ онъ даль, переходя въ однообразный сѣрый туманъ. За то вѣтеръ съ каждою минутой дѣлается сильнѣе; черезъ полчаса перестаетъ снѣгъ и видно, какъ по степи змѣйками перебѣгаетъ поземка. Дорогу быстро заноситъ, и усталыя лошади идутъ шагомъ, низко наклонивъ свои заиндевѣвшія морды. Ямщикъ оборачивается ко мнѣ.

— Теперь все равно: напрямикъ мы поѣдемъ, — говоритъ онъ.—Все-таки ближе и до села, можетъ, засвѣтло доберемся. Тутъ не далеко. Не дай Богъ, коли встанетъ буранъ!

И вотъ мы плетемся шагомъ прямо по цѣлику. Дѣлается совершенно очевиднымъ, что въ этотъ день мнѣ не удастся застать занятій ни въ какой школѣ. Душу охватываетъ какое-то тупое равнодушіе, очень похожее на уныніе, — чувство, вѣроятно, хорошо знакомое всякому, кому случалось плутать зимою въ нашихъ степяхъ. Вѣтеръ дѣлается съ каждою минутой все сильнѣй и сильнѣй, и лихіе колокольчики моего ямщика не звенятъ больше; они изрѣдка только позвякиваютъ, и этотъ звукъ тотчасъ же поглощается разгнѣванною степью. Долго ѣдемъ мы такъ въ глубокомъ молча-

ніи. Наконецъ, когда начинаетъ уже смеркаться и вся степь кругомъ покрывается словно темнымъ туманомъ, ямщикъ оборачивается ко мнѣ и радостно говоритъ:

— Слава Богу! Теперь доберемся: село не далеко.

Напрасно, открывъ воротникъ шубы, стараюсь я вглядѣться въ совершенно темную даль: я не вижу ни мерцающаго огонька и никакого другого признака жилища людей. Ямщикъ, должно быть, знаетъ мѣсто по памяти и догадался про близость села по одному ему извѣстнымъ примѣтамъ. Еще съ часъ плетемся мы въ темнотѣ зимнихъ сумерекъ и, наконецъ, натыкаемся на солому.

— Вотъ и пріѣхали, — говоритъ мой ямщикъ, — на гумна попали!

Снова передо мной волостное правленіе, очень похожее на то, въ которомъ я ночевалъ. Я вижу опять длинный, обтянутый чернымъ сукномъ столъ, заваленный бумагами; по стѣнамъ висятъ объявленія со всевозможными сроками донесеній начальству. Радостное настроеніе человѣка, только что избавившагося отъ опасности, быстро меня покидаетъ. Вечеръ только что еще начался, и меня пугаетъ перспектива скуки въ холодной и угрюмой комнатѣ, среди малопонятныхъ и тоже словно холодныхъ бумагъ. Волостной писарь, долгимъ опытомъ пріученный къ посѣщеніямъ всякаго рода начальства, начинаетъ заботиться о моей дальнѣйшей судьбѣ.

— Самоварчикъ мы вамъ мигомъ согрѣемъ,—говоритъ онъ.— А насчетъ ночлега, такъ даже это очень просто: уберемъ наши бумажки и вотъ здѣсь на столѣ приспособимъ. Господинъ судебный слѣдователь завсегда у насъ на столѣ помѣщаются и весьма одобряютъ касательно насѣкомаго.

Я согласился, конечно, на устройство постели, но отъ чая покуда отказываюсь,— передо мной такъ еще много времени, что я успѣю навѣстить училище и собрать тамъ, по крайней мѣрѣ, порученныя мнѣ справки. Поэтому въ сопровожденіи волостного сторожа я выхожу на совершенно темную улицу и, увязая въ сугробахъ, направляюсь къ училищу.

Крошечныя сѣни отдѣльнаго учительскаго помѣщенія, состоящаго изъ одной комнаты, отворяла мнѣ сама учительница. Это — скромно, даже бѣдно одѣтая, но очень еще красивая дѣвушка; красивая именно той красотой, о которой не думаютъ и которую не холятъ, что не мѣшаетъ ей все-таки останавливать на себѣ вниманіе. Два стола и два стула, чистенькая, совсѣмъ по-дѣвичьи оправленная постель, крохотное, дешевенькое зеркальце надъ вышитымъ полотенцемъ,—вотъ и вся немудреная обстановка ея от-

дѣльнаго помѣщенія. Любители размышлять, гуляя по комнатамъ, почувствовали бы себя здѣсь совсѣмъ плохо: шагнешь четыре шага впередъ и въ стѣну уткнешься; повернешься—и опять она тутъ, эта стѣна. Но вотъ уже девятый годъ, какъ прямо со школьной скамьи, по окончаніи курса въ гимназіи, живетъ здѣсь учительница. Какъ хотите, несмотря на нѣкоторыя неудобства такой обстановки, все-таки очень пріятно заниматься интереснымъ дѣломъ, получая за это цѣлыхъ 25 руб. Развѣ это шутка какая-нибудь—двадцать пять рублей! Я хорошо знаю, что у моей хозяйки не остается отъ нихъ ни гроша, что ей не на что бываетъ ни книги купить, ни даже починить платья, но за то тамъ, въ губернскомъ захолустномъ городѣ, держится кое-какъ изъ этого же жалованья ея семья. И всѣ болѣе или менѣе сыты; и старый, рѣшительно ни на что неспособный чиновникъ-отецъ изъ канцелярскихъ «писателей», спокойнѣе кряхтитъ въ своей сырой, подвальной каморкѣ, и двѣ сестренки въ заштопанныхъ коричневыхъ платьяхъ могутъ бѣгать въ гимназію. Жаль, правда, бываетъ смотрѣть на такую нищету, которую приходится поддерживать въ жизни тяжелымъ, отвѣтственнымъ и неустаннымъ трудомъ; вспоминаются оклады и получки любого акцизнаго дѣятеля или хотя бы казеннаго цѣловальника... но воспоминаній здѣсь, очевидно, не нужно, и я попросту возвращаюсь къ своимъ впечатлѣніямъ... Маленькій самоваръ кипитъ на столѣ и наполняетъ паромъ маленькую комнату. Я только что заполнилъ въ своихъ «свѣдѣніяхъ» спеціальныя графы всевозможныхъ недочетовъ, и теперь, сидя за самоваромъ, мы благодушествуемъ. Но разговоръ упорно вертится все около одной и той же темы—училищной. Видно, правду говоритъ пословица: что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ.

— Вотъ вы удивляетесь,—говоритъ мнѣ учительница,—что въ вашемъ участкѣ одну школу овцы съѣли. А между тѣмъ что же тутъ удивительнаго, что онѣ гложутъ съ голоду полусгнившее, мохомъ поросшее зданіе? Дѣло не въ этомъ. Какъ мужики ни крѣпятся, а все-таки они либо новую школу построятъ, либо эту какъ-нибудь за-ново ухитрятся отдѣлать. Безъ школы обойтись ужъ не могутъ; не даромъ же у насъ въ каждой глухой деревушкѣ непремѣнно сидитъ вольнонаемный учитель. Сидитъ себѣ солдатикъ и за полтинникъ съ персоны или за полтора пуда муки дѣйствуетъ понемногу. Значитъ—необходимо. А меня гораздо болѣе удивляетъ, что и въ нашей-то школѣ иной разъ можетъ прорваться совсѣмъ нестерпимый курьезъ. Да вотъ вамъ: изъ сосѣдняго уѣзда недавно мою подругу училищный сторожъ прогналъ.

— Но позвольте,—интересуюсь я,—какимъ же это образомъ? Что же это за начальство такое—сторожъ?

— То-то вотъ и есть,—продолжаетъ моя собесѣдница.—Начальство. Вы вотъ, разумѣется, наши обязанности доподлинно знаете, а позвольте васъ спросить о нашихъ правахъ. Что же мы, въ самомъ дѣлѣ, такое? Маленькіе работники, ничего больше, но вѣдь и маленькимъ работникамъ надо же имѣть настоящія, маленькія права, коли есть... большія обязанности! Вотъ и шли дѣла у моей подруги, пока не попался пьяница сторожъ. А тутъ ужъ и пошло, и пошло. Билась она съ нимъ, билась, наконецъ, волостному правленію пожаловалась. Зовутъ поэтому сторожа на сельскій сходъ и говорятъ ему: тебя, пьяницу, надо либо отъ училища уволить, либо съ тебя, «для страху», спить ведро водки. Вотъ вы и представьте себѣ, какъ онъ послѣ этого ведра водки началъ съ моею пріятельницей обращаться. Прежде всего лишилъ онъ ее чаю: не стану, говоритъ, тебѣ воды на самовары таскать, ябедница! А вскорѣ послѣ этого пересталъ отоплять ея помѣщеніе. Ну, стала было она сгоряча сама себѣ топливо промышлять, но, однако, не выдержала,—опять пошла жалоба, на этотъ разъ уже «земскому». Пошло, разумѣется, производство: «вслѣдствіе донесенія предписываю», «вслѣдствіе предписанія имѣю честь» и прочее, все по порядку. А тутъ, какъ на грѣхъ, холода завернули. Производство идетъ, а учительница кутается, по знакомымъ бабамъ платки достаетъ и на себя ихъ навертываетъ. Дошло до того, что, наконецъ, и разобрать невозможно—не то человѣкъ, не то куча тряпокъ. Такъ она и ко мнѣ прикатила. Заперла свою школу, ключъ старшинѣ отдала и ко мнѣ, прямо сюда вотъ, на печку.

— Но, вѣдь согласитесь,—говорю я,—что это простое и очень ужъ явное злоупотребленіе.

— Разумѣется, злоупотребленіе,—соглашается моя собесѣдница.—Только мнѣ думается, что не такъ уже оно просто, какъ кажется. Надо, чтобы не только сторожъ, но и чтобы все то, что даетъ тонъ окружающей жизни, относилось для этого къ человѣку почти что съ пренебреженіемъ. Развѣ въ какомъ угодно учрежденіи, кромѣ училища, можетъ кого-нибудь... выгнать сторожъ?

— Да, все-таки это довольно трудно предположить,—говорю я.

— Ну, вотъ видите! Не правда ли, трудно?—радуется моя собесѣдница.— И знаете, дѣло все-таки не въ курьезахъ, которые встрѣчаются не каждый же день. Дѣло въ нашемъ ужасномъ оди-

ночествѣ. А вѣдь у большинства изъ насъ еще на школьной скамьѣ были дорогіе намъ идеалы. Безъ нихъ невозможно было бы и работать. И не оттого ли у многихъ изъ насъ, затерянныхъ въ захолустьяхъ, такъ скоро иногда опускаются руки, что, какъ бы это сказать,—словно никому мы изъ нашихъ интеллигентныхъ собратій не нужны?

Столько искренняго горя звучитъ въ словахъ моей собесѣдницы, что я положительно боюсь за свои нервы. И даже черезъ часъ, уходя на ночлегъ въ сопровожденіи бабы, нанятой для себя учительницей, я все еще чувствую себя нѣсколько нервнымъ. Поэтому, вѣроятно, я ускоряю шаги, думая все время о маленькихъ работникахъ,— и тѣхъ, которые неисчислимыми тысячами осаждаютъ эти убогія училища, стремясь къ свѣту и знанію, и о тѣхъ, на чью долю выпадаетъ служить имъ *).

— Держись, родимый, за мой полушубокъ,—говоритъ мнѣ сопровождающая меня баба,—а то перовенъ часъ—въ колодезь какой угодишь!

И, увязая въ сугробахъ, я двигаюсь къ волостному правленію.

Викторъ Липягинъ.

---

*) Вспоминались слова Д. П. Тихомирова изъ одного отчета о педагогическихъ курсахъ: „При всей скудности школьной обстановки, при всѣхъ препятствіяхъ къ выполненію обязанности, учитель, все-таки, всегда найдетъ возможность посѣять добрыя сѣмена для будущаго. А еслибы не это, такъ и жить учителю было бы нельзя“.

УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ.

I.

— Послушайте... Титовъ!... Онъ ничего не слышитъ... Алексѣй Алексѣевичъ!

— Что вамъ угодно, Наталья Сергѣевна?

— A la bonne heure! Наконецъ, вы услыхали... Идите же скорѣй; ахъ, Боже мой, вотъ тюлень!... Сюда, сюда, къ окну!... Глядите... Станьте ближе. Видите?

— Рѣшительно ничего не вижу.

— Да что же это такое?! Какъ вы не видите?... Вонъ этотъ молодой человѣкъ... у подъѣзда?

— Ну да, вижу, что же дальше?

— Какой вы скучный! Ничего. Я просто хотѣла знать, кто это. Вы не знаете?

— Не знаю.

— «Не знаю!»—передразнила его Наталья Сергѣевна.—Вы никогда ничего не знаете. Мой Николай Ивановичъ всегда говоритъ: «этотъ Титовъ вѣчно ничего не знаетъ».

— А, онъ говоритъ это?

Наталья Сергѣевна засмѣялась.

— Ну да. А вы ужъ испугались?

— Ничуть,—смущенно отвѣтилъ Титовъ.

— Конечно, испугались. Да какъ же вамъ не испугаться? Губернаторъ даетъ вдругъ такую аттестацію своему старшему чиновнику особыхъ порученій... Но вы, милый, не бойтесь: губернаторша за васъ. И хотя вы очень неповоротливый и гордый человѣкъ...

— Гордый?—переспросилъ онъ.—Но почему?

— Какъ будто я не вижу? Вы всегда съ недовольною миной исполняете мои petites commissions de rien du tout... Ça vous cho-

que... Вы боитесь, чтобы васъ не заподозрили въ угодничествѣ... въ заискиваньи передъ женой вашего начальника... Потомъ, вы никогда не откликаетесь, когда я васъ зову по фамиліи...

Титовъ чуть-чуть покраснѣлъ.

— Вотъ видите, вы вспыхнули,—я была права! Но увѣряю васъ, это совсѣмъ не изъ невѣжливости. Это удобнѣе: «Титовъ»—tout court. А то это такъ длинно: Алексѣй Алексѣевичъ.

— Александровичъ.

— Ah, pardon! Пари держу, вы обидѣлись.

— Нисколько.

— Vrai?

— Право, нѣтъ; я только...

— Что «только»? Ne vous gênez-pas. Договаривайте.

— Я только удивляюсь, какъ, зная меня больше года, вы не можете запомнить моего имени.

— Это—mon faible... Я вѣчно перепутываю имена и фамиліи.

— Однако я твердо знаю ваше имя.

Она опять засмѣялась.

— Немудрено. Во-первыхъ, это входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей. Хорошо было бы, еслибъ вы не знали имени вашей «губернаторши»—le vilain mot!

— А во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ... что̀ во-вторыхъ? Да!—вспомнила она,—во вторыхъ, я у васъ одна, а мнѣ приходится запоминать имена многихъ. И въ особенности дамъ! Ахъ, эти дамы,—ихъ не назовешь по фамиліи. Обидятся.

— Конечно, обидятся.

— «Конечно». Но почему же такъ необходимо обижаться, когда человѣка называютъ по его фамиліи? Это у насъ все такъ длинно и такъ скучно.

— Держу пари, что вы сейчасъ заговорите о «заграницѣ». «У насъ за границей»...

— Смѣйтесь, смѣйтесь... Ахъ, —вдругъ горячо заговорила она,—вы не повѣрите, какъ я стосковалась въ этой вашей хваленой провинціи! Здѣсь можно умереть отъ скуки! А я принуждена здѣсь сидѣть... вотъ второй уже годъ. И еще, можетъ быть, долго придется. Мой Николай Ивановичъ и слышать не хочетъ ни объ отставкѣ, ни о хлопотахъ о переводѣ или перемѣщеніи. У этихъ чиновниковъ своя амбиція.

Она зѣвнула и замолчала.

Вошедшій лакей доложилъ:

— Аполлонъ Викторовичъ Маржецкій.

— Маржецкій?—удивилась она.

— Ахъ, Маржецкій!—вскрикнулъ Титовъ.

— Кто это? Вы его знаете?—спросила Наталья Сергѣевна.

— Ну да,—быстро отвѣтилъ Титовъ,—это новый чиновникъ особыхъ порученій.

— Ахъ, вотъ кто! Просите,—сказала она лакею.

Въ гостиную вошелъ молодой человѣкъ въ форменномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Наталья Сергѣевна встала ему навстрѣчу, сдѣлала два шага и протянула руку, которую тотъ почтительно пожалъ.

— Мы васъ давно ждали,—начала она,—Николай Ивановичъ начиналъ даже сердиться и, по своему обыкновенію, ворчалъ: «ужъ эти мнѣ петербургскіе! Не могутъ разстаться съ своимъ гнилымъ болотомъ». Вы знаете, онъ питаетъ органическую ненависть къ Петербургу... Pardon, я васъ забыла познакомить.

Она представила другъ другу своихъ гостей. Называя по имени и отчеству Титова, она запнулась, но, благополучно выйдя изъ затрудненія, продолжала:

— Это въ нѣкоторомъ родѣ—ваше начальство. Онъ—старшій чиновникъ, вы—младшій. Онъ—alter ego Николая Ивановича. Вы же, вѣрно, будете разъѣзжать по нашимъ дебрямъ...

Маржецкій неопредѣленно улыбнулся, не зная еще, какъ держать себя съ этими новыми для него людьми.

— Это—тотъ молодой человѣкъ,—шепнула Наталья Сергѣевна Титову.

Тотъ не понялъ.

— Какой молодой человѣкъ?—такъ же спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! Le jeune homme du dehor... У подъѣзда, о которомъ я у васъ спрашивала.

— А-а!—наконецъ, догадался тотъ.

— Мы только что о васъ говорили,—обратилась она къ Маржецкому,—я васъ видѣла изъ окна и спрашивала у Тит... у Алексѣя Алексѣевича.

— Александровича.

— Pardon, Александровича... Ну, что, какъ вамъ понравился нашъ городишко? Вы, конечно, первый разъ въ провинціи? Отчего вы ничего не говорите?

Маржецкій чуть замѣтно двинулъ плечомъ и опять неопредѣленно улыбнулся. Ему не нравился тонъ губернаторши. Титовъ заступился.

— Но вы ему не даете слова сказать,—засмѣялся онъ.—Ему некогда было отвѣчать вамъ.

— Я только что собирался сказать, что мнѣ вашъ или, вѣрнѣе, теперь уже *нашъ* городъ очень понравился. Одна уже цѣпь этихъ величавыхъ горъ, у подножья которыхъ раскинулся городъ. Эти серебряныя ризы вѣчнаго снѣга, блистающія подъ этимъ весеннимъ небомъ... да это прелесть... И я пріѣхалъ сюда въ счастливую пору—расцвѣтъ весны, да еще какой весны!.,.

Титовъ внимательно прислушался къ словамъ Маржецкаго. Что-то скользнуло по его лицу въ короткой, быстро подавленной улыбкѣ. Онъ всталъ, взялъ шляпу и, поклонившись хозяйкѣ дома, сказалъ:

— Позвольте мнѣ васъ покинуть. Мнѣ надо домой. Вы побываете у меня?—обратился онъ къ вновь пріѣзжему.

— Если позволите, сегодня же вечеромъ.

— Пожалуйста. Визитовъ никакихъ не надо. Будемъ просто товарищами, хотите?

Маржецкій преувеличенно засіялъ и съ необыкновенной горячностью пожалъ ему руку.

— Вы развѣ сегодня не обѣдаете у насъ?—спросила Наталья Сергѣевна, дѣлая съ Титовымъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не могу... У насъ сегодня пикникъ.

— Ахъ, вотъ какъ! Это то, что здѣсь называется «маёвкой»?

— Именно.

— Счастливчикъ,—вздохнула она,—отчего меня никогда не пригласятъ на такую пирушку? Гдѣ вы кутите?

— «Кутите»—не подходящее слово. Мы просто съѣдимъ шашлыкъ и запьемъ его кахетинскимъ. Мы ѣдемъ въ «Урочище».

Титовъ нагнулся къ ней ближе и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Ну, какъ *онъ* вамъ нравится?

— Mais...—оторопѣла она,—c'est un poète! Какъ хорошо говоритъ...

— И какъ гладко... говоритъ, какъ пишетъ, — ироническ[и] добавилъ Титовъ.

— Злой, злой... я всегда это говорила.

Онъ опять поклонился и исчезъ за массивной шелковой портье[рой] ярко-желтаго цвѣта.

Пока они разговаривали вполголоса у дверей, Маржецкій, по[ложивъ] шляпу на низенькій пуфъ, всталъ съ кресла и подошел[ъ]

къ стѣнѣ, на которой висѣла большая картина, почернѣвшая отъ времени. Живопись его, повидимому, не очень интересовала, потому что онъ искоса оглядывалъ стройную фигуру Натальи Сергѣевны.

«Elle est très bien, — подумалъ онъ по-французски, тщетно стараясь вслушаться въ то, что они, очевидно, про него говорили.— Нельзя сказать, чтобы здѣсь очень стѣснялись» —опять промелькнуло у него въ умѣ; но онъ, надѣвъ на носъ золотое pince-nez, тотчасъ же такъ увлекся картиной, что не замѣтилъ, какъ хозяйка вернулась на свое мѣсто.

— Вы любите живопись?—спросила она его.

— Ah, pardon!—вдругъ, отрываясь отъ созерцанія, проговорилъ онъ.—Очень. Я, вообще, люблю искусства.

— Какъ и природу, которую вы, повидимому, тоже любите.

— О да, конечно,—проговорилъ онъ и замолчалъ.

Чтобы прервать неловко наступившую паузу, Наталья Сергѣевна сказала:

— Итакъ, наша «пламенная Колхида» вамъ нравится?

— А,—засмѣялся онъ, — вы называете Кавказъ пламенной Колхидой... Да, судя по первому впечатлѣнію, —продолжалъ онъ,— ваша Колхида мнѣ нравится. «Столпообразныя руины», «звонкобѣгущіе ручьи» и взоръ «грузинки молодой».

— Déjà?—засмѣялась она,—вы уже успѣли замѣтить взоръ грузинки молодой?

Онъ тоже засмѣялся и продолжалъ:

— Passez moi le mot; это просто—façon de parler. Вы знаете, Кавказъ такъ воспѣтъ, что мы, сѣверные жители, рисуемъ его себѣ немножко иначе, чѣмъ онъ существуетъ въ дѣйствительности... Онъ представляется намъ волшебнымъ краемъ съ ярко-синимъ небомъ, съ великанами горъ, съ дикими людьми, словомъ, страной величественной и потрясающей... Когда поѣздъ уходилъ изъ Ростова, я, несмотря на знаніе географіи, представлялъ себѣ, что вотъ-вотъ буду ѣхать среди горъ, ждалъ туннелей... Я все высовывался изъ окна. Мнѣ говорили, что хребетъ виденъ далеко, а его все не было. Я спрашивалъ: гдѣ же горы? Одинъ армянинъ даже разсердился. «Какой тебэ горы нужны? Прыѣдэшь—увидэшь,—ва!»

Наталья Сергѣевна засмѣялась.

— Вы, конечно, ожидали увидѣть городъ съ саклями, покрытыми плоскими крышами...

— Да, да,—весело продолжалъ онъ,—и я думалъ, что меня

подвезутъ на арбѣ, запряженной буйволами, къ саклѣ, которая будетъ называться духаномъ, и что духанъ значитъ—гостиница.

— И вмѣсто всего этого—о, ужасъ!—вы въ губернаторскомъ домѣ и, вмѣсто грузинки молодой, съ вами говоритъ une femme de Balzac.

— О!...—протестовалъ онъ.

— Пожалуйста, не говорите «о!» Я вѣдь никогда не рисуюсь—прошу это замѣтить на будущее время. Я человѣкъ простой. Я хорошій товарищъ, и менѣе всего женщина, требующая комплиментовъ и услугъ. Обо мнѣ никто никогда не заботится и не говоритъ мнѣ комплиментовъ. Это уже такъ принято. Но, revenons à nos moutons. Вы когда пріѣхали? Вчера?

— Вчера.

— Не правда ли, вчерашняя погода вамъ напомнила петербургскую?

— Да, да,—оживленно воскликнулъ Маржецкій,—погода была печальная: мелкій, пронизывающій дождь, настоящій петербургскій дождь. Тучи сѣрыя и низкія бродили по небу—и я чуть не расплакался, право! Говорятъ, хорошо, когда на новомъ мѣстѣ идетъ дождь.

Наталья Сергѣевна улыбнулась.

— Для кого хорошо? Для новаго мѣста или для того, кто пріѣхалъ?

— Для того, кто пріѣхалъ.

— Не знаю. Я въ примѣты не вѣрю.—Она помолчала, какъ будто припоминая что-то, потомъ спросила его:—вы уже являлись Николаю Ивановичу?

Маржецкій спросилъ самъ себя: «кто это Николай Ивановичъ?» и потомъ, вспомнивъ, быстро отвѣтилъ:

— Какъ же! У него былъ правитель канцеляріи съ докладомъ, и онъ почти со мной не разговаривалъ. Выслушавъ мое представленіе, онъ сказалъ: «пройдите къ женѣ, я скоро освобожусь», и, вотъ, я направился къ вамъ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе. Наталья Сергѣевна незамѣтно наблюдала гостя. Общій выводъ, который получился отъ этого наблюденія, выразился въ промелькнувшей въ ея сознаніи фразѣ: «Какой онъ красивый и изящный». Она опять заговорила:

— Я чувствую, что вамъ хочется о чемъ-то меня спросить. Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Меня можно спрашивать о чемъ угодно и говорить со мной о чемъ вздумается.

Онъ вздохнулъ.

— Ахъ, мнѣ о многомъ хотѣлось бы спросить васъ!

— Напримѣръ?

— Напримѣръ: каковъ вашъ мужъ, какъ начальникъ?

— Николай Ивановичъ?— она замялась, но, вскорѣ оправившись отъ смущенія, отвѣтила:—Какъ бы вамъ сказать правдивѣе? Очень естественно, что васъ этотъ вопросъ интересуетъ. Онъ очень хорошій начальникъ... Вы улыбаетесь? Нѣтъ, право, я говорю не какъ жена, а искренно. Онъ немножко педантъ, весь поглощенъ службой до такой степени, что частной, семейной жизни почти не признаетъ и меня, свою жену... почти не замѣчаетъ.

Она весело засмѣялась, но Маржецкому послышалась въ этомъ преувеличенно-веселомъ смѣхѣ нѣкоторая горечь и неискренность. «Ну, да,—подумалъ онъ,—старая исторія. Пушкинская Татьяна—«Я здѣсь одна, меня никто не понимаетъ и молча гибнуть я должна».

— Но, въ душѣ, au fond, это очень добрый и простой человѣкъ. Его никто никогда не называетъ ни «ваше превосходительство», ни «господинъ начальникъ губерніи», ни «губернаторъ», а просто—«Николай Ивановичъ». Я и сама къ этому привыкла и никогда не называю его мужемъ, а тоже Николаемъ Ивановичемъ.

Маржецкій сочувственно улыбнулся.

— А этотъ... Титовъ... что у васъ только-что былъ, онъ что за человѣкъ?

— О, это прекрасный человѣкъ, душа-человѣкъ. Un peu trop provincial peut-être... но чудный, хорошій, славный. Я его очень люблю,—это другъ и преданный другъ...

«Ужъ нѣтъ ли у нихъ чего?» — подумалъ Маржецкій, и Наталья Сергѣевна чутко догадалась объ этой промелькнувшей у него мысли.

— Я вижу, вы сейчасъ подумали des vilaineries... Ахъ, ужъ эти мнѣ столичные испорченные jusqu'au bout des ongles люди... Нѣтъ, нѣтъ, не оправдывайтесь. Серьезно, Титовъ—превосходный человѣкъ. Онъ родился на Кавказѣ, и даже въ этомъ самомъ городѣ, воспитывался здѣсь, на службу поступилъ здѣсь же, никогда, никуда ни на одну недѣлю не выѣзжалъ изъ города, если не считать командировокъ по дѣламъ службы въ окрестныя селенья и аулы. Вотъ почему онъ немного отсталъ и многое ему кажется дикимъ... Однако, что же не идетъ Николай Ивановичъ? Я боюсь, что вы соскучитесь сомной...

Она не дала ему времени отвѣтить, встала, подошла къ большому зеркальному окну и посмотрѣла на широкую, хорошо усы-

панную желтымъ пескомъ садовую аллею, которая полукругомъ заворачивала къ подъѣзду губернаторскаго дома.

— Я васъ поздравляю! — весело сказала она Маржецкому,— Николай Ивановичъ о васъ забылъ. Подойдите сюда; смотрите, ему подали коляску, и онъ уѣзжаетъ... что сегодня? Ахъ, да, это актъ въ женской гимназіи. Это не будетъ долго. Ну, что дѣлать, придется вамъ его ждать.

— Я очень радъ...— началъ было Маржецкій, но при всей своей привычкѣ ни передъ кѣмъ не смущаться, не нашелъ подходящихъ словъ для продолженія и замолчалъ.

— Чему?—засмѣялась она,—что его приходится ждать?

— Тому, что мнѣ удастся провести лишній часъ въ пріятномъ обществѣ...

— Merci,—поспѣшила она прервать его довольно сухо.—Вы никакъ не можете отдѣлаться отъ привычки débiter des banalités, то-есть вы петербуржцы—изломанные люди...

— Въ свою очередь я говорю вамъ—merci.

— Что дѣлать—recevez ce petit rien.

— Но развѣ вы—провинціалка?—рискнулъ онъ.—Вы развѣ не изъ Петербурга?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Я—москвичка. И въ этомъ все дѣло.

— То-есть въ чемъ же дѣло?

— Мы, московскіе, проще, лучше, прямѣе, не изломанные. Мы иногда рѣзки,— вы это называете грубостью,— но за то мы никогда не держимъ камня за пазухой или готоваго комплимента на случай. Или, лучше, на всѣ случаи жизни. Это—скучно. Если у насъ есть что сказать—мы говоримъ, если нѣтъ—молчимъ. Если мнѣ что не нравится, я говорю прямо, а не стану тянуть кислую канитель вокругъ да около. Вотъ васъ отъ этихъ даже словъ подергиваетъ. Вы привыкли выражаться «корректно»—глупое слово! А я, если люблю—такъ люблю, коли не люблю, такъ и не скрываю этого.

— «Коль любить такъ безъ разсудку... коль грозить такъ не на шутку!...»—продекламировалъ Маржецкій.

— Именно, именно,— обрадовалась она.— Это по-московски.

— А по-петербургски? — спросилъ онъ.

Наталья Сергѣевна призадумалась, и потомъ вдругъ, растягивая слова, очевидно подражая «петербургской манерѣ», проговорила:

— А по-петербургски: «люблю отчизну я, но *странною* любовью... не побѣдитъ ея разсудокъ мой». Любовь—и сейчасъ раз-

судокъ. А тамъ—наоборотъ: коль любовь, такъ ужъ безъ разсудку. У васъ—рефлексія, у насъ—широкая русская душа... Я вижу, вы морщитесь. Вамъ не нравятся слова «широкая русская душа». Правда?

— Какъ вамъ сказать? «Не нравятся»—c'est trop dit. Но все, что широко, то расплывчато и очень неопредѣленно. Нѣтъ гарантій, что ли; а тамъ, гдѣ нѣтъ разсудка, тамъ, вѣдь, близко и къ помѣшательству.

— О, узкая петербургская душа!—воскликнула она.—Душа, воспитанная въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, взлелѣянная петербургскими туманами и проникшаяся эгоизмомъ и сухостью петербургскаго общества...

— Merci, merci... merci,—повторялъ онъ за каждой ея фразой, слегка кланяясь.

— На здоровье, на здоровье... И однако,—продолжала она,—вы покинули ваши туманныя финскія скалы и поплыли къ берегамъ нашей пламенной Колхиды... зачѣмъ? Искать свѣта и тепла? Солнца и вѣчной весны?

— Совсѣмъ нѣтъ,—разсмѣялся онъ,—только службы...

— И связанныхъ съ нею крестовъ, чиновъ и окладовъ?—довольно рѣзко прибавила она.

— Гм... пожалуй! Отчего нѣтъ?—отвѣтилъ онъ и тотчасъ подумалъ: «Ужъ не выпытываетъ ли она, чтобы передать мужу?»

Однако она и на этотъ разъ проникла въ его думы.

— Съ вами, петербургскими чиновниками, трудно... и непріятно говорить. Вы все настораживаетесь и вездѣ боитесь предательства. Вы уже думаете, не съ коварными ли цѣлями я хочу узнать отъ васъ то или другое. Это—скучно.

Онъ вдругъ ей замѣтилъ:

— Вы, кажется, очень любите слово «скучно» и произносите его чисто по-московски—«скушно».

— Вамъ это не нравится?

«Что за странный вопросъ»,—подумалъ онъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, отчего же...

— Итакъ, вы бросили Петербургъ; на это не многіе способны. Что ни говори, а жизнь въ провинціи—не сладкая жизнь. Рѣдко кто идетъ сюда добровольно.

— Ужъ не думаете ли вы, что меня выслали?...—засмѣялся онъ.

Она улыбнулась его шуткѣ.

— Нѣтъ, не думаю. Вы оставили тамъ кого-нибудь близкихъ?

Нѣтъ? Ну, тогда другое дѣло. Значитъ, вы человѣкъ одинокій, а одинокому вездѣ хорошо. Вы, стало-быть, не женаты?

— Нѣтъ. Ручаюсь, что слѣдующимъ вашимъ вопросомъ будетъ: «и никого не любите?»

— Да, я хотѣла спросить и объ этомъ.

Онъ ничего не сказалъ.

— Итакъ?...—спросила она его опять.—Вы любите?

— Считайте, что да.

— Какая она? Блондинка? Брюнетка? Молода, красива, изящна?...

— Напрасные вопросы,— отвѣтилъ Маржецкій,— всякій куликъ свое болото хвалитъ.

Наталья Сергѣевна поморщилась.

— Какое непоэтическое сравненіе!—сказала она.—Любимую женщину сравнивать съ болотомъ.

— Непоэтичное—согласенъ, но за то вѣрное.

— Какъ это?

— Конечно, любимая женщина—болото. Она засасываетъ насъ какъ болото. Сначала идешь къ этому манящему своей таинственностью и новизною болоту по твердой землѣ; чувствуешь подъ ногами почву, ничего не боишься, потому что знаешь, что въ каждую желанную минуту можешь вернуться назадъ. Потомъ увлекаешься открывающимися перспективами, заманчивою и туманною далью; не замѣчаешь, какъ почва становится все мягче и зыбче, все ненадежнѣе, все болѣе и болѣе колеблющеюся. Въ концѣ-концовъ утопаешь, хочется отдохнуть, вернуться назадъ... Крахъ! Поздно! Одну ногу вытащишь, другая завязла,—болото тебя засосало. Борьба напрасна, ни къ чему она не приведетъ; чѣмъ больше борешься, тѣмъ болѣе теряешь подъ ногами почву, и вотъ, ужъ не ты владѣешь болотомъ, а оно тобою... Что вы на меня смотрите?

Наталья Сергѣевна смутилась.

— Нѣтъ, ничего...—начала она,—а впрочемъ... Я смотрѣла на ваши глаза. Какіе они сдѣлались холодные, стальные какіе-то. И какъ жестки ваши слова. Мнѣ жаль женщину, которая полюбила васъ.

Онъ промолчалъ, слегка поклонившись ей иронически. Она не замѣтила ни этого поклона, ни этой ироніи.

— Теперь я понимаю. Ваша связь укрѣпилась; положеніе, вѣроятно, стало неловкимъ, и вы должны были скрыться изъ Петербурга... И напрасно; въ Петербургѣ легче смотрятъ на эти вещи; въ провинціи—куда строже. Да тамъ есть гдѣ найти развлеченіе

помимо общества—театры, вечера въ собраніяхъ, концерты, выставки... Здѣсь ничего этого нѣтъ. Здѣсь скучно жить,—ахъ, какъ скучно,—видите, я стараюсь выговаривать по-вашему, по-петербургски... на букву «ч». Тамъ на улицу выйдешь—все-таки развлечешься, а здѣсь... Но если вы человѣкъ свободный, ничѣмъ не связанный, почему вы не женитесь?

— Я ждалъ и этого вопроса,—сказалъ Маржецкій немного покраснѣвъ.—И... и еслибы вы знали, сколько уже разъ мнѣ предлагали этотъ вопросъ.

— И вы на него отвѣчали?...

— Что все еще никакъ не могу рѣшиться на этотъ шагъ. Это значило бы съ головой погрузиться въ болото и... и никогда уже не выйти оттуда на свѣтъ Божій. Брр... Страшно.

Наталья Сергѣевна покачала головой.

— Вы человѣкъ безъ сердца... и вы не уважаете эту женщину.

— Въ первый разъ вижу такую губернаторшу,—мягко произнесъ онъ, очевидно желая замять разговоръ.

Она при этихъ словахъ насупилась. Сдвинутыя брови удивительно не шли къ ней,—она сразу дѣлалась старше лѣтъ на пять.

— Я терпѣть не могу этого слова,—серьезно замѣтила она.—Я прежде всего человѣкъ, потомъ женщина, потомъ жена губернатора. Но «губернаторша»... такого слова нѣтъ, какъ нѣтъ слова «генеральша» или «чиновница особыхъ порученій».

— Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть...

— Да я и не обижаюсь вовсе, — уже весело сказала она, вдругъ помолодѣвъ и засмѣявшись. Когда она смѣялась, глаза ея принимали форму щелокъ, и у наружныхъ угловъ вѣкъ собиралось много мелкихъ морщинокъ, что очень шло къ ней. Быть-можетъ, оттого она такъ часто смѣялась.

За окномъ послышался шорохъ колесъ о песокъ аллеи.

— А, это возвращается Николай Ивановичъ, — сказала Наталья Сергѣевна, выглянувъ въ окно. — Я вамъ говорила, онъ скоро вернется.

Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошелъ губернаторъ, еще не старый, очень красивый мужчина.

— Здравствуй, Ната,—сказалъ онъ женѣ,—мы еще съ тобой не видались сегодня,—и тотчасъ же, не обращая на жену ни малѣйшаго вниманія, обратился къ Маржецкому: — Ну, что? Поскучали немножко... что?

— Ничего, ваше превосходительство, напротивъ, я...

— Зовите меня, пожалуйста, Николаемъ Ивановичемъ.

— Слушаю, Николай Ивановичъ... Я провелъ очень пріятно время.

— Ну, не думаю, —разсмѣялся онъ, —жена моя не изъ разговорчивыхъ, что?

— Я ничего не говорю, ваше превосходительство...

— Николай Ивановичъ...

— Николай Ивановичъ... Мы все время разговаривали съ Натальей Сергѣевной...

Но губернаторъ уже не слушалъ его. Вообще онъ производилъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе, какъ будто онъ непрерывно былъ занятъ соображеніями высшаго порядка, а разговариваетъ только по необходимости.

Онъ вскорѣ увелъ Маржецкаго къ себѣ въ кабинетъ, и Наталья Сергѣевна осталась одна. Она взглянула на часы, стоявшіе на каминѣ, и «ахнула».

— Около часа я болтала съ нимъ!... И даже не замѣтила, какъ прошло время. И... и скучно не было!...

Она улыбнулась, и невольно та же мысль, которая мелькнула ей, когда она изъ окна въ первый разъ увидѣла Маржецкаго, явилась снова: «какой онъ красивый и изящный»... только къ этимъ двумъ опредѣленіямъ прибавилось новое: «и какой безсердечный человѣкъ».

II.

Маржецкій, узнавъ у губернаторскаго курьера адресъ Титова, направился, около пяти часовъ вечера, къ нему. Губернаторъ съ новымъ чиновникомъ разговаривалъ долго, удержалъ завтракать и еле согласился отпустить безъ обѣда. Кажется, оба другъ другу понравились.

Титова онъ не засталъ дома, но Маржецкому передали его записку.

«Простите, Аполлонъ Викторовичъ, — писалъ Титовъ, — что просилъ васъ пріѣхать ко мнѣ сегодня, я совершенно забылъ, что у насъ пикникъ. Будьте добры, не откажите намъ въ любезности— присоединиться къ нашему маленькому празднику и пріѣхать въ «Урочище». Кстати, вы разомъ познакомитесь съ нашимъ обществомъ. Заранѣе понадѣявшись, что вы не откажете въ этой просьбѣ, я велѣлъ кучеру Гурьяну ждать васъ и отвезти къ мѣсту назначенія. Вашъ Титовъ.»

«Пишетъ какъ канцелярскій чиновникъ, — подумалъ Маржец-

кій,—и на какой бумагѣ! Должно быть, оторвалъ чистую страницу отъ какого-нибудь отношенія или предписанія. «Отвезти къ мѣсту назначенія!» Воображаю ихъ «пикникъ»...

Тѣмъ не менѣе, отыскавъ во дворѣ кучера Гурьяна, исполнявшаго въ городѣ роль петербургскаго лихача, Маржецкій покорно сѣлъ въ фаэтонъ и велѣлъ себя везти предварительно въ гостиницу, чтобы снять форменный фракъ и переодѣться въ болѣе легкій костюмъ.

Прежде чѣмъ войти къ себѣ, онъ постучалъ въ дверь сосѣдняго номера и прислушался,—отвѣта не получилось.

«Вѣрно, ушла или спитъ»,—подумалъ онъ и облегченно вздохнулъ.

Наскоро переодѣвшись и умывшись, онъ быстро сбѣжалъ внизъ и, сѣвъ въ фаэтонъ, покатилъ по отличному шоссе за городъ.

Маржецкій залюбовался окружавшею его природой. Онъ никогда не видѣлъ неба такого густого синяго цвѣта, никогда еще не видѣлъ такихъ громадныхъ горъ, высившихся прямо передъ нимъ нескончаемою цѣпью, какъ будто ширмой, отдѣлявшею небольшой городокъ отъ остального міра. Горы были близки, но казались далекими отъ туманной дымки, опустившейся передъ ними, какъ газовый занавѣсъ въ театрѣ, за которымъ приготовляется новая декорація. За этой прозрачной дымкой вырисовывались такъ называемыя «черныя горы»,—невысокіе холмы, покрытые чернолѣсьемъ темно-зеленаго цвѣта, а за ними главный хребетъ — внизу свѣтло-голубоватаго цвѣта, выше—розовато-фіолетоваго, вверху—почти темно-краснаго. Самыя верхушки горъ были покрыты ризой серебра нетающихъ снѣговъ.

— Какая красота!—невольно прошепталъ очарованный Маржецкій.

Около него, гдѣ-то очень близко, послышался глухой шумъ; Маржецкій оторвался отъ созерцанія и оглядѣлся. Фаэтонъ ѣхалъ теперь по мосту. Подъ нимъ бурлила мутная, желтовато-бурая рѣка, вырывавшаяся изъ горнаго ущелья, усыпаннаго огромными, когда-то оторвавшимися отъ горъ, камнями-осколками; кое-гдѣ эта долина была какъ будто искусственно усажена тѣми столпообразными руинами, о которыхъ Маржецкій, еще ни разу не видя ихъ, декламировалъ передъ губернаторшей.

Онъ оглянулся назадъ. Городъ съ его невысокими домами, съ красными черепичными крышами, утопавшій въ ярко-зеленыхъ садахъ, остался далеко позади. Теперь нельзя уже было различить

отдѣльныхъ зданій, и только губернаторскій домъ, выстроенный въ стилѣ стараго замка, одиноко высился на невысокомъ холмѣ.

При взглядѣ на этотъ домъ Маржецкому вспомнилась Наталья Сергѣевна, и онъ улыбнулся.

— Я никогда не представлялъ себѣ губернаторшу въ такомъ видѣ—bonne enfant et simple,—проговорилъ онъ.

— Чего изволите?—спросилъ Гурьянъ, которому показалось что Маржецкій обратился къ нему.

— Ничего...

И онъ сталъ думать «про себя».

«Положимъ, она не молода,—продолжалъ онъ разбирать губернаторшу,—но она еще очень хороша собой. Une femme de trente ans... Что-жъ? Иногда въ такихъ-то и заключается вся прелесть—прелесть женщины, отъ которой не ждешь неожиданностей и нелѣпыхъ фантазій. Только эта манера растягивать слова, говорить «скушно» и вставлять французскія фразы—это отдаетъ и Москвой, и провинціей. У нея нѣтъ настоящаго cachet. Во всякомъ случаѣ, это не femme chic. Но все-таки она очень, очень ничего себѣ».

На этомъ онъ успокоился, отвернулся отъ вида города и сталъ опять смотрѣть на горную цѣпь, изумительно быстро передъ нимъ выраставшую.

Фаэтонъ въѣхалъ уже въ самое ущелье, по дну котораго бурлила бѣшеная горная рѣка. Дорога, отлично утрамбованная, шла по самому краю откоса, защищенная отъ бездны невысокою оградой, сложенной изъ камней разной величины, не связанныхъ цементомъ. Тамъ и сямъ въ этой оградѣ продѣланы были отдушины-щели, черезъ которыя спускались внизъ перебѣгавшіе дорогу ручейки горныхъ ключей, весело журчавшихъ и вырывавшихся, въ видѣ каскадовъ, изъ горныхъ же щелей.

Скалы становились все выше и выше и все тѣснѣе сдвигались; онѣ становились все отвѣснѣе, и теперь Маржецкій видѣлъ уже по сторонамъ цѣлыя стѣны какъ бы вытесаннаго камня; иногда на нихъ попадались какія-то надписи или помѣтки, но чаще онѣ были заслонены дымомъ и копотью отъ костровъ, разводившихся у ихъ подножья отарщиками, укрывавшимися подъ ихъ сѣнью отъ непогоды со своими отарами козъ и барановъ. Кое-гдѣ виднѣлись въ этихъ отвѣсныхъ стѣнахъ-гигантахъ пещеры и полупещеры, шедшія въ видѣ коридоровъ вдоль дороги, съ закопченными стѣнами и потолками. Попадались духаны, прилѣпившіеся къ скалѣ, къ которой была придѣлана плоская крыша и стойка съ лежащими на ней чурекомъ, овечьимъ сыромъ и еще какимъ-нибудь яствомъ. Въ

черномъ отверстіи духана виднѣлся огонекъ, тускло освѣщавшій это убѣжище, напоминавшее собою обиталище циклопа Полиѳема Кавказскіе Улиссы толпились около зіяющей дыры духана, чтобы поживиться огненною влагой ракй.

Иногда черезъ дорогу пробѣгали зеленыя ящерицы и быстро-быстро исчезали въ отдушинахъ-щеляхъ ограды; нѣсколько мгновеній послѣ того Маржецкій еще видѣлъ, какъ онѣ змѣйками извивались между камнями ската и потомъ безслѣдно исчезали въ какихъ-нибудь кустикахъ. Вверху, на голубомъ фонѣ неба, рѣяли горные орлы, часто неподвижно стоящіе съ распростертыми крыльями въ воздухѣ и потомъ вдругъ стремительно спускавшіеся къ землѣ. На вершинахъ горъ красовались развалины старинныхъ башенъ, почернѣвшихъ отъ времени, а въ верхнихъ долинахъ, прилѣпленные къ высокимъ скаламъ, ютились аулы съ ихъ темными саклями и плоскими крышами; по горнымъ тропамъ спускалась иногда внизъ осетинка въ шароварахъ и длинномъ бешметѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, съ металлическимъ кувганомъ на плечѣ.

Въ воздухѣ стояло благоуханіе, и Маржецкій съ восторгомъ вдыхалъ этотъ цѣлительный воздухъ полною грудью. Попадались по дорогѣ кусты съ какими-то блѣдно-розовыми цвѣтами; пахло розой и миндалемъ; тамъ и сямъ, въ глубинѣ ущелья, виднѣлись кроваво-красные цвѣты, и ему казалось, что изъ этой бездны подымается густой запахъ къ дорогѣ, что вся эта бездна, на днѣ которой теперь уже узенькою лентой клубилась рѣка, напитана этимъ запахомъ ущельныхъ цвѣтовъ.

Этотъ запахъ, казалось, пьянилъ Маржецкаго, и чѣмъ болѣе онъ любовался окружавшей его природой, тѣмъ ему дышалось легче, тѣмъ отраднѣе становилось на душѣ. Какъ хорошо, что онъ вырвался изъ Петербурга! Конечно, ему трудно было разстаться съ веселой столицей, гдѣ у него не было близкихъ, но за то были друзья; но ужъ если непремѣнно надо было разстаться, то хорошо, что онъ выбралъ мѣстомъ службы Кавказъ, а не Тамбовъ или Пензу. И, все-таки, несмотря на обстановку, окружавшую его теперь, онъ съ нѣкоторою горечью вспомнилъ о покинутой столицѣ... Мысль его вдругъ перескочила къ запертой двери номера провинціальной гостиницы, жалкой и грязной, у котораго онъ, часъ тому назадъ, стучался и не дождался отвѣта, и онъ досадливо пожалъ плечами. Непріятное чувство прошло у него по душѣ.

«Вся карьера разбита изъ-за глупаго шага,—подумалъ онъ,—пришлось зарыться въ провинцію»,

— Что это?—громко спросилъ онъ, услышавъ какіе-то странные звуки.

— Чего это?—не понялъ его Гурьянъ, нѣсколько недовольнымъ голосомъ.

Популярный кучеръ городка дулся на своего сѣдока; онъ привыкъ къ другому къ себѣ отношенію, съ нимъ всегда шутили и балагурили, нѣкоторые его даже побаивались и у него заискивали: онъ зналъ много тайнъ городскихъ обывателей и длинная хроника свиданій, таинственныхъ поѣздокъ въ «Урочище», уединенныхъ катаній была запечатлѣна въ его памяти щедрыми «на-чаями» за хорошую ѣзду и еще болѣе щедрыми—за хорошее молчаніе. И онъ молчалъ, пока ему не платили втрое щедрѣе за то, чтобъ онъ разсказалъ; и тогда онъ разсказывалъ тайны этого мирно дремлющаго патріархальнаго провинціальнаго городка и приводилъ слушателя въ изумленіе, потому что слушателю начинало казаться, что городъ сплошь населенъ пылкими сердцами, страстными натурами, романтическими созданіями. Всякій хорошо заплатившій могъ тогда услыхать прелюбопытныя вещи и про жандармскаго полковника, казавшагося такимъ цѣломудреннымъ, и про совѣтника правленія, у котораго было семь душъ дѣтей, и про бухгалтера банка, имя котораго упоминалось рядомъ съ именемъ опереточной актрисы, на взглядъ неизощреннаго ока, не имѣвшей никакого отношенія ни къ банку, ни къ бухгалтеру. Да, что! Много исторій разсказывалъ предатель Гурьянъ, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ фигурировалъ даже самъ губернаторъ.

Въ особенности Гурьянъ любилъ разсказывать свои исторіи вновь прибывшимъ свѣжимъ людямъ, которые этимъ способомъ скорѣе всего получали возможность ознакомиться съ новымъ для нихъ обществомъ. Но Маржецкій молчалъ, не сказалъ съ Гурьяномъ ни слова, и тѣмъ лишилъ его возможности распространиться на любимую тему.

— Что это за звуки?—переспросилъ Маржецкій, вслушиваясь въ странные хриплые и гнусавые звуки, теперь все усиливавшіеся.

— Ахъ, это-то? Это —зурна. Которая, значитъ, покрикливѣе—зурна, а которая погнусавѣе—джіанури. А это, что бьетъ-то, стало быть, барабанъ.

Эти веселые и удалые звуки, смѣнявшіеся унылыми и мечтательными стонами на ритмическомъ фонѣ барабанной дроби, дѣйствовали чрезвычайно странно на Маржецкаго. Ему становилось не по себѣ, какое-то тревожное чувство овладѣло имъ, смутная тоска

заползла въ его душу. Ему захотѣлось кричать, чтобы перебить эти дикіе звуки.

— Какая гадость!—презрительно сказалъ онъ.

— Чего это?—скосивъ голову, спросилъ Гурьянъ.

— Да музыка-то ваша!—озлобленно крикнулъ Маржецкій.

— Не привыкши, — спокойно замѣтилъ кучеръ и погналъ пріутомившихся лошадей.

— Это и есть то, что вы называете «Урочищемъ»?—спросилъ Маржецкій.

— Это самое,—коротко отвѣтилъ Гурьянъ, который всей своей фигурой, тономъ своего голоса, пренебреженіемъ, проглядывавшимъ въ его медлительныхъ жестахъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «эн желалъ разговаривать когда время было, теперь самъ ничего не скажу».

На дорогѣ стояло нѣсколько арбъ; прислонившись къ скалѣ, сидѣло нѣсколько осетинъ, неподалеку кипѣлъ огромный самоваръ, еще подальше трещалъ костеръ, надъ ярко горѣвшими углями котораго, нѣсколько туземцевъ, присѣвшихъ на корточки и загнувшихъ полы своихъ черкесокъ за пояса, жарили на длинныхъ шампурахъ шашлыкъ.

Дорога дѣлала крутой поворотъ.

Маржецкій увидалъ какое-то немудреное зданіе—не то станцію не то ресторанъ, впрочемъ, нисколько не похожій на петербургскій, и немного лучше видѣннаго имъ духана. На воротахъ, ведшихъ въ садъ, расположенный надъ самымъ обрывомъ ущелья, красовалась надпись: «Не уѣзжай, голубчикъ мой!»

— Господа, стало быть, въ саду, надъ рѣкой,—замѣтилъ Гурьянъ и остановилъ лошадей.

Изъ сада неслись тѣ же крикливые и унылые звуки, прерываемые криками человѣческихъ голосовъ, взрывами хохота, смѣшаннымъ гамомъ.

Маржецкаго взяла оторопь.

— Сильно выпили, должно быть,—проговорилъ онъ,—ужъ идти ли?

И вдругъ онъ услыхалъ звуки лезгинки и хлопанье въ ладоши. Это его очень заинтересовало, и онъ рѣшительно двинулся впередъ.

Становилось уже темно, и онъ съ трудомъ различалъ предметы; темнота наступала какъ-то необыкновенно быстро, сразу, неожиданно. Онъ не привыкъ къ этому и вспомнилъ бѣлыя петербургскія ночи.

Вдали блистали огоньки, и онъ направился къ нимъ.

Его встрѣтили шумно.

— Mesdames et messieurs,—торжественно произнесъ Титовъ, вставъ съ своего мѣста,—позвольте вамъ представить—мой новый сослуживецъ...

Онъ нѣсколько затруднился, припоминая имя гостя, и тотъ помогъ ему:

— Аполлонъ Викторовичъ Маржецкій.

— Аполлонъ Викторовичъ,—продолжалъ свою рѣчь Титовъ,—съ этого дня становится членомъ нашего общества. Онъ, какъ видите, человѣкъ молодой, интеллигентный, столичный житель...

— О...—протестовалъ Маржецкій.

— Столичный житель,—проворчалъ кто-то около него,—просто—петербургскій фазанъ.

— Ему, конечно, покажется въ первое время невесело въ нашей глухой провинціи,—продолжалъ словоохотливый ораторъ, причемъ Маржецкому показалось, что Титовъ не очень твердъ на ногахъ и въ рѣчахъ. На его послѣднія слова послышался недовольный ропотъ.

Тѣмъ не менѣе Титовъ продолжалъ:

— Но, познакомившись съ нашимъ милымъ обществомъ и, въ особенности, съ нашими обольстительными дамами... да, съ нашими дамами, онъ убѣдится, что и здѣсь живутъ люди... инте... интеллигентные... Единеніе столицы съ провинціей...

— Ну, Титовъ сѣлъ на своего конька,—проворчалъ тотъ же недовольный голосъ.

Кто-то крикнулъ, перебивая Титова:

— А потому—ура! Тушъ! Тушъ!

Сазандары на своихъ странныхъ инструментахъ проиграли какой-то дикій мотивъ, и многіе запѣли нестройнымъ хоромъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ привѣтствіе. Маржецкій разслышалъ только одно слово: «мравалжаміе», но что оно означало, онъ не понялъ.

Онъ хотѣлъ отвѣчать, но нѣкоторые крикнули:

— Рѣчей не надо!

Тотъ же недовольный голосъ прошепталъ ему:

— Просто садитесь, ѣшьте и пейте.

Онъ покорно сѣлъ, поклонившись и пробормотавъ что-то, и всѣ, повидимому, точно забыли о немъ.

Общество было навеселѣ. Лица у всѣхъ были разгорячены, голоса хриплые, глаза масляные.

Слуги въ черкескахъ носили бутылки за бутылками, кахетинское вино лилось рѣкой. Онъ чувствовалъ себя неловко.

Тулумбашъ—распорядитель пирушки, облеченный съ общаго согласія властью произносить тосты—приставалъ къ Титову, требуя съ него удовлетворенія за нарушеніе его права. Это онъ долженъ былъ встрѣтить новоприбывшаго и привѣтствовать его рѣчью.

— Штрафъ, штрафъ!—кричали нѣкоторые.

Тулумбашъ, высокій полковникъ съ длиннѣйшею бородой съ просѣдью, поднесъ Титову турій рогъ, наполненный кахетинскимъ виномъ, которое тотъ долженъ былъ выпить въ наказаніе залпомъ. Титовъ выпилъ и послѣ того окончательно смолкъ.

Полковникъ присталъ къ Маржецкому, съ требованіемъ «догнать» компанію. По его счету оказалось, что выпито было шесть тостовъ, соотвѣтственно которымъ онъ долженъ будетъ выпить шесть стаканчиковъ вина.

Маржецкій испуганно улыбался, не зналъ, можно ли отказаться, и спросилъ сколько тостовъ еще не выпито? Оказалось еще около десятка. Тогда онъ на-отрѣзъ отказался. Къ нему приставали, Титовъ его защищалъ, но скоро какъ-то скисъ, махнулъ рукой и задремалъ. Наконецъ, Маржецкому пришлось уступить: передъ нимъ поставили шесть стаканчиковъ на подносѣ. Вино показалось ему съ непривычки отвратительнымъ, кислымъ и пахло бурдюкомъ. Морщась, онъ выпилъ три стаканчика, послѣ чего его оставили въ покоѣ; остальные три онъ незамѣтно вылилъ прямо на землю.

— Еслибъ увидѣли, что вы дѣлаете,—услыхалъ онъ около себя пріятный женскій голосъ,—васъ бы заставили выпить «штрафъ».

— Турій рогъ?—спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ у него зашумѣло въ головѣ и передъ глазами пошли круги.

Дама засмѣялась, ничего не отвѣтивъ. Тулумбашъ говорилъ какую-то рѣчь. Содержатель кабачка обходилъ всѣхъ съ виномъ и наполнялъ пустые стаканы. Въ его сторону посмотрѣлъ полковникъ.

— Ого!—воскликнулъ онъ радостно,—столичный гость пьетъ лихо! Всѣ шесть опустѣли! Ну, это будетъ нашъ! По-кавказски... Столица знаетъ, какихъ намъ людей нужно. Выпьемъ за процвѣтаніе Петербурга!

Маржецкому налили седьмой стаканчикъ. Отъ этого тоста онъ не могъ отказаться и выпилъ вино съ удовольствіемъ, вспоминая о Петербургѣ.

Потомъ началась опять лезгинка. Всѣ хлопали въ ладоши подъ звуки туземной музыки, и онъ тоже хлопалъ съ увлеченіемъ. Лез-

гинка ему очень понравилась. Это былъ очень красивый танецъ, исполненный восточной нѣги и сдержанной страсти. Танцовалъ его полковникъ въ черкескѣ и какая-то дама съ восточнымъ типомъ лица, но одѣтая въ обыкновенное городское платье.

Теперь онъ могъ присмотрѣться къ обществу, въ которое попалъ. И онъ оглядывалъ его, старался разгадать общественное положеніе лицъ, составлявшихъ его, старался разгадать отношенія этихъ лицъ другъ къ другу; но такъ какъ онъ никого не зналъ кромѣ Титова, а Титовъ былъ невмѣняемъ, то это ему не удавалось.

— Вы на меня не обращаете никакого вниманія,—сказала ему дама, сидѣвшая съ нимъ рядомъ,—и совершенно напрасно. Я могу разсердиться и донести на васъ. Васъ тогда заставятъ выпить «штрафъ», и вы станете похожи на Титова.

— Простите ради Бога,—оправдывался онъ.—Я заглядѣлся на лезгинку, все это для меня такъ странно и такъ ново. Я никогда не бывалъ раньше въ провинціи.

— Пожалуйста, не произносите этого слова. Я его не переношу. Кавказъ—не провинція. Это не Полтава и не Воронежъ. Это не провинція, а своеобразная страна, съ своими обычаями, законами, людьми и нравами. И потомъ петербуржцы какъ-то особенно гадко произносятъ это слово,—въ немъ слышится всегда презрѣніе, пополамъ съ снисхожденіемъ. Какъ будто здѣсь не тѣ же люди, не тѣ же женщины? Взгляните на меня? Развѣ я ужъ такъ похожа на провинціальную барышню?

Она засмѣялась, а онъ принялся ее осматривать. Она ему понравилась. Матовое лицо, огромные, темные, безъ блеска глаза, черные, безъ блеску волосы, расположившіеся ореоломъ вокругъ красиваго лба, бѣлые ровные зубки, мелкіе какъ у бѣлки, нервная, сухая рука, изящное легкое, лѣтнее платье свѣтло-желтаго цвѣта, сшитое по модѣ.

«Она хоть куда!»—подумалъ онъ, кончивъ осмотръ.

— Ну что?... ничего, вѣдь?—спросила она, ласково ему улыбаясь.

— И очень,—засмѣялся онъ.—Tout à fait chic.

— Ну вотъ видите. Ну, теперь нѣсколько біографическихъ данныхъ. Зовутъ меня—Лизой. Лизавета Степановна Хомякова. Вонъ тамъ, видите... вонъ полная дама—это моя мама—Катерина Алексѣевна, вдова генералъ-маіора. У насъ принято давать всѣмъ прозвища и, съ легкой руки губернаторши, меня называютъ «Lise fin de siècle».

Маржецкій засмѣялся.

— Очень милое прозвище... Lise fin de siècle,—повторилъ онъ про себя, и ему понравился звукъ этихъ словъ.—Но почему васъ такъ прозвали?

— Ахъ, это очень просто... У насъ туго прививаются новшества, а я катаюсь на велосипедѣ, верхомъ... Не люблю ничего, что zierlich-manierlich и вообще признаю полную свободу дѣйствій. Это шокируетъ нѣкоторые столпы нашего общества, mais je m'en fiche pas mal!

Она какъ-то смѣшно гримасничала, и это очень нравилось Маржецкому, потому что придавало ей видъ, котораго онъ не могъ иначе опредѣлить, какъ словами «petite polissone».

— Смотрите, мама уже подслушиваетъ. Она всегда за меня боится. А чего за меня бояться, когда я сама за себя не боюсь. Это лучшая гарантія, не правда ли? Видите, она пересѣла на два стула ближе.—И вдругъ, прервавъ себя, она его спросила:—вы пріѣхали съ Гурьяномъ?

— Да.

— Это мой другъ...

Полная дама не выдержала и, взглянувъ на нее строго, сказала:

— Лиза, ты ужъ начинаешь говорить глупости.

— А ты подслушала?

Лиза представила Маржецкаго.

— Не слушайте ее, пожалуйста,—сказала, улыбаясь ему, Хомякова,—это такая болтушка и потомъ у нея нѣтъ критерія.

Лиза расхохоталась.

— Вы слышали—у меня нѣтъ критерія?—обратилась она къ Маржецкому.—Вы подняли брови, когда я заговорила о Гурьянѣ,—продолжала она,—поднятіе бровей—знакъ удивленія. Когда говорю, что это мой другъ—это просто манера выражаться. Я ѣздила съ нимъ кататься въ горы, и онъ забавлялъ меня разсказами изъ отдѣла хроники городской свѣтской жизни. C'etait très amusant. Я хохотала до слезъ. Но онъ много вретъ, Гурьянъ.

— Lise!—съ упрекомъ остановила ее Хомякова.

— Pardon, maman! Онъ увлекается, хотѣла я сказать.

— Вы познакомились, конечно, съ нашей губернаторшей,—заговорила съ Маржецкимъ Хомякова,—съ m-me Арлениной, какое она произвела на васъ впечатлѣніе?

— Она мнѣ очень понравилась.

— La belle au bois dormant,—вставила Лиза.—Она производитъ на меня впечатлѣніе спящей красавицы, заснувшей лѣтъ 38 тому назадъ...

— Какая ты злая... Лиза.

— ...И съ тѣхъ поръ ожидающей поцѣлуя принца, чтобы проснуться. Ужъ не вы ли будете этимъ принцемъ?—засмѣялась она.

— Это невозможно, Лиза, что ты говоришь!—недовольно пожала плечами ея мать и, вставъ со стула, демонстративно удалилась отъ стола.

— Смѣшныя эти маменьки, онѣ все боятся, чтобъ ихъ дочки не пугали жениховъ излишней развязностью,—проговорила Лиза.

— Ну, нынѣшняго жениха ничѣмъ не испугаешь,—отвѣтилъ ей Маржецкій.

— Отчего?

— Да потому, что они уже достаточно напуганы.

Лиза оглядѣла его искоса съ ногъ до головы и неопредѣленно усмѣхнулась.

Лезгинка продолжалась; новыя пары выступали одна за другой.

— Пойдемте къ обрыву, хотите?—сказала Лиза и взяла Маржецкаго подъ руку.

Они подошли къ самому краю небольшого плато, на которомъ былъ выстроенъ ресторанъ. Снизу подымался шумъ отъ бурно стремившейся на днѣ ущелья рѣки. Небо совершенно потемнѣло и походило теперь на бархатъ густого синяго цвѣта и было усѣяно миріадами звѣздъ. За зубчатымъ краемъ противоположной горы, прикрытой сверху серебристымъ покровомъ вѣчнаго снѣга, небо свѣтлѣло,—тамъ, за горой, вставала луна. Внизу свѣтились огоньки и казалось, что они недосягаемо далеки.

— Это аулъ,—сказала Лиза.

Маржецкій ничего не отвѣтилъ. Ему здѣсь стало легче; вѣтерокъ, насыщенный ароматами цвѣтовъ, освѣжилъ его пылавшую голову; въ ушахъ не стоялъ больше невыносимо рѣзкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнусавый крикъ зурны и монотонное сочетаніе двухъ шумовъ—и ударовъ въ барабанъ и хлопанья въ ладоши: разстояніе и шумъ рѣки заглушили музыку сазандаровъ.

— Какъ хорошо здѣсь, Боже, какъ хорошо!—вздохнулъ онъ полною грудью и прислонился къ стволу высокаго и тѣнистаго чинара.

— А! Вы находите?—спросила Лиза.—Этого, пожалуй, не хватаетъ вамъ въ Петербургѣ?

— Чего, «этого»?

— Природы.

— Какъ вамъ сказать? Мы, какъ-то, объ этомъ не думаемъ. Человѣкъ быстро привыкаетъ къ лишеніямъ, какъ и къ изобилію.

Вы, вотъ, навѣрное, уже такъ привыкли къ чудной природѣ Кавказа, что не обращаете на нее вниманія и перестали восхищаться ею? Ну, а намъ, среди нашихъ тумановъ и безконечныхъ зимъ, среди сутолоки столичной жизни, некогда думать о ней... Но, конечно, это лишеніе. Мы о природѣ вспоминаемъ рѣдко, весной, когда проглянетъ солнце, но оно проглядываетъ рѣдко. Конечно, забыть вовсе, что существуютъ страны съ солнцемъ и зеленью, мы не можемъ, но приходится, вѣдь, мириться...

Лиза молчала.

Края противоположной громады вдругъ засверкали, показалась луна и залила своимъ свѣтомъ ущелье. Кое-гдѣ, внизу, она коснулась своими таинственными фосфорическими лучами рѣки, и теперь Маржецкому казалось, что тамъ ползетъ гигантская змѣя съ блестящею серебряною чешуей.

— Право,—заговорилъ Маржецкій, невольно понижая голосъ подъ вліяніемъ этой торжественной ночи,—это походитъ на волшебный міръ... Мнѣ представляются чудеса. Вотъ на такой скалѣ, вѣроятно, прикованъ былъ когда-то Прометей, похитившій съ неба огонь для людей, и огонь этотъ, какъ искры, разсыпался по всей вселенной... Смотрите,—теперь прометеевъ огонь въ каждой саклѣ горнаго аула... На немъ готовятъ пищу, онъ весело горитъ въ каминѣ, и вокругъ него сидятъ горцы разсказывая другъ другу преданья старины глубокой или живыя еще воспоминанія о завоеваніи Кавказа русскими... Это, вѣдь, тоже была борьба титановъ...

— Вы, повидимому, сильны въ миѳологіи?—спросила она его съ чуть замѣтной ноткой насмѣшки въ голосѣ.—Почему-то всѣ «русскіе»,—васъ, вѣдь, не здѣшнихъ уроженцевъ, называютъ «русскими», въ отличіе отъ кавказцевъ,—всегда вспоминаютъ Прометея, при видѣ нашихъ скалъ. Это что-то роковое. Обязательно—Прометея, никого больше... Отчего это? Мнѣ кажется, оттого, что ни одинъ изъ нихъ дальше этого миѳа не ушелъ,—онъ, вѣдь, помѣщенъ первымъ во всѣхъ книжкахъ и учебникахъ. Держу пари, вы даже не знаете продолженія и этого миѳа.

Маржецкій сдѣлалъ усиліе припомнить, но тщетно.

— Не знаю,—сознался онъ.

Она быстрымъ движеніемъ опустилась на камень, выдававшійся надъ обрывомъ, и ему показалось, что она летитъ въ бездну. Онъ громко вскрикнулъ, она разсмѣялась.

— Не бойтесь, я хорошо знаю мѣсто.

— Сумасшедшая,—проворчалъ онъ, съ трудомъ успокоиваясь.

Она оправила платье, подняла руку къ свѣсившейся надъ ней

вѣткѣ бѣлой акаціи, сорвала ее и, взглянувъ на Маржецкаго, опять звонко засмѣялась.

— Чему вы?—недовольно спросилъ онъ ее.

— Вы съ такимъ вниманіемъ меня разглядываете... Вы нашли во мнѣ что-нибудь необыкновенное?

— Конечно, вы необыкновенны... Вы похожи теперь на горную фею соблазнительной красоты, сидящую на краю обрыва и заманивающую одинокихъ путниковъ въ свои сѣти. И вы такъ эффектно освѣщены луной! Ахъ, еслибы вы распустили ваши волосы,—вы были бы совсѣмъ феей... Вотъ онѣ кавказскія ночи... Какая волшебная красота!... А я-то думалъ еще вчера, что все это сказки, что все это преувеличено, что ничего этого нѣтъ. И вдругъ этотъ душистый вечеръ, эти высокія стѣны горъ, эта бархатная ночь и эти туманныя ризы серебра!...

— Знаете что?—прервала она его.—Я похожа на фею горъ. А знаете, на кого вы похожи?

— На кого?

— На соловья, заслушивающагося собственнаго пѣнья. У васъ выработанный стиль. Вы краснорѣчивы и вы увлекаетесь собственнымъ краснорѣчіемъ. Вы не знаете, куда оно васъ приведетъ и вы отдаетесь его потоку. Чтобы не выходить изъ области миѳологіи, вы—Нарциссъ. Это краснорѣчіе, вѣроятно, погубило не мало наивныхъ женщинъ. Вѣдь, насъ заговорить не трудно. Но когда вы говорите, я не могу васъ себѣ представить иначе, какъ съ закрытыми глазами...

— Почему же?

— Я вамъ сказала,—вы заслушиваетесь сами себя. Соловьи всегда такъ дѣлаютъ. И я васъ рисую себѣ маленькой сѣренькой птичкой, качающейся на вѣткѣ дерева. Смѣшной образъ для такого элегантнаго мужчины, какъ вы, не правда ли?

«Зачѣмъ она издѣвается?»—думалъ онъ, и, чтобы перебить теченіе ея мыслей, онъ сказалъ:

— Ну, что-жъ, и соловьемъ быть не дурно, въ особенности когда ему приходится пѣть свои пѣсни передъ такой красавицей востока.

— Почему же востока?—улыбнулась она.

— Потому что у васъ восточный типъ красоты. Вы похожи на одалиску.

— Вотъ сюрпризъ! То—фея, то—одалиска...

— Когда вы сидѣли за столомъ, вы были похожи на одалиску;

теперь, на краю этого обрыва, въ этомъ блескѣ луны—вы похожи на фею... Однако, что же о Прометеѣ?

— Ахъ, да. Ну, такъ вотъ, слушайте. Зевесъ, пригвоздивъ Прометея къ скалѣ, не отнялъ у людей огня.

— Это я знаю.

— Прошу не перебивать. Но, все-таки, захотѣлъ отмстить и послать имъ горе: велѣлъ Гефесту создать изъ земли и воды чудную дѣву; Аѳина съ Харитами одѣла ее въ одежду, сотканную изъ серебра...

Онъ взглянулъ на нее и не могъ не воскликнуть:

— Да вы описываете самоё себя!...

Она, повидимому, не обратила вниманія на эти слова, потому что спокойно продолжала:

— Вьющіеся волосы ея украсили вѣнкомъ изъ дивныхъ розъ и на голову ея еще возложили золотой вѣнецъ. Афродита окружила ея чело прелестью и одарила ее соблазнительными чарами и желаніемъ нравиться; Гермесъ одарилъ ее вкрадчивою коварною рѣчью и скрытностью... Словомъ, общими усиліями была создана женщина на пагубу людямъ. Какъ видите, очаровательный Прометей... то-есть соловей, хотѣла я сказать, это осталось вѣрнымъ и для нынѣшняго времени. Ну-съ, и вотъ эту-то Пандору... вы знаете, что такое «Пандора» значитъ?

— Забылъ,—отвѣтилъ Маржецкій.

— «Пандора», значитъ, «всѣмъ одаренная»... Такъ вотъ, Пандору Гермесъ ввелъ въ домъ Прометеева брата. Ну, конечно, Прометеевъ братъ влюбился немедленно, женился... Чудная дѣва стала, само собой, праматерью всѣхъ женъ и чудныхъ дѣвъ на землѣ. Вскорѣ Прометеевъ братъ,—забыла его имя,—увидѣлъ, какое горе онъ принялъ въ свой домъ. Любопытная женщина не замедлила снять съ сосуда, стоявшаго въ домѣ, крышку и выпустила на свѣтъ всѣ горести и бѣдствія. И хотя она быстро захлопнула крышку, но въ сосудѣ осталась лишь одна Надежда... Съ тѣхъ поръ безконечный рой бѣдствій носится надъ смертными; горе и скорбь окружаютъ человѣка; прежде смерть подходила къ нему тихо, какъ сонъ, съ тѣхъ поръ она сопровождается болѣзнями и муками. Вотъ что сдѣлала чудная дѣва съ человѣчествомъ.

— Это все?—спросилъ Маржецкій.

— Все, чего же вамъ больше?—отвѣтила она.—Или вамъ требуется еще поученіе, какъ въ басняхъ?

— Пожалуй, это было бы не дурно, потому что, откровенно говоря, я не совсѣмъ понялъ, къ чему...

— ...Я вамъ разсказала конецъ миѳа? Да просто потому, что вы мнѣ разсказали начало. А, впрочемъ, есть и поученіе. Вы всѣ столичные Прометеи являетесь сюда, въ нашу «глухую провинцію», на наши «дикія окраины» и воображаете произвести переворотъ въ тихомъ муравейникѣ, именуемомъ губернскимъ городомъ. Это написано на вашихъ каменныхъ, какъ бы изваянныхъ лицахъ; на нихъ можно прочесть сознаніе своего величія или отличія отъ жалкихъ провинціаловъ и высшее къ нимъ презрѣніе... И вы думаете, что оказываете величайшую честь провинціи, когда являетесь въ провинціальный городъ изъ столицы... Правда, это переселеніе въ наши дебри происходитъ часто по «не зависящимъ отъ васъ причинамъ», то-есть вслѣдствіе накопленія долговъ или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ...

— Благодарю васъ,—прервалъ онъ ее.

— На здоровье. Но ваша культурная миссія въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что вы покажете новый покрой сюртука или новый способъ жать руку, подавая ее дугою. И вы воображаете, что открыли намъ Америку, что пріобщили насъ къ столичной культурѣ, что принесли намъ огонь съ неба. И держитесь вы какъ Прометеи... Будируете на столицу, тайно вожделѣя къ ней, и снисходите къ намъ, мелкимъ людишкамъ. Ну, а кончаете вы всѣ какъ Прометеевы братья...

— То-есть?

— Женитесь на нашихъ мѣстныхъ Пандорахъ и на вѣки сами себя приковываете къ скаламъ нашей пламенной Колхиды.

— Какая вы умница!—вырвалось у Маржецкаго —и злая, ухъ, какая злая... И вы въ тысячу разъ лучше Пандоры...

— Вотъ, вотъ, г. Прометеевъ братъ! Это именно то, про что я говорила. Берегитесь, не разыграйте въ лицахъ миѳа. Смотрите, вы на мнѣ женитесь еще! Или, можетъ быть, вы женаты?—вдругъ рѣзко прибавила она.

Маржецкій замялся.

— Н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ.

Она взглянула на него сбоку, замѣтила его смущенный видъ и улыбнулась.

— И потомъ, несмотря на все ваше прометейство, вы ужасно наивные люди,—продолжала она.—Всѣ петербуржцы умѣютъ красно говорить и восторгаться природой, которую они никогда не видали. «Ахъ, луна! Ахъ, звѣзда! Ахъ, Терекъ «дикъ и злобенъ!» Ахъ, башня Тамары!» И воображаютъ, что за поэтическія слова ихъ признаютъ поэтами—существами высшими и отличными... А

внутри васъ кроется одно лишь желаніе хорошо пристроиться къ жизни.

— Однако, изъ всего этого я вижу, что вамъ петербуржцы сильно-таки насолили.

Лиза нервно двинулась на своемъ камнѣ и быстро отвѣтила раздраженнымъ тономъ:

— Вы очень проницательны, г. Прометеевъ братъ...

— Почему вы меня такъ называете, прелестная Пандора? Вѣдь я еще ни на комъ изъ мѣстныхъ «чудныхъ дѣвъ» не женился?

— Такъ женитесь.

— Прелестная Пандора, вы превращаетесь въ Пиѳію.

Лиза ничего не отвѣтила. Она вскочила на свой камень, подняла къ вѣтвямъ дерева руку и сорвала вѣтку бѣлой акаціи. Онъ залюбовался ея изящной фигуркой.

— Какая вы неосторожная,—не удержался онъ отъ замѣчанія.—Дайте мнѣ эту вѣтку...

— Зачѣмъ?

— На память о нашей встрѣчѣ и о нашемъ разговорѣ.

Она отрицательно покачала головой; потомъ, раздумавъ, протянула ему вѣтку.

— Пожалуй, возьмите. А вы знаете «разговоръ цвѣтовъ»? Символическое значеніе акаціи?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—не знаю.

— «Платоническая любовь!»—крикнула она ему, звонко расхохоталась и, легко спрыгнувъ съ камня, убѣжала.

Лезгинка давно уже кончилась; тушили огни, подавали экипажи. Старуха Хомякова суетилась и безпокоилась, разыскивая свою дочь. Отыскавъ ее, она начала дѣлать ей выговоръ.

— C'est imprudent ce que tu fais là... Мы всѣ безпокоились. И Петръ Петровичъ, и княжны Старостины... Это скандалъ, нигдѣ тебя нельзя было найти.

— Бѣдный Петръ Петровичъ, онъ безнадежно влюбленъ въ меня, и я понимаю, что онъ меня отыскивалъ. Но Старостины? Онѣ безпокоились не обо мнѣ, а о моемъ кавалерѣ... Онѣ любятъ primeur'ы...

Старуха Хомякова досадливо пожала плечами,

— Ты невозможна,—пробормотала она, садясь въ экипажъ.—И, несмотря на всю твою бойкость и экстравагантность, ты никогда не найдешь себѣ жениха.

Лиза засмѣялась.

— Мой символъ, maman,—бѣлая акація...

Гурьянъ подкатилъ послѣднимъ.

Въ то время, когда Маржецкій хотѣлъ садиться, его кто-то ухватилъ повыше локтя.

— И я съ вами... подвезете?

— Съ удовольствіемъ.

Это былъ высокій полковникъ съ длинной бородой, исполнявшій роль тулумбаша на пирушкѣ.

Они усѣлись. Полковникъ протянулъ ноги, облегченно вздохнулъ и заговорилъ:

— Ну, батенька, я думалъ вы въ самомъ дѣлѣ нашъ—лихо жить начали, а кончили какъ всѣ петербуржцы—бабой. Бабникъ вы, вотъ что!

Маржецкій ничего не отвѣтилъ. По тону и по нѣкоторымъ словамъ онъ понялъ, что полковникъ сильно на-веселѣ.

— Провозились весь вечеръ съ Лизой fin de siècle... Что разговору-то будетъ! Ужъ вамъ попадетъ!...

— Да отъ кого же, помилуйте?

— Отъ Насти Зуевой, отъ княженъ Старостиныхъ, отъ Зориной, отъ Рувимской, ото всѣхъ...

— Да я никого изъ нихъ не знаю.

— Я хотѣлъ васъ представить, да гдѣ же васъ взять было? У насъ такъ не дѣлается. Это не Петербургъ, гдѣ полная свобода во всемъ. У насъ надо считаться...

— Съ чѣмъ?

— Съ общественнымъ мнѣніемъ и его традиціями...

— Ну, Богъ съ ними!—рѣшительно отвѣтилъ Маржецкій, которому надоѣло это нравоученіе.—А что вы скажете о Хомяковой?—захотѣлъ онъ услышать чье-нибудь постороннее мнѣніе о Лизѣ.

— О которой—о старухѣ или о молодой?

— Ахъ, Боже мой, конечно о молодой.

— Дѣвочка ничего себѣ,—отвѣтилъ полковникъ.

— Хорошая барышня!—вдругъ авторитетно заявилъ съ козелъ Гурьянъ.

III.

Когда фаэтонъ, выбравшись изъ ущелья, покатилъ по широкой дорогѣ, Маржецкій оглянулся; назади, уже дальнія, высились горы, начинавшія розовѣть въ лучахъ восходившаго солнца. Наступало утро, прекрасное, румяное утро кавказской весны.

Маржецкій вздохнулъ полною грудью. Угаръ этого страннаго

вечера начиналъ проходить, и ему казалось теперь, что все это было сномъ, кошмаромъ, которымъ его, въ первый день пріѣзда, встрѣтилъ Кавказъ.

По дорогѣ онъ высадилъ гдѣ-то полковника и продолжалъ путь одинъ.

— Откуда ты знаешь барышню Хомякову?—вдругъ спросилъ онъ дремавшаго Гурьяна, качавшагося на козлахъ.

Тотъ не сразу ему отвѣтилъ.

— Ѣздилъ, стало быть, съ ею,—наконецъ, проговорилъ онъ.

— Съ нею... съ одною?—продолжалъ онъ.

Гурьянъ сдѣлалъ полуоборотъ на своемъ сидѣньи, косо взглянулъ на сѣдока и, ухмыльнувшись въ бороду, отвѣтилъ:

— Съ нею, съ одною. Говорю—хорошая барышня.

Маржецкому вдругъ стало легче на душѣ.

«Богъ ее знаетъ, что это за типъ,—подумалъ онъ,—а только прехорошенькая и препикантная».

И вдругъ эта мысль смѣнилась другою:

«А что-то теперь дѣлаетъ Маруся?»

Сердце его сжалось при этой мысли, и какой-то тайный упрекъ тронулъ его душу.

Онъ со вчерашняго утра оставилъ ее одну, — одну, въ совершенно незнакомомъ городѣ, среди незнакомыхъ людей, въ какой-то гостиницѣ... Онъ даже уѣхалъ, не повидавшись съ нею и, въ суетѣ, не оставивъ записки; положимъ, онъ предупредилъ ее, что его могутъ задержать на весь день у губернатора; положимъ, она привыкла къ его частымъ уходамъ изъ дому и позднимъ возвращеніямъ. И, по его понятіямъ, не это было скверно, что онъ оставилъ ее одну, а то, что за цѣлыя почти сутки онъ ни разу не вспомнилъ о ней. Прежде этого не бывало. Прежде всегда, находясь въ самомъ веселомъ обществѣ, ему вспоминалось ея грустное личико съ большими голубыми задумчивыми глазами, въ которыхъ было столько грусти, столько нѣжнаго чувства. Онъ любилъ эти глаза на яву, любилъ и вспоминать о нихъ, когда былъ далеко отъ нихъ, и эти воспоминанія будили въ немъ временно засыпавшія чувства къ ихъ обладательницѣ. Сколько борьбы вынесъ онъ за эти мечтательные глаза, сколькимъ пожертвовалъ онъ ради нихъ...

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Петербургъ, глаза эти стали еще задумчивѣе и грусти въ нихъ стало еще больше; но онъ сдѣлался къ нимъ холоднѣе, безучастнѣе, равнодушнѣе; и по мѣрѣ того, какъ поѣздъ уносилъ его и Марусю все дальше и дальше къ югу, къ той странѣ, гдѣ «вершины цѣпи снѣговой свѣтло-лиловою

стѣной на чистомъ небѣ рисовались, а въ часъ заката одѣвались онѣ румяной пеленой», это недоброе чувство все росло и росло.

Откуда оно взялось? Неужели ему жаль было покинуть холодный и туманный Петербургъ? Неужели его не удовлетворяла болѣе любовь Маруси, и ему захотѣлось новыхъ увлеченій, новыхъ «развлеченій»? Онъ самъ не могъ бы отвѣтить на эти вопросы. Его скучающая петербургская душа дѣйствительно томилась какимъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ томленіемъ, — въ ней образовалась трещинка, которая, конечно, должна будетъ разрастаться и разрастаться и, кто знаетъ, можетъ быть, скоро превратится въ цѣлую брешь...

Маруся больна, онъ зналъ это. Это было одною изъ причинъ ихъ бѣгства на югъ; врачи настоятельно этого требовали, и это было еще одною, чуть ли не важнѣйшею изъ всѣхъ уже принесенныхъ имъ жертвъ. И ему было жалко ее, и ему было больно за эту угасавшую молодую жизнь. Врачи возлагали большія надежды на благотворный климатъ юга, но онъ извѣрился во врачахъ и молча, не желая тревожить больную, сомнѣвался.

Но отчего же, отчего онъ ни разу не вспомнилъ ее за цѣлые сутки, и теперь, когда ему хочется увидѣть передъ собой ея милое, печальное лицо, передъ его закрытыми глазами встаетъ образъ этой кавказской Пандоры—Лизы fin de siècle?

— Къ «Лондону» прикажете?—слышитъ онъ голосъ Гурьяна и просыпается.

— Да, въ гостиницу «Лондонъ».

Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ комнату, раздѣлся, надѣлъ туфли и черезъ дверь, соединявшую оба номера, вошелъ въ комнату Маруси. Ея кровать была заставлена ширмой, и въ комнатѣ была тишина.

Маржецкому стало жутко.

Онъ сталъ прислушиваться къ этой удручающей тишинѣ, стараясь уловить въ ней хоть тѣнь звука, хотя намекъ на дыханіе. Но голова его кружилась, въ ушахъ шумѣло, и это мѣшало ему что-либо слышать.

Тогда онъ заглянулъ за ширму.

Тамъ, на узенькой кроваткѣ, разметавшись во снѣ, лежала Маруся. Какъ она походила на покойницу! Высокій бѣлый лобъ ея былъ особенно блѣденъ, да и во всемъ лицѣ не было ни кровинки. Исхудавшія руки безпомощно какъ-то лежали, вытянутыя по бѣлому одѣялу, черезъ которое обрисовывались ея почти острыя колѣни. Она лежала неподвижно, и можно было подумать, что она умерла.

Сердце его мучительно сжалось.

Онъ подошелъ ближе, наклонился ниже надъ нею. Въ вискахъ его стучало. Маруся спала чутко, и вѣки ея чуть вздрагивали. Тогда онъ успокоился. Радостное чувство охватило его. Ему захотѣлось поцѣловать ее, но онъ не хотѣлъ ее будить и тихо вышелъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса онъ улышалъ слабый голосъ Маруси:

— Аполлонъ, ты уже пріѣхалъ?

Онъ поспѣшилъ на зовъ.

Она его стала разспрашивать о проведенномъ имъ днѣ. Онъ началъ разсказъ весело, въ игривомъ тонѣ, стараясь въ шуточной импровизаціи представить губернаторшу, пирушку въ «Урочищѣ», полковника-тулумбаша, но когда разсказъ его подошелъ къ знакомству съ Лизой Хомяковой, онъ почему-то запнулся и умолкъ.

Маруся слушала его, не прерывая, но потомъ, очевидно, не выдержавъ, стала ревниво разспрашивать о томъ, хороша ли губернаторша, много ли было интересныхъ дамъ и барышенъ и покорилъ ли онъ сердце хотя одной изъ нихъ.

Онъ терпѣть не могъ этихъ разспросовъ и этого ея тона. Настроеніе его стало портиться. Ему послышались въ ея голосѣ знакомыя тревожныя нотки, которыя онъ почти ненавидѣлъ; недавняя жалость къ ней, овладѣвшая имъ, медленно начинала таять, какъ воскъ подъ огнемъ. Его голосъ становился нервнѣе и нервнѣе, и незамѣтно они подошли къ сценѣ.

Въ послѣдній годъ эти сцены дѣлались все чаще и чаще. Сначала оба боялись ихъ и всячески старались ихъ избѣгать, обходя жгучіе вопросы; потомъ жгучіе вопросы обходить становилось все труднѣе и труднѣе, да и сами эти вопросы выростали неожиданно, сами собою, и въ концѣ концовъ сцены сдѣлались обычнымъ явленіемъ ихъ жизни и свили себѣ въ ней прочное гнѣздо. Маржецкій самъ никакъ не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ Марусѣ. Когда она, по утрамъ, лежала одинокая, почти уже покинутая, на своей узенькой кровати, блѣдная, худая и хворая, ему казалось, что онъ любитъ ее, и преисполнялся къ ней жалостью. Когда она начинала ревновать его и у нихъ возгоралась сцена, онъ къ ней не чувствовалъ ни любви, ни жалости, ни состраданія. Злобное чувство закипало въ немъ, и онъ начиналъ ее почти ненавидѣть. Имъ тогда овладѣвало неудержимое желаніе свободы, воли, одиночества, и въ умъ его вползывала, крадучись, преступная мысль— «хоть бы скорѣе ужъ умерла». Онъ не выговаривалъ этой мысли, душилъ ее въ ея основаніи, но она, тѣмъ не менѣе, успѣвала до-

вольно отчетливо проявляться, какъ новая картина волшебнаго фонаря, идущая на смѣну старой и не нашедшая еще своего настоящаго фокуса и надлежащаго освѣщенія.

— Ну, ты опять за свое...—кисло произнесъ онъ,—право, Маруся, это скучно.

— А ты думаешь мнѣ не скучно было сидѣть въ этомъ номерѣ цѣлый день одной, въ чужомъ городѣ?...—съ загорѣвшимся взоромъ проговорила она, одѣваясь.

— Вѣрю что скучно, но что же дѣлать? Ты сама знаешь, здѣсь не Петербургъ. Тамъ, уйдя со службы, ты вольный человѣкъ и забылъ даже, что существуетъ служба. Здѣсь—другое дѣло. Здѣсь ты всегда на службѣ. Всѣ тебя знаютъ, и ты всѣхъ знаешь; за тобой слѣдятъ. О тебѣ говорятъ. Меня уже сегодня двое спрашивали, женатъ ли я. Наконецъ, ты знаешь, я не по своей волѣ уѣхалъ. Ты же жаловалась, что тебѣ не по душѣ Петербургъ, что ты рада бросить свою театральную службу и закулисныя дрязги, наконецъ, доктора велѣли тебѣ ѣхать на югъ. Я все сдѣлалъ, что нужно, что отъ меня требовалось, что я могъ...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, раздраженіе его нарастало.

— Я перемѣнилъ службу, разсорился съ родными, уѣхалъ сюда... Такъ дай же мнѣ, наконецъ, дышать и жить...

— О,—прервала она его,—я знаю, что ты для меня принесъ много жертвъ, слишкомъ много жертвъ... И я тебѣ очень благодарна. Но ты такъ часто говоришь объ этихъ жертвахъ... какъ будто боишься, что я о нихъ забуду. Но я не забуду о нихъ, не забуду. У меня хорошая память. И я знаю, что связала тебя по рукамъ и ногамъ... И я молю Бога, чтобъ Онъ освободилъ тебя скорѣе отъ меня. И, кажется, молитва эта услышана и настанетъ скоро часъ... когда... когда... я перестану мучить тебя.

Голосъ ея задрожалъ, на грустныхъ голубыхъ глазахъ ея выступили слезы. Тщедушная узенькая грудь ея усиленно подымалась, тщетно стараясь вобрать въ себя возможно больше воздуха; наконецъ, она зарыдала.

— Маруся, Маруся...ну, вотъ...—растерянно говорилъ онъ, вытирая ей глаза платкомъ, какъ ребенку.—Ну изъ-за чего? Право, я даже не пойму ничего. Ну, какъ тебѣ не стыдно?...

Онъ сталъ утѣшать ее, ласкать, приголубливать. Но у него ничего не выходило. Онъ не находилъ въ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ ней, и слова его шли съ языка, а не изъ сердца. Поэтому они выходили сухими, холодными.

— Ты же знаешь, наше положеніе нелегально... то-есть не

совсѣмъ легально. Намъ не передѣлать общества. Необходимо подчиняться его требованіямъ. Когда мы все это оформимъ...

— Ты говоришь это уже три года... Да я и не требую. Я свыклась съ своимъ положеніемъ. Я ничего не хочу отъ тебя, кромѣ вниманія...

— Три года! Ты отлично знаешь, что я не могъ поступить иначе. Здѣсь это будетъ сдѣлать легче. Удастся же мнѣ, наконецъ, сломить отца; ты знакома съ его взглядами; идти же изъ-за этого подъ судъ...

— Ахъ, ради Бога, не пугай меня этимъ. Когда ты начинаешь говорить о судѣ, мнѣ дѣлается страшно, и я тогда сознаю всю величину твоей жертвы... Ничего, ничего мнѣ не надо...

Она задумалась, а онъ замолчалъ. Всегда ихъ сцены кончались такимъ образомъ. Онъ зналъ, чѣмъ можно было покорить ее, и нерѣдко, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, пользовался этимъ средствомъ.

Въ сосѣднемъ номерѣ постучались въ дверь.

Онъ поспѣшилъ войти къ себѣ.

Раннимъ посѣтителемъ оказался Титовъ, пришедшій отдать ему визитъ.

Сначала разговоръ не клеился. Титовъ какъ будто конфузился вчерашняго кутежа и того состоянія, въ которомъ онъ находился; Маржецкій, взволнованный еще сценою съ Марусей, вяло подавалъ реплики. Но мало-по-малу разговоръ оживился. Титова послѣ такихъ кутежей всегда мучили угрызенія совѣсти.

— Съ вашей петербургской точки зрѣнія,—говорилъ онъ, воодушевляясь,—вы презираете насъ, коренныхъ провинціаловъ; у васъ составилось такое мнѣніе, что мы коснѣемъ въ нашихъ глухихъ углахъ въ невѣжествѣ, что мы развлекаемся кутежами и пьянствомъ, что у насъ процвѣтаетъ единственный спортъ—сплетня. Но вы не правы; вы не можете, не должны презирать насъ; конечно, есть и у насъ неблагонадежные элементы... Но есть и вполнѣ порядочные люди.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?

— Но жить у насъ трудно... это вѣрно. И, въ особенности, молодому человѣку съ какими-нибудь опредѣленными задачами и цѣлями. Вотъ и я, въ молодости... о чемъ, о чемъ я не мечталъ только? Мнѣ хотѣлось служить государству и обществу, хотѣлось служить въ духѣ и разумѣ, какъ говорится. А вмѣсто того... — онъ махнулъ рукой и голосъ его чуть дрогнулъ. — Что вышло вмѣсто

того? Я вѣдь кончилъ университетъ, жажда дѣятельности жила во мнѣ. Но я былъ одинокъ среди этого жалкаго, первобытнаго общества, далекаго отъ всякой культуры. И я долженъ былъ душить въ себѣ эту мучившую меня жажду дѣятельности, мнѣ не къ чему было примѣнить ее. Ну, что я сдѣлалъ въ своей жизни? Я засѣдалъ въ коммиссіяхъ, производилъ дознанія, вводилъ новыя положенія, исполнялъ особыя порученія, но... все это мелочи, мелочи, канитель тягучая, никому не нужная, ни на что не годная. Но большаго отъ меня и не требовалось; еслибъ я вздумалъ навязать обществу большее,—то, что я могъ бы дать при другихъ условіяхъ соціальной жизни,—само общество извергло бы меня изъ своей среды и сочло бы опаснымъ элементомъ; достаточно было бы взять полутономъ выше нашего камертона—и тотчасъ же я бы былъ выбитъ изъ колеи жизни...

Онъ махнулъ рукой и улыбнулся.

— Я надоѣлъ вамъ своими жалобами,—виновато прибавилъ онъ.

— Помилуйте, нисколько... Я слушаю васъ съ живымъ интересомъ. Вѣдь и мнѣ придется жить въ этомъ обществѣ и имѣть съ нимъ дѣло.

— Ахъ, вы могли бы имѣть отрезвляющее вліяніе на нашу провинцію! Наше общество живо интересуется столичною жизнью и то, что творится тамъ, всегда составляетъ животрепещущій вопросъ въ нашихъ глухихъ углахъ. Провинція живетъ отраженнымъ свѣтомъ отъ столицы. Но бѣда вся въ томъ, что столица не присылаетъ намъ свѣжихъ силъ, здоровыхъ элементовъ... О, простите, голубчикъ, я говорю не о васъ! Я говорю вообще. Сколько у насъ перебывало столичныхъ! И всѣ кончали тѣмъ же, чѣмъ мы: кутежами, пьянствомъ, ничего недѣланьемъ, лѣнью, картами. А почему? Потому что къ намъ прибывали люди уже тронутые жизнью, уже утомившіеся, уже провинившіеся и явившіеся къ намъ съ небезукоризненнымъ прошлымъ, на исправленіе или для отдыха отъ бурь и треволненій житейскихъ. Нѣтъ, намъ такихъ не надо! Мы сами достаточно безсильны, чтобъ увеличивать еще наше безсиліе отжившими элементами. И всѣ эти «петербургскіе фазаны», какъ у насъ называютъ вашего брата, сначала смотрѣли на насъ, жалкихъ провинціаловъ, сверху внизъ, воображали, что несутъ съ собой изъ столицы новый свѣтъ...

«Неудачные Прометеи!»—вспомнились Маржецкому слова Лизы.

— А кончалось тѣмъ, что эти носители свѣта быстро сравни-

вались съ нами; не они управляли обществомъ, а общество дѣлало ихъ своими жалкими орудіями. Ну, и что же? Вмѣсто того, чтобы прокладывать новые тропы и пути, эти столичные свѣточи находили болѣе удобнымъ и болѣе спокойнымъ вступить въ старую колею, давно уже прототоренную, потому что эта колея вела къ желанной цѣли—къ бездѣйствію и сну. Бездѣйствіе и сонъ въ натурѣ славянскаго человѣка. Вѣдь это мы выдумали гнусныя поговорки: «по одежкѣ протягивай ножки», «тише ѣдешь—дальше будешь»,—исповѣданіе застоя и регресса. Эти афоризмы исключаютъ всякую инициативу, всякую попытку двинуться впередъ, всякую возможность усовершенствованія. Гнусныя поговорки, которыя, однако, возводятъ въ перлъ народной мудрости и которыя мы внушаемъ нашимъ дѣтямъ въ видѣ моральныхъ правилъ... Ну, а потомъ извѣстно: «среда заѣла», «жизнь погубила» и прочія жалкія, гаденькія псевдо-оправданія своего же тупоумія. Ахъ, надоѣло это, вотъ какъ надоѣло! А дѣваться-то некуда...

Маржецкаго какъ будто тронула эта искренняя и неожиданно вырвавшаяся исповѣдь незнакомаго человѣка. И ему сдѣлалось немножко страшно за свое будущее.

Между тѣмъ Титовъ продолжалъ:

— И вѣдь все отъ скуки. Мы бездѣльничаемъ отъ скуки и скучаемъ отъ бездѣлья. Мы пьемъ, мы винтимъ—все отъ скуки. Скука, повидимому, одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ славянской душевной организаціи. Ну, чего, спрашиваю я васъ, скучаетъ Наталья Сергѣевна? Она—жена губернатора, предсѣдательница всякихъ благотворительныхъ обществъ, женщина красивая и не старая... У нея положеніе, и заботы, и общественная дѣятельность, но у нея, видите ли, «личной жизни» нѣтъ. Что это такое—«личная жизнь»? Это, по нашимъ понятіямъ, просто сердечная интрижка. Тамъ, гдѣ-то далеко отъ насъ, въ цивилизованныхъ странахъ,—дѣло, надъ которымъ работаетъ человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и составляетъ его личную жизнь; у насъ—личная жизнь отдѣляется отъ всякой иной. Ну, конечно, потому и «скушно». А вотъ влюбится и не будетъ «скушно». А я представляю изъ себя друга губернаторши, которому она повѣряетъ свою скуку. Не весело, мой милый,—ахъ, какъ не весело!

— Ну, вотъ видите, и вы, стало быть, жалуетесь на скуку?

— Что-жъ я? Я человѣкъ притерпѣвшійся, попавшій въ свою колею. Я и качусь по ней, по этой самой проклятой колеѣ. Вамъ вотъ только въ нее попасть не желаю.

Онъ вдругъ перемѣнилъ серьезный тонъ на шутливый и, смѣясь, сказалъ:

— Ужъ не покорила ли ваше петербургское сердце наша провинціальная барышня вчера?

Маржецкій испугался, чтобы не услыхала этихъ словъ Маруся, и смѣшался. Титовъ замѣтилъ это, и, въ свою очередь, тоже смутился.

— Вы кажется не одни пріѣхали сюда?—спросилъ онъ, чтобы какъ-нибудь поправиться.—Васъ уже видѣли съ дамой?

— Да...—торопливо проговорилъ Маржецкій понижая голосъ,—это одна моя родственница.

Они помолчали, и Маржецкій, чтобы перемѣнить тему разговора, проговорилъ:

— А что вы скажете вообще объ этомъ обществѣ?

— Да что?—ничего особеннаго. Общество, какъ всякое другое. Есть конечно и хорошіе, и дѣльные, и умные люди. Но наши дамы! О, эти заняты по горло. Онѣ вѣчно слѣдятъ за кѣмъ-нибудь. И завтра, и послѣзавтра, и еще полгода онѣ будутъ слѣдить за вами и разсуждать о васъ; и все это съ точки зрѣнія благоприличія, благовоспитанности, свѣтскости и прочее. Потомъ имъ все это надоѣстъ, и онѣ примутся за другого. Васъ непремѣнно будутъ разспрашивать о томъ, что дѣлается въ столицѣ и правда ли то или другое. Если вы имъ отвѣтите, что все это вздоръ, онѣ разочаруются и потеряютъ къ вамъ интересъ,—дескать онъ въ надлежащихъ сферахъ не вращался и ничего не знаетъ... Ну, да что дамы, Богъ съ ними! Но вамъ служить будетъ у насъ не трудно. Губернаторъ не дурной и добрый человѣкъ; но у него нѣтъ иниціативы и, что главное, нѣтъ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Если вы станете ему близкимъ человѣкомъ, вы можете вліять на него, и онъ легко подчинится этому вліянію, какъ теперь подчиняется и правителю канцеляріи и вообще каждому докладчику.

— Но отчего же вы на него не вліяете?

— Ахъ, я—другое дѣло! Меня заполонила губернаторша; я, такъ сказать, служу при ней и исполняю ея порученія; она меня отстаиваетъ отъ губернатора,—я секретарствую въ ея коммиссіяхъ, веду журналы засѣданій по благотворительности и составляю отчеты. Очень понятно, я отсталъ отъ дѣлъ губерніи, и Николай Ивановичъ, говоря обо мнѣ, морщится и прибавляетъ: «Этотъ Титовъ вѣчно ничего не знаетъ». Наталья Сергѣевна помыкаетъ мною какъ своимъ грумомъ. Мнѣ надоѣло это. Право, я охотно уступилъ

бы вамъ мое мѣсто при этой барынѣ, а самъ сдѣлался бы дѣловымъ, а не благотворительнымъ чиновникомъ. Только, пожалуйста, все, о чемъ мы здѣсь говорили, между нами! — вдругъ испугался Титовъ.

— Господи! Да само собой,—успокоилъ его Маржецкій.

Титовъ быстро всталъ, взглянулъ на часы, схватился за голову и, попрощавшись, умчался.

Маржецкій, простившись съ Марусей, отправился отыскивать квартиру.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ.

Повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

I.

Художникъ сидѣлъ въ открытомъ экипажѣ рядомъ съ пани Эльзенъ, противъ ея близнецевъ, Ромула и Рема, отчасти разговаривалъ, отчасти думалъ о положеніи, которое требовало немедленной развязки, отчасти смотрѣлъ на море. А смотрѣть было на что. Они ѣхали по направленію изъ Ниццы къ Монте Карло, по такъ называемому «старому Корнишу», то-есть, по дорогѣ, тянущейся вдоль скалъ, высоко надъ моремъ. Съ лѣвой стороны видъ закрывали бока горъ, совершенно обнаженные, сѣрые, съ розовато-жемчужнымъ отливомъ, за то справа синѣла ширь Средиземнаго моря, которое, казалось, лежитъ гдѣ-то страшно глубоко и вслѣдствіе этого производитъ впечатлѣніе и пропасти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечности. Съ возвышенія, на которое взобрался экипажъ, маленькія рыбачьи лодки представлялись бѣлыми пятнами, такъ что порою трудно было отличить далекій парусъ отъ чайки, кружащейся надъ заливомъ.

Пани Эльзенъ прислонилась плечомъ къ плечу Свирскаго. Лицо у нея было такое, какое бываетъ у совершенно упоенной женщины, которая не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, глаза мечтательно бродили по зеркалу моря.

Свирскій почувствовалъ ея прикосновеніе, по всему тѣлу пробѣжала сладостная дрожь, и онъ подумалъ, что еслибъ въ эту минуту передъ нимъ не было Ромула и Рема, то онъ, можетъ быть, обнялъ бы молодую женщину и прижалъ бы ее къ груди.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ его охватилъ страхъ при мысли, что тогда колебанія окончились бы и положеніе было бы распутано.

Тѣмъ временемъ пани Эльзенъ сказала:

— Остановите экипажъ.

Свирскій остановилъ экипажъ и съ минуту всѣ оставались въ молчаніи.

— Какъ здѣсь тихо, послѣ шума въ Монте Карло! — снова отозвалась молодая вдова.

— Я слышу только музыку, — отвѣтилъ художникъ, — то, можетъ быть, играютъ на броненосцахъ въ Виллафранкѣ.

Дѣйствительно, снизу отъ времени до времени вѣтеръ доносилъ сюда запахъ померанцовыхъ цвѣтовъ и геліотропа вмѣстѣ съ отдаленными звуками музыки. Внизу были видны кровли виллъ, разбросанныхъ по побережью, а рядомъ съ ними бѣлыя и розовыя пятна: то были группы цвѣтущихъ миндальныхъ и персиковыхъ деревьевъ. Еще ниже виднѣлся голубой, залитый солнцемъ Виллафранкскій заливъ, съ линіей большихъ кораблей.

Жизнь, кипящая внизу, представляла странное противорѣчіе съ глухою мертвенностью пустыхъ и безплодныхъ горъ, надъ которыми разстилалось безоблачное, прозрачное, почти стеклянное, равнодушное небо. Среди этихъ спокойныхъ громадъ все какъ-то принижалось и мельчало, и экипажъ съ кучкою людей представлялся жукомъ, который дерзко осмѣлился вползти на эти высоты.

— Здѣсь совсѣмъ кончается жизнь, — сказалъ Свирскій, смотря на наготу сосѣднихъ скалъ.

Пани Эльзенъ еще сильнѣй прижалась къ его плечу и отвѣтила тягучимъ, соннымъ голосомъ:

— А мнѣ кажется, что здѣсь она начинается.

Свирскій промолчалъ съ минуту и проговорилъ съ оттѣнкомъ волненія:

— Можетъ быть, вы правы.

И онъ посмотрѣлъ на нее пытливымъ взглядомъ. Пани Эльзенъ также подняла на него глаза, но тотчасъ же опустила вѣки. Она казалась сконфуженною и, несмотря на то, что на передней лавочкѣ экипажа сидѣли ея мальчики, въ настоящую минуту представлялась молодой дѣвушкой, глаза которой не могутъ вынести перваго блеска любви. Они оба замолкли, только снизу доносились отрывистые звуки музыки.

Тѣмъ временемъ на морѣ, вдали, у самаго входа въ заливъ показался темный султанъ дыма, и торжественное, полное тишины, настроеніе было нарушено Ремомъ, который вскочилъ съ сидѣнья и закричалъ:

— Tiens! le Fohmidable!

Пани Эльзенъ бросила неодобрительный взглядъ на младшаго

изъ своихъ близнецовъ. Ей было жаль той минуты, гдѣ каждое слово могло рѣшить ея судьбу.

— Remus,—сказала она,—veux tu te tair?

— Mais, maman, c'est le Fohmidable!

— Какой несносный мальчикъ!

— Pouhquoi?

— Онъ дуракъ, но на этотъ разъ онъ правъ,—неожиданно отозвался Ромулъ.—Вчера мы были въ Виллафранкѣ (онъ обратился къ Свирскому). Вы видѣли, какъ мы собирались ѣхать на велосипедахъ,—и намъ сказали, что вся эскадра уже въ сборѣ, за исключеніемъ Формидабля, и что онъ долженъ придти завтра.

На это Ремъ отвѣчалъ съ сильнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ:

— Ты самъ дугакъ!...

Дѣти начали толкать другъ друга локтями. Пани Эльзенъ, зная по опыту, какъ непріятна Свирскому манера, съ которою говорятъ ея мальчики, приказала имъ вести себя смирно и прибавила:

— Я уже говорила и вамъ, и пану Кресовичу, чтобы вы не говорили между собой иначе какъ по-польски.

Кресовичъ былъ чахоточный студентъ изъ Цюриха. Пани Эльзенъ отыскала его на Ривьерѣ и пригласила въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ послѣ знакомства со Свирскимъ, а въ особенности послѣ громогласнаго заявленія злоязычнаго и богатаго барина, пана Вядровскаго, что въ хорошихъ домахъ теперь дѣтей уже не воспитываютъ какъ комми-вояжеровъ.

Какъ бы то ни было, ни въ чемъ неповинный Формидабль испортилъ настроеніе впечатлительнаго живописца. Спустя минуту экипажъ, скрипя по камнямъ, двинулся дальше.

— Это вы хотѣли ихъ взять съ нами, — заговорила мягкимъ голосомъ пани Эльзенъ, — вы черезчуръ добры къ нимъ. Сюда нужно когда-нибудь пріѣхать въ лунную ночь. Хотите сегодня?

— Я всегда хочу,—отвѣтилъ Свирскій,—но сегодня луны не будетъ, да и обѣдъ вашъ кончится, должно быть, поздно.

— Должно быть, — сказала пани Эльзенъ, — пожалуйста, напомните мнѣ, когда будетъ полнолуніе. Жаль, что я не одного васъ пригласила на этотъ обѣдъ... Въ полнолуніе здѣсь должно быть очень хорошо, хотя на такихъ высотахъ я всегда испытываю біеніе сердца. Еслибъ вы могли знать, какъ въ эту минуту у меня бьется сердце... посмотрите мой пульсъ,— это видно даже сквозь перчатку.

Она протянула ему ладонью руку, чуть не въ трубку стянутую шведскою перчаткой. Свирскій взялъ ее въ свои руки и посмотрѣлъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ничего не видно, но, можетъ быть, можно услышать...

И, наклонивъ голову, онъ приложилъ ухо къ пуговицамъ перчатки, крѣпко прижалъ ее къ лицу, потомъ незамѣтно провелъ по своимъ губамъ и сказалъ:

— Когда во время моего дѣтства мнѣ удавалось поймать птицу, то сердце у нея билось точно такъ же... да, какъ у пойманной птицы.

Пани Эльзенъ почти грустно улыбнулась и повторила:

— Какъ у пойманной птицы.

Однако, черезъ минуту, она спросила:

— А что вы дѣлали съ пойманными птицами?

— Я страшно привязывался къ нимъ. Но онѣ всегда улетали.

— Какія злыя птицы!

Художникъ продолжалъ съ оттѣнкомъ волненія:

— Такъ и сложилась моя жизнь. Напрасно я искалъ того, кто захотѣлъ бы остаться со мною, и въ концѣ концовъ потерялъ надежду.

— Нѣтъ, надѣйтесь!—отвѣтила пани Эльзенъ.

Свирскій подумалъ, что если дѣло началось такъ давно, то нужно его покончить, а тамъ что Богъ дастъ. Въ настоящую минуту онъ испытывалъ впечатлѣніе человѣка, который закрываетъ себѣ пальцами глаза и уши, прежде, чѣмъ прыгнуть въ воду, съ сознаніемъ, что такъ нужно, и времени для размышленія не остается.

— Можетъ быть, вамъ лучше будетъ пройтись,—сказалъ онъ.—Экипажъ поѣдетъ за нами, и, кромѣ того, намъ можно будетъ говорить болѣе свободно.

— Хорошо,—покорнымъ голосомъ отвѣтила пани Эльзенъ.

Свирскій дотронулся тростью до спины возницы. Экипажъ остановился, и сѣдоки вышли изъ него. Ромулъ и Ремъ побѣжали впередъ, но остановились въ нѣсколькихъ шагахъ посмотрѣть на виднѣвшіеся внизу домики Эзе и столкнуть нѣсколько каменьевъ. Свирскій и пани Эльзенъ остались одни, но, видно, въ этотъ день надъ ними тяготѣла какая-то судьба. Не успѣли они воспользоваться минутой, какъ передъ Ромуломъ и Ремомъ остановился какой-то всадникъ, ѣдущій со стороны Монако, съ грумомъ, одѣтымъ по-англійски, позади.

— Это де Синтенъ,—съ неудовольствіемъ сказала пани Эльзенъ.

— Да, я узнаю его.

Черезъ минуту предъ ними предстала лошадиная голова, а надъ нею лошадиное лицо молодого де Синтена. Всадникъ поколебался, не ограничиться ли ему поклономъ и не поѣхать ли дальше. Но еслибъ они хотѣли оставаться одни, то не брали бы съ собой мальчиковъ. Де Синтенъ соскочилъ съ лошади, сдѣлалъ груму знакъ рукой и снялъ шляпу.

— Добрый день!—немного сухо сказала пани Эльзенъ.—Это часъ вашей прогулки?

— Да. Утромъ я стрѣляю съ Уильксбеемъ по голубямъ и не могу ѣздить верхомъ, чтобъ не утомить руки. У меня уже на семь голубей больше, чѣмъ у него. Вы знаете, что Формидабль сегодня приходитъ въ Виллафранку и что послѣ завтра адмиралъ даетъ на немъ балъ?

— Мы видѣли, какъ онъ подходилъ.

— Я собственно ѣхалъ въ Виллафранку, чтобъ повидаться съ однимъ знакомымъ офицеромъ, но теперь уже поздно. Если позволите, я возвращусь съ вами въ Монте-Карло.

Пани Эльзенъ кивнула головой, и всѣ пошли вмѣстѣ. Синтенъ—большой охотникъ до лошадей—сразу заговорилъ о лошади, на которой пріѣхалъ.

— Я купилъ ее у Уоксдорфа. Уоксдорфъ проигрался въ trente et quarante,—ему были нужны деньги. Онъ держалъ на inverse и попалъ на серію, а потомъ карта измѣнилась. (Тутъ онъ обратился къ лошади). Чистая ирландская кровь и голову даю на отсѣченіе, что лучшаго не найдешь на всемъ Корнишѣ. Только садиться на нее трудно.

— Норовистый?—поинтересовался Свирскій.

— Сядешь на него,—совсѣмъ ребенокъ. Ко мнѣ онъ уже привыкъ, но, напримѣръ, вы едва ли сѣли бы на него.

Свирскій, который въ дѣлахъ спорта былъ наивнѣе всякаго ребенка, тотчасъ же спросилъ:

— Почему такъ?

— Не пробуйте, по крайней мѣрѣ здѣсь, надъ обрывомъ!—воскликнула пани Эльзенъ.

Но Свирскій уже держалъ руку на лошадиномъ хребтѣ и, спустя секунду, сидѣлъ на сѣдлѣ, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны лошади. Можетъ быть, она совсѣмъ не была норови-

стою, а можетъ быть понимала, что на скалистомъ хребтѣ, надъ пропастью, лучше не позволять себѣ какихъ-нибудь выходокъ.

Всадникъ и конь вскорѣ исчезли за поворотомъ дороги.

— Онъ недурно сидитъ, — сказалъ де Синтенъ, — но испортитъ лошадь. Собственно говоря, здѣсь нѣтъ дорогъ для верховой ѣзды.

— Ваша лошадь оказалась совершенно спокойною, — замѣтила пани Эльзенъ.

— Это меня очень радуетъ. Здѣсь легко подвергнуться всякой случайности, и я немного боялся.

Но на лицѣ де Синтена отразилось неудовольствіе, — во-первыхъ, его разсказы объ упрямствѣ лошади могли показаться ложью; во-вторыхъ, къ Свирскому онъ питалъ скрытое нерасположеніе. Правда, де Синтенъ не имѣлъ никакихъ серьезныхъ намѣреній по отношенію пани Эльзенъ, но желалъ, чтобъ ему не мѣшали и въ тѣхъ, какія у него были. Кромѣ того, нѣсколько недѣль назадъ они поговорили довольно крупно. Синтенъ, непримиримый аристократъ, однажды, на обѣдѣ у пани Эльзенъ, заявилъ, что *по его мнѣнію* человѣкъ начинается съ барона. Свирскій, — въ ту минуту онъ былъ въ плохомъ расположеніи духа, — спросилъ, «въ какую сторону»? Молодой человѣкъ принялъ этотъ отвѣтъ къ сердцу такъ, что началъ совѣтоваться съ паномъ Вядровскимъ и судьею Кладскимъ, какъ ему поступить, — и только тогда съ истиннымъ изумленіемъ узналъ, что въ гербѣ Свирскаго есть митра. Слухи о необычайной силѣ Свирскаго и его умѣньи стрѣлять, можетъ быть, также успокоительно повліяли на нервы барона. Какъ бы то ни было, но этотъ разговоръ оставилъ извѣстную непріязнь въ сердцахъ у обоихъ. Наконецъ, когда пани Эльзенъ видимо начала склоняться на сторону Свирскаго, недоброжелательство приняло совершенно платоническій характеръ.

Однако, художникъ чувствовалъ его сильнѣй. Правда, никто не предполагалъ, чтобъ дѣло могло кончиться бракомъ, но въ обществѣ уже начинали говорить о его чувствахъ къ пани Эльзенъ, а онъ подозрѣвалъ, что де Синтенъ и его компанія подсмѣиваются надъ нимъ, какъ надъ наивнымъ человѣкомъ. Ни де Синтенъ, ни его компанія не проговорились ни однимъ словомъ, но въ Свирскомъ коренилось убѣжденіе, что это такъ и есть, — и это огорчало его, главное по поводу пани Эльзенъ.

Довольный тѣмъ, что де Синтенъ хоть теперь, при разсказѣ о своей лошади, оказался человѣкомъ, которому нельзя особенно довѣрять, онъ возвратился назадъ и сказалъ:

— Хорошая лошадь, и потому собственно хорошая, что смирна, какъ овца.

Онъ слѣзъ съ сѣдла, и всѣ пошли втроемъ,—вѣрнѣе, впятеромъ, потому что Ромулъ и Ремъ теперь держались ближе къ матери. Пани Эльзенъ, на зло де Синтену, а можетъ быть изъ желанія избавиться отъ него, завела разговоръ о картинахъ и вообще объ искусствѣ, о которомъ молодой спортсменъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Но тотъ съ своей стороны началъ перетряхивать сплетни изъ игорнаго дома и поздравлять молодую женщину со вчерашнею побѣдой.

Пани Эльзенъ слушала его слова съ неудовольствіемъ,—ей было стыдно передъ Свирскимъ за то, что она принимала участіе въ игрѣ. Замѣшательство ея еще болѣе увеличилось, когда Ромулъ сказалъ:

— Maman, а ты говорила намъ, что никогда не играешь. Дай намъ за это по луидору... хорошо?

Она отвѣтила, какъ будто не обращаясь ни къ кому:

— Я искала Кладскаго, чтобъ попросить его сегодня обѣдать, потомъ мы немного поиграли.

— Дай намъ по луидору!—повторилъ Ромулъ.

— Или купи намъ маленькую рулетку,—добавилъ Ремъ.

— Не надоѣдайте мнѣ и садитесь въ экипажъ. До свиданія, monsieur де Синтенъ.

— Въ семь?

— Въ семь.

Минуту спустя Свирскій снова очутился около красивой вдовы, но теперь они сидѣли уже на передней скамьѣ, чтобъ любоваться заходящимъ солнцемъ.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ литературной переписи К. Д. Кавелина.

XV.

Князь А. И. Васильчиковъ.

(род. 27 октября 1818 г., † 2 октября 1881 г.).

Авторъ извѣстныхъ изслѣдованій по экономическому положенію Россіи, преимущественно же крестьянскаго быта, и убѣжденный сторонникъ общиннаго владѣнія землей,—познакомился съ Кавелинымъ, какъ кажется, только по выходѣ въ свѣтъ своей монографіи *О самоуправленіи* (1-е изд. Спб., 1869—1871 гг., 3 тома; 2-е изд., тамъ же, 2 тома). Въ 1876 г. въ Петербургѣ появился сборникъ *Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины*, изданный петербургскимъ отдѣленіемъ Славянскаго благотворительнаго комитета, коего князь Васильчиковъ былъ тогда предсѣдателемъ. Въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, была помѣщена его статья *О настоящемъ положеніи землевладѣнія въ Россіи*, составлявшая отрывокъ изъ второго большого сочиненія его *Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ*, вышедшаго въ Петербургѣ въ концѣ 1876 г. въ двухъ томахъ. По поводу статьи въ *Братской помочи* Кавелинъ написалъ кн. Васильчикову слѣдующее письмо:

Спб., 3 апрѣля, 1876 г.

Милостивый государь
князь Александръ Илларіоновичъ!

Приготовляя къ печати статью объ общинномъ владѣніи [1]), я познакомился съ матеріалами о земледѣліи въ Россіи, собранными статсъ-секретаремъ Валуевымъ и напечатанными въ видѣ приложенія къ трудамъ особой коммиссіи, состоявшей подъ его предсѣ-

---

[1]) Статья Кавелина *Общинное владѣніе* (по поводу книжки Е. И. Якушкина *Обычное право*) появилась въ газетѣ *Недѣля* 1876 г., №№ 3—7, и въ томъ же году появилась отдѣльною брошюрой. Переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *Der bürgerliche Gemeinde Besitz in Russland*. Leipzig, 1887 г.

дательствомъ. Эти матеріалы, въ связи съ тѣмъ, что я знаю изъ собственнаго опыта и изъ печатныхъ и словесныхъ отзывовъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, показались мнѣ до того интересными и многозначительными, что было задумалъ заняться, съ нынѣшняго лѣта, разработкой собранныхъ коммиссіею свѣдѣній и на основаніи ихъ представить рядъ статей, картину теперешняго состоянія у насъ важнѣйшихъ сельскихъ промысловъ, указать неблагопріятныя условія, въ которыя они поставлены, и критически разобрать мѣры, которыми предполагается ихъ устранить. При этомъ я думалъ обратить особенное вниманіе на сельско-хозяйственный бытъ крестьянъ.

Узнавъ недавно изъ статьи вашей, напечатанной въ *Братской Помочи*, что вы задумали (а можетъ быть уже и написали) большое сочиненіе о землевладѣніи, я пришелъ въ раздумье, не будетъ ли совпадать предполагаемый мой трудъ съ тѣмъ, что должно войти или уже вошло въ кругъ вашихъ изслѣдованій. Если да, то я отказываюсь вовсе отъ своего намѣренія. Я не могу конкуррировать съ вами въ области, которая вамъ знакома несравненно больше и лучше, чѣмъ мнѣ, а направленіе моей работы во всякомъ случаѣ не представитъ, въ сравненіи съ вашимъ, ничего существенно полезнаго и новаго. Дѣла у насъ слишкомъ много, а работающихъ слишкомъ мало, чтобы сосредоточивать силы на однихъ и тѣхъ предметахъ. Я только потому думалъ было заняться нашимъ сельско-хозяйственнымъ положеніемъ, что оно имѣетъ величайшую важность, а между тѣмъ какъ-то заброшено, и если трактуется, то или съ задними мыслями, или рутинно. Вы, если за него приметесь, выясните его вполнѣ и къ тому, что вы скажете, мало что можно будетъ прибавить.

Вотъ поводъ, по которому я рѣшаюсь обратиться къ вамъ за разъясненіемъ моихъ сомнѣній. Цѣль моего вопроса, можетъ быть, послужитъ извиненіемъ моей нескромности. По крайней мѣрѣ я отъ души этого желаю.

Прошу васъ, глубокоуважаемый князь, принять выраженіе моего уваженія и совершенной преданности

К. Кавелинъ.

Князь Васильчиковъ отвѣчалъ на это письмо Кавелину весьма любезно, выражая желаніе быть у него и переговорить о предметѣ его письма. Въ началѣ декабря 1876 г., посылая Кавелину экземпляръ своего *Землевладѣнія и земледѣлія*, князь Васильчиковъ писалъ:

Милостивый государь
Константинъ Дмитріевичъ!

Позвольте вамъ поднести приложенный экземпляръ моего сочиненія и просить васъ принять его съ снисхожденіемъ. Исполненіе моего труда не соотвѣтствуетъ его важному значенію, и я работалъ съ такими перерывами, что не успѣлъ дать многимъ изслѣдованіямъ надлежащей связи; кромѣ того первый томъ былъ изрѣзанъ цензурой и нѣкоторые существенные выводы должны были быть выпущены.

Я бы самъ привезъ вамъ мое дѣтище, но сижу безвыѣздно дома по нездоровью. Еслибъ вамъ было свободно въ субботу вечеромъ, то вы бы меня много обрадовали вашимъ посѣщеніемъ.

Вамъ преданный
Князь А. Васильчиковъ.

Кромѣ этого письма въ бумагахъ Кавелина сохранились еще двѣ небольшія записки кн. Васильчикова отъ 1881 г., изъ которыхъ видно, что отношенія ихъ стали близки и что они нерѣдко посѣщали другъ друга, обмѣниваясь мыслями по крестьянскому вопросу, въ воззрѣніяхъ на который сходились.

ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

(Дюре Рейнъ)

(Изъ семейной хроники).

Романъ Іонаса Ли. Переводъ съ датскаго.

I.

Мирный уголокъ.

Большая рѣка, съ бурливымъ шумомъ бѣгущая въ другое время года по лѣсному пространству, сверкая между толстыми стволами, какъ новенькій клинокъ,—теперь, послѣ долгой лѣтней засухи, терялась между высокими песчаными холмами. Сосны и ели обдавали жаромъ и роняли капли пота-смолы; ни одинъ листокъ не шевелился на лиственныхъ деревьяхъ. Пыльная королевская дорога съ верстовыми камнями, помѣченными иниціалами Христіана V, убѣгала золотистой полоской вдаль, мимо частоколовъ.

Въ лѣтнемъ туманѣ вырисовывался старинный барскій домъ съ красною кровлею щипцомъ, выдававшеюся изъ листвы высокихъ горныхъ кленовъ и тополей; домъ принадлежалъ къ усадьбѣ окружного судьи, расположенной на скатѣ.

Въ эту полуденную пору домъ казался вымершимъ: тишь... ни звука.

Внизу передъ мостикомъ, ведущимъ къ гумну, стояло нѣсколько телѣгъ; выпряженныя лошади паслись на привязи въ сторонкѣ. Лежавшій въ тѣни конуры дворовый песъ Аяксъ пыхтѣлъ и отдувался въ своей богатой шубѣ. Время отъ времени онъ порывался заинтересоваться курами, которыя что-то ужъ больно смѣло приближались къ крапивѣ, росшей у запретной садовой калитки, но дремота одолѣвала его, и онъ съ искреннею зѣвотой ронялъ голову на лапы.

Изъ окна верхняго этажа краснаго зданія, гдѣ помѣщалась контора, высовывался одинъ изъ конторщиковъ, въ рубашкѣ, безъ жилета, и созерцательно покуривалъ трубку. Съ минуту онъ какъ будто искалъ глазами, на чемъ бы остановить свое праздное вниманіе.

— Бѣги, бѣги, Малена! Твои дѣтки ждутъ не дождутся! —крикнулъ онъ босой и кривобокой кухаркѣ, которая, прихрамывая, несла поросятамъ объѣдки.

— Иль въ отцы къ нимъ напрашиваешься?—бросила она ему на ходу, скрываясь за пристройками.

Солнце такъ и пекло широкое крыльцо съ витыми перилами.

Въ самомъ домѣ, среди послѣобѣденной тишины, раздавался только тихій скрипъ какой-нибудь двери, да со стороны кухни слышалось монотонное жужжаніе прялки.

Изъ открытаго оконца мезонина неслись сдержанно веселые дѣвичьи голоса.

Меретэ, младшая изъ дочерей, держала въ рукахъ постельное бѣлье; Алида, сестра ея, постарше, стелила постель.

— Давай теперь натянемъ наволочки, Меретэ! Пожалуй, пріѣдетъ сегодня, а я ни за что на свѣтѣ не хочу, чтобы онъ зналъ, что это мы тутъ стараемся для его высокоблагородія.

— Слушай, Алида! — таинственно сообщила Меретэ: — Фемія попросила Маріанну помѣняться съ ней недѣлями. Какъ ты думаешь — зачѣмъ? — И глаза дѣвушки такъ и искрились отъ смѣха, пока она натягивала на подушку свой конецъ наволочки.—Фемія, навѣрно, напуститъ на себя важность, чтобы поразить его съ перваго же раза. Вотъ потѣха будетъ! Она уже и теперь разыгрываетъ важную даму и то и дѣло поглядываетъ въ зеркало.—Онъ стариннаго рода и со связями,—говоритъ она высокимъ слогомъ и ужасно сердится, когда я чуть задѣну ее... Какъ по твоему, онъ—высокій и брюнетъ, вообще интересный?... А, можетъ быть, какой-нибудь карапузикъ? То-то Фемія будетъ озадачена!—И Меретэ, завязавъ наволочку, шаловливо швырнула подушку на изголовье постели.

Алида выпрямила свой стройный тонкій станъ. Лицо у нея было характерное, дѣлавшее ее старше ея двадцати пяти лѣтъ. Оно отличалось крупными рѣзкими чертами ея стариннаго рода.

— Все дѣло въ имени,—сказала она:—Дюре Рейнъ. Отъ него вѣетъ старинной барской усадьбой. Гласъ писалъ, что онъ, вѣрно, унаслѣдуетъ Молдевигскія имѣнья тамъ, на сѣверѣ, и что онъ именно, въ виду будущихъ своихъ лѣсныхъ владѣній, и пожелалъ занять

мѣсто помощника папы послѣ Аренца. И Фемія находитъ въ этомъ нѣчто особенно аристократическое.

— Онъ, вѣдь, много путешествовалъ!—вспомнила Меретэ:— бывалъ во Франціи и въ Даніи!

— Что-жъ, и папа бывалъ! Такъ намъ нечего скромничать передъ нимъ изъ-за этого. Если на то пойдетъ, мы сумѣемъ встрѣтить его и по-французски. Вотъ ужъ по-испански,—пусть извинитъ,—мы не знаемъ!

— Слушай, Алида,—таинственно прошептала Меретэ:— какъ ты думаешь, Аренцъ потому уѣхалъ такъ внезапно, что предвидѣлъ отказъ Маріанны? А мнѣ теперь кажется, что она согласилась бы. Они все время были такими друзьями. Но съ Маріанной вѣчно выходитъ что-то такое непостижимое.

Алида только насмѣшливо вздернула верхнюю губу.

— Что-жъ ты опять молчишь, Алида? Не ея же вина, что въ нее влюбляются!—вспылила Меретэ.

— Гмъ!...—послѣдовало со стороны Алиды.

— Имѣетъ же она право отказать!

— Да, если...

— Что *если*, что *если?* Не угодно ли сказать? Ты всегда противъ Маріанны!

— О, никто и не подумаетъ свататься, если не постараешься объ этомъ сама... или другіе добрые люди! — прибавила Алида, почти шепотомъ.

— Стыдно тебѣ, стыдно!

— Развѣ сватается кто-нибудь ко мнѣ?

— Нѣтъ, потому что ты уже просватана.

— Да, но прежде-то, прежде... чѣмъ вышло это... съ Гротомъ?

Меретэ поглядѣла на сестру нѣсколько растерянно.

— Или я, можетъ быть, хуже Маріанны лицомъ? Этого, вѣдь, ты не скажешь, конечно... нѣтъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ что видно было, какъ я къ нимъ ко всѣмъ отношусь.

— Комодъ стоитъ криво подъ зеркаломъ!—прервала ее Меретэ.—Я буду подталкивать, а ты тяни къ себѣ.

Онѣ взялись за массивныя боковыя ручки стариннаго комода съ пузатыми ящиками.

— Н-но. Слишкомъ много. Н-но. Такъ!

Алида взобралась на комодъ, тщательно обтерла немного потускнѣвшее толстое шлифованное стекло стариннаго зеркала и поправила самое зеркало, висѣвшее на свѣтло-голубой панели стѣны..

— Молотокъ, Меретэ!... Съ одной стороны повѣсимъ ему маршала Нея, а съ другой—Мюрата.

— Что ты?... Нѣтъ... Развѣ мама уступитъ?

— О, для такого-то господина, какъ Дюре Рейнъ!—протянула Алида.—Мама сказала, что ему дадутъ и одинъ изъ большихъ гардеробовъ. Ему, можетъ быть, понадобится куда прятать ружья и разныя охотничьи принадлежности.

— Какъ вижу, вы чудесно устроили все! — вдругъ раздался въ комнатѣ голосъ третьей сестры.

— Ахъ, ты здѣсь!—воскликнула Меретэ.—Ты просто испугала меня, Маріанна! Всегда такъ подкрадываешься.

— А что, не будетъ ли здѣсь кстати столикъ съ приборомъ для куренья, который стоитъ тамъ въ чуланчикѣ у катка, между старыми прялками?—замѣтила Маріанна, оглядѣвшись кругомъ.

— Да онъ не куритъ вовсе!—отрѣзала Меретэ.

— А ты откуда знаешь?

— Изъ его письма къ папѣ. Я по запаху узнаю письма курильщиковъ.

— А, ты таки полюбопытствовала! — сказала Маріанна, испытующе вперяя въ сестру свой взглядъ, причемъ глаза ея рябого, безцвѣтнаго лица превратились почти въ щелки.—Когда этотъ, сующійся всюду носикъ еще наберется ума, пожалуй, и сладу не будетъ съ дѣвчонкой, Алида!—шутила Маріанна.

— А я такъ вотъ нашла, что еще годится сюда!—торжествующе изрекла вдругъ Меретэ и въ ту же минуту исчезла за дверью.

Она быстро шмыгнула черезъ коридоръ въ обширное удушливое темное чердачное помѣщеніе, освѣщаемое лишь полосками ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, пробиравшагося сквозь слуховыя оконца въ крышѣ щипцомъ. У толстыхъ солидныхъ стропилъ, балокъ и дымовыхъ трубъ группировалась кое-какая поломанная мебель, старыя ширмы и полки съ книгами въ покоробившихся и истрескавшихся кожаныхъ переплетахъ и съ кипами исписанныхъ бумагъ.

Въ общей кучѣ хлама были и старинныя дамскія сѣдла и рамы отъ картинъ и длинноносые коньки; всевозможные ковры и дорожныя вещи, развѣшанныя на веревкахъ, дѣлили чердакъ на нѣсколько угловъ.

Сломанная віолончель и нѣсколько круглыхъ палокъ отъ занавѣсей какъ бы въѣзжали въ таинственныя нѣдра чердака въ кузовѣ выкрашенныхъ красной краской, роззолоченныхъ и украшен-

ныхъ любопытной рѣзьбой, огромныхъ семейныхъ саней—памятника добраго стараго времени.

Меретэ подобрала платье и перелѣзла черезъ нѣсколько балокъ, возлѣ цѣлаго ряда дѣтскихъ кроватокъ, къ длинному вытертому чемодану изъ тюленьей кожи, стоявшему подъ самыми стропилами; въ крышкѣ чемодана зіяла дыра.

Какъ заскрипѣла старая кожа, застонали заржавѣвшія упрямыя петли, когда дѣвушка открывала чемоданъ, предварительно немного выдвинувъ его впередъ. Въ ея усиліяхъ сказывалась слабость и хрупкость ея тонкой воздушной фигурки. Густые пепельные волосы сбились на одно плечо.

Она принялась усердно рыться въ разнообразномъ содержимомъ чемодана. Тутъ были и старыя остроконечныя бальныя ботинки и эполеты съ позеленѣвшею мишурой, обдѣланная въ серебро ручка пистолета и принадлежащее къ нему кремневое ложе и свернутое, сданное теперь въ архивъ, старое знамя Данеброга *).

Вотъ она нашла, что̀ искала, — снова засунула все въ чемоданъ и закрыла его.

— Поглядите, что я нашла!—раздался, немного погодя, въ комнаткѣ ея голосъ. И она показала сестрамъ сапожную подножку изъ краснаго дерева съ мѣдью.—Подножка дѣдушки Рейхвейна. Ее можно раздвигать, глядя по сапогамъ. А собственно она предназначена для сапогъ со шпорами—глядите, какъ широко раздвигается въ пяткѣ.

— Ну годится ли это сюда? Такая старина? — усомнилась Алида.

— Поставь, поставь у кровати. Ему навѣрно польститъ, что его принимаютъ за настоящаго кавалера!—лукаво вставила Маріанна

Меретэ растянулась во всю длину на старомъ потертомъ кожаномъ диванѣ. Въ ея фигурѣ замѣчалось вообще легкая наклонность къ кривизнѣ, и ей пріятно было немножко расправить спину. Она разглядывала свои ноги въ голубыхъ бумажныхъ чулкахъ и легкихъ лѣтнихъ башмакахъ, повертывая ихъ во всѣ стороны. Подножка, видимо, не выходила у нея изъ головы.

Вдругъ она засмѣялась.—Я думаю, чѣмъ будетъ угощать его Фемія въ свою недѣлю,—солониной и колбасой или ограничится просто сыромъ?

*) Общее для Норвегіи съ Даніей знамя до 1814 г., когда была расторгнута унія, связывавшая эти государства въ теченіе 400 лѣтъ.— *Примѣч. переводч.*

— А ты чѣмъ будешь кормить его, Меретэ?—спросила Маріанна.

— Дай сначала посмотрѣть, каковъ онъ, а потомъ увидимъ.

Она опять засмѣялась и поглядѣла въ потолокъ.

— Слушай, Алида, знаешь сколько разъ я была влюблена?—заговорила вдругъ Меретэ.—Два раза! Въ первый разъ въ пастора Бунге; это когда я конфирмовалась. Онъ говорилъ такъ хорошо; глаза у него были такіе кроткіе, а голосъ-то! Такъ и гудѣло по всей церкви, когдѣ онъ служилъ!... Потомъ разъ мнѣ приснилось, что онъ въ бѣлой блестящей одеждѣ стоитъ въ саду у яблони съ яблокомъ въ рукахъ и говоритъ, что женщина не смѣетъ отвѣдать этого яблока! А яблоко-то было такое спѣлое, наливное. И потомъ, мнѣ вдругъ почудилось, что онъ самъ принялся ѣсть яблоко, когда скрылся за изгородью.

— Это значитъ, что ты таскала изъ сада яблоки, и тебя мучила совѣсть!—пошутила Алида.

— Нѣтъ! Тогда я еще этого не дѣлала!... Но потомъ, послѣ этого сна, мнѣ пришло въ голову посмотрѣть, нѣтъ ли въ саду опавшихъ съ яблони яблокъ. И правда, я нашла на землѣ два. Но ужъ съ такими-то разбитыми яблоками нечего было прятаться... Такъ вотъ, я была влюблена въ Бунге. Ахъ, еслибъ ты только знала, какъ я носилась тогда съ мечтой стать Христовой невѣстой. Но разъ въ папины именины, когда было много гостей, онъ вздумалъ показать мнѣ, какъ танцуютъ менуэтъ—вотъ было разочарованіе-то! Всю любовь какъ рукой сняло.

— А въ другой разъ?—спросила Алида.

— Въ другой—въ майора Витте. Я его видѣла на лугу, гдѣ солдаты маршируютъ. У него были такіе большіе сѣдые усы, и онъ былъ такой видный, мужественный!... Кромѣ того, у него сидѣла пуля въ плечѣ! Онъ былъ раненъ въ сраженіи. Разъ онъ особенно поразилъ меня... на парадѣ. Передъ нимъ ѣхали четыре барабанщика! Мнѣ казалось, что онъ былъ величайшимъ героемъ въ мірѣ, и я заставила его у насъ на офицерскомъ обѣдѣ пообѣщать мнѣ спасти Польшу. Санковичъ, ты знаешь, только объ этомъ и говоритъ. Майоръ вообще всегда былъ такой милый, такой ласковый къ животнымъ, что, по моему, онъ, право, должно быть, умѣлъ болтать со своими лошадьми! Когда его перевели отъ насъ, я подарила ему на память клѣтку съ моей птичкой, которой я не довѣрила бы никому въ свѣтѣ, кромѣ него! И онъ обѣщалъ мнѣ писать о ней; но забылъ свое обѣщаніе. Да и я-то теперь помню собственно только Петьку воробья.

— О, ты, я думаю, во многихъ была влюблена! — сказала Маріанна.

— Нѣтъ, не скажу... Если мнѣ, бывало, немножко и понравится кто-нибудь изъ новыхъ, то всегда выходило, что кто-нибудь изъ васъ, сестеръ, начиналъ вздыхать по немъ, а тогда — спасибо! У меня охота проходила!... «Любовь — страсть, превосходящая всѣ страсти!» — процитировала она изъ Гольберга *), любимаго писателя ея отца, и засмѣялась. — «Моя дочь вышла замужъ, а меня и на свадьбу не позвали!» — продолжала шалить Меретэ. — Ахъ, взгляните, взгляните только на Фемію! — вскричала она вдругъ, очутившись у окошка. — Идетъ изъ бесѣдки въ новыхъ нанковыхъ перчаткахъ. Она сидѣла тамъ и шила ихъ. Теперь будетъ разгуливать въ перчаткахъ, когда пріѣдетъ сюда этотъ Дюре!

— Феміи слѣдовало бы ѣхать на зиму въ Христіанію къ полковнику Гедде, людей посмотрѣть и себя показать, — сказала Маріанна своимъ обычно-снисходительнымъ тономъ.

— Теперь? Именно теперь, когда...— воскликнула Меретэ. — Какую гримасу она бы скорчила, еслибъ ей сказали, что она должна уѣхать!

— Маренъ начинаетъ чистить лѣстницу, — перебила Маріанна, — значитъ, папа съ мамой проснулись.

И она отправилась внизъ кончать свой дневной урокъ — тканье полуаршина сукна, а Меретэ — къ своей французской грамматикѣ.

Точило, на которомъ люди оттачивали косы для послѣобѣденной косьбы, вдругъ издало пронзительный, рѣзкій визгъ, пронесшійся по всему дому. Все оживало внизу.

Вотъ обычно-сановитой и легкою поступью направился въ контору, помахивая своей пѣнковой трубкой, самъ судья въ длиннополомъ сюртукѣ, со стоячимъ воротникомъ и въ высокихъ сапогахъ. Нѣсколько крестьянъ, дремавшихъ, въ ожиданіи начала занятій въ конторѣ, на травкѣ, прикрывшись отъ солнца козырьками своихъ фуражекъ, вскочили и въ почтительномъ разстояніи послѣдовали за судьей, держа фуражки въ рукахъ.

Немного погодя на крыльцѣ показалась сама хозяйка, въ высокой, широкополой соломенной шляпѣ и въ нанковыхъ перчаткахъ, и спустилась въ садъ, въ сопровожденіи Алиды.

— Кажется, вы вполнѣ прилично устроили все наверху, такъ что нашъ будущій жилецъ, — кто бы онъ тамъ ни былъ, — можетъ

---

*) Знаменитый датскій писатель, называемый „отцомъ датской литературы“ и „датскимъ Мольеромъ“. — *Примѣч. перев.*

остаться довольнымъ!—небрежно замѣтила хозяйка.—Образованъ онъ, впрочемъ, навѣрное... бывалъ за границей; можетъ быть, даже сумѣетъ говорить съ вами по-французски. Вотъ было бы хорошо.

— Ахъ, мама! А что же скажетъ капитанъ Бухвальдъ, если его оставятъ за флагомъ? Онъ считаетъ себя такимъ безукоризненнымъ французомъ!

— Пусть себѣ. Нельзя же намъ закрѣпостить себя господину капитану!—заявила мать, подвязывая кустъ.—Какъ хороша нынѣшній годъ гвоздика... въ такую жару! А, вьюнокъ... сегодня утромъ распустился...Только бы онъ не былъ черезчуръ прихотливъ!—продолжала она затѣмъ, отвѣчая себѣ на другую мысль.—Эти его охотничьи замашки!... Вотъ съ Аренцомъ—жаль его!—можно было держать себя совсѣмъ запросто. Никакихъ хлопотъ за всѣ эти два года, что онъ провелъ здѣсь. Но уходъ его — какая-то загадка... Такъ внезапно... каждый день новыя объясненія, которыя, въ сущности, ничего не объясняли... Конечно, онъ не былъ особенно интереснымъ молодымъ человѣкомъ, но работникъ былъ хорошій. Найдетъ ли отецъ настоящаго помощника въ новомъ!...

Онѣ дошли до поросшаго мхомъ, полуразрушившагося фонтана съ деревянной трубкой посрединѣ бассейна, изъ которой чуть сочилась вода. Борта бассейна были покрыты зеленою слизью. Хозяйка остановилась, остерегаясь сырости.

— Да тутъ бы можно было кое-что сдѣлать, если не бояться маленькихъ расходовъ!—задумчиво произнесла она и затѣмъ продолжала размышлять вслухъ, откинувъ назадъ величественную сѣдую голову и обозрѣвая скатъ, причемъ указывала рукою.—Тутъ раскинется зеленая лужайка съ цвѣточными клумбами и маленькими кустиками, тамъ на скатѣ куртинка въ видѣ рога изобилія... Дальше шпалеры изъ красныхъ и бѣлыхъ розъ вдоль всей аллеи вплоть до воротъ. Питомникъ мой переполненъ, разросся до самаго угла. Есть изъ чего выбирать... И крыжовникъ, и красная смородина, и черная, и бѣлая малина... И фруктовыя деревья. Было бы только куда сажать все это... Я все живу мыслью о томъ времени, когда все это разрастется, и я буду ходить да прививать деревца и любоваться ихъ плодами...

— О, ты все носишься съ этой мыслью, мама! А папа, вѣдь, сказалъ, что это слишкомъ дорого.

— Ну, когда все будетъ уже устроено и улажено, онъ первый будетъ доволенъ. Мужчины ужасно не любятъ думать о томъ, что вотъ надо что-нибудь устраивать или тратить деньги на это!... Усадьба получитъ тогда совсѣмъ другой видъ. Тутъ надо разбить

цѣлый паркъ до самой рощи и лѣса, а съ другой стороны до рѣки. Планъ давно готовъ! — прибавила она съ рѣшительнымъ кивкомъ головы.

Алида слегка разсмѣялась.

— Онъ все разрастается и разрастается!

Мать стояла и задумчиво соображала:

— Черезъ двѣ недѣли начнется осенняя сессія... Только бы люди покончили съ уборкой ржи къ тому времени! Мнѣ нужны будутъ всѣ рабочія руки въ эти три-четыре недѣли, пока мужчины будутъ на съѣздахъ... Сходи-ка въ бесѣдку за веревкой, Алида! — продолжала она, все болѣе и болѣе увлекаясь. — Посмотримъ, сколько мѣста можно отвести подъ парники для спаржи, если считать вотъ отъ этой березы. Если уже затѣять выращивать въ парникѣ спаржу, такъ надо, чтобы было мѣсто... По крайней мѣрѣ, пять двурядныхъ грядокъ... И все это «ученое» удобреніе, что предназначено для ржаного поля, не попадетъ туда на этотъ разъ! — засмѣялась она подъ конецъ.

— А помнишь, мы прошлый годъ... и позапрошлый... и теперь всякій разъ начинали мѣрять отъ столба тамъ! — напомнила Алида съ лукавой улыбкой.

— Такъ что же? — послѣдовалъ невозмутимый отвѣтъ. — Теперь посмотримъ, соотвѣтствуетъ ли эта сторона той. Пять саженей, ты сказала?

— А, вы планируете будущій маминъ садъ! — шутливо-ласково произнесла подошедшая Маріанна. — Тебѣ письмо, Алида, отъ тетушки Ра.

И она подала сестрѣ маленькій треугольный конвертъ, запечатанный облаткой.

Меретэ была уже тутъ какъ тутъ, горя нетерпѣніемъ:

— Что за письмо принесъ Іенсъ?

Фемія явилась тоже, — хотя не такъ поспѣшно, — чтобъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Тетушка Ра приглашаетъ насъ — сестеръ — въ воскресенье на чашку чая послѣ обѣда, мама! — объяснила Алида. — «Свѣжее сливочное печенье...» — читала она вслухъ письмо.

Мать взяла письмо и, далеко держа его отъ глазъ, прочла:

— «Постскриптумъ...» Ага! Тутъ, значитъ, главное! «Новый помощникъ тоже будетъ желаннымъ гостемъ, если захочетъ посѣтить старуху и посмотрѣть нашъ знаменитый водопадъ».

— Ахъ, ей не терпится дольше воскресенья! — вырвалось у Меретэ. — Она такъ и горитъ отъ нетерпѣнія увидѣть его и рѣ-

шить, которую изъ васъ дать ему въ жены! «Которая будетъ самой подходящей партіей!» —передразнивала она датскій выговоръ тетки.—«Аренцъ не годился ни для кого изъ васъ! — продолжала она, косясь въ сторону Маріанны, — развѣ для Барбары», но ее онъ не пожелалъ взять!

— У тетушки Ра особая страсть устраивать счастье родственниковъ, — пробормотала Алида.

— Да, да! — прервала мать. — Тетушка Ра со всѣми своими прихотями и странностями умѣетъ быть великодушной. Она, вѣдь, не пожалѣла тысячи специй *), чтобы дать Маріаннѣ возможность провести три года въ Христіансфельдѣ послѣ этой тяжелой оспы... Но поторопись же дать отвѣтъ Іенсу, Алида! Вы, конечно, отправитесь всѣ. И напиши, что и господинъ Дюре, безъ сомнѣнія, съ радостью воспользуется ея любезнымъ приглашеніемъ, чтобы посѣтить добрѣйшую тетушку Ра. Сообщи, что вы приготовили ему комнату нашего Іесса... Да еще,—ты знаешь, она всѣмъ интересуется,—что Краснушка отелилась.

— Не послать ли ей кружокъ сыра съ корицей и сахаромъ?— предложила Маріанна.—У насъ еще хватитъ къ завтрашнему обѣду.

— Хорошо. Такъ напиши, что это посылаетъ ей Маріанна,— теперь ея недѣля!—скрѣпила мать предложеніе старшей дочери.— Меретэ! Меретэ! — закричала она затѣмъ.— Куры забрались въ садъ! Выгони ихъ!

И она направилась къ рощѣ, возобновивъ свои прерванныя размышленія по поводу распланировки сада.

Колоколъ на крышѣ амбара, приведенный въ движеніе усердною рукой кухарки, запѣлъ, загудѣлъ, сзывая къ вечернему чаю и будя гулкое эхо въ окрестной дали...

Съ сѣнокоса потянулись домой люди, чтобы размѣститься вокругъ длиннаго стола на кухнѣ. Хозяйка тоже двинулась изъ сада, останавливаясь то тамъ, то сямъ и опираясь на легонькія лиловыя грабли, которыя держала въ рукахъ.

Самъ судья былъ уже дома и расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ; на щекахъ у него выступили отъ гнѣва красныя пятна.

— Пусть Квигстаду снесутъ чай и закуску въ контору! — прервалъ онъ, наконецъ, тяготѣвшее надъ всѣми молчаніе, когда Маріанна появилась съ чаемъ. — Я не желаю видѣть его здѣсь.

Жена внимательно посмотрѣла на него, прежде чѣмъ усѣсться на обитый кожей стулъ.

---

*) Приблизительно двѣ тысячи рублей.—*Примѣч. перев.*

— Что случилось, Орнингъ?

— Пустяки... пустяки... Просто скандалъ!

— Опять Квигстадъ? — продолжала спрашивать жена, кивая головой.

— Безсовѣстный шелопай!... Безсовѣстный шелопай... Сидитъ теперь блѣдный съ похмѣлья и только еще развязываетъ вотъ этакую толстенную папку съ дѣлами! — судья показалъ, раздвинувъ указательный и большой пальцы и безнадежно покряхтывая, толщину папки и продолжалъ: — Протоколъ чистехонекъ, а я полагалъ, что у него все давно составлено, готово!...

— Квигстадъ въ одну ночь наверстаетъ упущенное, если постарается! — попробовала успокоить его жена.

— Онъ и то старался двѣ ночи кряду! — сердито перебилъ мужъ. — Плясалъ и кутилъ на свадьбѣ въ Норсэтѣ!

— Дурной вкусъ! — пробормотала Евфемія, вздернувъ губки и прихлебывая чай.

— Тутъ такая куча хлопотъ съ наслѣдствомъ Мартина Хауга, и все должно быть закончено къ завтрашнему дню, къ тремъ часамъ пополудни... Уже сдѣлано объявленіе, и наслѣдники съѣдутся съ разныхъ концовъ...

И судья съ сердцемъ отодвинулъ отъ себя чашку:

— Горячо, ротъ обожжешь!

Маріанна ловко перелила чай въ другую чашку и затѣмъ опять въ большую покрытую позолотой конторскую чашку отца.

— Ну, вѣдь, не въ первый разъ ему выказывать чудеса, Орнингъ! — продолжала жена, спокойно кушая бутербродъ.

Но судья только мрачно покряхтывалъ, пока семья молчаливо, осторожно управлялась съ чашками.

— И вдобавокъ, въ такое время, когда я безъ помощника!

— Увидишь, Квигстадъ еще наверстаетъ до завтра все упущенное!—сказала опять жена, отодвигая отъ себя пустую чашку.

— Но, папа, ты и не ѣлъ ничего? Хоть бы бутербродовъ съ колбасой?—рискнула предложить Маріанна, хлопотавшая у стола.

Судья отрицательно махнулъ рукой.

— Боюсь, что на этотъ разъ струна лопнетъ, милѣйшій Квигстадъ!—глухо пробормоталъ онъ и всталъ, чтобъ идти въ контору.—Что это, Алида? Что за чортъ?...—вдругъ обернулся онъ къ дочери.—Я не слыхалъ этой мелодіи лѣтъ двадцать... Это чудный менуэтъ Гайдна...

— Да, вотъ я и хотѣла спросить тебя, папа, — подхватила

Алида, наигрывавшая на фортепьяно, глядя въ листокъ старыхъ нотъ,—что дальше? Тутъ оторванъ цѣлый уголъ.

— Вотъ что!—судья подсѣлъ къ инструменту и заигралъ.—Чудесно! Божественно хорошо!

Онъ увлекался игрою все больше и больше. Алида и Меретэ стояли рядомъ и слушали.

— Да, вотъ какъ!—сказала Алида.—Мелодія такъ мнѣ знакома... Я навѣрно слышала ее въ дѣтствѣ.

— Да, да. Это было еще во времена моего помощника Фальбе, когда у насъ составлялись квартеты. Мы сыграемъ это сегодня съ тобой на клавесинѣ со скрипкой.

Онъ еще разъ пробрянчалъ недостающее въ нотахъ мѣсто.

— Вотъ какъ! Вотъ! Замѣчаешь этотъ прелестнѣйшій пассажъ?...

И онъ повернулъ свое просвѣтлѣвшее лицо къ Маріаннѣ:

— Ну, ты еще не убрала моихъ бутербродовъ?... Конечно, онъ справится съ дѣломъ до завтра, — продолжалъ судья, вставая изъ-за стола. — Пойду-ка въ контору, подбодрю его немножко. Много ли сдѣлаешь безъ охоты да въ дурномъ настроеніи!... Само собой, онъ уже ознакомился теперь съ дѣломъ... Такой дѣльный парень! И, конечно, было бы черезчуръ ужъ строго требовать отъ молодого человѣка съ такой горячей натурой, чтобы онъ пришилъ себя къ конторкѣ, не позволялъ себѣ иногда провѣтриться!...

Жена стояла у окна и, глядя, какъ онъ легкой, подпрыгивающей поступью спѣшилъ въ контору, покачала головой въ чепчикѣ.

— Ахъ, ты, Орнингъ, Орнингъ!—прошептала она.

— Какъ это ты нашла этотъ старый лоскутокъ?—пытливо обратилась она вдругъ къ дочери.

— Да, вѣдь, это менуэтъ Гайдна, мама!—отозвалась Алида.

— Гдѣ же мнѣ знать, что̀ это такое, дитя?... Ну, хорошо. Теперь пойдемъ, посмотримъ, какъ выходитъ у тебя узоръ, Евфемія...

Послѣдніе отблески зари погасли въ верхнихъ окнахъ барскаго дома. Отъ строеній и копенъ сѣна внизу подъ валомъ протянулись длинныя черныя тѣни; косари выходили изъ людской и направлялись каждый въ свою сторону, къ себѣ домой.

Двѣ дѣвушки черпали воду изъ колодца и ведро за ведромъ выливали въ ушатъ, который потомъ, продѣвъ въ его ушки палку, тащили къ кадкѣ въ кухню и въ хлѣвъ; подъ навѣсомъ закипѣла

рубка топлива къ завтрашнему дню. Конторскіе служащіе, покуривая трубки, бродили въ сумеркахъ по отлогой дорогѣ передъ домомъ.

Съ крыльца торопливо сбѣжали одна за другою Алида и Меретэ. Онѣ, каждая съ своего мѣстечка у окна, замѣтили на холмѣ у перевоза свою сводную сестру Барбару. Ее посылали по дѣлу въ сосѣднее имѣнье Опсэтъ.

Алида, рѣшившаяся пойти кратчайшею дорогой черезъ сѣнокосъ, первая присоединилась къ сестрѣ, но, минуту спустя, и Меретэ висѣла на другой рукѣ Барбары.

— Ну, что, какъ Ранди?—торопливо спросила Алида.

— Что-жъ, будетъ у насъ смородина, Барбара?—тормошила послѣднюю Меретэ.

Барбара поворачивалась то къ той, то къ другой, сбитая съ толку перекрестными вопросами. Она была полная, круглая, совсѣмъ другого типа дѣвушка, съ добродушнымъ простымъ выраженіемъ лица и маленькими живыми голубыми глазами, въ которыхъ свѣтился практическій умъ.

— Да, да... да, да! Цѣлую мѣрку и даже больше, если мама хочетъ! Старуха Опсэтъ вполнѣ понимаетъ, что гости на каникулахъ могли опустошить весь садъ... Но денегъ она брать не хочетъ. Разумѣется, мама можетъ отплатить ей нѣсколькими бутылками ягоднаго вина или чѣмъ-нибудь еще. Меня угощали тамъ кофе съ печеньемъ,—осталось еще со свадьбы.

— Ну, а Ранди? Какъ она? Довольна?—приставала Алида.

— Я спросила ее, когда старуха Опсэтъ ушла варить кашу къ ужину, каковъ ея Торстенъ, хорошъ ли. Она отвѣтила: «такой же, какъ и всѣ! Мужчины, вѣрно, иными и не бываютъ!»—шутливо докладывала Барбара.

— Такъ она и сказала?—допытывалась сильно заинтересованная Алида.—Послѣ того, какъ она такъ убивалась, что ей навязали этого франта!... Я знаю, что она заглядывалась на Кнута Рольена съ самой нашей конфирмаціи... Ахъ, эти деньги!—закончила она съ глухимъ раздраженіемъ.

— Ну, и, конечно, они очень любопытствовали насчетъ новаго помощника... На комъ его женятъ—на Маріаннѣ или на Феміи?

— *Ев*феміи!—раздалось съ крыльца, куда онѣ успѣли подойти и гдѣ сидѣла, завернувшись въ шаль, Евфемія.—Ты знаешь, я не люблю, чтобы меня звали Фемія!

— Если онъ похожъ на майора Говарда изъ «Могиканъ», съ ружьемъ за плечами и грознымъ взглядомъ, то быть ему женатымъ на *Ев*феміи!—дурачилась Меретэ.—А если онъ изъ тѣхъ, что

тихо бродятъ при лунномъ свѣтѣ, разыскивая «дѣву въ рощѣ», то, конечно, на Маріаннѣ!... А если онъ веселый, толстый малый, любящій поѣсть, то на тебѣ, Барбара!... Стойте! — прервала она вдругъ самоё себя.—Я слышу папа настраиваетъ скрипку. Бѣги, Алида!...

Немного погодя, въ домѣ раздались звуки Гайдновскаго менуэта, причемъ нѣкоторые пассажи повторялись по нѣскольку разъ.

Евфемія, закутавшись въ шаль, осталась на крыльцѣ мечтать въ сумракѣ лѣтняго вечера. Маріанна мелькала на дворѣ, весело бесѣдуя съ конторскими служащими Шмидтомъ и Августинусеномъ, которые вернулись съ прогулки.

На амбарномъ крылечкѣ сидѣлъ старикъ Геншинъ, много лѣтъ полновластно завѣдывавшій всѣми дѣлами по опекѣ, и, накинувъ на сутуловатыя плечи пальто, покуривалъ трубку.

Въ большой полутемной семейной комнатѣ, хозяйка, сонно развалившись на диванѣ, что-то вязала; Меретэ примостилась съ своимъ шитьемъ поближе къ двумъ сальнымъ свѣчамъ, стоявшимъ въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ на фортепіано, а Барбара сматывала у окна шерсть.

Судья расхаживалъ взадъ и впередъ со скрипкой въ рукахъ, задумчиво пощипывая время отъ времени струны, пока Алида еще разъ проигрывала менуэтъ на фортепіано.

— Теперь идетъ! Начнемъ вмѣстѣ—въ послѣдній разъ.

Онъ прижалъ скрипку къ широкому тугому галстуку, а подбородкомъ уперся въ отвороты высокаго стоячаго воротничка и съ одушевленіемъ началъ водить смычкомъ по струнамъ, слегка покачиваясь и весь отдаваясь музыкальному настроенію.

— Отлично, отлично!... Теперь возьмемъ другую вещь... Сегодня весь вечеръ посвятимъ Гайдну... Несравненно!...

Пока отецъ съ дочерью играли, сидя рядомъ у фортепіано, мать начала мало-по-малу дремать, кивая головой. Наконецъ, покачнувшись особенно сильно, она рѣшительно взяла свое вязанье, соскользнувшее съ колѣнъ, и сложила его, затѣмъ, только кивнувъ головой Барбарѣ, чтобы не мѣшать другимъ, выплыла изъ комнаты.

Меретэ отложила шитье и забралась въ уголъ дивана, гдѣ сидѣла мать. Евфемія и Маріанна одна за другой скользнули въ полумракъ комнаты.

Стрѣлка большихъ старинныхъ часовъ приближалась къ половинѣ одиннадцатаго—времени, когда вся семья регулярно отходила ко сну.

Играли какъ разъ финалъ симфоніи, гдѣ мелодія то и дѣло какъ

бы всплываетъ со дна безконечнаго моря звуковъ—съ каждымъ разомъ все изъ большей и большей глубины.

Меретэ вздумалось наклониться къ Маріаннѣ и шепнуть:

— Подумай, завтра вечеромъ онъ, пожалуй, будетъ уже сидѣть здѣсь и слушать!—Вдругъ она остановилась и такъ и замерла въ наклонномъ положеніи...

На стулѣ, между часами и печкой, сидѣлъ человѣкъ, сложивъ руки на колѣняхъ, и смотрѣлъ на нее. У него былъ красивый лобъ и густые, откинутые назадъ, волосы. Онъ какъ будто уже прочелъ ея мысли и лукаво-дружески улыбнулся ей.

Затѣмъ видѣніе медленно покачало головой, на лицѣ его отразилось выраженіе глубокаго страданія, и—все исчезло.

Меретэ сидѣла, онѣмѣвъ, неподвижная, испуганная; заключительные аккорды наполняли пространство и медленно замирали въ воздухѣ. Часы пробили половину одиннадцатаго.

Фортепіано закрыли, и каждый молча прибиралъ за собою.

Судья спряталъ скрипку въ футляръ, зажегъ свѣчку, приготовленную для него на столѣ, и, напѣвая мотивъ, вышелъ изъ комнаты, пожелавъ дочерямъ спокойной ночи.

Августовскій мѣсяцъ выплылъ надъ вершинами лѣса, отбрасывая длинныя, рѣзкія тѣни между постройками. Маріанна и Меретэ, вышедшія на крыльцо, чтобы запереть дверь, увидали у крыльца старика Геншина.

— Тсс!...—тихо сказалъ онъ, предостерегающе протягивая впередъ руку.—Какъ будто звукъ волторны тамъ за скалой? Похоже—не къ добру!—пробормоталъ онъ.

Онѣ прислушались.

Въ тишинѣ внезапно раздался какъ будто шумъ отдаленнаго водопада.

— Не спроста!... Не спроста это!—задумчиво протянулъ старикъ про себя, отходя отъ крыльца.

— Спокойной ночи, іомфру *) Маріанна! Спокойной ночи, іомфру Меретэ!...

Меретэ стояла на мѣстѣ, какъ вкопанная, пока Маріанна не окликнула ее нетерпѣливо. Тогда она послѣдовала за сестрой, точно застигнутая страннымъ дурнымъ сномъ, какъ будто переживъ что-то, о чемъ не смѣла разсказать.

---

*) Датское слово „іомфру“—значитъ „дѣвица“, какъ „фрёкенъ“—„барышня“ а „фру“—„барыня“. Встарину было въ ходу только первое названіе—„іомфру“; теперь же оно употребляется лишь въ примѣненіи къ дѣвушкамъ простого сословія, тогда какъ „фрёкенъ“ стало общеупотребительнымъ наименованіемъ.—*Прим. пер.*

II.

Дюре Окисенъ Рейнъ.

Мать и дочери стояли въ гладильной и разсматривали и мѣряли скатанный кусокъ шерстяной матеріи, только что полученной изъ красильни.

Но какъ Алида ни мѣрила, изъ двадцати пяти съ четвертью, сданныхъ въ краску, вышло только двадцать четыре съ половиной. Шерсть ужасно какъ садится.

— Начинается съѣздъ наслѣдниковъ! — объявила Маріанна, стоявшая у окна.

— Это Оле Нордсэтагенъ, совсѣмъ молоденькій парень... Съ серебряными пуговицами на курткѣ... Ведетъ лошадь къ конюшнѣ!—доносился изъ кухни голосъ старой коровницы Ранди, болтавшей съ кухаркой.—Денегъ у него куры не клюютъ. И самъ, говорятъ, не знаетъ, сколько у него. День-деньской можетъ идти, и все не выйдетъ изъ собственнаго лѣса. А теперь еще женится на дочкѣ Хауга.

— Подумай, Алида!—продолжала Маріанна.—Вѣдь, это сынъ стараго славнаго Ларса Осеруда, который, бывало, всегда говоритъ такъ громко и скоро, что ничего нельзя понять!

— А, того!... Помнишь, онъ еще, бывало, вынетъ изъ-за голенища бумажникъ, развернетъ и дастъ намъ всѣмъ по серебряному далеру.

— А этотъ, въ телѣжкѣ, высокій такой... это—Андерсъ Орлидъ, который собирается снять у вдовы Хауга дворъ,—продолжала стрекотать Ранди.

— Мама, а эти, что выходятъ сейчасъ изъ телѣжки,—теперь всѣ дѣвушки толпились у окна,—должно быть, изъ Ордаля... Видно по платьямъ... старинныя такія... И сбруя... и дуга съ рѣзьбой... Взгляни только, какъ они важно шествуютъ по лѣстницѣ въ контору!

— И этотъ господинъ, Тронъ Херсэтъ тоже!—сказала мать.—Кляузникъ и буянъ. Вишь, какъ оттаптываетъ каблуки по двору... А шапка надвинута на брови, точно ужъ онъ собирается вломиться въ претензію! А потомъ подастъ жалобу королю!... А вотъ, и сама вдова Хауга, Гудбёръ... Одна въ телѣжкѣ... сама правитъ... Скатывай скорѣе матерію, Алида. Отецъ, вѣрно, пошлетъ Гудбёръ къ намъ!—Нѣсколько времени спустя, мать пришла въ кухню и велѣла Маріаннѣ подать кофе съ крендельками и пышками.—Да пошли сестеръ-то помогать мнѣ занимать тетушку Гудбёръ. Ей непремѣнно надо поговорить съ каждой изъ васъ...

Гостьѣ показали садъ. Осмотрѣли цвѣточныя клумбы, ягодные кусты, фруктовыя деревья и остановились внизу у рѣпы и капусты; общее мнѣніе было, что нынѣшнее лѣто выдавалось засухою... И червь палъ на листья!

Совершенно вѣрно. Іомфру Алида права,—и у вдовы Хаугъ вся смородина и крыжовникъ изъѣдены до стебельковъ, а на капустѣ почти не видно и зелени. У нея въ Хаугѣ, конечно, некому такъ ухаживать, да поливать, да очищать зелень, какъ въ Вангенѣ у судьи.

Потомъ вдову повели въ домъ смотрѣть тканье Маріанны и восхищаться узоромъ, снятымъ съ рисунка, изображавшаго корзину съ плодами.

Само собой нельзя было не показать кстати и другихъ, хранившихся въ бѣльевомъ шкафу, рукодѣлій Вангенскихъ барышенъ. Въ нижнемъ ящикѣ лежалъ еще не бѣленый холстъ, на полкахъ, благоухавшихъ полынью и лавандой, ослѣпительно бѣлый холстъ и простынное полотно,—ленъ сѣялся, снимался съ поля, мялся и проч. въ усадьбѣ судьи, а чесался, прялся и ткался весь до послѣдней ниточки дочерьми его.

Обходъ не окончился этимъ, явилась Барбара, ведя за собой пріѣзжую изъ Таугбёля, которую тоже прислали изъ конторы. Тутъ были вынуты и ключи отъ полутемнаго чуланчика за кладовой, гдѣ взорамъ представились результаты усерднаго жужжанія прялокъ въ домѣ судьи. Здѣсь по стѣнамъ были развѣшаны мотки шерстяной и бумажной пряжи и нитокъ для шитья, тонкихъ и потолще, бѣлыхъ и черныхъ, еще не размотанныхъ. На полу же громоздились разныя прялки, мотовила, корзины съ еще нечесанной шерстью и проч.

Потомъ тетушка Гудбёръ, тетушка Лангсэтъ и тетушка Таугбёль, въ своихъ парадныхъ шелковыхъ головныхъ уборахъ, усѣлись за кофе; усерднымъ потчиваньямъ хозяекъ гостьи поддавались не сразу, а понемножку, съ разными церемоніями, учтивыми отговорками и похвалами. Лица у нихъ раскраснѣлись и вспотѣли еще въ конторѣ, и теперь время отъ времени у тетушки Гудбёръ вызывался намекъ на жадность ея зятя Нордсэта. Намеки эти встрѣчались съ равнодушными минами и скрытымъ жаднымъ любопытствомъ. Тетушка Гудбёръ только что испустила глубокій, полный таинственнаго значенія вздохъ, по поводу этой «наслѣдственной жадности», какъ на дворѣ послышался стукъ колесъ вновь прибывшаго экипажа.

— Это не на раздѣлъ!—замѣтила Маріана, внимательно глядя по

направленію къ воротамъ, своими сузившимися, какъ отъ боязни свѣта, щелками глазъ.

— Соломенная шляпа... въ одноколкѣ... въ дорожномъ плащѣ... Сзади привязанъ большой чемоданъ!—докладывала дальше Барбара.

Евфемія сразу выпрямилась изъ своего снисходительно-наклоннаго положенія, въ которомъ она соблаговолила любоваться стариннымъ плотнымъ шелковымъ передникомъ тетушки Лангсэтъ. Затѣмъ она быстро оправила рукой платье и, слегка приподнявшись на стулѣ, оглядѣла въ зеркало верхнюю половину своей персоны, послѣ чего съ важною, холодною миной откинулась на спинку стула.

— Направилъ лошадь къ крыльцу. Увидите—это новый помощникъ Рейнъ!—воскликнула Барбара.

Съ минуту мать и дочери тревожно переглядывались: тутъ эти деревенскія кумушки, являвшіяся на раздѣлъ, и самъ судья въ конторѣ.

Въ ту же минуту Аяксъ поднялъ дикій лай и сталъ рваться съ цѣпи. Лай перешелъ въ непріятный, протяжный вой, прерываемый злобнымъ рычаньемъ.

— У! какъ непріятно... Просто жутко!—сказала Барбара.—Вотъ тебѣ разъ!... Вышелъ изъ одноколки... прямо къ Аяксу! Говоритъ съ нимъ... гладитъ и треплетъ его по головѣ... даетъ обнюхать руку!... И не угодно ли... Аяксъ уползъ въ конуру, точно сконфузился своего дурного поведенія!... Нѣтъ, кто бы подумалъ!...

Хозяйка встала съ дивана.

— Ступай, позови Инге!—сказала она Барбарѣ.—Пусть она проводитъ его на верхъ въ его комнату. А я выйду встрѣчать его на крыльцо. Приготовь еще кофейныя чашки, Маріанна!... Но что съ тобой, Меретэ?—вдругъ остановилась она, пораженная видомъ младшей дочери, которая стояла вся блѣдная, держась за стулъ и едва переводя дыханіе.—Ты выпила слишкомъ крѣпкаго кофе, дитя!—нашлась мать и погладила Меретэ по головѣ.—Ступай и выпей холодной воды.

И она слегка толкнула ее къ двери въ кухню, сама же направилась въ коридоръ.

Гость уже стоялъ на крыльцѣ, отирая потъ со лба.

Любезное, краткое привѣтствіе хозяйки, объяснившей ему, что самъ судья сейчасъ занятъ, пріѣзжій выслушалъ съ какимъ-то разсѣянно-вялымъ видомъ, точно всю дорогу спалъ и не вполнѣ

еще пришелъ въ себя со сна. На послѣдовавшій же затѣмъ вопросъ хозяйки относительно самой поѣздки онъ крайне безцеремонно буркнулъ:

— Шесть часовъ ѣзды по берегу рѣки... По такому пеклу,— ужасъ, что такое!...

Онъ стоялъ передъ нею со шляпой въ рукѣ... Густые волосы, черные брови, рѣзкія черты лица напоминали выраженіемъ хищную птицу; вообще видъ у него былъ хмурый и непривѣтливый до грубости. Для этого господина, повидимому, ничего не значило дать волю своему дурному расположенію духа!... Онъ, пожалуй, «воображалъ, что заѣхалъ въ такую глушь, гдѣ нечего было и стѣсняться!»

Собираясь послѣдовать за служанкой и малымъ, несшими его чемоданъ, сакъ-вояжъ и два ружья, онъ попросилъ у хозяйки—на этотъ разъ вполнѣ учтивымъ тономъ — не позволитъ ли она ему спуститься внизъ къ нимъ и представиться попозже.

А въ ней между тѣмъ такъ и кипѣло! Не мѣшаетъ дать ему отпоръ сразу, если онъ проявитъ какую-нибудь особую претенціозность,—что-то такое въ немъ раздражало самолюбіе госпожи Орнингъ. Молодой человѣкъ могъ бы, кажется, немножко владѣть собой, представляясь въ первый разъ хозяйкѣ дома!

— На ужинъ кашу и еще что-нибудь, какъ всегда! — сказала она потомъ Маріаннѣ.—Ничего лишняго!

Въ комнатѣ начинало ощущаться какое-то томленіе въ ожиданіи конца раздѣла и часа освобожденія. Время старались скоротать въ болтовнѣ о томъ, о семъ—о легкомысленныхъ бракахъ, о печальныхъ и дурныхъ обычаяхъ; подспорьемъ бесѣдѣ служили усердныя подчиванья кофе и печеньемъ.

Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ наслѣдниковъ соскучились уже и бродили по двору; другіе запрягали лошадей.

Но вотъ, видимо, и раздѣлу подошелъ конецъ, какъ всему на свѣтѣ!

Въ дверяхъ появился Шмидтъ и попросилъ, отъ имени судьи, пожаловать въ контору всѣхъ трехъ женщинъ, чтобы присутствовать при чтеніи протокола.

Хлопотливое послѣобѣденное время кончилось; послѣдняя тележка съѣхала со двора.

Судья такъ быстро двинулся изъ конторы къ себѣ, что полы его сюртука разлетались и хлопали его по ногамъ. Онъ съ довольнымъ видомъ потиралъ руки, точно сбросилъ съ плечъ гору.

— Вотъ человѣкъ!... Просто чортъ, а не человѣкъ этотъ Квиг-

стадъ!.. Вѣдь, все это огромное дѣло по раздѣлу было-таки готово къ сроку! Онъ и третью ночь проплясалъ безъ сна!... Закусилъ удила, какъ говорятъ о лошадяхъ — пояснилъ онъ женѣ — и я поймалъ его раза два, какъ онъ поглядывалъ на меня, точно хотѣлъ убѣдиться, постигаю ли я его искусство... Да, да! Признаюсь, для меня загадка, какъ можетъ человѣкъ удерживать такъ ясно въ памяти всѣ эти скучныя подробности и формальности, касающіяся имущества ближняго...

— Ну, теперь дѣло не въ этомъ, Орнингъ,—перебила жена.— Новый помощникъ прибылъ.

— Что? Что ты говоришь, Болетта?

— Онъ прямо поднялся къ себѣ со всѣмъ своимъ багажомъ и охотничьими штуками... Сдѣлай теперь милость, Орнингъ, не слишкомъ разспрашивай его, когда онъ сойдетъ внизъ, о его музыкальныхъ талантахъ, а также не увлекись сразу высокими матеріями. На него надо посмотрѣть, да посмотрѣть сначала!... Очень важно, какъ поставишь себя съ перваго раза.

Судья слегка кашлянулъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки назади, на спинѣ своего острофалдаго сюртука.

— Что за помощникъ попадется тебѣ—дѣло случая, какъ и погода!—вырвалось у него.

— Лучшимъ помощникомъ, навѣрно, будетъ наименѣе музыкальный!—замѣтила вскользь жена, выходя изъ комнаты.

Судья, продолжавшій, насвистывая, ходить взадъ и впередъ, усмѣхнулся ей вслѣдъ. «Почти остроумно!... Только... какъ будто не совсѣмъ деликатно!... Хррр!»

Его вдругъ озадачила Февія, которая, раскрывъ дверь и бѣгло оглядѣвъ комнату, опять скрылась. Она была въ соломенной шляпѣ, въ длинныхъ нанковыхъ перчаткахъ и съ корзинкой въ рукахъ.

Немного погодя, новый помощникъ, Дюре Рейнъ, сидѣлъ за ужиномъ между Алидой и Геншиномъ, который только что былъ ему представленъ. Старый служащій сидѣлъ сгорбившись и, съ видомъ человѣка себѣ на умѣ, посматривалъ на новичка, словно готовясь защищаться противъ возможнаго вторженія въ сферу своей власти.

За нимъ сидѣлъ Квигстадъ; его острые, сѣрые глаза внимательно измѣряли глубину ума молодого помощника, насколько она проявлялась въ его рѣчахъ и манерѣ обращенія. Выраженіе лица у Квигстада послѣ всего происшедшаго было сосредоточенное, дѣловое, и онъ разсѣянно вертѣлъ вышитое бисеромъ кольцо для салфетки, которое перекатилось къ нему по скатерти отъ Алиды.

Дальше сидѣлъ «маленькій Шмидтъ», опустивъ глаза въ та-

релку съ кашей; вниманіе его искусно дѣлилось между двумя его идеалами въ жизни—самимъ судьей и Квигстадомъ; онъ изучалъ, какое впечатлѣніе производитъ вновь пріѣзжій на перваго и какъ относится къ нему второй. Въ самой же глубинѣ души молодой человѣкъ былъ занятъ своею любовью къ двадцативосьмилѣтней Маріаннѣ—его визави за столомъ, которую онъ страшно ревновалъ къ ея сосѣду Августинусену. Она два вечера подрядъ удостоивала послѣдняго совмѣстной прогулкой! Она, правда, не то, чтобы была очень красива... Но какая у нея фигура... накая чудная походка... И какъ она мила, привѣтлива въ обращеніи!

Барбара молча занималась новымъ помощникомъ. Она любопытно разглядывала его своими узенькими, свѣтящимися практическимъ умомъ глазками и дѣлала свои наблюденія... У него были большія, красивыя роговыя пуговицы на застегнутомъ наглухо сюртукѣ... Плотный, шелковый галстукъ свободно облегалъ шею подъ воротничками рубашки... Черныя брови сходились надъ переносьемъ... на пальцѣ не было кольца,—навѣрно не помолвленъ еще. Да тѣ, что такъ дружатъ съ животными, рѣдко и женятся—какъ говоритъ тетушка Ра. Вотъ онъ положилъ себѣ въ кашу масла, не дожидаясь, чтобъ его попотчивали!...

— А вотъ и самая младшая наша дочь!—сказала хозяйка, когда вошла Меретэ и, конфузливо поклонившись, заняла мѣсто рядомъ съ матерью на концѣ стола. — Поздно ты приходишь, дитя!

— Мнѣ надо было вычистить ягоды!—извинилась Меретэ, едва слышно.

— Ну, такъ постарайся догнать насъ!... Вотъ тебѣ!—и мать подала ей тарелку съ очень маленькой порціей каши. Она замѣтила блѣдность и волненіе дочери и, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе, заговорила съ Рейномъ.—Вы никогда не бывали въ нашихъ краяхъ?

— Нѣтъ; моя родина у залива... почти у самаго моря!... Но, позвольте мнѣ, пожалуйста, еще порцію каши!—перебилъ онъ самъ себя. Онъ удивительно скоро очистилъ свою тарелку.

— Очень рада, что у васъ такой хорошій, простой вкусъ. Вы отдаете предпочтеніе кашѣ?—улыбнулась хозяйка.

— Да, сударыня... послѣ всѣхъ другихъ блюдъ!— спокойно подтвердилъ онъ.—Когда не ѣлъ съ самаго утра, отдашь должное всякому кушанью!

Меретэ вдругъ подняла на него глаза и едва слышно, съ облегченіемъ, вздохнула. Затѣмъ удивленіе ея разрѣшилось внезапнымъ

невольнымъ смѣхомъ. «Нѣтъ! Такіе не бродятъ привидѣніями!» пронеслось въ ея мозгу.

Мать съ изумленіемъ посмотрѣла на нее. «Что это сегодня съ дѣвочкой, обыкновенно такой спокойной, естественной?»

— Да, да, Меретэ,—вмѣшался отецъ,—мать уже начала радоваться настоящему охотнику до каши!

Меретэ опять не могла удержаться отъ громкаго взрыва смѣха; голова у нея еще слегка кружилась. «Острый, горбатый носъ! Насмѣшливый звукъ голоса... Съ какимъ аппетитомъ онъ принялся за вторую порцію каши!... О, и онъ-то казался ей какимъ-то страшнымъ духомъ!»

И все-таки ей время отъ времени надо было украдкой поглядывать, какъ онъ хлебалъ молоко ложкой, двигая волосатою, до самой кисти рукою... Онъ какъ-то быстро вскидывалъ круглую, черную голову, обращаясь къ кому-нибудь за столомъ. Затѣмъ Меретэ поймала быстрый, мимолетный взглядъ, брошенный имъ на Евфемію, которая, небрежно откинувшись на спинку стула, то и дѣло вставляла въ разговоръ свое слово.

Два-три раза, по крайней мѣрѣ, его глаза, какъ-то весело сверкая изъ-подъ бровей, останавливались и на Маріаннѣ, послѣ того, какъ она, подойдя къ отцу, шутливо-ласково сообщила ему, что дадутъ кое-что и кромѣ каши. Вновь прибывшаго какъ будто поражала ея внѣшность.

Появились тарелочки съ нарѣзанною кусками солониной, колбасою и копченою форелью, и маленькій Шмидтъ уже зналъ, что хозяйка зорко слѣдитъ за нимъ,—не позабудетъ ли онъ прибѣгнуть къ особымъ, лежавшимъ возлѣ, ножамъ для масла и для сыра.

Для всѣхъ молодыхъ конторскихъ служащихъ прохожденіе ими, подъ деликатнымъ руководствомъ хозяйки, воспитательнаго курса было-таки своего рода прохожденіемъ черезъ чистилище, и Шмидтъ съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца смотрѣлъ, какъ новый помощникъ, точно и не было на свѣтѣ никакой хозяйки, такъ угощался солониной, что тарелка наполовину опустѣла, а затѣмъ набросился на козій сыръ, до котораго еще никто не дотронулся.

Вошла служанка и за нею Аяксъ, привыкшій пробираться въ комнаты, послѣ того, какъ его спускали съ цѣпи. Собака прямо подошла къ Рейну и понюхала и полизала ему руку, которую тотъ подставилъ ей, продолжая разговаривать и не обращая на нее особаго вниманія.

Мало-по-малу онъ началъ слегка улыбаться на упорный, испы-

тующій взглядъ Барбары. Ее съ самаго начала ужасно занимало приключеніе съ Аяксомъ.

Евфемія уронила съ высоты величія какое-то замѣчаніе, относительно невѣжливаго пріема, оказаннаго Аяксомъ.

— И вы рѣшились прямо подойти къ нему! — не вытерпѣла Барбара.—Онъ разъ въ самомъ дѣлѣ укусилъ. Мы всегда держимъ его на цѣпи въ жару.

— Аяксъ—благородный песъ; я сразу увидѣлъ. Я снялъ съ него цѣпь,—онъ и сконфузился!—объяснилъ Рейнъ.—Вашъ сынъ Класъ, морякъ, показывалъ мнѣ чудесную охотничью собаку, привезенную отсюда,—обратился онъ затѣмъ къ судьѣ:—финской породы, должно быть?

— Такъ вы знаете Класа?—вмѣшалась хозяйка.

— Мы были вмѣстѣ съ нимъ на съемкѣ сѣверныхъ береговъ Фіордовъ, тамъ въ нашихъ краяхъ.

— У него была съ собой скрипка?—спросилъ судья.

— Конечно, конечно; онъ и игралъ въ свѣтлыя ночи чуть не до утра! Для меня музыка пріятный языкъ, въ которомъ я нѣтъ-нѣтъ да и пойму слово. Но то, что *онъ* говорилъ на своей скрипкѣ, я все понималъ!

— Вотъ? Вотъ какъ?...—И судья, живо заинтересованный, далеко вытянулъ шею изъ стоячаго воротничка.

— Его скрипка стонала и жаловалась на то, что онъ долженъ тутъ, по обязанности службы, мѣрять, снимать да заносить на карты вмѣсто того, чтобы сыпать трели, какъ жаворонокъ, играть и играть безъ конца.

Судья задумчиво откинулся на стулѣ.

— Да-а... но надо же быть чѣмъ-нибудь на этомъ свѣтѣ!—вздохнулъ онъ.—Печальная необходимость.

— Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться странствующимъ музыкантомъ! — наставительно произнесла хозяйка. — Взгляните-ка на этого бѣднягу Санковича. Бродитъ изъ дома въ домъ,—гдѣ покормятъ, гдѣ дадутъ сколько-нибудь.

— Ну, ну, Болетта! О немъ не говори!—рѣзко перебилъ ее мужъ. — Его бы не заставили мѣрять да снимать... Это одинъ эмигрантъ, артистъ... Онъ далеко бы ушелъ на своей родинѣ, не случись съ нимъ...

И онъ съ нѣкоторою горячностью отодвинулъ свой стулъ и громкимъ голосомъ: «на здоровье»—положилъ конецъ трапезѣ. При этомъ Меретэ замѣтила, какъ помощникъ скользнулъ взглядомъ съ

хозяйки на хозяина и обратно, точно почуявъ, что въ домѣ два теченія.

Дочери втихомолку принялись убирать со стола послѣ того, какъ мать медленно и важно поднялась со своего мѣста, сказавъ что-то Маріаннѣ. Затѣмъ она двинулась своею обычною важной поступью, слегка откинувъ назадъ сѣдую голову въ чепцѣ и говоря на-ходу мужу, который слушалъ ее нѣсколько разсѣянно со слѣдами неулегшагося раздраженія на лицѣ:

— Я думаю, не кстати будетъ, если ты въ первый же вечеръ затѣешь съ новымъ помощникомъ музыку, Орнингъ! Не лучше ли будетъ, если ты сейчасъ же, пока еще свѣтло, сведешь его въ контору и покажешь ему все—какъ и что... По крайней мѣрѣ онъ будетъ знать, за что взяться завтра.

Судья выхватилъ изъ кармана табакерку и раза два порывисто щелкнулъ по крышкѣ. Ему, повидимому, вовсе не улыбалась мысль опять тащиться въ контору послѣ такого тяжелаго дня и тѣмъ испортить себѣ «пріятный вечеръ», сладость котораго онъ уже предвкушалъ.

Недовольство его нашло себѣ исходъ въ сердитомъ: «Гмм-ррр...» которымъ онъ вдругъ прервалъ жену; затѣмъ онъ съ легкимъ поклономъ пригласилъ Рейна слѣдовать за нимъ въ контору.

Августинусенъ и Шмидтъ были уже на дворѣ. Первый дѣлалъ короткіе концы взадъ и впередъ по двору до воротъ; второй—болѣе скромно расхаживалъ между амбаромъ и телѣгой съ сѣномъ, въ которомъ удобно зарылся Квигстадъ, чтобы дать послѣ трехъ ночей бдѣнія предварительный отдыхъ своему усталому тѣлу.

Августинусенъ и Шмидтъ—оба не находили мѣста отъ тоски и скуки. Іомфру Маріанна была эту недѣлю занята по хозяйству и нечего было разсчитывать, что она выйдетъ вечеромъ прогуляться. Повинуясь какому-то странному взаимному тяготѣнію душъ, можетъ быть, вызванному родственностью главной занимавшей ихъ обоихъ мысли, соперники, шагая по двору, мало-по-малу все приближались другъ къ другу по мѣрѣ того, какъ надежда въ ихъ сердцахъ окончательно погасала.

Евфемія, завернувшись въ шаль, сидѣла на крыльцѣ, играя въ воланъ; она подбрасывала шарикъ кверху и подхватывала его то ракетой, то рукой.

Барбара болтала у крыльца со старикомъ Геншиномъ, который усѣлся на ступенькѣ пожарной лѣстницы. Меретэ торопливо бѣгала взадъ и впередъ, нося въ лейкѣ воду матери, поливавшей цвѣты въ саду.

Въ окнѣ коридора во второмъ этажѣ виднѣлась Алида, задумавшаяся надъ письмомъ отъ своего жениха Грота.

Съ конторскаго крыльца послышался оживленный говоръ и затѣмъ на дворѣ показался, въ сопровожденіи Рейна, судья, который, видимо, вздохнулъ теперь свободнѣе, сваливъ съ плечъ новую гору.

Онъ остановился, потянулся, точно желая расправить члены, оглядѣлся и, казалось, впивалъ въ себя ароматъ сѣна со всевозростающимъ благодушіемъ.

— Ларсъ!—закричалъ онъ, повернувшись къ конюшнѣ, гдѣ одинъ изъ дворовыхъ парней развѣшивалъ сбрую.—Фигаро получилъ сегодня свою порцію овса?... Выведи-ка его сюда, дай намъ посмотрѣть!... Горячій... скакунъ!—слышался голосъ судьи въ то время, какъ парень выводилъ, держа подъ уздцы, горячее животное, которое слегка заржало, выбравшись на свѣтъ изъ темной конюшни.

Судья обошелъ вокругъ каряго жеребца, оглядѣлъ его, потрепалъ и погладилъ по спинѣ, такъ, что Фигаро опять заржалъ.

— Ты не давай ему много этого жирнаго сѣна! Оно хорошо для коровъ, а не для верховой лошади!—говорилъ судья парню.—А мы съ тобой и пропустили сегодня нашу утреннюю прогулку.—ласково обратился онъ къ лошади.

— Ну-ка, расшевели его, Ларсъ! Пусть поразомнется немножко!—приказалъ онъ, внимательно глядя, какъ карій шелъ въ развалку къ колодцу пить.

— Славная лошадь!... Ну, дай же ей теперь хорошенько промяться!—сказалъ онъ затѣмъ съ увлеченіемъ.

И вотъ, судья, покуривая трубку и поворачиваясь вслѣдъ за лошадью, сталъ наблюдать, какъ Ларсъ гонялъ Фигаро на кордѣ вокругъ двора.

Рейнъ между тѣмъ направился къ крыльцу, гдѣ сидѣла, подбрасывая воланъ, Евфемія.

Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ воланъ взлеталъ на воздухъ, но ничѣмъ не подавалъ вида, что обращаетъ вниманіе на играющую.

Воланъ упалъ на нижнюю ступеньку; Рейнъ подхватилъ его и передалъ Евфеміи.

— Въ воланъ мнѣ еще не приходилось играть!—замѣтилъ онъ при этомъ и взялъ другую ракетку, которая лежала на скамейкѣ.

Слегка подброшенный Евфеміей воланъ былъ отбитъ ракетой Рейна.

Дѣвушка небрежно приняла воланъ и равнодушно отбросила обратно.

Послѣ двухъ-трехъ попытокъ Рейнъ сталъ такъ ловко дѣйствовать ракетой, что Евфемія могла ловить воланъ съ своего мѣста и съ легкою улыбкой превосходства перебрасывать его Рейну все на большее и большее разстояніе.

Игра продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, въ полномъ молчаніи и съ горячимъ увлеченіемъ со стороны Рейна, стремившагося овладѣть новымъ искусствомъ. Воланъ, пущенный имъ, взлеталъ все смѣлѣе и выше и спускался все вѣрнѣе передъ самымъ лицомъ Евфеміи.

Одинъ ловкій ударъ ея ракеты послалъ воланъ прямо къ колодцу, куда какъ разъ прибѣжала съ лейкой Меретэ.

— Эй, вы!... «Младшая...» Хохотушка!... Перебросьте сюда воланъ!—закричалъ ей Рейнъ впопыхахъ.

Меретэ машинально быстро подняла воланъ и бросила его Рейну, но вслѣдъ затѣмъ внезапно вся вспыхнула и, обернувшись къ наливавшей воду кухаркѣ, сказала:

— Когда нальешь, снеси сама мамѣ лейку въ садъ.

Потомъ она стряхнула съ передника брызги воды, съ важнымъ видомъ направилась черезъ дворъ къ крыльцу, гдѣ стоялъ Рейнъ, отирая платкомъ лобъ, вспотѣвшій отъ напряженія, и сказала какъ-то свысока:

— Меня зовутъ Меретэ... Меретэ Орнингъ... іомфру Меретэ!

— Скажите, пожалуйста!... Меретэ!... Такъ звали одну королеву!—сказалъ онъ съ поклономъ. Рѣдкое имя... котораго не забудешь. Его надо носить съ гордостью.

— Полили всѣ клумбы, Евфемія! — обратилась Меретэ къ сестрѣ, указывая на свой мокрый передникъ.

— А, вы тутъ усѣлись?—вышла изъ сѣней Маріанна съ связкою ключей въ рукахъ. И она присѣла на скамейку.

— Это моя недѣля, господинъ Рейнъ, такъ надо мнѣ немножко посвятить васъ въ наши домашніе порядки,—сказала она просто.— Я пошлю вамъ наверхъ завтракъ въ семь часовъ утра завтра... Или, пожалуй, это будетъ слишкомъ рано для васъ послѣ такой поѣздки?... Кофе и бутерброды... Въ домѣ все идетъ заведеннымъ порядкомъ, но немножко-то всегда можно приноровиться ко вкусу и привычкамъ каждаго...—лукаво улыбнулась она.

— Благодарю іомфру... Іомфру Маріанна васъ зовутъ? Только бы мнѣ не ошибиться,—я уже испуганъ!

— А если желаете молока, то... Да, надо сказать, что теперь мы немножко бѣдны молокомъ. Вы, вѣрно, замѣтили, что въ хлѣвахъ пусто и на дворѣ какъ-то мертво? Почти всѣ коровы и коровницы вмѣстѣ съ однимъ изъ парней въ горахъ теперь.

— У насъ девятнадцать дойныхъ коровъ!—оживленно вмѣшалась Барбара съ своего мѣста у парадной лѣстницы.

— Отчего же не двадцать?—шутливо спросилъ Рейнъ.

— Чернушка сломала ногу наканунѣ Иванова дня, завязла въ болотѣ.

— Такъ это родовая усадьба судьи?—освѣдомился Рейнъ.

Барбара, заинтересовавшись разговоромъ, тоже присоединилась къ кружку, пересѣвъ на ступеньку крыльца. Меретэ прислушивалась, полуповиснувъ на перилахъ.

— А, Августинусенъ!—вскрикнула Маріанна черезъ перила:—Идите со мной запирать амбаръ! Вы—мастеръ по этой части. Ключа почти не отвернуть; скоро придется звать слесаря.

Августинусенъ послѣдовалъ за нею, счастливый и въ высшей степени польщенный выборомъ, выпавшимъ ему на долю, несмотря на присутствіе новаго помощника и вопреки мрачнымъ перспективамъ, какія сулилъ было ему вечеръ.

Судья покрикивалъ и хлопалъ въ ладоши вслѣдъ Фигаро, котораго опять загоняли въ конюшню.

Затѣмъ онъ, довольный, оживленный, направился къ крыльцу, куда съ другой стороны шествовала его жена, сопровождаемая по пятамъ Маленой, которая несла за барыней двѣ пустыя лейки.

— Ну, кажется, пора и спать, дѣти!—сказала мать, проходя мимо; сняла съ себя капотъ и повѣсила его въ сѣняхъ.—Спокойной ночи всѣмъ!... Не забудьте сосчитать всѣ стекла въ вашемъ окнѣ, Рейнъ, и замѣтьте, что увидите во снѣ въ первую ночь... Вы знаете, это сбудется,—пошутила она.

Всѣ простились, и каждый направился къ себѣ. Шмидтъ расталкивалъ Квигстада, который успѣлъ уже всхрапнуть въ нѣдрахъ телѣги съ сѣномъ. Маріанна съ Августинусеномъ возвращались, мирно бесѣдуя, отъ амбара съ мудренымъ замкомъ, съ которымъ они таки ухитрились сладить.

Наверху, въ двухъ смежныхъ спальняхъ дѣвушекъ, судили и рядили о пріѣзжемъ.

Меретэ и Барбара опустились каждая на край своей постели; другія расхаживали, расчесывая на ночь волосы и раздѣваясь.

— Ну?—спросила выжидательнымъ тономъ Барбара.

— Ну?—отозвалась и Евфемія.

— Ты что скажешь, Маріанна? И ты хоть разъ выскажись первая!—предложила Меретэ.

— Ну, что-жъ... «Порядочно...» скорѣе, впрочемъ, можно поставить «хорошо!»—рѣшила Маріанна. Дѣвушки по старой привычкѣ руководствовались, при оцѣнкѣ, системою классныхъ отмѣтокъ своего учителя капитана Бухвальда.

— Почему не двадцать коровъ, а девятнадцать!—передразнила Рейна Евфемія, держа во рту шпильки и улаживая волосы на ночь.—Вообще отзывается чѣмъ-то будничнымъ!

— Геншинъ полагаетъ, что «служакой» онъ не будетъ,—подхватила Барбара.—Онъ даже не спросилъ о дѣлахъ, а все говорилъ о породахъ собакъ и тому подобномъ.

— Онъ не похожъ на человѣка съ высшимъ образованіемъ,—замѣтила Алида.—Но манеры очень самоувѣренныя... Сынокъ помѣщика... Даже въ голосѣ слышно. Такое побѣдоносное раскатистое *р*.

— Да, въ изысканности обращенія его обвинить нельзя!—мстительно отрѣзала Евфемія;—онъ, вѣдь, не обратилъ на нее должнаго вниманія, играя съ нею въ воланъ.

— Да, ты врядъ ли найдешь въ немъ для себя мечтательнаго идеальнаго рыцаря!—пошутила Меретэ.—Объѣдается кашей... и такой черный, точно его обмакнули въ чернила, какъ мальчика въ сказкѣ!

— Съ виду онъ какъ будто не привыкъ вообще вращаться въ дамскомъ обществѣ!—разсудила Маріанна.

Это замѣчаніе, повидимому, сразу поразило всѣхъ; наступило молчаніе,—всѣ смаковали эту новую точку зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ нихъ не уловила съ его стороны даже намека на какое-нибудь вниманіе, не то что на особенную вѣжливость или комплиментъ. Ни одного взгляда, ни улыбки въ ихъ сторону, сколько нибудь различныхъ отъ тѣхъ, съ которыми онъ обращался къ самому судьѣ или къ товарищамъ по службѣ!

— Конечно, былъ воспитанъ въ глуши, въ одиночествѣ тамъ, у нихъ на Сѣверѣ, какимъ-нибудь домашнимъ учителемъ!—рѣзко заключила Евфемія.—А когда выросъ, былъ посланъ сдавать экзамены. Гдѣ-жъ ему знать свѣтъ и людей!...

— Итакъ, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ какъ бы новорожденный!

И эту точку зрѣнія надо было обдумать. Всѣ и углубились въ нее.

— Тише ты, Меретэ!

Меретэ, напѣвая мотивъ менуэта, кружилась по комнатѣ въ своей длинной ночной блузѣ, то становясь на цыпочки, то вертясь на каблукахъ.

— А какъ онъ, однако, красиво поворачиваетъ голову и шею, когда обращается къ кому-нибудь! — вдругъ прервала она ходъ своихъ мыслей.

— А, и ты замѣтила! — вырвалось у Маріанны.

Компанія изъ пяти Вангенскихъ барышенъ, Квигстада и Рейна шла уже съ добрый часъ, направляясь въ гости къ тетушкѣ Ра...

На какую-нибудь особенную разговорчивость со стороны новаго помощника сестры уже перестали разсчитывать.

По окончаніи занятій въ конторѣ, до и послѣ обѣда, онъ обыкновенно рыскалъ повсюду, знакомясь съ окрестностями. Однодворецъ Андерсъ встрѣчалъ его даже далеко за запрудою. За ужиномъ онъ сидѣлъ усталый, молчаливый, и спѣшилъ наскоро поѣсть, послѣ чего сейчасъ же уходилъ къ себѣ на верхъ спать.

Однажды вечеромъ онъ посидѣлъ не долго со всѣми, слушая музыку. Но, должно быть, или задремалъ, или вдругъ впалъ въ меланхолію, потому что внезапно всталъ, взялся руками за голову и вышелъ, не сказавъ даже прощайте. Музыка въ этотъ вечеръ, вѣрно, не показалась ему «пріятнымъ языкомъ», — какъ онъ разъ выразился.

Теперь, во время пути, онъ шелъ то рядомъ съ одной, то съ другой изъ сестеръ, слушая ихъ болтовню и глядя на указываемыя ими мѣстности и виды.

Всѣ были поражены, что и не замедлили передать другъ другу лукаво-веселыми взглядами, когда нѣмой черный рыцарь вдругъ галантно предложилъ Маріаннѣ понести ея корзину, полную первыхъ плодовъ изъ сада судьи, которые несли на пробу тетушкѣ Ра....

Маріанна въ самомъ дѣлѣ имѣла такой представительный видъ въ своей бѣлой соломенной шляпѣ съ огромными полями, подвязанной подъ подбородкомъ лентами, въ платьѣ съ коротенькою таліей, подпоясанномъ почти подъ самою грудью и спадавшемъ внизъ мягкими складками, оставляя на виду ея ножки съ высокимъ подъемомъ и ея изящную походку.

Фигурой Маріанна не уступала Алидѣ, но при этомъ обладала еще какою-то гибкостью и мягкостью движеній, что больше подходило къ ея доброму, хотя и не красивому лицу.

Компанія приблизилась къ опушкѣ Рафосскаго лѣса, черезъ который лежалъ прямой путь, какъ вдругъ Рейнъ выпрямился, оглядѣлся и потянулъ въ себя воздухъ, точно почуялъ что-то...

— Что за величественное уединеніе!—вырвалось у него:— солнце, смола да шумъ...

Въ долинѣ притаилась Рафосская усадьба съ своимъ густымъ сосновымъ лѣсомъ и дико ревущимъ водопадомъ.

Рейнъ продолжалъ глубоко втягивать въ себя воздухъ.

— Чудная прогулка!

— Только теперь открыли?—весело спросила Алида.

— И тутъ-то живетъ тетушка Ра?... Какъ странно звучитъ это имя... Что-то египетское или индійское... Точно крикъ одинокой хищной птицы.

Замѣчаніе это не могло не поразить, такъ что дѣвушки невольно улыбнулись.

— Не хватаетъ только, чтобъ онъ преподнесъ такое замѣчаніе тамъ, въ Рафоссѣ; угостилъ тетушку, назвавъ ее ястребомъ или коршуномъ!—вырвалось вполголоса у Квигстада.

— Тсс!... Тсс!...—зашикалъ вдругъ Рейнъ, подымая руку и все больше и больше подвигаясь къ краю поросшаго лѣсомъ оврага и любопытно заглядывая внизъ.

Затѣмъ онъ испустилъ пронзительно-тонкій свистъ и нѣсколько отрывистыхъ рѣзкихъ криковъ.

— Глядите!—прошепталъ онъ, схватилъ, не глядя, первую попавшуюся изъ дѣвушекъ за руку и потянулъ къ краю оврага:— Видите пару сѣрыхъ ушей за камнемъ тамъ, внизу, у дерева?... Это заяцъ... любопытствуетъ!... Ишь, какъ стрѣльнулъ въ сторону!...—и онъ засмѣялся.—Да, много глазъ стерегутъ насъ тутъ въ лѣсу, да мы ихъ не видимъ. Го-го-го-о!—закричалъ онъ такъ, что эхо пошло кругомъ, и захлопалъ въ ладоши, точно желая спугнуть всѣхъ лѣсныхъ обитателей.—Тутъ кругомъ, въ кустахъ и на деревьяхъ, навѣрно, много всякой всячины—и глухарей, и тетеревовъ... Галло, галло, о! Вотъ тутъ переполохъ бы начался, еслибъ спустить свору! Эхъ, еслибъ ружье!...

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Не удивительно ли, что человѣка обуреваетъ жажда убивать, проливать кровь, среди такой благодатной тишины?... Всюду тащить съ собою свою скверную человѣческую натуру!... Вы знаете, когда мясо зайца всего вкуснѣе?—обратился онъ къ Алидѣ.— Когда онъ загнанъ до полусмерти, такъ что кровь отъ страха готова прыснуть у него изъ поръ!

— Фу!—недовольно посторонилась Алида.

— Еще бы! Намъ подаютъ его изъ кухни, гдѣ его вычистятъ, сдерутъ съ него всѣ семь шкуръ, а съ ними вмѣстѣ и всю его прежнюю исторію—и мы ѣдимъ да похваливаемъ!...

Это звучало такъ отталкивающе-грубо, что всѣ подъ какимъ-то непріятнымъ впечатлѣніемъ заторопились дальше по лѣсной тропинкѣ.

Она вела вдоль отвѣсныхъ обрывовъ и овраговъ, надъ рѣкою, вплоть до того мѣста, гдѣ лѣсъ вдругъ кончился, и взорамъ открылась Рафосская усадьба съ оградой, садикомъ и краснымъ барскимъ домомъ.

Огибая поле съ наполовину вызрѣвшею рожью, они увидали іомфру Би, многолѣтнюю компаньонку тетушки Ра, спѣшившую съ крыльца въ домъ доложить о приходѣ гостей, которыхъ уже привѣтствовалъ со двора горластый гусакъ, поддерживаемый хоромъ гоготавшихъ гусынь.

Тетушка Ра въ шелковомъ платьѣ цвѣтами, съ корсажемъ изъ китоваго уса, въ кружевныхъ манжетахъ, возсѣдала на креслѣ въ просторной комнатѣ, уставленной солидной старинной мебелью. Старушка играла въ пикетъ съ давнишнимъ другомъ дома и сосѣдомъ по усадьбѣ, старикомъ Оппенъ, кандидатомъ «non contemnendus» Копенгагенскаго университета и совладѣльцемъ лѣсопильнаго завода въ долинѣ.

— Вы взяли, Оппенъ!—напомнила она ему, откладывая карты.

— Здравствуйте, дѣтки!—заговорила она затѣмъ, бросая зоркій и быстрый, какъ молнія, взглядъ на Рейна, показавшагося въ дверяхъ.—Все благополучно у васъ?

— Да, да. Все хорошо.

Радушная широкая улыбка на ея морщинистомъ лицѣ вдругъ какъ-то съежилась, и она слегка побарабанила по столу тонкими желтоватыми пальцами, унизанными кольцами со сверкающими камнями.

— Очень мило со стороны вашихъ родителей, что они-таки позволили вамъ навѣстить старуху-тетку,—промолвила она затѣмъ.—Такъ давно не бывали, что я могла бы успѣть умереть и быть схороненной за это время!

— Всего три воскресенья прошло, тетя!—возразила Меретэ.

— А отецъ? Не собирался сюда?... Вѣрно, все дѣла?—иронизировала старуха.

— Онъ что-то такое говорилъ насчетъ прогулки сюда верхомъ послѣ обѣда,—сказала Алида,—но я не знаю навѣрное.

— Ну, такъ... Не знаешь навѣрное, конечно!—опять послѣдовало колкое замѣчаніе.—А Гротъ? Что о немъ слышно?... Вѣрно, все хлопочетъ насчетъ пріема завода? И свадьба все еще не назначена?... Такъ!... Старикъ затягиваетъ передачу завода, не хочется власть выпустить изъ рукъ!—кивнула она головой.—А это новый помощникъ, господинъ Рейнъ?—прервала она сама себя, слегка поднявшись съ кресла, и протянула руку.—Ну, садитесь же... ты сюда на диванъ, Маріанна!—комадовала старуха.—А ты, Алида, на другой конецъ... Евфемія сюда на кресло. Квигстадъ, подвиньте себѣ стулъ къ столу... А вотъ, и вамъ мѣсто, господинъ Рейнъ, такъ я буду знать, гдѣ вы всѣ у меня!—засмѣялась она.—Мереточку не прикрѣпишь къ мѣсту—напрасный трудъ! Ей бы все бѣгать да высматривать! Пусть будетъ теткинымъ пажомъ!

— Благодарю васъ, сударыня!—сказалъ Рейнъ,—но нельзя ли мнѣ сѣсть тутъ о окна?

— Конечно! Не думайте, что вы попали къ какой-то властолюбивой лѣсной вѣдьмѣ,—заявила она добродушно.

— Вы предпочитаете уединеніе, сударыня, и поселились на лонѣ природы?—сказалъ Рейнъ. — Куда ни погляди — все лѣсъ кругомъ...

— Нѣтъ, я не знаю толку въ природѣ; мнѣ были бы люди. Не деревья же мы... и не на то родились, чтобы схорониться среди лѣсовъ и другихъ чудищъ!—рѣзко возразила она съ нѣкорымъ датскимъ акцентомъ.— Но отъ своихъ не отстанешь, будешь жить вездѣ,—нравится иль не нравится.

— Какой красивый, массивный, старинный стулъ!—замѣтилъ Рейнъ, передвигая стулъ къ окну. И онъ съ любопытствомъ огляделся вокругъ. — Удивительно затѣйливые стѣнные часы!... А бюро!... Отъ него вѣетъ чѣмъ-то мрачнымъ... семейными тайнами!... Такъ и кажется, что въ немъ есть какой-то потаенный не открытый ящикъ... Все фамильныя древности, сударыня?—спросилъ онъ.

— Да, онѣ не здѣшней работы!—засмѣялась хозяйка.— Я, помню, была еще маленькой дѣвочкой, когда, наконецъ, прибыло изъ Ольборга *) судно съ отцовской мебелью... Отецъ мой переселился тогда въ Христіанзандъ. Судно немножко пострадало въ пути, и мебель пришлось сдать въ складъ для просушки.

— Да!—прервалъ Оппенъ, обуреваемый наплывомъ старыхъ воспоминаній:—Чего не натерпишься на такомъ грузовомъ суд-

*) Городъ въ Ютландіи.—*Примѣч. перев.*

нѣ!... Мы тащились шесть недѣль... сидѣли въ разныхъ портахъ по случаю погоды... Пока-то пока добрались до Копенгагена! Я чуть не сталъ настоящимъ морякомъ за это время! — смѣясь, добавилъ онъ.

— Ну, и сохла она цѣлую весну! — продолжала разсказъ хозяйка: — А пока-то мы еще добились изъ Одензе *) мастера-столяра для поправки, прошла и добрая половина лѣта... А съ тѣхъ поръ мебель еще сколько вынесла трудныхъ путешествій, когда мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто при покойномъ отцѣ, а потомъ при мужѣ моемъ, президентѣ. То ее везли по водѣ вдоль берега, то она тряслась и колотилась въ телѣгахъ по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ!... Лучшее средство противъ хрупкости — крѣпкое здоровье! Не такъ ли, Оппенъ?

— Вѣрно, вѣрно! — прокряхтѣлъ кандидатъ съ трубкой въ зубахъ: — Съ этимъ надо родиться, унаслѣдовать отъ предковъ!

— О, да! И стараться сохранить, Оппенъ! — многозначительно добавила старуха. — Ну, принимайтесь закусывать! — скомандовалала она, когда на столѣ появился красивый золоченый приборъ стариннаго фарфора, и іомфру Би стала кипятить на шумящей машинкѣ чай съ корицей.

— Свѣжій хлѣбъ, дѣвочки! — и тетушка повернула въ корзинкѣ хлѣбъ свѣже-отрѣзанною стороной. — На этотъ разъ хорошо поднялся, Би! И не сѣлъ; ничуть, не сыроватъ... Яйца совсѣмъ свѣжія, сегодняшнія! Могу рекомендовать, если не сочтете грѣхомъ ѣсть ихъ потому, что они снесены въ воскресенье? Что-жъ, курица тутъ не вольна, скажу я вамъ! — нескромно пошутила она, такъ что дѣвушки сочли нужнымъ потупить глаза.

— А ты, Маріанна — мастерица; изготовь-ка пуншъ кандидату. Ромъ въ буфетѣ... И вамъ надо отвѣдать ея пунша, Рейнъ! — кивнула старуха послѣднему. — Мастерица она, повѣрьте!

— Все дѣло, вѣдь, въ томъ, чтобы налить какъ можно меньше чаю и какъ можно больше рому, Оппенъ? — добродушно спросила Маріанна.

— И поднести собственноручно, іомфру Маріанна! — весело добавилъ кандидатъ.

— А вы, Рейнъ, пожалуй, предпочтете чистый чай? — спросила она, останавливаясь передъ нимъ съ графинчикомъ. — Я замѣтила, что вы любитель молока, а это обыкновенно указываетъ на простой, чистый вкусъ.

---

*) Городъ въ Зеландіи. — *Примѣч. перев.*

— Вы вѣрно замѣтили, іомфру: я неохотно употребляю крѣпкіе напитки!—подтвердилъ Рейнъ.

— Да, ужъ эта дѣвушка! — вмѣшалась тетушка Ра. — Чего только она не видитъ и не замѣтитъ!... Тебѣ надо попробовать сливочное печенье, Маріанна! Іомфру Би пекла. И на этотъ разъ вышло такое воздушное, точно ты сама пекла.

— Ого, такъ онъ «годится» для Маріанны!—многозначительно подтолкнула Меретэ Алиду.

Евфемія, позировавшая въ креслѣ, показывая свой профиль, досадливо стала натягивать на локти свои длинныя нанковыя перчатки.

— Разумѣется, ты и Квигстада угости изъ своего графинчика, Маріанна!—продолжала хозяйка.—Тогда у него языкъ развяжется, и онъ выложитъ намъ весь запасъ мѣстныхъ новостей.

— Нѣтъ больше никакихъ! — пробурчалъ Квигстадъ. — Все жевано, пережевано... Сами посудите... Никто больше не лишилъ себя жизни съ тѣхъ поръ, какъ нашли пастуха Андреа висѣвшимъ въ амбарѣ на веревкѣ рядомъ со своими старыми окороками... А впрочемъ... постойте... у богатаго старикашки-торговца Симонсена опять бѣлая горячка. И докторъ, и священникъ ужъ навѣщали. Сидитъ въ одномъ,—съ позволенія сказать,—бѣльѣ на своемъ сундукѣ съ деньгами и защищаетъ его отъ чорта,—какъ говоритъ. Добро-то, вѣдь, нажито неправильно... А еще у майора сегодня вечеромъ въ карты играютъ. Я уже видѣлъ по дорогѣ туда двѣ одноколки—доктора и адвоката Поппе...

— Ага!—догадалась іомфру Би.—Вчерашній молочный поросенокъ!... Христіанъ Дале сначала принесъ его намъ, предлагалъ купить, но тетушка не захотѣла; тогда Христіанъ отправился съ нимъ къ майору.

— Да, мнѣ онъ былъ не по карману, — подтвердила тетушка Ра.—А тамъ у майора всегда купятъ, что повкуснѣе.

— А вотъ и папа въѣзжаетъ во дворъ! — радостно сказала Меретэ и бросилась встрѣчать его.

Тетушка поджала губы, и маленькіе, живые глазки ея такъ и впились въ дверь.

— Тетушка цвѣтетъ!—раскланялся съ ней судья, сбрасывая перчатки.—И въ веселой компаніи, какъ вижу!

— Ни-че-го, еще держусь, Томасъ... одинокая и забытая въ своемъ углу... Тебѣ при всѣхъ твоихъ дѣлахъ гдѣ же помнить еще старую тетку, въ которой къ тому же мало интереснаго!

— Ну, однако, ты довольно-таки забавна! — отпарировалъ

онъ.—Грѣхъ пожаловаться!... А теперь я съ удовольствіемъ выпью чашку чая! — сказалъ онъ, бросаясь на стулъ. — Чудесный день... немного жарко. И Фигаро несетъ такъ легко, какъ перышко...

— Прозябать, музицировать и махнуть рукой на все остальное!—сердито проворчала хозяйка.

— Ну, ну, тетушка!—сказалъ онъ добродушно успокоивающимъ тономъ. — Не у всѣхъ одна натура... Благодарю, іомфру Би! Чай можно покрѣпче. И немножко этого чудеснаго языка...

— Натура, натура! — раздражительнымъ тономъ повторяла тетушка Ра.—Еслибъ всѣ слѣдовали своей натурѣ, хорошія бы дѣла творились на свѣтѣ!

— Конечно... *мы* должны прійтись по сапогамъ, а не сапоги по насъ, и утѣшаться затѣмъ мозолями и спокойною совѣстью,— замѣтилъ судья, изготовлявшій себѣ лакомый буттербродъ. — Тетушкѣ легко говорить о натурѣ,—подмигнулъ онъ ей:—она всегда умѣла обуздать свою!

Тетушка запаслась большою понюшкой табаку.

— Сыну своему Іессу ты тоже предоставляешь слѣдовать его натурѣ, — разразилась она. — Дирижируетъ въ драматическомъ кружкѣ и эту зиму вмѣсто того, чтобы, наконецъ, сдать свои экзамены!

Въ комнатѣ стало какъ-то душно, и Маріанна встала съ дивана.

— Деревья совсѣмъ еще чернымъ-черны отъ вишенъ! — сказала она, подойдя къ окну.—Можно пощипать ихъ немножко, тетя? Пойдемъ, Евфемія, пойдемъ, Алида!... А, можетъ быть, кто-нибудь изъ господъ мужчинъ желаетъ полакомиться?—пригласила она съ своей обычной привлекательной улыбкой. — Я нарву для васъ, Оппенъ.

Передъ тетушкой остался одинъ судья съ чашкой чаю въ рукахъ. Онъ ожидалъ бури по поводу послѣдняго письма Іесса и потому по возможности и оттягивалъ свое посѣщеніе.

Іомфру Би убирала со стола и, по обыкновенію, не видѣла, не слышала ничего.

Кукушка на часахъ прокуковала шесть разъ.

— При каждомъ боѣ этихъ часовъ я вспоминаю, что они стояли когда-то въ комнатѣ окружнаго начальника, статскаго совѣтника Орнинга!—спѣсиво промолвила старуха.—А тутъ вотъ сидятъ на старости лѣтъ, завязнувъ въ болотѣ, и чѣмъ больше сидятъ, тѣмъ больше вязнутъ.

— Счастье не всегда на высотахъ, тетя!... Далеко нѣтъ!—съ

нѣкоторою грустью произнесъ судья.—Я давно свыкся съ своимъ положеніемъ. Оно и самостоятельно, и независимо... Конечно, относительно, чѣмъ людямъ вообще и приходится довольствоваться.

— Счастье... счастье!—и старуха гнѣвно стукнула объ полъ палкой.—Вѣдь, есть же кровь въ жилахъ... Хочется идти впередъ и ради себя, и ради семьи! Съ твоими связями и знакомствами ты могъ бы занимать теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ странѣ. Твоимъ дочерямъ стоило бы только протянуть руку къ любой партіи. А теперь и Іессу предстоитъ только идти по стопамъ родителя!

— Свѣтъ страненъ... страненъ, — задумчиво углубился въ свои мысли судья,—полонъ головоломныхъ лѣстницъ, по которымъ люди, словно обезьяны, и карабкаются взапуски кверху.

— Что, что?—взвизгнула тетушка Ра.

— Гм... гм...—спохватился онъ.—Я говорю только, что тетушка воплощаетъ въ себѣ всю нашу семейную спѣсь.

— Да, что за дѣло до семьи, лишь бы удалось попиликать на скрипкѣ!... Скрипка, музыка, натура!—возмущалась старуха.— Завязъ тутъ въ глуши съ пятью непристроенными дочерьми, у которыхъ нѣтъ въ виду ничего другого, какъ броситься въ объятія кого-нибудь изъ здѣшнихъ дѣльцовъ.

Судья оставилъ наполовину готовый буттербродъ и печально отодвинулъ отъ себя ножъ.

— Да, да... ты, пожалуй, права, тетя... Что-то съ ними со всѣми будетъ?—замѣтилъ онъ въ уныніи.

— Тебѣ нужно задать Іессу въ письмѣ хорошую головомойку, вотъ чего я хочу!... Ну, ну, ну, онъ и ѣсть пересталъ!... Би, Би! Дайте еще чаю и печенья... Ну, ну, придумаемъ еще, какъ пристроить дочекъ. Полно, полно!

— Нѣтъ, нѣтъ... жизнь не такъ-то легка! — сказалъ судья, глядя въ потолокъ, словно изучая бѣлыя балки. — Бѣдныя мои дѣвочки!... Онѣ, пожалуй, поджидаютъ принцевъ!—вырвалось у него со вздохомъ.

— Что ты, Томасъ! Онѣ, слава Богу, слишкомъ благоразумны для этого. Вотъ развѣ Мереточка... Ну, покушай же, покушай!

Судья разсѣянно выпилъ свою чашку и съѣлъ печенье.

— Пора и въ путь теперь! — вышелъ онъ изъ разсѣянности и всталъ.

— Ты всегда былъ такой... недотрогой!—проворчала тетушка Ра.—Ну, непремѣнно кланяйся Болеттѣ!... Да поосторожнѣе съ Фигаро. Ты знаешь, онъ, вѣдь, горячъ... Такъ кланяйся!

Судья кивнулъ головой. Онъ по опыту зналъ, съ какою изыс-

канною вѣжливостью, прикрываясь всевозможными знаками вниманія, умѣли его супруга и тетка держаться другъ отъ друга подальше. Обѣ чувствовали, что задѣваютъ другъ друга, какъ только сойдутся вмѣстѣ. И тетушкѣ Ра вотъ уже много лѣтъ ея возрастъ не позволялъ предпринять поѣздки въ Вангенъ, а Болетта всегда откладывала свой ежегодный непремѣнный визитъ къ тетушкѣ до дня ея именинъ весною, когда онѣ кстати обсуждали всѣ семейные вопросы.

Дворовый парень подвелъ Фигаро къ крыльцу, и судья, удостовѣрившись, что подпруга не ослабла, вскочилъ въ сѣдло.

— Уфъ!—вздохнулъ онъ, усѣвшись, какъ слѣдуетъ,—теперь сижу отлично... Но, но, но, Фигаро! Все еще горячку порешь!—сказалъ онъ, слегка притрогиваясь къ лошади хлыстомъ, выбрался за ворота и кивнулъ черезъ изгородь компаніи, собравшейся въ саду.

Меретэ знала, что въ оврагѣ за изгородью было много спѣлой костяники, и сочла за лучшее бродить тамъ одна-одинешенька.

Во всѣхъ расщелинахъ и ложбинахъ заманчиво алѣли ягоды, и по мѣрѣ того, какъ дѣвушка пробиралась по оврагу дальше, ихъ становилось все больше и больше.

Она выбралась уже на другую сторону оврага, гдѣ ее сразу оглушилъ ревъ водопада, и вдругъ увидала Рейна.

— Не туда, не туда! — закричала она ему, тряся головой и прикладывая руку ко рту, чтобы перекричать этотъ ревъ и грохотъ.—Эта тропинка не идетъ дальше... упирается въ скалу! Слышите?—не идетъ дальше! — прокричала она еще разъ, дѣлая знаки рукой. Она спустилась внизъ на тропинку и остановилась въ ожиданіи Рейна.

— Надо обойти выступъ!—объяснила она ему и поспѣшила впередъ, чтобъ указать путь.

Немного погодя передъ ними открылось мощное дикое зрѣлище.

Питаемая внутренними водами, болотами и притоками изъ далекихъ горныхъ равнинъ и пустошей, прозрачная рѣка здѣсь вдругъ низвергалась, пѣнясь между мокрыми сѣрыми гранитными стѣнами. Прерванный въ своемъ паденіи поперечнымъ уступомъ, грозный потокъ развертывался во всю свою мощь и представлялъ величественную картину; надъ ущельемъ стояло точно густое облако водяной пыли.

Вечернее солнце бросало на уступы сквозь листву березъ рядъ красныхъ бликовъ.

— Не правда ли, похоже на кровь живого существа, которое

сорвалось сверху и падало съ уступа на уступъ?—сказалъ Рейнъ рѣзко. —Да... тутъ и конецъ!... Конецъ всему!—продолжалъ онъ, глядя, не отрываясь, въ зіяющую бездну. — Потомъ будешь лежать... безъ боли, безъ страданій на подушкахъ...

— Вы бы лучше остереглись, отошли бы!—содрогаясь, предостерегала Меретэ; онъ стоялъ чуть не у самаго края.

— Такія вотъ молоденькія, только что распустившіяся дѣвушки,—вдругъ повернулся онъ къ ней,—глядятъ на пѣну и воздушные пузыри, и имъ рисуется въ бѣлой пыли водопада подвѣнечное платье, фата, да?... И вотъ довѣрчиво бросаются на брачное ложе!—пробормоталъ онъ.

— Надо скорѣе назадъ!—прервала Меретэ:—начинаетъ смеркаться... «У! какой онъ страшный!»

— Или жалости въ васъ нѣтъ? Оставить меня одного тутъ въ сумеркахъ, іомфру Меретэ!... Оставить одного пробираться по этой извилистой тропинкѣ!—сказалъ онъ такъ просто и естественно, что она невольно оглянулась.

Увидавъ выраженіе его лица, она чуть не вскрикнула. Тотъ же самый удрученный, полный смертельной скорби взглядъ, какой она видѣла передъ собою дома въ тотъ вечеръ!...

Она едва справилась съ собою и поспѣшила впередъ. Какъ отыскала она дорогу, она и сама не знала.

Когда она, наконецъ, добралась до крыльца тетушки Ра, другіе уже готовы были пуститься въ обратный путь.

А. и П. Ганзенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*
* *

Усталые гребцы, мы весла положили,
Въ сіяніи луны мы отдались струямъ...
Пусть берега бѣгутъ въ туманъ далекой были
Вѣдь, счастье гдѣ-то тамъ.

Усталые гребцы, давно мы знаемъ сами,
Что къ пристани былой для насъ возврата нѣтъ,
И что струи несутъ къ забвенью вмѣстѣ съ нами
Нашъ мимолетный слѣдъ.

В. Полтавцевъ.

Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ и школьная сѣть.

I.

Въ переживаемое нами время стало неоспоримымъ фактомъ, который теперь нѣтъ надобности доказывать, что въ народной средѣ ощущается настоятельная, неотложная потребность школы и книжки, чувствуется непреодолимое стремленіе къ начальному образованію. Изъ непосредственной глубины самой жизни всплываетъ теперь на поверхность широкое движеніе въ пользу всеобщаго обученія. Эта идея съ небывалою силой охватила все русское общество. Газеты сообщаютъ о сотняхъ открывающихся школъ, о приговорахъ крестьянъ по введенію обязательнаго обученія. Земства, во все время своего существованія со славою и честію работавшія по распространенію просвѣщенія, употребляютъ теперь особыя усилія къ насажденію школъ и болѣе нежели въ 30 земскихъ губерніяхъ подняли и поставили на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи. Такъ какъ быстрота осуществленія этой задачи находится, между прочимъ, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, то впервые осуществить завѣтное стремленіе всѣхъ земствъ выпало на долю сравнительно богатаго московскаго земства. Глубокая умственная неразвитость рабочаго класса, вредно отражающаяся на продуктивности и успѣшности труда, заставила и второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному обученію, и торгово-промышленный съѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ выступить за неотложность осуществленія въ Россіи всеобщаго обученія. Къ этому движенію примкнуло теперь и министерство народнаго просвѣщенія, внесшее въ государственный совѣтъ представленіе о назначеніи 250 тысячъ на содержаніе начальныхъ училищъ; а св. синодъ еще раньше исходатайствовалъ три милліона рублей на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Частныя лица жертвуютъ значительныя средства на устройство школъ. Такъ, наприм., В. А. Морозова пришла на помощь московскому губернскому земству въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія и приняла на себя устройство и содержаніе 10 сельскихъ училищъ. Наша печать все шире и шире распространяетъ эту высокоплодотворную идею, разнося ее въ самыя захолустныя мѣста нашего

отечества. Кто еще недостаточно убѣжденъ въ неотложности даннаго вопроса, того убѣждаютъ краснорѣчивые факты русской дѣйствительности. Никто уже не споритъ теперь, что школъ у насъ до отчаянія мало, что число грамотныхъ поразительно низко, что за порогомъ училищъ ежегодно остается огромная масса дѣтей, требующихъ образованія и не получающихъ его за недостаткомъ мѣста (по самому оптимистическому вычисленію у насъ изъ каждаго школьнаго возраста болѣе половины дѣтей остаются за порогомъ школы), что въ школьномъ дѣлѣ мы отстали отъ цивилизованныхъ странъ всего свѣта.

Холерные и чумные бунты, еврейскіе погромы, распространеніе такихъ изувѣрскихъ сектъ, какъ скопчество, неурожай 1891 и 1892 годовъ, тяжелое положеніе земледѣлія, цѣлый рядъ преступленій, возможныхъ только на почвѣ невѣжества и суевѣрія,—всѣ эти ужасающія неурядицы мѣстной жизни неотразимо доказываютъ необходимость самыхъ широкихъ мѣропріятій по введенію всеобщаго начальнаго образованія, воочію убѣждаютъ, что дѣло просвѣщенія темнаго населенія—неотложное дѣло.

Въ теоріи мы стоимъ за всеобщее даровое и общедоступное образованіе на первой ступени и за обязательное на второй. Но въ данное время на практикѣ весь вопросъ сводится пока къ тому, чтобы было устроено достаточно школъ для всѣхъ дѣтей, ищущихъ начальнаго образованія. И въ этомъ пунктѣ сходятся съ нами и наши оппоненты по вопросу о личной обязательности обученія. Только въ одномъ отношеніи мы расходимся съ ними: это—въ вопросѣ о стоимости нужныхъ намъ школъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ о непомѣрныхъ, непосильныхъ расходахъ, нужныхъ для осуществленія идеи всеобщаго обученія, приводятъ поражающія цифры затратъ, а это запугиваетъ самыхъ искреннихъ друзей просвѣщенія. Раньше они преувеличенно вычисляли нашъ школьный возрастъ. Намъ такъ часто приходилось говорить объ ихъ ошибкахъ въ этомъ расчисленіи, что теперь, повидимому, уже нѣтъ надобности повторять наши разсчеты, и это тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время мы уже не слышимъ возраженій на этотъ счетъ. Но есть другое возраженіе, которое теперь выдвигается все чаще и все настойчивѣе: это—территоріальныя затрудненія, условія разселенія русскаго народа, требующія будто бы совершенно неизвѣстнаго нашимъ сосѣдямъ напряженія податныхъ силъ населенія при осуществленіи всеобщаго обученія. Указываютъ на такія мѣстности, гдѣ при малонаселенности и разбросанности населенія надо будетъ устроить массу школъ, потому что на каждый школьный районъ придется незначительное число дѣтей школьнаго возраста. Говорятъ, что при этихъ условіяхъ обученіе одного ученика обойдется чрезвычайно дорого. Мы знаемъ, что такія мѣстности существуютъ. И отвѣтить на это возраженіе, предложить недорогую, посильную для нашихъ финансовъ организацію начальнаго обученія въ такихъ мѣстностяхъ *)—вотъ первая задача настоящей статьи.

*) Организацію школьнаго дѣла въ мѣстностяхъ съ нормальными условіями разселенія читатель найдетъ въ только что вышедшей нашей книгѣ *Всеобщее обученіе.*

Но въ самое послѣднее время возникаетъ еще другое, чисто-практическое затрудненіе при осуществленіи всеобщаго обученія. Цѣлый рядъ земствъ приступаетъ къ работамъ по всеобщему обученію, составляются коммиссіи для рѣшенія этого вопроса. Надо составлять школьныя сѣти и здѣсь нерѣдко встрѣчаешься съ недоразумѣніями, неправильными разсчетами, наконецъ, просто съ ошибками, обусловливаемыми новостью дѣла. Оказать посильную помощь въ этомъ дѣлѣ, изложить способы, которые мы считаемъ болѣе простыми и практичными при составленіи такой сѣти— это другая задача нашей работы.

II.

Какъ бы искусно ни была составлена сѣть училищъ, несомнѣнно, въ разныхъ губерніяхъ и особенно въ сѣверныхъ, малонаселенныхъ, найдутся такіе трехверстные школьные районы, гдѣ число учащихся будетъ такъ невелико, что признано будетъ непосильнымъ для населенія содержать начальную школу нормальнаго типа.

Представьте себѣ, что во всѣхъ селеніяхъ даннаго школьнаго района находится только 40 дворовъ, что дастъ всего только 15 учащихся обоего пола даже въ томъ случаѣ, если будутъ обучаться всѣ дѣти школьнаго возраста. Очевидно, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время едва ли какое сельское общество и уѣздное земство найдутъ необходимымъ тратить ежегодно по 600 руб. на содержаніе школъ для такого небольшого числа дѣтей. А между тѣмъ, по справедливому выраженію Посошкова, «не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка».

Извѣстно, что сѣверную и отчасти среднюю часть Европейской Россіи занимаетъ огромная полоса въ 1½ милліона квадратныхъ верстъ съ рѣдкимъ населеніемъ, разбросанныхъ въ мелкихъ поселкахъ отъ 7 до 28 дворовъ, съ числомъ ревизскихъ душъ отъ 21 до 76, гдѣ при такихъ условіяхъ разселенія, при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія, при суровости климата и, наконецъ, бѣдности сельскихъ школъ не вездѣ можно на первыхъ порахъ устраивать нормальныя училища. Эта полоса заключаетъ въ себѣ 12 губерній: Смоленскую, Псковскую, С.-Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Вологодскую, Владимірскую, Костромскую, Вятскую и Архангельскую, въ которыхъ находится около 15 милліоновъ 650 тыс. жителей и около 140 тысячъ селеній, изъ коихъ на каждое въ среднемъ приходится 112 жителей. Особыя своеобразныя условія разселенія требуютъ здѣсь, въ наиболѣе рѣдко населенныхъ уголкахъ этого пространства, особой организаціи и школьнаго дѣла. Вотъ почему и народъ, и педагоги, и земства, и литература давно уже изыскиваютъ способы, такъ сказать, «къ удешевленію» школъ для малолюдныхъ районовъ, чаще встрѣчающихся въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ среднимъ числомъ одну школу приходится строить на 8 селеній. Естественно, что опыты этого

рода дѣлались по преимуществу, если не исключительно, въ уѣздахъ, лежащихъ въ районѣ помянутыхъ нами 12 губерній.

Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, сводятся къ слѣдующему.

Во многихъ деревняхъ устраиваются самимъ населеніемъ «школы грамотности». Объ этихъ школахъ писано много. Хорошо извѣстны и достоинства ихъ, и недостатки. Онѣ созданы самимъ народомъ; онѣ не навязаны ему извнѣ, онѣ дешевы, плата учителямъ производится не только деньгами, но и даже большею частью—продуктами; районъ такой школки не великъ, и ученикамъ не приходится бѣгать за нѣсколько верстъ въ училище въ морозъ и вьюгу. Это ихъ хорошія стороны. Въ этомъ заключается ихъ право на существованіе и на сочувствіе къ нимъ общества, земства и правительства. Но не слѣдуетъ возлагать чрезмѣрныя надежды на такія школы, не слѣдуетъ успокоиваться на мысли, что эти школы удовлетворяютъ потребности населенія въ начальномъ образованіи. Это была бы такая же ошибка, какъ еслибы кто, видя, что крестьяне въ голодный годъ питаются лебедою и древесною корой, успокоивалъ себя мыслію, что такой способъ питанія придуманъ самимъ народомъ, обходится дешево и всякому доступенъ. Порядочные учителя въ такихъ школкахъ въ настоящее время встрѣчаются рѣдко, пріемы преподаванія въ большинствѣ ихъ допотопные, учебниками служатъ изданія Никольскаго рынка; а по свидѣтельству земскихъ статистиковъ, педагоговъ и инспекторовъ, учителя такихъ школъ не рѣдко неисправимые пьяницы *). Характерное описаніе подобнаго типа встрѣчаемъ мы въ журналахъ шадринскаго земства за 1886 г. Крестьяне дер. Бороушки отдавали дѣтей на выучку мѣстному грамотею Михѣичу, отчаянному пьяницѣ и довольно сомнительной нравственности. Какъ отцы, такъ и доморощенный учитель велъ обученіе по азамъ и букамъ, сопровождая его приличными случаю внушеніями въ формѣ тумаковъ, подзатыльниковъ и тому подобнаго; отцы, по крайней мѣрѣ, заушали съ любовью, за то учитель производилъ расправу съ безсердечною грубостью полупьянаго педагога. Чаще всего послѣдній забирался на печь и оттуда начиналъ команду въ такомъ родѣ: «ну, ребята, байте за мной: буки-азъ-ба!» и т. д.; когда же онъ замѣчалъ, что какой-нибудь недогадливый мальчикъ молчитъ, то кричалъ ему: «Эй, ты! Чего ротъ-то замазалъ? Бай: буки!» Случалось при этомъ, что опѣшившій мальчичъ буквально повторялъ: «бай—буки»; тогда учитель начиналъ сердиться на безтолковость ученика, вразумлялъ его подвернувшимся подъ руку учебнымъ или неучебнымъ пособіемъ, а черезъ часъ или два подобныхъ занятій засыпалъ подъ неумолкаемую долбню, предоставивъ учениковъ на волю Божію; и вотъ для дѣтей начиналась въ самомъ дѣлѣ воля. Черезъ нѣсколько зимъ Михѣичева ученья два-три мальчика умѣли «разбирать» граж-

*) Крестьяне д. Воронокъ, Курской губ., на вопросъ о продолжительности учебнаго сезона прямо отвѣчали, что они „держатъ нахожихъ учителей до тѣхъ поръ, пока они не окажутся горькими пьяницами“ (*Сѣв. Вѣстн.* 1888 г., № 2, стр. 52).

данскую и церковную печать да изображать на бумагѣ что-то, имѣющее отдаленное сходство съ писаными словами, причемъ о правописаніи, конечно, не могло быть и рѣчи; никакихъ знаній Михѣичъ не сообщалъ, счету не училъ. Мальчики возбуждали жалость: они прочитали во время своей учебы Ветхій и Новый Завѣтъ, но на вопросы о событіяхъ Священной исторіи не могли ничего отвѣтить, понятіе же о Богѣ было у нихъ самое первобытное; когда давали имъ прочитывать небольшіе и удобопонятные разсказы и выспрашивали содержаніе прочитаннаго, то они въ отвѣтъ на вопросы, какъ-то удивленно глядѣли на спрашивающаго, какъ бы не понимая, чего еще учителю отъ нихъ нужно. Къ счастію для родителей и дѣтей, доморощенный учитель что-то такое, по выраженію крестьянъ, «нагрязилъ» и скрылся. А между тѣмъ ученье его обходилось отцамъ не очень уже дешево: они выплачивали ему по нѣскольку рублей въ зиму за каждаго мальчика!

Намъ лично удалось осмотрѣть нѣсколько десятковъ такихъ училищъ. И намъ случалось при этомъ на вопросъ о томъ, гдѣ учитель, услыхать отъ учениковъ, остающихся безъ руководителя, отвѣтъ, что онъ въ кабакѣ. Въ этихъ школахъ мы, за двумя исключеніями, не встрѣчали сколько-нибудь правильной организаціи занятій. О такой школѣ можно было всегда издали узнать по гулу десятка голосовъ, изъ коихъ каждый выкрикивалъ одновременно со всѣми другими свой особый урокъ, стараясь перекричать своего сосѣда; учитель обыкновенно занимается съ каждымъ отдѣльно, посвящая каждому ученику по нѣсколько минутъ въ день. Тамъ нѣтъ группъ и совмѣстныхъ занятій, а существуетъ столько же отдѣленій, сколько учениковъ. Когда ученикъ выучиваетъ свой урокъ, онъ проситъ учителя задать ему новый. Тамъ нѣтъ мѣста сознательности чтенія, а преобладаетъ чтеніе гоголевскаго Петрушки или гончаровскаго Валентина; самая простенькая фраза, прочитанная такимъ ученикомъ, ничего не говоритъ его уму, онъ не скажетъ, о чемъ и что онъ прочелъ. Тамъ рѣдко обучаютъ даже письму; единственное учебное пособіе, какое намъ приходилось встрѣчать въ такихъ школкахъ,—это ремень, лежащій на столѣ во время учебныхъ занятій, а иногда розга. Изъ такой школы ученикъ выноситъ массу словъ, наизусть заученныхъ имъ, и почти ни одного выражаемаго этими словами понятія. Въ числѣ книгъ, по какимъ дѣти учатся чтенію, намъ случалось на-ряду съ изданіями Шарапова, псалтирями и часословами встрѣчать и романъ *Дочь сатаны*.

Намъ кажется, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что ужъ если у народа нужно учиться, какъ держать соху, то у него же, неграмотнаго, можно научиться и способамъ преподаванія. «Въ школахъ грамотности,—по словамъ г. Бунакова,—обучаютъ дурно, медленно, безтолково и жестоко, такъ что ребятишки вдоволь натерпятся скуки, пьяной ругани и побоевъ, а въ концѣ-концовъ едва-едва выучатся безсмысленно и безобразно читать по складамъ» *). Подобные недостатки такихъ школокъ застав-

*) *Русская подвижная школа*, стр. 6.

ляютъ подумать о мѣрахъ къ улучшенію въ этихъ школахъ учебниковъ, педагогическаго персонала, организаціи занятій и пріемовъ обученія.

Но между ними въ началѣ 80-хъ годовъ стали встрѣчаться школы съ лучшею постановкой учебнаго дѣла, съ болѣе мягкими мѣрами взысканія, съ бо̀льшимъ объемомъ преподаванія. Мнѣ пришлось встрѣтить двѣ такія школки, которыя приближались по своему курсу къ первымъ двумъ отдѣленіямъ начальной школы. О такомъ же отрадномъ фактѣ свидѣтельствуетъ и г. Добротворскій въ ст. *Юхновскіе землекопы*, помѣщенной въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за 1887 годъ, хотя я послѣ личнаго знакомства со школами, о которыхъ идетъ въ этой статьѣ рѣчь, долженъ сказать, что г. Добротворскій преувеличилъ значеніе ихъ и приписалъ имъ много такихъ качествъ, которыхъ онѣ не имѣютъ. Существованіе подобныхъ школъ доказываетъ, во что современемъ могутъ обратиться наши обыкновенныя деревенскія школки грамотности.

Однажды мнѣ случайно пришлось познакомиться даже съ отличною школой грамотности въ д. Приселье, Д—аго уѣзда *). Узналъ я объ ея существованіи отъ мѣстнаго священника, который расхваливалъ и школу, и учительницу. Оказалось, что учительница, получившая высшее образованіе, г-жа В—ва, давая по вечерамъ уроки въ одномъ помѣщичьемъ домѣ, отстоящемъ отъ д. Приселья въ 4 верстахъ, наняла на свои трудовыя деньги въ деревнѣ хату, снабдила ее учебными принадлежностями, пособіями и книгами, и обучаетъ до 40 ребятъ, ничего не взимая съ нихъ за обученіе. Отношенія учительницы къ дѣтямъ простыя, семейныя, добрыя, основанныя на взаимномъ довѣріи и любви, безъ тѣни чего либо давящаго, устрашающаго учениковъ; настроеніе учениковъ въ школѣ веселое, бодрое, свѣтлое. Достаточно было прочитать письма дѣтей къ учительницѣ (въ этой школѣ почти всѣ письменныя работы, носящія характеръ изложенія своихъ мыслей, велись въ формѣ писемъ, которыя такъ любятъ дѣти, что пишутъ ихъ, лишь только имъ попадется лоскутъ бумаги), чтобы понять эти единственно желательныя отношенія между учащими и учащимися. «Видимся послѣдній день,—пишетъ довольно безграмотно одинъ ученикъ учительницѣ,—не хочется разставаться съ тобой; ты для насъ лучше матки родной». Другой ученикъ пишетъ: «мы съ тобой живемъ какъ рыба съ водой,—такъ и мы съ тобой,—и еще лучше, чѣмъ рыба». Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе производитъ на крестьянъ такой подвигъ дѣвушки, отдающей и свои силы, и свое время, и свои трудовыя деньги на пользу подрастающаго поколѣнія деревни. Остановившись въ одномъ крестьянскомъ домѣ, я слышалъ отъ бабъ и мужиковъ восторженныя похвалы учительницѣ. Они изумлены и объясняютъ этотъ подвигъ учительницы, говоря, что она дѣлаетъ это для спасенія своей души. Именно такое изумленіе и недоумѣніе должно

*) Теперь школа эта закрылась вслѣдствіе недоразумѣній съ ближайшими наблюдателями за нею изъ среды сельскаго духовенства, и учительница перешла въ земскую школу.

было произойти, когда въ средѣ, гдѣ, вслѣдствіе бѣдности, недосуга и невѣжества, отсутствуютъ альтруистическія чувства, гдѣ каждому въ пору думать только о себѣ и о своей семьѣ, появляется лицо, всецѣло отдавшее себя на служеніе ближнему. Что касается до успѣховъ въ обученіи закону Божію, чтенію, письму и ариѳметикѣ, то хотя они удовлетворительны, но школа въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ сельскаго училища средняго уровня. А правописаніе и ариѳметика въ очень многихъ сельскихъ школахъ поставлены гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. За то въ отношеніи развитія учениковъ здѣсь достигнуты, дѣйствительно, замѣчательные результаты. Дѣти, обучавшіяся всего полторы зимы, сознательно усвоили массу свѣдѣній для своего возраста и изъ космографіи, и изъ естественной исторіи, перечитали и прослушали въ классѣ десятки книгъ для народнаго чтенія, привыкли свободно выражать свои мысли на языкѣ, представляющемъ любопытную смѣсь деревенскаго говора съ литературною рѣчью.

Что школки грамотности способны къ совершенствованію, доказываетъ тотъ, подтверждаемый многими свидѣтельствами, фактъ, что старики-грамотеи, солдаты николаевскихъ временъ съ ихъ строгими мѣрами водворенія классной дисциплины, съ ихъ допотопными пріемами преподаванія мало-помалу сходятъ со сцены и уступаютъ свое мѣсто молодымъ учителямъ и большею частію изъ окончившихъ курсъ новой народной школы съ болѣе мягкими отношеніями къ ученикамъ, съ болѣе современными формами преподаванія, а вмѣстѣ съ перемѣною учителей происходятъ перемѣны и въ учебныхъ книгахъ, которыя въ школкахъ новаго типа болѣе приноровлены къ пониманію дѣтей, чѣмъ въ школахъ старой формаціи.

Земство, которое съ 1882 года, послѣ извѣстнаго циркуляра бар. Николаи, легализировавшаго эти школы, начало оказывать помощь этому типу школъ, могло бы очень скоро раздачею книгъ и учебниковъ, рекомендаціей учителей, выдачею премій лучшимъ изъ нихъ—поднять школки эти на надлежащую высоту, еслибъ оно и училищные совѣты снова были допущены до завѣдыванія этими школками. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать возбужденное нѣкоторыми земствами *) ходатайство о томъ, чтобы земству и училищнымъ совѣтамъ наравнѣ съ духовенствомъ предоставлено было бы завѣдывать школами грамотности. Если земство и училищный совѣтъ признаются правоспособными завѣдывать школами высшаго типа, каковы народныя училища по положенію 1874 года, то тѣмъ болѣе они правоспособны завѣдывать школами низшаго типа, каковы школы грамотности. Привлеченіе земства и училищныхъ совѣтовъ къ участію въ устройствѣ и распространеніи школъ грамотности дастъ возможность земству, при самыхъ незначительныхъ затратахъ, устроить школы грамотности во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ начальныхъ училищъ. Въ школахъ грамотности, къ завѣдыванію коими будутъ привлечены земство и училищный совѣтъ, не будетъ мѣста духу касты, замкнутости, исключительности, потому что тогда къ участію

*) Наприм., порѣчскимъ, Смоленской губ.

въ этомъ важномъ дѣлѣ будетъ допущено не одно, а всѣ сословія въ лицѣ своихъ представителей. Тогда и правительство въ лицѣ своихъ членовъ училищнаго совѣта получитъ доступъ въ школы грамотности. Уже одно только снабженіе такихъ школокъ хорошими учебниками и книгами могло бы произвести значительное улучшеніе въ результатахъ преподаванія, которое плохо стоитъ въ такихъ школахъ, между прочимъ, потому, что на рукахъ учениковъ находятся недоступныя ихъ пониманію книги. При этомъ условіи, ученики и безъ помощи учителя, пользуясь понятно написанною книгою, уразумѣли бы смыслъ читаемаго и начали бы сознательно относиться къ содержанію. Но кромѣ того училищный совѣтъ, пользуясь отлично окончившими курсъ въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ, имѣлъ бы полную возможность вліять на подборъ преподавателей въ такихъ школкахъ. Мы, однако, не будемъ рекомендовать этого типа школокъ для малонаселенныхъ мѣстностей, потому что, какъ увидимъ ниже, вполнѣ возможна для такихъ мѣстъ другая организація, гораздо лучше отвѣчающая тѣмъ минимальнымъ требованіямъ, какія въ наше время предъявляются къ начальной школѣ.

III.

Церковно-приходскія школы, безспорно, могутъ оказать большую услугу дѣлу народнаго образованія тамъ, гдѣ нѣтъ начальныхъ училищъ по положенію 1874 года. Въ этомъ смыслѣ онѣ заслуживаютъ поощренія и поддержки. Но, однако, не слѣдуетъ особенно преувеличивать значеніе этого типа училищъ. Исторія развитія школьнаго дѣла доказываетъ, что церковно-приходская школа появляется только тамъ, гдѣ есть мѣсто борьбѣ между двумя религіозными партіями, и существуетъ только до тѣхъ поръ, пока идетъ эта религіозная борьба, причемъ школа дѣлается орудіемъ той или другой партіи. Какъ только религіозная борьба оканчивается,—школа, не переставая преслѣдовать религіозныя цѣли, начинаетъ служить и земнымъ, житейскимъ интересамъ, къ школѣ примѣняютъ заповѣдь Спасителя «Божіе Богу, а кесарево кесарю»: происходитъ раздѣленіе труда, духовенство сосредоточиваетъ всѣ свои силы на религіозномъ воспитаніи учащихся, а свѣтскія общественныя учрежденія, помогая духовенству въ его дѣятельности, заботятся объ остальныхъ житейскихъ сторонахъ школьнаго дѣла, преслѣдуя съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ нравственныя, экономическія, гражданскія и прежде всего общеобразовательныя цѣли. Хорошо извѣстно, что германскую церковно - приходскую школу распространяла реформація, какъ средство для борьбы съ католичествомъ. Окончилась эта борьба, и духовенство германское, по словамъ Диттеса, стало скорѣе мѣшать школьному дѣлу, чѣмъ содѣйствовать ему, хотя германская школа и не переставала заботиться о религіозномъ образованіи дѣтей. Папы тоже смотрѣли на школу — сначала на высшую и среднюю, а потомъ и на низшую — какъ на средство борьбы съ реформаціей. Просматривая

всеподданнѣйшій отчетъ г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1884 годъ, мы видимъ, что епархіи, въ которыхъ есть мѣсто религіозной борьбѣ, располагаютъ и бо̀льшимъ числомъ церковно-приходскихъ школъ. Таковы: Подольская (822), Волынская (531), Рижская (421), Томская (239), Казанская (184), Калужская (172) и проч. *). На эти шесть епархій, занимающихъ первыя шесть мѣстъ по числу церковно-приходскихъ училищъ, приходится болѣе половины всѣхъ церковно-приходскихъ школъ, бывшихъ въ 1884 г. въ Россіи. Но въ такихъ епархіяхъ, гдѣ православію ничто не угрожаетъ, духовенство наше не имѣетъ достаточныхъ побужденій особенно ревностно относиться къ распространенію приходскихъ школъ и обремененное требами, хозяйственными и семейными обязанностями, полагаетъ, что оно исполнитъ свое назначеніе гораздо лучше, если, не разбрасываясь въ своей дѣятельности, не принимая на себя массы мелочныхъ хлопотъ по завѣдыванію школами, ихъ отчетностью, перепискою, хозяйственною и административною частью, сосредоточитъ всѣ свои свободныя силы и время на преподаваніи закона Божія и на религіозномъ воспитаніи дѣтей въ существующихъ земскихъ и министерскихъ училищахъ. Устраняя себя отъ завѣдыванія тѣми сторонами школьнаго дѣла, которыя не имѣютъ никакой связи съ главнымъ призваніемъ духовенства, послѣднее руководится въ этомъ случаѣ здравымъ смысломъ русскаго человѣка, утверждающаго, что «кто погонится за двумя зайцами, тотъ ни одного не поймаетъ». Совершенно естественно повторяющееся нашимъ сельскимъ духовенствомъ заключеніе, что если теперь преподаваніе закона Божія, лежащее, какъ извѣстно, на духовенствѣ, не вездѣ ему по силамъ и иногда оставляетъ желать лучшаго, то преподаваніе это пойдетъ хуже, когда тѣ же самыя лица должны будутъ кромѣ преподаванія закона Божія взять на себя еще множество другихъ обязанностей по приходской школѣ.

Статьи нѣкоторыхъ сторонниковъ церковно-приходскихъ школъ носятъ и до сихъ поръ, такъ сказать, «боевой» характеръ. Говорятъ, что школы эти устроены по проекту и указаніямъ извѣстнаго школьнаго дѣятеля въ одномъ изъ уголковъ Смоленской губерніи, г. Рачинскаго. Послѣдній, пропагандируя идею церковно-приходской школы, началъ съ того, что въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицалъ все созданное до сихъ поръ въ дѣлѣ народнаго образованія, укорялъ школьныхъ дѣятелей и представителей земства и педагогической литературы въ лицемѣріи, въ равнодушіи къ дѣлу, въ бездарности, въ безвкусіи, называлъ ихъ наемниками. Но когда школы

---

*) Слѣдующее мѣсто принадлежитъ Смоленской епархіи (163 школы съ 5,970 учащимися), гдѣ почти нѣтъ иновѣрцевъ; но здѣсь вкралось какое-то недоразумѣніе. Въ 1886 году находилось въ Смоленской губерніи, по свѣдѣніямъ смоленскаго губернскаго статистическаго комитета, только 69 церковно-приходскихъ школъ съ 2,337 учащимися. Не могло же въ два года (послѣ 1884 года) закрыться почти 100 школъ изъ 160-ти и число учащихся въ нихъ уменьшиться на 60%? (Смотри табл. № 19. прил. къ отчету г. оберъ-прокурора за 1884 г. и изд. смол. губ. ст. ком. „Справ, книжку за 1887 г.).

г. Рачинскаго были преобразованы въ церковно - приходскія, онъ потребовалъ, какъ сообщалъ въ свое время *Смоленскій Вѣстникъ*, чтобъ ихъ снова возвратили въ вѣдѣніе училищнаго совѣта свѣтскаго и, при содѣйствіи земскаго собранія, гдѣ обсуждался этотъ вопросъ, добился этого. Сотрудникъ и единомышленникъ г. Рачинскаго, г. Горбовъ въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* писалъ: «случалось и мнѣ, даже печатно и даже очень неумѣренно порицать ихъ (учителей земскихъ и министерскихъ училищъ). Но время шло. Я больше видѣлъ школъ, учителей, мой взглядъ значительно измѣнился. Публично совершивъ несправедливость, я публично готовъ и покаяться въ ней». Къ сожалѣнію, ни г. Рачинскій, ни г. Горбовъ, теперь уже не въ состояніи остановить вызваннаго ихъ несправедливостью движенія въ смыслѣ неумѣренныхъ обвиненій, взводимыхъ на дѣятелей нашей школы. Самъ г. Горбовъ, прочитавъ нѣсколько статей, написанныхъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* сторонниками замѣщенія существующихъ школъ приходскими, спрашиваетъ: «Неужели же народная школа явится какимъ - то яблокомъ раздора, чуть не поводомъ къ возбужденію клерикальной какой-то борьбы?»

Для сравнительной оцѣнки обоихъ типовъ школъ воспользуемся критеріемъ, указаннымъ г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1884 годъ (стр. 107) «...когда крестьяне видятъ,—говоритъ онъ,—что дѣти ихъ приносятъ изъ школы однѣ лишь формы свѣтскаго обученія и понятія искусственныя, взятыя изъ области реальныхъ знаній, *они чуждаются школы* (курсивъ нашъ) и не видятъ въ ней духовной пользы». Мы такъ понимаемъ это выраженіе: если школа плоха, то крестьяне чуждаются ея и не посылаютъ въ нее дѣтей своихъ и чѣмъ школа лучше, тѣмъ больше въ ней учащихся изъ крестьянъ.

Что сельское населеніе отдаетъ охотнѣе своихъ дѣтей только въ удовлетворительно поставленную школу, въ доказательство этого можно привести массу фактовъ, изъ коихъ я выбираю здѣсь наиболѣе типичные. Въ селѣ Вержинѣ, Дорогобужскаго уѣзда, до 1887—1888 учебнаго года, никогда со времени открытія училища, при усердномъ, но не достаточно способномъ учителѣ, не было болѣе 19 учениковъ, а черезъ годъ, съ назначеніемъ туда способнаго и опытнаго учителя, число учащихся сразу возросло до 61, и возросло бы еще больше, еслибы помѣщеніе училища позволило принять всѣхъ желающихъ учиться. Въ селѣ Сережани, Вяземскаго уѣзда, до 1885 года число учащихся при недостаточно ревностномъ учителѣ не превышало 22, съ перемѣною же учителя оно въ 1885 году возросло до 85. Въ селѣ Климовѣ, Юхновскаго уѣзда, съ замѣною учительницы посредственныхъ способностей опытнымъ учителемъ, число учащихся возросло съ 79 до 129. Въ 1884—1885 учебномъ году при замѣнѣ усердной, но мало знающей учительницы Городищенскаго, Юхновскаго уѣзда, училища хорошимъ учителемъ, число учащихся сразу возросло съ 27 до 71.

Прилагая этотъ критерій къ существующимъ школамъ, мы видимъ, что

общественныя по положенію 1874 года и министерскія школы посѣщаются гораздо большимъ числомъ учениковъ, чѣмъ церковно-приходскія. Въ 1884 г. на одну первоначальную школу, состоящую въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, по словамъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра за этотъ годъ, приходился 61 учащійся, а на одну приходскую, какъ можно вывести изъ таблицы № 19, приложенной къ отчету г. оберъ-прокурора св. синода за тотъ же годъ, приходилось 24 учащихся. Черезъ десять лѣтъ, въ 1894 году, на одну сельскую школу перваго типа въ земскихъ губерніяхъ приходилось уже 78 учениковъ, а вторыя почти по прежнему малолюдны: въ земскихъ губерніяхъ, по даннымъ 2 съѣзда дѣятелей техническаго и профессіональнаго образованія, число учениковъ въ церковно-приходскихъ школахъ колебалось въ 1894 году между 27 и 46. Отсюда видно, что земская школа лучше церковно-приходской, что она не заслуживаетъ взводимыхъ на нее обвиненій и ей, безспорно, должно быть отдано предпочтеніе. Совершенно понятно, почему школы по положенію 1874 г. имѣютъ преимущество передъ приходскими. Какъ ни мало простора даетъ законъ 1874 г. общественной и частной инициативѣ, но все же къ участію въ распространеніи и устройствѣ первыхъ привлечены многія вѣдомства и учрежденія и всѣ сословія. Высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы принадлежитъ епархіальному архіерею, членамъ совѣтовъ отъ духовенства, благочиннымъ и отцамъ наблюдателямъ за школами по назначенію архіерея; преподаваніе закона Божія лежитъ на духовенствѣ. Министерство народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, земство, дворянство въ лицѣ своихъ представителей, городскія и сельскія общества, даже частныя лица, принимающія участіе въ содержаніи училищъ, всѣ имѣютъ извѣстныя права и несутъ извѣстныя обязанности по отношенію къ начальной школѣ. Приходскія школы этого преимущества не имѣютъ. О. Серапіонъ Брояковскій справедливо пишетъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* (№ 23 за 1887 годъ): «Въ настоящее время весь трудъ открытія и организаціи школъ возложенъ на духовенство... Возлагать бремена трудныя и неудобоносимыя на одно духовенство едва ли можетъ быть сему послѣднему по силамъ». Мы припоминаемъ слова другого священника В.— уѣзда, который, открывъ, по настоянію своего начальства, приходскую школу, писалъ въ своей оффиціальной бумагѣ, что «дѣло народнаго образованія» онъ считаетъ «для себя игомъ, почти равнымъ тому игу, какое евреи несли въ Египтѣ». Едва ли мы можемъ укорять почтеннаго іерея за то, что у него не хватаетъ ни времени, ни силъ справиться со вновь возложенной на него задачей. Чрезвычайно цѣнный матеріалъ по вопросу о сравнительныхъ достоинствахъ той и другой школы читатель найдетъ въ трудахъ IX секціи съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Послѣ подробной характеристики церковно-приходскихъ школъ, мы читаемъ тамъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о земской школѣ: «Земская школа лишена всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ церковно-приходскихъ школъ: контингентъ ея

учителей въ большинствѣ случаевъ состоитъ или изъ лицъ, получившихъ спеціальную къ тому подготовку, или изъ воспитанниковъ, прошедшихъ полный курсъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Программа ея не страдаетъ той односторонностью, какую мы находимъ въ церковно-приходской школѣ. Такимъ образомъ земскую школу возможно признать общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, болѣе другихъ приближающимся къ желательному типу. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать объ абсолютномъ отсутствіи у земской школы недостатковъ. Недостатки есть и у земской школы, но для насъ должно быть особенно важно то, что для устраненія этихъ недостатковъ, въ интересахъ подготовки населенія къ послѣдующему пріобрѣтенію профессіональнаго образованія, вовсе не требуется созданія новаго типа общеобразовательнаго учебнаго заведенія или коренныхъ реформъ въ общемъ направленіи дѣятельности земской школы, но лишь нѣкоторыхъ детальныхъ исправленій и измѣненій въ распредѣленіи учебнаго матеріала нынѣ существующей земской школы».

Очевидно, приходскія школы не могутъ замѣнить училищъ учебнаго вѣдомства; но за то онѣ могутъ оказать помощь въ распространеніи грамотности тамъ, гдѣ недостаточно существующихъ школъ. Лишь бы только никто изъ сторонниковъ ихъ не вносилъ вражды въ дѣло народнаго образованія и лишь бы онѣ приняли тотъ мирный характеръ, какой указанъ имъ Высочайше утвержденными въ 1884 г. правилами о нихъ.

IV.

Исходя изъ той мысли, что климатическія данныя нашего отечества и условія разселенія совпадаютъ съ таковыми же въ Швеціи и Норвегіи, нѣкоторые, съ цѣлью удешевить стоимость народнаго образованія, предлагали устраивать подвижныя школы.

У насъ дѣлалось много различныхъ попытокъ пересадить къ намъ подвижную школу. Педагоги наши составляли для такихъ школъ планы, программы, учебники, а земства отпускали деньги.

Наибольшую извѣстность получили проекты такихъ школъ, составленные г. Бунаковымъ и г. Александровымъ. Но да простятъ намъ почтенные педагоги, проектъ перваго искренно уважаемаго нами дѣятеля по народному образованію мы находимъ неосуществимымъ и оба проекта недостигающими своей главной цѣли — удешевленія организаціи дѣла народнаго образованія. Начать съ того, что г. Бунаковъ въ основу своего плана кладетъ продолжительность учебнаго года въ сельской подвижной школѣ въ 216 учебныхъ дней или 36 недѣль. Изъ сдѣланныхъ же нами наблюденій надъ школами нѣкоторыхъ уѣздовъ Смоленской губерніи мы нашли, что средняя продолжительность учебнаго года равна только 119 учебнымъ днямъ. Г. Бунаковъ дѣлитъ годъ на три части: учитель занимается въ каждомъ пунктѣ по 12 недѣль, предоставляя учащихся самимъ себѣ на все остальное время и предполагая, что они станутъ работать

самостоятельно. Внеся сдѣланную нами выше поправку въ разсчетѣ г. Бунакова, мы найдемъ, что учитель будетъ заниматься въ каждомъ пунктѣ не 12 недѣль, а только 6½; но въ это время нѣтъ никакой возможности довести учениковъ до полной грамотности. Что же касается до предположенія, будто все остальное время ученики, предоставленные самимъ себѣ, станутъ заниматься самостоятельно, то я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Въ нашихъ школахъ самостоятельныя работы продолжаются не долѣе часа, да и на такое короткое время учителя не считаютъ возможнымъ оставить учениковъ, особенно начинающихъ, безъ всякой помощи. Планъ этотъ, очевидно, заимствованъ изъ Швеціи и Норвегіи. Тамъ, по свидѣтельству г. Павловича, общины, не имѣющія постоянной школы, группируются въ школьные округа, и каждый изъ такихъ округовъ имѣетъ своего учителя. Съ наступленіемъ учебнаго времени, учитель является сначала въ одну общину, потомъ въ другую и заканчиваетъ къ концу года объѣздъ своего округа. Но тамъ зима гораздо продолжительнѣе, нежели въ большей части Россіи — это во-первыхъ, а во-вторыхъ, тамъ въ каждой семьѣ взрослые грамотны и могутъ продолжать сами прерванное учителемъ обученіе дѣтей, на что у насъ пока еще нельзя разсчитывать.

Гораздо болѣе примѣнимъ къ нашимъ условіямъ планъ подвижной школы, предложенный г. Александровымъ въ его брошюрѣ: *Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ*. По его плану, подвижная школа остается въ одномъ мѣстѣ цѣлый учебный годъ, а на слѣдующую зиму переходитъ въ другой пунктъ. Райономъ такой школы служитъ кругъ съ радіусомъ — самое большее — въ три версты; ея задачею служитъ обученіе грамотѣ дѣтей школьнаго возраста отъ 9 до 14 лѣтъ и повторительное обученіе съ бывшими школьниками. Въ виду того, что въ подвижной школѣ въ возможно короткій срокъ необходимо выполнить возможно большую програмну и потому отъ учителя требуются особенныя способности, опытность и усердіе, — оба названные автора требуютъ, чтобы преподавателемъ въ подвижную школу назначался лучшій изъ учителей и чтобы жалованье ему было положено, по мнѣнію г. Бунакова, 400 руб., а по мнѣнію г. Александрова отъ 309 до 400 руб. при готовомъ содержаніи. Посмотримъ, насколько дешева будетъ подобная организація. Но прежде всего необходимо установить критерій, что̀ слѣдуетъ считать дешевою организаціею школьнаго дѣла, такъ какъ и на этотъ счетъ у насъ существуютъ различныя мнѣнія. Возьмемъ двѣ школы: одна изъ нихъ обходится въ годъ въ 300 руб., но въ ней 30 учениковъ; другая въ 600 р., но въ ней 90 учениковъ. Очевидно, не стоимость школы рѣшаетъ поставленный нами вопросъ, а сумма, въ какую обходится обученіе одного ученика. А при такой оцѣнкѣ подвижная школа г. Александрова обойдется гораздо дороже, нежели въ 1880 г. обходилось обыкновенное постоянное сельское училище. Въ подвижной школѣ будетъ, по очень понятнымъ причинамъ, среднимъ числомъ меньше учащихся, нежели въ постоянной школѣ. Въ постоянной же школѣ въ 1880 г., по статистическому «Временнику Россійской имперіи», было сред-

нимъ числомъ 50 учащихся, и обученіе каждаго учащагося обходилось въ 5 руб. 61 коп. Между тѣмъ, предположивъ, что въ подвижной школѣ г. Александрова среднимъ числомъ будетъ 30—40 учащихся, мы найдемъ, что одинъ учащійся въ нихъ обойдется, считая только одно жалованье учителя, не менѣе нежели въ 10 руб. въ годъ. Между тѣмъ дѣти занимаются съ учителемъ только одну зиму въ три-четыре года, а это если и можно допустить для проучившихся уже двѣ зимы и окрѣпшихъ въ грамотѣ, то для учениковъ младшаго отдѣленія не можетъ быть оправдано съ педагогической точки зрѣнія. Организація подвижныхъ школъ, предлагаемая г. Герасимовымъ въ изданной имъ брошюрѣ, имѣетъ еще больше недостатковъ. Она разсчитана на такую продолжительность учебнаго года (9 мѣсяцевъ), какая если и можетъ встрѣтиться гдѣ-нибудь въ Россіи, такъ развѣ только какъ рѣдкое исключеніе. Кромѣ того учитель подвижной школы, по проекту Герасимова, возвращается въ прежній пунктъ только черезъ пять лѣтъ, пробывъ въ каждой только по три мѣсяца.

Но, можетъ быть, на практикѣ подвижныя школы лучше достигаютъ своей цѣли, нежели въ планахъ, составленныхъ педагогами. *Изъ сборника статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи* (выпускъ II) узнаемъ, что земство Новооскольскаго уѣзда въ 1882 г. постановило открывать подвижныя школы въ самыхъ глухихъ селахъ, гдѣ населеніе и не знаетъ, что такое школа. Въ эти школы набирается полный комплектъ учениковъ и ученье продолжаетси три года, т.-е. полный курсъ. Въ *Сборникѣ* описано двѣ такихъ школы: Поповкинская и Прилѣповская. Обѣ помѣщаются въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ; первую посѣщаютъ дѣти изъ двухъ деревень, вторую изъ одной; квартира съ отопленіемъ обходится сельскимъ обществамъ: въ первой школѣ 36 руб., а въ Прилѣповской въ 50 руб. въ годъ; все же содержаніе земству и обществу обходится въ годъ—первой въ 438, при 44 учащихся, а второй въ 410 при 43 учащихся, хотя въ первой изъ нихъ не только отсутствуетъ библіотека, но нѣтъ даже необходимыхъ учебныхъ пособій и руководствъ. Но при такомъ числѣ учащихся едва ли какое земство затруднится устроить постоянное нормальное училище. Можетъ быть, подобныя школы успѣваютъ расположить крестьянъ къ грамотности и, вызвавъ ихъ на пожертвованія, превращаются затѣмъ въ постоянныя училища. Такая заслуга вполнѣ оправдала бы ихъ существованіе.

Въ Смоленской губерніи въ 1883 — 1884 учебномъ году также былъ сдѣланъ земствомъ опытъ устройства подвижной школы. При этомъ устроители воспользовались планомъ Бунакова, но въ первую же зиму убѣдились въ его неосуществимости. Предположено было нанять одного учителя для двухъ школъ: Верещаненской и Купринской. Сначала опытный учитель, получавшій 300 руб. жалованья, занимался въ Верещаненской школѣ съ 13 учениками, изъ коихъ нѣкоторые поступили *грамотными*, а въ февралѣ долженъ былъ по первоначальному плану перейти въ Купринскую школу. Но крестьяне дер. Верещанена потребовали, чтобы учитель оста-

вался у нихъ всю зиму. Устроители должны были согласиться съ мнѣніемъ крестьянъ и назначить въ Верещаненскую школу для продолженія учебныхъ занятій окончившаго курсъ ученія въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ, который сначала, въ теченіи 10 дней, присматривался къ веденію учебнаго дѣла своимъ предшественникомъ, а потомъ приступилъ къ самостоятельнымъ занятіямъ. Хотя инспекторъ г. Б—ій, посѣтившій эту школу въ мартѣ, и нашелъ успѣхи по всѣмъ предметамъ удовлетворительными, но опытъ этотъ привелъ смоленское земство къ мысли о несостоятельности проекта г. Бунакова, такъ какъ пришлось, по необходимости, вмѣсто подвижной школы устроить постоянную. Опытъ этотъ обошелся не дешево и обученіе одного ученика въ теченіе зимы обошлось болѣе 14 руб. Но было признано, что школы эти все-таки принесли свою долю пользы, что онѣ навели крестьянъ на мысль устроить у себя школы постоянныя. Намъ кажется, что организація подвижныхъ школъ у насъ должна быть нѣсколько иная, и о ней мы скажемъ въ концѣ настоящей статьи.

V.

Новая попытка въ томъ же родѣ заключается въ устройствѣ такъ называемыхъ параллельныхъ отдѣленій при народныхъ училищахъ или филіальныхъ школокъ. Въ общихъ чертахъ организація ихъ заключается въ слѣдующемъ. Среди крестьянскихъ юношей очень часто встрѣчаются богато одаренные способностями учить других. Они отлично умѣютъ объяснить своему товарищу, что знаютъ сами, умѣютъ приковать его вниманіе, страстно увлекаются своею ролью учителя, репетитора. Можетъ быть, этотъ фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьянскія дѣти чуть не съ пяти лѣтъ въ страдную пору, когда все взрослое населеніе деревни находится въ полѣ, остаются дома нянчить своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, занимать, кормить и беречь ихъ, устраивать для нихъ игры, пѣть имъ пѣсни, разговаривать съ ними. Но, какъ бы то ни было, фактъ этотъ признается всѣми, имѣвшими возможность наблюдать деревенскую школу, и неоднократно былъ заявленъ и въ педагогической литературѣ. Изъ среды учащихся избираются по окончаніи курса ученики, отличающіеся такою педагогическою жилкою; они остаются при школѣ, смотря по возрасту и развитію, на одинъ или на два года, гдѣ подъ руководствомъ учителя приготовляются къ своей будущей преподавательской дѣятельности, послѣ чего имъ, на правахъ учительскихъ помощниковъ, подъ контролемъ и руководствомъ со стороны учителя, поручается филіальная школка всего лучше въ ихъ родной деревнѣ, отстоящей отъ центральной школы за нѣсколько верстъ.

Они уже знакомы съ современными пріемами преподаванія, такъ какъ ихъ самихъ обучали по новымъ методамъ и о другихъ методахъ они знаютъ только по наслышкѣ. Они молоды и потому хорошо помнятъ, какія изъ объясненій учителя они усвоивали легко и какія съ трудомъ. Имъ

легче представить себя на мѣстѣ ученика и такимъ образомъ сдѣлать оцѣнку того или другого пріема преподаванія. Вѣроятно, благодаря этимъ качествамъ, они нерѣдко достигаютъ изумительныхъ для ихъ подготовки и развитія успѣховъ въ преподаваніи. Я видѣлъ такихъ учителей изъ бывшихъ учениковъ, которые ведутъ обученіе по всѣмъ правиламъ искусства, и въ ихъ школкахъ дѣти часто не хуже выучивались читать и писать, чѣмъ у самого учителя. Правда, что помощники недостаточно развиты умственно, а потому, во-первыхъ, они нуждаются въ постоянномъ руководствѣ болѣе развитого человѣка, каковымъ и долженъ быть учитель центральной школы, а во-вторыхъ, такимъ помощникамъ большею частію не поручается старшаго возраста учениковъ.

Учительскій помощникъ долженъ быть хорошей нравственности, каковому требованію, впрочемъ, удовлетворяетъ большинство крестьянскихъ юношей, не испорченныхъ фабрикою или городомъ. Онъ долженъ быть хорошо ознакомленъ на практикѣ въ центральной школѣ съ современными пріемами преподаванія, поддержанія дисциплины въ классѣ, организаціею занятій съ двумя отдѣленіями учениковъ и пр. Одно изъ лучшихъ средствъ приготовить помощника заключается въ томъ, что поручаютъ избраннымъ для этого мальчикамъ, подъ ихъ отвѣтственностію, но подъ руководствомъ опытнаго наставника, извѣстныя занятія въ центральной школѣ, сначала не требующія большого умѣнья и находчивости, потомъ все болѣе и болѣе сложныя. Эту подготовку можно начинать съ учениковъ старшаго отдѣленія, поручая имъ отъ времени до времени руководство самостоятельными работами младшихъ учениковъ, рѣшеніе съ ними ариѳметическихъ примѣровъ на пройденныя правила, просмотръ тетрадей и проч. По окончаніи же курса имъ можно поручать и болѣе сложное дѣло. Опытъ показываетъ, что такимъ образомъ скорѣе всего вырабатываются хорошіе помощники. Чтеніе книгъ и бесѣды съ преподавателями, конечно, также необходимы въ интересахъ умственнаго развитія такихъ юношей.

Преподаватель такой школки—учительскій помощникъ, самый даровитый изъ бывшихъ учениковъ, житель, можетъ быть, той же деревни, живетъ «на крестьянскомъ положеніи», исправляетъ всѣ свои земледѣльческія работы и только на зиму вмѣсто того, чтобы искать отхожихъ промысловъ, отрываться отъ семьи, подвергаться соблазнамъ городской или фабричной жизни, легко деморализующей не окрѣпшихъ еще въ нравственномъ отношеніи юношей, онъ становится учителемъ ребятъ въ своей же или, въ крайнемъ случаѣ, въ сосѣдней деревнѣ, не разрывая своихъ отношеній съ односельчанами, оставаясь мірскимъ человѣкомъ. Уже по этому одному онъ долженъ быть близокъ ребятамъ; они будутъ понимать другъ друга съ перваго слова. Но онъ въ то же время, благодаря особенностямъ своихъ зимнихъ занятій, чтенію книгъ и частымъ бесѣдамъ съ преподавателями центральнаго училища, будетъ наиболѣе интеллигентнымъ въ средѣ своихъ односельчанъ и, оставаясь своимъ между ними, будетъ годъ отъ году дѣлаться развитѣе, кругъ его знаній и наблюденій будетъ расширяться.

Вотъ какъ описываетъ учителей подобныхъ школокъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ г-жа Штевенъ:

«Первые учителя были всѣ ученики моей Яблонской школы; теперь ихъ уже не хватаетъ, и комплектъ пополняется учениками другихъ земскихъ школъ, причемъ желающіе стать учителями мальчики обязаны нѣкоторое время пробыть въ Яблонской школѣ, отчасти для пополненія ихъ познаній, а главное—для того, чтобъ я могла составить себѣ мнѣніе объ ихъ характерѣ и способностяхъ. Хорошая подготовка учителей или, проще сказать, хорошая учительская школа есть предметъ самой настоятельной необходимости, но достигнуть этого пока еще не было возможности. Можно бы тѣмъ не менѣе достигнуть порядочныхъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но жить имъ приходится, такъ сказать, на бивуакѣ: учатся и ночуютъ они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ учатся всѣ 50 или 60 учениковъ Яблонской школы, а кормятся нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе тутъ же въ школѣ, чѣмъ Богъ пошлетъ, т.-е. взятыми изъ дому пирогами и лепешками. Пребываніе въ моей школѣ поэтому сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ лишеніями, даже для крестьянскихъ мальчиковъ довольно чувствительными, а потому надолго задерживать ихъ въ школѣ нельзя. Кромѣ того, требуются все новые и новые учителя, и потому, какъ только мальчикъ достигнетъ 14—15 лѣтъ, и я увѣряюсь, что онъ вообще пригоденъ къ этому дѣлу, я, послѣ одной зимы, а иногда и всего только двухъ-трехъ мѣсяцевъ подготовки, помѣщаю его на должность. Во вновь открытой школѣ ему первое время приходится учить только азбукѣ и молитвамъ, а потому молодость и неподготовленность его большихъ неудобствъ еще не представляютъ. А чтобы молодые учителя сколько-нибудь лучше годились для дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, я вновь собираю ихъ въ свою школу недѣль на 6 весною, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время, относительно свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ребята, разумѣется, несмотря на свое учительское званіе, по-прежнему принимаютъ дѣятельное участіе. Въ это время у меня учатся и совсѣмъ еще не учившіе, и учившіе годъ, и учившіе уже 2—3 года, 14 и 15, 18 и 20-лѣтніе молодые парни, которыхъ прошлою, напримѣръ, осенью набралось 25 человѣкъ. Шесть недѣль проходятъ быстро, трудно заниматься заразъ со многими учениками различныхъ возрастовъ и познаній, мало у насъ учебныхъ пособій, и сама я мало знакома съ лучшими методами преподаванія; а потому, въ концѣ-концовъ, учителя наши все же остаются довольно плохо подготовленными. И если большинство изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, удовлетворительно исполняетъ свою миссію, объяснить это можно только ихъ личными свойствами. Учителя изъ не крестьянскихъ сословій часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другого исхода. Крестьянскій же мальчикъ въ этомъ отношеніи вполнѣ свободенъ. У него есть свой домъ и работа; особенныхъ матеріальныхъ выгодъ учительская должность ему не дастъ,

и, если онъ принадлежитъ къ числу дюжинныхъ натуръ съ низменными вкусами, онъ самъ не захочетъ браться за это дѣло. Но за то учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но за то отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевною чистотой, и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ. И безкорыстное, религіозное ихъ отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ прекрасные плоды. Не мало и кромѣ нихъ на святой Руси такихъ же точно юношей и дѣвушекъ, способныхъ и добрыхъ, еще не зачерствѣвшихъ и не погрязшихъ въ житейскомъ болотѣ, и еслибъ дать имъ нужное развитіе и открыть доступное поприще, много бы они принесли добра и свѣта своей многомилліонной крестьянской братіи. А между тѣмъ, они проживаютъ свой вѣкъ, почти ничего не сдѣлавъ и нерѣдко неся тяжелый крестъ никѣмъ не понятыхъ и ничѣмъ неудовлетворяемыхъ стремленій... Конечно, не всѣ наши 26 учителей и 5 учительницъ одинаково хороши и способны. Есть школы, гдѣ учитель славный малый и любимъ учениками, но не достаточно прилеженъ и не многому выучиваетъ; есть другія, гдѣ учитель очень старается и учитъ недурно, но гдѣ къ его молодости и неопытности довольно долго относятся съ недовѣріемъ, затрудняющимъ его дѣло. Есть и такія школы, гдѣ само ученье идетъ хорошо, гдѣ хорошо читаютъ и пишутъ и даже заслуживаютъ похвалы посѣтителей, но между учителемъ и учениками отношенія холодныя, ребята стѣсняются, книжекъ на домъ брать не стремятся. Но и такое ученье, если только оно не заключаетъ въ себѣ ничего положительно вреднаго, можетъ какъ въ обществѣ, такъ и въ отдѣльныхъ лицахъ положить начало большему и лучшему, и оно несравненно полезнѣе гонянія собакъ и игры въ дубинки, чѣмъ, по словамъ мужиковъ, исключительно занимаются не учащіеся крестьянскіе ребята. А есть и такія школы, которыми, несмотря на тѣсноту помѣщенія, на недостатокъ пособій, на неподготовленность учителя и недолгое время ученья, какъ будто даже теперь же и непосредственно вносится жизнь въ мертвенность и свѣтъ во тьму. Ученики ловятъ всякое сказанное имъ слово, просятъ имъ еще и еще что-нибудь разсказать, просятъ спросить ихъ, почитать съ ними, задать имъ задачу. Дѣльно и бодро, съ значительнымъ видомъ, командуетъ ими молоденькій учитель, и глаза его радостно блестятъ, когда ученики отвѣчаютъ удачно; а ребята дружелюбно вертятся вокругъ него, и, хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ по годамъ скорѣе товарищъ, нежели старшій, охотно и часто величаютъ его Григоріемъ Ѳедоровичемъ или Иваномъ Ипполитычемъ. И мужики, толпясь у дверей, чтобы слышать, что я разсказываю и какъ отвѣчаютъ ребята, добродушно смотрятъ на все происходящее, улыбаясь, хвалятъ учителя и ученье и раз-

сказываютъ, какъ ревностно занимаются, «читаютъ дома ихъ Миши и Пети, и какъ имъ самимъ «лестно» слышать ихъ чтеніе, и что въ училище ребята собираются чуть ли не до свѣта, а расходятся только когда стемнѣетъ, и что даже на улицѣ они стали вести себя замѣтно лучше, чѣмъ прежде».

По словамъ кн. Шаховского, завѣдывавшаго хозяйственною частію училищъ Весьегонскаго уѣзда, «въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (учителей грамотности изъ бывшихъ учениковъ сѣхматовскаго сельскаго училища) нельзя не видѣть *вполнѣ* образованныхъ мужиковъ, оставшихся при землѣ». Мы сами могли бы указать не на одного образованнаго крестьянина-земледѣльца и учителя школы грамотности. Нѣкоторые не безъ основанія думаютъ, что современемъ изъ среды такихъ помощниковъ можетъ выработаться педагогъ, который, благодаря такому исключительно счастливому положенію своему, обновитъ нашу народно-школьную дидактику какимъ-нибудь цѣннымъ открытіемъ. Вѣдь, изъ современныхъ народныхъ учителей и педагогическихъ писателей очень не многіе стоятъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ народу. Даже у учителей, изъ народа вышедшихъ, уже перерѣзана та нить, которая органически связывала ихъ съ жизнью народа. Даже они не могутъ теперь жить одною съ нимъ жизнію, радоваться всѣми его радостями и печалиться всѣми его печалями. А вотъ такой помощникъ, о которомъ идетъ рѣчь, оставаясь землепашцемъ, не можетъ жить иначе, какъ только жизнію общею съ народомъ во всѣхъ ея деталяхъ. И — кто знаетъ?—онъ, можетъ быть, будетъ имѣть большое преимущество передъ другими въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ о *народной* школѣ, если ему удастся получить достаточное развитіе, что, въ виду уже теперь извѣстныхъ фактовъ, весьма возможно допустить относительно хотя немногихъ особенно даровитыхъ учителей грамотности. Въ виду этихъ соображеній возможно допустить, что на ихъ долю выпадетъ схватить и формулировать нѣкоторыя требованія и пріемы преподаванія, лучше всего отвѣчающіе условіямъ нашей деревенской жизни.

А то, право, дѣлается больно, когда слышишь, какъ со смѣлостью, достойной лучшей доли, говорятъ о народности преподаванія въ начальной школѣ люди, не знающіе и не понимающіе народа, никогда не бывавшіе въ народной школѣ и выдающіе за выраженіе народныхъ требованій свои досужія, составленныя въ столичныхъ канцеляріяхъ, на основаніи оффиціальныхъ донесеній, измышленія, выполненіемъ которыхъ будто бы достигается народность въ воспитаніи. Еще больнѣе становится, когда видишь, что есть люди, которые пользуются словомъ «народность», какъ средствомъ къ достиженію эгоистическихъ личныхъ или партійныхъ цѣлей.

Впрочемъ, и не въ этихъ мечтаніяхъ дѣло. Хорошо уже то одно, что, не отрывая крестьянина отъ земли, мы будемъ имѣть въ немъ порядочнаго, но дешеваго учителя маленькой школы. Кому извѣстно, какъ мало даютъ крестьянамъ наши зимніе отхожіе промыслы, какъ неохотно они

идутъ на нихъ, тотъ согласится, что тѣ 40—50 рублей, которые земству придется заплатить учительскому помощнику параллельнаго отдѣленія, будутъ для него достаточнымъ вознагражденіемъ. Опытъ показываетъ, что за это вознагражденіе идутъ охотно даже изъ состоятельныхъ семей.

VI.

Учителями параллельныхъ отдѣленій въ Смоленской губерніи были отлично окончившіе курсъ въ центральныхъ училищахъ 36 юношей и 1 дѣвушка (въ д. Боровскомъ, Дорогобужскаго уѣзда). Изъ нихъ 18 учителей окончили курсъ въ двухклассныхъ училищахъ мин. народн. просв. съ пятилѣтнимъ курсомъ и 19 въ обыкновенныхъ одноклассныхъ земскихъ и министерскихъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Всѣ они нѣкоторое время, до поступленія въ отдѣленія, упражнялись въ преподаваніи подъ руководствомъ учителя въ центральной школѣ, гдѣ практически ознакомились съ звуковымъ способомъ обученія письму-чтенію, съ пріемами объяснительнаго чтенія и преподаванія ариѳметики, съ организаціею занятій одного учителя съ двумя или тремя группами учениковъ и съ пріемами къ поддержанію вниманія учащихся на урокахъ. Послѣдняя сторона дѣла особенно важна. Мы тщательно допытывались, нѣтъ ли въ этихъ школахъ ненормальныхъ отношеній между учащими и учениками, но почти всѣ свидѣтельства сводятся къ тому, что эти отношенія здѣсь не хуже, чѣмъ въ обыкновенныхъ сельскихъ школахъ съ учителями среднихъ способностей. Всѣ учительскіе помощники относятся съ замѣчательнымъ усердіемъ къ своему дѣлу. Такъ одинъ изъ нихъ (Волковскаго отдѣленія) во время рождественскихъ каникулъ отпустилъ учениковъ только на 4 дня, чтобы наверстать время, потерянное вслѣдствіе поздняго начала ученья. По расписанію уроковъ, составленному для такихъ школокъ учителями центральной школы, одни должны заниматься около 5 часовъ въ день, но большинство изъ нихъ занимается больше. Они много думаютъ о способахъ, облегчающихъ преподаваніе. Одинъ изъ нихъ (Васильевскаго отдѣленія) придумалъ своеобразное пособіе для обученія каллиграфіи, чѣмъ воспользовался и учитель центральной школы. Онъ пропитывалъ растопленнымъ воскомъ бумагу такъ, чтобъ она стала прозрачною, клалъ листъ такой бумаги на прописи и мѣловыми чернилами, которыя легко стираются, заставлялъ ученика копировать съ образца. Нѣкоторые изъ учительскихъ помощниковъ (напримѣръ Дьяковскаго отдѣленія) ежедневно по вечерамъ читаютъ книги взрослымъ крестьянамъ, собирающимся для этого въ одну хату. Другіе ведутъ вечернія занятія съ учениками, остающимися ночевать въ школкахъ. Третьи съ успѣхомъ обучаютъ дѣтей пѣнію. Любопытны отзывы, какіе даютъ объ учительскихъ помощникахъ лица, посѣщавшія параллельныя отдѣленія: члены училищнаго совѣта, попечителя, благочинные, учителя и законоучителя. Попечитель Ѳомищевскаго сельскаго училища, г. Мироновъ пишетъ:

«Прокофій Евменовъ, которому поручено было преподаваніе въ Волковскомъ отдѣленіи Ѳомищевскаго училища, велъ преподаваніе съ полнымъ стараніемъ и охотой, что и отразилось на успѣхахъ учениковъ и за что онъ вполнѣ достоинъ похвалы и одобренія». О томъ же Евменовѣ учитель центральнаго училища г. Васильевъ писалъ, что помощникъ, по своему усердію и способностямъ, превзошелъ его ожиданія. Учитель-руководитель г. Макаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ своего помощника Захаренкова: «въ немъ замѣтно усердіе къ дѣлу, выразившееся между прочимъ въ томъ, что онъ часто и послѣ уроковъ занимается съ болѣе слабыми учениками; онъ развитъ, способности у него отличныя, отношенія его къ ученикамъ и нравственныя качества безукоризненныя». По отзыву благочиннаго о. Пляшкевича, Захаренковъ, какъ заявляли о. Пляшкевичу родители учащихся, занимается съ учениками съ утра до вечера. Благочинный о. Бароновъ пишетъ объ учительскомъ помощникѣ Ильинѣ: «онъ оказалъ особенное усердіе въ обученіи дѣтей грамотѣ, такъ что всѣ крестьяне-домохозяева остались Ильинымъ очень довольны». Другой о. благочинный пишетъ объ одномъ учительскомъ помощникѣ: «въ дѣлѣ преподаванія онъ держится пріемовъ самыхъ простыхъ, наглядныхъ, удобопонятныхъ неразвитымъ дѣтямъ и примѣняетъ хорошо усвоенные имъ въ нормальной школѣ пріемы обученія». Священникъ о. Мурашкинъ пишетъ о помощникѣ Иванченковѣ, что «онъ въ обращеніи съ учениками ласковъ, не грубъ, что съ его стороны было все дѣлано, гдѣ нуженъ былъ трудъ и энергія, а въ остальномъ на помощь ему приходилъ учитель-руководитель г. Яковлевъ». Благочинный о. Черскій пишетъ, что учительскій помощникъ Халмовскаго отдѣленія «съ полнымъ усердіемъ занимался съ мальчиками; а въ пріемахъ преподаванія и въ мѣрахъ поддержанія дисциплины руководствовался наставленіемъ учителя центральной школы». Членъ Ельнинскаго училищнаго совѣта г. Любутовъ пишетъ: «Учительскій помощникъ Молчановъ, сынъ крестьянина, окончившій курсъ въ Сычевскомъ училищѣ, трудолюбивый молодой человѣкъ, подъ руководствомъ своего бывшаго учителя г. Соболевскаго, ведетъ учебное дѣло умѣло и очень хорошо». Большинство остальныхъ отзывовъ объ учительскихъ помощникахъ носитъ тотъ же характеръ. Самые худшіе отзывы даны учителемъ-руководителемъ г. Иващенко, который пишетъ о своихъ помощникахъ Медвѣдковѣ и Сопинѣ, что они «къ дѣлу относились очень усердно, но способности ихъ въ дѣлѣ преподаванія оказались на первый разъ не очень хорошими въ силу того, что они спеціально не готовились къ этой дѣятельности, а практикой въ столь короткое время не могли выработать правильныхъ пріемовъ преподаванія; взаимныя отношенія между ними и учениками были очень хорошія, нравственныя качества обоихъ отличныя». На первыхъ порахъ встрѣчались затрудненія въ дѣлѣ преподаванія во многихъ отдѣленіяхъ. Такъ въ Волковскомъ отдѣленіи съ новичками не удавалось сліяніе звуковъ. Тогда учитель центральной школы, воспользовавшись воскреснымъ днемъ и попро-

сивъ законоучителя заняться въ школѣ въ субботу, отправился въ отдѣленіе на два дня. Этого времени оказалось довольно, чтобъ исправить названный недостатокъ. Для устраненія другихъ опущеній, происходящихъ вслѣдствіе неопытности помощниковъ, оказывались достаточными разъясненія и совѣты руководителей и ихъ примѣрные уроки.

Въ 64 такихъ школкахъ Шадринскаго уѣзда обучаетъ 30 учителей и 35 учительницъ, причемъ число послѣднихъ ежегодно увеличивается. Такъ

въ 1884—5 году онѣ составляли 40,5% общаго числа.
» 1885—6 » » » 51% » »
» 1886—7 » » » 54% » »

Преимущества учительницъ предъ учителями выражаются въ томъ, между прочимъ, что въ школкахъ съ учительницами больше обучается дѣвочекъ (20,1% числа мальчиковъ), нежели въ школахъ съ учителями (14,6% числа мальчиковъ); причемъ общее число учащихся въ первыхъ не только не меньше, но даже нѣсколько больше, нежели въ послѣднихъ.

По образованію обучавшіе въ школкахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: домашняго образованія—9, изъ нормальной или воскресной школы—39, изъ духовнаго или городского училища или изъ женской прогимназіи—9, изъ духовной семинаріи и епархіальнаго училища—8. Окончившіе курсъ народной школы составляли большинство въ учащемъ персоналѣ. Впрочемъ, процентное отношеніе ихъ числа къ общему числу преподавателей ежегодно уменьшается. Такъ въ 1884—5 году они составляли 76%, въ 1885—6 г. — 65%, а въ 1886—7 г. — 60%. Намъ кажется, что это явленіе стоитъ въ связи съ ежегодно возрастающимъ, судя по отчетамъ учителей-руководителей, вознагражденіемъ за преподаваніе, привлекающимъ къ занятію учительскихъ должностей въ школкахъ и лицъ, получившихъ образованіе въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Первоначально окладъ жалованья преподавателямъ школокъ не превышалъ 7 рублей въ учебный мѣсяцъ; теперь же на каждаго учителя среднимъ числомъ приходится болѣе 100 руб. вознагражденія, причемъ нѣкоторые получаютъ до 180 руб. въ годъ. Но данныя, какія мы находимъ въ отчетахъ шадринскаго земства, не даютъ намъ права заключать, что происходящая замѣна учителей, вышедшихъ изъ сельскихъ нормальныхъ училищъ, почти также мало подготовленными учителями, хотя и получившими свое образованіе въ городахъ, влечетъ за собою улучшеніе результатовъ преподаванія. Изъ 9-ти школокъ Шадринскаго уѣзда, осмотрѣнныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ, въ шести обучали лица, получившія свое образованіе только въ начальномъ сельскомъ училищѣ, и однако школки эти не только не были признаны худшими, но результаты преподаванія одной изъ нихъ возбудили удивленіе инспектора. Изъ четырехъ школокъ въ уѣздѣ, приготовившихъ въ 1886—7 году учениковъ къ экзамену на льготу по отбыванію воинской повинности, въ трехъ школ-

кахъ обучали лица съ тѣмъ же образованіемъ. Изъ 7 школокъ уѣзда, ученики которыхъ поступили въ старшее отдѣленіе нормальныхъ училищъ, въ шести школкахъ занимались тоже ученики сельскихъ училищъ. Отзывы учителей - руководителей особенно благопріятны по отношенію къ тѣмъ изъ преподавателей школокъ, кои окончили курсъ въ центральныхъ училищахъ.

Въ 30 школкахъ съ преподавателями изъ крестьянъ, получившими образованіе только въ нормальныхъ сельскихъ школахъ, было 704 учащихся, по 23,5 на каждую среднимъ числомъ, а въ 4 школкахъ съ преподавателями изъ того же сословія, получившими образованіе въ духовномъ или городскомъ училищахъ, были 85 учащихся, по 21,2 на каждую школу. У первыхъ учащіяся дѣвочки составляли 15% общаго числа, а у вторыхъ—4,9%.

Между тѣмъ въ Шадринскомъ уѣздѣ еще очень мало сдѣлано для приготовленія учителей школокъ изъ учениковъ начальныхъ сельскихъ училищъ. Дѣло приготовленія такихъ учителей носитъ случайный характеръ и имѣетъ мѣсто далеко не во всѣхъ училищахъ, завѣдующихъ школками. Но этотъ недостатокъ отчасти выполняется усиленнымъ надзоромъ учителей-руководителей за школками. Нѣкоторые изъ нихъ посѣщали въ первую половину года филіальныя школки почти каждую недѣлю, другіе требовали къ себѣ на домъ учителей школокъ съ работами учениковъ для бесѣдъ и наставленій, снабжали ихъ книгами и проч. Вообще и здѣсь, также какъ въ Смоленской губерніи, иниціатива по открытію школокъ и нелегкіе труды по руководству ими взяли на себя сельскіе учителя и учительницы съ самоотверженіемъ, нерѣдко отличающимъ лучшихъ тружениковъ нашей новой земской школы.

Мы смотримъ на параллельныя отдѣленія, какъ на одинъ изъ фазисовъ развитія дѣла образованія въ народѣ, и увѣрены, что черезъ нѣсколько лѣтъ они естественно преобразуются въ начальныя училища. На эту мысль наводитъ насъ исторія возникновенія народныхъ училищъ, изъ коихъ большинство явилось на мѣстѣ прежде бывшихъ школъ грамотности, которыя, съ развитіемъ потребности въ образованіи, перестали удовлетворять населеніе. Но что учителя изъ учениковъ не такъ уже совершенно плохи, чтобы не годились для этого переходнаго времени, объ этомъ можно встрѣтить косвенное свидѣтельство и у барона Корфа.

Покойный педагогъ еще въ 1881 году предлагалъ воспользоваться въ качествѣ учительскихъ помощниковъ крестьянскими мальчиками, оканчивающими курсъ народнаго училища. Въ статьѣ своей *Объ учителяхъ и учительскихъ помощникахъ* (*Народная Школа* 1881 г., № 5, стр. 7) онъ говоритъ: «Въ настоящее время, какъ извѣстно, не мало крестьянскихъ мальчиковъ оканчиваютъ курсъ въ народныхъ училищахъ и выдерживаютъ экзаменъ, предоставляющій имъ льготу при отбываніи воинской повинности; они-то и могутъ быть лучшими учительскими помощниками уже потому, что сами обучены въ «новой школѣ». Такія дѣти оканчиваютъ

курсъ лѣтъ 12 или 13; многіе изъ нихъ стремятся поступить на счетъ земства въ учительскія семинаріи, до поступленія въ которыя имъ нужно прождать еще года два, да и подготовиться; вотъ эти-то два или три года промежуточныхъ мальчики и могли бы провести въ народной школѣ съ величайшею пользой для школы, для самимъ себя и для семинаріи, при соблюденіи огромной экономіи со стороны хозяевъ школы». Но если баронъ Корфъ считаетъ лучшими помощниками окончившихъ курсъ въ начальной школѣ 12-ти лѣтнихъ мальчиковъ, то, конечно, еще лучшими надо будетъ признать тѣхъ, кто поступитъ на должность помощника по достиженіи 16 лѣтъ, послѣ подготовки къ этой должности подъ руководствомъ опытнаго учителя. Успѣхъ подобной мѣры въ Англіи превзошелъ ожиданія. Въ лучшихъ школахъ тамъ оставляютъ изъ учениковъ окончившихъ курсъ учительскими помощниками лицъ не моложе 13 лѣтъ, по экзамену въ присутствіи инспектора. Учителя готовятъ своихъ помощниковъ къ экзамену на учительское званіе, за что получаютъ извѣстное вознагражденіе. Большинство такихъ помощниковъ (76%) выдерживаютъ чрезъ нѣсколько лѣтъ экзаменъ на учителя и занимаютъ мѣсто штатныхъ преподавателей.

Было бы полезно, по нашему мнѣнію, въ видѣ опыта, открыть и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Шадринскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ, нѣсколько филіальныхъ школокъ подъ руководствомъ учительскихъ помощницъ изъ числа дѣвушекъ, окончившихъ курсъ въ народной школѣ. Еслибъ опытъ оказался удаченъ, это имѣло бы ту выгоду, что служило бы средствомъ къ привлеченію дѣвочекъ въ школу. Если здѣсь и возможны какія сомнѣнія, то только въ отношеніи взглядовъ крестьянъ на учительницу. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне иногда относятся къ учительницамъ съ недовѣріемъ, говоря, что «ученье—не бабье дѣло». Относительно же успѣшности обученія, какъ показываетъ примѣръ шадринскаго земства, филіальныя школки съ учительницами ничѣмъ не хуже школокъ съ учителями во главѣ.

Чтобы познакомиться съ успѣхами преподаванія въ школкахъ Смоленской губерніи, я первую же зиму посѣтилъ 4 такія отдѣленія. Изъ нихъ Вититневское, Будовское и Денисовское были осмотрѣны мною 5, 8 и 9 февраля, спустя 7—8 учебныхъ недѣль послѣ начала ученья, и одно 6 декабря, черезъ недѣлю послѣ открытія учебныхъ занятій. Въ Вититневскомъ, гдѣ я нашелъ на-лицо 70 учащихся, ученики, поступившіе неграмотными, окончивъ изученіе звуковъ въ концѣ декабря, во время осмотра училища читали 38-ю страницу букваря Тихомирова, могли разсказать, при помощи наводящихъ вопросовъ, содержаніе прежде прочитанной ими статьи; когда я далъ имъ незнакомую книгу, они очень медленно, но по краткости ихъ пребыванія въ школѣ вполнѣ удовлетворительно, прочитали данную имъ незнакомую статейку, подъ диктовку написали три двухсложныхъ слова, предварительно разложивъ ихъ на звуки, причемъ изъ 46 учениковъ-зву-

ковиковъ только четверо сдѣлали въ диктантѣ ошибки, состоящія въ томъ, что двое въ словѣ «изба» вмѣсто *з* написали *с*, а двое въ словѣ «палка» написали *б* вмѣсто *п*, прочитали три молитвы, дѣлали, хотя и медленно, на торговыхъ счетахъ сложеніе и вычитаніе двухзначныхъ чиселъ и рѣшили задачу съ числами въ предѣлахъ 1—20. Ученики, поступившіе грамотными, но большею частью не умѣющими писать, читали довольно бѣгло, разсказали о двухъ событіяхъ священной исторіи, переводили на русскій языкъ употребительныя молитвы, быстро рѣшили съ объясненіемъ дѣйствій задачу, значащуюся подъ № 232 въ сборникѣ Евтушевскаго, вѣрно написали продиктованную имъ фразу, дѣлали сложеніе и вычитаніе на счетахъ, но за неимѣніемъ Евангелія, которое еще не было выслано къ тому времени, не читали по-церковно-славянски. Немного худшіе успѣхи найдены мною въ младшей группѣ Старо-Будовскаго отдѣленія. Въ Денисовскомъ отдѣленіи ученики-звуковики 9 февраля читали уже 60-ю страницу букваря Тихомирова. По моему заключенію, здѣсь также не было недостатка въ усердіи учительскихъ помощниковъ, но здѣсь одинъ помощникъ занимается съ тремя группами учащихся. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, по отзыву учителя-руководителя Яковлева, ученики, проучившіеся одну зиму, могли быть приняты во вторую группу центральнаго училища, соотвѣтствующую второму году обученія, т.-е. знаютъ молитвы, читаютъ, разсказываютъ прочитанное, пишутъ и считаютъ удовлетворительно для ихъ возраста и времени пребыванія въ школѣ. Въ Старо-Будовскомъ училищѣ найдена особенность, состоящая въ томъ, что здѣсь четыре ученика, поступившіе сюда изъ средняго отдѣленія центральнаго училища, выдержали экзаменъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, изучали св. исторію, бѣгло и сознательно читали по-русски и по-церковнославянски, удовлетворительно писали подъ диктовку, ознакомившись съ важнѣйшими правилами правописанія, устно и письменно рѣшали задачи на всѣ 4 дѣйствія съ простыми числами и приступили къ изученію именованныхъ, но предъ экзаменомъ нѣкоторое время посѣщали центральную школу. Въ этомъ отдѣленіи ученики старшихъ группъ снабжены были Евангеліями, читали по-славянски довольно бѣгло и хотя не дѣлали дословнаго перевода, но удовлетворительно разсказывали прочитанное своими словами. Очевидно, что лучшимъ показателемъ успѣховъ въ данномъ случаѣ служатъ отвѣты учениковъ, поступившихъ въ школку совершенно неграмотными, такъ какъ первоначальная подготовка остальныхъ учениковъ мнѣ была мало извѣстна. Что касается до учащихся въ младшихъ отдѣленіяхъ (звуковиковъ), то можно сказать, что ихъ успѣхи не хуже соотвѣтствующихъ группъ низшаго уровня обыкновенныхъ сельскихъ училищъ. Во всѣхъ осмотрѣнныхъ отдѣленіяхъ я нашелъ правильную организацію занятій одного учителя съ нѣсколькими группами учениковъ, свѣтлое и бодрое настроеніе учащихся безъ признаковъ страха и забитости, современные пріемы преподаванія, что свидѣтельствовало о хорошихъ отноше-

ніяхъ между преподавателемъ и дѣтьми. Только въ Денисовской школѣ ученики показались мнѣ нѣсколько робкими.

Можетъ быть, болѣе вѣрное представленіе объ успѣхахъ преподаванія дадутъ баллы, полученные въ названныхъ отдѣленіяхъ. На этихъ экзаменахъ оцѣнка отвѣтовъ производилась коммиссіями, въ составъ которыхъ входили: одинъ членъ училищнаго совѣта, одинъ попечитель училища, получившій университетское образованіе, одна почетная блюстительница, слушавшая с.-петербургскіе педагогическіе курсы, законоучители и учители центральныхъ училищъ и помощники учителей. Не имѣя цифровыхъ свѣдѣній о результатахъ испытаній въ двухъ отдѣленіяхъ, мы ограничиваемся данными только о 80 ученикахъ, явившихся на экзаменъ въ остальныхъ четырехъ отдѣленіяхъ школъ. Требованія на экзаменахъ предъявлялись приблизительно одинаковыя съ тѣми, какія существуютъ для соотвѣтствующихъ группъ начальныхъ училищъ. Въ младшей группѣ требовалось по Закону Божію знаніе употребительныхъ молитвъ, понятіе о Богѣ, о крестномъ знаменіи; по письму дано было написать подъ диктантъ краткія предложенія; по чтенію требовалось умѣнье прочитать по незнакомой книгѣ отрывокъ, доступный дѣтямъ этого возраста по содержанію и изложенію, съ пересказомъ прочитаннаго своими словами; по ариѳметикѣ—устное рѣшеніе задачъ на числа въ предѣлахъ 1—20 (въ Холмской школкѣ) и отъ 1 до 30 (въ Будовской), и отъ 1 до 50 (въ Денисовской), а также письменно съ указаніемъ способа рѣшенія формулъ въ тѣхъ же предѣлахъ на знаки +, —, × и : , и знакомство въ тѣхъ же предѣлахъ съ торговыми счетами. Изъ 62 учениковъ младшаго возраста, экзаменовавшихся по этой программѣ, 56 учениковъ раньше поступленія въ школу нигдѣ не обучались; а 6 хотя и учились прежде по старинному методу, но читать не умѣли. Всѣхъ учениковъ въ этихъ 4 отдѣленіяхъ было 141; по вслѣдствіе того, что экзамены были назначены не въ удобное для учащихся время, на экзаменъ не явились остальные 61 ученикъ: однимъ помѣшалъ разливъ рѣкъ, другимъ весенnія сельско-хозяйственныя работы.

По Закону Божію 7 учениковъ получили по 5, 17—по 4, 32—по 3, 5—по 2 и 1—1; по чтенію 5 уч.—по 5, 25—по 4, 25—по 3, 6—по 2, 1—1; по письму 8 уч.—по 5, 12—по 4, 29—по 3, 13—по 2; по ариѳметикѣ 9 уч.—по 5, 17—по 4, 23—по 3, 9—по 2, 4—по 1.

Сверхъ вышеизложенной программы, въ одной изъ школокъ (Вититневской) ученикамъ перваго года обученія преподавалось церковно-славянское чтеніе, причемъ на экзаменѣ отъ нихъ требовалось умѣнье—хотя и медленно—читать по незнакомой славянской книгѣ. Изъ 27 такихъ учениковъ получили за отвѣты по славянскому чтенію отмѣтки: 6 учениковъ—по 4, 18 уч.—по 3, а 3 уч.—по 2. Отъ учениковъ, поступившихъ въ школку уже нѣсколько грамотными, хотя совершенно незнакомыми съ ариѳметикою, и образовавшихъ вторую группу, требовалось сверхъ вышеизложеннаго еще знаніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій изъ священной исто-

ріи, болѣе бѣглое чтеніе съ пересказомъ прочитаннаго, знаніе нѣсколькихъ правилъ правописанія. По этой программѣ экзаменовалось 14 уч. Изъ нихъ по Закону Божію 5 получилъ 1 уч., по 4—3 уч., по 3—7 уч., по 2—3 уч., по русск. и слав. чт. 1 уч.—5, 8 уч.—по 4, 5 уч.—по 3; по письму 2 уч. получили по 5, 4 уч.—по 4, 6 уч.—по 3, 2 уч.—по 2; по ариѳметикѣ 1 уч.—5, 1 уч.—4, 9 уч.—по 3, 3 уч.—по 2.

Наконецъ 4 ученика, поступившіе въ школу изъ средняго отдѣленія центральнаго училища, экзаменовались по программѣ на льготу 3-го (бывшаго 4-го) разряда по отбыванію воинской повинности и получили слѣдующія отмѣтки: по Закону Божію 3 уч.—по 4, 1 уч.—3; по русск. и слав. чтенію 1 уч.—5, 3 уч. по 4; по письму 1 уч.—5, 3 уч.—по 4; по ариѳметикѣ 1 уч.—5, 3 уч.—по 4. Мы видимъ, что болѣе слабые успѣхи сдѣланы по письму и ариѳметикѣ, но и здѣсь число неуспѣшныхъ учениковъ не превышаетъ $^1/_5$ общаго числа экзаменовавшихся, что, во всякомъ случаѣ, надо считать удачнымъ результатомъ по сравненію съ другими училищами. По отзыву учителя министерскаго училища г. Иващенка, «ученики, поступившіе неграмотными, и проучившіеся одну зиму въ Вититневскомъ отдѣленіи, могутъ быть приняты въ министерскую или сельскую школу во 2-е отдѣленіе I класса, еслибы того пожелали, хотя они, по его словамъ, и слабѣе учениковъ министерской сельской школы».

Довольно подробно разсказываетъ объ успѣхахъ въ такихъ школкахъ г-жа Штевенъ. «Въ новую школу,—пишетъ она,—набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаймы букварь изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т.-е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ замираніемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ на встрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбнувшись, мнѣ отвѣтилъ: «слава Богу!» Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались «Николая Иваныча»; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца они стали медленно читать, и я, не смѣя еще ожидать ничего лучшаго, сочла это блестящимъ успѣхомъ... Прошли первый и второй учебные годы, ученики стали бѣгло читать и понимать читаемое, стали писать довольно красиво и правильно, но, къ стыду нашему, должна признаться, что разсказывать они вначалѣ умѣли только выученное наизусть, и что, зная четыре дѣйствія ариѳметики, они совсѣмъ не умѣли ихъ примѣнять. Къ концу второго года, однако, они понемногу привыкли говорить связно «своими словами», и, послѣ многихъ усилій со стороны своихъ молоденькихъ учителей, уразумѣли, когда

слѣдуетъ вычитать и когда дѣлить. Особенно много труда положено было учащими и учащимися на Законъ Божій. Въ школѣ грамотности священники учить не обязаны, а потому учитель самъ долженъ былъ достигнуть того, чтобъ ученики твердо знали священную исторію, молитвы и краткій катехизисъ, а также порядокъ и значеніе церковныхъ службъ. Но горячее рвеніе молодыхъ силъ и крестьянская привычка къ упорному труду сдѣлали свое дѣло. Въ маѣ 1892 г. ученики двухъ старѣйшихъ школъ настолько уже подвинулись впередъ и развились, что можно было представить ихъ къ экзамену, и 17 мальчиковъ получили свидѣтельства съ правомъ на льготу по воинской повинности. Второй такой экзаменъ состоялся 19 апрѣля 1893 г. и на немъ получили свидѣтельства 27 мальчиковъ и 1 дѣвочка изъ четырехъ школъ грамотности. Этотъ послѣдній экзаменъ, сравнительно съ экзаменами въ земскихъ школахъ, былъ очень строгъ по отношенію къ Закону Божію, средней строгости по отношенію къ чтенію и письму и очень снисходителенъ по отношенію къ ариѳметикѣ».

В. Вахтеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Личныя и имущественныя отношенія между супругами.

Бракъ, объединяя супруговъ физически, нравственно, экономически и юридически, естественно оказываетъ вліяніе и на ихъ личныя и имущественныя отношенія. Разсмотримъ тѣ и другія. Начнемъ съ личныхъ.

I. Личныя отношенія между супругами.

Характеръ личныхъ отношеній между супругами находится въ зависимости какъ отъ общаго развитія даннаго народа, такъ и отъ его историческихъ и національныхъ особенностей.

Невысокій уровень культуры древняго Востока, взглядъ на женщину какъ на существо низшее сравнительно съ мужчиной, а на бракъ—какъ на союзъ, главнымъ образомъ, половой, создалъ, въ результатѣ своемъ, приниженное положеніе восточной женщины въ бракѣ.

Роль замужней гречанки едва ли была лучше: она находилась вѣчно подъ опекой и въ строгомъ подчиненіи мужу, который могъ ее даже завѣщать другому какъ вещь (*Mayer:* «Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer». II, стр. 360).

Римляне, любившіе точно юридически опредѣлять жизненныя отношенія, придали особенно строгій характеръ мужнему полновластію. Жена, какъ они характерно выражались, находилась «въ рукахъ мужа», была у него на «правахъ дочери» и какъ таковую онъ могъ учить, наказывать и даже убить. Только вмѣшательство родственниковъ, созвать которыхъ и выслушать обязанъ былъ мужъ въ случаяхъ особенно важныхъ, смягчало строгость мужняго суда (judicium domesticum). Разумѣется, съ ослабленіемъ патріархальныхъ нравовъ, съ учащеніемъ свободныхъ браковъ, а также и съ развитіемъ свободы разводовъ, облегчилось мало-по-малу и положеніе римлянки какъ жены.

Древніе германцы, не отличавшіеся мягкостью характера и нравовъ, не были мягки и въ отношеніяхъ семейныхъ. Жена находится и у нихъ «въ рукахъ мужа», хотя они называютъ эту власть опекой (mundium).

Не были мягче эти отношенія и у древнихъ славянъ, въ частности у нашихъ предковъ.

Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, замѣтимъ, что власть эта была такъ велика, что въ проявленіи своемъ она могла выражаться въ разныхъ и существенныхъ функціяхъ. Довольно сказать, что даже отвѣтственность мужа за лишеніе жизни жены ставилась въ нашемъ правѣ въ связи съ этою властью; при этомъ, что касается древнѣйшаго періода, то даже такой осторожный изслѣдователь, какъ Неволинъ, допускаетъ возможность полной безнаказанности за женоубійство.

Конечно, воздѣйствіе религіи и вообще культуры не могло впослѣдствіи не повліять на измѣненіе взгляда тогдашняго общества на женоубійство. Но какими привиллегіями въ этомъ отношеніи пользовался мужъ, видно изъ того, что даже въ 17 стол. назначались мужьямъ за убійство женъ сравнительно слабыя наказанія. И эта слабость каръ вполнѣ соотвѣтствовала народному правосознанію. До насъ дошла поручная запись отъ 1677 г., въ которой поручители ручаются предъ кредиторами, что должникъ явится къ сроку для выполненія своего обязательства вмѣстѣ со своею женою, а также и въ томъ, что ему, должнику, той своей жены «не убить, не замучить, не постричь безо властелина вѣдома».

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, есть еще положительныя свидѣтельства, показывающія, что по народному правосознанію мужу предоставлялось право наказывать жену и распоряжаться свободой и цѣломудріемъ ея по своему усмотрѣнію. Замѣтимъ при семъ, что мѣры наказанія далеко не отличались мягкостью. Это видно изъ совѣтовъ Домостроя «не бить по уху или по лицу, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни полѣномъ, ни коломъ; вообще не бить ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ, такъ какъ многи притчи отъ того бываютъ — слѣпота, глухота, вывихъ ногъ, рукъ, пальцевъ, боль головы и зубовъ, а у беременныхъ женъ и дѣтямъ повреждение бываетъ въ утробѣ». Другія историческія свидѣтельства показываютъ, что мужья употребляли еще болѣе энергическія средства «учительства»: били смертнымъ боемъ до крови, натирая раны солью, сажали женъ въ крапиву, впрягали въ соху, и уже не съ цѣлью ученія, а съ болѣе прямою цѣлью—«избыть жену». Каковъ былъ авторитетъ мужа, съ точки зрѣнія закона, наглядно показываетъ та страшная казнь, которая полагалась женѣ за убійство мужа—закапываніе живой въ землю *).

Приступая къ догматическому изложенію личныхъ отношеній между супругами, мы разсмотримъ ихъ въ такомъ порядкѣ: взаимныя права и обязанности обоихъ супруговъ; права, принадлежащія только мужу, и права, принадлежащія только женѣ.

а) *Взаимныя права и обязанности супруговъ.*

Къ такимъ правамъ и обязанностямъ, прежде всего, безспорно, принадлежитъ:

1. Взаимное право и *обязанность исполненія* каждымъ супругомъ

*) *А. Загоровскій:* „О разводѣ по русскому праву“, стр. 121, 122, 123, 127, 280.

супружескаго долга (debitum conjugale). Это требуется самымъ существомъ брака, какъ союза прежде всего полового.

У народовъ, ставившихъ на первый планъ физическій элементъ брака, эта обязанность не только была прямо выражена въ ихъ правѣ, но даже точно опредѣлена (наприм., у евреевъ, грековъ и у мусульманъ. *Mayer*, вышеуказан. соч., стр. 363).

Въ современныхъ намъ законодательствахъ—въ однихъ (Прусское Уложеніе, II ч., 1 тит. § 178; Австр. Улож., § 90; Саксонское — § 1630; Итальянск. art. 130) о ней говорится прямо; въ другихъ (франц.) она, по мнѣнію юристовъ, можетъ быть логически выведена изъ текста закона (*Oudot:* «Du droit de famille», стр. 58).

Прусскій законъ, съ присущей ему склонностью къ подробной регламентаціи, опредѣленно указываетъ на болѣзнь и на кормленіе женой ребенка грудью, какъ на уважительныя причины: (первую—для обоихъ супруговъ, второе—для жены), освобождающія ихъ отъ выполненія супружеской обязанности (§§ 179, 180). Каноническое право тоже считается съ этой обязанностью (*Mayer*, стр. 363, 364).

Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ санкція этого постановленія заключается въ правилѣ, создающемъ поводъ къ разводу въ случаѣ упорнаго отказа жены или мужа въ теченіе опредѣленнаго времени отъ выполненія супружескаго долга (Прусск. — II, 1, § 694; Сакс. — § 1731).

Нашъ законъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Практика относительно его намъ неизвѣстна. Такіе вопросы не входятъ въ область свѣтскихъ судовъ, а какъ рѣшаютъ ихъ духовные суды, когда къ нимъ обращаются супруги, мы не знаемъ.

Однако же Восточная Церковь, какъ и Западная, признаетъ эту обязанность для супруговъ существенной (*Zhishman:* «Das Eherecht d. Orientalischen Kirche», стр. 719 *).

Дѣйствующій законъ нашъ говоритъ о самомъ крайнемъ случаѣ—о неспособности къ браку, считая ее, если она добрачная, поводомъ къ разводу (X т., ч. 1, ст. 45, 48, 49). Такимъ образомъ, хотя наличности такой обязанности нельзя отрицать и съ точки зрѣнія нашего закона, но санкціи этому правилу нашъ законъ не указываетъ.

2. Вторая обязанность общая обоимъ супругамъ—это *обязанность* взаимной *супружеской вѣрности*, вызываемая не физическимъ только, но и нравственнымъ единеніемъ ихъ. (Прусск. Улож. II, § 181, Австр. § 90, Сакс. § 1630, Франц. ст. 212, Итал. ст. 130, Остз. ст. 7, т. X, ч. 1, ст. 45, пунк. 1 и Уст. Дух. Конс. ст. 238; ср. ст. X т. 106 и 107).

Обязанность эта однако же не всѣми законодательствами понимается одинаково, что касается мужа и жены. Такъ, согласно исконному римскому

*) Какое значеніе въ древне-русскомъ быту придавалось исполненію супружескихъ обязанностей, видно изъ слѣдующихъ словъ Поученія духовника исповѣдывающимся: „... не лишайся ея, (т.-е. жены), токмо отъ с(ъ)вѣта, или въ праздьникы Господьскы, или въ постъ, но по волѣ обою“. См. соч. „О разводѣ“, стр. 141, 142.

воззрѣнію, мужъ, имѣвшій связь съ незамужней (дѣвицей или вдовой), не совершалъ прелюбодѣянія, а лишь безнравственный поступокъ (stuprum). Только связь съ замужней считалась нарушеніемъ супружеской вѣрности (adulterium). Напротивъ, жена, вступая въ связь со всякимъ мужчиной—женатымъ или холостымъ, совершала прелюбодѣяніе (l. 6, 34 D. 48, 5.—l. 8, C. 5, 17, Nov. 117, c. 9, § 5).

Впрочемъ, едва ли это воззрѣніе можно считать особенностью лишь древняго Рима. Односторонній взглядъ на прелюбодѣяніе, т.-е. какъ на проступокъ, главнымъ образомъ вмѣняемый въ вину женѣ, въ извѣстной мѣрѣ присущъ былъ и другимъ народамъ перваго періода ихъ исторіи; по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ есть данныя, что касается нашихъ предковъ, а равно и другихъ славянъ (поляковъ, чеховъ, балтійскихъ славянъ), а также древнихъ германцевъ и нашихъ горскихъ племенъ Кавказа. (См. соч. «О разводѣ», стр. 99 и 100).

Извѣстное правило Кодекса Наполеона о томъ, что прелюбодѣяніемъ для мужа считается лишь содержаніе конкубины въ общей супружеской квартирѣ (Art. 229, 230), сохраняется доселѣ въ Бельгіи и въ другихъ странахъ, гдѣ этотъ кодексъ остался безъ измѣненія. Лишь закономъ 27 іюля 1884 г. во Франціи эти статьи измѣнены въ смыслѣ уравненія правъ мужа и жены, т.-е. опредѣленія одинаково прелюбодѣянія для нихъ обоихъ.

Тождественно съ бельгійскимъ кодексомъ опредѣляетъ прелюбодѣяніе и кодексъ итальянскій (ст. 150), воспроизводя, такимъ образомъ, опредѣленіе прелюбодѣянія, данное еще въ Nov. 117 (c. 9, § 5).

Санкція закона, предписывающаго взаимную вѣрность супруговъ, заключается въ томъ, что нарушившій вѣрность даетъ право другому требовать развода, а гдѣ онъ не допускается, разлученія (Прусск. II, § 670, Австр. § 115, Сакс. § 1713, Франц. ст. 229, 230, Итал. 150; Уст. иностр. исповѣд. ст. 252, т. X, ст. 45, п. 1, Уст. Дух. Конс. ст. 238).

3. *Обязанность взаимопомощи*, взаимной поддержки матеріальной и моральной. Обязанность содержанія жены и семьи лежитъ на мужѣ, какъ главномъ работникѣ (Прусск. II), § 185, Австр. § 91, Сакс. § 1634, Франц. art. 214, Итал. 132, Остз. ст. 9, т. X, ч. 1, ст. 106), однако же законодательства признаютъ справедливымъ привлечь къ выполненію этой обязанности и жену, когда мужъ по уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по бѣдности или по болѣзни, не можетъ содержать жены; въ этомъ случаѣ жена должна давать мужу средства для существованія (Пр. Ул. II, I, §§ 174, 262, Сакс. Ул. § 1637, Франц. ст. 212 подъ словомъ—secours этою статьей понимается именно денежная помощь. См. Laurent. Cours élémentaire de droit civil. T. 1 ст. 201, Итал. ст. 132).

Но не только денежно супруги обязаны помогать другъ другу, но также и нравственно поддерживать другъ друга въ болѣзняхъ и другихъ тягостяхъ жизни, такъ какъ бракъ есть союзъ, влекущій за собой не только хозяйственное, но и моральное единеніе «вступившихъ въ законъ». (Пр.

§ 174, 176, Австр. § 90, Сакс. 1630, Франц. § 212, Итал. ст. 130, 132, Остз. § 9, п. 2).

Нашъ законъ говоритъ только объ обязанности мужа содержать жену (ст. 106); но умалчиваетъ объ обязанности жены приходить на помощь мужу въ нуждѣ, что плохо вяжется съ безспорно устанавливаемой закономъ обязанностью взаимной нравственной поддержки другъ друга—для мужа «облегчать немощи» жены (ст. 106), для жены «пребывать въ любви», «оказывать угожденіе» и привязанность (ст. 107). Эти постановленія нашего закона не лишены санкціи. Именно сила ихъ можетъ обнаружиться въ томъ случаѣ, когда зайдетъ рѣчь объ юридическомъ признаніи раздѣльной жизни супруговъ: когда, наприм., жена, живущая отдѣльно отъ мужа, потребуетъ себѣ содержанія; въ этомъ случаѣ она можетъ сослаться на то, что совмѣстная жизнь съ мужемъ, вслѣдствіе грубаго нарушенія имъ нравственной связи, невозможна. Равно и мужъ можетъ воспользоваться этою статьей, отказываясь принять дурно ведущую себя жену.

4. *Обязанность совмѣстной жизни* супруговъ. Она принадлежитъ къ существу брака и потому естественно требуется всѣми законодательствами (Пр. § 175, Австр. § 92, Сакс. § 1636, Франц. ст. 214, Итал. ст. 131, Остз. 7 и 8, п. 2, т. X, ч. 1, ст. 103).

Наше древнѣйшее право понимало эту обязанность весьма строго. Даже отбытіе наказанія не разъединяло супруговъ: жена выдавалась «на потокъ и разграбленіе» вмѣстѣ съ мужемъ (*Русская Правда*, Карамзина. сп. ст. 5) и продавалась въ рабство за долги и преступленія мужа. Только въ послѣ-петровскій періодъ мы встрѣчаемъ правило о раздѣльной жизни или о разножитіи супруговъ. Разлученіе супруговъ практиковалось въ двухъ видахъ: во-1-хъ, какъ мѣра процессуальная, какъ средство разъединить до исхода процесса какъ тѣхъ супруговъ, о законности брака которыхъ шло судебное разбирательство, такъ и тѣхъ, которые возбудили дѣло о разводѣ или о жестокомъ обращеніи одного изъ нихъ съ другимъ Во-2-хъ, разлученіе назначалось по рѣшенію духовно-судебной власти вслѣдствіе несогласной жизни супруговъ и въ особенности грубаго и жестокаго обращенія мужа съ женой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разлученіе было, такъ сказать, суррогатомъ развода.

Разлученіе перваго рода назначалось или ex officio, самимъ судомъ, или же по просьбѣ одной изъ спорящихъ сторонъ. Что касается разлученій другого вида, т.-е. назначавшихся вслѣдствіе несогласной жизни супруговъ или жестокаго обращенія одного съ другимъ (обыкновенно мужа съ женой), нерѣдко угрожавшаго жизни послѣдней, то и эти разлученія назначались иногда (въ большинствѣ случаевъ) по просьбѣ супруговъ, иногда же ex officio самимъ судомъ, взамѣнъ просимаго тѣмъ или другимъ супругомъ развода. Судъ уступалъ просьбѣ супруговъ разлучить ихъ не прежде, какъ испробовавши всѣ средства къ ихъ примиренію, подвергая ихъ увѣщанію чрезъ ихъ духовныхъ отцовъ, консисторію и даже епархіальнаго архіерея;

супруговъ особенно дурного поведенія епархіальное начальство отсылало въ монастыри, «для вразумленія къ согласной жизни». Достойно вниманія, что такія разлученія супруговъ (по просьбѣ о разлученіи) обыкновенно давались судомъ вслѣдствіе обоюднаго ихъ соглашенія, состоявшейся между ними мировой, иногда увольнительнаго письма отъ мужа—слѣды автономной роли супруговъ въ дѣлѣ развода, случайно обнаружившіеся предъ другимъ рѣшителемъ судьбы брака—церковнымъ судомъ.

Духовный судъ разрѣшалъ не только разлученія временныя, но иногда и постоянныя. Но, параллельно съ такой практикой духовнаго суда этотъ судъ ревниво отстранялъ отъ утвержденія разножитій супруговъ суды и правительства свѣтскіе. Этотъ запретъ былъ санкціонированъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 16 мая 1819 г. съ распространеніемъ этого запрета и на лицъ тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя признаютъ бракъ за гражданскій актъ. Святѣйшій синодъ, разсматривая дѣло, по просьбѣ отставного поручика Шелковникова, о разводѣ съ женою его, по причинѣ распутнаго ея поведенія, встрѣтилъ, что между нимъ, Шелковниковымъ, и женою его совершена была въ с.-петербургской гражданской палатѣ и оставлена въ своей силѣ правительствующимъ сенатомъ запись, заключающая въ себѣ условіе, что мужъ пріемлетъ на себя обязанность давать женѣ ежегодно на содержаніе въ продолженіе жизни своей 2,500 р., но съ тѣмъ, чтобы она, по полученіи означенной суммы, въ первый же годъ выѣхала изъ его дома и жила, гдѣ пожелаетъ. Святѣйшій синодъ, не находя достаточныхъ причинъ къ разводу Шелковникова съ женою его и признавая сдѣланную между ними запись распустною книгою, подающею поводъ къ вящшему ихъ разрыву, и притомъ противною святости супружескихъ обязанностей, полагаетъ оную уничтожить, а для отвращенія на будущее время подобныхъ поступковъ и для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановить правиломъ, чтобы никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи, или какое-либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза. Съ каковымъ положеніемъ святѣйшаго синода и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія согласенъ.

Коммиссія составленія законовъ, въ истребованномъ отъ нея государственнымъ совѣтомъ по сему предмету мнѣніи, представила подобное же мнѣніе. Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, находя заключеніе департамента законовъ основательнымъ, полагаетъ оное утвердить съ таковымъ дополненіемъ, чтобы постановленія объ означенныхъ записяхъ и другихъ актахъ распространено было на всѣ христіанскія исповѣданія, т.-е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ оный принимается за гражданскій актъ *).

*) См. вышеуказанное сочиненіе: *О разводѣ по русскому праву*, стр. 347, 348, 349, 351, 352, 353.

Въ первый разъ въ 1859 г. въ законѣ свѣтскомъ дается постановленіе, по которому раздѣльная жизнь дозволяется помимо судебнаго приговора о лишеніи всѣхъ правъ состоянія, а именно государственнымъ крестьянкамъ, въ случаѣ ссылки ихъ мужей по приговорамъ обществъ, разрѣшено не слѣдовать за мужьями. Въ 1862 г. это постановленіе было распространено вообще на женъ тѣхъ мужей, которые ссылаются по приговорамъ обществъ.

Нашъ дѣйствующій законъ говоритъ: «Супруги обязаны жить вмѣстѣ» (Гражд. зак. ст. 103). Эта обязанность должна быть понимаема не въ смыслѣ безусловномъ, а лишь въ томъ, что, разъ нѣтъ законныхъ основаній для раздѣльной жизни, каждый супругъ имѣетъ право требовать отъ другого прекращенія такой жизни: мужъ имѣетъ право требовать, чтобы отдѣльно живущая жена возвратилась къ нему, а равно слѣдовала бы за нимъ при всякой перемѣнѣ жительства (переселеніи, поступленіи на службу, ст. 103), а жена,—чтобы отдѣльно живущій мужъ взялъ ее къ себѣ. Послѣдовательное проведеніе этого начала представляетъ собою законъ, по которому вступившіе въ бракъ ссыльно-каторжные обязаны, въ случаѣ окончанія однимъ изъ нихъ срока работъ прежде другого, проживать мужъ съ женою, а жена съ мужемъ до окончанія того срока работъ, до котораго долженъ пробыть другой супругъ (ст. о ссыл., ст. 763, п. 2, по прод. 1876 г.).

Итакъ, слѣдовательно, супруги могутъ жить и розно, и никакая власть не можетъ съ этой стороны провѣрять (контролировать) ихъ жизнь, разъ на это есть ихъ добрая, обоюдная воля. Они не имѣютъ только права облекать ихъ волю въ формальный актъ, который устанавливалъ бы «расторженіе законнаго супружества» и «самовольное разлученіе ихъ» (т.-е. безъ законныхъ поводовъ и участія соотвѣтственной власти; ст. 103 и 1529, п. 1), потому что такіе акты направлены были бы въ обходъ закона, воспрещающаго разводъ по обоюдному согласію и разлученіе супруговъ.

Что законъ именно имѣетъ въ виду въ приведенныхъ статьяхъ самовольное разлученіе, показываетъ тотъ указъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, позаимствовано разсматриваемое постановленіе. Указъ этотъ состоялся по вышеприведенному дѣлу Шелковникова.

Такимъ образомъ, законъ нашъ отрицаетъ всякую юридическую силу за актами, которыми устанавливается раздѣльная жизнь супруговъ. Но выше было сказано, что такая раздѣльная жизнь однако же возможна. Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія: если не преступно для супруговъ жить раздѣльно, то отчего нельзя имъ оформить этого разножитія,— не все ли равно розная жизнь безъ акта, или съ актомъ. Нѣтъ, не все равно: жизнь врозь по доброй волѣ супруговъ, безъ всякаго укрѣпленія этой воли актомъ—простой фактъ, повѣрять который не дѣло власти, какъ не повѣряетъ она—засѣваетъ ли свое поле собственникъ, или отдаетъ въ наемъ домъ домовладѣлецъ. Но то же самое разножитіе, оформленное актомъ, установленное съ вѣдома властей, есть юридическое дѣйствіе, устанавливающее

опредѣленное юридическое состояніе—къ чему право безразлично относиться не можетъ и по поводу котораго ему необходимо сказать—да или нѣтъ: да, это допустимо; или—нѣтъ, это не допустимо.

Другія законодательства, признающія, какъ и наше, совмѣстную жизнь супруговъ существенной обязанностью ихъ, нѣсколько мягче относятся къ ней. Такъ, Прусское Земское Уложеніе, во-первыхъ, позволяетъ мужу предбрачнымъ договоромъ освободить жену отъ обязанности слѣдовать за нимъ при перемѣнѣ мѣста жительства (§ 681); во-вторыхъ, одинъ супругъ не можетъ поставить въ вину другому раздѣльную жизнь, если она вынуждена была выполненіемъ публичныхъ обязанностей, настоятельными личными дѣлами или состояніемъ здоровья (§ 177).

Прусская судебная практика не признаетъ недѣйствительными договоры о раздѣльной жизни супруговъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый супругъ свободенъ былъ во всякое время измѣнить свою волю (Прусск. Улож. съ комментар. Коха, 6 изд., прим. 17 и § 175).

Въ австрійскомъ кодексѣ существуетъ цѣлый рядъ причинъ, освобождающихъ жену отъ обязанности слѣдовать за мужемъ; а именно—если онъ незаконно оставляетъ отечество, если онъ выселяется изъ предѣловъ государства, если онъ присужденъ къ заключенію, если онъ поступитъ въ военную службу и если онъ, наконецъ, безъ основательныхъ причинъ оставляетъ то мѣсто, которое было условлено какъ общее мѣстожительство въ предбрачномъ договорѣ (§ 92 и комментаріи къ нему по изд. Штубенрауха, 3 изд. 1876 г.).

Но особенно обстоятельныя правила по этому поводу даетъ Саксонское Уложеніе, согласно которому жена освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ, если угрожаетъ серьезная опасность для ея блага, въ особенности для ея жизни и здоровья, или если ея отказъ отъ слѣдованія оправдывается основательною заботой о содержаніи въ будущемъ (§ 1636).

По строгости и рѣшительности, если можно такъ выразиться, предписанія ближе всего подходитъ къ нашему закону французскій, согласно которому жена обязана слѣдовать за мужемъ вездѣ, гдѣ онъ вздумаетъ поселиться (ст. 214).

Это рѣшительное предписаніе закона заставляетъ думать нѣкоторыхъ ученыхъ и юристовъ-практиковъ, что мужъ имѣетъ право прибѣгнуть къ содѣйствію общественной власти для водворенія жены. Другіе находятъ, и съ основаніемъ, что физическое принужденіе для возстановленія совмѣстной жизни рѣшительно не совмѣстимо съ существомъ брака и не достигаетъ цѣли, ибо, водворивши жену въ домъ мужа, власть исполнитъ свое дѣло, жена же имѣетъ полную возможность оставить послѣ этого квартиру мужа, такъ какъ держать жену взаперти мужъ не имѣетъ права и никакая власть ему въ этомъ содѣйствія не окажетъ, потому что это значило бы содѣйствовать въ противозаконномъ лишеніи свободы (Laurent, выше указан. соч., стр. 268).

И нашему законодательству извѣстны нѣкоторыя отклоненія отъ при-

знанной имъ строгой обязанности для жены слѣдовать неуклонно за своимъ мужемъ. Отклоненія эти установлены, главнымъ образомъ, по соображеніямъ интереса публичнаго, а именно:

1. При ссылкѣ супруга по суду, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, другой супругъ можетъ, если онъ не желаетъ развода, остаться на мѣстѣ и такимъ образомъ вести отдѣльную жизнь (Улож. о нак., ст. 27, т. X, ч. I, стр. 52).

2. За осужденными къ ссылкѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, или съ назначеніемъ въ водворяемые рабочіе, супруги, не участвовавшіе въ преступленіи, могутъ слѣдовать или не слѣдовать въ ссылку, по собственному на то ихъ желанію (Уст. ссыльн., ст. 40, прилож. п. 1).

3. Жены лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ общества, не обязаны слѣдовать за своими мужьями: а) когда переселяемый мужъ изъявитъ согласіе, чтобы жена его оставалась на прежнемъ мѣстѣ жительства; б) въ случаѣ тяжкой неизлѣчимой болѣзни жены и в) по жестокому съ нею обращенію мужа, или по явно-развратному его поведенію. Въ первомъ случаѣ согласіе мужа удостовѣряется отобранною отъ него передъ подлежащимъ полицейскимъ начальствомъ подпискою; во второмъ—просьбы объ оставленіи на мѣстѣ жительства, по болѣзни, окончательно разсматриваютъ въ губернскихъ правленіяхъ; наконецъ, въ третьемъ, просьбы, приносимыя по причинѣ жестокаго обращенія или развратнаго поведенія, передаются въ суды первой инстанціи, или когда онѣ принесены лицами сельскаго состоянія—въ суды волостные. Тѣ и другіе руководствуются въ ихъ разсмотрѣніи правилами суда совѣстнаго, назначая съ тѣмъ вмѣстѣ размѣръ содержанія женѣ изъ мужнина имѣнія и распоряжаясь объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми ихъ свыше четырнадцатилѣтняго возраста. Постановленныя на семъ основаніи судебныя опредѣленія представляются на окончательное утвержденіе губернаторовъ. Въ губерніяхъ, въ коихъ введены въ дѣйствіе судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ, или же одни только мировыя Судебныя Установленія, просьбы женъ лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, объ оставленіи ихъ въ мѣстѣ жительства по жестокому съ ними обращенію мужа или развратному его поведенію (за исключеніемъ просьбъ лицъ сельскаго состоянія) подлежатъ разсмотрѣнію съѣздовъ мировыхъ судей, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется также назначать размѣръ содержанія женѣ изъ мужнина имѣнія и принимать мѣры къ учрежденію опеки надъ дѣтьми ихъ свыше четырнадцатилѣтняго возраста (Уст. ссыльн., ст. 40, прил. п. 2).

Правила относительно слѣдованія женъ за мужьями распространяются также и на случаи удаленія изъ мѣстъ жительства административнымъ порядкомъ.

Не участвовавшіе въ преступленіи мужья, при всѣхъ родахъ ссылки и пересылки ихъ женъ, слѣдуютъ за ними единственно по собственному

на это желанію, если сами они не состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ и вообще неприкосновенны къ дѣламъ, по которымъ не могутъ немедленно оставить мѣсто жительства (Уст. ссыл., ст. 40, прил. п. 3).

4. На время заключенія одного изъ супруговъ въ тюрьму другой eo ipso разлучается съ заключеннымъ; арестантамъ женатымъ запрещается жить вмѣстѣ съ женами (Уст. содерж. подъ страж., ст. 1030, т. X, ч. 1, ст. 19).

5. Женатымъ нижнимъ чинамъ морскаго вѣдомства, возвращающимся на службу изъ временнаго безсрочнаго отпуска, а равно вновь поступающимъ на службу женатымъ рекрутамъ не дозволяется брать съ собою семейства. Высочайшее повелѣніе 18 іюля 1866 г., п. 3, П. С. З. 1866 г., № 43492.

6. Въ военное время, при передвиженіи войскъ, запрещается слѣдовать за ними женамъ военныхъ нижнихъ чиновъ (т. IV, Уст. земск. пов., ст. 259, прим. 5).

7. Съ заграничными азіатцами, женившимися на россійскихъ подданныхъ, евангелическаго или магометанскаго исповѣданія, при выѣздѣ ихъ изъ Россіи въ свое отечество, жены и дѣти ихъ не должны быть отпускаемы (т. X, ч. 1, ст. 88 и 96).

8. При ссылкѣ евреекъ въ Сибирь на поселеніе за преступленіе, мужья ихъ за ними слѣдовать не могутъ (Уст. ссылк., ст. 140, прим. по изд. 1857 г.).

По остзейскимъ законамъ жена освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ не только тогда, когда онъ за преступленіе приговоренъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, но и тогда, когда самъ онъ по другой какой-либо предосудительной причинѣ куда удалился (ст. 8, п. 2).

До сихъ поръ мы видимъ, что законъ опредѣляетъ мѣстожительство жены по мѣсту жительства мужа, но есть и случай обратный: мѣстожительство мужа опредѣляется по мѣсту жительства жены; это бываетъ тогда, когда женщина, осужденная за преступленіе къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и причисленная по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ къ сословію государственныхъ поселянъ или крестьянъ, выйдетъ замужъ; тогда мужъ ея обязывается подпиской не выводить ее и не переселяться на постоянное жительство изъ мѣста поселенія его жены (Уст. ссыльн., ст. 765. См. соч. *О разводѣ*, стр. 443—445).

б) *Особыя права мужа.*

Особыя права мужа заключаются въ слѣдующемъ:

1) Мужъ считается главой семьи. Многія законодательства такъ и опредѣляютъ его положеніе («глава семейства» нашъ Сводъ ст. 107, das Haupt der Familie, Австрійское Улож., § 92, das Haupt der ehelichen Gesellschaft,—Прусское Улож., II, 1 §, 184, и capo della famiglia, Итальянское Улож., ст. 131). Какъ понимать это главенство? Это значитъ, что въ брачномъ союзѣ голосу его дастся рѣшительное и рѣшающее значеніе (прусскій законъ такъ

буквально и опредѣляетъ главенство мужа—§ 184). Отсюда законъ требуетъ «*неограниченнаго* послушанія» отъ жены по отношенію къ своему мужу (ст. 107, ср. ст. 108). Другія законодательства требуютъ отъ жены просто «послушанія» (Сакс. — Gehorsam § 1631. Нашъ остзейскій сводъ—«послушанія и подчиненія его (мужа) волѣ» ст. 8, п. 1. Франц. Улож.—«obeissance», ст. 213).

Однако же это правило о подчиненіи воли жены волѣ мужа для надлежащаго его уразумѣнія, должно быть сопоставляемо и съ другими предписаніями закона—«о жизни съ женой въ согласіи«, объ «уваженіи» къ ней (ст. 106); тогда обязанность неограниченнаго послушанія жены мужу получитъ надлежащее освѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ ясно, что полновластіе имѣетъ свои предѣлы и что этимъ полновластіемъ никоимъ образомъ не можетъ быть оправдываемо жестокое обращеніе мужа съ женой (какіе взгляды высказывались). Такіе взгляды тѣмъ болѣе не основательны, что въ другомъ случаѣ (о чемъ была рѣчь выше) самъ законъ даетъ право женѣ не слѣдовать за своимъ мужемъ, въ случаѣ жестокаго съ нею обращенія, т.-е. считаетъ проступокъ мужа столь важнымъ, что освобождаетъ жену отъ исполненія важнѣйшей обязанности—не покидать мужа. Заслуживаетъ вниманія, что и другія законодательства, предписывая женѣ быть послушной своему мужу, не только вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣняютъ въ обязанность послѣднему хорошо обходиться съ женой, но дурное обхожденіе и повторяющіяся оскорбленія считаютъ для жены основаніемъ для развода съ мужемъ (Сакс. § 1736, австр.—§ 109, 115, прус.—§§ 700—703, франц.—ст. 231 и по итальян. Улож.—для разлученія—ст. 150).

2. Мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена слѣдовала за нимъ, при перемѣнѣ имъ постояннаго мѣста жительства (гражд. зак., ст. 103. Сакс. § 1636, австр.—§ 92, прусс.—§ 175, франц.—ст. 214, итальян.— ст. 131, остз. сводъ ст. 8, п. 2).

Выше была объ этомъ рѣчь подробно, какъ объ обязанности обоихъ супруговъ жить вмѣстѣ. Здѣсь отмѣчается какъ особое право мужа опредѣлять и избирать мѣсто для совокупной жизни супруговъ.

3. Мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена не нанималась безъ его согласія (гр. зак. ст. 2202, по прус. праву жена не имѣетъ права заключать безъ согласія мужа какого бы то ни было обязательства, которымъ стѣснялись бы права ея личности § 196). Разумѣется ли здѣсь только наемъ для домашнихъ услугъ или вообще для услугъ внѣ дома, или же какой бы то ни былъ договоръ личнаго найма, законъ не высказывается. По буквальному смыслу («наниматься») и по предполагаемой цѣли закона—не дозволять женѣ оставлять мужа безъ его разрѣшенія, надо думать, что рѣчь въ статьѣ лишь о такомъ договорѣ личнаго найма, который сопряженъ съ раздѣльной жизнью жены.

4. Мужъ имѣетъ право требовать отъ жены дѣятельности, какъ хозяйки дома («жена обязана оказывать ему (мужу) всякое угожденіе и привязанность какъ хозяйка дома», ст. 107). Аналогичное постановленіе мы нахо-

димъ въ нашемъ остзейскомъ сводѣ (мужъ въ правѣ требовать отъ жены участія въ состоящемъ въ его завѣдываніи домашнемъ хозяйствѣ ст. 8, п. 3) и въ западно-европейскихъ германскихъ законодательствахъ: саксонскомъ (мужъ имѣетъ право требовать отъ жены услугъ по веденію своего хозяйства или своего промысла, § 1631), прусскомъ (жена обязана имѣть надзоръ надъ хозяйствомъ мужа, § 194) и австрійскомъ (жена обязана помогать мужу по веденію хозяйства и посильно къ пріобрѣтенію средствъ § 92).

5. Нѣкоторыя законодательства сверхъ того даютъ право мужу на полученіе содержанія отъ жены, если онъ окажется въ нуждѣ. Такъ въ нашемъ остзейскомъ сводѣ постановлено: мужъ вправѣ требовать отъ жены въ случаѣ нужды содержанія (ст. 8, п. 3). Въ саксонскомъ законодательствѣ читаемъ: если мужъ обѣднѣетъ и къ пріобрѣтенію содержанія для себя станетъ неспособнымъ, то жена обязана его кормить, а если умретъ—похоронить на свой счетъ § 1637. По Итал. Улож. жена должна участвовать въ содержаніи мужа, если у него нѣтъ своихъ достаточныхъ средствъ (ст. 132). Французскіе ученые признаютъ, что постановленіе и ихъ закона (les époux se doivent mutuellement secours, ст. 212) должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что, при отсутствіи средствъ у мужа и при наличности ихъ у жены, всѣ расходы совмѣстной жизни должны идти на ея счетъ (Laurent, 194. Colmet de Santerre, Manuel élémentaire de droit civil. T. 1, p. 85).

в) *Особыя права жены.*

1. Жена имѣетъ право на имя мужа (фамилію). Это одно изъ слѣдствій общенія жизни, создаваемаго бракомъ (гражд. зак. ст. 100, Прусск. § 192, сакс. § 1632, остз. сводъ ст. 5 и 6).

2. Она, жена, имѣетъ право на всѣ права и преимущества мужа, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ, не теряя ихъ и въ томъ случаѣ, если мужъ за преступленіе будетъ лишенъ правъ своего состоянія (зак. гражд. ст. 100—102, австр. § 92, сакс. § 1748, итал. ст. 131, по Прусскому Уложенію условно: жена слѣдуетъ правамъ состоянія своего мужа, если они не связаны только съ его лицомъ § 193). Это право она сохраняетъ и во вдовствѣ. Но сохраняется ли оно при разводѣ? Законъ отвѣта не даетъ, изъ его умолчанія отрицательнаго отвѣта вывести нельзя.

Въ древнее время разведенная теряла по общему правилу право на фамильное имя и званіе супруга. Но практика не соблюдала этого правила и разведеннымъ женамъ дозволялось именоваться X, бывшая жена У (см. соч. *О разводѣ,* стр. 202).

Въ древнее время рѣшался у насъ иначе вопросъ и о сообщеніи женѣ правъ состоянія мужа. Среди высшихъ и свободныхъ классовъ (князей, бояръ, бѣлаго духовенства, городскихъ и свободныхъ сельскихъ обывателей), какъ и теперь, состояніе мужа сообщалось женѣ. Но среди несвободныхъ классовъ дѣйствовало другое правило: рабство одного изъ супруговъ

заражало другого—свободный, вступая въ бракъ съ крѣпостною, самъ дѣлался крѣпостнымъ, если не выговаривалъ себѣ свободы у господина жены; равно свободная, выходя за крѣпостного, теряла свободу — «по рабѣ холопъ, по холопу раба». Эти capitis deminutiones были вполности отмѣнены сравнительно недавно: для свободнаго мужа Екатериной II, и для свободной жены—Александромъ I.

Дольше всего (до 1831 г.) сохранилось правило о несообщеніи правъ состоянія иностранца—мужа русской подданной—женѣ; если военно-плѣнный иностранецъ, находясь въ Россіи, женился на русской подданной и потомъ былъ отпускаемъ въ свое отечество, то жена не была съ нимъ отпускаема, хотя бы въ такомъ случаѣ надлежало расторгнуть самый бракъ (*Неволинъ:* «Полное собр. соч., т. III, стр. 60—72).

Изъ общаго правила о сообщеніи мужемъ правъ своего состоянія женѣ нашъ законъ знаетъ нѣсколько исключеній.

а) Если жена до замужества принадлежала къ состоянію высшему, то она сохраняетъ его преимущества и по выходѣ замужъ, не сообщая его однако же мужу (закон. гр. ст. 100, т. IX, ст. 5, 11, 44 — 46, 53, 539, 542).

б) Если жена, бывъ лишена всѣхъ правъ состоянія и по истеченіи опредѣленныхъ закономъ сроковъ перечислялась въ сословіе государственныхъ крестьянъ, вступитъ въ новый бракъ съ лицомъ, принадлежащимъ къ состоянію высшему, а равно если она была лишена всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослана въ сибирскія или въ другія отдаленныя губерніи, вступитъ въ бракъ въ новомъ своемъ мѣстѣ жительства съ лицомъ, располагающимъ всѣми правами состоянія, то въ этихъ обоихъ случаяхъ она не пріобрѣтаетъ правъ состоянія своего мужа, потому что пріобрѣтая такія права она обходила бы законъ, карающій ее за содѣянное преступленіе (кромѣ другихъ наказаній) лишеніемъ правъ.

в) Лицо Императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ не принадлежащимъ къ царствующему или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ему правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской фамиліи (т. I, зак. осн., ст. 147) т.-е. права на престолонаслѣдіе и права на полученіе содержанія изъ удѣльнаго имущества.

3. Всѣ законодательства признаютъ, что жена имѣетъ право на полученіе содержанія отъ мужа. Мужъ содержитъ жену и семью какъ главная рабочая сила (Прусск. §§ 185, 186, австр. 91, сакс. § 1634, франц. ст. 214, итал. ст. 132, сводъ остз. ст. 9). Нашъ законъ опредѣляетъ эту обязанность такъ: «мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и по возможности своей» (ст. 106). Смыслъ статьи тотъ, что мужъ обязанъ не только давать средства на прокормленіе жены, но и вообще содержать ее, т.-е. давать всѣ необходимыя средства къ жизни, сообразно съ своимъ общественнымъ положеніемъ («по состоянію», т.-е. по сословному положенію; четыре *состоянія* природныхъ обывателей: дво-

рянство, духовенство, городскіе и сельскіе обыватели) и сообразно съ своими средствами («по возможности»).

И иностранные кодексы обыкновенно опредѣляютъ мѣру содержанія, приноравливаясь къ общественному положенію мужа. Такъ Пруск. Улож. назначаетъ содержаніе женѣ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ. (Standesmässiger Unterhalt § 185); то же повторяется и во Французскомъ и Саксонскомъ Уложеніяхъ (Selon ses facultés et son état, ст. 214. Auf eine seinem Stande und seinen Vermögensverhältnissen entsprechende Weise zu unterhalten § 1634). Нашъ остз. сводъ говоритъ, что жена вправѣ требовать отъ мужа содержанія соотвѣтственнаго его званію и достоинству (ст. 9). Австрійскій законъ говоритъ прямо о доставленіи приличнаго содержанія женѣ (den anständigen Unterhalt zu verschaffen § 92).

Нѣкоторыя законодательства подробнѣе опредѣляютъ эту обязанность, налагаемую на мужа. Такъ Пруск. Улож., называя ее сообразно съ состояніемъ (§ 185), прибавляетъ, но если мужъ не можетъ женѣ доставить такого содержанія, то она должна довольствоваться и скуднымъ (§ 186). Саксонскій законъ говоритъ объ обязанностяхъ мужа доставить уходъ и врачебную помощь женѣ во время болѣзни; а въ случаѣ смерти, если она умретъ не оставивши средствъ, на свой счетъ похоронить ее (§ 1634).

И съ точки зрѣнія нашего закона, конечно, можно вывести правило, что разъ у мужа нѣтъ средствъ содержать жену сообразно состоянію, то, конечно, онъ обязанъ содержать ее какъ можетъ («по возможности»). Нельзя требовать, чтобы мужъ содержалъ жену, какъ прилично дворянину, если этотъ дворянинъ самъ чернорабочій.

Что касается обязанности доставленія врачебной помощи, то она можетъ быть выведена не только изъ постановленія о содержаніи (ст. 106), но также и изъ постановленія, въ которомъ говорится о любви къ женѣ и облегченіи ея немощей (та же ст.).

Но для того, чтобы жена могла требовать содержанія отъ мужа, она должна жить вмѣстѣ съ мужемъ: живя внѣ дома, отдѣльно, она по общему правилу не вправѣ требовать себѣ содержанія; не выполняя своихъ обязанностей, она не вправѣ требовать выполненія ихъ со стороны мужа.

Однако же это правило, какъ мы видѣли, имѣетъ и должно имѣть исключенія.

Если жена ведетъ раздѣльную жизнь не по своей винѣ, если она *по закону* имѣетъ право жить раздѣльно или если она *вынуждена* оставить мужнюю квартиру, то въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія отказывать ей въ содержаніи. Мы касались уже этого вопроса, говоря о раздѣльной жизни супруговъ.

Мы видѣли тамъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ позволяетъ женѣ не слѣдовать за мужемъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ жена имѣетъ право на отдѣльное содержаніе, Затѣмъ закону нашему извѣстенъ рядъ другихъ случаевъ, когда онъ предоставляетъ право женѣ на отдѣльное отъ мужа содержаніе. А именно: а) изъ доходовъ съ имущества лица, безвѣстно

отсутствующаго, извѣстная часть, по усмотрѣнію закона, назначается на содержаніе его женѣ и дѣтямъ (прил. къ ст. 1091, прим. т. X, ч. 2, изд. 1876 г., ст. 1); б) въ случаѣ лишенія мужа по суду правъ дворянства, недвижимое населенное имѣніе его отдается въ опекунское управленіе, и половина доходовъ съ онаго выдается женѣ на содержаніе (ст. 332 т. IX Зак. сост., изд. 1876 г.); в) женамъ лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, назначается въ опредѣленномъ размѣрѣ, по усмотрѣнію суда, содержаніе изъ мужнина имѣнія (прил. къ ст. 40, прим. 2, т. XIV, Уст. ссыльн. по прод. 1886 г., ст. 2); г) при отпускѣ за границу заграничныхъ азіатцевъ, женившихся на россійскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія, отъ нихъ требуется обезпеченіе содержанія женамъ во время ихъ отсутствія (ст. 89 т. X, ч. 1, изд. 1887 г.).

Безспорно, что жена имѣетъ право на отдѣльное содержаніе и тогда, когда она не живетъ съ мужемъ по причинамъ, которыя не могли быть ей вмѣнены въ вину, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе нахожденія въ больницѣ на излѣченіи или когда она лишилась разсудка (кассац. рѣшен. 1873 г., № 1666).

Равно такое право ей должно быть предоставлено и тогда, когда по винѣ мужа совмѣстная жизнь невозможна, понимая эту вину не только такъ, что мужъ отказывается принять жену, но также и такъ, что, желая жену держать у себя, мужъ дѣлаетъ эту жизнь невозможной, напримѣръ, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ женой.

Но, съ другой стороны, и жена не должна смотрѣть на себя только какъ на нахлѣбника или кредитора мужа. Если она, въ свою очередь, попираетъ права мужа, вступаетъ въ непозволительную связь съ другимъ мужчиной, вообще ведетъ безнравственный образъ жизни, не участвуетъ въ заботахъ по хозяйству («какъ хозяйка дома», по ст. 107) или если она живетъ съ мужемъ только для того, чтобы поведеніемъ своимъ заставить его отказаться отъ совмѣстной жизни и тѣмъ дать ей право на отдѣльное содержаніе (см. случаи, прив. въ соч. *О разводѣ*, стр. 452), въ такомъ случаѣ, не нарушая статей о повиновеніи мужу и почтеніи къ нему (ст. 107), нельзя признать за ней права на отдѣльное содержаніе.

Что касается размѣра содержанія, которое должно быть назначено женѣ судомъ, при раздѣльной жизни супруговъ, то размѣръ этотъ долженъ быть установленъ по той же мѣркѣ, которая указывается закономъ и при совмѣстной жизни супруговъ: «по состоянію и возможности» мужа, опредѣляя эту возможность по моменту постановленія рѣшенія и дозволяя измѣнять установленную судомъ норму, съ измѣненіемъ имущественнаго положенія мужа, т.-е. или увеличивая, или уменьшая назначенный судомъ размѣръ и даже совершенно прекращая выдачу содержанія, при возстановленіи супругами совмѣстной жизни.

4. Наконецъ жена имѣетъ право на охрану и защиту со стороны мужа (Прусск. § 188, Австр. § 91, Сакс. § 1633, Франц. ст. 213, Итал. ст. 132, Остз. ст. 9, п. 2). Прусск. Ул. говоритъ: мужъ обязанъ и имѣетъ право

защищать предъ судомъ и внѣ суда лицо, честь и имущество жены (§ 188) даже и въ случаѣ возбужденія противъ нея исковъ объ обидѣ (§ 190). По нашему Остзейскому Своду жена вправѣ требовать отъ мужа во всѣхъ случаяхъ жизни, въ особенности въ дѣлахъ юридическихъ, защиты и содѣйствія (ст. 9, п. 2). По нашему общему Своду мужъ обязанъ защищать жену (ст. 106), а по нашимъ процессуальнымъ законамъ мужъ имѣетъ право быть повѣреннымъ жены, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ составу присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ (Учр. Суд. Уст. ст. 389 и Прав. о произв. суд. д., ст. 5). Согласно законамъ уголовнымъ, и мужъ имѣетъ право возбуждать преслѣдованіе объ оскорбленіи чести жены (Улож. о наказ. ст. 1534, прим.).

Но общаго постановленія о правозаступничествѣ жены мужемъ нашъ законъ не даетъ. Это, конечно, находится въ связи съ устанавливаемою нашимъ закономъ системой раздѣльности имуществъ супруговъ.

г) *Необходимость согласія мужа на совершеніе женой нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ (авторизація мужа).*

Говоря о вліяніи брака на личныя права жены, слѣдуетъ еще остановиться на той юридической зависимости ея отъ мужа, которую порождаетъ бракъ по нѣкоторымъ законодательствамъ.

По *французскому* закону замужняя женщина причисляется къ числу неспособныхъ къ юридической дѣятельности (incapables .Code Civ. 1124) Эту неспособность сообщаетъ ей бракъ, потому что до замужества, разъ она совершеннолѣтняя, она пользуется одинаковыми правами съ мужчиной. Слѣдовательно въ этомъ ограниченіи въ дѣеспособности замужнихъ женщинъ нельзя усматривать остатковъ римской половой опеки.

Интересъ брака — желаніе поддержать мужній авторитетъ и сохранить единство власти—вызываетъ потребность въ подчиненіи жены мужу и въ области имущественныхъ отношеній.

Такое объясненіе своего закона даютъ французскіе цивилисты, но они же прибавляютъ къ этому еще слѣдующія соображенія. Вышеуказанный мотивъ не единственный и даже не главный. Бракъ создаетъ новые интересы, жена не можетъ совершить ни одного юридическаго акта, который бы не оказывалъ вліянія на дѣтей и на мужа; акты, совершенные ею, интересуютъ всю семью, и естественно, что глава семьи вмѣшивается въ нихъ, чтобъ охранить общіе интересы. Есть еще соображеніе. Бракъ есть товарищество. Каждый изъ товарищей имѣетъ свою сферу дѣйствій. Жена завѣдываетъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, мужъ заправляетъ дѣлами, которыя ему лучше извѣстны, чѣмъ женѣ (*Laurent:* «Cours élémentaire de droit civil», I, 203).

Неспособность замужней женщины общая: она распространяется на всѣ юридическіе акты какъ распорядительные, такъ и пріобрѣтательные, не исключая и даровыхъ (ст. 217), ибо для мужа не безразлично, отъ кого жена получитъ подарокъ.

Эти ограниченія имѣютъ полную силу, не взирая на избранную супругами ту или другую систему имущественныхъ отношеній.

Не составляютъ исключенія изъ вышеуказаннаго правила: 1) право жены дѣлать текущіе расходы по хозяйству, потому что въ этомъ случаѣ она обязываетъ не себя, а мужа; 2) право самостоятельно обязываться по торговлѣ, если она ведетъ ее совершенно отдѣльно отъ мужа (ст. 220), потому что на право веденія торговли она должна тоже получить согласіе мужа; 3) право совершать завѣщаніе (ст. 226), потому что этотъ актъ получаетъ силу лишь послѣ ея смерти.

Равно жена не имѣетъ права выступать на судѣ (ester en jugement, stare in judicio), потому что и здѣсь дѣло можетъ дойти легко до убытковъ. Только по дѣламъ уголовнымъ и исправительнымъ она не нуждается въ содѣйствіи мужа.

Разрѣшеніе мужа должно быть спеціальное для каждаго акта (согласіе общее, впередъ, было бы отказомъ отъ мужней власти), хотя бы и молчаливое (217): когда мужъ принимаетъ участіе въ совершеніи акта.

Если мужъ не хочетъ дать согласія или не можетъ (вслѣдствіе безвѣстнаго отсутствія, нахожденія подъ запрещеніемъ, малолѣтства, присужденія къ безчестящему наказанію (peine affective ou infamante), то за него разрѣшеніе даетъ судъ (218—222).

Сила актовъ, заключенныхъ безъ согласія мужа или суда, можетъ быть оспорена мужемъ, женою или ихъ наслѣдниками (225).

Въ общемъ и *итальянскій* законъ держится тѣхъ же воззрѣній, что и французскій, однако же есть и существенныя отличія. Итальянскій кодексъ, говоритъ бывшій профессоръ Неаполитанскаго университета, а нынѣ министръ народнаго просвѣщенія, Джантурко, ищетъ средняго пути между претензіями доктринеровъ эмансипаторовъ женщины и упорными охранителями мужняго авторитета, требуя разрѣшенія спеціальнаго или *общаго* только для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ актовъ (Istituzioni di diritto civile italiano, IV ed., p. 57).

Итакъ, вотъ первое существенное отличіе итальянскаго кодекса отъ французскаго; тогда какъ послѣдній требуетъ неизмѣнно спеціальнаго разрѣшенія мужа на юридическія дѣйствія жены, первый довольствуется общимъ, впрочемъ, съ правомъ отмѣны послѣдняго по усмотрѣнію мужа (итал. ст. 134, франц. ст. 223).

Далѣе для совершенія только нѣкоторыхъ актовъ, нарочито перечисленныхъ закономъ, замужняя итальянка нуждается въ разрѣшеніи мужа, а именно: для совершенія даренія, отчужденія (хотя бы и возмезднаго) и ипотеки недвижимости, займа и отдачи или полученія капитала, для принятія поручительства, порученія (мандата) или обязанности душеприказчицы по завѣщанію, равно и для дѣйствій на судѣ по всѣмъ вышеизложеннымъ юридическимъ актамъ (134, 1743 и 904).

Слѣдовательно, не только всѣ акты, относящіеся къ управленію, она

можетъ свободно совершать, но и прочіе юридическіе акты, кромѣ сейчасъ перечисленныхъ.

Сдѣлавъ это отступленіе отъ французскаго кодекса, итальянскіе юристы повидимому не вполнѣ увѣрены въ цѣлесообразности его. Такъ у того же Джантурко мы читаемъ: «конечно, такимъ образомъ не вполнѣ достигается цѣль удержать согласіе между женой и главой семьи и оберегать семейное имущество» (тамъ же стр. 57; см. еще Pacifici-Mazzoni, Istituzioni di diritto civile italiano I, p. 247 etc.).

По *прусскому* законодательству мужъ, вслѣдствіе своихъ опекунскихъ правъ по отношенію къ женѣ, обязанъ и вправѣ защищать ея лицо, честь и имущество на судѣ и внѣ суда (Pr. L. R. II, 1, § 188). Поэтому, по общему правилу жена не можетъ безъ согласія и привлеченія мужа вести процессъ (189). Впрочемъ, это послѣднее постановленіе надо считать отмѣненнымъ Общегерманскимъ Уставомъ гражданскаго судопроизводства, по которому замужняя женщина считается вполнѣ способной къ процессу (§ 51).

Жена не можетъ безъ согласія мужа принимать на себя никакого обязательства, которымъ бы ограничивалась свобода ея личности (§ 196).

Подобнаго же характера правила мы находимъ и въ *Саксонскомъ Уложеніи*, которое постановляетъ: замужняя женщина нуждается въ согласіи мужа на заключеніе всѣхъ сдѣлокъ, не влекущихъ за собою пріобрѣтенія (выгоды) (§ 1638). Но если мужъ въ такомъ согласіи отказываетъ безъ достаточной причины, то разрѣшеніе на заключеніе сдѣлки можетъ дать судъ (§ 1644).

Австрійское Уложеніе совсѣмъ не знаетъ постановленій, ограничивающихъ замужнихъ женщинъ въ этомъ отношеніи (см. § 91 и ср. Krainz: System des oesterreich. allgemein. Privatrechts II, § 434).

Западноевропейскіе *торговые кодексы* требуютъ также непремѣнно наличности согласія мужа (прямо выраженнаго или только подразумѣваемаго) на веденіе женою торговли, на то, чтобъ она стала купчихой (marchande publique, commerciante, Handelsfrau, Фр. Торг. Код. ст. 4, Итал. 15, Общ. Герм. Ул. 7). Причемъ авторитетъ мужа признается столь нерушимымъ, что данное имъ согласіе можетъ быть взято обратно во всякую пору. Впрочемъ, не одними только соображеніями мужняго главенства вызывается потребность въ такомъ согласіи, а также и тѣмъ, что, при существующей во многихъ западно-европейскихъ законодательствахъ общности имущественныхъ отношеній между супругами, мужъ заинтересованъ не только нравственно, но и имущественно открытіемъ торговли его женой, ибо жена отвѣчаетъ не только своимъ имуществомъ за сдѣланные ею долги, но отвѣтственность ея можетъ распространяться и на общее имущество (Франц. ст. 7, Итал. ст. 14, Общ. герм. ст. 8).

Что касается *русскаго* права, то мы видѣли и увидимъ, что и у насъ въ законодательствѣ были примѣры признанія юридической несамостоятельности жены въ вопросахъ распоряженія своимъ имуществомъ, сознаніе

необходимости дополнять волю жены волей мужа. Но все это дѣло прошлое. Дѣйствующее законодательство вполнѣ освободилось отъ этого воззрѣнія. «Супругамъ дозволяется... распоряжаться собственнымъ своимъ имѣніемъ прямо отъ своего имени, независимо другъ отъ друга и не испрашивая на то взаимно ни дозволительныхъ, ни вѣрующихъ писемъ» (т. X ч. 1. ст. 114). Вотъ основное правило дѣйствующаго закона въ разсматриваемомъ вопросѣ. Конечно, это обобщеніе рѣчи «о супругахъ» и о «*взаимныхъ* дозволительныхъ письмахъ» есть, такъ сказать, лишь façon de parler нашего закона, потому что ни исторія, ни обычай, ни даже примѣръ западно-европейскихъ законодательствъ (если допустить возможность ихъ вліянія въ данномъ случаѣ) вовсе не указываютъ на взаимодѣйствіе супруговъ въ такихъ случаяхъ. Напротивъ, и исторія, и обычай, и иноземныя законодательства знаютъ лишь вліяніе мужа на волю жены и необходимость разрѣшенія перваго на юридическіе акты второй; такъ что и смыслъ вышеуказанной статьи собственно тотъ, что жена имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, не испрашивая на это разрѣшенія мужа.

Исключеній изъ этихъ правилъ немного:

1. Не могутъ наниматься жены безъ позволенія мужей (т. X ч. 1 ст. 2202), причемъ это ограниченіе нашего закона, не знающаго мужней авторизаціи вообще по юридическимъ актамъ, совершаемымъ женой, должно быть примѣняемо лишь настолько, насколько договоръ личнаго найма, заключенный женой, приходитъ въ столкновеніе съ личною властью мужа надъ ней, съ обязанностью ея раздѣлять мѣстожительство мужа. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ договоръ найма услугъ такого столкновенія не предполагаетъ, тамъ этотъ договоръ долженъ имѣть силу, независимо отъ согласія или несогласія на него мужа.

2. «Замужнія женщины... не могутъ давать на себя векселей и передавать ихъ съ возвратомъ на себя... безъ позволенія ихъ мужей» (Уст. о векс. ст. 6). Это ограниченіе касается простыхъ векселей. Оно стало извѣстно нашему законодательству лишь съ 1862 г. До этого времени нашъ Вексельный Уставъ не ограничивалъ вексельной дѣеспособности замужней женщины. Постановленіе это, очевидно, наносное, навѣянное примѣромъ Запада, стремившагося освобождать замужнихъ женщинъ отъ послѣдствій вексельной строгости взысканій. Въ западно-европейскомъ правѣ оно находится въ гармоніи съ существующей тамъ общей зависимостью жены отъ мужа, при совершеніи юридическихъ актовъ—зависимостью, какъ выше было указано, у насъ не существующей.

А. Загоровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Какъ заниматься статистикой *).

Какъ заниматься статистикой?—вотъ вопросъ, котораго преподаватель статистики естественно ждетъ со стороны лицъ, готовыхъ удѣлить нѣкоторое время для изученія статистики въ школьной обстановкѣ или путемъ свободнаго самообразованія. Ясный отвѣтъ па этотъ вопросъ возможенъ только въ связи съ индивидуальными силами занимающагося, съ его наклонностями. Но нѣкоторыя общія замѣчанія, кажется, поддаются изложенію и не въ личной формѣ, и ими начнемъ мы въ настоящемъ учебномъ году наши собесѣдованія по статистикѣ. Оговоримся съ самаго начала, что будемъ имѣть въ виду занятія статистикой какъ однимъ изъ предметовъ научнаго образованія. Мы не коснемся здѣсь практической подготовки лицъ, берущихъ на себя службу въ статистическихъ учрежденіяхъ.

Изслѣдованія человѣческой общественной жизни съ помощью количественныхъ массовыхъ наблюденій, сокращенно именуемыя «статистикою» (какъ отдѣльною дисциплиной) имѣютъ притязанія быть научными изслѣдованіями; иначе имъ не было бы мѣста въ курсѣ высшаго образованія, гдѣ каждый участникъ отъ новичка студента до заслуженнаго профессора включительно обязанъ обнаруживать свою прикосновенность къ научному мышленію. Діалектикъ Гегель называлъ науку «самотворчествомъ разума», астрономъ Гершель проще именовалъ ее «знаніемъ истины», но такое знаніе, въ сущности говоря, обозначаетъ собою только предѣлъ науки; конечному человѣку достается въ удѣлъ только отыскиваніе истины, а не обладаніе ею.

Статистика относится обыкновенно къ группѣ наукъ наблюдательныхъ и нѣкоторыми отождествляется съ наблюдательнымъ обществовѣдѣніемъ. Наблюдательныя науки совмѣстно съ науками экспериментальными противопоставляются, подъ общимъ названіемъ «опытныхъ», умозрительнымъ наукамъ. Но строгаго разграниченія между умозрительными и опытными науками сдѣлать нельзя. По справедливому замѣчанію Гексли **), методы

*) Вступительная рѣчь въ курсъ общей статистики, прочитанная въ Ново-Александрійскомъ институтѣ 12 сентября 1896 г.

**) *Вопросы Философіи и Психологіи*, 1892 г., мартъ.

всѣхъ наукъ въ существѣ одинаковы. Во всѣхъ наукахъ извѣстная стадія мышленія требуетъ наблюденія (естественнаго или искусственнаго, т.-е. эксперимента), а другая стадія—умозрѣнія. Объясненіе движенія планетъ и атмосферныхъ теченій немыслимо безъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій; точно также и объясненіе жизни человѣческаго общества нуждается въ статистическихъ данныхъ *). Обществовѣдѣніе, конечно, имѣетъ дѣло съ психическими явленіями, а при изученіи такихъ явленій наблюдательный индуктивный методъ является для человѣка совершенно необходимымъ руководствомъ **). Здѣсь научная дедукція можетъ явиться только какъ результатъ высшаго развитія тѣхъ индуктивныхъ знаній, которыя добыты наблюденіемъ. Нѣкоторыя отрасли обществовѣдѣнія пробуютъ спеціализироваться на умозрительномъ методѣ. Такая попытка является вполнѣ законной въ примѣненіи къ воображаемому строю общественной жизни, даже къ такому, въ которомъ—выражаясь языкомъ латинскаго синтаксиса—условія даны къ формѣ imperfectum conjunctivi ***). Тотъ же методъ оправдывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда результаты его примѣненія совпадаютъ съ результатами наблюденій надъ дѣйствительностью. И все-таки при изученіи дѣйствительной общественной жизни на первомъ планѣ долженъ стоять наблюдательный методъ.

Первый шагъ наблюдательнаго изслѣдованія есть описаніе явленій; нѣтъ изслѣдованія безъ описаній, хотя описанія сплошь и рядомъ не сопровождаются изслѣдованіями. По словамъ Мейтцена: «Форма нашего знанія есть описаніе, форма нашего интереса къ описываемому есть исканіе причинности» ****). Описаніе есть общее требованіе наблюденій какъ массовыхъ, такъ и однопредметныхъ; въ статистикѣ качественно описаннымъ предметамъ дается еще количественное описаніе въ видѣ результатовъ подсчитыванія предметовъ, обладающихъ опредѣленными, качественно описанными признаками. Описательная работа въ наукѣ имѣетъ большое значеніе, но, конечно, опирающееся на эту работу отыскиваніе причинности имѣетъ еще большее значеніе, и вотъ къ этому-то отыскиванію мы усерднѣйше приглашаемъ всѣхъ, интересующихся изученіемъ общественной жизни.

Для того, чтобы занятія учащихся были плодотворны въ какой бы то ни было отрасли знанія, въ томъ числѣ и въ статистикѣ, необходимо, чтобъ эти занятія обладали элементомъ *самостоятельности*. Обязанность человѣка, претендующаго на научное образованіе—работать самому, каковъ бы ни былъ матеріалъ его умственной работы: умозрительный, экспериментальный или наблюдательный. Главное назначеніе преподавателя—помогать этимъ самостоятельнымъ работамъ учащихся.

«Учить другихъ чему-нибудь,— говорилъ еще Жакото *****),—значитъ

*) Ср. *А. А. Герценъ*: „Общая психофизіологія", Спб., 1890 г., стр. 137.
**) Тамъ же, стр. 25.
***) Т.-е. данныя условія несогласны съ современною дѣйствительностью.
****) *Meitzen*: „Geschichte, Theorie und Technik der Statistik". 1886, p. 108.
*****) 1770—1840. *Русская Школа*, 1894 г., № 1. Статья С. Шохоръ-Троцкаго.

учить ихъ тому, что они должны дѣлать *сами*, чтобы научиться тому, чему ихъ учатъ». Конечно, связь преподавателя съ этими самостоятельными работами студентовъ должна устанавливаться и укрѣпляться гдѣ-то помимо лекцій, представляющихъ собою главное оффиціальное русло преподаванія въ нашихъ высшихъ школахъ; лекціи должны представлять собою лишь небольшую долю связи между преподавателемъ и учащимся въ дѣлѣ изученія предмета. Къ самостоятельности работы тѣсно примыкаетъ ея индивидуальность. Хотя еще Платонъ указывалъ необходимость для преподавателей знакомиться со спеціальными интересами учащихся, преобладаніе шаблоновъ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ до сихъ поръ сильно тормозитъ осуществленіе этого совѣта. Въ классной и курсовой системѣ занятій, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Н. А. Любимовъ *), все устроено для фантастическаго *средняго* учащагося. Необходимо выставить на первый планъ живого учащагося и съ его силами и склонностями сообразовать родъ работы, предлагаемой вниманію учащихся. Прежде, чѣмъ перейти къ содержанію статистическихъ занятій, желательныхъ со стороны студента, отмѣтимъ еще два общихъ условія, которымъ должны были бы удовлетворять студенческія работы. Работы эти должны имѣть объективный результатъ, который навсегда останется для самого учащагося памятникомъ его учебныхъ упражненій; этотъ результатъ, если онъ добывается въ учебномъ заведеніи, долженъ подвергаться критикѣ со стороны товарищей и преподавателя, чтобъ осуществить настоящую совмѣстную работу по изученію даннаго предмета; и ложные шаги начинающаго изслѣдователя могутъ принести ему самому и его товарищамъ не меньше пользы, чѣмъ шаги правильные. Итакъ, центръ тяжести статистическихъ занятій учащагося заключается, по нашему мнѣнію, въ самостоятельной обработкѣ темъ по статистикѣ.

Многихъ затрудняетъ выборъ этихъ темъ. Учащіеся вправѣ ждать отъ преподавателя, чтобы онъ съ своей стороны предлагалъ какія-нибудь темы. Но при прочихъ равныхъ условіяхъ тема, намѣченная самимъ учащимся, разрабатывается живѣе и успѣшнѣе, чѣмъ тема, назначенная извнѣ; наилучшій результатъ, кажется, получается, когда постановка темы обсуждается совмѣстно преподавателемъ и исполнителемъ работы. Въ статистикѣ есть одна группа темъ, которая легко можетъ заинтересовать большинство учащихся: это—темы географическія, относящіяся къ изображенію общественной жизни (въ частности, напримѣръ, хозяйственной дѣятельности) въ той мѣстности, которая непосредственно знакома занимающемуся. Тотъ, кто заранѣе знаетъ форму приложенія своего научнаго образованія, можетъ подходить къ статистическимъ занятіямъ съ опредѣленными заранѣе намѣченными цѣлями. Это примѣнимо, напримѣръ, къ лѣсо-хозяйственному образованію, гдѣ большинству учащихся суждена въ будущемъ одна опредѣленная профессія. Значительно рѣже случается это въ общемъ агрономическомъ образованіи, гдѣ лица, предугадывающія свою будущую профессію, состав-

*) *Научн. Обозр.* 1896 г., № **14**.

ляютъ и должны составлять меньшинство. Но и здѣсь прошедшая жизнь можетъ связывать учащагося съ географическими темами. Какъ въ школьной географіи занятія могутъ начинаться съ классной комнаты, такъ и въ статистикѣ учащійся можетъ заняться, прежде всего, характеристикою населенія и промышленности своей народной мѣстности. Наиболѣе легкій для начинающаго объемъ характеристики по русскимъ матеріаламъ—размѣры одной губерніи: многія массовыя свѣдѣнія у насъ не дробятся въ публикаціи дальше погубернскихъ единицъ. Какова бы ни была статистическая тема, которую выберетъ себѣ занимающійся, будетъ ли она относиться къ населенію и хозяйству отдѣльной мѣстности или явится приложеніемъ статистическаго метода къ рѣшенію какого-нибудь общаго вопроса, занимающійся не долженъ смотрѣть на свою работу какъ на что-то совершенно новое для него. Тема непремѣнно должна такъ или иначе связываться съ прежде проявившимися интересами и съ самостоятельными работами студента по другимъ дисциплинамъ.

Первая часть статистической работы есть во всякомъ случаѣ изученіе матеріала. Только тотъ, кто болѣе или менѣе основательно ознакомится со статистическимъ матеріаломъ, можетъ потомъ правильно примѣнять его къ изслѣдованію общества. Матеріалъ массовыхъ наблюденій надъ человѣческимъ обществомъ представляется намъ въ формѣ книгъ. Но книги въ изученіи статистики имѣютъ особое значеніе. Въ дисциплинахъ умозрительныхъ, экспериментальныхъ и даже покоящихся на однопредметномъ наблюденіи типическихъ явленій книги могутъ явиться матеріаломъ только для компилятивныхъ и въ лучшемъ случаѣ для критическихъ работъ; въ занятіяхъ массовыми наблюденіями книги, вѣрнѣе напечатанныя въ книжной формѣ количественныя данныя, являются настоящимъ матеріаломъ для самостоятельныхъ творческихъ изслѣдованій. Такую же роль въ историческомъ наблюденіи играютъ памятники. Не безъ основанія Фриманъ совѣтуетъ профессору исторіи помнить, что въ «настоящее время самая остроумная и самая краснорѣчивая лекція должна представлять собою только комментарій къ источникамъ, къ текстамъ» *). «Сущность всякаго здраваго историческаго преподаванія,—по словамъ того же Фримана,—въ томъ положеніи, что историческое изслѣдованіе, не основанное на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакой цѣнности» **). Это, можетъ быть, уже слишкомъ рѣзкій приговоръ: иногда и по источникамъ, заимствованнымъ изъ вторыхъ рукъ, пріобрѣтшій нѣкоторую опытность изслѣдователь можетъ получить цѣнные выводы. Но въ педагогическомъ отношеніи, особенно для начинающаго, такъ называемые первоисточники всегда заслуживаютъ предпочтенія. Ознакомленіе учащагося съ матеріаломъ входитъ, конечно, въ прямыя обязанности преподавателя, и здѣсь-то занятія съ руководителемъ стоятъ несомнѣнно въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ самообразованіе.

*) *Методы изученія исторіи* 1893 г., стр. 14.
**) Тамъ же, стр. 99.

Откуда взять наиболѣе подходящій матеріалъ, какой матеріалъ является наиболѣе оригинальнымъ—это такіе вопросы, въ которыхъ на первыхъ шагахъ изслѣдователю трудно обойтись безъ посторонней помощи. Какъ только явится небольшой навыкъ, занимающійся можетъ въ предѣлахъ своей спеціальной темы быстро догнать и перегнать руководителя. Кромѣ преподавателя немаловажнымъ подспорьемъ при подборѣ матеріала являются библіографическіе указатели по статистической литературѣ *). На-ряду съ матеріаломъ изъ тѣхъ же указателей занимающійся почерпнетъ свѣдѣнія о попавшихъ въ печать прежнихъ изслѣдованіяхъ по интересующему его вопросу. Уже при самомъ подборѣ матеріала изслѣдователь вырабатываетъ чрезвычайно важные навыки,—навыки критическаго отношенія къ матеріалу. Но во всякомъ случаѣ полезно, прежде, чѣмъ приступить къ обработкѣ матеріала, остановиться особо на общей критикѣ собраннаго матеріала, взятаго въ совокупности. Здѣсь не умѣстно входить въ подробное изложеніе того, изъ чего должна состоять критика статистическаго матеріала **). Напомнимъ только, что изслѣдователю нельзя не задать себѣ вопросовъ о томъ, кто собиралъ матеріалъ, по какимъ программамъ и какими способами, какъ давались показанія, какъ сводился и группировался матеріалъ. При существованіи различныхъ источниковъ по статистикѣ тѣхъ же предметовъ и явленій, слѣдуетъ сопоставлять данныя разныхъ источниковъ. Менѣе достовѣрные источники не всегда, однако, могутъ быть отброшены при наличности болѣе достовѣрныхъ: такъ называемая «административная» статистика, обыкновенно, обнимаетъ такое большое число случаевъ, которое недоступно частному изслѣдователю. Обращеніе съ матеріаломъ почти всегда суживаетъ первоначально намѣченную изслѣдователемъ тему: статистическое изслѣдованіе не только ограничено дѣйствительностью, которая уже подвергалась массовой количественной регистраціи,—важнѣйшимъ послѣдствіемъ обращенія съ матеріаломъ мы считаемъ убѣж-

*) Для русской хозяйственной статистики изъ такихъ указателей мы назовемъ слѣдующіе: *В. И. Межовъ*: „Литература русской географіи, этнографіи и статистики съ 1859 по 1880 гг.“ (въ приложеніи къ *Извѣстіямъ геогр. общества*).—*С. Каратаевъ*: Библіографія финансовъ, промышленности и торговли“. Спб., 1880 г.—*И. И. Янжулъ*: „Книга о книгахъ“. М., 1892 г.—*Н. А. Бунге* и *В. К. Савинскій*: „Указатели литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естеств. наукамъ“. Кіевъ.—*И. Педе* и *Н. Н—въ*: „Роспись отдѣльныхъ книгъ и брошюръ по сельскому хозяйству (1730-1884 гг.)“. Вып. I—II. М., 1888—89 г.—*Г. К. Замыцкій*, *Столыпинъ*, *В. И. Филипьевъ*, *А. Д. Педатенко*: „Указатели книгъ, журн. и газетн. статей по сельск. хозяйству“ (въ приложеніи къ *Годамъ въ сельск. хоз. отношеніи*“ съ 1884 по 1894 г.).—*Вереха* и *Рудзкій*; „Литература русскаго лѣсоводства“. Спб., 1878 года.—*Вереха*: „Указатель лѣснаго журнала за 20 лѣтъ“ (1871—90). — *Мельниковъ*; „Указатель лѣснаго журнала за 5 лѣтъ (1891 — 95)“. 1896 г. — *В. В. Степановъ*; „Библіографическій обзоръ изданій центр. стат. комитета. Спб., 1895 г.

Для иностранной статистики богатые списки свѣжихъ матеріаловъ имѣются въ ежегодномъ изданіи *Keltie* „The Natesman's Year book“.

**) Очеркъ пріемовъ этой критики данъ нами во введеніи къ *Сельско-хозяйственной статистикѣ Европейской Россіи*. М., 1893 г.

деніе человѣка въ неизбѣжной погрѣшимости человѣческихъ наблюденій; такое убѣжденіе является только при самостоятельномъ знакомствѣ съ оригинальнымъ матеріаломъ. Заимствованіе наблюдательнаго матеріала на вѣру, изъ вторыхъ рукъ, часто уживается съ искреннимъ убѣжденіемъ въ совершенной непреложности зарегистрованныхъ количественныхъ отношеній.

Отъ матеріала обратимся къ его разработкѣ. Всякому понятно, что статистическій матеріалъ подбирается занимающимся не для того, чтобы сдѣлаться объектомъ запоминанія. Милліоны фактовъ могутъ быть быстро усвоены хорошею памятью и столь же быстро испариться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но методъ научнаго изслѣдованія, разъ онъ усвоенъ путемъ собственныхъ упражненій, не забывается или если повидимому и забывается, то возстановляется въ очень короткое время. Кто изъ насъ можетъ забыть извлеченіе квадратнаго корня или логариѳмированіе, если въ этихъ умственныхъ операціяхъ была надлежащая практика? Приступая къ самостоятельному примѣненію статистическаго метода, изслѣдователь съ пользою можетъ употребить нѣкоторое время на ознакомленіе съ методологіею и исторіей статистики и съ общею постановкою статистической техники. Здѣсь помимо преподавателя поможетъ, конечно, и настоящее книжное чтеніе *). Но при современной постановкѣ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ мы настоятельно рекомендуемъ не откладывать попытки собственной работы до основательнаго ознакомленія съ методикою предмета по литературнымъ источникамъ. Для первыхъ шаговъ нужны лишь самыя общія понятія, и самостоятельная работа можетъ идти совмѣстно съ продолженіемъ статистическаго чтенія. Планъ работы непремѣнно уже былъ начатъ тогда, когда изслѣдователь знакомился съ матеріаломъ; окончаніе этого плана возможно лишь теперь, когда сырая работа пріостановилась. Намъ представляется, что всякій статистическій матеріалъ, каково бы ни было его содержаніе, долженъ быть разсмотрѣнъ по отношенію къ его географическимъ измѣненіямъ; весьма желательно, хотя не всегда возможно, прослѣдить измѣненія во времени. Далѣе опредѣляется вліяніе, которому изучаемое явленіе подвергается со стороны разнообразныхъ причинъ (климата и почвы, населенія, хозяйственныхъ фактовъ и др.). Кажущееся разнообразіе пріемовъ научной разработки матеріала не должно страшить начинающаго; вѣдь и въ химической лабораторіи работы Петрова имѣютъ неизбѣжныя субъективныя отличія отъ работъ Иванова, и, тѣмъ не менѣе, тѣ и другія могутъ приводить къ одинаково цѣннымъ выводамъ. Общая схема статистическаго анализа довольно близко подходитъ къ той схемѣ историческаго анализа, которая дана Тэномъ **). По Тэну, элементы науч-

---

*) На русскомъ языкѣ рекомендуемъ начинать съ книги *А. И. Чупрова*: „Статистика" (1895 г.), а затѣмъ штудировать *Ю. Э. Янсона* („Теорія и исторія статистики". Изд. 2. Спб., 1891 г.). На нѣмецкомъ языкѣ недавно появилась „Theoretische Statistik" v. *Georg Mayr*. 1895 г. Владѣющіе итальянскимъ языкомъ извлекутъ много пользы изъ книги *Gabaglio* „Teoria generale della statistica". Milano, 1888.

**) *Вѣстникъ Европы*: 1894 г., № 9. Статья В. И. Герье.

наго анализа суть: 1) анализъ установившихся, принятыхъ въ общемъ оборотѣ понятій, сведеніе ихъ на факты и взаимныя отношенія фактовъ; 2) анализъ самихъ фактовъ ради ихъ размноженія и 3) подведеніе каждой группы фактовъ подъ ихъ причину (господствующій фактъ), выясненіе законовъ явленія. Анализомъ понятій не слѣдуетъ пренебрегать при встрѣчѣ съ такими повидимому совершенно ясными предметами, какъ число душъ населенія, площадь пашни, количество лошадей и т. п. Размноженіе фактовъ и отыскиваніе причинности сопряжены съ нѣкоторыми механическими пріемами статистической техники, которые слѣдуетъ по возможности облегчать. Не слѣдуетъ, напримѣръ, игнорировать той формы, въ которой дѣлаются выборки матеріала, назначаемаго для разработки. Экономія времени заставляетъ дѣлать выборки въ возможно болѣе дробной формѣ, которая позволитъ использовать матеріалъ въ разнообразныхъ направленіяхъ: выборки на карточкахъ (отдѣльныхъ листочкахъ бумаги) заслуживаютъ предпочтенія передъ выборками въ тетрадкахъ или на большихъ листахъ. При подсчетахъ новички часто теряютъ много времени въ погонѣ за излишнею точностью вычисленій; въ значительномъ большинствѣ случаевъ десятая доля процента—совершенно достаточный предѣлъ точности опредѣляемыхъ статистикою отношеній. Располагая разрабатываемыя данныя въ видѣ основныхъ и вспомогательныхъ таблицъ, учащійся не долженъ пренебрегать и графиками, которые помогаютъ уловить общіе контуры географическихъ и хронологическихъ измѣненій изучаемаго явленія. Изъ числа единообразій прежде всего подмѣчаются географическія единообразія, такъ называемыя единообразія существованія и хронологическія единообразія или повторяемость во времени. Послѣднія оставляютъ обыкновенно большее впечатлѣніе, и учащіеся обыкновенно съ большею охотой останавливаются на историческихъ темахъ, дающихъ болѣе убѣдительные выводы. Мы болѣе склонны объяснять случайностью географическія сосуществованія, чѣмъ повторяемость явленій во времени. Географическое изученіе предмета въ статистикѣ сопоставляетъ количественныя данныя съ картою, хронологическое изученіе съ естественнымъ теченіемъ времени. Далѣе представляется возможность многочисленныхъ взаимныхъ сопоставленій, для чего изучаемыя данныя должны быть расположены въ видѣ рядовъ, по крайней мѣрѣ двухъ: одинъ рядъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ темѣ работъ—есть рядъ функцій или предполагаемыхъ слѣдствій; другой рядъ — рядъ независимыхъ перемѣнныхъ или предполагаемыхъ причинъ. Такъ какъ, въ виду сложности общественныхъ явленій, мы не вправѣ ожидать полной правильности въ измѣненіи отдѣльныхъ количественныхъ отношеній въ связи съ измѣненіемъ ихъ предполагаемыхъ причинъ, мы употребляемъ различные пріемы группировки; группы устанавливаются по восходящему или по нисходящему ряду независимыхъ перемѣнныхъ; сообразно опредѣленному измѣненію этихъ сгруппированныхъ уже предполагаемыхъ причинъ ожидается правильное измѣненіе соотвѣтственныхъ функцій. Сопоставленіе рядовъ ведетъ къ болѣе или менѣе правдоподоб-

нымъ предположеніямъ о происхожденіи явленій; умѣнье дѣлать предположенія должно быть предметомъ стремленій каждаго студента. При изслѣдованіи причинности статистически установленныя данныя могутъ сопоставляться между собою; но къ сопоставленію могутъ привлекаться и постороннія данныя, не принадлежащія, строго говоря, къ области статистики, но основанныя на наблюденіи природы и общества; таковы разныя данныя географіи, метеорологіи, исторіи, правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія. Статистику должна быть предоставлена свобода въ выборѣ «реактивовъ», т.-е. предполагаемыхъ причинъ, съ которыми онъ хочетъ сопоставить изучаемое явленіе. При всемъ томъ нельзя отрицать доли пользы и за такъ называемыми схемами причинъ; главныхъ классовъ въ этихъ схемахъ обыкновенно два: природа и человѣческая общественная жизнь. Результатомъ статистическаго изслѣдованія должна явиться установка какихъ-нибудь законовъ или, скромнѣе выражаясь, законосообразностей. «Статистическіе законы,— говоритъ Майръ *),— суть только низшій родъ соціальныхъ законовъ, а именно—законы соціальныхъ массъ. Они принадлежатъ къ группѣ эмпирическихъ законовъ и носятъ характеръ относительности, т.-е. историческаго и географическаго распредѣленія (Abstufung)». Майръ подраздѣляетъ статистическіе законы на законы состоянія, частоты, развитія и причинности. Всѣ эти законы не суть законы того, что̀ должно быть (des Sollens), но того, что̀ есть и дѣлается (des Seins und Gewordenseins). Въ самостоятельной работѣ учащагося намъ остается еще только одна ступень—провѣрка полученныхъ выводовъ. Провѣрка дѣлается двумя путями: съ помощью умозрѣнія и съ помощью сличенія результатовъ собственной работы съ результатами чужихъ работъ. Надежные индуктивные выводы должны подкрѣпляться соотвѣтствующими умозрѣніями; студентъ стремится быть мыслителемъ, а истинный мыслитель долженъ соединять въ себѣ наблюдателя и экспериментатора съ силлогистомъ. Литературное знакомство съ чужими выводами по изслѣдуемому вопросу, какъ намъ кажется, можетъ съ большею пользою заключать работу, чѣмъ начинать ее. При ограниченности учебнаго времени углубляться въ литературу едва ли возможно; слѣдуетъ ограничиться ознакомленіемъ лишь съ нѣкоторыми изъ предшественниковъ, и въ этомъ отношеніи опять приходится вспомнить о помощи преподавателя и библіографическихъ указателей.

Все, что мы говорили, относилось къ активной работѣ лица, начавшаго заниматься статистикою. Но на-ряду съ этою активною работой существуетъ и всѣмъ извѣстная пассивная работа, значеніе которой вовсе не маловажно, хотя, по нашему крайнему убѣжденію, уступаетъ значенію активной работы въ студенческой жизни. Подъ пассивными занятіями мы разумѣемъ ознакомленіе съ предметомъ изъ лекцій преподавателя, изъ литографированныхъ и печатныхъ курсовъ, учебниковъ, руководствъ. Все это полезныя подспорья къ самостоятельной работѣ, но ни въ какомъ случаѣ

---

*) *Theoretische Statistik*, 1895, p. 122.

не замѣна ея. Преподаватель или учебникъ стремится провести передъ вниманіемъ занимающагося цѣлый рядъ фактовъ и основанныхъ на изученіи этихъ фактовъ правильностей и законосообразностей; конечно, лишь очень немногіе факты могутъ сдѣлаться объектомъ научнаго статистическаго изслѣдованія со стороны студента, но каждый фактъ можетъ напоминать студенту о значеніи статистики, и многіе факты могутъ быть удачно сопоставлены съ результатами собственныхъ работъ занимающагося. Для учащагося въ высшемъ учебномъ заведеніи среди этихъ фактовъ встрѣтится много знакомаго. Помимо тѣхъ статистическихъ знаній, которыя доставляются намъ ежедневнымъ чтеніемъ, каждый изъ насъ выноситъ статистическія свѣдѣнія и изъ средняго образованія, гдѣ эти свѣдѣнія присоединяются преимущественно къ курсу географіи. Высшее образованіе требуетъ провѣрки этихъ знаній, но не должно игнорировать работы, уже затраченной на ихъ пріобрѣтеніе. Кромѣ того, преподаватель долженъ такъ или иначе систематизировать научный матеріалъ и показывать учащимся примѣръ собственной работы; одновременно исполнять самостоятельныя работы по всѣмъ и даже по многимъ отдѣламъ науки преподаватель не можетъ, и при ограниченности времени наши курсы состоятъ преимущественно изъ группировки и первоначальнаго анализа матеріаловъ.

Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго раза, но глубина отдѣльной студенческой работы должна быть больше, чѣмъ средняя глубина курса, предлагаемаго общему вниманію всѣхъ студентовъ. Лекціонное изложеніе, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Н. А. Любимовъ *), «въ огромномъ большинствѣ случаевъ, а въ области наукъ нравственныхъ почти всегда, есть изложеніе сценическое, расположенное такъ, чтобы произвести желаемый эффектъ, не допуская зрителя за кулисы. Но переходъ отъ иллюзіи къ правдѣ требуетъ повсюду именно проникновенія за кулисы».

Преподаватель, приглашающій зрителей поскорѣе пройти за кулисы, конечно, жертвуетъ яркостью сценическаго впечатлѣнія, но, кажется, поступаетъ основательно, если только онъ не обладаетъ выдающимися сценическими дарованіями, способными удерживать вниманіе ежедневныхъ посѣтителей «театра». Выборъ знаній, назначаемыхъ для общаго курса или ученика, представляетъ не мало затрудненій даже для опытныхъ преподавателей. Однимъ изъ враговъ истиннаго знанія является эрудиція или знаніе черезчуръ многочисленныхъ детателей, въ которыхъ «умъ,—какъ говоритъ Гюйо **),—теряется и истощается». Конечно, преподаватель, излагая факты, не можетъ не желать, чтобы существеннѣйшіе изъ этихъ фактовъ закрѣпились въ памяти слушателей. Но онъ, конечно, стремится къ достиженію прочнаго запоминанія, а эта прочность можетъ явиться лишь при небольшомъ объемѣ запоминаемаго, да и достойными запоминанія могутъ быть, конечно, лишь немногіе факты. Тѣ экзамены, о которыхъ упомина-

*) *Научное Обозрѣніе* 1895 г., № 50.

**) *Педагогич. Сборникъ* 1891 г., № 2.

етъ Ригъ *) и которые для большинства означаютъ только дозволеніе забыть выученное, тѣ дипломы, которые тотъ же Ригъ отождествляетъ съ привиллегіей опять сдѣлаться невѣждой, конечно, слишкомъ мало помогаютъ движенію научной мысли. Нагруженная память мѣшаетъ работѣ критической мысли и научнаго творчества. Съ людьми, загромождающими свою память обильнымъ матеріаломъ, приходится мысленно повторять замѣчаніе Θемистокла, который, когда Симонидъ предложилъ Θемистоклу научить его искусству помнить, сказалъ: «научи меня лучше искусству забывать» **). Не даромъ Пиθагоръ преподавалъ краткими афоризмами и говорилъ, что мы знаемъ лишь настолько, насколько что-либо прочно запомнили ***). Крайне трудно для преподавателя безъ бесѣды съ учащимися убѣдиться въ томъ, насколько прочно воспринимается тотъ матеріалъ, который преподаватель считаетъ достойнымъ запоминанія. Для разныхъ лицъ требуются различныя вѣхи, съ которыми могутъ связываться новыя познанія. Сама память имѣетъ весьма разнообразныя формы: у одного преобладаетъ такъ называемая типографическая форма, у другого—слуховая, у третьяго—двигательная ****). Опытный преподаватель можетъ помочь легчайшему усвоенію матеріала при разныхъ формахъ памяти, но для этого, конечно, ему нужно знакомство съ индивидуальными свойствами занимающагося.

Какъ бы то ни было, мы въ концѣ концовъ не отрицаемъ и въ высшемъ образованіи, и въ самообразованіи полезности изученія нѣкоторой системы фактовъ, составляющей въ нашемъ предметѣ такъ называемую спеціальную статистику. По Майру *****), систему практической статистики составляютъ демологія, нравственная статистика, статистика образованія, хозяйственная статистика и политическая статистика (т.-е. статистика государственнаго устройства); систему практической статистики Майръ отождествляетъ съ точнымъ обществовѣдѣніемъ (exacte Gesellschaftslehre). Для нашихъ цѣлей здѣсь, конечно, всего важнѣе хозяйственная статистика. Но начинать изученіе спеціальной статистики все-таки удобнѣе съ демологіи или демографіи. Помимо того, что въ хозяйственной дѣятельности все дѣлается человѣкомъ и для человѣка, въ демографіи статистическія правильности достигли наибольшаго обобщенія; всеобщая сельско-хозяйственная статистика еще не написана, между тѣмъ какъ для всеобщей демографіи мы имѣемъ кое-какіе опыты.

Итакъ, двинемся въ путь и послѣ краткаго очерка исторіи и современнаго положенія статистическихъ матеріаловъ, а также важнѣйшихъ пунктовъ методологіи разсмотримъ нѣкоторые результаты примѣненія статистическаго метода къ изученію населенія и хозяйственнаго быта. И все-таки на-ряду съ этою общею торною дорогой приглашаю каждаго изъ слуша-

*) *Педагогич. Сборникъ* 1891 г., № 2.

**) *Сёлли*: „Основныя начала психологіи“. 1887 г., стр. 152.

***) *К. Шмидтъ*: „Исторія педагогіи“. Т. I. М., 1890 г., стр. 442.

****) *Каптеревъ*: „Русская Школа“ 1894 г., № 1.

*****) *Teoretische Statistik* 1895, p. 123.

телей прокладывать собственную самостоятельную тропинку и возможно скорѣе приступить къ разработкѣ отдѣльной темы въ видѣ ли характеристики мѣстности, или въ видѣ статистическаго отвѣта на какіе-нибудь вопросы. Для примѣра предлагаю нѣсколько вопросовъ такого рода:

1) Сильно ли тяготѣетъ современный человѣкъ къ городской жизни? 2) Часто ли жители Россіи заболѣваютъ болотною лихорадкой и каково значеніе этихъ заболѣваній? 3) Какъ и въ зависимости отъ чего видоизмѣняется въ Россіи процентъ взрослаго лѣса къ общей лѣсной площади? 4) Каковы размѣры площади подъ гречихой, измѣненіе этой площади во времени, пріемы обработки, посѣва и урожаи гречихи? 5) Равномѣрно ли распредѣлено въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ пользованіе лошадьми и каковы примѣненія этой равномѣрности съ теченіемъ времени?

Въ заключеніе мы можемъ спросить себя, нужно ли заниматься статистикою въ стѣнахъ агрономической школы. Если бы агрономическое учебное заведеніе было заведеніемъ техническимъ, мы не рѣшились бы дать категорическаго отвѣта на послѣдній вопросъ, и еслибъ допустили статистику въ программу заведенія, то не въ такомъ видѣ. Но мы находимся въ стѣнахъ научной школы (хотя бы и спеціальной) и потому не колеблясь отвѣчаемъ: да нужно, научное образованіе не достижимо безъ упражненія въ методахъ научнаго изслѣдованія. Двадцать лѣтъ тому назадъ во Франціи, послѣ 25-лѣтняго перерыва, возрождалось агрономическое образованіе. Шли горячіе споры о томъ, какой строй придать вновь учреждавшемуся національному агрономическому институту. Тисгеранъ, признавая соблазнительною на первый взглядъ мысль о соединеніи научнаго и ремесленнаго образованія, называлъ ее въ то же время наименѣе осуществимою въ примѣненіи къ высшему образованію. Онъ называлъ химерою «стремленіе создать посредствомъ школы какихъ-то универсальныхъ техниковъ-агрономовъ, способныхъ немедленно по выходѣ изъ школы справляться съ безчисленною массою комбинацій, изъ которыхъ слагается успѣшное веденіе единичнаго хозяйства» *). Къ счастью, большинствомъ совѣщавшихся было принято мнѣніе Барраля, высказавшагося противъ обращенія агрономической школы въ мѣсто подготовки хозяевъ-практиковъ. Національный институтъ сдѣлался научною школою, присоединился къ тому типу, который уже существовалъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ Вѣнѣ и немногимъ позднѣе возникъ въ Берлинѣ. Когда-нибудь люди признаютъ основательными взгляды Кондорсе, который, отдѣляя научныя школы отъ элементарныхъ и профессіональныхъ, ставилъ для научныхъ школъ задачею создавать людей, могущихъ новыми открытіями и изобрѣтеніями содѣйствовать прогрессу человѣчества **). Работа студенческой мысли представляетъ собою сущность научной школы. Все остальное—лабораторіи, кабинеты, музеи, библіотеки, скрывающія въ себѣ, между прочимъ, горы

*) *Русская Школа* 1894 г., № 11.

**) *Вѣстн. Европы* 1894 г., № 4, ст. М. М. Ковалевскаго.

статистическихъ таблицъ—это только лѣса, а не самая постройка; постройка возводится въ видѣ работы студенческой мысли.

Едва ли особую заманчивость могла бы для преподавателя представить обязанность начинять ежегодно головы полусотни людей фактами, хотя бы выборъ фактовъ и былъ предоставленъ самому преподавателю. Но помочь хотя бы 10 человѣкамъ въ годъ овладѣть главными пріемами изслѣдованія по любимому предмету, помочь развертываться пытливой мысли, которая можетъ потомъ охватить необозримые горизонты, поддерживать съ людьми живыя сношенія на почвѣ любимаго предмета—это такое наслажденіе, благодаря которому преподаваніе становится дѣйствительно пріятнѣйшимъ занятіемъ.

А. Фортунатовъ.

Начало скептическаго движенія въ Италіи.

The skeptics of the italian Renaissance.

I.

Есть цѣлая категорія умственныхъ движеній, которыя трудно причислить какъ къ историко-философскимъ, такъ и къ историко-литературнымъ явленіямъ. Гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, заброшенномъ углу Европы или Азіи рождается мысль, вѣрнѣе—настроеніе, стремящееся перейти въ мысль. Съ изумительною быстротой это настроеніе охватываетъ все большія и большія массы людей, мѣняетъ ихъ жизнь, вызываетъ борьбу и вліяетъ въ концѣ концовъ на судьбы цѣлыхъ государствъ. Хронографы, монастырскіе лѣтописцы, просвѣщенные латинскою грамотностью епископы, словомъ, всѣ тѣ люди, которымъ мы обязаны знакомствомъ съ событіями тысячелѣтняго періода исторіи,—всѣ эти современники умственныхъ броженій, конечно, обращаютъ на нихъ вниманіе и стараются добросовѣстно дать потомкамъ отчетъ о нихъ. Что же они дѣлаютъ? Они излагаютъ тѣ ученія, которыя, повидимому, служатъ непосредственною причиной борьбы и важныхъ происшествій, вліяющихъ на судьбы народовъ. Но, вѣдь, главною силой была не доктрина, а настроеніе, можетъ быть еще и не успѣвшее, какъ слѣдуетъ, кристаллизоваться въ видѣ мысли,—слѣдовательно, толкомъ мы, все-таки, мало что будемъ знать о движеніи. Да и помимо того, излагать рядъ мыслей, еще не выработанныхъ, не установившихся, противорѣчащихъ другъ другу, въ высшей степени трудно даже при совершенно спокойномъ, критическомъ отношеніи къ нимъ со стороны излагающаго; а если принять во вниманіе почти всегда озлобленный, обличительный тонъ, который отличаетъ средневѣковыя лѣтописи въ мѣстахъ, посвященныхъ ересямъ и другимъ умственнымъ революціямъ,—то станетъ совершенно ясно, какъ мало и какъ неумѣло передано намъ о многочисленныхъ движеніяхъ первостепенной исторической важности. Никто не станетъ спорить также, что то хаотическое смѣшеніе чужихъ и своихъ мыслей, которое лѣтописцы будутъ намъ выдавать за ученіе секты, никоимъ образомъ не можетъ стать предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія со стороны историка философіи или исто-

рика литературы. Что касается новой исторіи, то она отличается выгодно отъ средневѣковой лишь въ томъ отношеніи, что здѣсь мы имѣемъ гораздо больше фактическихъ данныхъ и о движеніяхъ, и о доктринахъ. Но и здѣсь историку философіи дѣлать нечего. Главная сила доктринъ, вызывающихъ народныя броженія, заключается вовсе не въ ихъ внутренней убѣдительности и не въ ихъ логической красотѣ и не въ ихъ новизнѣ, а только въ томъ, насколько удачно онѣ служатъ внѣшнимъ выраженіямъ, вывѣской того настроенія, которое движетъ массами и волнуетъ ихъ. Изученіе всѣхъ идейныхъ народныхъ движеній—дѣло историка жизни этого народа, а не историка его философіи или литературы. Богомильская ересь вліяла на судьбы не только всего славянскаго міра, но и Европы, а попробуйте изложить философему богомиловъ, и вы увидите, насколько легче толковать объ убѣжденіяхъ самаго непослѣдовательнаго схоластика, чѣмъ знакомиться самому и знакомить другихъ съ этимъ собраніемъ поразительныхъ нелѣпостей и самыхъ фантастическихъ выдумокъ. Преслѣдованіе вѣдьмъ играло огромную роль во всей германской Европѣ и на Британскихъ островахъ, оно оставило отпечатокъ на всемъ строѣ мысли милліоновъ людей, а уловить хотя бы главныя черты теоретическаго обоснованія демонологіи такъ затруднительно, что, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ историкъ вѣдовства и вѣры въ нечистую силу не сдѣлалъ этого достаточно удовлетворительно *).

Вотъ примѣры, число которыхъ можно было бы легко умножить и которые показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что весьма часто общенародныя широкія движенія имѣютъ такую ничтожную и неясную теоретическую подкладку, что не могутъ представить для исторіи философіи или исторіи литературы никакого интереса. Скептическая мысль въ Европѣ за свою многолѣтнюю жизнь прошла нѣсколько фазисовъ. Она зародилась чуть ли не въ одно время въ арабской Испаніи, въ Италіи и Южной Франціи—и, увлекая массы народа, много вѣковъ существовала въ видѣ смутнаго, не выяснившагося съ достаточной опредѣленностью позыва. Она сразу стала idée-force; ее преслѣдовали, она боролась, но во всей своей полнотѣ со всѣми возможными логическими выводами, она долго не была охвачена людскимъ сознаніемъ. Наступило Возрожденіе, пришла реформація—и скептицизмъ въ геніальной головѣ Помпонацци впервые получилъ теоретическое оправданіе и сталъ философскою системой. Со времени Помпонацци, Джіордано Бруно и Ванини скептицизмъ—уже не только стихійное умственное движеніе, но и опредѣленное философское и литературное направленіе. Такимъ образомъ, будучи сначала объектомъ изученія для историка Европы, скептическая мысль съ XVI вѣка становится уже интереснымъ явленіемъ и для историка европейской философіи (для историка литературы она важна

*) Ближе всѣхъ подходятъ къ рѣшенію этой задачи *Lecky* въ своей „History of the rise and influence of the spirit of Rationalism in Europe“ и *Maury* въ „Histoire de Magie“.

уже со времени Боккаччіо). Исторія скептической мысли очень сложна и требуетъ большой способности, со стороны занимающагося ею, обращаться съ тѣмъ хаотическимъ матеріаломъ, который находится въ его распоряженіи. Нужно всматриваться во всѣ событія скептическаго движенія къ концѣ среднихъ вѣковъ, нужно разбирать всѣ метафизическія ухищренія философскихъ трактатовъ XVI и XVII столѣтій—и все время не терять изъ виду одной, чисто-исторической точки зрѣнія, не забывать о той огромной соціальной роли, которую сыгралъ скептицизмъ въ исторіи человѣчества и въ эволюціи культуры. Знакомство со всѣми безъ исключенія открытыми первоисточниками и съ важнѣйшими явленіями въ области литературы предмета, умѣнье выставить въ яркомъ освѣщеніи всѣ, повидимому, ничтожныя, а на самомъ дѣлѣ весьма важныя проявленія зарождающагося невѣрія въ римскій догматъ, правильная, строго-логическая классификація причинъ, подготовившихъ почву для процвѣтанія и усиленія европейскаго скептицизма, вотъ достоинства, которыя такъ рѣдко бываютъ совмѣщены въ историкѣ идейной жизни и которыя такъ необходимы для созданія истинно-научнаго труда въ этой области историческаго знанія.

Ученый, работѣ котораго посвящена эта статья, съ избыткомъ обладаетъ всѣми перечисленными качествами. Джонъ Оуэнъ всю свою жизнь посвятилъ изученію исторіи скептической мысли, и, пожалуй, больше чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ уясненію многихъ темныхъ вопросовъ и мало извѣстныхъ сторонъ движенія, которое привело къ освобожденію и торжеству свободной мысли. Изъ-подъ его пера вышла исторія скептицизма въ началѣ и въ срединѣ среднихъ вѣковъ (*Evenings with the skeptics*, 2 тома), исторія скептицизма во Франціи, многочисленные очерки и характеристики свободныхъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Послѣднее изслѣдованіе Оуэна повященно исторіи скептической мысли въ Италіи и называется *Скептики итальянскаго возрожденія*. Этотъ весьма обширный трудъ раздѣляется на двѣ главныя части: въ первой авторъ говоритъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя подготовили въ Италіи такую благодарную почву для воспринятія свободныхъ идей, а во второй касается дѣятельности отдѣльныхъ писателей, такъ или иначе помогавшихъ пропагандѣ скептицизма въ началѣ новаго времени. Капитальныя достоинства и мелкіе недостатки разсматриваемой книги лучше всего выяснятся, когда мы обратимся къ послѣдовательному разбору этихъ двухъ главныхъ ея частей.

II.

Когда мы говоримъ о зарожденіи скептической мысли, то поневолѣ должны часто смѣшивать понятіе о скептицизмѣ съ понятіемъ о свободомысліи, хотя бы и вполнѣ понимали, что эти термины не тождественны. Но первоначальное робкое стремленіе по своему разсуждать объ ученіяхъ церкви до такой степени хронологически неразрывно связано съ конечнымъ недовѣріемъ къ римскому догмату, что отдѣлять одно отъ другого нѣтъ

никакой возможности. Оуэнъ, повидимому, держится того же мнѣнія и въ его книгѣ слово skepticism употребляется на-ряду съ выраженіемъ freethought совершенно въ одномъ и томъ же смыслѣ; однако, еслибъ онъ оговорился въ началѣ своего труда о той существенной разницѣ, которая существуетъ между названными понятіями, то, можетъ быть, ему удалось бы избѣжать многихъ неясностей и недомолвокъ, выступающихъ, какъ увидимъ, особенно рѣзко, когда авторъ говоритъ о Данте и Петраркѣ.

Но если для четырнадцатаго вѣка эти понятія должны быть совершенно отдѣлены другъ отъ друга, то, повторяю, о XII и XIII столѣтіяхъ можно говорить какъ о времени зарожденія свободной мысли, которая по своему характеру была враждебно настроена противъ церковной доктрины и въ этомъ смыслѣ ничѣмъ не отличается отъ любого проявленія позднѣйшаго скептицизма. Какъ же создалась почва для этой свободной мысли? Первая часть труда Оуэна, отвѣчающая на этотъ вопросъ, составляетъ безспорно лучшую половину книги. По мнѣнію автора, цѣлая сѣть самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ играла здѣсь огромную роль. Если мы начнемъ классифицировать причины зарожденія скептицизма по степени ихъ «важности», то мы рискуемъ произвести не малую путаницу и все-таки не представить удовлетворительнаго отчета о безконечно-сложныхъ элементахъ средневѣковой жизни, сдѣлавшихъ возможными жизнь и развитіе скептической идеи въ Европѣ. Лучшее, что можетъ сдѣлать историкъ, имѣющій къ тому же крайне скудные матеріалы, это—не мудрствуя лукаво, перечислить всѣ обстоятельства, которыя по его мнѣнію обусловили начало борьбы человѣческой мысли съ Римомъ. Единственная правильная классификація причинъ можетъ быть основана на ихъ происхожденіи: скептическія вѣянія шли извнѣ, передавались итальянцамъ и французамъ другими народами и, рядомъ съ этимъ, мысль порывалась къ своему освобожденію сама, безъ постороннихъ вліяній, а эти порывы отражались въ народной литературѣ и народной философіи и дѣйствовали на умъ и чувство окружающихъ.

Когда матеріальная сила властвуетъ надъ людьми безраздѣльно и когда большинство предано ей не только тѣломъ, но и душой, то оппозицію этой силѣ можетъ составить только другая, тоже матеріальная сила. Извѣстно, что первый протестъ противъ папства раздался съ высоты трона. Ожесточенный споръ папы съ императоромъ, униженіе Генриха и гибель Гильдебранда—вотъ первыя проявленія этой оппозиціи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Итальянское общество, со вниманіемъ слѣдившее за перипетіями этой борьбы, въ слѣдующую эпоху, во времена гвельфовъ и гибеллиновъ, уже ясно сознало и обобщило мотивы вражды свѣтской власти къ духовной и раскололось на партіи. Политическіе враги папы нечувствительно становились вольнодумцами, потому что святой отецъ безъ устали проклиналъ ихъ и клеймилъ безбожниками,—а ихъ союзникъ императоръ въ свою очередь ругалъ папу и издѣвался надъ нимъ. Вся справедливость давно высказаннаго мнѣнія, что авторитетъ папы получилъ смертельный ударъ

во время борьбы съ имперіей,—особенно явственно выступаетъ, когда мы разсматриваемъ событія первой половины XIII вѣка. Фридрихъ II уже имѣетъ подъ собою вполнѣ твердую и надежную почву какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Въ безчисленныхъ памфлетахъ, которыми приверженцы императора осыпаютъ папу, много разъ съ ироніей вопрошается: «Неужели намѣстникъ Христа долженъ обрызгивать своихъ противниковъ бѣшеной пѣной?» «Отчего папа такъ сердится, когда ему говорятъ, что у него незаконныя дѣти? Неужели онъ самъ признаетъ въ душѣ, что это правда?» и пр. Враждующія стороны обдавали другъ друга такой грязью, взводили другъ на друга такія нелѣпыя и ужасныя обвиненія, что даже при тогдашней нравственной небрезгливости обществу становилось неловко и друзья папы поневолѣ призадумывались. Правда, здѣсь мы имѣемъ пока дѣло съ сомнѣніемъ въ личныхъ доблестяхъ папы, а не съ сомнѣніемъ въ истинности католическихъ ученій, но разъ вспугнутая и встревоженная мысль уже не успокаивалась, отъ одного порядка убѣжденій переходила къ другому и всюду производила свои опустошенія. А одновременно и въ томъ же направленіи подъ зданіе римской теологіи подкапывались другія силы, которыя были неуловимы и неосязаемы, но тѣмъ опаснѣе для Рима и его ученій. Въ Испаніи жили магометане-арабы и частыя сношенія съ ними, какъ обстоятельно доказываетъ Оуэнъ, имѣли большое вліяніе на понятія итальянцевъ и жителей южной Франціи. Это вліяніе было двухъ родовъ: магометане учили христіанъ вѣротерпимости и спокойному любознательному отношенію къ чужой вѣрѣ, а также заносили уже прямо скептическія воззрѣнія, выросшія на почвѣ оппозиціи Корану и всецѣло примѣнявшіяся въ качествѣ боевого оружія противъ римскаго догматизма итальянскими свободными мыслителями. Сношенія съ магометанскимъ міромъ завязывались не только на западѣ отъ Италіи, но и на востокѣ. Отдаленныя страны Леванта, сначала бывшія объектомъ фантастическихъ легендъ и разсказовъ средневѣковыхъ паломниковъ, затѣмъ послужившія ареной многолѣтней борьбы крестоносцевъ съ сарацинами,—стали, наконецъ, начиная главнымъ образомъ съ XIII вѣка, почвой для оживленныхъ сношеній и торговаго обмѣна между аборигенами и католическимъ населеніемъ Средиземнаго побережья. Христіане знакомились съ чуждымъ міромъ, замѣчали всѣ его хорошія стороны, съ любопытствомъ присматривались къ религіи этихъ храбрыхъ воиновъ и честныхъ купцовъ и съ удивленіемъ сознавались себѣ, что если гнѣвъ Божій и тяготѣетъ надъ невѣрными, какъ утверждаетъ духовенство, то, во всякомъ случаѣ, это не очень замѣтно. Особенно сильное воспитательное значеніе имѣла въ данномъ случаѣ вѣротерпимость мусульманъ, которая не только царила въ дѣйствительности, но даже была возведена въ теорію. Равенство передъ Богомъ христіанъ, магометанъ и евреевъ впервые было выражено въ мусульманской легендѣ о трехъ кольцахъ, оставленныхъ однимъ отцомъ своимъ дѣтямъ, и до того похожихъ одно на другое, что никто не можетъ ихъ отличить и узнать гдѣ главное, истинное кольцо. Эта легенда перешла въ Европу, распѣвалась трубаду-

рами и дождалась трагическаго пересказа сначала со стороны Джіованни Боккаччіо, а потомъ Лессинга. Тысячи и тысячи крестоносцевъ, вернувшихся изъ Палестины, могли подтвердить, что магометане вѣротерпимы не только въ теоріи, но и на практикѣ. Разсказы о Саладинѣ, о гостепріимныхъ шейхахъ, излѣчивающихъ раны плѣнныхъ христіанъ и отпускающихъ затѣмъ своихъ плѣнниковъ домой,—всѣ эти наскоро составленныя поэмы и повѣсти о восточныхъ народахъ перемѣшивали, конечно, небылицу съ былью,—но всѣ онѣ оставляли одинъ осадокъ въ сознаніи слушателей: «Можно молиться разнымъ Богамъ и не рѣзать другъ друга». Мало того, столкнувшись съ Востокомъ, европейцы были выбиты изъ умственной колеи: до сихъ поръ они знали, что всѣ—католики, а не-католиковъ, еретиковъ есть на свѣтѣ ничтожное количество. Теперь они во-очію убѣдились, что есть еще одна вѣра, которую надо сравнивать не съ ересью, а съ католицизмомъ, потому что она имѣетъ такую же огромную массу послѣдователей. Во время крестовыхъ походовъ эта другая вѣра торжествовала надъ религіей крестоносцевъ, а торжество матеріальной силы дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ на людей и покультурнѣе средневѣковыхъ европейцевъ. Все убѣждало ихъ въ томъ, что этотъ особенный міръ имѣетъ свой фундаментъ, свою интересную и богатую содержаніемъ жизнь, что слишкомъ умны и сильны эти новые люди, и слишкомъ важна и сложна доктрина Пророка, и что назвать эту доктрину ересью—значитъ ничего не сказать и отдѣлываться словами. Хаосъ новыхъ мыслей и понятій ворвался въ умственный обиходъ европейцевъ съ возвращеніемъ крестоносцевъ и произвелъ тамъ полное замѣшательство. Конечно, это новое умственное теченіе, сочувственное магометанскому міру, было замѣчено не только родными и знакомыми крестоносцевъ, но и духовнымъ ихъ начальствомъ и всѣми хранителями и ревнителями чистоты церковныхъ преданій. Правовѣріе крестоносцевъ подвергается большимъ сомнѣніямъ и нареканіямъ, и даже въ болѣе позднюю эпоху обвиненіе въ тайной принадлежности къ мусульманству предъявляется къ ордену Тампліеровъ со стороны Филиппа Красиваго, которому нужно было погубить рыцарей, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ. Какъ бы ни было вздорно это обвиненіе само по себѣ, но ясно, что общественное сознаніе уже успѣло констатировать симпатію и влеченіе къ магометанскому міру тѣхъ лицъ, которыя особенно часто съ нимъ сталкивались. Какъ я уже упомянулъ, знакомство съ магометанами имѣло еще одно послѣдствіе—распространеніе скептическихъ ученій арабскихъ мыслителей. Къ сожалѣнію, Оуэнъ счелъ почему-то возможнымъ пройти почти совершенно мимо этой весьма важной стороны дѣла; еслибы онъ посвятилъ очерку арабской литературы въ десять разъ больше мѣста, чѣмъ это сдѣлано въ его книгѣ, то читатели только выиграли бы въ пониманіи дѣйствительныхъ причинъ итальянскаго скептицизма.

Въ арабской Испаніи пышнымъ цвѣтомъ цвѣла философія; не только терпимость общества и правительства, не только матеріальная обезпеченность многочисленнаго класса населенія, не только развитіе естественныхъ

наукъ и обиліе занесенныхъ съ Востока греческихъ манускриптовъ давали возможность и охоту предаваться умозрѣніямъ, но и чисто-случайное обстоятельство—появленіе цѣлой фаланги даровитыхъ, вдумчивыхъ людей, всецѣло отдавшихъ себя на разгадку тайны жизни,—содѣйствовало процвѣтанію арабской метафизики въ концѣ среднихъ вѣковъ. Аверроэсъ и Авиценна стоятъ во главѣ этой фаланги. Въ литературѣ высказывались мнѣнія *), сводившіяся къ тому, что въ сущности Аверроэсъ вовсе не такая звѣзда первой величины, какъ то думали схоластики XIV и XV столѣтій. Въ мою задачу не входитъ изложеніе содержанія философіи «великаго комментатора, потому что для меня тутъ главное—указать на огромное вліяніе, которымъ обязана европейская скептическая мысль арабскому философу, но съ мнѣніемъ хулителей Аверроэса согласиться трудно. Конечно, самостоятельнымъ творческимъ умомъ Аверроэсъ не обладалъ уже потому, что говорилъ о центральныхъ метафизическихъ проблемахъ только по поводу взглядовъ Аристотеля и, если не ошибаюсь, ни разу не рискнулъ пуститься въ философскія изысканія самъ, безъ провожатаго. Но, во-первыхъ, рамки аристотелевской философіи были такъ необъятно широки, что ограничить себя ими значило, въ сущности, не ограничивать себя вовсе, а во-вторыхъ—и постановка вопросовъ, и, въ большинствѣ случаевъ, рѣшенія ихъ были у Аверроэса далеко не тѣ, что у Аристотеля. Ученіе о единой міровой душѣ, съ которой сливаются души умершихъ, о смертности всякаго человѣческаго индивидуума,—это ученіе, которое, при всей своей метафизичности, непосредственно вело къ самымъ матеріалистическимъ построеніямъ, всецѣло принадлежитъ Аверроэсу и прямо враждебно какъ ученію Корана, такъ и римскому богословію. Аверроэсъ первый установилъ также то понятіе, за которымъ прятались чуть ли не всѣ свободные мыслители Италіи и которое, несмотря на заключающуюся въ немъ наивную хитрость, не мало способствовало выработкѣ идеи объ отличіи и отдѣленіи философіи отъ религіи: я говорю о такъ называемомъ понятіи «двоякой истины». Согласно доктринѣ Аверроэса, каждый вопросъ можно рѣшать двояко: или стоя на точкѣ зрѣнія философіи, или разсуждая на основаніи Корана. Первый отвѣтъ можетъ быть истиненъ, но будетъ отличаться отъ второго, даннаго Кораномъ. Однако, вѣдь Пророкъ лгать не можетъ, значитъ—и второй отвѣтъ тоже истиненъ. Такимъ образомъ и получилось двойное рѣшеніе одного и того же вопроса, получилась «двоякая истина». Аверроэсъ не признавалъ личнаго безсмертія, отвергалъ сотвореніе міра изъ ничего, однимъ актомъ воли Аллаха, и хотя говоритъ часто, что въ сущности онъ не расходится съ исламизмомъ, но ни этимъ голословнымъ оправданіемъ, ни своей «двоякой истиной» онъ никого не обманулъ, и въ концѣ жизни на него уже всѣ смотрѣли какъ на крайняго и опаснаго вольнодумца. Въ XIII и XIV столѣтіи возникли и усилились

*) См., наприм., *Lange*: „Histoire du matérialisme". T. I, p. 166 (Paris, 1877). Впрочемъ, послѣ монографіи Ренана „Averroès et l'averroïsme" очеркъ Ланге ровно никакого значенія имѣть не можетъ.

торговыя связи Италіи съ христіанской и арабской Испаніей. Главную роль въ торговомъ отношеніи играла Барселона, подчиненная христіанскому королю Хаймэ Арагонскому (Jayme el Conquistador), но рѣдкое итальянское судно не посѣщало послѣ Барселоны и остальныхъ городовъ средиземнаго побережья, находившихся еще во власти арабовъ. Еслибъ Оуэнъ вообще больше остановился на арабскомъ вліяніи, онъ нашелъ бы не мало любопытныхъ указаній на оживленность итальянской торговли съ Испаніей въ классическомъ трудѣ Кампани *). Помимо торговли, которая связывала Аппенинскій полуостровъ съ Пиринейскимъ крѣпкой и частой сѣтью самыхъ разнообразныхъ отношеній, были еще пути, по которымъ арабская мысль проникала въ Италію. Не надо забывать, что былъ въ XIII вѣкѣ цѣлый періодъ, когда свобода слова и вѣры царствовали въ обширной части Европы. На германскомъ престолѣ сидѣлъ Фридрихъ II. Никогда ни прежде, ни послѣ папству не приходилось имѣть дѣла съ болѣе опаснымъ для него носителемъ свѣтской власти. Императоръ былъ такъ безконечно хитеръ и ловокъ, такъ умѣлъ заметать за собою слѣды, былъ способенъ наносить когда исподтишка, а когда и открыто такіе страшные удары, что въ сравненіи съ нимъ Филиппъ Красивый, напримѣръ, можетъ назваться невиннымъ младенцемъ. Но императоръ Фридрихъ боролся не только съ папою; его война съ Римомъ была не только поединкомъ духовной и свѣтской властей, но и споромъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Фридрихъ II былъ полнѣйшимъ индифферентистомъ въ дѣлѣ религіи, и на самую религію смотрѣлъ только какъ на точку опоры и сильное оружіе для своего врага; поэтому, въ увлеченіи борьбы съ папой, Фридрихъ пускалъ въ ходъ такія средства, которыя поражали не только римскаго первосвященника, но и весь строй католическихъ ученій. Императоръ смолоду любилъ Востокъ и восточные народы; при его дворѣ было много и восточныхъ баядерокъ, и магометанскихъ ученыхъ, и еврейскихъ каббалистовъ,—и Фридрихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ проводилъ часы досуга и съ первыми, и со вторыми, и съ третьими. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, принадлежавшемъ императору, медицинскія и философскія каѳедры были заняты почти исключительно арабами и евреями,—и тысячи молодыхъ людей имѣли возможность вблизи отъ Рима поучаться аверроэсовской премудрости и выслушивать сравненія между христіанствомъ и іудействомъ не какъ между двумя религіями, а какъ между двумя философскими міровоззрѣніями. И не только арабскіе профессора шли къ христіанскимъ студентамъ, бывало и наоборотъ,—въ Кордову и Севилью отправлялись массами молодые люди, желавшіе дополнить свое образованіе въ самыхъ лабораторіяхъ тогдашней передовой мысли. Если мы прибавимъ еще, что трубадуры и здѣсь оставались вѣрны своему призванію и со многимъ другимъ умственнымъ багажомъ разносили также арабскія легенды и скептическія сужденія объ

*) *Antonio de Capmany*: „Memorias historicas sobre la marina, el commercio y las artes de la antigua ciudad de Barcelona“ (Barcelona, 1779). T. I и III passim.

Аллахѣ, то для насъ станетъ ясно, какое тѣсное умственное общеніе между Италіей и Испаніей могло развиться, если эти страны были соединены и торговлей, и академическими связями, и огромною массой странствующихъ пѣвцовъ, одинаково хорошо принимаемыхъ въ за́мкахъ и хижинахъ.

III.

Я выдѣлилъ всѣ причины зарожденія и развитія скептицизма, которыя можно назвать внѣшними. Борьба папъ съ императорами и восточное вліяніе, шедшее какъ изъ Леванта, такъ и изъ Испаніи,—вотъ какія обстоятельства могущественно содѣйствовали подготовленію той духовной почвы, на которой развилась свободная скептическая мысль въ Италіи и Европѣ. О борьбѣ свѣтской власти съ духовной Оуэнъ не говоритъ ничего, а о восточномъ вліяніи очень мало и, кромѣ того, слишкомъ разбрасывается въ изложеніи: начавъ говорить объ арабской культурѣ, онъ вдругъ прерываетъ свой разсказъ и возобновляетъ его уже впослѣдствіи, коснувшись секуляризаціи литературы. На за то главы, посвященныя зарожденію свободомыслія въ литературѣ, у него вполнѣ безукоризненны и составляютъ безспорно главное украшеніе книги.

Всю ту эволюцію, которую переживаетъ южная романская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ, всѣ измѣненія въ характерѣ ея содержанія и въ самой формѣ произведеній нашъ авторъ склоненъ обозначать однимъ выраженіемъ, подводить къ одному итогу: по его мнѣнію, въ это время совершилась *секуляризація литературы*. Что нужно понимать подъ этимъ непереводимымъ выраженіемъ? Литература стала свѣтской, перестала заниматься исключительно религіозными сюжетами, объявила свое право на самостоятельную жизнь, сдѣлалась служительницей міра сего и выразительницей назрѣвающихъ людскихъ думъ о свободѣ и о протестѣ. Какая это должна быть свобода и противъ чего долженъ быть направленъ протестъ, объ этомъ не спрашивайте у поэтовъ и писателей XII и XIII вѣковъ; они еще не вполнѣ отдали себѣ въ этомъ отчетъ и только полны безотчетной жизнерадостности, какъ будто кто-то уже сказалъ имъ, что, не взирая ни на что, будущее за ними.

Въ какой же формѣ проявилась прежде всего секуляризація литературы? Оуэнъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ и проницательностью указываетъ прежде всего на средневѣковыя энциклопедіи, которыя до него не упоминались *никѣмъ* изъ историковъ свободной мысли. Эти энциклопедія составлялись обыкновенно учеными монахами (а иногда и міряпами) и заключали въ себѣ «omne scibile», т.-е. все познаваемое, всю совокупность знаній. Легко себѣ представить, каковы были эти знанія и сколько поучительнаго давали энциклопедіи своимъ читателямъ. Разумѣется, первое мѣсто въ этихъ огромныхъ рукописныхъ фоліантахъ принадлежитъ подробнымъ разъясненіямъ природы дьявола и вообще нечистой силы, разска-

замъ о продѣлкахъ служителей сатаны, описаніямъ наружности центавровъ, драконовъ, огнедышащихъ гриффовъ и пр.

Далѣе идутъ свѣдѣнія о заговорахъ лихорадки, зубной боли, чахотки— и другія данныя изъ области теоретической и практической медицины. Не мало мѣста посвящено также географическимъ повѣствованіямъ о жизни антиподовъ, о подводныхъ государствахъ и проч. Тутъ же, въ перемежку, и неизвѣстно для чего приводятся рядомъ выписки изъ Св. Писанія, изъ Цицерона, изъ Овидія, изъ твореній извѣстныхъ церковныхъ проповѣдниковъ, изъ пѣсней трубадуровъ. Весь этотъ безпорядочный хламъ и носилъ названіе энциклопедіи. И вотъ энциклопедіи начинаютъ нѣсколько измѣнять свой характеръ, начинаютъ секуляризоваться. Появляется извѣстная классификація о духовныхъ предметахъ, о церковныхъ апокрифахъ говорится особо, а о свѣтскихъ особо. Дѣлаются попытки разъясненія многихъ загадочныхъ матерій «отъ чистаго разума», безъ ссылокъ на св. отцовъ Словомъ, наступленіе новой эпохи сказывается даже здѣсь, въ этихъ рудиментарныхъ сосудахъ средневѣковой премудрости. Но въ тѣ вѣка люди и не любили, и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣли читать. Для удовлетворенія ихъ непритязательной любознательности существовали живыя энциклопедіи, которыя могли сообщить желающимъ поучаться все, что угодно, да еще къ тому же и въ стихахъ, съ пѣснями и струннымъ аккомпаниментомъ. Историческая роль голіардовъ и трубадуровъ теперь уже никѣмъ не оспаривается, но слишкомъ часто изъ-за провансальскихъ пѣвцовъ проходятъ мимо ихъ менѣе замѣтныхъ предшественниковъ.

Голіардамъ въ трудѣ Оуэна отведено довольно много мѣста, а та сводка всего относящагося къ нимъ матеріала, которую дѣлаетъ нашъ авторъ, даетъ очень любопытные результаты. Кто такіе по своему соціальному положенію были голіарды, мы не знаемъ. Тѣ писатели, которые утверждали, что голіарды—не что иное, какъ низшіе клирики,—основывались только на содержаніи оставшихся отъ нихъ пѣсенъ и на церковной латыни, которую легко можно распознать въ ихъ идіомѣ. Какъ бы ни были вѣски эти аргументы, все же, мнѣ кажется, осторожнѣе было бы оставить этотъ вопросъ открытымъ, по примѣру Оуэна и Бартоли. Голіарды появляются въ 11-мъ вѣкѣ, они извѣстны и тремъ слѣдующимъ столѣтіямъ, а въ концѣ 14-го вѣка о нихъ уже ничего не слышно. По образу своей жизни и по характеру занятій голіарды тѣсно примыкаютъ къ трубадурамъ. Они бродятъ по южной Франціи, по сѣверной и средней Италіи,—попадаются ихъ слѣды и на сѣверѣ Европы. Питаются они добровольною платой слушателей, ночуютъ гдѣ придется и не прекращаютъ своихъ кочевокъ ни зимою, ни лѣтомъ. Найдя слушателей, они поютъ пѣсни и разсказываютъ сказки—и всегда содержаніе этихъ пѣсенъ и сказокъ одно и то же. Голіарды повѣствуютъ о страсти къ пьянству духовныхъ лицъ, объ ихъ неимовѣрномъ обжорствѣ, о монастырскихъ винныхъ погребахъ, куда будто бы жирные патеры удаляются спасать свою душу. Они говорятъ и о далекомъ Римѣ, причемъ называютъ его нечистымъ го-

родомъ, полнымъ всякихъ безобразій и распутствъ. Впервые мы встрѣчаемъ въ поэзіи голіардовъ эпитетъ «Вавилонъ», примѣненный къ столицѣ папъ,—тотъ эпитетъ, который потомъ былъ такъ популяренъ въ пуританской Шотландіи. Фантастически перепутаны у голіардовъ обозначенія языческихъ боговъ съ названіями и именами, встрѣчающимися въ Евангеліи. По справедливому замѣчанію Оуэна, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ зарождающимся паганизмомъ, влеченіемъ къ классическому древнему язычеству, съ грѣховною симпатіей къ идолопоклонникамъ, въ которой такъ упрекали впослѣдствіи дѣятелей эпохи Возрожденія и которую не можетъ простить Ренессансу даже въ концѣ 19-го столѣтія австрійскій профессоръ Лудвигъ Пасторъ *). Папа, кардиналы, соборы—все это подвергается въ стихотвореніяхъ голіардовъ осмѣянію и даетъ поводъ къ нелѣпѣйшимъ пародіямъ, которыя, несмотря на всю свою вздорность, вѣроятно совершенно удовлетворяли вкусамъ зрителей и веселили простодушную публику. Голіарды относятся также развязно и къ ученію о чистилищѣ, объ адѣ и раѣ,—пародируютъ важнѣйшія католическія молитвы и вообше не признаютъ для себя, повидимому, ничего заповѣднаго, чего нельзя было бы касаться. Они исключительно заняты церковью и церковными дѣятелями, ни о чемъ другомъ не говорятъ и не выражаются иначе, какъ самою напыщенною, умышленно-неумѣстною проповѣдническою латынью. О вполнѣ сознательномъ скептицизмѣ тутъ рѣчи еще быть не можетъ, но что голіарды имѣли большое вліяніе на массу общества своимъ отношеніемъ ко многимъ неприкосновеннымъ до нихъ предметамъ, что они пріучали своихъ слушателей не бояться собственныхъ мыслей, это фактъ. Они не были протестантами въ широкомъ смыслѣ слова, носителями новыхъ человѣческихъ идеаловъ, какъ трубадуры,—они дѣлали гораздо меньшее дѣло и шли по болѣе узкимъ путямъ,—но ихъ долгое существованіе не прошло даромъ, и если не проложило, то расчистило дорогу другимъ родственнымъ теченіямъ мысли и другимъ пропагаторамъ.

IV.

Новый эволюціонный фазисъ литературы обыкновенно знаменуется измѣненіемъ въ основномъ характерѣ уже существующихъ литературныхъ формъ и возникновеніемъ новыхъ, и едва ли будетъ рискованно сказать, что именно эти новыя формы бываютъ наиболѣе характеристичны для переживаемой эволюціи. Поэзія трубадуровъ съ момента своего возникновенія не теряла свѣтскаго характера и по ней одной мы можемъ судить о главныхъ мотивахъ совершавшагося переворота. О провансальской поэзіи было писано очень много и объ ея происхожденіи не разъ спорили съ жаромъ и ожесточеніемъ. Многіе французскіе историки склонны видѣть въ ней цвѣтокъ, выросшій на чисто-національной французской почвѣ;

*) См. *Ludv. Pastor*: „Geschichte der Päpste“ (Innsbr 1887). T. I. Einleitung (...falsche, heidnische Renaissance).

Оуэнъ держится того мнѣнія (высказаннаго въ первый разъ, впрочемъ, не имъ, а Сисмонди), что поэзія трубадуровъ всецѣло обязана своимъ зарожденіемъ и характеромъ—арабскому вліянію и представляетъ собой сколокъ съ поэзіи испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ. Въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ уже въ полномъ смыслѣ слова свободныхъ мыслителей. Нашъ авторъ въ немногихъ словахъ превосходно опредѣляетъ истинную причину вражды церкви съ трубадуромъ: «церковь скоро стала подозрительно относиться къ духовной культурѣ, которая не имѣла ее своимъ источникомъ, не говорила церковнымъ языкомъ, не выражала церковныхъ мыслей, не принимала церковныхъ ученій и съ чувствомъ дружбы и симпатіи встрѣчалась евреями, турками, невѣрными и еретиками». Трубадуры не состояли въ прямой открытой враждѣ къ католической доктринѣ, но они игнорировали ее, а это было замѣтно и подозрительно, возбуждало злобу и побуждало къ гоненіямъ. Право жить и мыслить по своему, не справляясь съ господствующими воззрѣніями—вотъ что сознательно проповѣдывали трубадуры; отвращеніе къ аскетизму и ученію о жизненномъ покаяніи—вотъ что безотчетно, можетъ быть, проводилось ими въ ихъ пѣсняхъ, поэмахъ и аллегоріяхъ. Ихъ веселая, молодая жизнерадостная поэзія звучала диссонансомъ среди мрачной, уже отживающей, но все еще сильной дѣйствительности. А что дѣйствительность была сильна,—это несчастный Провансъ испыталъ на собственномъ опытѣ. Тотъ крестовый походъ, который разорилъ южную Францію и погубилъ массу ея невинныхъ обитателей,—былъ направленъ столько же противъ катаристовъ и манихеянъ, сколько противъ общаго духа, проникавшаго умственную жизнь этой страны.

Послѣ этого страшнаго дѣла папы, трубадуры стали уже въ иное положеніе по отношенію къ Риму; они сдѣлались прямыми обличителями всѣхъ пороковъ и злодѣйствъ папской куріи. Большинство странствующихъ пѣвцовъ должно было удалиться изъ своего отечества; они разбрелись по всей Европѣ, распространяя всюду новыя идеи и сѣя злобу противъ притѣснителей. Ихъ любили и принимали всѣ, какъ бѣдные, такъ и богатые—и въ тѣ времена отсутствія прессы они замѣняли собой періодическую печать. Какъ популяризаторы новаго, нарождающагося строя мысли, трубадуры не имѣютъ соперниковъ. Голіарды были только обличителями грѣшковъ католическаго духовенства и фривольными сатириками, упражнявшими свое нерѣдко весьма дешевое остроуміе надъ религіозными предметами; а въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ если не творцовъ, то проводниковъ и провозвѣстниковъ новаго умственнаго и общественнаго уклада, приверженцевъ положительнаго идеала, которому суждено было недалекое торжество. Оуэнъ склоненъ придавать трубадурамъ еще и значеніе реформаторовъ итальянскаго языка и стиля, говоритъ, что безъ нихъ появленіе Данта, Петрарки и Боккаччіо было бы невозможностью.

Иностранцу трудно имѣть свое самостоятельное мнѣніе въ этомъ сложномъ вопросѣ исторической филологіи; но такъ какъ Оуэнъ рѣшительно

ничѣмъ не подтверждаетъ своего положенія, то давнишнее мнѣніе авторитетнаго знатока итальянской литературы Паоло Джудичи остается непоколебимымъ, а согласно съ этимъ мнѣніемъ провансальскіе трубадуры не имѣли ни малѣйшаго вліянія на выработку итальянскаго языка *).

Какъ бы то ни было, трубадуры сдѣлали дѣло первостепенной исторической важности, и ихъ пѣсни заслуживаютъ того, чтобы съ нихъ начинали изученіе Ренессанса. Далѣе къ популяризаторамъ свободной мысли въ XII и XIII столѣтіяхъ Оуэнъ причисляетъ дѣятелей народнаго театра, на подмосткахъ котораго разыгрывались такъ называемыя мистеріи. Мистеріями въ средніе вѣка назывались, какъ извѣстно, драматическія представленія, сюжеты для которыхъ авторы брали изъ Священнаго Писанія, изъ апокрифовъ и церковныхъ преданій. Эти мистеріи держались очень долго, и ихъ слѣды остались въ Западной Европѣ чуть ли не до XVIII столѣтія. Въ то переходное время, которое непосредственно предшествовало эпохѣ Возрожденія, мистеріи, подчиняясь вторгшимся въ духовный обиходъ романскихъ народовъ новымъ элементамъ, измѣняютъ свой характеръ: во-первыхъ, къ религіознымъ сюжетамъ начинаютъ примѣшиваться картины и образы древняго классическаго міра, причемъ Богъ называется безразлично то Саваоѳомъ, то Юпитеромъ; адъ является подъ именемъ Тартара и проч. Во-вторыхъ, въ отношеніи авторовъ къ произведеніямъ своей фантазіи замѣчается новая и очень любопытная черта: прежде человѣкъ, который составлялъ мистеріи, считалъ себя чѣмъ-то вродѣ священнослужителя и свою роль полагалъ только въ томъ, чтобы сообщать діалогическую форму сказаніямъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Теперь авторы мистерій выступаютъ на путь болѣе самостоятельнаго творчества: Сатана, бесѣдуя съ ангелами, уже не терпитъ постыдныхъ пораженій къ полному удовольствію публики, а иногда и озадачиваетъ своихъ оппонентовъ неожиданными оборотами мысли и курьезнѣйшими вопросами; святой Петръ, сидя у дверей рая, вступаетъ въ препирательства съ подходящими къ нему грѣшниками, и во время этихъ споровъ грѣшники доказываютъ ему, что они гораздо чище и праведнѣе его; монахъ ловитъ чорта у себя въ бородѣ, и чортъ заводитъ съ нимъ диспутъ о добрѣ и злѣ, о происхожденіи зла, о томъ, почему Богъ терпитъ зло на землѣ. Монахъ отвѣчаетъ чорту изъ катехизиса, а чортъ послѣдовательно старается опровергнуть всѣ возраженія. Мистеріи принимаютъ болѣе свѣтскій характеръ и все чаще и чаще наполняются фривольнѣйшими выходками противъ высшаго клира и, что еще важнѣе, противъ нѣкоторыхъ пунктовъ римскихъ ученій. Впрочемъ, роль ихъ заключалась не въ выработкѣ новыхъ воззрѣній, а въ популяризаціи болѣе свободнаго отношенія къ Риму, и эту роль мистеріи переходнаго времени исполнили съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Наконецъ, по мнѣнію Оуэна, въ распространеніи свободомыслія повин-

*) См. Opere di Paolo Emiliani-Giudici, volume primo, Storia della letteratura italiana, lezione seconda p. 56 и слѣд. (Firenze, 1865).

но отчасти также оживленіе интереса къ классической древности, замѣтное уже въ XII и XIII вѣкахъ. Аргументы, которыми подкрѣпляетъ Оуэнъ свое мнѣніе, къ сожалѣнію, не такъ ясны и понятны, какъ того можно было бы пожелать. Авторъ говоритъ очень много о томъ, что воспоминаніе объ отошедшемъ въ вѣчность античномъ мірѣ продолжало существовать въ теченіе среднихъ вѣковъ. Это такъ, но вѣдь противъ этого никто и не споритъ. Далѣе Оуэнъ утверждаетъ, что классицизмъ сильно развился въ XII и XIII вѣкахъ, и приводитъ многочисленныя доказательства справедливости своего мнѣнія. И это такъ. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что классицизмъ былъ, а въ томъ, содѣйствовалъ или не содѣйствовалъ онъ скептическому движенію мысли. И Оуэнъ не находитъ другихъ доказательствъ въ пользу своего тезиса, какъ то, что фривольныя мистеріи исполнялись на латинскомъ языкѣ и что епископамъ и вообще клирикамъ было нѣкоторое время запрещено читать римскихъ авторовъ! Первый аргументъ падаетъ самъ собою, если только мы вспомнимъ, что рѣчь идетъ не о роли латинскаго языка, а о значеніи классической древности въ разсматриваемый періодъ; что же касается до втораго аргумента о запрещеніи епископамъ читать классиковъ, то и онъ ничего не доказываетъ, потому что вѣдь папская курія не позволяла читать даже Ветхій Завѣтъ, а между тѣмъ Оуэнъ не станетъ, конечно, упрекать Библію въ скептицизмѣ. Впрочемъ, нашъ авторъ самъ, повидимому, помѣстилъ главу объ оживленіи классическихъ занятій (Revival of classical studies) только для желаемой имъ «полноты», такъ какъ на протяженіи всей книги ни разу уже не возвращается къ высказаннымъ въ этой главѣ сужденіямъ.

Итакъ, борьба императоровъ съ Римомъ, магометанское вліяніе, поэзія голіардовъ и трубадуровъ, мистеріи и сценическія полусвѣтскія, полурелигіозныя представленія—вотъ тѣ разнообразныя вліянія, среди которыхъ зародилось, выросло и окрѣпло оппозиціонное движеніе передового европейскаго общества противъ католическихъ формъ.

Теперь намъ нужно разсмотрѣть въ частности, противъ какихъ же именно принциповъ и идей римскаго католицизма направилась эта новая сила, съ чѣмъ она прежде всего вступила въ борьбу.

V.

По всемірно-историческому закону реакціи, общество стало во враждебныя отношенія прежде всего къ тому, что играло у него первую роль непосредственно до этого времени, чему всѣ поклонялись безпрекословно и благоговѣйно. Нѣкоторыя части католическаго строя идей особенно культивировались въ средніе вѣка, и эти - то части раньше всего были покинуты и подверглись нападкамъ общественнаго мнѣнія. Оуэнъ превосходно классифицируетъ эту скептическую реакцію. По его словамъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ реакціей: а) противъ церковной догмы, 2) противъ аскетизма, 3) противъ излишняго развитія и значенія духовенства (reaction against

sacerdotalism), 4) противъ тѣхъ извращеній евангельскихъ ученій, которыя допустилъ Римъ, именно противъ слишкомъ матеріальнаго, земного пониманія этихъ ученій и противъ преобладанія у духовенства чисто-матеріальныхъ вожделѣній надъ болѣе высокими помыслами. Такъ ясно и строго-логично еще никто не расчленялъ результатовъ освободительнаго движенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Тутъ нельзя ничего ни убавить, ни прибавить, и эта часть труда Оуэна особенно оригинальна и цѣнна, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ разсмотрѣніи мы убѣждаемся, до какой степени естественно, безъ натяжекъ, распредѣляются между указанными категоріями всѣ факты тогдашней жизни и литературы, какіе вообще такъ или иначе можно причислить къ знаменіямъ своего времени.

Католическая церковь успѣла за тысячу лѣтъ своего духовнаго главенства въ Европѣ создать цѣлую теологическую метафизику и окружить каждое положеніе, каждое слово Евангелія цѣлою сѣтью схоластическихъ интерпретацій. Эти-то безчисленныя надстройки надъ христіанскою доктриной Оуэнъ и называетъ церковною догмой. Средневѣковые клирики считали себя вправѣ и въ силахъ разрѣшать самые трудные и необычайные вопросы и дѣлали это, конечно, совершенно произвольно даже съ своей точки зрѣнія, такъ какъ весьма часто ихъ сужденія не имѣли подъ собой никакой опоры ни въ Евангеліи, ни въ постановленіяхъ соборовъ. Они доктрально толковали объ аттрибутахъ власти и наружности Божества, о функціяхъ всѣхъ ангеловъ вообще и каждаго въ частности, о степеняхъ адскихъ наказаній.

Оппозиція противъ этихъ произвольныхъ открытій духовенства началась съ вопроса: «откуда вы все это знаете?» Этотъ вопросъ былъ косвенно предлагаемъ зарождавшимся освободительнымъ теченіемъ литературы и, конечно, остался безъ отвѣта. Тогда пошли въ ходъ язвительныя пародіи и насмѣшки въ духѣ Луиджи Пульчи. Запутанныя схоластическія проблемы церковнаго характера начали обсуждаться въ діалогахъ между балаганнымъ Пьерро и его сподвижниками; воззрѣнія ученыхъ монаховъ стали подвергаться и въ стихахъ, и въ прозѣ самымъ невозможнымъ, умышленно-вздорнымъ толкованіямъ. Здѣсь прежде всего сказалось отвращеніе къ метафизикѣ и схоластикѣ, и желаніе поскорѣе выйти на чистый воздухъ и вернуться къ жизни и природѣ. Еще сильнѣе это желаніе выразилось въ другой реакціи,—въ реакціи противъ аскетизма. Что аскетизмъ не былъ созданіемъ церкви, что онъ всецѣло вытекъ изъ нравственныхъ потребностей средневѣковаго человѣка, это—фактъ безусловно достовѣрный, и Оуэнъ напрасно приписываетъ аскетическую мораль теологіи. Достаточно вѣдь вспомнить, съ какимъ недоумѣніемъ и недовѣріемъ встрѣтила церковь появленіе монастырей и монашества, достаточно знать, насколько самостоятельно отъ всякихъ церковныхъ вліяній развивались удаленія въ пустыню, самоистязанія и проч., чтобы безусловно признать полную самобытность и оригинальность аскетизма. Правда, уже впослѣдствіи римское духовенство поняло, какая огромная нравственная сила заклю-

чается въ обаяніи, производимомъ аскетами на толпу, и оно постаралось воспользоваться этою силой въ своихъ интересахъ, но *создать* аскетизмъ церковь не могла, потому что аскетизмъ прежде всего — чувство. Теологи потомъ уже постарались дать теоретическое обоснованіе аскетическимъ подвигамъ, и реакція направилась именно противъ этихъ метафизическихъ построеній, но аскетическое чувство продолжало жить и въ XII, и въ XIII, и въ XIV вѣкахъ, и дальше, и врядъ ли совершенно исчезло и теперь. Возрождающееся духомъ европейское общество было болѣе всего враждебно настроено противъ аскетизма и его богословскихъ оправданій. Одни протестовали противъ него во имя формулы: «вѣра безъ дѣла мертва»,— другіе, и такихъ было большинство,—просто отвергали аскетизмъ, потому что имъ хотѣлось наслаждаться природой, любовью,—всѣми удовольствіями жизни съ спокойнымъ сердцемъ, а аскетическая мораль говорила, что *наслажденіе грѣховно уже потому, что оно—наслажденіе.* Обществу такъ страшно надоѣла эта формула, она такъ его измучила и такъ долго отравляла ему существованіе, что теперь оно прежде всего отвернулось отъ аскетизма и, съ обычнымъ гнѣвомъ ренегата на свои собственныя заблужденія, принялось бранить и обличать всѣхъ оставшихся вѣрными доктринѣ самоистязанія во славу Бога. Аскетизмъ былъ тѣсно связанъ съ глухимъ обскурантизмомъ и суевѣріемъ, которые такъ ревностно были поддерживаемы и высшимъ, и низшимъ клиромъ и въ разсматриваемую эпоху нападенія на аскетическое міровоззрѣніе перемѣшивались съ нападеніями на темноту и невѣжественность церковныхъ руководителей народа. Эти обличенія священнослужителей прямо приводятъ насъ къ вопросу о реакціи противъ духовенства или, какъ выражается Оуэнъ, противъ жреческаго класса.

VI.

Когда въ обществѣ еще не вполнѣ выработались положительные идеалы, а отрицательные успѣли ясно обозначиться, то всегда борьба со старыми понятіями затягивается и обостряется. Такъ было и въ переходное время, предшествовавшее Ренессансу. Но малая культурность тогдашняго общества сама указывала ту форму, въ которую должна была отлиться умственная оппозиція: чтобъ удары выходили дѣйствительнѣе, чтобъ идейная война была интересна для всѣхъ, требовались не диспуты, а поединки и турниры,—не споръ съ ученіями, а шельмованіе людей, олицетворявшихъ въ себѣ эти ученія. Такими людьми были клирики, и на нихъ-то обрушилось тяжеловѣсное остроуміе и филиппики дѣятелей литературы. Мы уже видѣли, что голіарды избрали осмѣиваніе духовенства своею спеціальностью, что въ мистеріяхъ клиру также часто приходилось плохо. Но чѣмъ ближе къ эпохѣ Возрожденія, тѣмъ чаще духовенство фигурируетъ въ качествѣ подсудимаго, тѣмъ развязнѣе и оскорбительнѣе о немъ отзываются и тѣмъ рѣшительнѣе отвергается всякій его авторитетъ даже въ чисто-церковныхъ

дѣлахъ. Въ средніе вѣка духовенство заправляло буквально всѣмъ и вмѣшивалось во все. Оно брало на себя такую массу практическаго дѣла и такъ часто приходило въ соприкосновеніе съ свѣтскими людьми по чисто-мірскимъ поводамъ, что его этика подвергалась большимъ искушеніямъ и всѣ его дѣйствія были на виду. Изъ подобныхъ обстоятельствъ выходило лишь то, что этика не выдерживала испытаній, а бывшія у всѣхъ на виду дѣйствія лучше всякихъ словъ уличали духовенство въ грѣхопаденіяхъ. И разительный контрастъ между словомъ и дѣломъ здѣсь особенно бросался въ глаза. Постоянно проповѣдуя мораль и воздержаніе, клирики чревоугодничали, пьянствовали и заводили любовныя интриги; служитель ученія Христа о милосердіи, всепрощеніи и общемъ братствѣ людей, папа, устраивалъ крестовые походы противъ альбигойцевъ, благословлялъ массовыя избіенія еретиковъ, магометанъ и евреевъ; монастыри, основанные нѣкогда съ цѣлью дать людямъ, желающимъ уйти отъ грѣховъ, возможность сдѣлать это,—тѣ самые монастыри сдѣлались мѣстомъ безпечальной жизни для нѣсколькихъ сотенъ тысячъ монаховъ, которые посвящали флирту и кутежамъ свои безконечные досуги. Наконецъ, римскіе первосвященники часто переступали границы не только правилъ морали, обязательныхъ для порядочнаго человѣка, но и правилъ общежитія, обозначенныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Они ругали германскихъ императоровъ непотребными словами, а когда это не помогло, устраивали подлоги, безстыдные до наивности, поддѣлывали императорскіе манифесты и рескрипты, взводили на своихъ вѣчныхъ враговъ нелѣпыя и явно недобросовѣстныя обвиненія. Отъ имени Фридриха II, напримѣръ, папа распространялъ глупѣйшій пасквиль, наполненный отвратительными богохульствами; этотъ пасквиль папа выдавалъ за произведеніе императора, съ цѣлью вооружить противъ него подданныхъ. Кромѣ продѣлокъ, вызывавшихся полемическою необходимостью, римскіе первосвященники попадались и въ очень подозрительныхъ финансовыхъ операціяхъ, и въ дипломатическихъ дѣйствіяхъ такого сорта, что они озадачили бы даже столь мало конфузливаго человѣка, какъ Талейранъ. И папы, и кардиналы, и патеры, и монахи—всѣ дѣйствовали притомъ слишкомъ открыто и развязно, такъ что когда началась реакція противъ преобладанія духовенства, то ея дѣятелямъ ничего не стоило обличать клиръ даже въ томъ, въ чемъ онъ не былъ повиненъ; общество охотно вѣрило всему и съ сочувствіемъ относилось къ людямъ, поставившимъ своею цѣлью осмѣивать того собирательнаго патера Пеккави *), который въ эту эпоху является настоящимъ козломъ отпущенія. Лучшимъ по ѣдкости и остроумію выходокъ, и по талантливости изложенія образчикомъ обличительной поэзіи этого рода служитъ знаменитое «Morgante Maggiore» Пульчи, но оно относится уже къ болѣе поздней эпохѣ.

Что касается до реакціи противъ извращенія католичествомъ доктрины Христа, то Оуэнъ подраздѣляетъ еще эту реакцію, такъ какъ самое из-

*) Peccavi—согрѣшилъ.

вращеніе христіанства въ средніе вѣка сводитъ къ четыремъ категоріямъ. По его мнѣнію, это извращеніе шло 1) въ сторону крайняго супранатурализма, 2) въ сторону того, что онъ называетъ excessive Christology, 3) въ сторону грубо-матеріальнаго пониманія христіанскаго ученія, 4) въ сторону извлеченія изъ религіи денежныхъ выгодъ для духовенства. Оуэнъ говоритъ, что духовенство расплодило массу суевѣрій и оккультистическихъ выдумокъ и сдѣлало столь простую для пониманія доктрину сложной и таинственной. Это произошло отъ слишкомъ буквальныхъ толкованій нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія, отъ того «матеріализма», который былъ внесенъ въ интерпретацію Св. Писанія. Наконецъ, догматъ о безсмертіи души, о страшномъ судѣ, ученіе о власти вязать и рѣшить,—все это дало поводъ духовенству своекорыстно торговать спасеніемъ душъ и извлекать выгоды чисто-земного свойства какъ разъ изъ такихъ далекихъ отъ всего земного частей христіанскаго ученія. Таковы были уклоненія отъ евангельскихъ истинъ, имѣвшія мѣсто въ средніе вѣка, и, по мнѣнію Оуэна, эти уклоненія и вызвали противъ себя особенно сильный протестъ. Что касается до «excessive Christology», то нашъ авторъ, кажется, впалъ въ хронологическую ошибку. Реакція противъ церковной тенденціи о преобладаніи Христа надъ другими членами Св. Троицы наступила позднѣе, уже въ реформаціонную эпоху, и эта реакція противъ христологіи была доведена] до максимума въ ученіи пуританъ, а въ XII, XIII и XIV вѣкѣ христологія никакихъ протестовъ не вызывала, и весьма понятно, почему Оуэнъ не приводитъ *ни одного* факта въ защиту своего мнѣнія: такихъ фактовъ въ Италіи онъ не могъ бы собрать не только въ разсматриваемую переходную эпоху, но и во времена полнаго расцвѣта гуманизма и Ренессанса.

Итакъ, вотъ на что направилась вся сила зародившейся скептической мысли. Она еще не касалась главныхъ основъ католицизма; борьба шла преимущественно съ тѣми сторонами римской теологіи, которыя казались антисоціальными, несогласными съ правильнымъ народнымъ развитіемъ и дававшими ненормально-большое значеніе въ національной жизни католическому духовенству. До самаго конца XV столѣтія сомнѣніе не принимало широкаго философскаго характера и только въ лицѣ Помпонацци раціонализмъ получилъ въ Италіи теоретическаго поборника. Вся разсмотрѣнная часть работы Оуэна превосходно выясняетъ и духовную атмосферу, и основной характеръ итальянскаго скептицизма въ первоначальную, раннюю эпоху его существованія, и тѣ мелкія погрѣшности, которыя я имѣлъ случай указать, такъ ничтожны, что ничуть не вредятъ общему впечатлѣнію замѣчательной ясности изложенія и полноты содержанія, впечатлѣнію глубокой продуманности основныхъ тезисовъ и строгой научности труда англійскаго историка. Къ сожалѣнію, вторая часть значительно уступаетъ первой по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Эта часть заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ личностямъ, которые, по мнѣнію нашего автора, являются прямыми предшественниками Помпонацци

въ исторіи итальянскаго скептицизма. Такихъ лицъ онъ насчитываетъ полдюжины, half-dozen, и во главѣ списка помѣщаетъ Данте и Петрарку. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нѣсколько странной сбивчивостью въ понятіяхъ, свойственною многимъ историкамъ Возрожденія. Что означаютъ слова: скептическое направленіе мысли въ примѣненіи къ эпохѣ Возрожденія? Казалось бы, въ данномъ случаѣ эти слова должны означать то же, что и въ приложеніи ко всякой другой исторической эпохѣ. Скептикомъ въ дѣлѣ вѣры называется человѣкъ, подвергающій сомнѣнію тѣ религіозные догматы и вѣрованія, которые царятъ или въ той странѣ, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать, или даже во всемъ современномъ ему мірѣ. Никто никогда не называлъ скептикомъ Савонаролу только потому, что ему не нравились мошенничества тогдашняго духовенства; не примѣнялось это названіе и къ кальвинистамъ, громившихъ «римскую блудницу», не примѣнялось и къ членамъ безчисленныхъ религіозныхъ сектъ, дѣлившихъ между собою нѣкогда всю Европу. И у Савонаролы, и у кальвинистовъ, и у сектаторовъ было отрицаніе, и отрицаніе сильное и гнѣвное. Савонарола отрицалъ ворующихъ и безпутныхъ прелатовъ, но никогда не сомнѣвался въ истинности католической религіи; кальвинисты отрицали католическую религію, но не сомнѣвались въ непорочности и правотѣ своей доктрины; секты могли отрицать и католицизмъ, и кальвинизмъ, но слѣпо вѣрили каждая въ святость своего ученія. Отрицаніе Савонаролы было у́же, отрицаніе Джона Нокса можетъ быть шире, отрицаніе социніанъ еще шире,—но одно качество характеризуетъ всѣхъ этихъ людей: беззавѣтная вѣра въ то религіозное построеніе, которое каждый изъ нихъ исповѣдывалъ. Скептиками они не были и никто и не думаетъ ихъ такъ называть. Если теперь мы обратимся къ литературѣ, касающейся исторіи Ренессанса, то нерѣдко у самыхъ выдающихся авторовъ замѣтимъ какую-то непостижимую готовность иногда при помощи явныхъ натяжекъ причислять къ скептикамъ такихъ людей, которые не имѣютъ на это названіе никакого права.

Возвратимся къ Оуэну. Говоря о Данте и Петраркѣ, онъ силится доказать, что авторы Божественной комедіи и *Canzoniere* вправѣ занять мѣсто между скептиками ранняго возрожденія. Оуэнъ разбираетъ поэтовъ съ придирчивостью, достойной самаго ревностнаго инквизитора, выписываетъ отдѣльные стихи, иногда даже части стиховъ, которые кажутся ему пригодными для его цѣли,—и въ концѣ концовъ его аргументація оказывается положительно неубѣдительной, его сужденія голословными и—все начало второй части совершенно неидущимъ къ дѣлу и портящимъ эту превосходную книгу. Если Данте причастенъ скептическому движенію,—то кто же тогда можетъ назваться ортодоксально вѣрующимъ? Данте говорилъ, что съ людьми, идущими противъ общепринятыхъ воззрѣній нужно бороться не доводами, а мечемъ; Данте говорилъ, что если кто не приходитъ къ истинѣ (совпадающей для него съ религіозной догмою),—то исключительно потому, что у него не хватаетъ на это умѣнья; Данте отводилъ всѣмъ безъ разбора еретикамъ самое отвратительное помѣщеніе въ своемъ «Аду»; на-

конецъ, зачѣмъ выбирать и отмѣчать отдѣльныя черты, хотя бы и характерныя? Всею своею Divina Commoedia Данте пропѣлъ благоговѣйный гимнъ циклу господствовавшихъ взглядовъ и понятій, и противъ этой очевидности не идетъ даже Оуэнъ. Онъ видитъ всю шаткость и слабость избранной имъ позиціи и обращается къ той сторонѣ дѣла, которая болѣе туманна и расплывчива и поэтому болѣе поддается произвольнымъ толкованіямъ: если самъ Данте и не можетъ быть названъ вполнѣ положительнымъ скептикомъ, то косвенно его произведенія могли оказать воздѣйствіе на поступательный ходъ скептическаго движенія въ Италіи. Доказательства, которыя Оуэнъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, кажутся мнѣ неубѣдительными. Если Данте не былъ скептикомъ, если въ его произведеніяхъ нѣтъ и тѣни религіознаго сомнѣнія, то я отказываюсь понимать, какимъ образомъ онъ могъ даже косвенно содѣйствовать побѣдѣ скепсиса надъ умами современниковъ или потомковъ. Оуэнъ приводитъ девять выдержекъ изъ Данте, каждая въ 3—4 строки (всего три нѣсколько больше). Эти выдержки заключаютъ въ себѣ мысли, которыя не могутъ ни на кого влiять ни въ какомъ направленіи, особенно въ скептическомъ. Говорится здѣсь объ умѣ и глупости (въ обыденномъ житейскомъ значеніи), о вѣрѣ въ противоположности съ «eretica nequizia» о свойствахъ нашего интеллекта. И кромѣ этихъ безцвѣтныхъ стиховъ у Данте, даже по мнѣнію Оуэна, нѣтъ основаній для того, чтобы считаться предшественникомъ Помпонацци! Прибавимъ, что эти стихи разбросаны по всему огромному произведенію итальянскаго поэта, что имъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ цѣлые десятки страницъ, которыя дышатъ самымъ неподдѣльнымъ піэтизмомъ и вѣрою. Трудно себѣ представить человѣка 14 или 15 столѣтія, которому пришло бы въ голову выписать изъ Божественной комедіи всѣ девять мѣстъ, указанныхъ впослѣдствіи Оуэномъ, и затѣмъ отравиться содержащимся въ нихъ скептическимъ ядомъ. Если ужъ говорить о *косвенномъ* вліяніи литературнаго произведенія на измѣненіе вѣрованій читателя, то нужно имѣть въ виду тотъ общій духъ, который проникаетъ все произведеніе, а вовсе не отдѣльные стихи и строчки, особенно столь невинные, какъ тѣ, что приводитъ намъ авторъ. *Божественная комедія* дѣйствительно оказала на умы воздѣйствіе, но совсѣмъ въ другомъ отношеніи: благодаря своей прелестной формѣ, еще и теперь чарующей даже иностраннаго читателя и дѣйствующей на фантазію,—эта поэма только укрѣпляла и культивировала въ умахъ общества вѣру въ то міросозерцаніе, противъ котораго боролся Помпонацци и люди, которые дѣйствительно могутъ быть названы его предшественниками.

Слѣдующимъ въ спискѣ «главныхъ вождей» (general leaders) скептическаго движенія поименованъ Петрарка. У Петрарки есть почти такъ же мало права называться скептикомъ, какъ и у Данте. Петрарка въ одномъ изъ своихъ трактатовъ (De otio religioso) прямо говоритъ, что монастырская жизнь пригодна для борьбы съ побужденіями грѣховной плоти и для побѣды *надъ религіозными сомнѣніями*. Въ этомъ же трактатѣ содержатся цвѣты обличительнаго краснорѣчія Петрарки: поэтъ доказываетъ, употребляя

при этомъ весьма энергичныя выраженія, что язычники, магометане и вообще еретики грубо и гнусно заблуждаются. Не довольствуясь этими обличеніями Петрарка обращается къ тѣнямъ античныхъ писателей и приглашаетъ ихъ поучиться истинѣ у папскаго Рима *). Подобныхъ цитатъ, доказывающихъ неоспоримо ортодоксальность убѣжденій Петрарки, можно было бы привести весьма много. Упомяну только еще объ его отношеніи къ Аверроэсу и аверроистамъ. Извѣстна та слѣпая ненависть, которую Петрарка всегда, а въ особенности въ концѣ жизни, проявлялъ къ арабскому комментатору и его единомышленникамъ. Проклятія, ругательства, насмѣшки такъ и сыплются изъ его устъ каждый разъ, когда эти безбожники обратятъ на себя вниманіе сердитаго гуманиста. Ренанъ утверждаетъ **), что Петрарка былъ по натурѣ человѣкомъ древняго классическаго міра, что онъ ненавидѣлъ средніе вѣка и все, что съ ними было связано, а потому не терпѣлъ и аверроизма. Но, вѣдь, монашество, римская догма и нетерпимость были гораздо тѣснѣе связаны съ средними вѣками, однако, Петрарка на нихъ не нападалъ и всегда являлся ихъ апологетомъ. Наконецъ, на какія стороны аверроизма наиболѣе яростно набрасывается изящный пѣвецъ Лауры? Не на черствое педантство, не на схоластическую запутанность построенія, не на варварское изложеніе ученій Аверроэса, какъ они проявлялись въ Италіи XIV вѣка, а именно на тѣ черты арабской доктрины, которыя однѣ въ ней имѣютъ историческое значеніе и связываютъ ее съ эпохою Помпонацци и съ европейскимъ скептицизмомъ XV и XVI столѣтій ***). Оуэнъ благоразумно оставляетъ въ сторонѣ всѣ тѣ произведенія Петрарки, въ которыхъ его католическія убѣжденія сказываются съ особенною силой, и, придерживаясь своего глубоко ошибочнаго метода, выдергиваетъ изъ Canzoniere стихи, кажущіеся ему скептическими. Не останавливаясь на этихъ цитатахъ, мнѣ кажется можно съ увѣренностью сказать: нѣтъ, Петрарка не былъ скептикомъ и къ предшественникамъ Помпонацци причисленъ быть не можетъ.

Очерковъ, посвященныхъ Пульчи, Боккаччіо, Гвиччіардини и Маккіавелли, я касаться не буду, такъ какъ о нихъ въ книгѣ Оуэна сказано всего по нѣсколько словъ. Изъ этихъ очерковъ лучшій посвященъ Пульчи; поэма Morgante Maggiore подвергнута дѣйствительно разбору и критикѣ, а не по-

*) Все это мѣсто приведено въ прекрасномъ переводѣ г. Корелинымъ въ его трудѣ *Ранній гуманизмъ и его исторіографія*. Этотъ переводъ несравненно изящнѣе высокопарнаго латинскаго подлинника. Мнѣ только кажется, что слово „forensis" лучше было бы перевести „свойственный форуму", а не „рыночный", какъ это сдѣлалъ г. Корелинъ... („здѣсь разсматривается дѣло не рыночное, но небесное" и пр.).

**) *E. Renan:* „Averroès et l'averroisme" (Paris, 1866), p. 329.

***) Для болѣе наглядной характеристики религіозной нетерпимости Петрарки даетъ много матеріала разсказъ о томъ, какъ однажды послѣ спора Петрарка вышвырнулъ вонъ изъ комнаты одного аверроиста (см. *Tiraboschi*: „Storia della letteratura italiana". T. V, p. 190; *Ernest Renan*: „Averroes", p. 333, 334; *И. Л.*: „Очерки скептической мысли во Франціи").

просту пересказана своими словами, какъ, напримѣръ, у Женгенэ *). Напрасно только Оуэнъ называетъ Гвиччіардини и Маккіавелли предшественниками Помпонацци: они были его современниками, потому что Маккіавелли выступилъ на общественную и литературную арену, когда Помпонацци уже много лѣтъ профессорствовалъ въ Падуѣ, а Гвиччіардини писалъ свою «исторію», когда философъ былъ уже старикомъ. Жизнь и дѣятельность Помпонацци разсказаны такъ живо и хорошо, что главу, посвященную великому скептику, нужно признать одною изъ лучшихъ во всемъ произведеніи. Что касается до біографій Джіордано Бруно и Ванини, то онѣ производятъ гораздо менѣе выгодное впечатлѣніе, можетъ быть, потому, что авторъ считаетъ здѣсь нужнымъ не излагать событія жизни и идеи этихъ двухъ мыслителей, а защищать ихъ отъ разныхъ обвиненій и подозрѣній. Я не останавливаюсь на этой второй части труда Оуэна, потому что, во-первыхъ, она носитъ гораздо болѣе компилятивный характеръ, чѣмъ первая (за исключеніемъ статей о Пульчи и Помпонацци) и, во-вторыхъ, сжатое изложеніе содержанія этой части дало бы только общеизвѣстные и часто малохарактерные факты изъ жизни поименованныхъ итальянскихъ писателей.

Въ заключеніе можно повторить, что работа Оуэна по содержательности, оригинальности взглядовъ на скептическія вѣянія 13 и 14 вв., по массѣ просто артистически расположенныхъ фактическихъ свѣдѣній, можетъ быть признана, безспорно, однимъ изъ выдающихся явленій современной исторіографіи. Можно отъ души пожелать, чтобы авторъ далъ продолженіе своего труда и коснулся бы дальнѣйшей, столь интересной для исторіи скептицизма—эпохи.

Евг. Тарле.

---

*) *Ginguené*: „Histoire de la litterature d'Italie". T. IV, p. 222 и слѣд.

Генрикъ Вергеландъ.

Очеркъ *).

Генрикъ Вергеландъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся и симпатичныхъ поэтовъ и общественныхъ дѣятелей Норвегіи, почти неизвѣстенъ русской читающей публикѣ; между тѣмъ эта крупная, яркая и въ высшей степени симпатичная личность, и по своему поэтическому дарованію и по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на норвежскую литературу въ частности и на весь ходъ норвежской культуры вообще, заслуживаетъ особаго вниманія. Вся дѣятельность Вергеланда, хотя и не особенно продолжительная — онъ умеръ всего 37 лѣтъ отъ роду — навсегда обезпечила за нимъ выдающееся мѣсто въ исторіи норвежской литературы.

Личная жизнь Вергеланда была настолько тѣсно сплетена съ его литературною и общественною дѣятельностью, что для полнаго выясненія послѣдней необходимо нѣсколько подробнѣе обрисовать первую.

Родился Вергеландъ 17 іюня 1808 г. въ г. Христіанзандѣ. Отецъ его, столь извѣстный впослѣдствіи священникъ Николай Вергеландъ, происходилъ изъ простыхъ крестьянъ, но еще мальчикомъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями, такъ что нашлись добрые люди, которые дали ему возможность получить высшее образованіе. Въ 1814 г. Николай Вергеландъ состоялъ членомъ собравшагося въ Эйдсвольдѣ норвежскаго законодательнаго собранія и проявилъ пылкую и энергичную дѣятельность. Къ сожалѣнію, его горячія патріотическія рѣчи страдали нѣкоторою высокопарностью и излишнею рѣзкостью. Свои отличительныя черты — горячность до необузданности и чрезмѣрную рѣзкость онъ передалъ и сыну своему Генрику, что не мало повредило послѣднему, особенно въ первый періодъ его литературной дѣятельности. Въ качествѣ страстнаго сторонника «національной норвежской партіи», отецъ Вергеланда былъ ярымъ врагомъ Даніи; съ особеннымъ озлобленіемъ напалъ онъ на нее, послѣ расторженія связывавшей Норвегію съ Даніей уніи, въ своей извѣстной

---

*) Переводъ помѣщенныхъ въ данномъ очеркѣ стихотвореній Вергеланда принадлежитъ Аннѣ Ганзенъ.

книгѣ *Политическія преступленія Даніи противъ Норвегіи.* Впослѣдствіи, когда у Генрика Вергеланда возгорѣлась ожесточенная литературная война съ представителями противоположнаго направленія, въ этой борьбѣ принялъ участіе и его отецъ и, проявляя при этомъ, какъ сторонникъ сына, свойственную ему горячность, часто являлся и одностороннимъ и несправедливымъ. Въ 1817 г. Вергеландъ-отецъ былъ назначенъ священникомъ въ Эйдсвольдѣ и здѣсь, въ этой колыбели свободы молодой Норвегіи, и выросъ Генрикъ Вергеландъ. Когда Генрику исполнилось 11 лѣтъ, его помѣстили въ гимназію (въ Христіаніи), гдѣ онъ сразу началъ писать стишки, больше юмористическаго содержанія. Писалъ онъ также и комедіи, которыя затѣмъ разыгрывалъ дома съ товарищами на святкахъ. Дѣтскія и юношескія упражненія Генрика часто приводили въ отчаяніе его учителя словесности, не видѣвшаго въ нихъ признаковъ дарованія. Отецъ Генрика былъ прозорливѣе, какъ это видно изъ его помѣтокъ въ дневникѣ; напримѣръ: «Я замѣчаю въ глазахъ Генрика какой-то особенный блескъ, котораго нѣтъ у другихъ моихъ дѣтей».

Блестяще окончивъ гимназію 17 лѣтъ, Генрикъ поступилъ въ университетъ. Передъ нимъ открылась новая жизнь, которая рисовалась ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и онъ безъ оглядки бросился въ бурный вихрь студенческой жизни. Силы въ немъ такъ и кипѣли, и онъ не успѣвалъ давать имъ надлежащаго выхода и примѣненія; ему хотѣлось «обнять весь міръ», охватить въ жизни все; все казалось ему нипочемъ, онъ не страшился ничего, не зная мѣры розмаху своей юной души. Если случалось ему полюбить кого, такъ ужъ до самозабвенія, возненавидѣть—тоже; середины онъ не зналъ. Въ общемъ у Вергеланда была душа ребенка. Слыша отъ кого-нибудь доброе, ласковое слово, которое затрогивало родственныя струны въ его душѣ, онъ горячо пожималъ руку собесѣдника и начиналъ считать его образцомъ человѣка и другомъ на всю жизнь, пока не открывалъ въ новомъ другѣ какой-нибудь стороны характера, не гармонирующей съ его чувствами; тогда всему былъ конецъ. Легко представить себѣ, что такой человѣкъ, какъ Вергеландъ, съ его пылкой, страстной натурой, потребностью видѣть вокругъ себя однихъ хорошихъ людей и вѣрой въ ихъ доброту, долженъ былъ перенести въ жизни жестокія разочарованія и много выстрадать, прежде чѣмъ обрѣлъ бо́льшую душевную устойчивость и равновѣсіе. Въ первыя минуты подобныхъ разочарованій, онъ бывалъ какъ бы придавленъ ударомъ, впадалъ въ отчаяніе, но скоро стряхивалъ съ себя тяжелое ощущеніе, вновь поднималъ голову и довѣрчиво глядѣлъ впередъ. Большимъ облегченіемъ была для него его способность изливать свое горе въ стихотвореніяхъ и тѣмъ освобождаться отъ него. Вообще, натура пылкая, неуравновѣшенная, быстро переходящая изъ одного настроенія въ другое, Вергеландъ часто вызывалъ жалобы близкихъ друзей на то, что съ нимъ невозможно вести связную бесѣду. Онъ перескакивалъ съ предмета на предметъ, точно молнія, прорѣзывающая зигзагами облака. Иногда, бесѣда какъ будто и клеилась, но вдругъ онъ вскакивалъ,

требовалъ перо и чернила и тутъ же набрасывалъ стихотвореніе. Оказывалось такимъ образомъ, что онъ, занятый своими думами, ни слова не слыхалъ изъ разумныхъ прозаическихъ рѣчей собесѣдниковъ.

Вѣрнѣйшимъ путемъ къ его сердцу былъ путь несчастья. Стоило ему увидѣть хотя бы злѣйшаго врага своего въ бѣдѣ, и онъ готовъ былъ отдать несчастному и одежду свою, и послѣдній свой грошъ. Поэтому-то онъ и былъ до послѣдней минуты своей жизни другомъ бѣдняковъ. Съ него было довольно одного слова, просьбы, жалкой мины просителя; онъ никогда не разбиралъ—достоинъ ли этотъ просящій помощи, или нѣтъ. Вслѣдствіе этого матери Генрика приходилось припрятывать подальше его одѣяла и постельное бѣлье, чтобы онъ не роздалъ всего.

На Вергеланда часто возводили обвиненія въ бурной, безпорядочной юности; но если въ этихъ обвиненіяхъ и была доля правды, то развѣ очень минимальная; главнымъ же образомъ всѣ обвиненія основывались на его собственныхъ разсказахъ. Молодой боецъ національной партіи, съ его любовью къ независимости, испытывалъ какое-то гордое удовлетвореніе въ томъ, чтобы рисовать себя гораздо чернѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. И когда вокругъ него шипѣли: «Вотъ онъ каковъ! Вотъ что натворилъ!»—онъ еще поддакивалъ: «Да, да! И еще не то-то!» Олицетвореніе кротости, когда съ нимъ обходились мягко и любовно, онъ проявлялъ непреодолимое упорство, когда пробовали взять его строгостью. Но можно ли было мѣрять общею мѣрой такого человѣка, который по его собственному опредѣленію «пробирался къ небесамъ на несущейся по вѣтру паутинкѣ», который «имѣлъ способность хохотать, когда другіе едва улыбнулись бы, плакать, когда другіе зѣвнули бы!»

Сестра Вергеланда, также извѣстная впослѣдствіи и талантливая писательница, Камилла Коллетъ, авторъ *Долгихъ ночей*, нарисовала прекрасную картину первыхъ юныхъ и, пожалуй, наиболѣе счастливыхъ лѣтъ жизни брата. И въ этой картинѣ нѣтъ и слѣда грубыхъ, необузданныхъ чертъ, приписываемыхъ Вергеланду. Напротивъ, въ ней удивительно рельефно выступаетъ свѣжая, оригинальная, нѣжная и дѣтская душа Вергеланда.

Весьма естественно, что, обладая такою пылкою натурой, Вергеландъ съ ранней юности сталъ страстно влюбляться то въ ту, то въ другую красавицу, и что чувство любви—нерѣдко глубокой, беззавѣтной—вообще играло въ его жизни и творчествѣ огромную роль. Нельзя поэтому не остановиться на его любовныхъ увлеченіяхъ нѣсколько дольше, тѣмъ болѣе, что они чрезвычайно характерно обрисовываютъ его личность.

Впервые онъ полюбилъ 15-ти лѣтъ отъ роду; предметомъ его страсти была, разумѣется, «дивно красивая молодая дѣвушка». Онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, вырѣзывалъ ея и свои иниціалы на корѣ двухъ сросшихся рябинъ, и всякій разъ, какъ возвращался домой на каникулы, радовался хорошему росту и развитію деревьевъ, принимая это за счастливое предзнаменованіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, дѣвушка стала невѣстой другого, и деревья начали хирѣть. Но что-жъ изъ этого? «Любовь моя,—пишетъ

самъ Вергеландъ,—была свободна отъ всякаго элемента чувственности; я далекъ былъ отъ мысли обладать любимымъ существомъ». И вотъ, онъ продолжалъ обрѣтаться въ томъ же любовномъ чаду и чувствовалъ себя наверху блаженства, если ему удавалось украдкою поцѣловать въ передней «ея» шляпу, когда дѣвушка бывала въ гостяхъ у его родителей. Въ то же самое время у него были кое-какія увлеченія и въ Христіаніи, гдѣ онъ учился, но они быстро исчезали, какъ дымъ, и въ глубинѣ души онъ оставался вѣрнымъ своему первому идеалу. Затѣмъ, уже студентомъ, онъ встрѣтилъ на балу другую молодую дѣвушку—«всю въ бѣломъ съ голубымъ», и съ нимъ случилось чудо,—онъ почувствовалъ себя влюбленнымъ одновременно въ двухъ дѣвушекъ «и въ миленькую блондинку, и въ блестящую брюнетку». Мало-по-малу оба эти существа слились въ его душѣ въ одинъ образъ, тотъ истинно-женственный, прелестный образъ, о которомъ самъ Вергеландъ говоритъ: «это былъ тотъ идеалъ женщины, который овладѣваетъ моею душой тогда, когда я далекъ отъ женщинъ». Вотъ этотъ идеалъ и есть та «Стелла», къ которой обращены всѣ его восторженныя пѣсни и которая является душой всей его поэзіи съ первыхъ студенческихъ лѣтъ. Вергеландъ самъ разсказываетъ въ своей прекрасной автобіографіи: «Каленые орѣхи съ ядрышками и пустые»—дальнѣйшія подробности какъ этого, такъ и другихъ своихъ любовныхъ увлеченій. Такъ между прочимъ онъ пишетъ: «Я былъ тогда студентомъ и первые полгода усерднѣйшимъ образомъ обдумывалъ вопросъ: влюбиться ли мнѣ въ № 2 и все-таки продолжать любить № 1? Каждый день я писалъ любовныя письма, разрывалъ ихъ въ клочки и выбрасывалъ изъ окна въ садъ, а старуха-хозяйка моя воображала, что яблоновый цвѣтъ осыпался въ этомъ году необычайно рано». Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и дѣйствительно написалъ своей возлюбленной и ея мачихѣ, послѣ чего его пригласили бывать въ домѣ, чтобы познакомиться поближе. «Каждое воскресенье я собирался къ нимъ. Я прихорашивался, смѣло спускался съ лѣстницы и проходилъ первыя улицы, но затѣмъ—да, ужъ признаюсь въ своемъ позорѣ!—со мной происходило тоже, что бываетъ, когда идешь къ зубному врачу: мужество мое падало по мѣрѣ того, какъ я приближался къ цѣли своего пути. Однимъ словомъ, я такъ и не попалъ въ домъ своей возлюбленной». И вотъ онъ узналъ къ величайшему своему удовольствію, что семейство ея переѣхало на лѣто на одинъ изъ островковъ въ Христіанійскомъ заливѣ; молодой влюбленный тотчасъ досталъ огромную подзорную трубу и, вооруженный ею, каждое утро отправлялся на берегъ для выслѣживанія. Въ теченіе двухъ недѣль онъ былъ наверху блаженства, видя почти каждое утро, какъ «она» выходитъ въ садъ ухаживать за цвѣтами. И вдругъ, онъ неожиданно узнаетъ, что ошибся дачей и увлекался все время созерцаніемъ не особенно привлекательной жены какого-то купца. Тогда онъ выучился вѣрнѣе направлять трубу и опять недѣли двѣ блаженствовалъ, открывъ нѣчто, что «могло бы, казалось, изображать любимый предметъ». Затѣмъ ему сообщили, что дѣвушка просватана, и Ген-

рикъ въ полномъ отчаяніи, выпивъ двѣ большія рюмки водки, бросился сломя голову домой. «Утопиться, повѣситься, отравиться, перейти въ католическую вѣру?... Или пристраститься къ игрѣ на билліардѣ? Тогда можно будетъ жить безъ помощи родителей...» Въ концѣ-концовъ онъ бросился писать стихи.

Несмотря на юморъ, съ которымъ Вергеландъ подъ конецъ жизни самъ описывалъ эти увлеченія, видно, что въ основѣ ихъ всегда лежало серьезное чувство, стремленіе обрѣсти желанный идеалъ женщины (Стеллы) во плоти. Образу Стеллы онъ остался вѣренъ до конца. Такъ онъ говоритъ, между прочимъ, о томъ ужасѣ, который онъ всегда испытывалъ при мысли о привидѣніи, «но духъ этой дѣвушки (она вскорѣ умерла) никогда не внушалъ мнѣ страха. Напротивъ, въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ казалось, будто она продолжаетъ принимать участіе въ моей жизни и будто образъ ея витаетъ вокругъ меня, невидимый мною, хотя я и часто умолялъ ее въ ночной тишинѣ показаться мнѣ, если только возможно. «Она всегда представлялась мнѣ въ «бѣломъ съ голубымъ», какъ я видѣлъ ее впервые; иначе я и не могъ представить ее себѣ». До какой степени онъ полонъ былъ мыслями о своей идеальной любви, видно изъ того, что «Стелла» продолжала быть его музой даже и послѣ того, какъ онъ сталъ счастливымъ мужемъ. Такъ, наприм., въ стихотвореніи «Возвращеніе моей жены» онъ описываетъ, что при звукѣ ея шаговъ ему слышится изъ окна голосъ Стеллы:

Это я, а не „она“ *)
— Зазвучало изъ окна,
Словно звонъ хрустальныхъ лилій,
Словно шелестъ мягкихъ крылій...
Это я, узнай меня!
Твой хранитель-ангелъ я.
Отъ земли я отлетѣла,
Прежде, нежели успѣла
О любви узнать твоей.
Но теперь воскреснетъ въ „ней“
Все, что я въ душѣ хранила:
Нѣга, умъ, любовь и сила!
Я сольюсь съ „ея“ душой,
Чрезъ „нее“ же и съ тобой.

Неустанныя попытки Вергеланда найти себѣ невѣсту свидѣтельствуютъ также о томъ, какъ онъ вообще стремился къ семейной жизни, къ домашнему очагу. Увы! всѣ его попытки долгое время кончались полною неудачей. Изъ этихъ попытокъ особенно интересна одна, когда онъ проявилъ необычайное мужество, три раза идя на приступъ—всякій разъ съ одинаково плачевнымъ результатомъ. Въ первый разъ Вергеландъ послалъ молодой дѣвушкѣ прелестную серебряную корзиночку съ земляникою и полуспѣлымъ колосомъ ржи при запискѣ съ слѣдующими строками изъ «Фритьофа» Тегнера:

*) „Она“, т.-е. жена.

Ей съ поля первый цвѣтъ душистый,
Ей земляники первый пукъ,
Ей первый колосъ золотистый
Приноситъ Фритьофъ вѣрный другъ *).

Новый Фритьофъ, однако, получилъ свой даръ обратно. Тогда онъ написалъ возлюбленной письмо на цѣлыхъ трехъ листахъ, въ которомъ просилъ ея руки. Не имѣя терпѣнія дожидаться отвѣта по почтѣ, онъ самъ отправился вслѣдъ за письмомъ, прибылъ раньше его и имѣлъ затѣмъ удовольствіе лично передать его возлюбленной. И вотъ, пришлось ему, сидя въ сосѣдней комнатѣ, какъ на горячихъ угольяхъ, прислушиваться къ шуршанью въ рукахъ молодой дѣвушки листовъ своего полновѣснаго письма. Какъ онъ проклиналъ эти безконечные листы, заставлявшіе его томиться такъ долго въ ожиданіи рѣшенія, и съ отчаянія уписывалъ предложенные ему печенья, варенье и чай въ невѣроятномъ количествѣ. Наконецъ, былъ вынесенъ приговоръ — мягкій отказъ. Отвергнутый женихъ постарался какъ можно скорѣе убраться во свояси, хотя радушный хозяинъ и предлагалъ ему остаться, выпить пунша и махнуть на все рукою. Затѣмъ, Вергеландъ отважился на одномъ балу на третій отчаянный словесный приступъ къ той же дѣвушкѣ и, «выбѣжавъ изъ дому безъ оглядки, съ глухимъ ревомъ и третьимъ отказомъ, бросился съ высокаго моста внизъ головой, но такъ удачно, что попалъ въ мягчайшій коверъ клевера». Въ воспоминаніяхъ своихъ Вергеландъ описываетъ всѣ подобныя приключенія въ веселомъ, легкомъ тонѣ, но въ свое время онъ относился къ нимъ далеко не такъ легко; объ этомъ говорятъ его письма, относящіяся къ тому времени. Такъ, наприм., онъ писалъ, получивъ отказъ въ третій разъ: «Я теперь спокоенъ, какъ арфа, на которой порвались всѣ струны». «Одна осталась у меня надежда, что Господь скоро приберетъ меня». «Отчаяніе—ужасное чувство». Вообще отношенія Вергеланда къ этой возлюбленной и ея матери были удивительно трогательными. Онъ съ довѣрчивостью ребенка признавался имъ во всѣхъ своихъ сумасбродствахъ, просилъ прощенія, обѣщалъ исправиться и воспѣвалъ свою возлюбленную въ стихахъ, полныхъ яркихъ красокъ и глубокаго чувства.

И вотъ, въ такую-то эпоху своей жизни (1830 г.), когда онъ переходилъ отъ надежды и счастья то къ бурному, то къ глухому отчаянію, когда его душу безпрестанно волновали самыя разнохарактерныя чувства и ощущенія, и въ самый разгаръ своихъ университетскихъ занятій Вергеландъ смогъ сосредоточиться на созданіи грандіозной поэмы, которую подъ конецъ жизни признавалъ крупнѣйшимъ и лучшимъ своимъ трудомъ. Поэма эта называлась *Человѣкъ, сотвореніе міра и Мессія;* въ ней Вергеландъ попытался выполнить трудную задачу—изобразить возникновеніе, развитіе и конечную цѣль вселенной. Уже на одрѣ болѣзни, сведшей его

*) Переводъ Я. Грота.

въ могилу, Вергеландъ взялся за капитальную переработку поэмы, такъ какъ успѣлъ убѣдиться въ томъ, что она «страдала всѣми слабостями юношескаго произведенія, изображала чугунную массу прямо изъ печи, причемъ съ нея не былъ даже сметенъ песокъ отъ формы». Но онъ видѣлъ въ ней также «самую выдающуюся поэму родной литературы» и понималъ, что «никто, кромѣ него самого, не въ состояніи такъ понять ее и смахнуть съ нея пылинки могучими взмахами крыльевъ».

Основная идея этой замѣчательной по поэтическимъ красотамъ поэмы не нова. Въ поэмѣ проводится въ сущности только старое ученіе Руссо о невинности и блаженствѣ первобытнаго человѣка.

Въ общемъ поэма какъ нельзя лучше служитъ отраженіемъ юношескаго творчества Вергеланда. Рядомъ съ блестящими мыслями и удивительными поэтическими красотами встрѣчаются крайнія нелѣпости и безвкусіе. Рядомъ со строками, въ которыхъ онъ, смиренно отказываясь отъ всякаго сравненія съ великими людьми своей родины, говоритъ:

„Могу-ль я себя и съ фіалкой сравнить,
Таящей въ сердечкѣ лишь каплю росы,
Что можетъ въ себѣ небеса отразить?...“—

встрѣчаются самыя нелѣпыя сравненія. Необузданная фантазія Вергеланда дѣлаетъ порою такіе чудовищные прыжки, что у читателя голова начинаетъ кружиться. Онъ мечется отъ ледяныхъ пустынь Гренландіи къ палящему солнцу юга, отъ сѣвернаго полюса къ южному, отъ преданій древней Греціи къ миѳологіи сѣвера, потомъ къ дебрямъ американскихъ лѣсовъ и т. п. Онъ хочетъ охватить сразу всѣ времена, страны и поколѣнія. Вообще онъ часто совершенно закрываетъ глаза и даетъ полную волю своей фантазіи нести его куда угодно. Не мудрено поэтому, что поэма Вергеланда нашла мало цѣнителей. Но при всѣхъ ея недостаткахъ она все-таки является однимъ изъ величайшихъ произведеній сѣверной поэзіи, настоящимъ золотымъ дномъ для того, кто жаждетъ истинной поэзіи и у кого хватитъ терпѣнія одолѣть утомительныя длинноты, отъ которыхъ поэма не освободилась и въ переработанномъ видѣ.

II.

Вполнѣ естественно, что, отличаясь такою горячею натурой, Вергеландъ не могъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ совершавшихся вокругъ него общественныхъ и политическихъ событій, тѣмъ болѣе, что Норвегія въ то время какъ разъ переживала кризисъ.

До 1830 г. Норвегія въ теченіе нѣкотораго времени находилась въ состояніи какой-то разслабленности и даже спячки, смѣнившихъ возбужденное состояніе страны—сильный подъемъ народнаго духа и патріотизма, вызванный взрывомъ негодованія противъ Даніи, которая въ 1814 г. уступила безъ удара меча Норвегію Швеціи. Негодованіе объединило весь норвежскій народъ и заставило вспыхнуть въ немъ съ небывалою силой лю-

бовь къ родинѣ. Къ сожалѣнію, любовь эта выражалась главнымъ образомъ восторженными рѣчами, горделиво-сладкими мечтами о «свободной» Норвегіи (новая конституція даровала странѣ новыя права) и прославленіемъ «величія древней Норвегіи», «норвежскаго льва» и т. д. Для того же, чтобъ укрѣпить существовавшую пока только на бумагѣ «свободную» Норвегію и поднять народъ, стоявшій на самомъ низкомъ уровнѣ и по образованію, и по нравственности — не дѣлалось ничего. Вообще, когда первый пылъ улегся, все пошло по-старому, и, несмотря на громкія рѣчи о преимуществахъ Норвегіи передъ Даніей, и о томъ, что теперь-де можно обойтись собственными силами, литература и вообще умственная жизнь въ Норвегіи влачили самое жалкое существованіе, пробираясь все по тѣмъ же старымъ колеямъ. Но вотъ, въ 1830 г., Норвегія какъ бы проснулась. Пробужденіе ея можно было сравнить съ пробужденіемъ заспавшагося ребенка, который потягивается, протираетъ глаза, удивленно озирается и видитъ, что, во-первыхъ, онъ подросъ и окрѣпъ, а во-вторыхъ, что ему нужно чѣмъ-нибудь показать себя. И чѣмъ же подростокъ показываетъ себя? Первымъ долгомъ пріобрѣтаетъ монокль, тросточку, пьетъ пиво въ огромномъ количествѣ и, показываясь на главной улицѣ столицы, бьетъ тросточкой по ногамъ прохожихъ, не успѣвшихъ посторониться. Такъ приблизительно повела себя въ 30-хъ годахъ и молодая Норвегія. Вергеландъ былъ истиннымъ дѣтищемъ своего времени и своего народа-подростка, находившагося именно въ томъ возрастѣ, который такъ привлекателенъ своею юностью, свѣжестью, отвагой и силою, но, въ то же время, и смѣшонъ своею крайнею незрѣлостью и ребяческою самоувѣренностью, неумѣющею разсчитывать своихъ силъ.

Патріотическое увлеченіе энтузіастовъ, стоявшихъ за духовное и политическое обновленіе и полную самобытность страны, впервые стало на твердую почву, найдя столь даровитаго сторонника и страстнаго бойца-предводителя, какъ Вергеландъ, бывшій еще студентомъ. Большинство членовъ «національной партіи» (такъ назвали себя приверженцы упомянутаго движенія) и принадлежало къ студентамъ, вообще игравшимъ въ то время большую роль въ общественной и духовной жизни молодой страны. Въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ національная партія доходила до крайностей, выказывая свою самобытность и національный чисто-норвежскій духъ во всемъ, даже въ одеждѣ и образѣ жизни, настаивая на томъ, что слѣдуетъ одѣваться только въ домотканные холстъ и сукно крестьянскаго издѣлія и питаться медвѣжьимъ мясомъ. Особенно же сильно проявлялась нетерпимость національной партіи ко всему «чужому» въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и театру. Съ питавшею Норвегію такъ долго датскою культурою рѣшено было порвать всякую связь. Стремленія въ данномъ направленіи привели, между прочимъ, и къ попыткамъ создать свой собственный чисто-норвежскій литературный языкъ *), не увѣнчавшимся, впрочемъ, особеннымъ успѣхомъ.

*) Вслѣдствіе общности культуры и духовнаго единства Норвегіи съ Даніей въ

Нечего и говорить, что Вергеландъ, въ качествѣ приверженца національной партіи, проявилъ свойственныя ему страстность и увлеченіе до крайнихъ предѣловъ. Онъ съ ногъ до головы одѣлся въ родныя, кустарныя издѣлія, питался лишь лошадинымъ и медвѣжьимъ мясомъ и кашей и повелъ ожесточенную борьбу съ представителями противныхъ взглядовъ. Крайніе взгляды національной партіи встрѣтили противовѣсъ въ той части норвежскаго общества, которая считала необходимымъ сохранять связь съ датскою культурою, а чрезъ нее и съ общеевропейскою, такъ какъ плохо еще вѣрила въ «духовное совершеннолѣтіе» Норвегіи. Предводителемъ этой партіи, присвоившей себѣ наименованіе «интеллигентной» и состоявшей также главнымъ образомъ изъ студентовъ, явился не менѣе даровитый Іоганъ Себастіанъ Вельгавенъ (род. 1807 г. † 1873 г.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ борьба обострялась все больше, изъ чисто-литературной стала общественно-политическою, противники ожесточались все сильнѣе и не щадили другъ друга въ печатныхъ органахъ своихъ партій, въ разныхъ брошюрахъ, летучихъ листкахъ и проч. Борьба не легко досталась Вергеланду, который, по своей не знающей границъ натурѣ, былъ всегда «въ самомъ пылу битвы» и являлся для противниковъ самою главною и крупною мишенью. Жизнь Вергеланда была въ эту эпоху поэтому крайне незавидной: вѣчно раздражаемый, преслѣдуемый, поносимый, непонимаемый, унижаемый, онъ тщетно искалъ утѣшенія и во взаимной любви, въ которой ему все отказывали. Правда, онъ вызывающе писалъ, что «проводить жизнь въ борьбѣ—наслажденіе, только бы былъ у тебя кулакъ, табакъ и кофе»! Но вѣчно поддерживать въ себѣ такое настроеніе никому не подъ силу, и Вергеландъ не избѣгалъ минутъ унынія, душевной усталости и мучительныхъ думъ, которыя и выливалъ въ стихахъ, но затѣмъ опять чувствовалъ новый приливъ силъ и пѣлъ:

Сердце крѣпнетъ отъ страданья,
Сила мышцъ въ борьбѣ растетъ.
Средь пальбы и грохотанья
Голосъ силу обрѣтетъ!
Слабость мужу непристойна
И поэта недостойна.
Помни: мужъ ты и поэтъ!

Мраченъ ты, и—на мгновенье
Брызнетъ лучъ изъ облаковъ,—
Вновь ты полонъ вдохновенья,
Гимнъ природѣ пѣть готовъ!
Хмѣль впиваешь ты съ росою...
Чьей же мощною рукою
Можетъ сломленъ быть поэтъ?...

И вотъ, способный забыть всѣ горести, созерцая красоты природы, способный «опьянѣть отъ капли росы», Вергеландъ и находилъ отраду,

течеціе 400-лѣтней уніи образовался и общій государственный и литературный языкъ—датскій.

утѣшенье и обновленье въ природѣ и въ творчествѣ. Вергеландъ былъ поэтомъ въ полномъ значеніи этого слова, притомъ поэтомъ вполнѣ самобытнымъ и сознававшимъ всю высоту и значеніе своего призванія. На презрѣнье и брань онъ отвѣчалъ смѣлымъ пророчествомъ, что «у его могилы ненависть смолкнетъ, а люди сознаютъ, что́ они потеряли въ немъ». Широкая натура Вергеланда, стремившійся все обнять, все изведать духъ его и не знавшая преградъ фантазія, конечно, должны были иногда заставлять его тяготиться скромными рамками своей дѣятельности, своей судьбой, заставившей его писать на малораспространенномъ языкѣ, только для маленькой страны, гдѣ вдобавокъ его еще не понимало большинство. И вотъ у него вырывались такіе стихи:

Горный орелъ, съ перебитымъ крыломъ,
Съ цѣпью тяжелой вкругъ ногъ обвитою,
Долгіе годы—не вольнымъ орломъ—
Бывшій хозяйской собакой цѣпною,
Все же страдаетъ не такъ, какъ поэтъ,
Въ маломъ, безвѣстномъ народѣ рожденный,
Пѣть для него одного принужденный,
Пѣть языкомъ, для котораго нѣтъ
Выхода въ свѣтъ изъ родного угла!...

Въ другія минуты онъ, напротивъ, радовался, что рожденъ въ «странѣ свободы», гдѣ есть много надъ чѣмъ потрудиться, и пѣлъ:

Пусть мнѣ край родной сплетаетъ
Изъ терновника вѣнецъ,
Все-жъ не мыслитъ, не вздыхаетъ
О краяхъ чужихъ пѣвецъ!

И онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что лира его, все-таки, можетъ собрать вокругъ него небольшой кружокъ друзей, а

Пѣвцу дороже горсть друзей,
Чѣмъ сонмъ чужихъ ему людей!

Къ несчастью, для него наступило и такое время, когда отъ него отшатнулись даже друзья. Горячій нравъ Вергеланда, страстность, съ какою онъ велъ литературную и политическую борьбу съ противомыслящими кругами, помѣшали ему получить мѣсто священника, котораго онъ искалъ; между тѣмъ жить ему чѣмъ-нибудь было надо, тѣмъ болѣе, что онъ, наконецъ, нашелъ невѣсту и собирался жениться, на литературный заработокъ (отъ печатанія стиховъ и проч.) въ тѣ времена нечего было надѣяться, и вотъ Вергеландъ рѣшился принять отъ лично расположеннаго къ нему короля Швеціи и Норвегіи Карла Іоганна субсидію въ 200 далеровъ, чтобъ основать на эти средства газету для рабочаго сословія. Противники Вергеланда подняли цѣлую бурю, обзывая его, сторонника свободы, «придворнымъ пенсіонеромъ», «измѣнникомъ отечеству» и т. п. Мало того, отъ него отшатнулись самые друзья, окрестивъ его Іудой. Вергеландъ выби-

зался изъ силъ, доказывая и устно, и печатно, всѣми своими трудами, всею своей жизнью, что и не думалъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ, но никто не хотѣлъ ни слушать его, ни читать; всѣ отрекались отъ него, плевали на него. Такимъ образомъ поэтъ, отдававшій всю душу свою за свой народъ, очутился одинъ противъ этого народа. Объ отчаяніи Вергеланда въ это время лучше всего свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ, противникъ Даніи, всю жизнь ратовавшій противъ датскаго вліянія на культуру Норвегіи, бросился искать справедливости и пониманія у представителей этой датской культуры и несказанно обрадовался привѣту датскаго писателя Гейберга.

Къ счастью, сильная, здоровая душа Вергеланда не дала ему пасть подъ бременемъ общаго недовѣрія и непониманія; онъ выдержалъ испытаніе, напрягъ всѣ свои душевныя и умственныя силы, и никогда еще онѣ не достигали такого развитія и просвѣтлѣнія, какъ именно въ это время. Большою поддержкой было для него семейное счастье. Королевская субсидія и неожиданно-крупный литературный заработокъ (гонораръ за пьесу) позволили ему отдаться любимому труду—изданію еженедѣльной газеты для народа, а также устроить себѣ домашній очагъ. Купивъ въ уединенной мѣстности, за городомъ, небольшой домикъ съ садомъ, Вергеландъ зажилъ тамъ, весь уйдя въ собственный міръ, работалъ для народа и изучалъ исторію Норвегіи, роясь въ хранилищахъ государственнаго архива, при которомъ вскорѣ получилъ мѣсто библіотекаря. Плодомъ этихъ занятій явился цѣлый рядъ популярныхъ историческихъ очерковъ и большой, къ сожалѣнію, не оконченный имъ трудъ *Исторія норвежской конституціи*. Въ семейной жизни Вергеландъ обнаружилъ всю мягкость, нѣжность, сердечность и преданность своей чисто-дѣтской натуры, былъ тихъ, уступчивъ и незлобивъ. Уголокъ свой—домикъ и садикъ—онъ любилъ страстно, самъ устраивалъ и украшалъ свое жилище, ухаживалъ за садикомъ и радовался, какъ дитя, каждой новой распускавшейся розѣ.

Ведя крайне простой, скромный образъ жизни, питаясь самою грубою пищею, нося самую незатѣйливую одежду, Вергеландъ былъ щедръ только на помощь нуждающимся. Состраданіе его и желаніе помочь доходили до того, что онъ, когда его собственные рессурсы истощались, ходилъ по всему городу, выпрашивая для бѣдняковъ старое платье, обувь и проч. и зачастую возвращался домой съ огромнымъ, туго набитымъ мѣшкомъ за спиною. Чтобъ испытать сострадательность своихъ земляковъ и на себѣ испытать участь бѣдняковъ, онъ ходилъ также иногда, переодѣтый нищимъ, по всей странѣ, отъ дверей къ дверямъ, прося подаянія, которое затѣмъ отдавалъ другимъ бѣднякамъ. Зато и не было въ Норвегіи другого человѣка, который бы пользовался такой популярностью и любовью въ простомъ народѣ. Вергеландъ зналъ это, и это сознаніе доставляло ему большое утѣшеніе въ тяжелыя времена отверженія его образованными классами общества. Онъ съ справедливою гордостью говаривалъ, что «положи онъ свои часы на перила городского моста съ запиской, что часы

принадлежатъ Вергеланду,—никто ихъ не тронетъ». За совѣтами къ нему шли не только всѣ окрестные жители, но даже изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ пріѣзжала масса народа «къ своему Генрику». Стихотворенія Вергеланда народъ понималъ плохо, но по всему чуялъ въ немъ своего вѣрнаго друга и ходатая, трудившагося по мѣрѣ силъ своихъ для народнаго блага. Плодами неутомимой дѣятельности Вергеланда въ этомъ направленіи были воскресныя народныя школы, уѣздные союзы ревнителей народнаго просвѣщенія, народныя библіотеки и читальни, а также множество популярно-изложенныхъ брошюръ и книгъ (напримѣръ, *Книга для чтенія юношеству*, *Житейская мудрость и благосостояніе*, *Исторія Норвегіи для народа* и проч.), въ которыхъ трактовались различные назрѣвшіе вопросы, давались общеполезныя свѣдѣнія и совѣты и т. п. Для издаваемой имъ еженедѣльной газеты для рабочаго сословія онъ писалъ статьи и разсказы, которые должны были вызывать и развивать въ простолюдинѣ любовь къ родинѣ, къ просвѣщенію, къ труду, къ умѣренности и къ кустарнымъ промысламъ. Словомъ, Вергеландъ всячески старался способствовать поднятію и облагороженію простого человѣка.

Поборникъ свободы, противникъ всякой несправедливости, защитникъ всего слабаго и притѣсняемаго, любившій всѣхъ людей какъ братьевъ, Вергеландъ не могъ также не возстать на защиту гонимаго тогда еврейскаго племени, которому воспрещено было даже ступать на почву Норвегіи. Плодами симпатій Вергеланда къ обездоленнымъ евреямъ явились прекраснѣйшія поэмы: *Еврей* и *Еврейка*.

Помимо литературной и политической борьбы не мало отравили жизнь Вергеланда и судебные процессы, въ которые вовлекали его вспыльчивость, невоздержность въ выраженіяхъ и неуступчивость. Одинъ изъ такихъ процессовъ длился нѣсколько лѣтъ и привелъ, наконецъ, къ продажѣ съ аукціона (для покрытія судебныхъ издержекъ и штрафа) столь дорогого ему уголка—домика съ садикомъ. Вергеландъ перенесъ потерю съ рѣдкимъ спокойствіемъ духа и затѣмъ отдался новымъ планамъ и мечтамъ о постройкѣ новаго домика и устройствѣ новаго жилища, въ которомъ большую роль должна была играть кухня съ «длиннымъ, солиднымъ столомъ и скамьями вокругъ, на которыхъ размѣщались бы для общей трапезы въ кануны праздниковъ и торжественныхъ дней онъ съ женою и вся прислуга». Планамъ этимъ, однако, не суждено было сбыться. Бурной, богатой душевными волненіями и потрясеніями жизни Вергеланда близился конецъ. Чахотка, первые признаки которой обнаружились весной 1844 г., въ слѣдующемъ 1845 г. уже свела его въ могилу. Къ великому утѣшенію его наболѣвшаго сердца, Вергеланду еще при жизни пришлось увидѣть то, на что онъ надѣялся лишь по смерти,—ненависть смолкла еще передъ одромъ его болѣзни, и люди поняли, кого теряютъ въ поэтѣ. Едва распространились слухи о неизлѣчимомъ недугѣ Вергеланда, у всѣхъ съ глазъ какъ бы спала завѣса, и всѣхъ—и друзей, и враговъ его—охватило одно единодушное желаніе, возможно явственнѣе воздать должное его сердцу и

заслугамъ передъ родиной, въ чемъ ему такъ долго отказывали. О радости, какую доставилъ такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи самому Вергеланду, говорятъ его письма. Такъ, наприм., онъ писалъ въ январѣ 1845 г. слѣдующее: «Я осыпанъ доказательствами любви и преданности со стороны моихъ земляковъ; меня посѣщаютъ члены стортинга; одинъ вдругъ безо всякой аффектаціи и со слезами на глазахъ поцѣловалъ у меня руку». Когда узнали, что Вергеланду нуженъ свѣжій воздухъ и побольше солнца, къ нему явились сторожа съ маяка съ предложеніемъ дарового помѣщенія и ухода у нихъ на маякѣ. Простые люди присылали ему трогательныя письма; вдова короля Карла-Іоганна также осыпала его знаками вниманія и соболѣзнованія.

Вергеландъ не былъ огорченъ близостью смерти,—напротивъ, шелъ ей на встрѣчу съ какою-то дѣтскою радостью, точно птичка, рвущаяся къ небесамъ. Физическія страданія не вліяли на его духъ, и онъ проявилъ на одрѣ болѣзни изумительную дѣятельность,—продолжалъ трудиться по-прежнему на поприщѣ благотворительности, народнаго просвѣщенія и поэзіи, издавалъ газету, переработалъ свою большую юношескую поэму *Человѣкъ*, написалъ замѣчательную по чистосердечію и юмору автобіографію, комедію и много прекрасныхъ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, написанныя непосредственно предъ смертью, стоятъ на-ряду съ лучшими его стихотвореніями; наприм. *Золотой левкой*.

Левкой, прекрасный, золотистый,
Ты не успѣешь отцвѣсти,
Какъ стану пылью я землистой
Въ землѣ сырой. Прости, прости!

Твоя головка золотая
Пусть встрѣтитъ взоръ послѣдній мой;
Душа, изъ тѣла улетая,
Облобызаетъ вѣнчикъ твой.

Ты два получишь поцѣлуя:
Одинъ дарю тебѣ, другой—
Въ мой милый садъ, когда умру я,
Снеси ты розъ кусту, левкой!

Скажи ему: не ждать расцвѣта
Мнѣ этихъ милыхъ сердцу розъ.
Такъ надъ могилою поэта
Хочу, чтобъ кустъ цвѣтущій росъ.

Чтобъ мнѣ на грудь свое благоуханье
Лила изъ розъ избранница твоя,
Которой ты отдашь мое лобзанье,
Когда усну сномъ вѣчнымъ я!...

Въ письмѣ къ отцу отъ 17 мая 1845 г. Вергеландъ писалъ: «Милый, дорогой отецъ! Я чувствую себя нѣкоторое время, и особенно сегодня, такъ плохо, что думаю — мнѣ не долго жить. Но что бы ни случилось,

помни, милый, любимый отецъ, что то же случалось и со многими другими людьми, куда крѣпче меня. Вспомни хоть Аубертеновъ; и имъ пришлось покинуть жизнь во цвѣтѣ лѣтъ. Мысли о величіи Божіемъ и о моемъ собственномъ ничтожествѣ много утѣшаютъ меня».

Еще за два дня до смерти онъ продолжалъ писать, а потомъ, когда рука уже не подымалась болѣе, хотѣлъ диктовать. Весь послѣдній день своей жизни (11 іюля 1845 г.) онъ провелъ въ спокойной бесѣдѣ съ докторами, описывая имъ, какъ смертный холодъ подымается у него по рукамъ все выше и выше, и спрашивая, какъ долго это можетъ продлиться.

Въ часъ дня онъ очнулся отъ легкаго забытья и сказалъ: «Мнѣ такъ сладко дремалось... Мнѣ грезилось, что я лежу на рукахъ у матери!» Это и были его послѣднія слова. Нѣсколько минутъ спустя, онъ тихо, безболѣзненно уснулъ на вѣки.

У воротъ, на дворѣ, въ саду дома Вергеланда еще съ вечера предыдущаго дня дежурили толпы народа, съ напряженіемъ ожидая вѣстей о ходѣ болѣзни. Потомъ эти толпы, пополнявшіяся все новыми и новыми почитателями Вергеланда, потянулись непрерывною вереницей прощаться съ усопшимъ, лежавшимъ, какъ король на парадномъ ложѣ, съ ясною улыбкой на устахъ. Прощаніе продолжалось нѣсколько дней: вся страна хотѣла отдать покойному послѣдній долгъ; и старъ, и младъ, и богачъ, и бѣднякъ шли поклониться «Генрику»; матери подымали дѣтей, чтобъ они могли запечатлѣть въ памяти черты усопшаго. Хоронили Вергеланда 17 іюля. Никогда еще не видали въ Христіаніи такого стеченія народа за гробомъ простого смертнаго. Люди просто дрались за право нѣсколько минутъ нести гробъ и силой пробивались сквозь толпу, чтобы хоть прикоснуться къ гробу. Словомъ, къ похоронамъ Вергеланда можно было бы примѣнить его собственное стихотвореніе, написанное имъ по поводу похоронъ друга его Бьеррегора:

Теперь онъ—трупъ похолодѣлый,
Такъ время честь ему воздать,
За трудъ и муки жизни цѣло
По смерти лаврами вѣнчать!
Ему камнями угрожали,
Но дней его пресѣклась нить,
И люди тотчасъ пожелали
Цвѣтами камни замѣнить.

III.

Прослѣдивъ за жизнью Вергеланда отъ юности его и до смерти на 38 году отъ рожденія, мы видѣли, какія силы бродили въ его мятежной душѣ, какъ онъ бросался съ головою во всѣ жгучіе вопросы времени и зачастую выходилъ изъ нихъ съ серьезными обжогами. Онъ былъ поэтомъ во всемъ, что дѣлалъ и что говорилъ; часто онъ говорилъ черезчуръ страстно, рѣзко, часто слѣпо подчинялся минутному настроенію, но въ то же время

отличался и особымъ даромъ поэта—собирать молодыя силы вокругъ знамени будущаго. Истинною двигательною силой и въ его творчествѣ, и во всей его жизни,—они шли рука объ руку,—была любовь, любовь ко всему мірозданію, и къ человѣку, и къ животнымъ, и къ растеніямъ. Все въ мірѣ, начиная съ полевой былинки и кончая голубымъ сводомъ небеснымъ, участвовало, на его взглядъ, въ созданіи грандіозной міровой поэмы, въ міровой ораторіи, въ которой онъ различалъ отдѣльные тоны и звуки и воспроизводилъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ. Вселенная постоянно развертывала передъ нимъ свои образы и картины, и онъ радовался, какъ дитя, созерцая ея красоту и богатство. «Не забывай ни звѣздъ, ни цвѣтовъ, ни червяка въ пыли!» говорилъ Вергеландъ, видя во всемъ частицу прекраснаго цѣлаго—вселенной, являющейся «гимномъ вселюбви». Свѣтила небесныя онъ называетъ «шумящими облаками пыли, вздымающейся подъ стопами Господа»; буря у него «проносится надъ вершинами сосенъ, воспѣвая «Te Deum», рѣчка, протекая по землѣ, «журчитъ благословеніе», и даже цвѣточекъ мха является «небесною часовней», человѣкъ же это—вѣнецъ творенія, «смыслъ и душа вселенной, слово Бога къ Самому Себѣ».

Вергеландъ вообще былъ пѣвцомъ сердца. И, какъ онъ, не пѣлъ никто. Переносилъ ли онъ слушателя въ хижину крестьянина, или въ дѣтскую, пѣлъ ли веселую пѣснь матросовъ, просилъ ли состраданія для тѣхъ, «кто мокнетъ подъ дождемъ, сушится на сквозномъ вѣтру и солитъ хлѣбъ своими слезами въ открытомъ полѣ», переносилъ ли слушателя въ каморку лоцмана или въ обширную храмину природы — всегда онъ проявлялъ то же богатство идей и образовъ, ту же свѣжесть и прелесть творчества, которыя увлекали даже людей предубѣжденныхъ. Въ юности въ душѣ Вергеланда бушевалъ цѣлый океанъ, и свѣтлыя мысли, ясные образы какъ-то исчезали въ общемъ пестромъ, сверкающемъ хаосѣ картинъ, которыя его необузданная, ненасытная фантазія, пренебрегая всѣми правилами формы, хватала и съ сѣвера, и съ юга, и съ востока, и съ запада. Но затѣмъ, подъ ударами бичей тонкихъ критиковъ-эстетиковъ, фантазія его мало-по-малу приручилась, цивилизовалась, не теряя, однако, своей смѣлости и высоты, подчинилась формѣ, и послѣднія произведенія Вергеланда уже гораздо совершеннѣе по формѣ, проявляя прежнюю поэтичность и богатство идей, образовъ и чувства. Заразительный, свѣжій, здоровый юморъ Вергеланда проявлялся и въ его комедіяхъ, и въ фарсахъ, но съ наибольшею силой и яркостью вылился въ его замѣчательной автобіографіи.

Главное же значеніе дѣятельности Вергеланда заключается въ томъ, что онъ былъ истинно-національнымъ поэтомъ и дѣятелемъ. «Его мысли,—говоритъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ,—были плоть отъ плоти, кровь отъ крови мыслей народа, и мы, по крайней мѣрѣ, цѣлое столѣтіе еще будемъ жить и питаться этими мыслями, и не только въ отвлеченныхъ вопросахъ, но и въ матеріальныхъ—отъ вопроса о разведеніи лѣсовъ и до вопроса объ осушеніи болотъ. Онъ видѣлъ наши общественные недуги и недостатки, любилъ все, что мы имѣли хорошаго, высказывалъ наши стремленія, ра-

боталъ для нашихъ потребностей—даже для такихъ, въ которыхъ далеко не былъ компетентенъ. Онъ кипѣлъ дѣятельностью, и она часто переливалась черезъ край—и въ его частной жизни, и въ общественной, когда дѣло шло о борьбѣ, лежавшей внѣ его силъ и компетентности. Причина того, что Вергеландъ часто бывалъ тяжелъ и неясенъ, лежала въ томъ, что онъ черезчуръ разбрасывался, стремясь охватить заразъ слишкомъ широкія области, и что его идеи и стремленія слишкомъ опередили свое время, которое не могло еще дать имъ надлежащихъ ясныхъ формъ. Только теперь, окинувъ взоромъ всѣ разнообразные и многочисленные пути, по которымъ идетъ наша страна къ общему прогрессу, и увидѣвъ, что почти всѣ эти пути впервые открыты и намѣчены Вергеландомъ, можно понять, *чѣмъ* онъ былъ для родины».

По политическимъ своимъ убѣжденіямъ Вергеландъ былъ республиканцемъ и конституціонныя формы правленія считалъ лишь переходною ступенью къ республикѣ. Страстный ревнитель свободы, Вергеландъ съ восторгомъ привѣтствовалъ іюльскую революцію во Франціи, написавъ тогда одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: *Освобожденная Европа*. Всѣ его политическія статьи въ газетахъ были проникнуты тою же безграничною жаждою свободы и живѣйшимъ участіемъ ко всему въ Европѣ, что содѣйствовало развитію и упроченію свободы. У себя на родинѣ Вергеландъ являлся неусыпнымъ стражемъ и хранителемъ новообрѣтенной свободы родной страны, и чуть шведское правительство предпринимало малѣйшее посягательство на права Норвегіи, тотчасъ билъ тревогу и давалъ отпоръ.

Безпредѣльная любовь къ шведско-норвежскому королю Карлу-Іоганну не мѣшала Вергеланду бурно возставать и противъ короля, когда послѣдній чѣмъ-либо измѣнялъ своей главной (по мнѣнію Вергеланда) задачѣ—охранять свободу народа. Поэтому отношенія между поэтомъ-поборникомъ свободы и королемъ, являвшимся въ его глазахъ героемъ, рыцаремъ безъ страха и упрека,—несмотря на ихъ взаимныя горячія симпатіи и уваженіе,—нерѣдко сильно обострялись и доходили даже до полнаго разрыва.

Въ 1881 г. благодарная родина поставила своему поэту-радѣтелю памятникъ, на открытіи котораго Бьёрнсонъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Всѣ присутствующіе, я думаю, знаютъ о трогательномъ обычаѣ, усвоенномъ Генрикомъ Вергеландомъ въ послѣдніе годы его жизни—гулять съ карманами, полными древесныхъ сѣмянъ, которыя онъ время отъ времени и разбрасывалъ горстями по дорогѣ; мало того, онъ и друзей своихъ приглашалъ слѣдовать его примѣру, говоря: «кто знаетъ, сколько добраго изъ этого можетъ выйти»? Въ этихъ простыхъ словахъ, дышащихъ такой трогательно-наивной любовью къ родинѣ—цѣлая поэма, не уступающая, пожалуй, лучшимъ произведеніямъ нашего славнаго поэта».

И тѣ духовныя сѣмена, которыя Вергеландъ сѣялъ на почву родины ради ея преуспѣянія и блага, поднятія и распространенія культуры въ народѣ дали богатые всходы.

Вліяніе Вергеланда на политическую жизнь своей родины было огромно, и значеніе его становится особенно очевиднымъ при болѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣятельностью двухъ его главныхъ преемниковъ—*Свердрупа* и впослѣдствіи *Бъёрнсона*. Какъ въ свое время Вергеландъ, такъ з нимъ Свердрупъ и затѣмъ Бьёрнсонъ стояли, а послѣдній и продолжаетъ стоять, на стражѣ противъ всякихъ посягательствъ на право Норвегіи со стороны Швеціи. Другое движеніе, такъ называемое «крестьянское движеніе *Сёрена Іобека*, также обязано своимъ возникновеніемъ Вергеланду. Въ этомъ движеніи сказались увлеченіе Вергеланда крестьянскою сермягою, его горячіе протесты противъ роскоши, противъ иноземнаго вліянія, противъ господства бюрократіи и урѣзыванія бюджета на улучшеніе быта народа. Наконецъ, третье движеніе, обязанное своимъ возникновеніемъ и развитіемъ Вергеланду, движеніе въ пользу распространенія просвѣщенія въ народѣ, нашло достойнаго продолжателя и преемника Вергеланда въ лицѣ *Эйлерта Сунда*, а также въ лицѣ *Антона Бонга*, издававшаго *Вечернюю субботнюю газету для рабочихъ*, и *Оле Вига*, автора цѣлаго ряда популярно изложенныхъ историческо-культурныхъ очерковъ для народа.

Вергеланду и затѣмъ его прямымъ продолжателямъ, изъ которыхъ особенно выдѣлились Свердрупъ, Ябекъ, Эйлертъ Сундъ, Оле Вигъ и Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ, обязанъ норвежскій народъ своимъ необыкновенно быстрымъ культурнымъ ростомъ, своимъ превращеніемъ изъ жалкаго, невѣжественнаго, погибающаго въ пьянствѣ (такимъ онъ былъ еще въ первой половинѣ нашего столѣтія) народа въ народъ крѣпкій, сильный, культурный, полный самосознанія и выдвигающій такихъ крупныхъ дѣятелей въ области литературы и науки (напримѣръ, Ибсенъ, Бьёрнсонъ, Ли, Кьелландъ, Бугге, Ганстенъ, Сарсъ, Нансенъ и др.), какимъ позавидуетъ любой, болѣе многочисленный и играющій болѣе важную роль въ Европѣ народъ.

П. Ганзенъ.

Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества.

(Пробная лекція, читанная въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 5 октября 1896 года).

Милостивые государи!

Предметомъ моихъ занятій была и есть исторія запорожскихъ козаковъ. Я говорю—запорожскихъ, но не украинскихъ козаковъ. Запорожскіе или низовые козаки жили выше и ниже пороговъ Днѣпра отъ рѣчки Омельника до Буга по правой сторонѣ Днѣпра и отъ рѣки Орели до Конскихъ-Водъ по лѣвой, т.-е. они занимали всю теперешнюю Екатеринославскую губернію со включеніемъ въ нее Ростовскаго уѣзда, отошедшаго въ недавнее время къ Землѣ Войска Донского, и три уѣзда Херсонской губерніи—Херсонскій, Елисаветградскій и Александрійскій. На этой территоріи запорожцы просуществовали съ конца XV вѣка по 1775 годъ, и за это время у нихъ послѣдовательно смѣнилось, одна за другой, пять Сичей. Это были: Микитинская, первая по времени, Чортомлыцкая, Алешковская, Каменская и Подпиленская или Новая. Сичи на Хортицѣ не было: по крайней мѣрѣ ни въ сочиненіи Папроцкаго *Panosza rycersztwa polskiego* 1584 года, ни въ *Запискахъ* Эриха Ласоты 1594 года, ни въ русскихъ лѣтописяхъ соотвѣтствующаго времени первое запорожское сооруженіе на островѣ Хортицѣ не называется Сичею, а именуется городкомъ, станомъ, фельдлагеремъ (у Ласоты), и потому мы не вправѣ болѣе позднiй терминъ «Сичь» переносить къ древнему времени, когда этого термина вовсе не существовало. Запорожскіе козаки имѣли ближайшимъ своимъ начальникомъ и вождемъ кошевого атамана, украинскіе—гетмана; запорожскіе козаки жили въ Сичи неженатыми и только въ зимовникахъ, т.-е. въ хуторахъ, по окраинамъ, позволяли жить семейнымъ, такъ называемымъ сиднямъ, гречкосіямъ, баболюбамъ, тогда какъ гетманскіе козаки были семейные козаки и жили въ городахъ старой Малороссіи.

Начало отдѣленія запорожскаго или низового козачества отъ украинскаго или городового положилъ польско-литовскій король Стефанъ Баторій

во второй половинѣ XVI вѣка, введеніемъ такъ называемаго реестра или списка козаковъ. Годъ, когда произведена была эта реформа, въ точности неизвѣстенъ: южно-русскіе лѣтописцы называютъ 1576-й, малороссійскіе историки правдоподобно относятъ это къ 1583 году.

Сущность этой реформы состояла въ томъ, что король Стефанъ Баторій ввелъ въ Малороссіи реестровый списокъ и въ этотъ списокъ приказалъ внести 6,000 человѣкъ козаковъ; за этими 6,000 правительство Польши только и признало право на существованіе козаковъ, какъ свободнаго сословія; что же было сверхъ этихъ 6,000, то все отчислялось отъ козацкаго сословія и поступало въ сословіе людей посполитыхъ или крестьянъ. Внесенные въ реестръ 6,000 человѣкъ раздѣлялись на шесть полковъ: Черкасскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Чигиринскій и Переяславскій; каждый полкъ подраздѣлялся на сотни, сотни—на околицы, околицы—на роты; при полкахъ полагалась земельная съ поселеніями собственность, которая давалась на рангъ или на чинъ каждому старшинѣ, и оттого носила названіе ранговой земли; всѣмъ реестровымъ козакамъ опредѣлено было жалованье деньгами и сукнами; выданы были войсковые клейноты или знаки; назначенъ былъ центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ и смежной землей, Терехтемировъ; разрѣшено было имѣть собственный, въ городѣ Батуринѣ, судебный трибуналъ; объявленъ былъ козацкій «старшой», который долженъ былъ подчиняться коронному гетману; потомъ дозволены были выборы генеральной старшины—полковниковъ, асауловъ и писарей.

Для запорожскихъ козаковъ эта реформа короля Баторія имѣла рѣшающее значеніе: съ этихъ поръ большинство малороссійскихъ козаковъ, не попавшихъ въ реестръ, ушло на низовье Днѣпра, и скоро послѣ этого низовые козаки обособились отъ городовыхъ или реестровыхъ, завели у себя отдѣльную администрацію и устроили своеобразные порядки. Оставаясь на низу Днѣпра, они мало-по-малу стали складываться въ отдѣльныя, сперва небольшія, группы, общины или курени, представлявшіе на первыхъ порахъ своего рода землячества: курень каневскій, т.-е. общество земляковъ, вышедшихъ изъ Канева; курень корсунскій, т.-е. товарищество земляковъ, вышедшихъ изъ Корсуня; курень крыловскій, т.-е. союзъ земляковъ, вышедшихъ изъ Крылова; то же нужно сказать о куреняхъ переяславскомъ, полтавскомъ, уманскомъ, калниболотскомъ, донскомъ, стебліивскомъ, батуринскомъ, ирклѣевскомъ. Изъ мелкихъ группъ или куреней составилась потомъ большая единица общины, такъ называемый вельможный кошъ славныхъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Этотъ кошъ составляли люди всевозможныхъ народностей, не исключая турокъ и татаръ, принявшихъ крещеніе, съ преобладаніемъ, однако, южноруссовъ изъ ближайшихъ къ запорожскимъ степямъ малороссійскихъ городовъ—Черкасъ, Канева, Крылова, Переяслава, Полтавы. Въ особенности тѣсная связь у запорожцевъ была съ городами Полтавскаго полка.

Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ татарами, запорожскіе

козаки по необходимости много сдѣлали отъ нихъ всяческихъ заимствованій. Такъ, отъ татаръ запорожцы усвоили себѣ подобныя названія, какъ кошъ, атаманъ, асаулъ, толмачъ, чаушъ, бунчукъ, буздыганъ, чубъ, чабанъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ, запорожцы усвоили себѣ, по примѣру татаръ, бритье головъ, ношеніе восточныхъ шароваръ, широкихъ цвѣтныхъ поясовъ, сафьяновыхъ съ острыми носками сапогъ, высокихъ остроконечныхъ шапокъ, суконныхъ, восточнаго покроя, кафтановъ; научились приготовлять себѣ брынзу, или овечій сыръ, пастрёму, или вяленое на солнцѣ мясо, бузу, или напитокъ изъ кислаго молока.

Начавши съ роли промышленниковъ, торговцевъ (чумаковъ), рыболововъ, добычниковъ, запорожскіе низовые козаки постепенно дошли до роли защитниковъ Христовой вѣры противъ мусульманъ и православія противъ католичества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до роли охранителей всей славянской народности противъ турокъ и татаръ. Уже въ 1610 году запорожцы говорили о себѣ, что они «съ давнихъ часовъ» заставляясь противъ поганскаго народа за православную вѣру, часто теряютъ здоровье и жизнь свою черезъ войну съ татарами и турками, освобождаютъ изъ неволи народъ христіанскій, доставляютъ много турецкихъ и татарскихъ языковъ и плѣнниковъ на пользу короля, Рѣчи-Посполитой, сенаторовъ и пановъ коронныхъ, для похвалы Божіей милости, храмовъ Господнихъ и размноженія народа христіанскаго, чѣмъ всегда оказывали и оказываютъ услугу отечеству своему не лютуючи о здоровьѣ и животѣ своемъ *). «Кто хочетъ за вѣру христіанскую быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти — приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь» **).

Такъ говорили запорожцы и нѣсколько позже означеннаго года. И съ тѣхъ поръ, какъ низовые козаки взяли на себя роль защитниковъ вѣры и отечества, они сдѣлались въ глазахъ своихъ современниковъ рыцарями церкви, правды и чести, стали безсмертными въ глазахъ многихъ поколѣній и съ этимъ именемъ вошли на страницы славянской и міровой исторіи.

Отдѣлившись отъ украинскихъ или городовыхъ козаковъ, запорожскіе козаки, тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего XVI и большей части XVII вѣка дѣйствовали вмѣстѣ и заодно съ ними. Такъ, они подвизались на островѣ Хортицѣ вмѣстѣ съ знаменитымъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 года; они ходили вмѣстѣ съ Самоиломъ Зборовскимъ въ 1583 году на низовья Буга и Днѣпра противъ тѣхъ же татаръ; сражались вмѣстѣ съ Криштофомъ Косинскимъ подъ Пяткою въ 1591 году и вмѣстѣ съ Лободой и Наливайкомъ подъ Бѣлою-Церковью, Кіевомъ и подъ Лубнами на Олапицѣ, въ 1596 году противъ по-

*) *Акты южной и западной Россіи*, т. II, стр. 59.

**) *Кулишъ*: „Исторія возсоединенія Руси“. Спб., 1874 г., т. I, стр. 64.

ляковъ; дѣйствовали вмѣстѣ съ Петромъ Сагайдачнымъ, въ смутное время, въ пользу королевича Владислава; сражались вмѣстѣ съ Тарасомъ Трясиломъ подъ Переяславомъ противъ короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго; ходили на Черное море подъ начальствомъ Сулимы воевать съ турками; бились подъ предводительствомъ Павлюка, Гуни, Остраницы и Карпа Скидана противъ поляковъ съ 1626 по 1638 г.

Но большею частью во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ означеннаго времени запорожцы играли второстепенную роль и подчинялись гетманамъ или старшимъ украинскихъ козаковъ.

Но вотъ выступилъ на историческую сцену знаменитый гетманъ Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, и съ этихъ поръ запорожцы на долгое время пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе во всей исторіи Малой Россіи.

Выступивъ на историческую сцену Малороссіи, Богданъ Хмельницкій прежде всего нашелъ пріютъ и помощь въ Запорожской Сичѣ, у низовыхъ козаковъ. Лишенный состоянія, жены, малолѣтняго сына, засѣченнаго до смерти Чаплинскимъ, осмѣянный на сеймѣ, брошенный въ тюрьму и приговоренный къ казни, Хмельницкій, съ старшимъ сыномъ Тимоѳеемъ, въ началѣ декабря 1647 года, бѣжалъ изъ тюрьмы въ Запорожье и здѣсь, не доѣзжая самой Сичи, бывшей въ то время на Микитиномъ-Рогѣ, расположился на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ островомъ, въ 18 верстахъ отъ Микитина-Рога, и потомъ, съ дозволенія Коша, спустился въ самую Сичь. Явившись въ Сичь, Хмельницкій, въ присутствіи кошевого атамана, старшинъ и бывшихъ на ту пору козаковъ, произнесъ горячую рѣчь, въ которой краснорѣчиво описалъ поруганіе, которое дозволяли себѣ іезуиты надъ православной вѣрою и надъ православными служителями святого алтаря, выставилъ глумленіе польскаго сейма надъ козацкими правами, изобразилъ картину насилія со стороны польскихъ войскъ надъ несчастнымъ населеніемъ украинскихъ мѣстечекъ и городовъ, передалъ о всѣхъ вымогательствахъ и мучительствахъ со стороны «проклятаго жидовскаго» племени и закончилъ свою рѣчь такъ: «Къ вамъ уношу душу и тѣло,—укройте меня, стараго товарища, защищайте самихъ себя, и вамъ тоже угрожаетъ».

Тронутые этою рѣчью, козаки всѣ, какъ одинъ человѣкъ, закричали Хмельницкому въ отвѣтъ: «Пріймаемъ тебе, пане Хмельницкій, хлѣбомъ-солью и щирымъ сердцемъ».

Послѣ этого былъ кликнутъ кличъ о сборѣ всѣхъ козаковъ для очень важнаго дѣла. И тогда по этому клику толпа хлынула въ Сичь. «Изъ лѣсовъ и ущелій прибѣгали въ Сичь такъ-называемые лугари, степовики, гайдамаки, которые жили въ землянкахъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конскихъ-Водъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною тетерею, но за то вольные, по выраженію пѣсни, какъ вѣтеръ» *).

Но что именно затѣвалъ Хмельницкій и каковы были его планы, объ

*) *Костомаровъ*: „Богданъ Хмельницкій“. Спб., 1884 г., I, 254.

этомъ извѣстно было только кошевому атаману, войсковой старшинѣ да немногимъ сообщникамъ самого же Богдана; остальнымъ пока разсказывали, что Хмельницкій и войсковая старшина собрали отовсюду въ Сичь козацкую чернь съ тѣмъ, чтобы выбрать изо всей среды козацкаго сословія депутатовъ и отправить ихъ съ разными просьбами къ королю въ Варшаву. Въ этомъ же духѣ Хмельницкій писалъ письма изъ Сичи къ черкасскому полковнику Барабашу, козацкому коммиссару Шембергу, гетману Николаю Потоцкому и коронному хорунжему Конецпольскому. Во всѣхъ этихъ письмахъ Хмельницкій увѣрялъ пановъ въ томъ, что бѣжалъ въ Сичь единственно ради личной безопасности и что намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы отправить изъ Сичи въ Варшаву депутацію для защиты козаковъ отъ панскихъ насилій.

Успокоивъ правительство Рѣчи-Посполитой, Хмельницкій внезапно оставилъ Запорожье и ушелъ съ сыномъ Тимоѳеемъ въ Крымъ за помощью противъ поляковъ. Въ то время ханомъ въ Крыму былъ Исламъ-Герай. Послѣ долгихъ переговоровъ ханъ позволилъ Хмельницкому пригласить въ помощь перекопскаго мурзу, Тугай-бея, съ ордой. Тугай-бей долго не соглашался на предложеніе Хмельницкаго, и только подъ конецъ, соблазненный обѣщаніемъ большой добычи, изъявилъ согласіе. Тогда союзники въ половинѣ апрѣля переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый, у турецкаго города Кызыкерменя, и вступили въ Запорожье.

Проѣхавъ степь отъ праваго берега Днѣпра, Тугай-бей и Хмельницкій раздѣлились: первый остановился на время на рѣчкѣ Базавлука, на Переволочанскомъ шляху, къ западу отъ Сичи, съ цѣлью охраненія западныхъ границъ Запорожья отъ внезапнаго прихода польскихъ войскъ; а второй направился прямо въ Сичь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ, сообразно уговору, сдѣланному съ Хмельницкимъ передъ выѣздомъ его въ Крымъ, ожидая съ часу на часъ его поворота назадъ, стянулъ со всѣхъ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все конное и пѣшее низовое запорожское войско, объявляя всѣмъ о настоятельной необходимости прибытія въ Сичь, но не открывая, однако, истинной причины до возвращенія Хмельницкаго въ Кошъ. «Хмельницкій, — говоритъ лѣтописецъ, — очень хитро и предусмотрительно распорядился съ кошевымъ атаманомъ и сичевою куренною атаманнею, такъ что о его замыслахъ и объ отъѣздѣ въ Крымъ не только не могли дознаться черезъ своихъ шпіоновъ поляки, но и все войско низовое ничего не знало до самаго возвращенія Хмельницкаго въ Запорожскій кошъ. А еслибы знало о томъ войско, то знали бы и поляки, и тогда они могли бы иную приготовить встрѣчу Хмельницкому, нежели запорожцы» *).

Хмельницкій прибылъ въ Сичь апрѣля 18 дня, передъ самымъ заходомъ солнца, имѣя при себѣ четырехъ знатныхъ татаръ, данныхъ ему Тугай-беемъ. Кошевой атаманъ, со всѣми куренными атаманами и съ пѣшимъ

---

*) *Величко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., I, 49.

войскомъ, торжественно встрѣтилъ Хмельницкаго и привѣтствовалъ его «радостнымъ сердцемъ»; узнавъ же «о прихильности и ласкѣ» къ нему и ко всему запорожскому войску крымскаго хана Исламъ-Герая и о данной имъ помощи съ мурзой Тугай-беемъ, еще больше того возрадовался. Вечеромъ того же дня, по заходѣ солнца, въ Сичи, сообразно древнему запорожскому обычаю, ударили изъ трехъ самыхъ большихъ пушекъ, чтобы собралось къ слѣдующему дню конное войско, находившееся въ поляхъ и въ лугахъ близъ Сичи. На другой день, апрѣля 19 числа, чуть свѣтъ, выстрѣлы изъ тѣхъ же пушекъ повторились. Когда же, говоря словами лѣтописца, насталъ свѣтъ и солнце разлило по всей поднебесной свои огнезрачные и ясно блистательные лучи, тогда собралась до Сичи огромная масса запорожскаго войска, простиравшаяся на ту пору до 30,000 слишкомъ человѣкъ. А когда ударили въ котлы для сбора на раду, то увидѣли, что сичевой майданъ слишкомъ тѣсенъ для такой великой силы войска; тогда кошевой атаманъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, вышелъ за сичевую фортецію и расположился на болѣе пространномъ майданѣ. Тутъ, когда старшины и все войско размѣстились по своимъ мѣстамъ, козакамъ объявлено было о предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ противъ поляковъ за ихъ обиды и притѣсненія, чинимыя козацкому войску и всему украинскому народу; вмѣстѣ съ этимъ объявлено было и то, что предпріятію Хмельницкаго сочувствуетъ крымскій ханъ Исламъ-Герай, приславшій козакамъ знатнаго мурзу Тугай-бея съ ордой и выразившій полную готовность лично помогать козакамъ противъ поляковъ, но за то оставившій у себя, въ качествѣ заложника, старшаго сына Хмельницкаго, Тимоѳея. Услыхавъ эти слова, войско отвѣчало: «Слава и честь Хмельницкому! Мы какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть, всѣ готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдней утраты живота нашего». Эти слова сказаны были «едиными устами и единымъ сердцемъ» всего собравшагося на площади запорожскаго низового войска. Послѣ этой рѣчи тотъ же кошевой атаманъ послалъ въ войсковую скарбницу писаря съ нѣсколькими куренными атаманами и велѣлъ посланнымъ вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить ихъ на площади Хмельницкому. Посланные вынесли изъ скарбницы ярко-красную, писанную золотомъ корогву̀ или хоругвь; на высокомъ древкѣ съ позолоченною галкой бунчукъ; позлащенную, особенно мастерски сдѣланную и честнымъ каменіемъ украшенную булаву, серебряную войсковую печать, большіе мѣдные съ довбышомъ котлы и ко всему этому три легкихъ полевыхъ пушки съ порохомъ и пулями.

Вручивъ и поставивъ передъ Хмельницкимъ всѣ войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманомъ всей Малороссіи, поздравили въ новомъ званіи и выразили ему полную готовность всѣ, сколько было въ Сичи народа, идти съ нимъ на войну противъ поляковъ. Однако, послѣ продолжительныхъ разговоровъ, рѣшено было, чтобы съ Хмельницкимъ вырядилось на Украйну не болѣе 8,000—10,000 человѣкъ войска, а осталь-

ное шло бы по своимъ мѣстамъ и промысламъ, но находилось бы въ полной готовности для военной кампаніи, если въ томъ окажется надобность. Послѣ такого рѣшенія при Хмельницкомъ остались конные охотники, военные мушкетеры и сагайдакеры, т.-е. стрѣлки изъ мушкетовъ и луковъ, слишкомъ на 8,000 человѣкъ.

Въ то время, когда все это происходило въ Сичѣ, на западной границѣ Запорожья стоялъ на сторожѣ Тугай-бей съ татарами. Стоя на своемъ посту, Тугай-бей поймалъ на шляху 10 подозрительныхъ человѣкъ и доставилъ ихъ Хмельницкому. Хмельницкій, допросивъ задержанныхъ людей, обнаружилъ, что то были польскіе шпіоны, посланные въ Сичь для наблюденія за дѣйствіями запорожскихъ козаковъ. При допросѣ они объявили, что противъ Хмельницкаго высланы два отряда, одинъ сухопутьемъ, другой водой по Днѣпру до Кодака. Тогда Хмельницкій, узнавъ о планахъ поляковъ и не желая видѣть польскую армію возлѣ Сичи, взялъ съ собой сичевые гарматы и войсковые клейноты и 8,000 человѣкъ запорожскаго войска, вышелъ на встрѣчу полякамъ апрѣля 22 дня, въ субботу, 1648 года. Прежде всего онъ подошелъ къ крѣпости Кодаку, гдѣ сидѣлъ польскій гарнизонъ, и взялъ ее въ свои руки; потомъ отъ Кодака онъ поднялся до рѣчки Желтыхъ - Водъ, что ниже Княжаго-Байрака, и устроилъ тамъ такъ называемый козацкій таборъ или вагенбургъ.

Желтыя-Воды—это притокъ рѣки Ингульца, находящійся, по-теперешнему, въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Въ своихъ верховьяхъ Желтыя-Воды имѣютъ двѣ вѣтки, западную или Желтую и восточную или Очеретнюю. Между этими двумя вѣтками образуется родъ полуострова, который въ XVII вѣкѣ покрытъ былъ лѣсомъ и доступенъ только съ сѣверной стороны, за то съ трехъ другихъ сторонъ совершенно былъ закрытъ. Въ эту-то трущобу и посадилъ Хмельницкій запорожцевъ, устроивши ихъ таборомъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что полякамъ, если они двинутся къ Сичѣ степью, не миновать Желтыхъ-Водъ, потому что въ открытой и пустынной степи это мѣсто было слишкомъ примѣтно: тутъ можно было найти и лѣсъ, и траву, и воду, и прохладу.

Тугай-бей также пришелъ къ Желтымъ-Водамъ, но сталъ не въ таборѣ, а особо въ засадѣ.

Планъ польскихъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что польскіе гетманы, коронный Николай Потоцкій и польный Мартынъ Калиновскій, собравши большое войско, раздѣлили его на двѣ части и двинули ихъ въ запорожскія вольности. Одна часть этого войска, числомъ около 5,000 человѣкъ, состоявшая изъ малороссійскихъ реестровыхъ козаковъ и такъ называемой нѣмецкой пѣхоты, подъ начальствомъ Барабаша, должна была двигаться воднымъ путемъ до крѣпости Кодака, стоявшей у перваго Кодацкаго порога, гдѣ находился польскій гарнизонъ; другая часть, доходившая, по нѣкоторымъ указаніямъ, до 20,000 человѣкъ, состоявшая изъ жолнировъ и драгунъ, подъ начальствомъ 26-лѣтняго Стефана Потоцкаго, сына короннаго гетмана, и козацкаго коммиссара Шемберга, должна была

двигаться отъ Черкасъ сухопутьемъ, также дойти до Кодака и тутъ соединиться съ реестровыми козаками, плывшими по Днѣпру. Стефану Потоцкому приказано было пройти степи и лѣса, разорить и уничтожить до-тла презрѣнное скопище козаковъ и привести зачинщиковъ бунта на праведную казнь: «Иди,—сказалъ старый Потоцкій своему сыну,—и пусть исторія напишетъ тебѣ славу» *).

Хмельницкому извѣстенъ былъ весь планъ военныхъ дѣйствій поляковъ, и потому онъ, устроивши козацкій таборъ и посадивши въ немъ запорожское войско, незамѣтно оставилъ Желтыя-Воды и двинулся къ рѣкѣ Днѣпру, къ тому мѣсту, гдѣ присталъ польскій отрядъ подъ начальствомъ Барабаша. Такъ какъ это были реестровые козаки, т.-е. православнорусскіе люди, обязанные только службой Польшѣ, то Хмельницкій надѣялся подѣйствовать на ихъ чувство и склонить на свою сторону. И точно, посредствомъ тайныхъ агентовъ, Хмельницкій сумѣлъ разжечь въ нихъ такую ненависть къ полякамъ, что они, возмутившись, перебили своихъ начальниковъ, Барабаша, Вадовскаго, Ильяша, и трупы ихъ побросали въ Днѣпръ, а сами сѣли на приготовленныхъ имъ коней и поскакали къ Желтымъ-Водамъ, въ запорожскій таборъ.

За время отсутствія Хмельницкаго пришли къ Желтымъ Водамъ и поляки. Не подозрѣвая присутствія козаковъ, Потоцкій подошелъ къ правому берегу Желтыхъ-Водъ и уже хотѣлъ было переправиться на лѣвый берегъ, какъ неожиданно для себя узналъ о присутствіи у рѣки запорожцевъ. Тогда онъ раскинулъ лагерь по правому берегу Желтыхъ-Водъ и ошанцевался, т.-е. устроилъ земляное укрѣпленіе, сбилъ возы въ четыреугольникъ, вывелъ впереди себя на версту кругомъ валъ и поставилъ пушки.

Однако положеніе поляковъ сразу оказалось незавиднымъ: слѣва рѣчка Зеленая, другой притокъ Ингульца; справа, въ засадѣ Тугай-бей съ ордой; впереди запорожцы; назади, по дорогѣ къ Черкасамъ, глубокая, до 60 саженъ по склону глубины, и заросшая непроходимымъ лѣсомъ балка Княжіе-Байраки, и въ добавокъ ко всему этому слишкомъ высокое и потому открытое мѣсто.

Стратегическое положеніе Хмельницкаго и запорожцевъ было гораздо выгоднѣе, во-первыхъ, потому, что скрывало козаковъ отъ взоровъ поляковъ и, во-вторыхъ, потому, что давало возможность имъ свободно отступать къ своимъ.

Пространство между лагерями противниковъ было не болѣе $2^1/_2$ вер., такъ что они могли смотрѣть другъ на друга.

Хмельницкій прибылъ въ лагерь мая 4 дня, и съ его прибытіемъ начались военныя дѣйствія противъ поляковъ. Но настоящая битва открылась мая 5 дня и продолжалась съ перерывами четыре дня. Подъ конецъ поляки, сбитые со всѣхъ позицій, отдали Хмельницкому, по его требова-

---

*) *Костомаровъ*: „Богданъ Хмельницкій". Спб., 1884 г., т. I.

нію, всѣ свои пушки съ тѣмъ условіемъ, что онъ дастъ имъ спокойно уйти домой *); послѣ этого они покинули Желтыя-Воды и направились на западъ къ балкѣ Княжимъ-Байракамъ. Но это отступленіе имѣло для нихъ самыя роковыя послѣдствія; поляки не подозрѣвали, что въ тылу ихъ стоялъ Тугай-бей съ татарами и что Хмельницкій, предвидя отступленіе ихъ, послалъ въ Княжіе-Байраки отрядъ пѣшихъ козаковъ и приказалъ имъ покопать тамъ волчьи ямы, рвы и канавы. Это было 8 мая передъ обѣденной порой; поляки, повернувъ отъ Желтыхъ-Водъ, прошли 20 вер. и приблизились къ Княжимъ-Байракамъ. Вдругъ они увидѣли вдали густую пыль и вмѣстѣ съ пылью какую-то толпу людей, оглашавшую воздухъ дикими криками. Толпа, какъ туча, неслась на поляковъ, и только тутъ поляки узнали, что то были татары. Въ мигъ масса стрѣлъ полетѣла на поляковъ и на ихъ лошадей. Видя бѣду, поляки устремились въ балку Княжіе-Байраки, но тутъ, наскочивъ на волчьи ямы, канавы и рвы, подѣланные запорожцами, остановились и стали устраивать четыреугольникъ. Но Тугай-бей и подоспѣвшіе козаки начали палить въ поляковъ изъ ихъ собственныхъ орудій и, обстрѣлявъ четыреугольникъ, бросились на него со всѣхъ сторонъ и опрокинули его. Послѣ этого произошло страшное избіеніе польскаго войска. Главный начальникъ войска, Стефанъ Потоцкій, былъ взятъ въ плѣнъ и на другой день скончался отъ ранъ среди дикой степи. Другіе начальники, Шембергъ, двое Сапѣгъ, Чарнецкій и многіе изъ знатныхъ пановъ, числомъ до 50 человѣкъ, также были захвачены въ плѣнъ. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ тутъ же отданы были Хмельницкимъ въ подарокъ татарамъ **). Все войско польское частію полегло на мѣстѣ, частію было захвачено въ плѣнъ, и только одинъ польскій офицеръ, спасшійся отъ гибели, прибѣжалъ въ Черкасы и принесъ страшную вѣсть старому Потоцкому. Но Потоцкій, увѣренный въ побѣдѣ поляковъ надъ «козацкою сволочью», отказался, какъ говорятъ польскіе же мемуаристы, вѣрить такому извѣстію и велѣлъ бросить офицера въ тюрьму, какъ дезертира. Но скоро оказалось, что то была страшная дѣйствительность.

„Оце-жъ вамъ, ляшкы-панкы, та рожѐви квйты,
Шо не вмилы зъ козаками полюдськ҇ому житы.—
Лучче вамъ було жиды-збойци,
Нижъ запорожцы—молодци“.

Исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, ихъ силамъ, ихъ искусству строить укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости. Желтоводская битва имѣетъ два чрезвычайно важныхъ значенія въ исторіи Малой Россіи: во-первыхъ, она открыла Хмельницкому и козакамъ путь въ Польшу и дала увѣренность козакамъ въ ихъ превосходствѣ надъ поляками; во-вторыхъ, здѣсь нанесенъ былъ

*) *Grondski*: „Historia belli cosacco-polonici. Pestini. 1789“.
**) *Костомаровъ*: „Богданъ Хмельницкій“. Спб., 1884 г.; *Величко*: „Лѣтыпись“, I, 64.

первый ударъ игу Польши надъ Малороссіей, какъ на Куликовомъ полѣ игу татаръ надъ Великой Россіей, и въ этомъ дѣлѣ главная заслуга принадлежитъ запорожцамъ.

Прошло со времени желтоводской битвы шесть лѣтъ, и Хмельницкій, не перестававшій въ это время воевать за свободу своей родины и за вѣру своихъ предковъ съ поляками, подъ конецъ убѣдился, что Малороссіи одной не удержаться среди сосѣднихъ державъ, и потому счелъ за лучшее отдаться въ протекцію могущественнаго государя и свое вниманіе остановилъ на русскомъ царѣ, «восточномъ православномъ монархѣ». Рѣшившись на такое важное дѣло, Богданъ Хмельницкій не хотѣлъ привести его въ исполненіе безъ совѣта съ запорожцами и потому отправилъ въ Сичь на имя кошевого атамана и всего запорожскаго товариства запросный листъ.

На этомъ листѣ запорожцы дали такой отвѣтъ, писанный января 3 числа 1654 года:

«Ясновельможный мосце пане Зиновій Хмельницкій, гетмане войска запорожскаго и всей Украйны малороссійской, брате и добродѣю нашъ. Отвѣчая на ваше гетманское письмо, объявляемъ, что мы совершенно поняли его и не только познали, но и ясно своими глазами увидѣли, что теперь намъ съ поляками, какъ съ змѣей, имѣющей отсѣченный хвостъ, отнюдь невозможно сойтись и стать въ прежнюю пріязнь. Поляки, будучи виновниками всему злу и достаточно насмотрѣвшись, сколько въ теченіе шестилѣтнихъ военныхъ дѣйствій, какъ въ собственной коронѣ, такъ и въ нашей малороссійской Украйнѣ, развѣяно пепла отъ людскихъ поселеній и сколько побито на войнѣ и лежитъ на поляхъ человѣческихъ костей, поляки, не смягчая гнѣва своего на насъ, до сихъ поръ, при вопросѣ объ утвержденіи нашихъ правъ и свободы, не могутъ придти къ прежней пріязни и згодѣ. Потому не совѣтуемъ и вамъ съ этого времени заботиться о пріязни къ полякамъ, а мысль вашу объ отдачѣ всего малороссійскаго народа, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущаго, подъ протекцію великодержавнѣйшаго и пресвѣтлѣйшаго монарха россійскаго принимаемъ за достойнѣйшую вниманія и даемъ вамъ нашъ войсковой совѣтъ, не оставляя этого дѣла, привести его къ концу, къ наилучшей пользѣ нашей малороссійской отчизны и всего запорожскаго войска..., остерегаясь того, чтобы поляки, провѣдавъ о томъ, не устроили бы своими хитростями какой-либо препоны» *).

Итакъ, мысль Богдана Хмельницкаго объ отдачѣ подъ протекцію московскаго монарха всей Малороссіи нашла полное и единодушное сочувствіе въ средѣ запорожскаго низового войска, и если современная Россія признаетъ въ этомъ великую заслугу за Хмельницкимъ, то она въ тоже время должна отдать справедливую дань за это же великое дѣло и запорожскому войску, которое оказало нравственную поддержку Хмельницкому и своимъ

*) *Величко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., т. I, стр. 167—170.

словомъ и примѣромъ подѣйствовало на всю Малороссію съ ея козацкимъ и посполитымъ населеніемъ.

Послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи наступило самое смутное время. У польскихъ писателей это время называется «страшнымъ столпотвореніемъ вавилонскимъ»; самъ малороссійскій народъ мѣтко прозвалъ это время «руиной»; властныя лица, управлявшія въ то время судьбами Малороссіи, не иначе именуются, какъ «самопожирающими драконами». Большинство этихъ властныхъ лицъ и за одно съ ними большинство высшаго духовенства малороссійскаго тянуло въ это время къ Польшѣ, и только простая масса попрежнему тяготѣла къ Москвѣ.

Запорожцы, какъ показываетъ ихъ исторія, свято сохраняли завѣщанныя имъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго традиціи и также тяготѣли къ Москвѣ; если же временами и были отъ этого отступленія, то они происходили только тогда, когда козацкая масса видѣла нарушеніе своихъ исконныхъ правъ со стороны московскихъ бояръ и воеводъ, не всегда тактично и умѣренно распоряжавшихся въ городахъ Малороссіи и на окраинахъ Запорожья. Но и тутъ непріязненное настроеніе запорожскаго войска держалось обыкновенно недолго: массѣ всегда дорога была православная вѣра, и потому козаки отвращались отъ польскихъ королей-католиковъ и невольно тянули къ русскому царю, «природному православному монарсѣ»; кромѣ того простому козаку всегда ненавистно было польское чванное панство, и онъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ скорѣе въ мужицкой Россіи, нежели въ шляхетско-аристократической Польшѣ.

Уже вскорѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, когда гетманская булава перешла въ руки Ивана Виговскаго, запорожцы ясно и вполнѣ опредѣленно выказали свои склонности: когда Виговскій въ 1657 году задумалъ вновь отдать Малую Россію Польшѣ и отторгнуться отъ Россіи, то запорожцы написали ему листъ, въ которомъ говорили: «Ежели такъ учинити мѣете непремѣнно, то вѣдайте зачасу, ижъ (что) мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей послѣдовати не будемъ и титулу измѣнническаго на славное имя наше наволѣкати не хощемъ» *). Съ такою же твердостью стояло Запорожское войско за московскаго царя и въ гетманство злосчастнаго Юрія Хмельницкаго. Такъ, въ 1663 году запорожцы писали «несмачный листъ» Юрію Хмельницкому и отступленіе его отъ православнаго монарха называли неизлѣчимымъ шаленствомъ, т.-е. бѣшенствомъ.

Въ то время въ Запорожьи игралъ первенствующую роль знаменитый кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, слава и гордость всего Запорожья и всей Малороссіи, гроза турокъ и татаръ, страшный воинъ, никѣмъ непобѣдимый и никѣмъ неодолимый рыцарь, одержавшій за все время своей дѣятельности 55 крупныхъ побѣдъ, не говоря уже о множествѣ мелкихъ. Турки называли его урусъ-шайтаномъ и молились въ мечетяхъ о

---

*) *Величко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., I, 311.

погибели его, а историки сравнивали его съ Чингисъ-ханомъ и Тамерланомъ. Это тотъ Сирко, имя котораго и до сихъ поръ свято произносится въ устахъ простого народа, о которомъ говорятъ, что онъ родился съ зубами, что онъ три раза умиралъ въ семидесяти годахъ, а всего прожилъ 210 лѣтъ и что онъ погребенъ по частямъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ.

Имя этого человѣка въ свое время пользовалось огромною популярностью и громаднымъ авторитетомъ не только въ Запорожьи, но и во всей Малороссіи, и этотъ кошевой также выступалъ сторонникомъ московскаго царя. Малороссія въ это время, а именно въ 1667 году, по договору въ Андрусовѣ между Польшей и Россіей, раздѣлена была на двѣ части, правобережную или тогобочную и лѣвобережную или сегобочную, и правобережная отошла къ Польшѣ, а лѣвобережная осталась за Россіей. Съ объявленіемъ андрусовскаго мира въ Малороссіи вмѣсто одного гетмана было избрано два, а спустя нѣсколько времени послѣ этого оказалось сразу и въ одно и тоже время три гетмана—Степанъ Вдовиченко, Петро Суховій и Петро Дорошенко. Самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ изъ нихъ былъ Дорошенко. Онъ составилъ себѣ планъ объ отдачѣ Малороссіи не Польшѣ, а Турціи, на такихъ же вассальныхъ условіяхъ, на какихъ поступили къ ней Молдавія, Валахія и другія княжества. Вслѣдствіе такого плана изъ-за обладанія Малороссіей началась борьба между Турціей и Польшей, и это обстоятельство еще болѣе усилило броженіе во всѣхъ сословіяхъ Малой Россіи.

Но и въ это смутное и хаотическое время масса запорожская стояла за московскаго царя. Запорожцы называли Дорошенка Іудинымъ товарищемъ, постоянно укоряли его за союзъ съ Крымомъ и Турціей и не разъ «пильно» просили прекратить пролитіе крови христіанской и разореніе «матки-отчизны», отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ и пристать къ христіанскому православному монарху. И гетманъ Дорошенко, въ концѣ концовъ убѣжденный доводами кошевого Сирка, присягнулъ на вѣрность царю и даже выѣхалъ изъ Малороссіи въ сѣверную Россію.

Долго и послѣ этого запорожцы оставались вѣрными русскому царю: они помогали русскимъ въ ихъ борьбѣ съ турками во время второго чигиринскаго похода въ 1678 году; принимали участіе въ обоихъ походахъ, 1687 и 1689 гг., князя Голицына на Крымъ; участвовали въ походахъ царя Петра на Азовъ и выказали мужество при взятіи турецкихъ крѣпостей Тавани и Кызыкермени на Днѣпрѣ. Запорожцы остались вѣрными царю даже въ то время, когда къ нимъ явился извѣстный въ исторіи Малой Россіи Петръ Ивановичъ Петричевскій или Петрикъ, со смѣлымъ планомъ отторженія Малой Россіи отъ Великой и о созданіи изъ нея независимаго княжества, когда самъ ханъ приходилъ съ огромной ордой къ запорожцамъ и предлагалъ имъ свои услуги для совмѣстной борьбы съ Москвой. Бывшій на ту пору кошевой Иванъ Гусакъ крымскому Калгѣ-салтану отписалъ, что запорожцы, соблюдая вѣрность царскому пресвѣтлому величеству, до Петриковой душегубной прелести не склоняются, отчизны съ

нимъ своей воевать не станутъ, а Калгу-салтана просятъ, чтобъ онъ Петрика, какъ Іуду и измѣнника, и близко не приводилъ къ нимъ *).

Но вотъ наступилъ 1708 годъ. Въ это время судьбы малой Россіи находились въ рукахъ гетмана Ивана Мазепы; въ Запорожьи былъ руководителемъ кошевой Константинъ Гордіенко.

Каждый изъ этихъ вождей отличался страшною силой воли; каждый получилъ по своему времени хорошее образованіе и каждый создалъ себѣ особый политическій идеалъ. Мазепа 8 лѣтъ прожилъ пажомъ при дворѣ польскаго короля Яна Казимира, и это обстоятельство не прошло для него безслѣдно: сдѣлавшись гетманомъ Малороссіи, онъ вывезъ изъ польской столицы шляхетско-польскія тенденціи и хотѣлъ ввести на Украйнѣ то же устройство и тѣ же порядки, какіе онъ видѣлъ въ Польшѣ. По воззрѣніямъ это былъ настоящій польскій панъ, только исповѣдывавшій православную вѣру. Онъ стремился ввести въ Малороссіи панщину; онъ хотѣлъ создать на Украйнѣ мѣстное дворянское сословіе; онъ поощрялъ переходъ козаковъ въ крестьянское сословіе, но запрещалъ переходъ посполитыхъ въ козаки. Простой народъ скоро разгадалъ истинныя стремленія Мазепы и отвратился отъ него всею душой, такъ что въ концѣ-концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало произноситься каждымъ простолюдиномъ изъ малороссіянъ. Также ненавистно было имя Мазепы и для всѣхъ запорожскихъ козаковъ, бывшихъ всегда охранителями интересовъ простого народа. Запорожцы не иначе стали называть Мазепу, «какъ хитрый лисъ и Махіавель». Какъ представитель польско-аристократическаго и бюрократическаго начала въ малороссійскомъ краѣ, Мазепа по необходимости встрѣчалъ страшную оппозицію со стороны всего запорожскаго низоваго войска, но, будучи безсильнымъ, чтобы нанести запорожцамъ какой-либо существенный вредъ, злословилъ ихъ передъ царемъ, постоянно трактовалъ ихъ какъ людей ненадежныхъ, невѣрныхъ, готовыхъ каждую минуту измѣнить царю и Россіи. Запорожцы, сколько могли, оправдывались передъ царемъ и, хорошо зная, откуда на нихъ дулъ холодный вѣтеръ, все болѣе и болѣе отвращались отъ Мазепы. Но вдругъ совершилось неожиданное явленіе, и запорожцы пошли на призывъ Мазепы противъ царя.

Это обстоятельство объясняется тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ находилось запорожское войско въ то время въ отношеніи Москвы: московское правительство, преслѣдуя идею централизаціи въ ущербъ развитію окраинъ, построило на сѣверной границѣ запорожскихъ вольностей двѣ крѣпости, Новобогородицкую и Новосергіевскую, на рѣкѣ Самарѣ, а потомъ основало городъ Каменный-Затонъ въ виду самой Сичи. Запорожское войско видѣло въ этомъ умаленіе своихъ правъ и не разъ протестовало противъ этого, но всѣ эти протесты не имѣли благопріятныхъ послѣдствій для запорожцевъ. Чрезъ это страсти въ войскѣ все болѣе и болѣе разга-

*) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подлин. акты 1692, №№ 841—856. Архивъ мин. юстиціи, книга Мал. приказа, 1692, № 66, лл. 106—129.

рались и неудовольствія противъ Москвы стали высказываться открыто. И вотъ въ это-то время гетманъ Мазепа прислалъ въ Сичь свой универсалъ о томъ, будто Москва давно уже хотѣла истребить все Запорожье до основанія, самое имя запорожцевъ стереть со страницъ исторіи, а ихъ всѣхъ частію повернуть въ драгуны, а частію сослать въ далекую Сибирь. Старый гетманъ призывалъ всѣхъ козаковъ стать подъ знамена шведскаго короля, шедшаго въ Малую Россію со своими побѣдоносными полками, и спасать матку-отчизну отъ конечнаго разоренія и погубленія.

Долго боролись запорожцы сами съ собой, прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ открытая война съ русскимъ царемъ. Весь 1708 и половина 1709 года прошли въ такомъ колебаніи: много разъ запорожцы отказывались отъ этой мысли и нѣсколько разъ возвращались къ ней, но возвращались именно тогда, когда ихъ настраивали на то «хитрый лисъ» Мазепа и ненавистникъ всего московскаго Гордіенко. Нѣтъ сомнѣнія, что въ другое время и при другомъ гетманѣ запорожцы не пошли бы противъ царя: они любили часто пошумѣть и покричать на радѣ, нерѣдко въ такія минуты вступали и въ рукопашную битву между собой, но все же въ концѣ-концовъ успокоивались и примирялись съ необходимостью.

Искушенные Мазепой, увлеченные Гордіенкомъ, обнадеженные Карломъ XII, запорожцы рѣшились на открытую войну противъ русскаго царя и за то страшно поплатились разгромомъ своей Сичи, бывшей въ ту пору при устьѣ рѣчки Чортомлыка, праваго притока Днѣпра, на 17 верстъ ниже Микитинской Сичи.

Это было мая 14 числа 1709 года. Противъ запорожцевъ посланы были московскіе полки подъ начальствомъ полковника Петра Яковлева и присоединившагося къ нему компанійскаго полковника, бывшаго запорожца, потомъ ренегата Игната Галагана. Благодаря Галагану, знавшему всѣ «секреты» Запорожья, Сичь и взята была москалями. Запорожцы долго и упорно обороняли свою столицу, защищенную со всѣхъ сторонъ и водой, и разными земляными укрѣпленіями, и каменными башнями, но потомъ, увѣренные клятвой Галагана, что они всѣ получатъ помилованіе, бросили оружіе. Тогда русскіе устремились на безоружныхъ козаковъ, и тутъ началась страшная кровавая расправа, причемъ всѣ курени и всѣ строенія въ Сичи были сожжены, многіе зимовники, стоявшіе вокругъ Сичи, истреблены дотла, все козацкое добро, вся войсковая артиллерія и всѣ дорогія вещи изъ сичевой церкви забраны; большинство козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, тутъ же казнены, на мѣстѣ; нѣкоторые были повѣшены на плоты и въ такомъ видѣ пущены, на страхъ другихъ, внизъ по Днѣпру. Начальники русскихъ войскъ, въ особенности полковникъ Игнатъ Галаганъ, при этомъ дѣйствовали съ особеннымъ ожесточеніемъ. «Учинилось у насъ въ Сичи,—писали впослѣдствіи запорожцы гетману Скоропадскому и царю Петру Алексѣевичу, то, что по Галагановой и московской присягѣ, товариству нашему головы лупили, шеи на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ

мучителей, не водилось, а именно: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали» *).

Жестокости, выказанныя великороссійскимъ войскомъ въ отношеніи запорожцевъ, лишній разъ подтверждаютъ ту общеизвѣстную истину, что войны между народами одной вѣры и одного происхожденія—самыя жестокія и самыя кровопролитныя изъ войнъ, подобно тому, какъ ненависть между братьями и близкими родственниками—самая сильная изъ ненавистей.

Послѣ страшной и кровопролитной битвы тѣ изъ запорожцевъ, которые не попались въ руки русскихъ, бѣжали изъ Чортомлыцкой Сичи къ предѣламъ Крыма и, съ дозволенія хана, поселились тамъ Сичею въ урочищѣ Олешкахъ, теперь уѣздномъ городѣ Таврической губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ города Херсона. Какъ и сколько времени жили запорожцы подъ протекціей Крыма, объ этомъ находимъ точное и подробное указаніе въ современной событію запискѣ кошевого атамана Ивана Малашевича, находящейся въ архивѣ отдѣленія главнаго штаба въ Москвѣ.

Не будемъ говорить объ этихъ подробностяхъ, скажемъ только, что во все время пребыванія запорожцевъ подъ протекціей Крыма они не переставали думать о возвращеніи подъ власть прежняго своего монарха и посылали горячія моленія къ гетману Скоропадскому и къ русскимъ государямъ о дозволеніи имъ возвратиться на родныя мѣста. «Слышали мы, атаманъ кошевой войска запорожскаго низоваго, отъ читающихъ божественное святое евангеліе, что въ немъ Христосъ-истина поучаетъ не гнушатися приходящихся къ нему грѣшниковъ отриновенныхъ своея благодати и человѣколюбія». Уповая на Христа, Сына Божія, и на Пресвятую Дѣву Марію, Божію родительницу, кошевой атаманъ и войско запорожское, поливая стопы рейментарской милости гетмана Скоропадскаго, молили его со слезами не презрѣть гласа запорожцевъ, согрѣшившихъ передъ царскимъ величествомъ и отвергшихся его благодати. «Воспріими, яко отецъ небесный, исповѣданіе вины и прозбы нашой и, аще будетъ возможно, сей нашъ смиренный совѣтъ и преподлѣйшее хотѣніе его царскому пресвѣтлому величеству донеси и неиначей, яко и Христосъ на крестѣ блаженному разбойникови возгласи: днесь съ нами, сынами восточнаго благочестія Великія и Малыя Россіи, будете въ раи» **).

Но эти просьбы и моленія очень долго были гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и запорожцы до тѣхъ поръ получали отказы, пока не вступила на престолъ императрица Анна Ивановна. Получивъ милостивое прощеніе отъ императрицы, запорожцы покинули устье рѣчки Каменки, гдѣ они сидѣли въ послѣднее время Сичею, и поселились на вѣткѣ Днѣпра, Подпильной, въ урочищѣ Красномъ-Кутѣ, на 4 версты ниже старой Чортомлыцкой Сичи, гдѣ прожили 41 годъ, съ 1734 по 1775 годъ.

---

*) Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малорос. дѣла, 1710 г., № 3.

**) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1716 г., связка 38, № 37.

Въ теченіе послѣдняго времени своего историческаго существованія запорожцы ходили въ походы, подъ предводительствомъ Миниха и Ласси, къ предѣламъ Крыма и во владѣнія Турціи, принимали участіе въ обѣихъ турецкихъ войнахъ временъ императрицы Екатерины II, причемъ не мало оказали важныхъ услугъ русскимъ военачальникамъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не спасло Запорожья отъ разрушенія. Такъ какъ въ это время шло устройство и усиленная колонизація Новороссійскаго края, то русское правительство, находя недостаточно населенными нѣкоторыя мѣста Запорожья, нашло нужнымъ отдать сѣверо-западную и сѣверо-восточную окраины козацкихъ степей австрійскимъ сербамъ, и вышедшіе изъ Австріи переселенцы, занявъ указанныя имъ мѣста, построили Елисаветградъ на рѣкѣ Ингулѣ и Бахмутъ на рѣчкѣ Бахмутѣ. Эти поселенія, такъ называемыя, Новосербія и Славяносербія, и послужили ближайшею причиной паденія Запорожья. Запорожцы не могли иначе встрѣтить поселенцевъ, какъ враждебно, и тутъ начались постоянныя пререканія, раздоры, грабежи и разбойничества съ той и другой стороны, которые то затихали, то возобновлялись еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. И такъ какъ славянскіе поселенцы имѣли при русскомъ дворѣ сильныхъ покровителей, которые всегда умѣли представить запорожцевъ какъ людей безпокойныхъ и необузданныхъ, то запорожцы во всѣхъ инстанціяхъ оказывались виновными, и подъ конецъ поплатились самою Сичею на Подпильной. Это и было ближайшей изъ причинъ уничтоженія Запорожья.

Но главнѣйшею причиной уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что весь строй запорожскаго войска съ его широко-демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи. Императрица Екатерина II, подобно своимъ предшественникамъ, помимо другихъ задачъ и цѣлей, которыя она взяла на себя, съ особенною настойчивостью проводила идею централизаціи, стараясь подавить всякую областную обособленность. Она видѣла, что въ Россіи существуетъ община, которая хотя и признаетъ себя зависимой отъ русскаго правительства, но самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно казнитъ и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ, самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками въ центральной Россіи и ко всему этому заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ уже началомъ настоящаго государства. Это— община запорожскихъ козаковъ. Такимъ образомъ выходило, что въ русскомъ монархическомъ государствѣ существовала община съ почти независимымъ народоправленіемъ. Отъ этого въ одной и той же Россіи и въ одно и то же время происходили такія явленія, какъ узаконеніе крѣпостничества и въ то же время непризнаніе его: стоило только крестьянину, недовольному какимъ-нибудь правительственнымъ распоряженіемъ, добѣжать до Запорожья, какъ вся его зависимость отъ помѣщика рушилась: въ Запорожьѣ онъ получалъ и земли, и луга, и рыболовныя мѣста, не зная въ то же время никакого помѣщика и не желая знать никакихъ обя-

зательныхъ на этотъ счетъ правительственныхъ узаконеній и положеній. Это и послужило главнѣйшею причиной уничтоженія Запорожья, а не то общераспространенное мнѣніе, будто бы Запорожье не нужно было съ завоеваніемъ Крыма. Что запорожцы нужны были и послѣ взятія Крыма, это видно изъ того, что князь Потемкинъ, увидѣвъ, съ уничтоженіемъ Сичи, открытымъ и свободнымъ, для входа мусульманъ, устье Днѣпра, поспѣшилъ сформировать изъ тѣхъ же запорожцевъ, такъ называемое, черноморское войско и поселить его сперва между Бугомъ и Днѣстромъ.

Такъ или иначе, но 4 іюня 1775 года, запорожская Сичь прекратила свое историческое существованіе. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ императрицы Екатерины II насчитывается шесть причинъ, по которымъ объявлялась политическая смерть Запорожью. Но эти шесть причинъ въ сущности сводятся къ двумъ—къ захвату козаками чужой собственности и къ стремленію создать независимое самоуправленіе.

Съ уничтоженіемъ Сичи главные начальники запорожцевъ—кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій, судья Павелъ Фроловичъ Головатый и писарь Иванъ Яковлевичъ Глоба сосланы были первый въ Соловецкій монастырь, второй въ городъ Тобольскъ, третій въ городъ Туруханскъ. Калнишевскій пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ 27 лѣтъ, изъ коихъ 25 въ заключеніи и 2 года на свободѣ, принявши монашество. Онъ погребенъ у правой стѣны главнаго собора, рядомъ съ прахомъ Авраамія Палицына. Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь и видѣлъ въ немъ, кромѣ документовъ о кошевомъ Калнишевскомъ и вещей, оставленныхъ имъ, надгробную плиту надъ прахомъ его, на коей прочелъ слѣдующія слова:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти праведника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ 1801 года по высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренне познавшаго свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою, доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ... Аминь».

Д. И. Эварницкій.

Очерки провинціальной жизни.

Экспертная коммиссія на Нижегородской выставкѣ присудила тамбовской воскресной школѣ, руководимой А. Н. Слетовой, дипломъ первой степени. Такая награда представляла уже не первую оцѣнку услугъ г-жи Слетовой. За энергичное и талантливое веденіе ею школы она получала неоднократныя выраженія благодарности среди городского общественнаго управленія, дирекціи народныхъ училищъ и училищнаго совѣта. И вотъ такая выдающаяся работница въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ народѣ вынуждена была недавно покинуть тамбовскую школу. Это одна изъ тѣхъ печальныхъ исторій нашей вседневной провинціальной жизни, которыя не прекратятся до тѣхъ поръ, пока мѣстное общество не станетъ являться энергичнымъ ходатаемъ передъ высшими властями, защищая скромныхъ, но чрезвычайно полезныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей отъ произвола и несправедливыхъ преслѣдованій ихъ ближайшаго начальства. Исторія прекращенія г-жей Слетовой своей просвѣтительной дѣятельности въ Тамбовѣ слѣдующая.

За нѣсколько времени до открытія Нижегородской выставки А. Н. Слетовой получено было отъ распорядительницы харьковской воскресной школой, извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской, письмо, изъ котораго было видно, что Х. Д. получила отъ министра народнаго просвѣщенія предложеніе «представить воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ». Чтобъ имѣть возможность выполнить это порученіе, Х. Д. просила, въ числѣ прочихъ завѣдывающихъ, А. Н. Слетову доставить ей письменный матеріалъ, характеризующій ходъ дѣлъ въ тамбовской воскресной школѣ. По этому поводу завѣдывающая собрала частное школьное собраніе. На основаніи дневниковъ учительницъ была составлена записка о ходѣ дѣлъ, просмотрѣна и утверждена учащими въ школѣ и, наконецъ, послана г-жѣ Алчевской при письмѣ, въ которомъ значилось, что, за недостаткомъ времени, записка составлена далеко не полно, а потому годится только какъ сырой матеріалъ для сводной работы. Послѣ этого завѣдывающей Слетовой, въ отвѣтъ на предложеніе Алчевской отпечатать отчетъ о ея школѣ, былъ данъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ это мо-

жетъ быть сдѣлано лишь съ разрѣшенія непосредственнаго училищнаго начальства.

Г-жа Алчевская находя отчетъ и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ, вполнѣ годнымъ для выставки, представила записку о ходѣ дѣлъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ въ качествѣ экспоната научно-учебнаго отдѣла. Одного мнѣнія о достоинствахъ экспоната оказалась и экспертная коммиссія, присудившая тамбовской школѣ, какъ сказано выше, дипломъ 1-й степени.

Между прочимъ отчетъ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: «Поступленіе учениковъ въ школу обусловливается самыми разнообразными причинами. Хотя мы неохотно принимали мальчиковъ моложе 12 лѣтъ, ибо они могутъ ходить въ ежедневную школу, но иногда приходилось дѣлать исключеніе. На вопросъ, отчего мальчика не отдаютъ въ ежедневную школу, часто слышимъ отвѣтъ, что не на что покупать учебныя пособія; приходится получать и такіе отвѣты: «онъ былъ въ школѣ, да учитель тамъ больно дерется, я и боюсь его посылать». Что нѣкоторые учителя въ тамбовскихъ школахъ дерутся — это фактъ. Какъ не сжалиться надъ малышомъ, который жмется къ юбкѣ матери или бабки, смотритъ на меня полными слезъ глазами, очевидно, размышляя: «а здѣсь будутъ драться или нѣтъ?»

Этимъ-то мѣстомъ отчета и былъ обусловленъ невольный выходъ изъ школы г-жи Слетовой. Пока оно не было извѣстно публикѣ, инспекторъ училищъ, г. Бойковъ, лично явился поздравить завѣдующую школой съ дипломомъ, выразить ей свою признательность, и заявить, что читалъ на выставкѣ сказанный отчетъ и остался имъ очень доволенъ. Но вотъ въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ* появляется «письмо съ выставки», въ которомъ сообщается, что въ отчетѣ воскресной школы учителя городскихъ школъ въ Тамбовѣ обвиняются въ битьѣ учениковъ. Тогда дирекція народныхъ училищъ Тамбовской губерніи обидѣлась. Инспекторъ училищъ Бойковъ прислалъ завѣдующей школой оскорбительное письмо и поставилъ ее въ извѣстность, что директоромъ училищъ ему поручено предложить ей отстраниться отъ школы.

Чтобы выяснить дѣло и доказать полную свою невиновность, г-жа Слетова разъяснила въ особомъ отношеніи инспектору и въ печати, а именно въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ*, что ея отчетъ былъ посланъ не на выставку, въ качествѣ экспоната, а Х. Д. Алчевской, какъ сырой матеріалъ, вслѣдствіе просьбы послѣдней доставить ей возможность исполнить порученіе министра народнаго просвѣщенія «представить воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ». Далѣе завѣдующая школой указываетъ, что упоминаніе о фактахъ побоевъ учениковъ явилось единственно какъ объясненіе одной изъ причинъ поступленія малолѣтнихъ учениковъ въ школу, предназначенную, главнымъ образомъ, для взрослыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для доказательства вѣрности указаннаго факта, завѣдующая школой не ограничилась ссылкой на многочисленные отзывы бывшихъ учениковъ началь-

ныхъ школъ въ Тамбовѣ и ихъ родителей, а сообщила нѣсколько свѣжихъ случаевъ побоевъ.

Это разъясненіе ни мало не подѣйствовало на инспектора народныхъ училищъ, и А. Н. Слетовой пришлось оставить школу.

Сотрудники талантливой и усердной руководительницы тамбовской воскресной школы выразили сожалѣніе объ ея уходѣ въ слѣдующемъ постановленіи, напечатанномъ въ мѣстной газетѣ:

«Глубокоуважаемая

Анастасія Николаевна!

«Состоявшееся 20 октября общее собраніе преподающихъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ единогласно постановило выразить вамъ сердечную благодарность за шестилѣтніе плодотворные труды на пользу народнаго образованія.

«Законоучитель школы священникъ Пав. Добротворцевъ, Ѳ. Мягкова, П. Тихобразовъ, П. Смирновъ, Е. Смирнова, Ив. Знаменскій, В. Кохлевская, А. Каржавина, О. Лысогорская».

Выходъ г-жи Слетовой изъ школы возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ толки о положеніи начальныхъ школъ въ Тамбовѣ. Вспомнили, что тѣ же факты, которые удостовѣрены въ отчетѣ только что ушедшей руководительницы воскресной школы, были уже отмѣчены однажды въ педагогической литературѣ, именно въ очеркахъ г-жи К — ой (*Русская Школа* 1894 г. №№ 5—10). Въ обществѣ прямо указывается, что обращеніе учителей съ учениками въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ оставляетъ желать многаго; передаются факты, которые нельзя назвать иначе, какъ возмутительными. Отыскиваютъ причины этихъ прискорбныхъ явленій и видятъ ихъ въ чисто-дореформенныхъ порядкахъ, царящихъ до сихъ поръ въ Екатерининскомъ учительскомъ институтѣ, поставляющемъ учителей на всю Тамбовскую губернію. Въ виду всего этого въ обществѣ высказывается мысль о цѣлесообразномъ назначеніи безпристрастнаго разслѣдованія, не имѣющаго цѣлью выгораживать кого бы то ни было, а руководящагося единственно стремленіемъ вывести на Божій свѣтъ истину и оградить «малыхъ сихъ», беззащитныхъ учениковъ отъ произвола и жестокости.

Пока нѣкоторое вмѣшательство въ это дѣло сдѣлано лишь тамбовскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, которое—какъ сообщаютъ *Бирж. Вѣдомости*, — въ первомъ же засѣданіи недавней очередной сессіи, по предложенію гласныхъ А. Н. Чичерина и Д. И. Тимоѳеева (онъ же городской голова), постановило просить мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Бойкова, о строгомъ соблюденіи правительственныхъ узаконеній о распоряженіи въ дѣлѣ назначенія, перемѣщенія и увольненія учителей народныхъ школъ. Непрерывныя перемѣщенія народныхъ учителей г. Бойковъ возвелъ въ систему. За 1895 г. перемѣшено учителей болѣе 30%. Эти ежегодныя перемѣщенія около *трети* учителей дѣлаютъ ихъ какимъ-то классомъ кочевниковъ. Среднимъ числомъ, можно считать въ трехлѣтній срокъ перемѣну учителей во всѣхъ мѣстностяхъ. Не успѣетъ, стало быть, учитель оглядѣться,

не успѣетъ освоиться съ мѣстностью, какъ уже получается «предписаніе», онъ сбираетъ свои пожитки и двигается до новой временной стоянки. Треть учащихся ежегодно мѣняетъ преподавателей, стало быть, надъ ней практикуются новые пріемы преподаванія. Такимъ образомъ, эта мѣра является палкой о двухъ концахъ, сразу бьющей и по учителямъ, и по ученикамъ. Для чего, зачѣмъ, кому нужно превращать учителей въ какихъ-то вѣчныхъ жидовъ, постоянно передвигающихся съ мѣста на мѣсто,—неизвѣстно... Въ довершеніе всего оказалось, что всѣ эти измѣненія въ личномъ составѣ учителей, а также опредѣленіе окладовъ ихъ жалованья, производятся единственно личною волей мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Бойкова. Городскимъ головой Д. И. Тимоѳеевымъ былъ представленъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ бумагъ инспекціи, пестрящихъ выраженіями: «мною уволенъ», «мною перемѣщенъ», «мною допущенъ къ исполненію обязанностей учителя». Между тѣмъ, по закону, обязанности и права по всѣмъ этимъ вопросамъ раздѣлены между инспекціей народныхъ училищъ, училищнымъ совѣтомъ и лицомъ, содержащимъ на свои средства школы, въ данномъ случаѣ уѣзднымъ земствомъ, въ лицѣ управы. Повидимому, правъ былъ гласный А. Н. Чичеринъ, который заявилъ на земскомъ собраніи, что въ дѣятельности инспектора народныхъ училищъ можно замѣтить явные признаки *произвола*.

Перемѣщеніе учителей, не оправдываемое ничѣмъ, кромѣ личнаго «sic volo, sic jubeo», практикуется инспекторами народныхъ училищъ во многихъ мѣстахъ. Безпокойное лѣто пережили въ этомъ году учителя нашего уѣзда,—пишутъ изъ Грайворонскаго уѣзда въ *Недѣлю*.—Ихъ тревожили безпричинные переводы и перемѣщенія, принявшіе какъ бы эпидемическій характеръ, — такъ они сдѣлались часты и неожиданны. Были случаи, что учитель, прослужившій въ одной школѣ 15 — 20 лѣтъ и всѣми условіями своей жизни вросшій въ почву данной мѣстности, вдругъ получалъ предписаніе оставить свою школу и ѣхать въ другую. Особенно тревожились учителя семейные, для которыхъ перемѣщенія являлись истинною мукой и наказаніемъ, а именно они-то и оказывались жертвами перетасовокъ. Ходилъ слухъ, будто училищное начальство вообще держится того взгляда, что учителямъ не слѣдуетъ позволять засиживаться подолгу на одномъ мѣстѣ, такъ какъ спокойная жизнь порождаетъ въ нихъ нѣкоторую самоувѣренность. Одинъ изъ учителей прослужилъ въ Борисовскомъ образцовомъ училищѣ 22 года, другой учитель пробылъ въ Борисовской же земской школѣ 15 лѣтъ. Оба они всячески старались избѣгнуть перевода, который, однако, грозилъ имъ неминуемо; тогда на помощь имъ выступило общество. Учителю Борисовской школы былъ врученъ приговоръ отъ сельскаго общества, свидѣтельствующій о благодарной признательности за его долголѣтнюю и усердную педагогическую службу; по отношенію же къ учителю образцоваго училища составлено было на имя директора народныхъ училищъ, за подписью родителей и бывшихъ учениковъ его, особое заявленіе, въ которомъ выражалось самое сердечное расположеніе мѣстнаго на-

селенія къ учителю и приносилась усерднѣйшая просьба объ оставленіи его на старомъ мѣстѣ. Просьба эта была уважена ко всеобщему удовольствію. Насколько учитель этотъ пользуется мѣстнымъ уваженіемъ, показываетъ то, что въ началѣ прошлаго года ему былъ поднесенъ отъ родителей благодарственный адресъ и икона св. Александра Невскаго.

Тотъ же вопросъ о самовластныхъ дѣйствіяхъ инспекторовъ народныхъ училищъ и частыхъ, вполнѣ безпричинныхъ, перемѣщеніяхъ учителей былъ поднятъ на послѣднемъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Управа представила собранію докладъ, въ которомъ указывала на неоднократныя жалобы, что инспекторъ народныхъ училищъ единолично, игнорируя права учредителей и содержателей школъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учащихъ. Ссылаясь на разъясненія министерства и сената, управа высказывается, что единолично инспекторъ имѣетъ право лишь временно замѣщать должности учащихъ, пріисканіе же и рекомендація кандидатовъ вообще принадлежитъ учредителямъ и содержателямъ школъ. Если такіе кандидаты не будутъ рекомендованы, инспекторъ можетъ предложить своихъ кандидатовъ, но и они назначаются лишь съ согласія учредителей и содержателей школъ. Перемѣщать и увольнять учащихъ имѣетъ право лишь училищный совѣтъ in corpore, а отнюдь не инспекторъ единолично. Управа предлагаетъ строго придерживаться этого порядка, поставить объ этомъ въ извѣстность инспектора и училищный совѣтъ, право рекомендаціи на учительскую должность предоставить земской коммиссіи по народному образованію, уполномочить управу, въ случаѣ нарушенія инспекторомъ этого порядка, обжаловать его дѣйствія. Собраніе постановило, чтобъ управа въ своихъ отношеніяхъ съ инспекціей строго придерживалась изложенныхъ въ докладѣ законныхъ правилъ и, въ случаѣ нарушенія инспекціей этихъ правилъ, приносила жалобы на ея дѣйствія.

Въ сферѣ народнаго образованія земству приходится вести это великое дѣло впередъ не только путемъ увеличенія числа школъ, народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній, но также работать и надъ устраненіемъ разнообразныхъ административныхъ препятствій, стоящахъ на пути развитія просвѣщенія въ народѣ. Однимъ изъ такихъ препятствій являются дѣйствующія правила о народныхъ чтеніяхъ. Земскія собранія давно уже ходатайствуютъ объ измѣненіи этихъ правилъ. Насколько они задерживаютъ поступательный ходъ народныхъ чтеній, новое свидѣтельство объ этомъ находимъ въ недавнихъ постановленіяхъ бронницкаго земства. Бронницкое земское собраніе постановило просить губернское земство о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о чтеніяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы чтенія разрѣшались попечителемъ учебнаго округа, а вести ихъ могли бы, кромѣ законоучителей, и учителя, и учительницы. Мотивами для этого постановленія послужили слѣдующіе факты, приведенные въ докладѣ управы. Управа, получивъ нѣсколько приговоровъ сельскихъ обществъ, обратилась къ законоучителямъ съ просьбой принять дѣло веденія чтеній на себя, имѣя въ виду при этомъ

ту легкость полученія разрѣшенія на чтенія духовными лицами, которая создана дѣйствующимъ законодательствомъ. Отвѣта на это предложеніе управы со стороны законоучителей никакого не послѣдовало. Между тѣмъ, ранѣе того (за годъ) управа хлопотала о разрѣшеніи чтеній въ г. Бронницахъ 7-ми лицамъ, въ числѣ которыхъ были: земскій начальникъ и учителя городского училища. Не говоря уже о томъ, что отвѣтъ на это ходатайство былъ задержанъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но и по полученіи его все-таки не могло состояться устройство чтеній въ городѣ, такъ какъ чуть не всѣ заявившіе желаніе вести ихъ отказались отъ этого. Причины же такого отказа заключаются въ томъ, что разрѣшеніе чтеній было обусловлено непремѣнною постановкой ихъ подъ непосредственное руководство и наблюденіе мѣстнаго причта. Эти факты привели управу къ убѣжденію, что будущее устройство чтеній въ уѣздѣ можетъ встрѣтить препятствіе въ своемъ развитіи въ отсутствіи лицъ, которыя могли бы вести ихъ, разъ законоучители будутъ отказываться отъ этого дѣла.

Заслуги земства въ дѣлѣ народнаго образованія настолько общеизвѣстны, настолько общепризнаны, что говорить объ этомъ становится уже ненужнымъ. Но таковы именно заслуги земства, взятаго въ цѣломъ. Если же отъ общаго перейти къ частностямъ, то на сценѣ появятся земства, правда, преимущественно уѣздныя, къ которымъ никоимъ образомъ не подходитъ репутація радѣтелей о народномъ просвѣщеніи. Одно изъ такихъ земствъ есть саранское съ достойнымъ такого земства предсѣдателемъ во главѣ. Въ то время,—пишетъ *Самарская Газета,*—какъ учителя саранскаго земства не получаютъ жалованья, въ больницахъ нѣтъ лѣкарствъ, предсѣдатель управы, г. Лиліенфельдъ, не постѣснился просить у собранія награды себѣ въ 1,500 рублей. Онъ просилъ также, чтобъ управа отдала въ его распоряженіе остатокъ прибыли въ 400 руб. отъ купли-продажи управою земледѣльческихъ орудій. Упомянутые факты были обнародованы въ печати и, конечно, произвели впечатлѣніе. Такъ какъ факты эти несомнѣнные, которые могутъ быть доказаны документально журналами собранія, г. Лиліефельдъ ничего возразить на нихъ не могъ. Но ему все-таки хотѣлось оправдаться, какъ-нибудь реабилитировать себя въ глазахъ публики, и вотъ онъ придумалъ слѣдующее средство. Онъ обратился съ циркулярнымъ посланіемъ ко всѣмъ земскимъ служащимъ и преимущественно къ сельскимъ учителямъ и учительницамъ, предлагая имъ послать опроверженія во всѣ большія столичныя и провинціальныя газеты на взведенныя на него, какъ на предсѣдателя управы, обвиненія. Но на этой затѣѣ г. Лиліенфельдъ потерпѣлъ полное фіаско.

Этотъ смѣлый, но необдуманный шагъ предсѣдателя саранской земской управы припомнилъ намъ, по ассоціаціи представленій, два курьезныхъ утвержденія, недавно напечатанныя въ *Либавской Газетѣ.* Первое изъ нихъ гласитъ: «Въ опроверженіе распространившейся въ городѣ молвы о томъ, что въ ночь съ 21 сего октября на 22 будто бы стрѣляли въ окно квартиры одного изъ обывателей, считаю необходимымъ объявить, для

успокоенія общества, что по *тщательному* дознанію подобнаго происшествія не было.—Либава, октября 25 дня 1896 г. Полицеймейстеръ А. Конкевичъ». На это черезъ день данъ слѣдующій отвѣтъ: «Объявленіе г. полицеймейстера отъ 25 октября сего года безусловно невѣрное, так: какъ во 1) фактъ выстрѣла въ окно моей квартиры въ ночь съ 20 на 21 сего октября имѣлъ мѣсто и 2) тщательнаго дознанія по обстоятельствамъ этого происшествія полиціей не производилось. Въ подтвержденіе сказаннаго ссылаюсь, съ одной стороны, на сохраняемое до сихъ поръ въ неизмѣнномъ видѣ пульное въ стеклѣ отверстіе; съ другой—на возбужденное предложеніемъ г. прокурора суда по предмету описаннаго происшествія слѣдствіе; съ третьей, на обнаруженную на мѣстѣ преступленія и пріобщенную къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства пулю и, съ четвертой, на тотъ прискорбный фактъ, что тщательнаго осмотра мѣста и слѣдовъ преступленія, а равно опроса меня или моихъ домашнихъ, полиція не производила и, слѣдственно, многаго существеннаго не выяснила.—И. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Я. Котовъ».

Къ счастью, саранскихъ земствъ и гг. Лиліенфельдовъ немного. Въ цѣломъ, какъ мы уже не разъ говорили и свидѣтельствовали многочисленными фактами, дѣятельность земства заслуженно пользуется глубокимъ уваженіемъ всѣхъ людей, желающихъ добра своей родинѣ. И если имѣется въ земской работѣ еще не вполнѣ удовлетворительно организованная область, требующая существенныхъ передѣлокъ, такъ это отношеніе земства къ состоящимъ у него на службѣ врачамъ. Эта область земской дѣятельности не рѣдко возбуждаетъ на себя справедливыя нареканія. И источникомъ такихъ нареканій служитъ неправильная организація врачебнаго дѣла, стремленіе земства быть не только хозяиномъ этого дѣла, но и вмѣшиваться также въ такія сферы земской медицины, которыя, какъ требующія спеціальныхъ свѣдѣній, должны быть всецѣло предоставлены врачамъ. Рядомъ съ этимъ, земскія управы нерѣдко относятся къ врачамъ единственно какъ къ наемникамъ, забывая ихъ трудную и чрезвычайно почтенную службу, забывая, что всѣ они люди съ высшимъ образованіемъ, пошедшіе въ земскіе врачи часто по убѣжденію, чтобы работать непосредственно на благо народа. Немного есть профессій, пользующихся такою симпатичною репутаціей, какъ земскіе врачи. Они вполнѣ заслужили, чтобъ имъ оказывалось довѣріе, чтобъ имъ предоставлено было возможно болѣе самостоятельности въ области медицинскаго дѣла, чтобъ отношеніе къ нимъ было соотвѣствующее ихъ образованію и развитому въ нихъ чувству достоинства. А между тѣмъ вспомните поведеніе тверской земской управы съ д-ромъ Литвиновымъ и саратовской съ д-ромъ Молессономъ. Теперь, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Недѣли*, мы нашли разсказъ, производящій тягостное впечатлѣніе о столкновеніи врачей покровскаго земства, Владимірской губерніи, съ мѣстною уѣздною управой. Врачи покровскаго земства получили отъ управы циркуляръ, совершенно измѣняющій предложенную IV съѣздомъ врачей Владимірской губерніи и принятую

покровскимъ земскимъ собраніемъ систему подачи медицинской помощи населенію. По поводу циркуляра, одинъ изъ врачей, А. Ѳ. Тихоміровъ, письменно заявилъ управѣ, что врачи поступили на службу при иныхъ условіяхъ, руководствовались иною системой, принятой и собраніемъ; чтобъ измѣнить эти условія и сдѣлать ихъ обязательными для врачей, онъ просилъ бы управу представить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе земскаго собранія, поручивъ (если то управа найдетъ нужнымъ) предварительную подробную разработку его совѣту врачей. Это заявленіе врача Тихомірова управа сочла за *нетерпимое отношеніе къ службѣ* и предложила ему подать въ отставку, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого управа разослала всѣмъ врачамъ повѣстки, приглашающія ихъ въ управу для обсужденія удобо-примѣнимости упомянутаго циркуляра. Результатомъ совѣщанія было признаніе управой неудобопримѣнимости циркуляра и постановленіе возвратиться къ прежней системѣ подачи медицинской помощи. Въ виду состоявшейся отмѣны циркуляра врачомъ Тихоміровымъ было подано въ управу заявленіе, въ которомъ онъ проситъ ее отмѣнить постановленіе объ его увольненіи. На свое заявленіе проситель получилъ предписаніе немедленно сдать больницу и участокъ врачу Бондыреву. Врачъ Бондыревъ былъ вызванъ въ управу, гдѣ получилъ предписаніе принять больницу и словесное приказаніе предсѣдателя управы Поливанова о немедленномъ исполненіи предписанія. Просьбу врача Бондырева, выраженную въ вѣжливой и деликатной формѣ, дать ему, вслѣдствіе физическаго утомленія, отдохнуть 4—5 часовъ, предсѣдатель (отставной корнетъ) счелъ за умышленное отклоненіе отъ службы и на повторную и убѣдительную просьбу перваго еще съ большимъ повышеніемъ голоса приказалъ: «Хорошо! Три часа—и ни минуты больше!» Такое грубое обращеніе предсѣдателя съ врачомъ Бондыревымъ, ничѣмъ не вызванное со стороны послѣдняго, заставило упомянутаго врача сейчасъ же подать въ отставку. Тѣмъ не менѣе, ровно черезъ 3 часа, врачъ Бондыревъ явился въ больницу и приступилъ къ ея пріему отъ врача Тихомірова. Спустя ¼ часа какъ онъ началъ занятія, прибылъ въ больницу городовой врачъ Орловъ съ предписаніемъ отъ управы освидѣтельствовать врача Бондырева и дать заключеніе: «Можетъ ли онъ въ настоящее время исполнять обязанности врача». Врачъ Орловъ нашелъ врача Бондырева при исполненіи служебныхъ обязанностей въ нормальномъ состояніи. Узнавъ о случившемся и считая обращеніе предсѣдателя крайне грубымъ и оскорбительнымъ, а дѣйствія управы неправильными, остальные земскіе врачи тоже подали въ управу прошенія объ отставкѣ. Поводомъ ко всей исторіи, какъ оказалось, была жалоба члена управы Ануфріева на врача Тихомірова за то, что послѣдній не поѣхалъ во второй разъ навѣстить его въ деревнѣ Дубнѣ, въ 11 вер. отъ города Покрова. Въ первый разъ врачъ Тихоміровъ навѣстилъ его и не нашелъ никакой серьезной болѣзни, кромѣ нѣкотораго недомоганія, оставшагося послѣ какой-то непродолжительной и легкой болѣзни, вродѣ гриппа. Да и самъ больной не считалъ свою бо-

лѣзнь серьезной и заявлялъ врачу, что «пригласилъ его, а и самъ не знаетъ на что и пожаловаться». Изъ вторичнаго письменнаго приглашенія видно, что никакой перемѣны въ состояніи больного не произошло. Въ виду несерьезности случая и за недосугомъ въ этотъ день врачъ не могъ навѣстить больного. Увѣдомить больного о невозможности пріѣхать врачъ былъ не въ состояніи, такъ какъ пригласительное письмо получилъ изъ третьихъ рукъ и посланнаго не видалъ. Послѣ этого больше приглашеній уже не было. Нужно замѣтить, что на обязанности врача Тихомірова лежало: завѣдываніе больницей съ родильнымъ отдѣленіемъ на 52 койки, ежедневный амбулаторный пріемъ больныхъ, среднимъ числомъ, около 30 человѣкъ въ день, и участокъ діаметромъ 20—15 верстъ, куда онъ, какъ и всѣ остальные врачи въ своихъ участкахъ, обязанъ былъ выѣзжать на эпидеміи, трудные роды и экстренные случаи. Жалоба члена управы Ануфріева, такъ сильно повліявшая па легко возбудимаго предсѣдателя Поливанова и вызвавшая упомянутый циркуляръ, не была провѣрена, и врачъ Тихоміровъ даже не былъ спрошенъ по этому поводу. Безцеремонное отношеніе предсѣдателя управы къ врачамъ сказалось также при объясненіи его съ д-ромъ Бондыревымъ. И надо удивляться только терпѣнію врача Бондырева, не позволившаго себѣ при такомъ объясненіи ни единаго жеста, ни единаго вызывающаго слова. Надо было, послѣ этого, имѣть еще столько самообладанія, чтобы ровно черезъ 3 часа, какъ приказалъ предсѣдатель, явиться на службу для пріема больницы и сохранить спокойствіе, когда и тамъ д-ръ Бондыревъ, при исполненіи своихъ обязанностей, подвергнулся новому оскорбленію, освидѣтельствованію черезъ городоваго врача. Конечно, врачи уже больше не вступали въ переговоры и выразили лишь свой протестъ тѣмъ, что вслѣдъ за врачомъ Бондыревымъ всѣ подали въ отставку, хотя имъ и не легко было рѣшиться на это, прослуживъ много времени одному и тому же земству и снискавъ общую любовь и расположеніе.

Врачи охраняютъ жизнь и здоровье общества, которому служатъ; но и на обществѣ лежитъ обязанность цѣнить тяжелую и подвергающуюся ежедневнымъ опасностямъ дѣятельность врачебнаго сословія. Авторъ приведеннаго сообщенія указываетъ, что изъ 32 различныхъ родовъ занятій, расположенныхъ по повышенію смертности, врачи занимаютъ 13-е мѣсто—между рабочими на табачныхъ фабрикахъ (12-е) и портными (14-е). Въ этомъ перечнѣ нѣтъ другихъ интеллигентныхъ занятій. Фактъ, что среди такихъ тяжелыхъ, разрушительно-дѣйствующихъ на здоровье занятій, какъ хлопчато-бумажное, шерстяное, кузнечное, гончарное, стеклянное, свинцовое производства, обработка ртути и т. д., пришлось помѣстить и врачебный трудъ, говоритъ уже самъ за себя. Karup и Golmer, разрабатывая данныя банка для страхованія жизни въ Готѣ, о процентѣ смертности врачей въ сравненіи съ другими профессіями, пришли къ заключенію, что въ то время, какъ среди лицъ другихъ занятій въ возрастѣ отъ 26—46 лѣтъ умираетъ 2,87%, врачей въ томъ же возрастѣ умираетъ 4,02%. Наибо-

лѣе частыя причины смерти чахотка и тифъ. Въ Саксоніи этимъ занимались Oldendorf и Westergaard и свою работу заканчиваютъ слѣдующими словами: изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ духовные и высшіе чиновники имѣютъ наивысшую, а врачи, напротивъ, наименьшую продолжительность жизни. У насъ въ Россіи, по изслѣдованію д-ра Гребенщикова, заразныя болѣзни (за 1889, 90 и 92 гг.) составили 36,7% всего числа причинъ смертности врачей вообще и болѣе 59% земскихъ врачей въ частности.

Весьма желательно, чтобы вопросъ о болѣе правильной организаціи отношеній земскихъ управъ къ врачебному дѣлу былъ поставленъ на очередь въ предстоящемъ въ мартѣ мѣсяцѣ съѣздѣ въ Петербургѣ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Ежегодные съѣзды предсѣдателей управъ—это совершенно новое и чрезвычайно важное явленіе въ земской жизни. Потребность въ такихъ съѣздахъ, долженствующихъ объединить дѣятельность земскихъ собраній и управъ, чувствовалась уже давно и, наконецъ, первый шагъ къ ихъ осуществленію былъ сдѣланъ во время Нижегородской выставки. Во всѣ губернскія земскія управы разосланъ уже *Журналъ совѣщаній предсѣдателей губернскихъ управъ*, происходившихъ въ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изъ журнала мы узнаемъ, что на совѣщаніи присутствовало 18 предсѣдателей. Здѣсь прежде всего былъ поставленъ вопросъ объ организаціи занятій послѣдующихъ съѣздовъ предсѣдателей. Было признано, что основной смыслъ такихъ съѣздовъ долженъ заключаться въ выработкѣ опредѣленной идеи, твердо установленныхъ принциповъ земской дѣятельности. Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, но конечныя цѣли и главныя руководящія основанія, отвѣчающія существу земскаго дѣла, не могутъ быть различны. Совѣщанія предсѣдателей управъ могутъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача съѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ съѣздахъ могутъ быть обсуждаемы вопросы, касающіеся дѣятельности земскихъ учрежденій, но осуществленіе которыхъ нуждается въ санкціи правительства. Въ настоящее время нерѣдко отдѣльныя земства возбуждаютъ передъ правительствомъ ходатайства по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ по существу своему общее значеніе; но въ большинствѣ случаевъ такія ходатайства остаются безъ удовлетворенія на томъ основаніи, что для разрѣшенія ихъ въ положительномъ смыслѣ представлялась бы необходимость измѣненія нѣкоторыхъ существующихъ законоположеній. Возбужденіе же того или другого вопроса въ законодательномъ порядкѣ рѣдко признается возможнымъ по ходатайству отдѣльнаго земства, и мотивомъ къ отказу большею частью выставляется, что ходатайство основано де исключительно на мѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, такого рода вопросы могутъ возбуждаться на совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ суще-

ственное значеніе для всѣхъ или большинства земствъ, предсѣдатели могутъ прійти къ соглашенію о внесеніи одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства передъ правительствомъ. Можно думать, что при таковомъ ходѣ дѣла, удовлетвореніе однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ станетъ болѣе вѣроятнымъ. Съѣздомъ приняты слѣдующія рѣшенія:

1. Организовать при московской губернской земской управѣ бюро совѣщаній предсѣдателей земскихъ управъ.

2. Слѣдующій съѣздъ назначить въ Петербургѣ въ мартѣ 1897 года, на второй недѣлѣ Великаго поста, предоставивъ бюро опредѣлить день начала совѣщанія и извѣстить о томъ заблаговременно всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ.

По вопросу о желательности привлеченія къ участію въ совѣщаніи губернскихъ гласныхъ съѣздъ высказался противъ такого участія, на томъ основаніи, что въ настоящее время совѣщаніе предсѣдателей носитъ не оффиціальный, а исключительно частный характеръ, почему и г. министръ внутренныхъ дѣлъ, до свѣдѣнія котораго московскій предсѣдатель управы, г. Шиповъ, довелъ о намѣреніи предсѣдателей организовать свои совѣщанія, выразилъ желаніе, чтобы въ нихъ принимали участіе только исключительно предсѣдатели губернскихъ управъ.

Обозрѣвая явленія текущей дѣйствительности, подводя итоги плодотворной земской работы и остановившись съ большою подробностью на выдающейся дѣятельности бѣльскаго земскаго собранія, *Смоленскій Вѣстникъ* вспомнилъ при этомъ, весьма кстати, слѣдующія слова Кидда въ его извѣстномъ сочиненіи *Соціальная эволюція*: «Если мы посмотримъ на происходящія вокругъ насъ общественныя и политическія явленія, то замѣтимъ, что у насъ есть ключъ къ разгадкѣ современности. Смягченіе характера, углубленіе и усиленіе альтруистическихъ чувствъ, рядомъ съ легкою возбудимостью ихъ и отсюда все возрастающее чувство отвѣтственности другъ передъ другомъ—вотъ важнѣйшій смыслъ общественныхъ и политическихъ явленій, характеризующихъ наше время». Мы вполнѣ присоединяемся къ пониманію Киддомъ современности. И скажемъ даже, что нигдѣ, можетъ быть, сознаніе въ долгѣ предъ низшими классами и развитіе гуманныхъ чувствъ не сдѣлало за послѣднее время такого быстраго скачка, какъ среди образованнаго русскаго общества. Мы не думаемъ этимъ сказать, что русское образованное общество опередило въ этомъ отношеніи западно-европейскія общества. Нѣтъ, мы говоримъ только о различіи въ силѣ движенія гуманизма за послѣднее время у насъ и на Западѣ. Мы сравниваемъ отношеніе у насъ общества къ народу при крѣпостномъ правѣ и отношеніе его къ народу теперь. Разница громадная. При крѣпостномъ правѣ народъ былъ рабомъ—и только рабомъ. Онъ не былъ даже Иваномъ, Петромъ, Василіемъ, Ѳедоромъ, а былъ Ванькой, Васькой, Ѳедькой. Съ паденіемъ крѣпостного права государство признало за народомъ граж-

данскія права; но что, можетъ быть, еще болѣе важно, это—непрерывное возрастаніе общественнаго слоя, составляющаго цвѣтъ интеллигенціи страны, работающаго надъ созиданіемъ условій, благодаря которымъ народъ будетъ въ состояніи воспользоваться de facto признанными за нимъ гражданскими правами, станетъ народомъ-гражданиномъ и сдѣлается участникомъ въ накопленныхъ вѣками благахъ культуры. Объ этой работѣ лучшей части нашего общества, объ этой самой свѣтлой, самой радостной сторонѣ русской жизни приходится говорить чуть не въ каждомъ изъ нашихъ обозрѣній. И пусть не думаетъ читатель, что мы имѣемъ возможность сгруппировать все совершающееся въ этой области, даже изъ сообщеннаго въ печати,—нѣтъ, этого не позволяютъ выполнить рамки нашихъ очерковъ. Обыкновенно мы ограничиваемся указаніемъ лишь образцовъ. Такъ мы дѣлаемъ и въ настоящемъ очеркѣ.

Разумѣется, самое важное дѣло нашего времени есть распространеніе въ народѣ просвѣщенія. Пока народъ остается во тьмѣ, никакія начинанія не дадутъ большихъ результатовъ. Это уже сознано и главныя усилія общества направлены именно въ эту сторону. Въ этой области работаютъ и земства, и общественные союзы, и отдѣльныя лица. Число крупныхъ пожертвованій на народныя школы увеличивается. Одно изъ такихъ пожертвованій сдѣлано въ завѣщаніи недавно умершаго помѣщика Калужской губерніи С. А. Гурьева. Все свое имѣніе онъ отказалъ на благотворительныя учрежденія въ мѣстѣ своего жительства, селѣ Бабаевѣ, и въ томъ числѣ—на устройство образцовой сельско-хозяйственной школы. Въ октябрѣ школа эта открыта въ присутствіи г. калужскаго губернатора и значительнаго числа пріѣхавшихъ на торжество посѣтителей. Зданіе школы,— сообщаетъ *Калужскій Вѣстникъ*, — не оставляетъ желать ничего лучшаго. Масса свѣта, воздуха и простора дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ школьныхъ зданій. Помѣстившееся на возвышенномъ холмѣ, оно уже издали бросается въ глаза своей грандіозностью. Гурьевская сельскохозяйственная школа является школой смѣшаннаго типа. Въ ней будутъ даваться, путемъ практическихъ и теоретическихъ занятій, основныя познанія по сельскому хозяйству вообще и въ частности по полеводству, скотоводству съ молочнымъ производствомъ, садоводству, огородничеству, пчеловодству и необходимымъ въ сельскомъ быту ремесламъ: кузнечнослесарному, сапожному и плотнично-столярному, а также по возведенію несгараемыхъ построекъ. Школа съ трехгодичнымъ курсомъ и разсчитана на 50 человѣкъ. Въ настоящее время дальнѣйшій пріемъ уже прекращенъ за переполненіемъ вакансій. При школѣ предполагается открыть образцовую ферму съ лучшими породами скота, образцовый питомникъ, образцовую пасѣку и, наконецъ, метеорологическую станцію для наблюденій.

Рядомъ со школой, другая насущная потребность въ дѣлѣ просвѣщенія народа есть народная библіотека. Плоды школы безъ книгъ для чтенія, безъ дальнѣйшаго подкрѣпленія и развитія знаній, глохнутъ. И вотъ, частью стараніемъ земствъ, частью на средства различныхъ обществъ и

частныхъ лицъ народныя библіотеки распространяются. По той интенсивности, съ какой идетъ это дѣло, можно думать, что мы живемъ наканунѣ повсемѣстнаго ихъ учрежденія. Нѣкоторыя изъ этихъ библіотекъ обставлены уже достаточно богато. Къ такимъ принадлежитъ, напримѣръ, библіотека, устроенная въ Жиздринскомъ уѣздѣ мѣстнымъ землевладѣльцемъ при Аѳанасовскомъ сельскомъ училищѣ. Библіотека, — какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ,*—раздѣлена па двѣ части: въ первой изъ нихъ подобраны книги, предназначенныя для взрослыхъ и подростковъ, окончившихъ школу, во второй—книги для учениковъ. Въ той и другой части есть отдѣлы: духовно - нравственный, историческій, географическій, естественно-научный, сельско-хозяйственный и большій изъ всѣхъ литературный. Въ литературномъ преобладаютъ Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ, Григоровичъ, Гоголь, Лермонтовъ и др. Кромѣ того очень много хорошихъ разсказовъ изъ современныхъ русскихъ писателей, а изъ иностранныхъ есть по одному тому Вальтеръ-Скотта, Бичеръ-Стоу, Флобера, Эберса, Ж.-Зандъ, по два тома—Диккенса, М. Твена, Гёте *(Фаустъ)*, Шекспира и друг.; хорошъ также отдѣлъ сельско-хозяйственный. Читатели пользуются библіотекой безплатно. Книги выдаются во всякое время. Библіотекою завѣдуетъ учитель, который и ведетъ запись выдаваемыхъ книгъ. Требованія читателей заявлялись преимущественно на книги духовно - нравственнаго и историческаго содержанія, — но особенно великъ былъ спросъ на путешествія, а также описанія явленій въ природѣ (вродѣ разсказовъ Рубакина). При выдачѣ книгъ читателямъ сообщаются нѣкоторыя руководящія замѣтки относительно содержанія выдаваемыхъ книгъ и ведутся краткія бесѣды о прочитанномъ. Въ этомъ случаѣ читатель долженъ сказать, понравилась ли ему книга, и чѣмъ именно, или—наоборотъ и почему не понравилась. По такимъ вопросамъ руководитель объясняетъ непонятное и освѣщаетъ его съ болѣе правильной точки зрѣнія. Во время такихъ бесѣдъ выяснилось, что изъ литературнаго отдѣла болѣе другихъ книгъ понравились разсказы Григоровича, Толстого, Тургенева, Короленка и Мамина-Сибиряка. Изъ сочиненій иностранныхъ авторовъ болѣе всего хвалили *Хижину дяди Тома*, *Принцъ и Нищій*, *Гамлета* и *Донъ-Кихота*.

Съ какою интенсивностью развивается въ нѣкоторыхъ городахъ дѣятельность общественныхъ союзовъ и частныхъ лицъ въ области народнаго просвѣщенія, примѣромъ можетъ служить Ставрополь-Кавказскій. Здѣсь, по сообщенію г. Абрамова въ *Недѣлѣ*, за послѣднее время возникло *семь* народныхъ аудиторій, одна изъ которыхъ устроена въ тюрьмѣ для заключенныхъ. Изъ семи аудиторій народныхъ чтеній въ трехъ чтенія ведутся отъ мѣстнаго общества грамотности, въ одной—учителями четырехкласснаго городского училища и въ трехъ отъ духовнаго вѣдомства. Аудиторіями служатъ: казарма, служащая для помѣщенія новобранцевъ и ополченцевъ, лѣтнее помѣщеніе мѣстнаго клуба, залъ городской думы, актовый залъ городского училища, залъ мѣстнаго Андреевско-Владимірскаго братства, одно начальное училище и, наконецъ, тюрьма. Чтенія ведутся лицами самыми

разнообразными, всего чаще учителями, и, конечно, безвозмездно. Посѣтителей на чтеніяхъ одновременно бываетъ не менѣе тысячи. Сверхъ того въ городѣ имѣются *три* безплатныя народныя библіотеки. Одна изъ нихъ устроена Андреевско-Владимірскимъ братствомъ, другая—городскимъ управленіемъ и третья—частнымъ лицомъ. Пользуются библіотеками уже не менѣе 900 человѣкъ. Затѣмъ имѣется *четыре* воскресныхъ школы, въ которыхъ работаетъ около сотни человѣкъ мѣстной молодежи обоего пола и въ которыхъ учится до 700 человѣкъ, преимущественно взрослыхъ и подростковъ. Помѣщаются воскресныя школы—одна въ зданіи мѣстной женской гимназіи, другая—въ мѣстномъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ и двѣ—въ помѣщеніяхъ начальныхъ школъ. Всѣ участники воскресныхъ школъ работаютъ въ нихъ безплатно. Нельзя не отмѣтить также постоянно увеличивающагося числа начальныхъ школъ въ городѣ. Въ настоящее время въ городѣ имѣются 10 нормальныхъ и 2 послѣобѣденныхъ школы, содержимыхъ городомъ, двѣ школы мѣстнаго общества грамотности, двѣ школы при духовно-учебныхъ заведеніяхъ (семинаріи и женскомъ епархіальномъ училищѣ), три школы Андреевско - Владимірскаго братства, три школы при православныхъ церквахъ, три иновѣрческихъ (католическая, лютеранская и еврейская) и четыре частныхъ, а всего *29 начальныхъ школъ*, при населеніи около 35 тысячъ жителей.

Мы не разъ уже отмѣчали тотъ фактъ, что въ просвѣтительномъ движеніи принимаетъ матеріальное участіе и самъ народъ, когда у него находятся на это средства. Въ зажиточномъ, сравнительно, Бердянскомъ уѣздѣ, по даннымъ отчета мѣстной земской управы, 24 сельскихъ общества ассигновали въ прошломъ году на покупку волшебныхъ фонарей и картинъ для народныхъ чтеній 7,115 рублей. Народныя чтенія открыты въ уѣздѣ уже при 22 училищахъ. Нужно видѣть, говорится въ отчетѣ, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ слушаетъ народъ эти чтенія. Ихъ посѣщаетъ и нѣмецкое населеніе уѣзда, оформулировавшее свои впечатлѣнія отъ чтеній въ слѣдующемъ выраженіи: «это такъ хорошо и поучительно, что совсѣмъ какъ въ церкви».

Рядомъ съ работой для умноженія числа школъ, народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній, усиливается также вниманіе къ жизненному положенію народныхъ учителей и къ матеріальному состоянію учащихся. Почти во всѣхъ земствахъ поставлено на очередь улучшеніе быта учителей и въ различныхъ мѣстахъ образуются общества для оказанія помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ. На дняхъ *Русскія Вѣдомости* сообщили объ организующемся новомъ обществѣ попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ Московскаго уѣзда, дѣятельность котораго будетъ находиться въ органической связи съ работой въ томъ же направленіи мѣстнаго земства. Сообразно съ этою цѣлью занятія общества составляютъ: 1) выдача нуждающимся учителямъ и учительницамъ одновременныхъ или періодическихъ денежныхъ пособій и заимообразно безпроцентныхъ ссудъ; 2) приглашеніе врачей для учащихъ и ихъ семействъ; 3) предо-

ставленіе средствъ заболѣвшимъ учащимъ на поѣздку въ лѣчебныя мѣста; 4) устройство постоянныхъ лѣтнихъ колоній для учащихъ, разстроившихъ свое здоровье занятіями въ школѣ; 5) учрежденіе убѣжища для учащихъ, лишенныхъ возможности трудиться вслѣдствіе старости и болѣзни, а также и для ихъ семействъ; 6) заботы объ образованіи дѣтей-сиротъ учащихъ; 7) устройство ссудо-сберегательной кассы для учащихъ на основаніи особо составленнаго устава; 8) устройство для учащихъ библіотеки, педагогическаго музея и пр.; 9) содѣйствіе къ пріисканію нуждающимся занятій и 10) оказаніе имъ вообще помощи всякими иными способами. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ. Почетными членами считаются лица, вносящія ежегодно въ кассу общества не менѣе 25 руб.; внесшіе же единовременно не менѣе 250 р. признаются пожизненными почетными членами. Лица, вносящія ежегодно въ пользу общества не менѣе 10 руб., считаются членами-соревнователями, а жертвующіе единовременно 100 руб.—пожизненными членами соревнователями. Дѣйствительные члены, которыми могутъ быть учителя и учительницы училищъ Московскаго уѣзда, вносятъ ежегодно въ кассу общества не менѣе 3 руб. Почетные члены, члены-соревнователи и дѣйствительные члены пользуются правомъ рѣшающаго голоса на общихъ собраніяхъ общества. Правленіе общества состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, шести членовъ, казначея и секретаря, избираемыхъ на годичный срокъ общимъ собраніемъ. Если земское собраніе снабдитъ общество своими помѣщеніями или ассигнуетъ на усиленіе его средствъ какія-либо суммы, то ему предоставляется назначить въ правленіе общества, съ правомъ голоса, или особое лицо изъ своихъ членовъ, или же одного изъ членовъ управы.

Изъ новыхъ обществъ для оказанія помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ *Калужскій Вѣстникъ* сообщаетъ объ образовавшемся обществѣ въ Козельскѣ. Общество это имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ козельскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, причемъ, съ развитіемъ дѣятельности общества, помощь можетъ быть оказываема и тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ въ козельскомъ городскомъ училищѣ, кои для продолженія образованія поступаютъ въ другія учебныя заведенія, не входящія въ кругъ дѣятельности общества. Помощь общества будетъ выражаться: взносомъ платы за ученье, безплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, доставленіемъ одежды, пищи, квартиры, медицинской помощи, назначеніемъ въ исключительныхъ случаяхъ денежныхъ пособій.

О возрастаніи въ нашемъ обществѣ чувства гуманности, объ усиленіи сознанія обязанности принять участіе въ работѣ противъ соціальныхъ недуговъ—свидѣтельствуетъ также ростъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью оказаніе помощи обездоленнымъ. Изъ подобныхъ учрежденій совершенно новыми являются «дома трудолюбія», доставляющіе работу лишившимся занятій и пріютъ бѣднымъ и заброшеннымъ дѣтямъ. Такія учрежденія открыты уже во многихъ городахъ Россіи, работа ихъ непрестанно расширяется. Недавно вышедшій отчетъ о ходѣ дѣлъ въ орловскомъ домѣ тру-

долюбія за прошедшій годъ можетъ служить образчикомъ размѣровъ дѣятельности подобнаго рода учрежденій. Съ содержаніемъ отчета знакомитъ насъ *Орловскій Вѣстникъ*. Изъ сообщенія газеты видно, что въ отчетномъ году въ вѣдѣніи попечительнаго общества находились, кромѣ дома трудолюбія съ женскими и мужскими мастерскими, еще дѣтское убѣжище, пріютъ «ясли», ночлежный домъ, богадѣльня для престарѣлыхъ и дешевая столовая. Одинъ перечень этихъ учрежденій показываетъ, насколько разностороння дѣятельность орловскаго дома трудолюбія. Мастерскія находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ членовъ общества. Для обученія призрѣваемыхъ ремесламъ въ мастерскихъ имѣются мастера и мастерицы. Такъ какъ главная цѣль общества—дать работу не имѣющимъ заработка, то мастерскія, конечно, не могутъ дать большихъ доходовъ. Дѣтское убѣжище въ отчетномъ году замѣтно расширилось. Къ концу 1895 г. въ немъ насчитывалось 43 мальчика и 26 дѣвочекъ, всего 69 человѣкъ. На это учрежденіе тратятся значительныя суммы. Но существованіе подобнаго убѣжища крайне необходимо, такъ какъ всѣ имѣющіеся въ Орлѣ пріюты переполнены. При убѣжищѣ существуетъ школа, съ правами земской, находящаяся въ вѣдѣніи учителя и его помощника. Въ свободное отъ ученія время дѣти занимаются, сообразно съ способностями, въ разныхъ мастерскихъ; нѣкоторыя изъ нихъ, окончивши курсъ ученія, работаютъ въ типографіяхъ, въ магазинахъ, въ городской слесарной мастерской и т. п. Съ мая мѣсяца 1895 года въ вѣдѣніе общества дома трудолюбія перешелъ пріютъ «ясли», находившійся раньше на попеченіи орловскаго благотворительнаго общества. Послѣднее обязалось оказывать дому трудолюбія ежегодную субсидію въ размѣрѣ 180 руб. Характеръ этого учрежденія не соотвѣтствуетъ общепринятому понятію о пріютахъ съ названіемъ «ясли»; правильнѣе было бы назвать его малолѣтнимъ отдѣленіемъ дѣтскаго убѣжища. Круглыя сироты или тѣ дѣти, родители которыхъ не имѣютъ возможности ихъ воспитывать, попадая въ «ясли», остаются въ нихъ постоянно. Сверхъ того при домѣ трудолюбія существуютъ богадѣльня и дешевая столовая.

Живое участіе русской интеллигенціи къ рабочему классу особенно ярко выразилось на засѣданіяхъ промышленнаго съѣзда на Нижегородской выставкѣ. Въ числѣ многихъ обсуждавшихся на съѣздѣ предложеній въ интересахъ рабочаго класса большое вниманіе было посвящено предложенію объ обезпеченіи рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ. Съѣздъ высказался *за организацію государствомъ* страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, какъ за наилучшую форму обезпеченія рабочихъ въ этомъ дѣлѣ. Осуществленіе этой мѣры для государства въ настоящее время тѣмъ легче, что сознаніе о нужности обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ стало уже проникать въ сферы фабрикантовъ и заводчиковъ. *Русск. Вѣд.* сообщаютъ о состоявшемся 21 ноября первомъ собраніи фабрикантовъ и заводчиковъ города Одессы и Херсонской губерніи для обсужденія устава общества взаимнаго кредита рабочихъ отъ нечастныхъ случаевъ. Проектъ

устава составленъ по предложенію старшаго фабричнаго инспектора Херсонской губерніи А. Микулина, коммиссіею, избранною самими заводчиками и фабрикантами изъ ихъ среды. Коммиссія работала подъ предсѣдательствомъ того же фабричнаго инспектора. Учреждаемое общество взаимнаго страхованія владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими имѣетъ цѣлью оказывать единовременное пособіе рабочимъ фабрикъ и заводовъ въ случаѣ полной или временной потери способности къ труду, а также семействамъ рабочихъ, если смерть или потеря способности къ труду произошла отъ какого-либо несчастнаго случая при работахъ, безразлично—по винѣ ли хозяина предпріятія, или же вслѣдствіе неосторожности рабочаго, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, за исключеніемъ несчастій, происшедшихъ отъ землетрясенія, войны или народныхъ смутъ. Точно также если будетъ доказано, что рабочій умышленно нанесъ себѣ поврежденіе, онъ лишается права на вознагражденіе. Члены общества, состоящаго изъ фабрикантовъ и заводчиковъ Одессы и Херсонской губерніи, вносятъ ежегодно въ кассу отъ $^1/_2$% до $1^1/_2$% съ годичной заработной платы. Размѣръ взноса зависитъ отъ степени опасности даннаго производства, причемъ производства раздѣлены по степени опасности на 3 класса: 1-й классъ—ручныя производства, въ которыхъ не участвуютъ машины или опасные механизмы; 2-й классъ—ручныя производства съ болѣе тяжелыми условіями работы (кузницы, литейныя, химическія производства), а также производства, прибѣгающія къ услугамъ парового, газоваго или керосиноваго двигателя, причемъ не имѣется особенно опасныхъ механизмовъ или быстро движущихся машинъ; 3-й классъ—всѣ остальныя производства. Владѣльцы предпріятія 1-го класса вносятъ въ кассу общества $^1/_2$% съ годичной суммы заработка рабочихъ на ихъ фабрикахъ; владѣльцы предпріятій 2-го класса—1%, а 3-го класса—$1^1/_2$%. Общее собраніе можетъ увеличить размѣры взносовъ членовъ, если установленная норма является недостаточною для выполненія обязательствъ общества. Взносы дѣлаются по разсчету на полгода впередъ. Въ случаѣ, если общество должно будетъ выплатить вознагражденіе пострадавшимъ рабочимъ въ размѣрѣ, превышающемъ наличность средствъ общества, то недостающую часть обязуются внести члены общества за круговой отвѣтственностью, по раскладкѣ пропорціонально годичнымъ взносамъ, немедленно по полученіи извѣщенія отъ правленія общества. Правленіе общества будетъ находиться въ Одессѣ. Общество можетъ открывать отдѣленія въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится фабричный инспекторъ, если число членовъ отдѣленія достигнетъ 15 человѣкъ при общемъ числѣ рабочихъ въ 500 человѣкъ и годичномъ ихъ заработкѣ, превышающемъ 100,000 руб. Несчастные случаи съ рабочими, дающіе право на вознагражденіе, раздѣляются на четыре категоріи: 1) смертные, 2) полной инвалидности, 3) полуинвалидности, 4) временной неспособности. Въ первомъ случаѣ имѣютъ право на вознагражденіе отецъ, мать, жена и дѣти потерпѣвшаго. Родители имѣютъ право на вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, если у по-

терпѣвшаго не было своей семьи. Жена и дѣти покойнаго имѣютъ право на полное вознагражденіе, если въ семьѣ осталось не менѣе 2 дѣтей, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста. Сироты послѣ покойнаго получаютъ вознагражденіе по числу оставшихся лицъ, причемъ одинъ ребенокъ получаетъ половину вознагражденія, двое или болѣе—полное. Вознагражденіе выдается лишь сиротамъ, не достигшимъ 17 лѣтъ. При временной неспособности къ труду вознагражденіе выдается потерпѣвшему на руки, но въ томъ лишь случаѣ, если временная неспособность продолжалась болѣе 3 дней.

На совершенно новомъ пути къ улучшенію быта земледѣльцевъ работаетъ въ Херсонской губерніи г. Левитскій. Созданныя по его иниціативѣ кооперативныя товарищества обратили на себя большое вниманіе. Профессоръ Харьковскаго университета, однофамилецъ учредителя земледѣльческихъ артелей, В. Ѳ. Левитскій, лично изслѣдовалъ состояніе дѣлъ въ артеляхъ и далъ о нихъ весьма интересный и благопріятный отзывъ въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала. Такой же отзывъ,— какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости,*— является теперь результатомъ работы цѣлой коммиссіи, организованной херсонскимъ губернскимъ земствомъ подъ предсѣдательствемъ предсѣдателя губернской земской управы В. П. Андреевскаго. Коммиссія эта, въ составъ которой вошли предсѣдатели и члены елисаветградской и александрійской уѣздныхъ управъ (въ районѣ которыхъ находятся земледѣльческія артели), губернскіе гласные, земскіе агрономы и статистики,—чрезвычайно тщательно отнеслась къ своей задачѣ и, составивъ предварительно программу вопросовъ для изслѣдованія земледѣльческихъ артелей, обслѣдовала всѣ (78) артели, организованныя Н. В. Левитскимъ. Трудъ этой коммиссіи изданъ былъ въ видѣ доклада херсонской губернской земской управы губернскому земскому собранію очередной сессіи 1896 года. «Сравненіе,— говорится въ докладѣ,— имущественнаго положенія артельщиковъ до поступленія въ артель съ тѣмъ, что они имѣютъ теперь, поражаетъ громадною разницей экономическаго благосостоянія. Правда, что все это куплено на занятыя деньги и взято въ кредитъ, но деньги реализированы на всѣ предметы, необходимые для правильнаго веденія хозяйства». Общее впечатлѣніе о затратахъ артельщиковъ изъ взятыхъ ими ссудъ получается такое, что всѣ онѣ употреблены весьма раціонально и производительно. Въ своихъ заключительныхъ сужденіяхъ о положеніи артелей Херсонской губерніи коммиссія съ понятною осторожностью не рѣшается, въ виду новизны этого явленія, дѣлать какіе бы то ни было категорическіе выводы о жизненности ихъ и дальнѣйшемъ прогрессированіи въ формахъ артельнаго единенія хозяйствъ; но вполнѣ признаетъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, что при благопріятныхъ условіяхъ единеніе нѣсколькихъ хозяйствъ, до 8 и даже 10, для веденія общаго хозяйства возможно и среди малорусскаго населенія Херсонской губерніи. При этомъ коммиссія единогласно признаетъ, «что неимовѣрными усиліями Н. В. Левитскаго, положившаго въ дѣло всю свою душу, данъ

сильный толчокъ обѣднѣвшему крестьянству въ направленіи изысканія средствъ къ выходу изъ тяжелаго положенія». Дѣло Левитскаго находитъ уже матеріальную поддержку среди частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ. Одно лицо передало въ полное распоряженіе учредителя артелей 10,000 руб., другимъ частнымъ лицомъ пожертвовано 200,000 руб. на образованіе земледѣльческихъ артелей по всей Россіи. Императорское вольное экономическое общество на опытъ организаціи артелей также ассигновало 1,250 рублей. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была дальнѣйшая судьба земледѣльческихъ артелей Херсонской губ., но даже кратковременный опытъ ихъ существованія безспорно доказалъ преимущества выдачи ссудъ на пріобрѣтеніе хозяйственнаго инвентаря товариществамъ, сравнительно со снабженіемъ меліоративнымъ кредитомъ отдѣльныхъ мелкихъ земледѣльцевъ, какъ въ отношеніи утилизированія ссудъ, такъ и исправности ихъ погашенія и возврата.

По примѣру артели въ Херсонской губ. возникла земледѣльческая артель въ с. Судосоевѣ, Симбирской губерніи. *Новости* сообщаютъ исторію возникновенія этого земледѣльческаго товарищества. Извѣстная г-жа Сѣрова, ознакомившись съ уставомъ Херсонскихъ артелей, подѣлилась своими свѣдѣніями съ сосѣдями-крестьянами. Крестьяне,— особенно та часть ихъ, которая ослабѣла послѣ неурожайныхъ годовъ,— заинтересовались сообщеннымъ имъ г-жей Сѣровой. Потолковавъ между собою, они отправили ходока въ херсонскія артели. Ходокомъ былъ выбранъ мужикъ умный и хозяйственный. Онъ долго прожилъ въ средѣ херсонскихъ артельщиковъ, познакомился съ г. Левитскимъ и вернулся въ село съ самыми радужными надеждами, которыя, наконецъ, и осуществились. Дѣло наладилось, и артель, существующая всего съ прошлой весны, представляетъ уже тѣсно сплоченную группу людей, матеріальное благосостояніе которыхъ замѣтно растетъ и крѣпнетъ. Они обзавелись маслобойкой и сѣялкой, сняли въ аренду участокъ лѣса и обезпечили себя топливомъ и лыкомъ; скотъ ихъ, откармливаемый собственными жмыхами, раздобрѣлъ и выгодно выдѣляется въ стадѣ деревенскихъ «тасканокъ»... Г-жа Сѣрова, съ участіемъ слѣдившая за жизнью молодой артели, особенно опасалась за дѣлежку, долженствовавшую произойти осенью; но и дѣлежка прошла благополучно, даже бабы, и тѣ мирно раздѣлили общую артельную коноплю.

Мы получили отъ предсѣдателя старобѣльской земской управы письмо, въ которомъ онъ проситъ возстановить истину, которая не могла быть возстановлена при посредствѣ мѣстнаго органа, *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Харьковская губернская оцѣночная коммиссія издала брошюру, въ которой, между прочимъ, говорится, что въ виду важнаго пособія, какое могутъ имѣть при учетѣ земель въ отдѣльныхъ уѣздахъ уѣздные планы съ дачами генеральнаго и спеціальнаго межеванія, губернская земская управа обратилась въ уѣздныя управы съ предложеніемъ поручить ей составленіе поуѣздныхъ плановъ. И вотъ

на это предложеніе «одна лишь старобѣльская управа высказалась противъ необходимости плановъ».

По поводу сказаннаго въ брошюрѣ председатель старобѣльской управы обратился къ редактору *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* съ письмомъ, въ которомъ заявилъ, что старобѣльская управа никогда не высказывалась противъ важности имѣть планы дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, а напротивъ, признавая полную ихъ необходимость для оцѣночныхъ работъ, отношеніемъ, отъ 16 мая 1895 года за № 3424, убѣдительно просила харьковскую губернскую земскую управу сообщить ей свѣдѣнія о стоимости снятія копій съ плановъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній по Старобѣльскому уѣзду, чтобъ имѣть основательныя данныя испросить на этотъ предметъ у земскаго собранія необходимый кредитъ. Такое свое заявленіе г. предсѣдатель просилъ редактора газеты напечатать въ ближайшемъ номерѣ.

Въ отвѣтъ на просьбу предсѣдатель управы получилъ отъ редактора названной газеты увѣдомленіе, что заявленіе его «не можетъ быть напечатано за неразрѣшеніемъ къ печатанію цензоромъ».

Не правда ли, этотъ фактъ краснорѣчиво увеличиваетъ собою матеріалъ, характеризующій положеніе провинціальной печати.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи росписи на 1895 годъ.— Вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта.—Ея безплодность.—По поводу студенческихъ безпорядковъ.

Недавно отпечатанъ отчетъ государственнаго контроля за 1895 годъ.

Обыкновенные государственные доходы увеличились въ 1895 году, по сравненію съ 1894 г., слишкомъ на $36^3/_4$ милл. руб. Сопоставляя обыкновенные доходы двухъ послѣднихъ годовъ по статьямъ, мы получаемъ такую картину. Налоги поземельные съ недвижимыхъ имуществъ и подати дали въ 1895 г. около 49.300,000 р., почти на 1.800,000 р.больше, чѣмъ въ 1894 г. Государственный контроль объясняетъ это успѣшными поступленіями недоимокъ государственнаго поземельнаго налога, вслѣдствіе благопріятныхъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ. Заработки, открывшіеся въ Сибири, въ связи съ проведеніемъ сибирской дороги, дали небольшіе недоборы подушной и оброчной податей въ Сибири. Взиманіе государственнаго квартирнаго налога было также болѣе успѣшно. Небольшое увеличеніе далъ и сборъ съ торговли и промысловъ (въ 1894 году 42.760,691 руб., противъ 42.431,662 руб. предыдущаго года). Превышеніе относится, главнымъ образомъ, къ пятипроцентному сбору съ чистой прибыли торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. При составленіи смѣты, чистыя прибыли предполагались въ 105 милліоновъ рублей, а окладъ налога съ нихъ въ $5^1/_4$ милліоновъ; въ дѣйствительности же поступило 7,22 милліона, что соотвѣтствуетъ 144 милліонамъ рублей чистыхъ прибылей, вырученныхъ предпріятіями, которыя подлежатъ налогу. Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ увеличился за 1895 годъ на значительную сумму,—слишкомъ на $1^3/_4$ милліона рублей. Причиной этого увеличенія является выпускъ частными обществами новыхъ процентныхъ бумагъ, а также развитіемъ въ прошломъ году операціи спеціальныхъ текущихъ счетовъ (они подлежатъ налогу въ размѣрѣ 0,216% годовыхъ съ суммъ, которыя позаимствованы по нимъ).

Питейный доходъ далъ очень мало прироста — не полныхъ 829,000 рублей; онъ объясняется небольшимъ увеличеніемъ въ размѣрѣ потребленія спирта (въ 1895 году 24,4 милл. ведеръ безводнаго спирта въ Европейской Россіи, вмѣсто 24,3 милл. за предыдущій годъ). Но противъ смѣты,

которая была составлена съ чрезвычайно излишнею осторожностью, дѣйствительно поступило слишкомъ на $20^{1}/_{4}$ милліоновъ болѣе. Доходъ отъ сборовъ съ табаку далъ увеличеніе почти на 2 милліона рублей; это объясняется возросшею производительностью табачныхъ фабрикъ по изготовленію какъ высшихъ сортовъ табаку, такъ и махорки. Доходъ отъ сахара былъ въ 1895 году на 6.458,253 рубля больше, чѣмъ въ 1894 г. Общее производство сахару въ кампанію 1894—5 года достигло $32^{1}/_{2}$ милліон. пудовъ, изъ которыхъ $5^{1}/_{2}$ милліоновъ были вывезены за границу съ возвратомъ акциза. Для внутренняго потребленія осталось около 27 милліон. пудовъ, и приростъ дохода объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что акцизъ съ сахару былъ возвышенъ до 1 р. 75 коп. Небольшое увеличеніе далъ также нефтяной доходъ (около 860 тыс. р.). Таможенный доходъ уменьшился въ 1895 году, противъ 1894 г., слишкомъ на 5 милл. р. За послѣдніе три года (1893—1895) пошлины по главнымъ статьямъ привоза держались почти на одномъ и томъ же уровнѣ, съ небольшими колебаніями вверхъ и внизъ. Рѣзкое исключеніе составила хлопчатая бумага: пошлина съ нея, превышая 15 милліоновъ рублей въ 1893 и 1894 годахъ, была только около $10^{1}/_{3}$ милліона въ 1895 г. Сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, далъ уменьшеніе слишкомъ на 800 тыс. р. Въ основѣ уменьшенія сбора лежитъ пониженіе его для пассажирскихъ билетовъ I и II классовъ съ 25 на 15%. Пошлины съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ, горный доходъ, спичечный дали нѣкоторый недоборъ по сравненію съ 1894 г.

По отдѣлу доходовъ отъ государственныхъ имуществъ мы находимъ крупное увеличеніе. Первое мѣсто среди этихъ статей принадлежитъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ 1894 году онѣ дали около 116 милліоновъ, а въ 1895 г. больше $194^{1}/_{2}$ милліоновъ. Причиной этого служитъ переходъ въ казну дорогъ бывшаго главнаго общества, риго-орловской линіи и лозово-севастопольской, а также увеличенный сборъ съ передвиженія грузовъ и пассажировъ. Но вышеозначенная сумма еще не выражаетъ полной выручки казны отъ желѣзныхъ дорогъ. Если прибавить доходъ отъ юго-западныхъ дорогъ и боровичской, то получится общій сборъ около 251 милліона рублей, и чистый доходъ около $108^{3}/_{4}$ милліоновъ. Доходы отъ казенныхъ заводовъ, техническихъ заведеній и складовъ дали до $21^{3}/_{4}$ милліоновъ, почти на 12 милліоновъ больше, чѣмъ въ предшествующемъ году. Въ эту статью включены поступленія отъ казенной продажи вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской). Общая выручка отъ продажи вина составила почти $11^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей, а чистый остатокъ—4.186,265 рублей. Если же исключить часть этого дохода на погашеніе капиталовъ, которые были затрачены при устройствѣ казенныхъ винныхъ складовъ, то получится чистая прибыль около $3^{3}/_{4}$ милліона. Лѣсной доходъ далъ также замѣтное увеличеніе: въ 1895 году онъ былъ почти на 3 милліона больше, чѣмъ въ 1894 г. Были двѣ главныя причины этого прироста: частные лѣса ис-

тощились и были подчинены дѣйствію лѣсоохранительнаго закона, а изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ съ каждымъ годомъ извлекается все больше лѣсного матеріала: 4,6 милл. куб. саженей въ 1895 году, тогда какъ только 3,6 милл. въ 1894 г. и 2,8 милл. въ 1892 г. Отмѣтимъ также усиленное поступленіе выкупныхъ платежей: въ 1895 году ихъ поступило 101.297,346 рублей, почти на $8^1/_2$ милліоновъ больше, чѣмъ въ 1894 г. Объяснительная записка по *Отчету* государственнаго контроля приписываетъ это «обильнымъ урожаямъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, изъ которыхъ наименѣе обильный урожай 1895 года, несмотря на значительное сокращеніе площади посѣва въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи (63,3 милліона десятинъ, противъ 64,66 милл. десятинъ въ 1894 г.), превысилъ, судя по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, урожай 1888 года, который въ свое время признавался блестящимъ. Немаловажную долю вліянія на успѣшное поступленіе выкупныхъ платежей слѣдуетъ, кромѣ того, приписать развитію въ послѣдніе годы желѣзнодорожныхъ и другихъ строительныхъ работъ, а также общему оживленію промышленности, доставившему новые заработки рабочему населенію» (стр. 30). Поступленіе выкупныхъ платежей, бывшее довольно успѣшнымъ, уменьшило сумму недоимокъ. Итогъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, составлявшій въ началѣ 1895 года $94^1/_2$ милліона рублей, уменьшился къ концу его до $91^1/_2$ милліона. Изъ общей суммы недоимокъ по выкупнымъ платежамъ около $^9/_{10}$ числится за населеніемъ 19 губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожаевъ 1891—92 годовъ. Въ этихъ губерніяхъ годовой окладъ выкупныхъ платежей составляетъ въ 1895 году 55.319,060 рублей, а сумма недоимокъ, достигавшая 1 января 1895 года 84.299,004 рублей, опустилась на 1 января 1896 года до 80.834,123 рублей. Однако, суммы недоимокъ такъ велики, что нельзя усвоить оптимистическое воззрѣніе государственнаго контроля. Въ Бессарабской и Подольской губерніяхъ недоимки составляютъ только 4% и 2% годового оклада. Во всѣхъ же остальныхъ онѣ превышаютъ 10%, причемъ только въ трехъ (Вятской, Херсонской и Курской) не достигаютъ 100% годового оклада, а въ 15 онѣ превышаютъ 100%. Изъ 15 нужно отмѣтить 2 губерніи, гдѣ недоимки превышаютъ 200% годового оклада, 4, гдѣ онѣ превышаютъ 300%, и 1, гдѣ онѣ составляютъ 493%. Наибольшія абсолютныя цифры недоимокъ падаютъ на губерніи: Казанскую 12.454,687 рублей (355% годового оклада) и Самарскую—10.948,589 р. (342%). Относительно же всего больше обременена недоимками по выкупнымъ платежамъ Оренбургская губернія—492%. По нѣкоторымъ губерніямъ къ концу 1895 года замѣчается увеличеніе недоимокъ сравнительно съ его началомъ: въ Пермской губерніи съ 104% годового оклада до 110%, въ Саратовской—съ 121% до 124%, въ Воронежской—съ 163% до 164%, въ Нижегородской—съ 288% до 306%, въ Псковской—съ 45% до 103% и въ Орловской—съ 472% до 492%.

Если же оглянемся на прожитое десятилѣтіе, то увидимъ, что государственные доходы, не считая желѣзнодорожнаго, увеличились на огромную

сумму—почти 307¾ милліона рублей или 42%: въ 1886 году обыкновенные доходы составляли почти 719 милліоновъ, а въ 1895—они превысили 1,026½ милл. рублей. Относительно погоднаго увеличенія государственныхъ доходовъ 1895 годъ занимаетъ въ истекшемъ десятилѣтіи среднее мѣсто: въ 1892, 93 и 94 годахъ доходы, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, возростали слишкомъ на 50 милліоновъ (minimum въ 1893 г.—около 58¼ милліоновъ, maximum въ 1894 г.—менѣе 78 милліоновъ). 1895 годъ со своимъ увеличеніемъ доходовъ слишкомъ на 36¾ милліона рублей всего болѣе подходитъ къ 1888 и 89 годамъ: въ каждомъ изъ этихъ годовъ, сравнительно съ предыдущимъ, доходы увеличились болѣе, чѣмъ на 33 милліона.

Государственные расходы за 1895 годъ достигли 1,138 милл., почти на 10 милл. ниже смѣты. Сравнительно съ 1894 годомъ общая сумма расходовъ увеличилась почти на 139 милл. Такое крупное увеличеніе было вызвано, главнымъ образомъ, слѣдующими затратами: до 25¼ мил. на перевооруженіе арміи и флота, 12½ милл. на улучшеніе казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, 39 милл., составляющихъ обороты желѣзныхъ дорогъ, которыя перешли въ казну (бывшаго главнаго общества, риго-орловской и лозово-севастопольской), а также расходы на подготовительныя мѣры ко введенію винной монополіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Если же мы возьмемъ одни текущіе расходы, то увеличеніе въ 1895 году противъ предыдущаго составитъ до 29¾ милл. Такой результатъ получился вслѣдствіе того, что по нѣкоторымъ вѣдомствамъ расходы увеличились на сумму до 35⅔ милл., а по другимъ уменьшились почти на 6 милл. Во главѣ вѣдомствъ, вызвавшихъ увеличеніе расходовъ, стоитъ военное (слишкомъ на 14¼ милл.), министерство путей сообщенія (до 10¼ милл.), система государственнаго кредита (до 7½ милл.), морское министерство (до 2¼ милл.). Еще по нѣкоторымъ вѣдомствамъ превышеніе расходовъ 1895 года, сравнительно съ расходами за 1894 г., составляетъ для каждаго до 1 милл. По нѣкоторымъ же вѣдомствамъ послѣдовало уменьшеніе расходовъ; наибольшее относится къ министерству финансовъ (больше 3⅔ милл.). Второе мѣсто принадлежитъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ уменьшеніемъ расходовъ почти на 1½ милл. Послѣднее мѣсто занимаетъ министерство народнаго просвѣщенія, которое израсходовало въ 1895 г. на 26,804 р. меньше, чѣмъ въ 1894 г.

Мы не удивляемся, что наибольшее увеличеніе расходовъ падаетъ на военное вѣдомство и систему государственныхъ долговъ; общественная жизнь всѣхъ такъ называемыхъ великихъ державъ развивалась до сихъ поръ въ томъ направленіи, что войско поглощаетъ наибольшую сумму государственныхъ расходовъ. Но сбереженія въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія и народнаго просвѣщенія положительно ставятъ читателя въ тупикъ. Можно подумать, что бюджетъ нашего министерства земледѣлія громаденъ, что всѣ потребности этой сферы управленія удовлетворены. А между тѣмъ на всѣ его расходы отпускаются изъ государственнаго казначей-

ства не полныхъ 30 милл. въ годъ. Министерство земледѣлія уменьшаетъ свои расходы почти на $1^1/_2$ милл. руб., а его вѣдѣнію подлежитъ цѣлый рядъ работъ, которыя должны бы быть ведены въ гораздо большихъ размѣрахъ, нежели то дѣлается. Работы по осушенію, орошенію, оводненію, облѣсенію ведутся въ очень скромныхъ рамкахъ, кустарная промышленность имѣетъ ничтожную поддержку въ какихъ-нибудь 80,000 руб., а въ министерствѣ обнаруживается экономія. Лучше бы не было вовсе экономіи и заботы о разныхъ сторонахъ земледѣльческаго промысла осуществлялись бы по болѣе крупному масштабу. Сбереженіе по министерству народнаго просвѣщенія незначительно, но оно характерно въ виду общей постановки этого дѣла въ Россіи. Народное образованіе развивается крайне медленно, и большая часть дѣятелей на этомъ поприщѣ поставлена въ самое стѣсненное положеніе. Отчего бы министерству народнаго просвѣщенія, вмѣсто экономированія 27,000 руб., не ассигновать ихъ на снабженіе учебными пособіями народныхъ школъ, которыя особенно нуждаются (а имя имъ—легіонъ) или на выдачу наградныхъ учителямъ и учительницамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они получаютъ особенно скудное содержаніе. Уменьшеніе расхода выражается абсолютно въ небольшихъ цифрахъ, но и принципіально, вслѣдствіе печальнаго положенія всего школьнаго дѣла, для него нѣтъ основанія.

Отчетъ государственнаго контроля содержитъ данныя и о нашемъ государственномъ долгѣ. Срочные долги металлическіе составляютъ около $2,934^1/_3$ милліоновъ рублей золотомъ и около $1,275^1/_3$ милліоновъ кредитныхъ. А безсрочные долги составляютъ около 64 милліоновъ золотомъ и $1,540^1/_2$ милліоновъ руб. кредитныхъ. Къ этому присоединяется безпроцентный долгъ слишкомъ въ $769^1/_3$ милл. кредитныхъ рублей. Въ переложеніи на процентную валюту долгъ составлялъ 6.592,624,086 р. Въ теченіе 1895 года произошли перемѣны въ разныхъ отдѣлахъ государственныхъ долговъ, вслѣдствіе чего общая сумма долга возросла къ концу года почти на $22^1/_2$ милліона рублей кредитныхъ. Если сопоставить два крайнихъ года истекшаго десятилѣтія—1886—1895 то окажется, что государственный долгъ увеличился почти на 278 милліоновъ рублей. Мы не включаемъ сюда желѣзно-дорожнаго долга, такъ какъ его возростаніе соотвѣтствуетъ увеличенію матеріальнаго актива казны, вслѣдствіе перехода въ ея собственность выкупленныхъ желѣзныхъ дорогъ; послѣднія увеличились на 1,106,4 милліона рублей.

Въ 1895 году свободная наличность государственнаго казначейства почти достигла $751^1/_2$ милліоновъ рублей кредитныхъ, въ которыхъ было около 266 милліоновъ рублей золотомъ. Но больше половины этой наличности должно было пойти на покрытіе разныхъ расходовъ, и чистый убытокъ опредѣлялся суммою около $333^1/_2$ милліоновъ рублей кредитныхъ. Къ 1 января 1896 года она составила всего около 274 милліоновъ рублей; такимъ образомъ въ теченіе года она уменьшилась на $59^1/_2$ милліоновъ рублей.

Въ печати очень часто ссылаются на свободную наличность государственнаго казначейства, какъ на доказательство цвѣтущаго состоянія русскихъ финансовъ. Однако, внимательное изученіе цифръ, относящихся до послѣдняго десятилѣтія, вовсе не оправдываетъ такого мнѣнія. Къ 1 января 1896 года свободная наличность государственнаго казначейства составляла почти 96 милліоновъ кредитныхъ рублей; то увеличиваясь, то уменьшаясь, она дошла къ 1 января 1896 года почти до 274 милліоновъ, т.-е. возросла на 178 милліоновъ. А за тотъ же десятилѣтній періодъ государственный долгъ возросъ на 278 милліоновъ, т.-е. увеличился на 100 милліоновъ больше, чѣмъ свободная наличность.

Отчетъ содержитъ свѣдѣнія, касающіяся русскаго желѣзно-дорожнаго дѣла. Казна сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все большую часть желѣзно-дорожной сѣти: къ 1 января 1896 года ей принадлежали 22,466 верстъ, 70% всей русской сѣти. Большая часть желѣзныхъ дорогъ или дала убытокъ, или же очень малую прибыль. Крупные доходы дали дороги: николаевская, московско-курская, закавказская, полѣсская; значительную прибыль дали дороги харьково-николаевская и екатерининская. А самые крупные недоборы обнаружились на дорогахъ петербургско-варшавской и самаро-златоустовской. За 1895 годъ доходность желѣзныхъ дорогъ была выше, чѣмъ въ предыдущемъ году и чистый доходъ, который, по смѣтѣ, долженъ былъ составить 70 милліоновъ рублей, достигъ въ дѣйствительности 89½ милліоновъ. На нѣкоторыхъ дорогахъ количество грузовъ малой скорости значительно превысило смѣтныя исчисленія: на екатерининской ихъ было перевезено 315 милліоновъ пудовъ, вмѣсто предположенныхъ 280 милліоновъ, на харьково-николаевской—199⅓ милліоновъ, вмѣсто 166 мил. и т. д.

Мы находимъ въ отчетѣ также нѣкоторыя свѣдѣнія относительно специальныхъ средствъ и капиталовъ въ распоряженіи правительственныхъ учрежденій. Первое мѣсто среди специальныхъ капиталовъ занимаетъ обще-имперскій продовольственный слишкомъ въ 178 милліоновъ рублей; но изъ нихъ находится на-лицо только около 4 милліоновъ; остальное же числится въ долгахъ. Второе мѣсто принадлежитъ суммамъ эмеритальныхъ и пенсіонныхъ кассъ — до 163¼ милліоновъ. Капиталы учебныхъ заведеній и стипендіальные доходятъ до 47 милліоновъ. Инвалидный и разные благотворительные капиталы превышаютъ 42½ милліона. Обращаетъ на себя вниманіе весьма скромная сумма капиталовъ ученыхъ учрежденій, правительственныхъ изданій, музеевъ, библіотекъ и проч.: она составляетъ всего около 2.176,000 рублей.

Изученіе цифръ, которыя содержитъ отчетъ государственнаго контроля, заставляетъ прійти къ выводу, что въ отношеніи финансовомъ 1895 годъ прошелъ удовлетворительно. Въ одномъ изъ ближайшихъ обозрѣній, при оцѣнкѣ государственной росписи на 1897 годъ, мы покажемъ, слѣдуетъ ли заключить на основаніи фактовъ изъ хроники нашихъ финансовъ, что и народное хозяйство находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Въ ноябрѣ происходила вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. Сессія открылась рѣчью А. С. Ермолова, что тяжелый кризисъ, отъ котораго такъ страдаетъ наше земледѣліе, еще не миновалъ и нужно принять рядъ мѣръ, которыя бы смягчили его. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, надъ которыми работалъ совѣтъ, былъ вопросъ о мѣстныхъ органахъ министерства земледѣлія. По проекту департамента земледѣлія, мѣстные органы должны быть губернскими. Теперь еще преждевременно создавать особое самостоятельное представительство для каждаго уѣзда, но неудобно и соединеніе для этой цѣли нѣсколькихъ губерній въ одинъ районъ. Уполномоченными должны быть лица, заявившія о себѣ дѣятельностью на поприщѣ сельскаго хозяйства или близкихъ къ нему отрасляхъ. Органами будутъ особые, обязательно образуемые при каждомъ земствѣ коллегіальные сельско-хозяйственно-экономическіе органы. При этомъ земства сохранятъ полную самостоятельность въ опредѣленіи и состава этихъ органовъ, и порядка ихъ дѣятельности. Участвующіе въ этихъ совѣтахъ губернскіе представители министерства земледѣлія будутъ направлять мѣстныя начинанія по сельскому хозяйству. Именно такія начала и были положены въ основаніе сужденій совѣта о мѣстныхъ органахъ по земледѣлію. Независимо отъ частностей дѣла, которыя вызвали различную оцѣнку со стороны членовъ совѣта, явилось разногласіе и относительно самаго существеннаго пункта,—того, кто именно долженъ организовать новыя коллегіальныя учрежденія. Одни члены высказывались за то, что устроеніе намѣченныхъ мѣстныхъ органовъ должно быть предоставлено земскимъ собраніямъ, а другіе настойчиво проводили мысль, что сельско-хозяйственный совѣтъ, въ текущей сессіи, долженъ разработать планъ во всѣхъ подробностяхъ. Серьезныя разногласія обнаружились по тому пункту, слѣдуетъ ли обязательно создавать такія коллегіальныя учрежденія, помимо земскихъ управъ. И хотя большинство членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта высказалось за обязательность устройства такихъ органовъ, однако было поставлено на видъ, что рѣшеніе въ пользу обязательности можетъ быть потому не удобно, что не всѣ земства располагаютъ личными силами и матеріальными средствами, необходимыми для успѣха дѣла. Сторонники мысли объ обязательномъ введеніи подобныхъ органовъ мотивировали свое положеніе тѣмъ, что дѣятельность земства на пользу сельскаго хозяйства была наиболѣе плодотворна именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были учреждены особые экономическіе совѣты, что это дѣло пріобрѣло довольно большую популярность, и стóитъ только признать такіе органы обязательными, и всѣ земства позаботятся объ ихъ учрежденіи. Въ концѣ-концовъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что не слѣдуетъ дѣлать обязательнымъ устройство подобныхъ учрежденій: нужно только рекомендовать земствамъ ихъ организованіе. Дабы была закрѣплена связь между министерствомъ земледѣлія и земствами, совѣтъ постановилъ и созданіе особой должности *уполномоченныхъ по сельскому хозяйству*. На обязанность уполномоченнаго возлагается: участвовать съ правомъ голоса въ коллегіальныхъ сельско-хозяй-

ственныхъ учрежденіяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, отдѣленіяхъ крестьянскаго и дворянскаго банковъ, въ организованіи и веденіи сельскохозяйственныхъ начинаній, предпринимаемыхъ соединенными силами правительства и мѣстныхъ установленій, участвовать съ совѣщательнымъ голосомъ (по приглашенію предсѣдателя) въ губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ для разсмотрѣнія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Къ этому можно было бы пріобщить и нѣкоторыя другія функціи, возлагаемыя на уполномоченныхъ.

Совѣтъ удѣлилъ значительную часть своего времени обсужденію лѣсоохранительнаго закона. За послѣдніе годы въ министерство земледѣлія поступило много ходатайствъ отъ лѣсовладѣльцевъ относительно тѣхъ или другихъ льготъ въ пользованіи лѣсами. Работа совѣта надъ этимъ вопросомъ выяснила его такимъ образомъ, что нѣтъ надобности дѣлать въ лѣсоохранительномъ законѣ какія-либо крупныя измѣненія: нужно только внести нѣкоторыя частичныя добавленія и улучшенія. Таковымъ является болѣе точное опредѣленіе въ законѣ признаковъ опустошительной рубки, облегченіе порядка составленія плановъ хозяйствъ, увеличеніе числа казенныхъ лѣсныхъ и межевыхъ техниковъ. Однако, совѣтъ высказался и за то, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ для лѣсовладѣльцевъ допускались изъятія изъ того образа дѣйствій, который предписывается закономъ, и измѣненіе того плана хозяйства, который былъ утвержденъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ. Когда лѣсовладѣльцы хлопочутъ объ изъятіяхъ, то между ними и лѣсоохранительными комитетами, въ качествѣ посредниковъ, должны становиться земскія управы. Полная форма, въ которую будутъ облекаться изъятія, состоитъ въ томъ, что, согласно съ мнѣніемъ большинства совѣта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ управляющіе государственными имуществами будутъ имѣть право собственною властью утверждать планы лѣсного хозяйства.

Третій крупный вопросъ, который былъ предложенъ совѣту, касался плана сельско-хозяйственнаго образованія. Планъ сельско-хозяйственнаго образованія, предложенный совѣту, былъ резюмированъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Широкая постановка сельско-хозяйственнаго образованія необходима для успѣховъ сельскаго хозяйства. 2) Для насажденія необходимыхъ знаній, нужно устроить сельско-хозяйственныя учебныя заведенія существующихъ типовъ, а также создать новыя установленія учебнаго характера. Сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, количественно и качественно, должны быть согласованы съ различными потребностями отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ районовъ. Такимъ образомъ необходимо открыть на югѣ высшій сельско-хозяйственный институтъ, среднія и низшія сельско-хозяйственныя училища въ разныхъ районахъ, а также школы для различныхъ спеціальныхъ отраслей сельскаго хозяйства—огородничества, молочнаго дѣла, пчеловодства и проч. 3) Всѣ эти учебныя заведенія могутъ быть открываемы по мѣрѣ отысканія средствъ изъ мѣстныхъ источниковъ и по мѣрѣ ассигнованія на эти цѣли средствъ изъ государственнаго казна-

чейства. 4) Завѣдываніе сельско-хозяйственнымъ образованіемъ должно быть сосредоточено въ министерствѣ земледѣлія, при содѣйствіи его мѣстныхъ органовъ, при сотрудничествѣ земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, а также при помощи особыхъ должностныхъ лицъ—инспекторовъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которыхъ было бы полезно учредить.

Вотъ главные вопросы, разсмотрѣнные сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ. Если оцѣнить и самые эти вопросы, и отношеніе къ нимъ сельско-хозяйственнаго совѣта, то придешь къ заключенію о полной безплодности и этой, второй, сессіи.

Какъ только было учреждено министерство земледѣлія, въ его канцеляріяхъ стали вырабатываться одинъ за другимъ проекты мѣстныхъ органовъ этого министерства. Бюрократическая складка, проникающая въ Россіи работы всѣхъ административныхъ мѣстъ и лицъ, сказалась въ отношеніи министерства и по этому вопросу. Различаясь въ частностяхъ, проекты имѣютъ ту общую черту, что намѣчаютъ особые органы—то единоличные, то коллегіальные, которые, совмѣстно съ земствами и сельско-хозяйственными обществами, служили бы посредниками между министерствомъ и нуждами сельскаго хозяйства въ данной мѣстности. Въ воображеніи составителей всѣхъ этихъ проектовъ живо воскресаютъ заманчивыя стороны такого порядка: если большая часть членовъ этихъ совѣтовъ или комитетовъ и не будутъ получать жалованья (но никто же серьезно не думаетъ, что они будутъ работать), то нѣкоторые—дадимъ имъ наименованіе уполномоченныхъ министерства земледѣлія, инспекторовъ сельскаго хозяйства или какое-либо иное—будутъ получать приличный окладъ. При всѣхъ этихъ проектахъ, по невѣдѣнію или намѣренно, упускается изъ вида, что на мѣстахъ уже есть готовая организація, которая можетъ быть отлично и безъ дальнѣйшихъ трудностей приноровлена къ тому, чтобы быть мѣстнымъ органомъ министерства земледѣлія. Такой организаціей являются земства и притомъ не только по духу и буквѣ закона, но и по тѣмъ слѣдамъ, которые уже оставлены земствомъ въ этой области. Съ конца 70 годовъ нѣкоторыя земства учредили экономическіе совѣты, ввели агрономическихъ смотрителей и развили дѣятельность въ направленіи разныхъ сторонъ сельскаго хозяйства. Губерніи Вятская, Пермская, Московская, Нижегородская наиболѣе потрудились въ этой области. Отмѣтимъ также, что дѣятельность земствъ въ этомъ направленіи представляетъ большое разнообразіе. Захотимъ мы отыскать въ исторіи земства данныя объ образцовыхъ фермахъ и о той многосторонней дѣятельности, которую обыкновенно ведетъ образцовая ферма,—и мы находимъ ее во всѣхъ уѣздахъ губерній Вятской, Пермской, во многихъ уѣздахъ губерній Московской, Новгородской, Уфимской, Херсонской и другихъ. Роды удобреній почвы и способы пользованія удобреніями принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ заботъ сельскаго хозяйства,—и вотъ мы видимъ, что въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи много работаютъ надъ рѣшеніемъ этой задачи: въ Пермской губерніи, особенно въ уѣздахъ Камышловскомъ, Красноуфим-

скомъ, Осинскомъ, Чердынскомъ были испытаны разныя удобренія: известь, ночное золото, жженая кость, сосновая хвоя, голубиный пометъ, торфъ, перепрѣвшія болотистыя кочки, зола, зеленое удобреніе. Крестьяне научились многому изъ этихъ опытовъ и усвоили относительно удобреній болѣе совершенные пріемы. Такъ, во многихъ селеніяхъ Охинскаго и Пермскаго уѣздовъ, зеленое удобреніе получило большую популярность; въ Чердынскомъ—въ качествѣ удобренія стали все чаще примѣняться торфъ и известь. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній Глазовскаго, Елабужскаго и Малмыжскаго уѣздовъ Вятской губерніи также начали пользоваться разными удобреніями, кромѣ навознаго. И во всѣхъ случаяхъ земскія опытныя станціи и образцовыя фермы служили проводниками новыхъ пріемовъ. Распространеніе земствами, фермами и агрономическими смотрителями улучшенныхъ сѣмянъ и орудій представлено такимъ большимъ числомъ примѣровъ, что было бы затруднительно даже перечислить ихъ. Развитіе производствъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ—болѣе сложное дѣло, но и эта область даетъ интересные факты. Производства маслодѣльное, сыроваренное, крахмальное, затѣмъ смолокуренное, эѳирныхъ маслъ, скипидарное—вотъ отрасли, надъ развитіемъ которыхъ трудились земства многихъ уѣздовъ Вятской, Пермской, Казанской, Тверской, Новгородской и другихъ губерній. Мы находимъ въ дѣятельности земскихъ агрономическихъ смотрителей даже то, что относится къ наиболѣе неблагодарнымъ отраслямъ хозяйства: содѣйствіе разведенію лѣсовъ. Посѣвы лѣса были выполнены подъ руководствомъ агрономическихъ смотрителей съ крестьянами нѣкоторыхъ селеній въ уѣздахъ Охапскомъ, Осинскомъ, Красноуфимскомъ и другихъ.

Такимъ образомъ, на мѣстахъ есть готовыя организаціи, способныя служить мѣстнымъ учрежденіямъ для заботъ о сельскомъ хозяйствѣ. Для развитія этихъ организацій и введенія ихъ тамъ, гдѣ они еще неизвѣстны, необходимо слѣдующее: 1) Увеличеніе средствъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ ассигнованіями министерства земледѣлія именно на повсемѣстное введеніе экономическихъ совѣтовъ и расширеніе ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ они уже существуютъ. Ассигнуя на этотъ предметъ ежегодно нѣкоторыя средства и предоставляя сельскимъ земствамъ развить дѣятельность въ этомъ направленіи, министерство имѣло бы въ недалекомъ будущемъ на мѣстахъ такіе пункты, къ которымъ сходились бы всѣ интересы сельскаго хозяйства даннаго района. Увеличеніе средствъ и расширеніе дѣятельности земскихъ опытныхъ станцій и агрономическихъ смотрителей было бы выгодно какъ для мелкаго хозяйства крестьянскаго, такъ и для крупнаго, ибо каждое хозяйство, независимо отъ своихъ размѣровъ, можетъ извлечь пользу изъ опытовъ, которые производятся надъ породами лѣса, новыми растеніями, мало извѣстными видами удобренія. 2) Но недостаточно одного увеличенія матеріальныхъ средствъ, которыя земства могли бы затрачивать на это дѣло. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. внесло въ земскую жизнь нежелательные элементы. Полное подчиненіе зем-

ства администраціи, лишеніе его и той скромной доли самоопредѣленія, которою оно пользовалось согласно съ положеніемъ 1864 года, отдалили отъ земской дѣятельности многихъ почтенныхъ дѣятелей. Въ провинціи, вдали отъ шума, грохота, отъ рекламы, порядочные люди, посвящающіе себя общественной дѣятельности, придаютъ особенное значеніе тому, чтобы эта дѣятельность, скромная, мало замѣтная, оставляла слѣды и связывала имя дѣятелей съ преуспѣяніемъ извѣстной стороны народной жизни. Но объ этомъ нельзя и мечтать при зависимости, въ которую поставлено земство отъ губернской администраціи. Вотъ почему въ земской дѣятельности замѣчается много пробѣловъ, почему часто не видишь желанной энергіи, преданности дѣлу и нужной подготовки. Никакія пожеланія министерства земледѣлія и никакіе циркуляры не смогутъ побѣдить отчужденность лучшихъ людей отъ земской жизни. Ихъ сможетъ устранить только измѣненіе нынѣ дѣйствующаго положенія, возвратъ къ началамъ положенія 1864 года и дальнѣйшее развитіе земской жизни въ духѣ этихъ началъ. Смутное чувство этого можетъ быть подмѣчено и въ занятіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта, несмотря на всю безцвѣтность только-что окончившейся сессіи. Было указано на необходимость измѣненія закона о земскихъ учрежденіяхъ, дабы расширить заботы земства о сельскомъ хозяйствѣ. И было съ удареніемъ говорено о томъ, что измѣненіе закона 1890 года преждевременно, такъ какъ законъ дѣйствуетъ еще недавно. Мы вамъ развили первую часть этого положенія и рѣшительно отказываемся принять вторую. Уклоненіе отъ того, чтобы измѣнить законъ въ виду непродолжительности его дѣйствія, не можетъ быть оправдано: разъ законъ мѣшаетъ такому развитію самоуправленія, какое необходимо для преуспѣянія общественной жизни, то и нечего медлить съ его измѣненіемъ.

Подобное же безцвѣтное отношеніе находимъ мы въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ и къ лѣсоохранительному закону. Вмѣсто того, чтобы отмѣтить частыя нарушенія этого закона и не прекращающееся истребленіе лѣсовъ, совѣтъ одобряетъ изъятіе отъ подчиненія закону лѣсовладѣльцевъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, хотя лѣсоохранительные комитеты допускаютъ изъятіе чуть ли не во всѣхъ случаяхъ и сводятъ законъ къ мертвой буквѣ.

И по вопросу о сельско-хозяйственномъ образованіи не было сказано ничего, что не было бы давнымъ-давно извѣстно. Кто же не знаетъ, что необходимы и разные типы сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и согласованіе ихъ съ потребностями отдѣльныхъ районовъ. Безцѣльность этихъ разсужденій выступаетъ особенно ярко послѣ высказаннаго положенія, что разныя сельско-хозяйственныя училища будутъ учреждаемы «по мѣрѣ отысканія средствъ изъ мѣстныхъ источниковъ и ассигнованій изъ государственнаго казначейства». Мы видимъ, что со стороны министерства земледѣлія нѣтъ недостатка въ добрыхъ пожеланіяхъ, но эти пожеланія не давали до сихъ поръ никакихъ результатовъ.

Вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта была совершенно без-

плодна. Навѣрное, получились бы болѣе замѣтные результаты, еслибы въ совѣтѣ участвовали не одни представители крупнаго землевладѣнія, но и члены разныхъ сельскохозяйственныхъ группъ, способные представлять всѣ интересы сельскаго хозяйства.

Какъ читатели знаютъ изъ правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ декабрьской книжкѣ нашего журнала, въ Московскомъ университетѣ происходили студенческіе безпорядки, отразившіеся и въ другихъ университетахъ. Печать привѣтствовала правительственное сообщеніе, открывавшее возможность обсужденія печальныхъ событій и мѣръ къ ихъ устраненію на будущее время. Изъ статей, помѣщенныхъ по этому поводу въ разныхъ изданіяхъ особенно выдѣляется статья князя С. Н. Трубецкого, привать-доцента Московскаго университета, напечатанная въ № 354 *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Она написана горячо, ставитъ вопросъ ясно и опредѣленно. Авторъ справедливо указываетъ, что уставомъ 1884 года былъ нанесенъ ударъ идеѣ университета. «Теперь,—говоритъ князь Трубецкой,—профессорская корпорація фактически уничтожена и остались отдѣльные профессора, назначаемые непосредственно министерствомъ, не имѣющіе сами по себѣ никакого участія въ управленіи университетомъ и никакого опредѣленнаго отношенія къ студентамъ помимо лекцій и занятій, ведущихся по программѣ, утвержденной министерствомъ».

ы согласны съ княземъ С. Н. Трубецкимъ и въ томъ, что студенчество должно имѣть упорядоченное академическое устройство. Въ основу такого устройства могли бы быть поставлены студенческія землячества. Они фактически существуютъ много лѣтъ. Мы думаемъ, что нѣтъ основаній не придать ихъ закону. Товарищеская взаимопомощь и научный трудъ должны быть содержаніемъ ихъ дѣятельности. Конечно, и при такихъ условіяхъ отдѣльные студенты могутъ производить безпорядки или увлекаться какою-ли политическою пропагандою, уклоняясь отъ основной задачи университетской жизни; но эти безпорядки и увлеченія будутъ безпорядками и увлеченіями опредѣленныхъ студентовъ, а не студенческими. Мы убѣждены, кромѣ того, что они станутъ крайне рѣдкими: атмосфера независимаго академическаго труда и чувство нравственной и экономической товарищеской солидарности придадутъ университетской жизни спокойное и благотворное ...іе, и многочисленнымъ семьямъ и всему обществу не придется оплачивать загубленныхъ юношескихъ силъ.

Опровержение.

(Печатается по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати).

Въ сентябрьской книгѣ *Русской Мысли* (стр. 156—157) за настоящій годъ г. Иванюковъ, въ своихъ *Очеркахъ провинціальной жизни*, говоритъ, между прочимъ, о закрытіи Коротоякскимъ училищнымъ совѣтомъ училища въ с. Олень-Колодезѣ, причемъ, основываясь на «достовѣрномъ источникѣ», оканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами: «Ждемъ съ живымъ интересомъ окончанія этой прискорбной исторіи, полной беззаконія и нелѣпостей, гдѣ школа, учитель и учительница были принесены беззастѣнчиво въ жертву разнымъ постороннимъ соображеніямъ, возникшимъ изъ мелочныхъ дрязгъ захолустной жизни». Въ виду односторонняго освѣщенія этой, дѣйствительно прискорбной, каковою признаетъ ее и Коротоякскій училищный совѣтъ, исторіи, она возмутила г. Иванюкова, постѣснявшагося закончить свою замѣтку не совсѣмъ приличною выходкой по адресу Коротоякскаго училищнаго совѣта, обвиняя его въ беззаконіи.

Хотя авторъ *Очерковъ провинціальной жизни* и получилъ свѣдѣнія изъ «достовѣрнаго источника» (приведены даже подлинныя выраженія постановленія училищнаго совѣта), но онъ слишкомъ довѣрился ему и, не зная настоящихъ условій этого закрытія, не замѣтилъ той не совсѣмъ вѣрной окраски, которую придалъ факту не безпристрастный корреспондентъ г. Иванюкова.

Вопросъ о закрытіи училища распадается на два вопроса (такъ дѣлитъ и г. инспекторъ народныхъ училищъ въ своемъ протестѣ): 1) имѣлъ ли Коротоякскій училищный совѣтъ основанія для закрытія олень-колодезскаго училища и 2) имѣлъ ли совѣтъ законное право на подобное закрытіе.

На первый вопросъ отвѣтить обстоятельно довольно трудно; для того, чтобы понять печальное рѣшеніе училищнаго совѣта, надо быть мѣстнымъ жителемъ и знать то положеніе, въ какое поставлено училище въ с. Олень-Колодезѣ, и положеніе самого села, гдѣ мѣстная администрація был-

нуждена упразднить волость, не имѣя средствъ бороться съ мѣстными темными силами; въ такомъ точно положеніи оказался и Коротоякскій училищный совѣтъ, убѣдившійся, что школа не только не можетъ служить въ борьбѣ съ возрастающимъ вліяніемъ сектантства, но, напротивъ, благодаря отсутствію постояннаго надзора, скорѣй готовитъ будущихъ враговъ церкви и государства. Вотъ убѣдившись въ подобномъ вредномъ направленіи училища, причемъ основаніемъ для этого послужило далеко не одно сообщеніе мѣстнаго исправника, какъ это предполагаетъ «достовѣрный источникъ», училищный совѣтъ предпочелъ признать себя безсильнымъ бороться со зломъ, но не способствовать тому, чтобы это зло исходило изъ школы, слѣдствіемъ чего и было признаніе необходимымъ закрыть училище, что и было сдѣлано въ засѣданіи 21 февраля этого года, а съ окончаніемъ учебнаго года это постановленіе и было приведено въ исполненіе.

Точно такъ же взглянуло на это дѣло и Коротоякское земское собраніе, которому подробно были доложены причины закрытія училища. Земское собраніе, признавъ необходимость закрытія училища, вмѣстѣ съ тѣмъ не желая лишать дѣтей возможности учиться, но только бы это ученіе приносило пользу, а не способствовало бы развитію въ нихъ атеизма, что возможно лишь при постоянномъ надзорѣ лица, могущаго развить въ нихъ любовь къ церкви и государю, каковымъ лицомъ можетъ служить мѣстный священникъ, живущій между ними, постановило, по моему предложенію, всю сумму, ассигнуемую на Олень-Колодезскую школу, передать въ распоряженіе епархіальнаго училищнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы въ с. Олень-Колодезѣ было открыто церковно-приходское училище, чтобы учителемъ было назначено лицо, окончившее полный курсъ духовной семинаріи и извѣстное своими стойкими убѣжденіями и, кромѣ того, просить его превосходительство обратить особенное вниманіе на это училище, въ виду его исключительнаго положенія среди населенія, зараженнаго хлыстовскою ересью.

Вотъ причины закрытія, причины, которыхъ не пожелало узнать лицо, сообщившее г. Иванюкову объ этой «прискорбной исторіи», лицо близко стоящее къ Коротоякскому училищному совѣту (сужу по приведеннымъ выпискамъ изъ постановленія училищнаго совѣта) и бросившее намъ обвиненіе въ беззаконіи нашего рѣшенія.

Но неужели насъ можно упрекнуть за то, что мы, сознавши невозможность въ данномъ случаѣ бороться со зломъ, передали дѣло въ другія руки, которыя, по нашему мнѣнію, болѣе могутъ быть полезными, чѣмъ мы?

Въ чемъ же тутъ беззаконіе? Не поступили ли мы согласно нашего долга и совѣсти? Или намъ слѣдовало закрыть на все это глаза, какъ этого хотѣлось нѣкоторымъ и объявить, что у насъ все обстоитъ благополучно, не думая о послѣдствіяхъ, какія можетъ принести такое преступное отношеніе къ своему долгу и обязанностямъ?

Отвѣтить на второй вопросъ о правѣ училищнаго совѣта закрыть училище гораздо легче,—стоитъ только заглянуть въ «Положеніе объ училищахъ».

Сошлюсь также на 11 ст., на которую ссылается и г. инспекторъ народныхъ училищъ. Она говоритъ: «Упомянутыя въ предыдущей статьѣ училища, въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія, закрываются *временно*, по соглашенію предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ народныхъ училищъ, *окончательное же упраздненіе таковаго училища зависитъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта.* Рѣшенія о *временномъ* закрытіи какого-либо училища принимаются не иначе, какъ по личномъ предсѣдателя училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ удостовѣреніи на мѣстѣ въ происшедшемъ безпорядкѣ или во вредномъ направленіи принятомъ училищемъ», т.-е. здѣсь говорится лишь о временномъ закрытіи училища властію предсѣдателя и инспектора, для чего и требуется предварительное дознаніе обоихъ этихъ лицъ, въ данномъ же случаѣ было окончательное закрытіе училища училищнымъ совѣтомъ, который при рѣшеніи, кромѣ 11 ст., основывался также и на ст. 29, въ которой указаны обязанности уѣзднаго училищнаго совѣта и гдѣ, между прочимъ, подъ № 6, мы читаемъ: «*Упраздненіе училищъ признанныхъ вредными*», т.-е. Коротоякскій училищный совѣтъ, признавши Олень-Колодезское училище вреднымъ, имѣлъ законное право, и не только имѣлъ, но былъ обязанъ закрыть его.

Что совѣтъ призналъ за собою это право, видно изъ того, что онъ нисколько не хотѣлъ сдѣлать этого втихомолку, а напротивъ, одновременно съ рѣшеніемъ о закрытіи, постановилъ доложить причины закрытія земскому собранію и довести до свѣдѣнія гг. попечителя Харьковскаго учебнаго округа и воронежскаго губернатора.

Изъ сказаннаго, мнѣ кажется, ясно, что заключеніе г. Иванюкова о *беззаконности* нашего постановленія основано лишь на незнаніи «Положенія объ училищахъ», а заключеніе о *нелѣпости* и постороннихъ соображеніяхъ, возникшихъ изъ мелочныхъ дрязгъ, основано на незнаніи условій училища и на излишней довѣрчивости къ «достовѣрному источнику».

А упрекъ, что мы послѣ экзаменовъ увезли учебники и отдали классную мебель на сохраненіе старшинѣ, я не понимаю, такъ какъ и теперь послѣ того, какъ г. Иванюковъ сказалъ, что мы скверно поступили, я никакъ не могу придумать, что нужно было сдѣлать съ учебниками и мебелью послѣ фактическаго закрытія школы. Неужели слѣдовало все это, принадлежащее училищному совѣту и могущее понадобиться для другого училища, оставить въ пустомъ зданіи, принадлежащемъ крестьянамъ?

Думается, что и въ этомъ училищный совѣтъ поступилъ правильно.

Предсѣдатель Коротоякскаго уѣзднаго училищнаго совѣта

Л. Савеловъ.

1896 годъ въ политическомъ отношенiи.

Тяжелое наслѣдiе оставилъ Европѣ минувшiй годъ. Турецкiя звѣрства надъ христiанскимъ населенiемъ имперiи, въ особенности надъ армянами, глубоко взволновали и возмутили образованный мiръ. Всего сильнѣе негодованiе противъ злодѣйствъ турецкаго правительства и полудикаго магометанскаго населенiя Европейской и Азiатской Турцiи выразилось въ Англiи. Всѣ партiи выступили съ горячими и рѣзкими протестами противъ тираннiи султана. Но старый грѣхъ европейской дипломатiи,—завистливое и подозрительное соперничество между великими державами,—лишило это благородное движенiе непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Опасаясь важныхъ усложненiй, которыя могло вызвать военное вмѣшательство съ цѣлью положить конецъ позорящимъ Европу избiенiямъ беззащитнаго населенiя Турцiи, великiя державы рѣшили дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Кое-что ими уже достигнуто. Открытыя убiйства и явные грабежи прекратились. На островѣ Критѣ приступили къ реформамъ, чтобы доставить грекамъ достаточно широкую автономiю и безопасность отъ насилiй правительства и фанатизированнаго мусульманскаго населенiя. Но основная причина зла остается неустраненною и нѣтъ никакихъ обезпеченiй въ томъ, что султанъ и его правительство не подымутъ вновь турокъ, курдовъ и другихъ полудикарей противъ несчастныхъ христiанъ. Одна Англiя предлагала вооруженное вмѣшательство въ турецкiя дѣла. Лордъ Салисбюри публично заявлялъ, что убѣдить султана въ томъ, что надо управлять честно и справедливо, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Полагаться на обѣщанiя турецкаго правительства было бы непростительною наивностью. Но великобританскiй министръ-президентъ вынужденъ былъ сознаться, что одностороннее вмѣшательство Англiи было бы невозможно, а другiя государства не захотѣли прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ. Будемъ надѣяться, что европейская дипломатiя станетъ дѣйствовать дружно и настойчиво, чтобы побѣдить лукавыя увертки турецкой дипломатiи и добиться для христiанскаго (да и магометанскаго) населенiя въ царствѣ падишаха обезпеченiя жизни, имущества и гражданской свободы. На долю нашего отечества, при современныхъ дипломатическихъ отношенiяхъ, вы-

падаетъ въ высшей степени важная и благотворная роль. Наша внѣшняя политика съ самаго начала царствованія императора Николая II сумѣла отрѣшиться отъ крупныхъ ошибокъ недавняго времени и отчасти поправить вредныя для Россіи послѣдствія этихъ ошибокъ. Мы имѣемъ въ виду въ особенности примиреніе съ Болгаріей. Признаніе принца Кобургскаго законнымъ княземъ болгарскимъ положило конецъ крайне ненормальнымъ отношеніямъ державы-освободительницы къ освобожденному народу, который все болѣе и болѣе отчуждался отъ насъ. Другія вліянія пустили во время нашего дипломатическаго абсентеизма довольно глубокіе корни въ Болгаріи, и пора было подумать о возстановленіи подобающаго Россіи положенія на Балканскомъ полуостровѣ. Съ національной точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, въ одинаковой степени вредно какъ стремленіе, которое проявляли нѣкоторые публицисты и дипломаты превратить Болгарію и Сербію въ русскія губерніи, такъ и уклоненіе отъ законной доли вмѣшательства въ международныя отношенія славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Нѣтъ никакого основанія завистливо и враждебно относиться къ Австро-Венгріи, но плохая была бы политика, еслибъ мы безучастно относились къ политической жизни Черногоріи, Сербіи, Болгаріи. Мечтать о томъ, что славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ,—занятіе праздное; но солидарность многихъ интересовъ славянскихъ племенъ (въ особенности исповѣдующихъ православіе) есть фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Несомнѣнно съ другой стороны и то, что австро-нѣмецкіе, мадьярскіе и итальянскіе интересы нерѣдко сталкиваются съ славянскими, и умѣло защищать послѣдніе является, конечно, требованіемъ и благоразумія, и справедливости.

1896 годъ ознаменовался успѣхами нашей иностранной политики и на дальнемъ Востокѣ. Россія, ограничивъ при содѣйствіи Франціи и Германіи результаты японскихъ побѣдъ надъ Китаемъ, достигла заключенія съ Небесною имперіей договора о проведеніи желѣзной дороги черезъ Манджурію. Весьма вѣроятно, что при этомъ за нами обезпечено, въ той или иной формѣ, пользованіе незамерзающими портами на Великомъ океанѣ.

Сближеніе нашего отечества съ Франціей сдѣлалось еще тѣснѣе послѣ посѣщенія Парижа Ихъ Императорскими Величествами. Международное значеніе этого сближенія, какъ мы много разъ говорили, очень велико, хотя и односторонне. Еслибъ дипломатія достигла соглашенія англійскихъ и французскихъ интересовъ въ Египтѣ и англійскихъ и русскихъ въ Азіи, то новая тройственная лига заняла бы въ мірѣ преобладающее положеніе. Англія идетъ на уступки, и ея стойкій національный эгоизмъ отнюдь не исключаетъ требованій справедливости и гуманности. Знаменательнымъ актомъ въ этомъ отношеніи является договоръ, заключенный англійскимъ правительствомъ съ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ: имъ узаконяется третейскій судъ во всѣхъ случаяхъ недоразумѣній и столкновеній между Великобританіей и Америкой. Газеты сообщаютъ, что едва ли въ сенатѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ составится требуемое боль-

шинство для принятія этого договора. Это было бы весьма прискорбно, и хотѣлось бы вѣрить, что здравый англо-саксонскій политическій смыслъ не допуститъ отсрочки въ осуществленіи великаго принципа, устраняющаго страшное зло войны между просвѣщенными народами.

Крупныхъ событій во внутренней жизни западно-европейскихъ народовъ не произошло въ истекшемъ году. Въ Германіи парламентъ принялъ новое гражданское уложеніе для имперіи. Объ этомъ уложеніи *Русская Мысль* дастъ особую статью. Сильное впечатлѣніе въ Германіи и за предѣлами ея произвелъ процессъ, который выяснилъ, что политическая полиція опутала интригами и клеветами въ печати, разными фальсификаціями и ложными доносами императора и министровъ. Въ этихъ темныхъ продѣлкахъ участвовали высокопоставленныя лица, пользовавшіяся довѣріемъ Вильгельма II, а жертвою ихъ пало нѣсколько министровъ. Гласный и независимый судъ далъ удовлетвореніе возмущенному общественному мнѣнію и раскрылъ причины зла, т.-е. положилъ основаніе его искорененію. Германская печать отнеслась къ этому дѣлу съ большою чуткостью и достоинствомъ.

Въ Австріи введена избирательная реформа: на-ряду съ четырьмя до сихъ поръ существовавшими куріями избирателей (крупное землевладѣніе, торговыя палаты, городскія и сельскія общины) создана пятая, въ которой основаніемъ является всеобщая подача голосовъ. *Русская Мысль* своевременно говорила объ этой реформѣ. Она является только поправкою къ дѣйствующей и весьма неудовлетворительной системѣ выборовъ въ парламентъ, но во всякомъ случаѣ введетъ въ него свѣжіе народные элементы. Кромѣ того, правильный политическій принципъ, разъ пробившій себѣ дорогу, будетъ неудержимо развиваться. Съ русской точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать этого успѣха въ государственной жизни Австріи, потому что онъ усилитъ значеніе въ габсбургской монархіи славянскихъ племенъ и въ частности подыметъ значеніе русскихъ галичанъ, которые теперь не мало терпятъ отъ шляхетско-клерикальной партіи, господствующей въ Галиціи и въ польскомъ клубѣ парламента. Это послужитъ, разумѣется, на пользу самому польскому народу.

Слѣдуетъ отмѣтить расколъ въ партіи австро-нѣмецкихъ централистовъ, изъ которой выдѣлилась группа съ болѣе яркою либеральною программой. На централистахъ-нѣмцахъ, настойчиво называвшихъ себя либералами, накопилось столько грѣховъ противъ основныхъ требованій либерализма, что нельзя не привѣтствовать ихъ неудачъ. Національная нетерпимость, упрямое стремленіе властвовать надъ славянами, были руководящими особенностями этой партіи въ теченіе многихъ уже лѣтъ.

Въ Венгріи произошли выборы въ парламентъ, доставившіе рѣшительную побѣду правительственной либеральной партіи. Но и мадьярскіе либералы не хотятъ допустить мысли о равноправности съ ними славянъ и румынъ, всячески стараются омадьярить ихъ, лишить родного языка и какихъ бы то ни было автономныхъ учрежденій. Мы много разъ отдавали

должное политической энергіи мадьяръ, ихъ въ свое время геройской борьбѣ за національную независимость; но нельзя не повторять обвиненій имъ въ деспотизмѣ по отношенію къ другимъ національностямъ.

Консервативный кабинетъ въ Великобританіи имѣлъ нѣсколько неудачъ въ парламентѣ. Такъ не прошелъ нѣсколько реакціонный школьный законъ, имѣвшій въ виду усилить вліяніе на учебное дѣло англиканской церкви и оказать ей въ этомъ отношеніи и матеріальное содѣйствіе. Законопроектъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ ввести въ управленіе народною школой децентрализацію, предоставивъ значительную власть выборнымъ совѣтамъ въ графствахъ. Либералы возстали противъ законопроекта, въ средѣ министерской партіи изъ-за него возникнулъ раздоръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что правительство взяло свой проектъ назадъ. Потерпѣла Англія нѣсколько неудачъ и въ иностранной политикѣ. Такъ жестокое фіаско увѣнчало попытку Джемсона разбойнически напасть на республику боэровъ Южной Африки. Попытку эту подготовлялъ англо-африканскій Наполеонъ, Сесиль Родсъ, ей втайнѣ сочувствовало и правительство метрополіи. Нравственный ударъ получила Великобританія и въ Египтѣ, такъ какъ всѣ инстанціи суда признали правильнымъ протестъ Россіи и Франціи противъ расходованія изъ кассы египетскаго государственнаго долга полумилліона фунтовъ стерлинговъ на донгольскую экспедицію. Деньги эти англійское правительство должно будетъ ссудить правительству хедива.

Либеральная англійская партія, спаянная еще недавно высокимъ авторитетомъ Гладстона, теперь представляетъ довольно прискорбное зрѣлище. Глубокій старикъ,—ему 87 лѣтъ,—Гладстонъ, вызванный общественнымъ теченіемъ, выступилъ съ громовою рѣчью противъ *великаго убійцы* (такъ знаменитый государственный человѣкъ называетъ турецкаго султана). Это послужило поводомъ къ тому, что лордъ Розбери сложилъ съ себя званіе лидера либеральной партіи, и преемника ему до сихъ поръ не избрано.

Во Франціи кабинетъ Леона Буржуа, вступившій въ борьбу съ сенатомъ на почвѣ довольно серьезныхъ финансовыхъ реформъ (имѣлось въ виду, между прочимъ, введеніе подоходнаго налога), счелъ себя вынужденнымъ, вслѣдствіе систематической враждебности сената, подать въ отставку. Замѣнившее его министерство Мелина (въ него вступилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганото) поставило, кажется, своимъ девизомъ добра не портить, зла не уничтожать.

Италія, потерпѣвшая жестокое пораженіе отъ абиссинцевъ, имѣла, по крайней мѣрѣ, счастіе избавиться отъ главнаго виновника несчастной африканской экспедиціи, Криспи. Кабинетъ Рудини заключилъ съ Менеликомъ не унизительный для Италіи миръ и стремится поправить финансовое положеніе страны. На первыхъ порахъ, опасаясь возвращенія къ власти Криспи, вождь крайней лѣвой, Кавалотти, поддерживалъ Рудини. Это повело даже къ ссорѣ его съ Имбріани и другими непримиримыми радикалами и республиканцами. Кавалотти, повидимому, имѣлъ основаніе надѣяться, что Рудини распуститъ нынѣшнюю палату съ криспіанскимъ боль-

шинствомъ; но министръ-президентъ предпочелъ иной путь и стремится теперь уладить свои отношенія именно къ этому большинству. Такая тактика повела къ разрыву между Кавалотти и Рудини.

Испанія продолжала весь прошлый годъ истощаться въ борьбѣ съ кубанскимъ возстаніемъ, къ которому присоединилось и возстаніе на Филиппинскихъ островахъ. Общественное мнѣніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ высказывается противъ Испаніи, за необходимость если не отдѣленія Кубы отъ метрополіи, то, по крайней мѣрѣ, за широкую автономію острова. Послѣднія извѣстія говорятъ о томъ, что есть надежда на улаженье вопроса именно во второмъ направленіи. Во внутренней жизни Испаніи не произошло ничего утѣшительнаго.

На Скандинавскомъ полуостровѣ продолжается борьба между Норвегіей и Швеціей. *Русская Мысль* разъясняла много разъ, почему мы сочувствуемъ при этомъ первой и нѣсколько недовѣрчиво относимся ко второй. Король Оскаръ и его нынѣшнее правительство тяготѣютъ въ Германіи. Свободолюбивый и миролюбивый норвежскій народъ дружественно относится къ нашему отечеству.

Въ Даніи кабинетъ Реедтцъ-Тота, смѣнившій министерство Эструпа, обнаруживаетъ болѣе уступчивое отношеніе къ либеральной и радикальной оппозиція. Эта оппозиція имѣетъ значительное большинство въ фолькстингѣ, тогда какъ въ ландстингѣ большинство принадлежитъ консерваторамъ, среди которыхъ Эструпъ сохраняетъ огромное вліяніе. Но съ каждыми новыми выборами консерваторы теряютъ одно или нѣсколько мѣстъ.

Напомнимъ, что выборы въ Бельгіи повели къ торжеству клерикаловъ и разгрому партіи умѣренныхъ либераловъ, не пожелавшихъ идти рука объ руку съ радикалами и рабочею партіей. Естественно, что такой исходъ выборовъ не даетъ основанія радоваться ни прогрессистамъ, ни соціалистамъ. Въ Греціи, Голландіи и Португаліи не произошло важныхъ событій. Въ Сербію опять пожаловалъ для вымогательства денегъ и для интригъ эксъ-король Миланъ. Въ Болгаріи выборы въ собраніе дали правительству подавляющее большинство. Черногорія отпраздновала двухсотлѣтіе своей династіи и замужство дочери князя Николая. Она стала женою наслѣдника итальянскаго престола. Для этого княжнѣ пришлось перейти въ католицизмъ. Любовь ли, политическій ли разсчетъ тутъ дѣйствовалъ,—для насъ одинаково не симпатична подчиненная въ такомъ случаѣ роль совѣсти.

Въ другихъ частяхъ свѣта должно отмѣтить избраніе президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ извѣстнаго Макъ-Кинли. О значеніи этого избранія и борьбы съ Макъ-Кинли Брайана читатели знаютъ изъ обстоятельной статьи г-жи Макъ-Гаханъ, напечатанной въ *Русской Мысли*. Недавно мы имѣли случай говорить и о положеніи Японіи, продолжающей быстро развиваться въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Нельзя не согласиться съ графомъ Бенедетти, авторомъ статьи въ *Revue des Deux Mondes* о восточномъ вопросѣ *), что европейскому спокойствію угрожаютъ вооруженный миръ и предстоящее разрушеніе Турецкой имперіи. Тягота, взваливаемая первымъ на плечи населенія, неминуемо приведетъ, по мнѣнію Бенедетти, или къ войнѣ, или къ анархіи. Распредѣленіе же наслѣдства *больного человѣка*, который умретъ безъ завѣщанія, вызоветъ ожесточенное соперничество державъ и народностей. Ждать наступленія этого опаснаго для мира момента, не принявши строго обдуманныхъ и согласованныхъ мѣръ, было бы преступленіемъ со стороны европейской дипломатіи. Когда національныя и религіозныя страсти разгорятся,—тушить этотъ пожаръ дѣло трудное. Въ тревожныхъ признакахъ нѣтъ недостатка. Такъ въ концѣ года возникло сильное волненіе въ Македоніи вслѣдствіе назначенія епископомъ въ Ускюбъ грека. Сербское населеніе не допускаетъ его занять епископскую каѳедру и совершать богослуженіе. Заявляютъ національныя требованія и македонскіе румыны. Они стремятся имѣть своего епископа и сдѣлали попытку основать въ Константинополѣ митрополію, независимую отъ греческаго патріархата. Это грозитъ новымъ расколомъ въ православной церкви, такъ какъ константинопольскій патріархъ и Фанаръ рѣшительно отвергаютъ требованія сербовъ и румынъ.

Македонскіе румыны отдѣлены отъ Румынскаго королевства сплошною и широкою полосой славянскаго населенія, не могутъ поэтому и мечтать о политическомъ соединеніи съ нимъ. Для Румыніи прошлый годъ кончился министерскимъ кризисомъ. Низложеніе митрополита Геннадія вызвало въ странѣ такое движеніе, и демонстраціи въ Бухарештѣ приняли такіе внушительные размѣры, что Стурдза подалъ въ отставку. Во главѣ новаго кабинета сталъ профессоръ Ауреліанъ. Газеты указываютъ, что онъ и его товарищи дружественнѣе относятся къ Россіи, чѣмъ министерство Стурдзы, всегда тяготѣвшее къ тройственному союзу.

National-Zeitung справедливо замѣчаетъ, что ожесточенныя религіозныя распри, которыя ведутъ въ Македоніи греки, болгары, сербы и румыны, унижаютъ достоинство христіанства и ведутъ къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ, дѣлая эти четыре націи смертельными врагами другъ друга. *National-Zeitung* ставитъ греческой церкви въ великую заслугу то, что она не создавала инквизиціи, не подготовляла Варѳоломеевской ночи; но, съ другой стороны, упрекаетъ ее за то, что она не идетъ на встрѣчу національнымъ стремленіямъ и почти ничего не сдѣлала для просвѣщенія сербовъ, болгаръ и румынъ. А между тѣмъ именно просвѣщеніе только и способно довести дѣло до соглашенія, обусловить мирное существованіе въ предѣлахъ Македоніи и вообще Балканскаго полуострова всѣхъ четырехъ христіанскихъ національностей. И мы замѣчаемъ, что наиболѣе просвѣщенные народы прилагаютъ и наиболѣе усилій къ дальнѣйшему развитію общаго

---

*) *Benedetti*: „La question d'Orient“ (*Revue des Deux Mondes*, 1 janvier 1897).

и профессіональнаго образованія. Такова Англія, далеко подвинувшая расширеніе университетскаго образованія; такова Франція послѣ разгрома наполеоновской имперіи. Германія давно славится заботами о народномъ просвѣщеніи, ея университеты занимаютъ первенствующее мѣсто въ мірѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь улучшеніе слѣдуетъ за улучшеніемъ. Въ настоящее время общественное мнѣніе занято вопросомъ о высшихъ народныхъ школахъ, причемъ въ образецъ ставятся англійскіе и скандинавскіе народные университеты. Въ этомъ отношеніи много работаетъ Общество Коменскаго (*Comenius-Gesellschaft*) *) Въ Іенѣ нынѣшнею зимой докторомъ Бергеманомъ устроены курсы по четыремъ предметамъ, съ свободнымъ и безплатнымъ доступомъ. Мюнхенскіе профессора также организовали подобные курсы, съ платою въ одну марку за 4—6 лекцій. Движеніе быстро расширяется.

Не менѣе утѣшительны заботы объ улучшеніи матеріальнаго положенія учащихъ. Въ концѣ декабря 1896 года коммиссія прусской палаты депутатовъ выработала проектъ, по которому назначается болѣе девяти милліоновъ марокъ на усиленіе содержанія учителей, въ соотвѣтствіи съ выслугою лѣтъ.

Въ прошломъ году мы указывали на проектъ австрійскаго министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій цѣлью отмѣну профессорскаго гонорара со студентовъ за слушаніе лекцій. Ясно, что устанавливать такой порядокъ вещей, при которомъ знаменитый ученый, преподающій, напримѣръ, санскритскій языкъ, будетъ получать съ семи слушателей семь рублей, а профессоръ медикъ или юристъ по нѣскольку сотъ рублей,—есть вопіющая несправедливость, есть торгъ наукою. Теперь мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что измѣнить дѣйствующую систему профессорскаго гонорара имѣетъ въ виду и прусское правительство.

Берлинскій женскій конгрессъ, происходившій прошлымъ лѣтомъ, оживилъ и усилилъ симпатіи образованнаго германскаго общества къ движенію, которое поставило своею задачей уравненіе образованія и правъ женщины и мужчины **). Какъ знаменательный признакъ времени, отмѣтимъ въ заключеніе пересмотръ конституціи въ Виртембергѣ. Кабинетъ Митнахта выработалъ проектъ, устраняющій привилегированное представительство и вводящій представительство пропорціанальное. Такимъ образомъ, эта идея, однимъ изъ сильнѣйшихъ защитниковъ которой былъ Д. С. Милль, постепенно переходитъ въ осуществленіе.

Мирная и твердая политика Россіи даетъ утѣшительную надежду, что тяжелое наслѣдіе прошлаго года не вызоветъ грозныхъ столкновеній.

---

*) Ср. брошюру Бергемана: *Ueber Volkshochschulen*.

**) Ср. *Arthur Kirchhoff*: *Die akademische Frau. Gutachten hervorragen der Universitätsprofessoren*, usw.

Успѣхи нашей дипломатіи въ послѣднее время несомнѣнны и значительны. Издающійся въ Вѣнѣ *Славянскій Свѣтъ* называетъ прошлый годъ *русскимъ годомъ* *). Пожелаемъ, чтобы каждый успѣхъ иностранной политики нашего правительства и каждый успѣхъ русской общественной жизни сопровождался усиленіемъ уваженія и симпатіи другихъ народовъ къ великому русскому народу.

В. Гольцевъ.

---

*) „Leto 1896 bilo jev evropski in svetovni politiki prav za prav rusko leto" (*Slovanski Svet*, 30 decembra 1896).

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Цѣна жизни*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Вл. И. Немировича-Данченка. — *Въ новой семьѣ*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Владиміра Александрова.

Изъ всѣхъ пьесъ, поставленныхъ на нашихъ театрахъ въ послѣднее время, новой драмѣ Вл. И. Немировича-Данченка принадлежитъ, по нашему мнѣнію, выдающееся мѣсто, такъ какъ въ ней ставится, обсуждается и разрѣшается на сценѣ очень серьезный и сложный житейскій вопросъ. Трактуется онъ искренно и смѣло, безъ фальши и натяжекъ въ пользу какой-либо предвзятой мысли, направляющей писателей, въ большинствѣ случаевъ, къ обвиненію однихъ или одного и къ оправданію другихъ, къ раздѣленію дѣйствующихъ лицъ на добродѣтельныхъ и злодѣевъ,— на кроткихъ «овецъ» и негодныхъ «козлищъ«, за что нерѣдко отправляется на закланіе самая пьеса и «козломъ отпущенія» оказывается ея авторъ. Въ драмѣ *Цѣна жизни*, первымъ дѣломъ, хорошо то, что на сценѣ не появляется ни добродѣтельныхъ, ни злодѣевъ, ни героевъ, ни героинь, а есть только просто добрые, честные, хорошіе люди, и таковы въ ней всѣ дѣйствующія лица, какъ это и есть въ дѣйствительной, повседневной жизни, гдѣ уклоненія въ ту или иную сторону отъ достоинства нормальнаго, пожалуй даже—зауряднаго, человѣка встрѣчаются рѣдко и ничего не доказываютъ, какъ всякія исключенія. Если же иной разъ, при мастерской демонстраціи, подобныя исключенія могутъ быть пригодны въ повѣсти и въ драмѣ, то лишь для того, чтобы показать, какъ зло способно портить жизнь среднихъ людей и какъ добродѣтель вступаетъ съ нимъ въ побѣдоносную борьбу, отъ чего заурядному человѣку на душѣ становится легче. Но повседневныя, обычныя, наиболѣе часто повторяющіяся жизненныя усложненія возникаютъ не отъ конфликтовъ между злодѣями и добродѣтельными и разрѣшаются не борьбою между ними. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ жизни намъ приходится страдать не отъ злодѣяній и не отъ «злой воли» дурныхъ людей, а отъ ошибокъ и заблужденій близкихъ намъ хорошихъ людей, и разбираться мы вынуждены съ недоразумѣніями, порою очень прискорбными, ведущими,— то случайно, то роковымъ обра-

зомъ, — къ тяжелымъ проступкамъ и даже къ преступленіямъ. И вотъ тутъ-то, при такихъ условіяхъ, происходятъ наиболѣе серьезныя и наиболѣе поучительныя житейскія драмы и комедіи. Съ «героями» и съ «злодѣями» дѣло обходится много проще: «герои» разрубаютъ Гордіевы узлы, «злодѣевъ» караютъ, во-первыхъ, обличеніемъ, а затѣмъ — чѣмъ талантъ автору на душу положитъ... Намъ тѣмъ и симпатична драма г. Немировича-Данченка, и тѣмъ она интересна, что въ ней всѣ люди какъ люди, самые что ни-на-есть средніе, такіе, какъ девять десятыхъ зрителей, приходящихъ смотрѣть эту пьесу. И то, что составляетъ основу драмы, настолько просто и заурядно, что то же самое можетъ случиться въ каждой семьѣ, измѣняясь лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, могущихъ имѣть небольшое вліяніе на рѣшеніе поставленнаго въ драмѣ вопроса. Сущность вопроса вотъ въ чемъ: жена измѣнила мужу, — измѣнила, не любя того, съ кѣмъ ее «грѣхъ попуталъ», измѣнила отъ тоски, отъ бездѣлья, отъ душевной неудовлетворенности, подъ вліяніемъ порыва молодости въ погонѣ за счастьемъ, за «смысломъ» жизни. Вмѣсто искомаго и чаемаго, измѣна принесла ей только несчастье и горе, еще болѣе тяжелыя душевныя страданія. Съ любовникомъ она разсталась навсегда, безвозвратно. Мужъ узналъ о постигшей его бѣдѣ, сомнѣнія быть не можетъ, такъ какъ жена ему во всемъ чистосердечно призналась. Какъ быть супругамъ, когда мужъ жену любитъ, а она его глубоко уважаетъ, что̀ не только граничитъ съ любовью, но можетъ, должно даже, перейти въ самую искреннюю, прочную и настоящую любовь?

За послѣдніе годы обсужденію этого самаго вопроса были посвящены во французской литературѣ три романа выдающихся писателей: Альфонса Додэ—*Маленькій приходъ*, Поля Маргерита—*Семейныя бури*, Жана Экара—*Голубой ибисъ* *). Французскіе писатели приходятъ къ тремъ различнымъ рѣшеніямъ, которыя намъ представляются неудовлетворительными по своей казуистичности. Это не положительные отвѣты на общій вопросъ, а три развязки болѣе или менѣе сложныхъ романовъ. Авторъ драмы *Цѣна жизни* даетъ отвѣтъ болѣе прямой и опредѣленный.

Въ частности г. Немировичъ-Данченко проводитъ на сценѣ передъ зрителемъ такія событія: подъ Москвой въ роскошной дачѣ, при громадной фабрикѣ «Евдокіи Демуриной съ сыновьями», проживаетъ семья владѣльцевъ, состоящая изъ главы фирмы Авдотьи Степановны (г-жа Садовская), Данилы Тимоѳеевича Демурина (г. Ленскій), его жены, Анны Викторовны (г-жа Ермолова), его брата, Германа Тимоѳеевича (г. Падаринъ), и сестры, Клавдіи Тимоѳеевны Рыбницыной (г-жа Лешковская). Отъ перваго брака у Данилы Тимоѳеевича двое дѣтей: Николай, студентъ (г. Яковлевъ), и дѣвочка лѣтъ 12, Варя (г-жа Музиль 2). Пьеса начинается тѣмъ, что во дворѣ фабрики слышенъ шумъ. Находящіяся на закрытой террасѣ дома Авдотья Степановна и Клавдія встревожены, посылаютъ горничную Сашу

*) Эти романы въ переводѣ были напечатаны въ *Русской Мысли*.

(г-жа Турчанинова) узнать, что случилось. Застрѣлился техникъ Морской. Изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, изъ отрывочныхъ словъ Анны Викторовны и изъ всего поведенія ея ясно, что техникъ былъ влюбленъ въ жену старшаго сына хозяйки и что между нимъ и Анной существовали какія-то отношенія, точный характеръ которыхъ пока не извѣстенъ. Директоръ фабрики, Германъ Демуринъ успѣлъ скрыть отъ полиціи запечатанное письмо застрѣлившагося Морского, адресованное на имя Анны Викторовны, и передаетъ этотъ пакетъ только что вернувшемуся изъ Москвы брату Данилѣ. Тотъ, въ свою очередь, отдаетъ не распечатанное письмо Аннѣ съ внушительнымъ словомъ: «Дошутилась!»... Второй актъ занятъ тревожными разсужденіями о самоубійствахъ, вообще, по поводу только что происшедшаго печальнаго событія, а затѣмъ попытками уяснить, въ частности, причину самоубійства Морского. Общія, такъ сказать, теоретическія разсужденія ведутся между старухой Демуриной, молодою вдовой Клавдіей и профессоромъ-психологомъ Солончаковымъ (г. Южинъ), котораго старается изъ всѣхъ силъ очаровать Клавдія, читающая ради него всякія ученыя книги. Въ разговорѣ принимаетъ участіе студентъ Николай Демуринъ и его отецъ Данило Тимоѳеевичъ. Имени Анны никто не произноситъ, но у всѣхъ оно, видимо, на умѣ въ связи съ самоубійствомъ молодого техника. Все общество, кромѣ Данилы Тимоѳеевича и Анны, удаляется пить чай. Приходитъ братъ умершаго техника, присяжный повѣренный Морской (г. Горевъ), доискивающійся подлинныхъ и ближайшихъ причинъ самоубійства брата. По нѣкоторымъ даннымъ онъ догадывается о существованіи скрытаго письма, въ которомъ должно быть объясненіе поводовъ, побудившихъ молодого человѣка покончить съ собой. Не сознаваясь въ полученіи письма, Анна доказываетъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній доискиваться такихъ подробностей, объяснять которыя не пожелалъ самъ умершій, и что никто права не имѣетъ требовать отчета отъ мертваго, если при жизни его самые близкіе люди не считали нужнымъ и не находили времени поинтересоваться тѣмъ, какова его жизнь, и поддержать его въ тяжелыя минуты. Согласившись ли съ доводами хозяйки, или понявши, что въ письмѣ есть нѣчто, чего нельзя касаться третьему лицу, Морской скромно удаляется. Но объясненіе между супругами становится безусловно необходимымъ, неизбѣжнымъ. И оно происходитъ въ третьемъ актѣ. Анна признается во всемъ мужу, показываетъ ему письмо... Она Морского не любила. Какъ она сдѣлалась его любовницей, Анна сама понять не можетъ. Бѣдною дѣвушкой, молодою, она, не любя, вышла замужъ за богатаго и хорошаго человѣка, Демурина, сильно любившаго ее, несмотря на то, что онъ на двадцать лѣтъ старше ея. Въ любви Морского она не нашла того счастья, котораго искала, котораго не испытала въ семейной жизни, котораго до безумія жаждала ея душа. Анна знала о намѣреніи Морского покончить съ собой самоубійствомъ, и она рѣшилась, обѣщала ему сдѣлать то же самое, но въ послѣднюю минуту у нея на это силъ не хватило. Теперь ей ничего другого не остается, нѣтъ иного вы-

хода. Въ Демуринѣ, прежде всего, сказывается сынъ «Евдокіи Демуриной съ сыновьями»: застрѣлился молодой техникъ, слѣдомъ за нимъ застрѣлится жена, слѣдствіе, раскрытіе всего, скандалъ, срамъ мужу, позоръ «фирмѣ»... Но почти тотчасъ изъ-за участника «фирмы» появляется человѣкъ, добрый, искренній, жестоко страдающій, чувствующій, что рядомъ съ нимъ такъ же изнываетъ и гибнетъ хорошая, такая же искренняя душа... И въ Данилѣ Демуринѣ поднимается жалость, наростаетъ та великая, чисто-русская жалость, которая ничѣмъ инымъ разрѣшиться не можетъ, какъ всепрощеніемъ, помогающимъ павшему подняться на ноги, возродиться къ новой жизни. Въ данномъ случаѣ пала не одна Анна, не одна ея жизнь разбита, въ своемъ паденіи она увлекла и мужа, и его жизнь разбила. Нравственно загублены оба, «смыслъ жизни» потерянъ обоими. Разница въ томъ, что не только найти его, но даже искать Анна не можетъ,—въ ея крушеніи утрачена всякая надежда, душа опустошена до полнаго отчаянья, тогда какъ пробудившаяся въ Данилѣ жалость ведетъ за собою надежду, побуждаетъ и заставляетъ его искать «смыслъ жизни» для гибнущей любимой женщины. Для Данилы онъ, этотъ «смыслъ», уже раскрытъ самою жалостью, заключается онъ въ сознаніи обязанности спасти несчастную. Все это очень живо чувствуетъ Данило Демуринъ, но не можетъ еще разобраться въ ошеломившихъ его впечатлѣніяхъ и не умѣетъ ни опредѣлить, что ему надо дѣлать, ни найти надлежащую точку опоры для возстановленія душевнаго равновѣсія Анны, безъ чего немыслима и уравновѣшенность его собственной души.

Въ четвертомъ дѣйствіи для Анны едва замѣтно проскальзываетъ лучъ свѣта, полный блескъ котораго могла бы внести въ ея жизнь дѣвочка-падчерица, всѣми заброшенная Варя. Но въ драмѣ этотъ свѣтъ только промелькнулъ,—къ сожалѣнію,—и куда то исчезъ за разъясненіями профессора-философа, указывающаго на занятіе полезнымъ дѣломъ, на серьезный трудъ, какъ на средство дать душѣ равновѣсіе и бодрость. Демуринъ сразу хватается за эти спасительныя средства, привлекаетъ жену къ участію въ дѣлахъ фабрики, къ совмѣстной дѣятельной работѣ, тѣмъ болѣе необходимой и полезной, что завѣдующій фабрикой Германъ Демуринъ только-что предлагалъ ввести такія реформы, которыя улучшатъ положеніе всѣхъ служащихъ и рабочихъ. Средства, рекомендованныя философомъ, признаны цѣлебными и, благодаря имъ, для нравственно разбитой Анны раскроется «смыслъ жизни» и возстановится душевное равновѣсіе въ трудѣ на пользу... русской промышленности... Такимъ концомъ не довольны ни мы, ни публика, насколько это было намъ замѣтно. Несомнѣнный талантъ автора велъ его все время надлежащимъ путемъ къ наиболѣе подходящему заключенію, и мы рѣшительно понять не можемъ, почему дѣти очутились гдѣ-то въ сторонѣ, около дяди Германа, а Анна Викторовна должна найти всю сладость бытія въ правленіи товарищества «Евдокіи Демуриной съ сыновьями». Спора нѣтъ, трудъ—дѣло хорошее и спасительное для ума, и душу въ него положить можно—только

не всю, такъ какъ живетъ-то человѣкъ не однимъ мозгомъ, а еще и сердцемъ. Мы понимаемъ, что такіе работники, какъ братья Демурины, могли принять и исполнить совѣтъ Солончакова буквально. И Анна могла согласиться на ихъ предложеніе, такъ какъ податься ей некуда. Но фабрикой, реформами, ни даже любовью къ рабочему люду ничьего сердца,—а тѣмъ паче сердца женщины,—не наполнишь и не исцѣлишь. Причина тоски этой женщины не въ одномъ бездѣльи, а въ отсутствіи личной дѣятельной любви, подмѣнить которую нельзя гуманными чувствами, разсѣивающимися на сотни и тысячи людей. Сердце Анны, какъ и всякой женщины, въ особенности же не любящей мужа, требовало материнства, любви къ дѣтямъ, которыя были бы *ея* дѣтьми. Возможность и, болѣе того, долгъ сдѣлаться матерью представлялись ей сами собой въ *ея* семьѣ: несчастная сиротка Варя всѣми заброшена потому именно, что у всѣхъ слишкомъ много дѣла, болѣе привлекающаго, чѣмъ нравственное воспитаніе не бойкой дѣвочки. Всѣмъ она кажется глупенькою, тогда какъ Варя — просто не находитъ себѣ «мѣста въ природѣ», нѣтъ груди, къ которой она могла бы преклонить тоскующую головку, у которой она могла бы отогрѣть свое сердечко, жадно просящее любви и ласки, готовое любить до обожанія. Вотъ также одиноко росъ Морской, и оттого съ дѣтства началъ развиваться въ немъ зародышъ того недуга, который довелъ его до самоубійства. Анна должна была видѣть это и понять, что для нея самой, для ея мужа и для дѣвочки нравственное спасеніе въ томъ единственно, чтобы Анна стала настоящею матерью Вари и Николая, не смущаясь его студенческимъ мундиромъ. Подъ этой формой, свидѣтельствующей о полученіи аттестата «зрѣлости», все очень еще незрѣло и нормально можетъ дозрѣть лишь тогда, когда юноша будетъ согрѣтъ чистою любовью женщины, которой онъ повѣритъ, какъ родной матери. Слѣды отсутствія этой святой обоюдной любви мало замѣтны до тѣхъ поръ, пока жизнь идетъ гладко, безъ печали, безъ потрясеній, безъ сомнѣній въ себѣ и въ «цѣнѣ жизни». Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе: слова *цѣна жизни*, по нашему мнѣнію, передаютъ не совсѣмъ точно и ясно то, что хотѣлъ выразить ими авторъ,—насколько мы его понимаемъ. *Die Werth des Lebens*, о чемъ говорится въ пьесѣ, равнымъ образомъ не совсѣмъ то опредѣленіе, какое требуется, если слова эти перевести буквально. Тогда выйдетъ: «цѣнность, стоимость жизни»,—то, чего стоитъ жизнь, тогда какъ въ пьесѣ трактуется о томъ, ради чего жить стоитъ, о «цѣнномъ въ жизни». Въ драмѣ много говорится о причинахъ самоубійствъ, вообще, и причинѣ самоубійства молодого техника, въ частности. И этотъ послѣдній вопросъ такъ и остается невыясненнымъ или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно выясненнымъ. А поэтому самому, очень многимъ зрителямъ, большинству ихъ, представляется, будто у драмы нѣтъ начала, будто построена она на какой-то случайности, на одномъ изъ faits divers, сообщенія о которыхъ заканчиваются словами:—«причины самоубійства неизвѣстны». Для драмы этого мало,—зритель не можетъ удовлетвориться этимъ, и онъ правъ. На его вопросъ нельзя от-

вѣчать: «вамъ до этого нѣтъ дѣла, ибо вамъ сообщаютъ совершившійся фактъ и его послѣдствія, сложившіяся въ драму, а потому о фактѣ не извольте разсуждать и довольствуйтесь тѣмъ, что вамъ дали»... Быть можетъ, мы и удовольствовались бы, еслибы, во-первыхъ, объ этомъ не разсуждали на сценѣ, и во-вторыхъ, еслибы всѣ драматическія терзанія Анны обусловливались ея измѣной мужу, а не самоубійствомъ Морского. Въ такомъ случаѣ не было необходимости «самоубивать» его, достаточно было отправить въ другую губернію или на той же фабрикѣ раздавить колесомъ. Вышла бы случайность, равносильная тому, что «причины неизвѣстны». Мы думаемъ, что онъ застрѣлился отъ того, что не сумѣлъ почувствовать, понять и найти «цѣнное въ жизни», что-либо такое, ради чего стоило бы жить, терпѣть и страдать. А не нашелъ онъ этого потому, что въ дѣтствѣ и въ юности работалъ его умъ и бездѣйствовало его сердце, которое къ настоящей порѣ зрѣлости увяло и засохло до того, что не могла оживить его любовь украдкой къ чужой женѣ. На все это есть намеки въ пьесѣ, но они такъ разбросаны, отрывочны и разрознены, что зрителю невозможно ихъ уловить и собрать во едино. Сдѣлать это, т.-е. резюмировать, надлежало автору. И вотъ для того, чтобы отвратить отъ Вари и Николая такое же,—выясненное зрителю,—душевное опустошеніе, Аннѣ предстоитъ неизмѣримо болѣе высокій и ее самоё оживляющій трудъ, чѣмъ въ фабричномъ дѣлѣ, которое само по себѣ не можетъ мѣшать ей создать для себя и для всей семьи единственно «цѣнное въ жизни».

Драма г. Немировича-Данченка разыграна такъ, какъ исполнялись у насъ пьесы въ блестящее для нашей сцены время Щепкина, Садовскаго и Шумскаго,—разыграна безукоризненно, почти идеально, и это «почти» мы считаемъ себя обязанными тотчасъ же откинуть, такъ какъ намъ приходится начать рѣчь объ игрѣ г-жи Садовской. Высокочтимая артистка создала такой цѣльный и живой типъ «Евдокіи Демуриной съ сыновьями», равнаго которому мы даже въ ея репертуарѣ указать не можемъ. Это доподлинная, настоящая купчиха, пережившая времена «Кита Китыча» и хорошо извѣдавшая ихъ на себѣ въ супружествѣ съ покойникомъ Тимоѳеемъ (вѣроятно, Китычемъ) Демуринымъ. Для нея все ясно и никакихъ вопросовъ въ жизни нѣтъ, на которые не было бы готовыхъ отвѣтовъ, разрѣшающихъ все, по изстари установленнымъ формуламъ, которыхъ неуклонно держались всѣ московскіе «Киты» и Кабанихи. Все установлено крѣпко и незыблемо, и всякое недоумѣніе, а тѣмъ паче сомнѣніе есть нечто иное, какъ «блажь», забирающаяся въ головы вслѣдствіе ослабленія вѣры во все то, чему такъ твердо вѣрили отцы и дѣды въ Замоскворѣчьѣ и въ Рогожской. Въ исполненіи г-жи Садовской отъ Авдотьи Степановны такъ и вѣетъ неугасающимъ духомъ тамошнихъ непогрѣшимыхъ «столповъ». За г-жею Садовской непосредственно слѣдуетъ г-жа Лешковская, замѣчательно живо и тонко олицетворившая продуктъ новой эволюціи въ столь недавно еще «темномъ царствѣ», въ роли молодой купеческой вдовы Рыбницыной. Изъ-подъ самыхъ модныхъ туалетовъ, изъ-за мудреныхъ

фразъ, наивно заученныхъ для того, чтобы «быть умною», такъ и проглядываетъ баба-озорница и купчиха-кулакъ, которую не проведешь ни любовью, ни философіей. Это истая дочь крупной россійской промышленности: Клавдію Тимоѳеевну не оплетешь,—она сама норовитъ всѣхъ оплести; ее не обидятъ,—«она всякаго сама обидѣть можетъ». Г-жа Лешковская превратила второстепенную въ пьесѣ роль въ мастерски законченный типъ. На долю г-жи Ермоловой выпалъ огромный трудъ оживить своею игрой не особенно ярко написанную фигуру жены Демурина, и, разумѣется, не вина высокоталантливой артистки въ томъ, что личность Анны Викторовны не блещетъ типическими чертами. При всемъ драматизмѣ положенія, нѣсколько суховатъ матеріалъ, изъ котораго г-жѣ Ермоловой пришлось создавать роль психически разбитой женщины, но отнюдь не психически-больной, какъ это показалось кое-кому изъ зрителей. Мы сочли нужнымъ отмѣтить это, ибо полагаемъ, что зрителю ничто не должно «казаться», онъ долженъ только видѣть... Во второмъ и въ третьемъ дѣйствіяхъ, въ сценахъ съ мужемъ, г-жа Ермолова была неподражаема. Про г. Ленскаго не знаемъ, какъ и говорить: его игра настолько художественна, что дальше никакому артисту идти некуда. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ была сама жизнь, настоящая, поразительно-реальная до малѣйшей черточки во всей сложности того, что долженъ пережить и перечувствовать Данило Демуринъ. Такими же вполнѣ живыми лицами были гг. Южинъ и Горевъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ превосходное исполненіе гг. Падаринымъ и Яковлевымъ второстепенныхъ, но, по милости ихъ игры, очень типическихъ ролей купца, вынесшаго изъ техническаго училища не одни знанія, но и гуманныя идеи, и молодого купца-студента, ищущаго и знаній, и идей, которыя раскроютъ передъ нимъ «цѣнное въ жизни». Мы поступили бы несправедливо, еслибы не сказали, какъ хорошо и въ тонъ со всѣми были сыграны маленькія роли г-жами Турчаниновой и Музиль 2-ю. Смотрѣть пьесу, такъ разыгранную и съ такимъ ансамблемъ—истинное наслажденіе...! И хорошо выйти изъ театра, унося съ собою высокую мораль драмы: «смыслъ жизни—въ дѣятельной любви!»

Въ добрый часъ сказать, третья пьеса сряду прошла съ успѣхомъ на Маломъ театрѣ,—драма г. Влад. Александрова: *Въ новой семьѣ*, хотя разыграна она далеко не такъ артистически и дружно, какъ *Цѣна жизни*. Сюжетомъ г. Александрову служитъ исторія старая и довольно заурядная: купецъ Воскобоевъ (г. Рыбаковъ), завѣдующій дѣлами торговой фирмы Юматовыхъ, давно овдовѣлъ и живетъ съ восемнадцатилѣтнею дочерью Лидіей (г-жа Садовская 2-я) и съ ея бабушкой, а своею тещей, Настасьей Павловной (г-жа Садовская). Бабушка и внучка обожаютъ учительницу музыки Наталью Николаевну Комарову (г-жа Ермолова), а больше ихъ обожаетъ эту прекрасную дѣвушку самъ Воскобоевъ. Всѣ мечтаютъ отдать Лидію замужъ за милліонера-фабриканта Юматова (г. Горевъ). Воскобоевъ не выжидаетъ, однако, этого вожделѣннаго событія и дѣлаетъ предложеніе учительницѣ. Она долго не соглашается и, на усиленныя

просьбы Воскобоева объяснить причину отказа, разсказываетъ, что очень молоденькою и неопытною попала она въ гувернантки, увлеклась однимъ господиномъ, который обѣщавъ на ней жениться, воспользовался минутою самозабвенія молодой дѣвушки... Отъ исполненія обѣщанія онъ не отступился, сдѣлалъ ей предложеніе, но она отказала потому, что сразу возненавидѣла его... Воскобоевъ такъ сильно любитъ Наталью Николаевну, что умоляетъ ее стать его женой, клянется не вспоминать, забыть несчастный случай, не знать о немъ, какъ будто его никогда не было. Когда Воскобоевъ радостно объявляетъ дочери и тещѣ о согласіи учительницы выйти за него замужъ, картина семейнаго благополучія сразу мѣняется. Лидія обожала милую и добрую учительницу и не можетъ помириться съ тѣмъ, что она займетъ въ домѣ и въ сердцѣ отца мѣсто ея матери. Съ еще большимъ недовольствомъ относится къ этому бабушка Настасья Павловна. Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ годъ. *Въ новой семьѣ* отношенія между Лидіей и бабушкой, съ одной стороны, и молодою женой Воскобоева, съ другой, успѣли сильно обостриться, при неизбѣжномъ участіи старой горничной Паши (г-жа Правдина), давно живущей въ домѣ, и при любительскомъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла сплетника, стараго жуира Прибылова (г. Правдинъ), родственника первой жены Воскобоева. Лидія ревнуетъ мачиху къ отцу, воображаетъ, что она отняла у нея любовь отца, забрала его въ руки, хочетъ всѣмъ распоряжаться самовластно, даже ею, самою Лидіей. Недобрыя чувства дѣвушки усложняются еще ревностью къ Юматову. Лидіи натолковали про него, какъ про жениха, самаго подходящаго для нея. Въ силу такихъ внушеній онъ нравится ей, а между тѣмъ она чувствуетъ, что между ею и Юматовымъ стоитъ Наталья Николаевна. И на самомъ дѣлѣ Юматовъ влюбленъ въ жену Воскобоева, преслѣдуетъ ее своимъ ухаживаніемъ, а изъ Лидіи дѣлаетъ только «ширмы» для отвода глазъ. Наталья Николаевна не находитъ средствъ избавиться отъ его ухаживаній. Прибѣгнуть для этого къ помощи мужа и прямо выставить изъ дома милліонера-хозяина она не считаетъ возможнымъ изъ опасенія нарушить покой нѣжно любимаго человѣка и лишить всю семью средствъ существованія. А тѣмъ временемъ покой всѣхъ давно и страшно нарушенъ разростающимися сплетнями, зародившимися подозрѣніями Воскобоева и вынужденною скрытностью его жены. Въ третьемъ дѣйствіи семейный разладъ доходитъ до высшей степени напряженія. Лидія и бабушка изводятъ Наталью Николаевну тѣмъ, что совсѣмъ перестали говорить съ нею. Въ такомъ положеніи дѣлъ жить вмѣстѣ становится невозможнымъ, и Лидія прямо заявляетъ отцу:—«Либо я, либо Наталья Николаевна. Она изъ дома не уйдетъ и пусть остается, ухожу я съ бабушкой...» Послѣдній ударъ наносятъ Воскобоеву анонимныя письма, присылаемыя Прибыловымъ, обозлившимся на молодую женщину за ея холодныя и нѣсколько презрительныя отношенія къ нему. Письма превращаются въ прямые доносы, въ которыхъ доля правды перемѣшана съ множествомъ клеветы. Эту долю правды, какъ выше отмѣчено, Наталья

Николаевна скрывала отъ мужа и теперь, вынужденная оправдываться, поставлена въ необходимость все сказать мужу. Совершенно измученный семейною неурядицей, выведенный изъ себя, Воскобоевъ теряетъ всякое самообладаніе и напоминаетъ женѣ про ея несчастный романъ... Наталья Николаевна въ ужасѣ,—ей ничего не остается другого, какъ уйти изъ этой семьи. Но куда?... Опять ее ждетъ тоска одиночества и душевный мракъ, отъ которыхъ она искала спасенія *въ новой семьѣ*, искренно любимой ею. Въ четвертомъ дѣйствіи на сценѣ страшная тревога, Наталья Николаевна отравилась. Послѣ долгихъ усилій ее удалось спасти, къ общему счастью. Происходитъ полное примиреніе бабушки и Лидіи съ Натальей Николаевной. Прибыловъ и Юматовъ посрамлены Воскобоевымъ и выгнаты изъ дому. Добродѣтель торжествуетъ на всей линіи, порокъ наказанъ... И авторъ торжествуетъ,— успѣхъ полный, публика довольна, вызываетъ автора и исполнителей.

Что же понравилось публикѣ въ этой пьесѣ? Вѣроятно то, что она написана просто и правдиво, безъ вычуръ и выдуманныхъ эффектовъ:— все это не только возможно, но и бываетъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительности почти такъ, какъ показалъ г. Александровъ. Конечно, далеко не всѣ дѣвушки, выходящія замужъ за вдовцовъ, имѣютъ въ своемъ прошломъ такой романъ, какой былъ у Натальи Николаевны. Да сущность дѣла тутъ и не въ романѣ, а въ томъ общемъ предубѣжденномъ недоброжелательствѣ, съ которымъ семья вдовца и всѣ ему близкіе встрѣчаютъ входящую въ домъ на правахъ хозяйки «новую» женщину, какъ бы она ни была добра и хороша. Житейскія, семейныя и хозяйственныя мелочи, проходящія едва замѣтными для людей, давно обжившихся, превращаются въ настоящія недоразумѣнія, часто въ casus belli, когда участницей въ нихъ оказывается пришлая, незванная и нежеланная молодая хозяйка, заранѣе уже заподозрѣнная во всякихъ злоумышленіяхъ и козняхъ. Публика, смотрящая драму г. Александрова, видитъ на сценѣ вѣрное отраженіе того, что большинству зрителей хорошо знакомо и что, въ большей или меньшей степени, затрогивало и портило жизнь извѣстныхъ намъ людей. Все это очень хорошо, только изъ драмы *Въ новой семьѣ* нельзя вывести никакого заключенія. Сначала выходитъ какъ будто такъ, что вдовцу, имѣющему дѣтей, не слѣдуетъ жениться вторично, дабы не причинить горе дѣтямъ, любимой женщинѣ и себѣ. Заканчивается исторія, а съ нею и поученіе тѣмъ, что, поволновавшись, повоевавши и поплакавши, всѣ могутъ помириться и зажить очень мило и согласно. Попытка отравиться, какъ и дѣвическій романъ учительницы музыки не представляютъ чего-либо существеннаго и необходимаго для уясненія и рѣшенія вопроса. Они нужны автору для развязки его драмы рѣзкими чертами и только. Въ житейскомъ обиходѣ подобныя столкновенія кончаются безъ яда... Какъ бы ни было, пьеса смотрится съ интересомъ, и на томъ благодаримъ покорно,—за послѣдніе годы мы и отъ этого отвыкли, а отъ пьесъ начала нынѣшняго сезона совсѣмъ было пришли въ уныніе.

Г-жа Ермолова и г. Рыбаковъ въ совершенствѣ передали страданія супруговъ, опутанныхъ мелочами, которыя губятъ счастье и людямъ жить не даютъ. Роль г-жи Садовской настолько безцвѣтная, что изъ нея нѣтъ никакой возможности сдѣлать что-нибудь выдающееся. Г-жа Садовская 2-я старательно дѣлала все, что она въ силахъ сдѣлать, но у нея, видимо, недостаетъ средствъ справляться съ такими отвѣтственными ролями. Мы полагаемъ, что прежде, чѣмъ поручать ей такія непосильныя роли, слѣдовало бы дать окрѣпнуть ея дарованію. Гг. Горевъ и Правдинъ воспроизвели достаточно ярко характерныя черты купцовъ новой формаціи, перебалованныхъ большими достатками. Г-жа Правдина была типическою старою служанкой-пронырой, подслушивающею, все перевирающею и всегда готовою пролить слезы преданности тамъ, гдѣ, по ея соображеніянъ, ей это выгодно.

1896 годъ закончился для Малаго театра много благополучнѣе, чѣмъ то предвѣщало прискорбное начало текущаго сезона.

Ан.

Первое квартетное собраніе второй серіи. Робертъ Шуманъ, являясь крупнѣйшимъ представителемъ романтизма въ музыкѣ, въ то же время даетъ намъ возможность судить о немъ какъ о композиторѣ програмной музыки. Если не всѣ шумановскія композиціи носятъ названія, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя его ф.-п. произведенія, то тѣмъ не менѣе сюжетъ въ нихъ чувствуется и напрашивается на поэтическое объясненіе. Звуки для Шумана были не только матеріаломъ для музыкальныхъ образовъ, но и матеріаломъ для передачи его поэтическаго настроенія. Вотъ, вслѣдствіе этой-то особенности шумановскихъ произведеній, и темы, и гармоніи, и музыкальныя формы ихъ пріобрѣтаютъ особый смыслъ и поэтическую своеобразность. Поэтому при исполненіи произведеній Шумана слѣдуетъ обращать вниманіе на поэтическую сторону произведенія и стараться согласовать ее съ музыкальнымъ содержаніемъ. Наши квартетисты мало обращаютъ на это вниманія, отъ этого исполненный ими квартетъ F-dur, соч. 41, прошелъ только безошибочно съ технической стороны, передача же внутренняго содержанія требовала еще весьма многаго. Соната для ф.-п. и скрипки C-moll, соч. 45, Грига. Характерною чертой произведеній Грига служитъ непремѣнное присутствіе норвежской народной мелодіи или въ духѣ ея написанной темы и затѣмъ своеобразность гармонизаціи ихъ. Можетъ быть, вслѣдствіе присутствія народнаго элемента въ григовскихъ произведеніяхъ, ихъ формы изложенія не отличаются необходимою развитостью и гибкостью. Названная соната довольно красиво звучитъ, но эта соната только по названію, такъ какъ разработка ея весьма-таки слабовата; соната же безъ настоящей разработки темъ—это колокольня безъ колоколовъ. Партію ф.-п. исполнилъ г. Корещенко,—этотъ молодой піанистъ-композиторъ ведетъ себя довольно странно: композиціи онъ пишетъ плохія, а на ф.-п. играетъ и того хуже,

тѣмъ не менѣе участвуетъ по своимъ двумъ спеціальностямъ въ квартетныхъ и симфоническихъ собраніяхъ.

Грандіозный по размѣрамъ, богатый по внутреннему содержанію и разнообразію формъ, B-dur'ный квартетъ Бетховена, соч. 130, можетъ быть причисленъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Главная трудность его исполненія заключается въ перемѣнѣ настроеній отъ медленныхъ къ быстрымъ темпо. Эпизоды, которые развиваетъ великій художникъ, имѣютъ не только частичное значеніе, но и въ общемъ представляютъ неразрывное цѣлое. Сыгранъ квартетъ не дурно, хотя распланировка частей требовала болѣе выпуклаго исполненія ихъ.

Въ пятомъ симфоническомъ вечерѣ исполнены были: увертюра «Коріоланъ» Бетховена и чудная по геніальности симфонія G-moll Моцарта. Исполненіе было неудачно и по оттѣнкамъ, и по взятымъ темпо. Въ концертѣ участвовалъ піанистъ Гофманъ, сыгравшій скучный концертъ C-moll, соч. 44,—Сенъ-Санса и двѣ пьесы на бисъ. Сыгралъ онъ все очень хорошо, но впечатлѣніе произвелъ не большое; можетъ быть виноваты тутъ избранныя произведенія. Г-жа Жеребцова спѣла рядъ романсовъ—Бома, Чайковскаго и Римскаго-Корсакова. Голосъ у нея хорошій, поетъ она недурно, но въ исполненіи недоставало музыкальности. Въ этотъ же вечеръ исполнены были: Berceuse А С. Танѣева (не профессора консерваторіи) и восточные танцы изъ оп. «Волна», г. Бларамберга. Первое—очень милое дилетантское произведеніе, убаюкивающимъ образомъ дѣйствующее на слушателя и только изрѣдка нарушающее его покой звономъ колокольчика; второе—тоже дилетантское произведеніе, но очень шумное.

Четвертымъ филармоническимъ концертомъ дирижировалъ г. Шухъ, прекрасный капельмейстеръ. Лучшимъ нумеромъ по исполненію была извѣстная увертюра «Тангейзеръ» Вагнера, которую г. Шухъ провелъ вполнѣ артистически хорошо. Менѣе по исполненію понравилась намъ симфонія D-mol Шумана. Можетъ быть, тутъ отчасти виновато и само произведеніе, мало удовлетворительное какъ оркестровое сочиненіе, но исполненіе въ общемъ отличалось небольшою колоритностью въ оттѣнкахъ, а знаменитый Romanze—Andante sostenuto—въ темпѣ взятъ слишкомъ скоро, а въ оттѣнкахъ грубо. Большою эффектностью отличался по исполненію антрактъ къ оп. «Heimchen am Herd» Гольдмарка, что̀ и было повторено. Но тутъ играли роль, русская тема и веселый темпъ галопа; по внутреннему же содержанію, произведеніе кромѣ инструментовки ничего не имѣетъ. Въ этомъ вечерѣ участвовали пѣвецъ г. Д'Андраде и піанистъ г. Голлидэй.

Г. д'Андраде имѣетъ хорошій голосъ, сценическую фигуру, держится съ апломбомъ; спѣлъ онъ много различныхъ произведеній, но концертному пѣвцу нужно имѣть больше музыкальности и болѣе тонкую фразировку. Піанистъ г. Голлидэй имѣетъ прекрасную технику и мягкое тушэ, но онъ скорѣе піанистъ для небольшихъ салонныхъ произведеній, большія же, вродѣ концертовъ, ему не по силамъ, вслѣдствіе излишней мягкости его игры Концертъ F-moll, Шопена, съ акомпаниментомъ оркестра, прошелъ ни то,

ни сё, а дирижировавшій акомпаниментомъ г. Безекирскій усиливалъ плохую сторону исполненія.

Пятымъ концертомъ филармоническаго общества управлялъ г. Колоннъ. Програма вечера была почти исключительно посвящена французскимъ композиторамъ. Увертюра «Бенвенуто Челлини»—Берліоза—очень колоритное оркестровое произведеніе; но содержаніе его насъ не удовлетворило: мысли и форма ихъ устарѣли. Прекрасный замыселъ дирижора—представить въ исполненіи увертюры яркую и цѣльную картину общаго—не вполнѣ удался, благодаря малой солидарности между нимъ и оркестровыми исполнителями, что можно приписать различнымъ причинамъ. Симфонія (Roma) Бизэ, какъ сказано въ программѣ, принадлежитъ къ первымъ работамъ его въ симфоническомъ жанрѣ. Всѣ четыре части изобилуетъ недурными мыслями, но онѣ мало симфоничны; изложеніе ихъ, формы растянуты, не колоритны, вслѣдствіе чего получается однообразіе. Наиболѣе интересными частями мы находимъ: вторую—Allegro vivace и послѣднюю—Carnaval, по инструментовкѣ. Исполнено въ общемъ все хорошо. Самымъ интереснымъ произведеніемъ, исполненнымъ въ этотъ вечеръ, было «Fragments de Psyché», Цезаря Франка. Этотъ французскій композиторъ сравнительно недавно началъ фигурировать въ программахъ симфоническихъ концертовъ, хотя онъ не изъ молодыхъ и написалъ много различныхъ произведеній. Эти «Fragments de Psyché» написаны на извѣстный классическій сюжетъ объ Амурѣ и Психеѣ. По музыкѣ, это красиво и тонко написанные эпизоды съ прекрасною инструментовкою, очень изящно рисуютъ намъ состоянія — радостной и угнетенной Психеи. Внутренній смыслъ сюжета настолько гармонируетъ съ самою музыкою, что невольно заставляетъ слушателя перенестись въ міръ грёзъ... Очень жаль, что это произведеніе мало извѣстно и исполнялось не все, а въ отрывкахъ. Самое исполненіе насъ не удовлетворило, — тутъ слѣдовала бы болѣе тонкая отдѣлка и большая эфирность какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ исполненія. Балетъ изъ оп. «Генрихъ VIII»—Сенъ-Санса по музыкѣ ничего выдающагося не представляетъ. Эти три пьесы эффектно написаны и отлично инструментованы, но большаго сказать о нихъ нечего. Въ томъ же вечерѣ участвовалъ опять пѣвецъ г. Д'Андраде; мы слышали его на сценѣ, гдѣ онъ вполнѣ у мѣста, а какъ концертный исполнитель на эстрадѣ—онъ насъ не удовлетворяетъ своимъ исполненіемъ ни романсовъ, ни арій.

А. Б.

Изъ литературныхъ наблюденій.

Въ концѣ прошлаго года въ нашей печати велась любопытная и поучительная полемика съ *Московскими Вѣдомостями*; правильнѣе, это была не полемика, а дружный и рѣзкій отпоръ, данный повременными изданіями, безъ различія направленій, новой и чрезвычайно развязной, чтобы не сказать болѣе, редакціи этой газеты. *Моск. Вѣд.* пожелали вторично привести къ присягѣ *Русскія Вѣдомости* и *Вѣстникъ Европы*. *Русскія Вѣдомости* посмѣялись очень зло и презрительно надъ усерднымъ не по разуму охранителемъ, и выходка *Моск. Вѣд.* вызвала общее осужденіе. Характерно въ этомъ отношеніи мнѣніе *Гражданина*. Князь Мещерскій говоритъ про новаго редактора *Моск. Вѣд.* слѣдующее: «будь я на его мѣстѣ, я не обращался бы къ противнику съ такимъ запросомъ: како вѣруете?—ибо: 1) не считалъ бы себя на то вправѣ, а 2) не рѣшался бы подъ вліяніемъ того соображенія, что борьба, такъ поставленная, не равна: ибо если противникъ далъ бы требуемый отъ него отвѣтъ такъ же развязно, какъ его вопрошаетъ г. Грингмутъ, ему пришлось бы пострадать, и сильно пострадать, какъ органу печати, отъ кары за нецензурныя рѣчи».

Петербургскія Вѣдомости въ сильной статьѣ также даютъ суровую отповѣдь *Моск. Вѣд.* Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто, которое дастъ читателямъ ясное понятіе, что въ лицѣ *Петербургскихъ Вѣдомостей* мы имѣемъ дѣло съ честными и просвѣщенными публицистами: «Съ того дня,—говоритъ газета,—когда русскіе консерваторы, по-человѣчески относясь къ своимъ соперникамъ и противникамъ въ сферѣ публицистики (какъ бы злокозненны послѣдніе ни казались), объективнымъ тономъ начнутъ говорить съ ними о конкретныхъ вещахъ, клонящихся ко благу или вреду цѣлокупной Россіи,— съ того дня, когда клеветническіе пріемы, огульныя печатныя обвиненія, выстрѣлы изъ-за угла, да еще изъ кривого ружья, возможность административныхъ каръ либеральнымъ газетамъ за полемику противъ консервативныхъ собратьевъ по профессіи, всякаго рода безнаказанныя келейныя безчинства по отношенію издателей и редакторовъ. —

однимъ словомъ, все то раздражающее и волнующее, что туманитъ теперь лучшіе обще-русскіе идеалы, разсѣется, какъ дымъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что о многомъ можно будетъ столковываться на необъятной Руси представителямъ разнообразнѣйшихъ направленій и убѣжденій».

Петербургскія Вѣдомости справедливо указываютъ далѣе, что Россія можетъ гордиться многими и консервативными, и либеральными именами, что убѣжденный и честный прогрессистъ неизмѣримо предпочтительнѣе эгоистично-неискренняго консерватора. Одно только замѣтимъ мы *Петербургскимъ Вѣдомостямъ:* вотъ именно такіе-то «консерваторы», съ авансомъ и субсидіей, и не послушаютъ добраго совѣта петербургской консервативной газеты. Они органически не могутъ благопристойно относиться къ противникамъ.

Выходка *Моск. Вѣд.*, впрочемъ, не только не благопристойна, но и забавна. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онѣ постоянно твердили, что либерализмъ въ Россіи—явленіе наносное и преходящее, много разъ возвѣщали даже, что русское общество освободилось отъ этой болѣзни, что либерализмъ убитъ и похороненъ. На могилѣ бѣднаго русскаго либерализма *Моск. Вѣд.* производили побѣдоносный танецъ дикихъ,— и что же оказывается? Въ декабрѣ 1896 года отечество въ опасности: «либералы» умножились страшно, захватили въ свои руки земства, города, печать, школу. «Консерваторы» очутились въ ничтожномъ меньшинствѣ, и ихъ бодрость можетъ быть поддержана лишь героическимъ рѣшеніемъ *Моск. Вѣд.* безстрашно и безкорыстно стоять за существующій порядокъ вещей. Какъ же все это случилось? Либерализмъ, стало быть, развивается, либералы живы? Неужели нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ *Моск. Вѣд.* говорили неправду? Для меня одно становится яснымъ: если либерализмъ на чистомъ полѣ задавили, какъ крыловскаго медвѣдя, то, конечно, г. Грингмутъ имѣетъ полное право разсчитывать на клочокъ медвѣжьяго ушка.

Кромѣ дружной отповѣди *Моск. Вѣд.*, необходимо отмѣтить и сужденія о положеніи нашей печати, поводомъ для которыхъ послужила замѣтка г. Суворина въ *Новомъ Времени.* Въ ней говорилось о системѣ предостереженій, которая, «конечно, въ журналистикѣ не можетъ имѣть никого, кромѣ противниковъ». Г. Суворинъ вполнѣ основательно прибавляетъ: «Кто дорожитъ искренностью, кто убѣжденъ, что печать только тогда исполняетъ свою обязанность, когда дѣятели ея могутъ говорить въ предѣлахъ закона, для тѣхъ система предостереженій — давно осужденная система». Г. Суворинъ ставитъ и очень любопытный практическій вопросъ: «переходятъ ли предостереженія къ новому редактору-издателю? Другими словами: князь Ухтомскій, теперешній редакторъ-издатель *С.-Пет. Вѣд.*, и г. Грингмутъ, на-дняхъ ставшій издателемъ-редакторомъ *Моск. Вѣдом.*, имѣютъ ли по два предостереженія, полученныя ихъ предшественниками, или не имѣютъ?» Этимъ вопросомъ заинтересовались и *Моск. Вѣд.*, сочувственно перепечатавшія замѣтку г. Суворина. А г. Гамма вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію г. Суворина о системѣ предостереженій, напоминаетъ, что «за-

конъ 6 апрѣля 1865 года былъ изданъ въ видѣ «временныхъ правилъ», впредь до введенія Судебныхъ Уставовъ. Въ настоящее время и Судебные Уставы подвергаются уже пересмотру, а «временныя правила» о печати продолжаютъ дѣйствовать съ тѣми временными же дополненіями, которыя окончательно устранили всякую «законность» въ отношеніяхъ къ печати». Кончаетъ свою статью г. Гамма такими словами: «Неужели настоитъ какая-либо надобность сохранять это «временное положеніе» въ Россіи, неужели русская печать и русская литература недостойны той законной охраны и того довѣрія, которыя господствуютъ во всей Европѣ, во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ? Мы очень хорошо сознаемъ, откуда исходили у насъ преобразованія и улучшенія. Къ этому источнику добра обращаемъ мы свои упованія и въ настоящемъ случаѣ. Не Государю и не Россіи можетъ повредить свободное русское слово!»

Извѣстно, что надежда—кроткая посланница небесъ, и мы не хотимъ, не можемъ потерять этой надежды. Пусть она согрѣваетъ насъ въ наступившемъ году, пусть рушится привилегированное положеніе для лицемѣрія и наглости!

Конечно, бросать такія обвиненія противникамъ возможно лишь съ величайшею осторожностью, отнюдь не заглядывая назойливо и неосновательно въ душу противника. Но подобныя обвиненія произносить можно и должно, когда имѣются на лицо факты. Не правъ ли я, напримѣръ, если буду обвинять *Моск. Вѣд.* за слѣдующее. Какъ извѣстно, газета распинается за нашу самобытность. Г. Грингмутъ, — недавній иностранецъ, — такъ глубоко, по его мнѣнію, постигъ духъ русскаго народа и смыслъ нашего историческаго призванія, что считаетъ долгомъ относиться къ политическому опыту и учрежденіямъ европейскаго Запада довольно презрительно. Но вотъ что происходитъ съ *Моск. Вѣдом.* Нужно имъ укорить Западную Европу, увѣрить читателей, что тамъ все расшатано и гибнетъ, подвертывается подъ руку такой писатель, какъ Максъ Нордау, и газета указываетъ на него, какъ на признакъ вырожденія, называетъ его «аберраціей талантливости». Но вотъ *Варшавскій Дневникъ* нашелъ у Нордау дифирамбы Русскому государству, и *Моск. Вѣд.* вмѣстѣ съ этою газетой производятъ названнаго западно-европейскаго космополита и нигилиста въ *авторитетный голосъ* *). Другой примѣръ. Когда чествовали сорокалѣтіе со дня кончины Грановскаго, *Моск. Вѣд.* отнеслись къ памяти знаменитаго профессора холодно и даже пренебрежительно, а теперь выбиваются изъ силъ, доказывая (и, конечно, безуспѣшно), что «либералы» не имѣютъ права считать Грановскаго вполнѣ своимъ. Какъ мы будемъ вѣрить въ искренность людей, которые поступаютъ такимъ образомъ?

Будемъ надѣяться, что наступившій годъ принесетъ нашей публицистикѣ что-либо радостное, внесетъ сдержанность въ полемику, устранитъ *охранительные* подвохи. Покуда онъ принесъ намъ много изданій безъ

---

*) *Моск. Вѣдомости* 28 декабря.

предварительной цензуры, чего у насъ давно не бывало. Шлемъ всѣмъ имъ—и друзьямъ, и противникамъ—наше привѣтствіе и желаніе долго и честно поработать надъ рѣшеніемъ вопросовъ, все чаще и настойчивѣе задаваемыхъ усложняющеюся жизнью нашего общества. Въ Петербургѣ съ новаго года открылась даже собственная *Сибирь*, «политическо-литературная и общественная газета, посвященная интересамъ всей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей». Такая газета имѣетъ полное право на существованіе, въ особенности теперь, съ проведеніемъ велико-океанской дороги. Редакція въ передовой статьѣ подробно останавливается на значеніи областной печати вообще и сибирской въ особенности. «Правовыя условія гражданственности сибирскаго населенія,—говоритъ газета,—можно съ увѣренностью думать, находятся въ болѣе безотрадномъ состояніи, чѣмъ у жителей другихъ окраинъ. Существующія отжившія дореформенныя учрежденія не въ состояніи вдохнуть жизнь и дать свободную дорогу къ прогрессу» *).

Вполнѣ соглашаясь съ новымъ собратомъ, мы замѣтимъ, что въ Европейской Россіи провинціальная печать достигла уже значительнаго развитія. Многія изъ губернскихъ газетъ издаются съ большимъ знаніемъ дѣла, редактируются талантливо, выдвигаютъ значительныя мѣстныя литературныя силы. Мы не будемъ называть лучшихъ изъ этихъ изданій, — они пользуются заслуженнымъ успѣхомъ,—и скажемъ только, что явленіе это въ высшей степени утѣшительно. Не зная главнѣйшихъ провинціальныхъ газетъ, теперь нельзя правильно судить о теченіяхъ русской общественной мысли, о духовномъ ростѣ, объ юридическихъ и экономическихъ нуждахъ Россіи. Въ послѣднюю четверть вѣка областная печать выросла въ крупную и благотворную общественную силу. Ея значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ значеніе петербургской и московской печати. Она ближе стоитъ къ живымъ, непосредственнымъ нуждамъ населенія, она чаще столичной печати должна затрогивать интересы не юридическихъ, а подлинныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ администраціи, въ земствѣ и т. д. Столичная печать начинаетъ считаться съ мнѣніями провинціальной. Не знаю, какъ Петербургу, а Москвѣ,—новой, быстро растущей Москвѣ,—все это въ высшей степени утѣшительно. Москву не безъ пренебреженія называютъ самою большою въ Россіи деревней, и въ этомъ есть значительная доля правды. И вотъ мы, московскіе мужики, радуемся, когда растетъ деревня—Саратовъ, деревня—Казань, деревня—Нижній, всѣ деревни Великой, Малой и Бѣлой Россіи...

Оживленная, плодотворная работа идетъ и въ народныхъ школахъ въ глубинѣ нашей провинціи, въ особенности, конечно, земской. Иногда представляется литературному наблюдателю возможность заглянуть въ эту лабораторію новой Россіи: выходитъ изслѣдованіе или отчетъ по учебному дѣлу въ народной школѣ, и передъ вами встаютъ не разрозненныя усилія отдѣль-

*) *Сибирь*, 1 января 1897.

ныхъ учителей и учительницъ, а картина достигнутыхъ уже общихъ результатовъ и назрѣвшихъ потребностей. Къ числу такихъ изданій принадлежатъ *Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери 1896 г.* Д. И. Тихомирова *). О чрезвычайно интересныхъ педагодическихъ вопросахъ, подымавшихся и обсуждавшихся на курсахъ, я говорить не стану: это—дѣло спеціалиста. Но *Записки* представляютъ и значительный общій интересъ для каждаго, кому дороги судьбы русскаго просвѣщенія.

На курсахъ участвовало до двухсотъ учителей и учительницъ. «Основнымъ вопросомъ, не сходящимъ съ очереди во все время занятій на курсахъ, былъ интересующій всѣхъ въ настоящее время вопросъ о томъ, какое образовательное и воспитательное (въ примѣненіи къ жизни) значеніе имѣетъ каждый изъ предметовъ школьнаго ученія, какія занятія и умѣнья должны быть признаны для будущей жизненной дѣятельности учениковъ плодотворными и какія базплодными» **).

Составитель *Записокъ* говоритъ, что крестьяне оцѣнили гуманное значеніе школы, что кончившіе въ ней курсъ вносятъ новыя добрыя понятія въ семью и общественную среду. «Всѣ приглашенные на курсы учительницы и учителя отнеслись къ дѣлу курсовъ съ полною серьезностью и глубокимъ интересомъ».

Сдвинулась съ трехъ китовъ матушка-Русь.

О. Т. В.

---

*) Отмѣтимъ кстати, что доходъ съ этой книги назначенъ въ пользу Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ Тверской губерніи. Стоитъ книга 1 руб.

**) По этому поводу вспоминаю, что мнѣ недавно показывали копію съ документа, который я считаю апокрифическимъ,—такъ онъ изумителенъ: въ немъ строго предписывалось учить въ воскресныхъ школахъ *исключительно механическому чтенію*, а за толковое и выразительное обѣщаны наказанія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь. 1897 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, автобіографіи и біографіи.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтскаго чтенія.—Изданія для народа. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *декабрь.*—«Русское Богатство», *ноябрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *декабрь.*—«Образованіе», *1896 г.*—«Дѣтскій Отдыхъ», *май — декабрь.*—«Дѣтское Чтеніе», *февраль 1896 г.—январь 1897 г.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1896 г. по 1 января 1897 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова“. Изд. второе.—„Полное собраніе соч. кн. Вяземскаго“.—„Бояре Стародубскіе“. Истор. романъ *А. В. Щепкиной.*—„Стихотворенія кн. Кугушева“.

Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова. Изданіе второе съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1896 г. Первымъ изданіемъ *Сочиненія* Н. С. Лѣскова вышли въ свѣтъ въ 1889—90 гг. при жизни автора въ десяти томахъ; дополнившіе это изданіе томы помѣчены: одиннадцатый—1893 годомъ, двѣнадцатый—1896 г. Когда выходило первое изданіе, нами были даны отзывы о произведеніяхъ Лѣскова въ *Библіографическомъ отдѣлѣ,* о первыхъ пяти томахъ въ августовской книгѣ *Русской Мысли* за 1889 г., о послѣдующихъ пяти — въ сентябрьской за 1890 г. Просмотрѣвши новое изданіе г. Маркса, мы очень немногое можемъ добавить къ высказанному нами въ двухъ указанныхъ статьяхъ при жизни знаменитаго писателя. Въ *Критико-біографическомъ очеркѣ,* напечатанномъ въ первомъ томѣ второго изданія, г. Сементковскій говоритъ, что „духовный обликъ Лѣскова, своеобразность котораго всѣ чувствуютъ, не отмѣченъ и не разъясненъ еще никѣмъ“. И затѣмъ „пытается“ установить его умственный обликъ, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній“. Въ нашей оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ произведеній Лѣскова мы, такъ же точно, держались совершенно въ сторонѣ отъ какой-либо „партійности“, не отступимъ и теперь, по разумѣнію нашему, отъ полнаго и самаго искренняго безпристрастія, во многомъ соглашаемся съ г. Сементковскимъ, но нѣкоторые его выводы,—притомъ основные,—не можемъ признать правильными, а потому находимъ, что не совсѣмъ ясенъ и вѣренъ представленный въ его очеркѣ „умственный обликъ“ Лѣскова. Очеркъ этотъ не столько „критико-біографическій“, сколько „критико-апологетическій“, написан-

ный какъ бы въ защиту автора романовъ *Некуда* и *На ножахъ*,— тѣхъ, именно, произведеній, которыя вызывали наибольшія осужденія съ одной стороны и восхваленія съ другой въ нашихъ такъ называемыхъ партіяхъ. Г. Сементковскій говоритъ: „Лѣсковъ въ этомъ вопросѣ („куда“ идти) является единомышленникомъ Писемскаго, Достоевскаго, Гончарова и Тургенева, которые въ своихъ романахъ: *Взбаломученное море, Бѣсы, Обрывъ* и *Новь*, высказались въ томъ же смыслѣ. Лѣсковъ вслѣдствіе своего знакомства съ жизнью одинъ изъ первыхъ въ прекрасномъ художественномъ произведеніи указалъ путь, признанный вѣрнымъ такими писателями, которые составляютъ гордость нашей литературы“. Романъ *Некуда* мы считаемъ такимъ же „непрекраснымъ“ произведеніемъ, какъ *Взбаломученное море*, и думаемъ, что названные г. Сементковскимъ остальные два романа (*Новь* мы, конечно, исключаемъ) никому не даютъ повода гордиться и навсегда останутся, вмѣстѣ съ романами *На ножахъ* и *Некуда*, достойными прискорбія памятниками того, что крупнѣйшіе изъ русскихъ писателей невнимательно или недоброжелательно отнеслись къ людямъ, дерзавшимъ разно отъ нихъ мыслить. Г. Сементковскій не разъ настаиваетъ на томъ, что Лѣсковъ „въ дѣтствѣ и въ молодости убѣдился, что, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, воодушевленный чувствомъ дѣятельной любви къ ближнему можетъ сдѣлать очень много добра...“ „Настроеніе же русскаго общества, — продолжаетъ авторъ очерка, — было въ значительной степени противоположное: оно исходило изъ убѣжденія, что и хорошій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать добраго при неблагопріятныхъ условіяхъ, что благопріятныя условія родятъ хорошихъ людей. Это было глубокое несоотвѣтствіе взглядовъ: для нашего общества центръ тяжести вопроса лежалъ въ надлежащихъ мѣропріятіяхъ; для Лѣскова—въ хорошихъ людяхъ или, какъ онъ ихъ называлъ, *праведникахъ*...“ Въ этомъ-то и заключается ошибка Лѣскова и тѣхъ, кто продолжалъ думать, какъ онъ думалъ. Никто и никогда „въ нашемъ обществѣ“ не сомнѣвался въ томъ, что „хорошіе люди“, „праведники“ могутъ дѣлать много добра, и доказывать вѣрность этого положенія не было надобности. И положеніе это, и доказательства такого рода никогда не разубѣдятъ общество въ необходимости мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію „неблагопріятныхъ условій“. Общество останется убѣжденнымъ въ томъ, что, при „неблагопріятныхъ условіяхъ“, всему обществу и каждому обывателю въ отдѣльности, даже самому большому „праведнику“, жить не хорошо, а возлагать надежды на добрыя дѣла „праведниковъ“ — не умно. Сами по себѣ указанія на „праведниковъ“ хороши и полезны. Но когда вопросъ ставится такъ, какъ это дѣлаетъ г. Сементковскій, уясняя „умственный обликъ“ Лѣскова, такія указанія могутъ принести только вредъ самимъ „праведникамъ“, не-праведникамъ и всему обществу, такъ какъ подобныя указанія спутываютъ понятія и всѣхъ сбиваютъ съ толку перенесеніемъ центра тяжести съ устойчивыхъ основаній „благопріятныхъ условій“ на ненадежныя и часто безсильныя личныя добродѣтели. Что бы ни говорили очень большіе писатели,—Лѣсковъ и гр. Л. Н. Толстой, на котораго тоже ссылается авторъ очерка,—общество не перестанетъ вѣрить тому, что „благопріятныя условія“ *родятъ* хорошихъ людей, воспитываютъ добрыя чувства, сдерживаютъ дурные инстинкты, помогаютъ самимъ праведникамъ проявлять свою дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это возможно при условіяхъ неблагопріятныхъ, устранить которыя, слѣдовательно, жела-

тельно, необходимо и никакъ нельзя безъ „мѣропріятій“. Общество или извѣстная часть общества искренно вѣрила въ спасительность того, что г. Сементковскій называетъ „мѣропріятіями“, пламенно желала измѣненія къ лучшему своихъ условій жизни, много усилій, самыхъ честныхъ, было употреблено на это не менѣе безкорыстно и самоотверженно, чѣмъ то дѣлали „праведники“ въ своемъ крошечномъ кружечкѣ. Лѣсковъ, которому біографомъ приписывается очень большое „знаніе жизни“ всѣхъ слоевъ русскаго общества, не замѣтилъ или не понялъ того, что дѣлалось въ тѣхъ кружкахъ, изъ которыхъ онъ такъ охотно выбиралъ отрицательные типы и нелѣпыя дѣянія, не только осмѣивая ихъ, но и предавая поруганію. Своихъ праведниковъ,—говоритъ біографъ,—„онъ беретъ изъ всѣхъ сферъ жизни“... кромѣ одной,—вынуждены мы добавить,—именно той, которую онъ считалъ зараженною многими „общественными недугами, въ томъ числѣ склонностью увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣрными съ жизнью“,—какъ говоритъ г. Сементковскій. И пусть „считалъ“,—упрекъ Лѣскову дѣлался и будетъ дѣлаться не за это, а за то, что вездѣ онъ разыскивалъ и находилъ, блестяще изображалъ „праведниковъ“, крестьянъ, солдатъ, купцовъ, священниковъ, помѣщиковъ, инженеровъ, квартальныхъ, скомороховъ и т. д., и лишь изъ одной „сферы“,—увлекающихся,—выбиралъ и противопоставлялъ имъ самыхъ худшихъ или неразумныхъ. Вслѣдствіе этого, общая картина пятидесятилѣтія русской жизни, изображенная въ собраніи его сочиненій, представляется невѣрною, написанною на двѣ половины: на одной—„неблагопріятныя условія“ и „праведники“, спасающіе свои души добрыми дѣлами, облегчающими горькое положеніе случайно попадающихъ имъ на глаза несчастныхъ, гибнущихъ отъ такихъ „условій“; на другой—легкомысленные, глупые или негодные люди, увлекающіеся фразами и теоріями, „несоразмѣрными съ жизнью“. Самая же „несоразмѣрность“ такъ и осталась недоказанною и даже неуказанною Лѣсковымъ. Біографъ-критикъ сводитъ все къ тому, что Лѣсковъ съ начала и до конца жизни „проповѣдывалъ“ одно: „спасаетъ не теорія, не идея, а живое дѣло, направленное къ обезпеченію блага ближняго“. Кого же, однако, спасаетъ такое дѣло? Совершающаго его и того, ради кого оно совершено, но никого не спасаетъ отъ повторенія такихъ приключеній, отъ которыхъ приходится спасать не одного, а очень многихъ, чего не было бы никакой надобности дѣлать, еслибы разумная теорія и благая идея, основательно приложенныя къ жизненной практикѣ соотвѣтствующими мѣропріятіями оградили все общество отъ опасности, грозящей каждому обывателю. Сопоставляя міросозерцаніе Лѣскова съ идеями, которыя проповѣдуетъ гр. Толстой, г. Сементковскій указываетъ на существенное различіе ихъ взглядовъ въ томъ, что Лѣсковъ „нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни“. Это вѣрно, но отъ этого никому не легче, такъ какъ оба они, рѣзко отрицая пригодность теорій и идей, которыя имъ не нравятся, подставляютъ на ихъ мѣсто идеи и теоріи, которыя они считаютъ спасительными и непогрѣшимыми. Проповѣдь Лѣскова сводится къ одному: „не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло...“—т.-е. такое, которое проповѣдникъ считаетъ „настоящимъ“. Чѣмъ же это не теорія и не идея? Почему она лучше, чѣмъ теорія и идеи, которыя Лѣсковъ отвергалъ съ такимъ презрѣніемъ, объявляя ихъ „несоразмѣрными съ жизнью“? Критикъ настаиваетъ на томъ, что цѣлый рядъ

произведеній Лѣскова „посвященъ указанію на то, что въ прежней дореформенной Россіи можно было многое сдѣлать“... — и что, „исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли *новые люди* для такого живого дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество сказать это *новымъ людямъ* прямо въ лицо“. Не имѣя ни малѣйшаго желанія отрицать или умалять „мужество“ такого крупнаго писателя, какъ Лѣсковъ, мы остаемся при нашемъ прежнемъ мнѣніи, высказанномъ въ указанныхъ нами выше нашихъ отзывахъ: увлекаясь своими идеями и отдаваясь своему скептицизму, Лѣсковъ очутился въ сторонѣ отъ тогдашнихъ „новыхъ людей“,—вслѣдствіе нѣкоторыхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, не сблизился съ ними, а потому не имѣлъ возможности „изучить дѣйствительность“, проходившую мимо него, и лишь случайно сталкивался, отмѣчая ихъ, съ худшими представителями кружковъ, противъ которыхъ успѣло тогда уже сложиться предубѣжденіе людей, считавшихъ всякое новшество измышленіемъ злокозненной фантазіи. Все нами сказанное ни на одну линію не умаляетъ огромнаго таланта Лѣскова, ни значенія его произведеній, и сказано нами лишь затѣмъ, чтобъ отдѣлить въ нихъ дѣйствительно прекрасное отъ ошибочнаго, превознесеннаго г. Сементковскимъ.

Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. XII, 1863—1877 гг. Спб., 1896 г. Предпринятое уже очень давно гр. С. Д. Шереметевымъ изданіе сочиненій кн. Вяземскаго, повидимому, доведено до конца. Послѣдній томъ вышелъ послѣ такого большого промежутка, что первые томы успѣли сдѣлаться большой библіографической рѣдкостью, такъ что ихъ очень не мѣшало бы перепечатать (въ особенности первый).

Старческимъ брюзжаніемъ и немочью вѣетъ отъ большинства помѣщенныхъ въ этомъ томѣ стихотвореній. Плохо разбирается одряхлѣвшій поэтъ во впечатлѣніяхъ чуждой ему и мало понятной дѣйствительности.

„Прекрасному либералу“, напримѣръ, онъ читаетъ такое наставленіе:

Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылкѣ,
Ты за семьдесятъ лѣтъ перескочилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ новизной своей ты только-что заплата
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата (13).

Вотъ что сказано „о нашихъ нигилистахъ (avec circonstances atténantes)“:

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ.
На нѣтъ—нѣтъ и суда: плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ,—
Тутъ по неволѣ будешь нигилистомъ (ibid.).

Браня настоящее, кн. Вяземскій сильно идеализируетъ прошлое:

А чуднымъ пламенемъ кипѣли
Тѣ незабвенные года!
Любили, вѣровали, пѣли
Жрецы прекраснаго труда;
Мечтой возвышенною жили
И, отрѣшась отъ узъ земныхъ,
Предъ чистымъ алтаремъ служили,
И чисты были жертвы ихъ (стр. 51—62).

Попадаются кое-гдѣ искорки прежняго поэтическаго дара. О байронизмѣ, напримѣръ, кн. Вяземскій вспоминаетъ такъ (стр. 61):

Нашъ, два поколѣнья наши
Имъ бредили. И старъ, и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струею сладкій медъ и ядъ.
Всѣ, кто растрепанный, кто блѣдный,
Въ корсары лѣзъ; но море гдѣ?
И, за неимѣньемъ моря, бѣдный
Барахтался въ своемъ прудѣ.
Съ нимъ каждый былъ суровъ и хладенъ,
Таинственъ и непостижимъ,
Разочарованъ, безпощаденъ,
И другъ людей, и нелюдимъ.
Борьбы страстей и взоръ пытливый,
Чтобъ съ таинствъ всѣхъ покровъ совлечь,
И сердца вопль краснорѣчивый,
И саркастическая рѣчь.
. . . .
И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,
Пока, не сбросивъ гнетъ условный,
Самъ твердымъ шагомъ зашагалъ.

Недурны слѣдующіе стихи (стр. 373).

Сфинксъ неразгаданный до гроба,—
О немъ и нынѣ спорятъ вновь:
Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ
И презиралъ онъ человѣка,
И человѣчество любилъ.

Интересно, кого имѣлъ въ виду поэтъ, дѣлая эту сжатую и мѣткую характеристику!

Трудно не согласиться со словами „Эпитафіи себѣ заживо“ (439):

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя какъ мертваго оплакиваю я.
На мнѣ болѣзни и печали
Глубоко врѣзанъ тяжкій слѣдъ:
Того, кого вы знали,
Того ужъ Вяземскаго нѣтъ.

Къ этому тому приложенъ прекрасный портретъ кн. Вяземскаго въ старости.

Бояре Стародубскіе. Историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. А. В. Щепкиной. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Историческіе романы вездѣ читаются съ большимъ интересомъ. Въ нихъ публика ищетъ того, чего не даетъ ей самая многотомная и подлинная исторія,—ищетъ картинъ быта прошедшихъ временъ, разсказовъ о нравахъ и обычаяхъ предковъ, повѣствованій о жизни ихъ въ связи съ событіями данной эпохи, представленія въ живыхъ образахъ извѣстныхъ историческихъ личностей, выясняемыхъ тѣмъ, что составляетъ анекдотическую сторону исторіи. За полною достовѣрностью тутъ никто не гонится. Анекдоты могутъ быть апокрифическими и даже прямо вымышленными, хотя бы самимъ авторомъ. Но отъ историческаго романа требуется, прежде всего, чтобы бытъ, нравы, обычаи и

міросозерцаніе были воспроизведены авторомъ вѣрно и въ возможной подробности. Само собою разумѣется, читателю желательно и полезно имѣть въ такихъ романахъ правдиво и ярко написанные портреты выдающихся дѣятелей, какъ въ общественной, такъ и въ частной домашней жизни. Въ нашей литературѣ блестящими образцами такихъ произведеній служатъ *Капитанская дочка*, *Князь Серебряный*, *Война и миръ*. Для того, чтобы написать историческій романъ, автору недостаточно имѣть талантъ, нужны еще большія знанія, необходимо очень тщательное изученіе того времени, которое онъ задумываетъ изобразить. У сочинительницы романа *Бояре Стародубскіе* ничего этого нѣтъ, ни таланта, ни знанія, ни пониманія того, что требуется отъ историческаго повѣствованія, написаннаго въ беллетристической формѣ. Произведеніе г-жи Щепкиной свидѣтельствуетъ только объ очень большой смѣлости, доводящей людей до наивныхъ „покушеній съ негодными средствами". Фигуры историческихъ лицъ: царя Ѳеодора Алексѣевича, царевны Софьи, бояръ Матвѣева, Рамодановскаго и Симеона Полоцкаго проходятъ въ романѣ совершенно безформенными тѣнями и, притомъ, ни на что не нужными, такъ какъ на ходъ романа они не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія. Главныя дѣйствующія лица, отецъ и сынъ Стародубскіе и семья Талочановыхъ, написаны по трафаретамъ однотонными, уныло-блѣдными красками. Казаки и казачки, съ которыми сходится герой романа Алексѣй Стародубскій во время похода къ Чигирину,— просто, жалости достойны за свою полную безцвѣтность... По части бытовыхъ подробностей дѣло обстоитъ до крайности плохо, мѣстами даже совсѣмъ неблагополучно. Для примѣра укажемъ на такіе курьезы: „Молодой бояринъ, одѣтый въ объяренную ферезь, и въ парчевой шапочкѣ, обшитой мѣховымъ околышемъ, стоялъ передъ Талочановой", старой боярыней, хозяйкой дома, принимающей гостей въ своихъ „покояхъ". Боярышни подносятъ ему съ поклонами кубокъ меда, а молодой бояринъ „оправляетъ на себѣ ферезь и шапочку на головѣ"... „На головѣ у боярышни была *кика*"... Близъ Кіева бояринъ Алексѣй Стародубскій „вошелъ въ просторную избу постоялаго двора и спросилъ чего-нибудь на ужинъ. Алексѣю предложили выпить сначала *кофе*, къ которому онъ началъ уже привыкать, проѣзжая по городамъ, бывшимъ недавно подъ властью Польши"... Вотъ такъ Украйна, вотъ такъ жидовская корчма! Бояринъ Алексѣй попиваетъ кофе, привыкъ уже къ нему въ 1675 году. Въ Гамбургѣ первая кофейная открыта въ 1679 г., въ Берлинѣ первая кофейная открыта въ 1721 г., въ Парижѣ—въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка... Евреи-шинкари въ малороссійскихъ степяхъ опередили съ кофеемъ всѣ столицы Европы. Романъ г-жи Щепкиной представляетъ собою отличный образецъ того, какъ не слѣдуетъ писать историческіе романы.

Стихотворенія. Князь А. П. Кугушевъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к. Стихотворенія князя Кугушева появлялись въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Русскомъ Обозрѣніи* и въ другихъ изданіяхъ. Это уже свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ *гражданскою музой*. И дѣйствительно, въ изящно изданномъ томѣ стихотвореній князя А. П. Кугушева мы видимъ то родные пейзажи въ полутонахъ, то жалобы на несчастную любовь, то меланхолическіе вздохи о потерянномъ или недоступномъ счастьи. Въ книгѣ, кромѣ лирическихъ стихотвореній, напечатано нѣсколько поэмъ. Иногда у автора вырываются бодрые и даже горделивые звуки. Онъ говоритъ, напримѣръ:

Я пронесу спокойно въ вѣчность
Любовь всесильную мою,
И вѣру въ свѣтъ и человѣчность
Невѣрьемъ я *не* замѣню.
Такъ нерушимой мощью полный
Отъ вѣка созданный гранитъ,
Встрѣчая яростныя волны,
Ихъ дерзкой злобѣ предстоитъ.

Но преобладающее большинство стихотвореній князя А. П. Кугушева не оправдываетъ его самовольнаго сравненія съ гранитомъ и отъ многихъ изъ нихъ дышетъ тихою грустью и даже уныніемъ, а уныніе — плохая сестра лирической, да и всякой другой музѣ. Мы желали бы автору побольше бодрости, за которою явилось бы и побольше яркости.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи", *ноябрь—декабрь.* — „Философскій Ежегодникъ". *Я. Колубовскаго.* —„Сборникъ, изданный къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана".—„Лѣтнія колоніи московскихъ городск. начальныхъ школъ". Отчетъ 1895 г.

Вопросы Философіи и Психологіи, *ноябрь — декабрь.* Послѣдняя книга московскаго философскаго журнала за 1896 годъ открывается рѣчью предсѣдателя психологическаго общества Н. Я. Грота *О жизни и личности Декарта* *). Авторъ признаетъ великаго французскаго мыслителя „отцомъ того новѣйшаго идеалистическаго раціонализма, который выразился, между прочимъ, и въ общественной и политической борьбѣ европейскихъ народовъ за идеалы права, человѣчности и свободы".

Весьма поучительна статья В. К. Рота: *Нейрастенія и лѣность.*

„Однажды,— такъ начинаетъ авторъ,— я пытался замолвить слово директору высшаго учебнаго заведенія за одного воспитанника, которому грозило исключеніе по случаю невыдержанныхъ экзаменовъ. Онъ— нейрастеникъ, утверждалъ я, здоровье его поправится и занятія пойдутъ какъ слѣдуетъ. Онъ — лѣнтяй, увѣрялъ директоръ, и все равно никогда не кончитъ курса". Къ сожалѣнію, такой отвѣтъ далеко не исключеніе, и большинство нашихъ педагоговъ лишено самыхъ элементарныхъ естественно-научныхъ свѣдѣній и склонно пренебрежительно относиться къ совѣтамъ врача.

Кончаетъ свою статью В. К. Ротъ словами, которыя мы съ особенною радостью привѣтствуемъ: „Пусть нейрастеники знаютъ,—говоритъ почтенный авторъ,—что хорошій умственный багажъ, привычка къ работѣ, чистая совѣсть и любовь къ ближнему представляютъ собою такую динамогенизирующую силу, которая можетъ расшевелить самую неподвижную нервную клѣтку!" Въ этихъ словахъ звучитъ научный *идеалистическій раціонализмъ* конца XIX вѣка.

С. Н. Булгаковъ въ статьѣ *О закономѣрности соціальныхъ явленій* пытается дать философское обоснованіе теоріи экономическаго матеріализма, но это ему не удается. Авторъ „отказывается мыслить соотношеніе между хозяйствомъ и правомъ по принципу цѣли,—оно впол-

---

*) На русскомъ языкѣ о Декартѣ есть книга Фулье *Декартъ*, въ переводѣ г-жи Татариновой, очеркъ г. Паперны (въ біографической библіотекѣ Ф. Ѳ. Павленкова) и сочиненіе г. Любимова: *Философія Декарта.*

нѣ укладывается въ категорію причинности". Но этотъ отказъ имѣетъ только субъективную обязательность, и весь историческій ходъ развитія человѣчества преимущественно тѣмъ и характеризуется, что цѣлесообразныя соотношенія и учрежденія все болѣе и болѣе замѣняютъ собою отношенія стихійныя, давая возможность сознательной координаціи общественныхъ силъ. Редакція *Вопросовъ Философіи и Психологіи* даетъ мѣсто статьямъ всѣхъ направленій мысли, иногда оговариваясь о своемъ несогласіи съ авторомъ. Такую оговорку сдѣлала она и относительно статьи г. Булгакова.

Въ журналѣ напечатаны, кромѣ того, статьи В. С. Соловьева, князя С. Н. Трубецкого, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго. Богатое и разнообразное содержаніе книжки пополняется превосходнымъ критико-библіографическимъ отдѣломъ. Въ приложеніи печатаются протоколы психологическаго общества и *Записки психологической лабораторіи* (психіатрической клиники Московскаго университета). Заглавіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію. Такъ, напримѣръ, въ *Запискахъ лабораторіи* напечатано *Введеніе въ изученіе психологіи* г. Токарскаго. Надо принять въ разсчетъ, что напечатано это введеніе даже не въ началѣ записокъ, которыя давно ведутся, а въ послѣдней книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи*. Для большинства читателей это мало доступный и полусырой матеріалъ. Мы не понимаемъ утвержденія г. Токарскаго, будто философія должна вѣчно довольствоваться *чистымъ умозрѣніемъ*. Странно это слышать послѣ трудовъ Конта, Милля, Спенсера...

Философскій ежегодникъ. Я. Колубовскій. Годъ второй 1894 г. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. М., 1896 г. Г. Колубовскій въ своемъ „Обзорѣ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ", обнаруживаетъ изумительную энергію. Онъ роется не только въ крупныхъ столичныхъ изданіяхъ, но и во множествѣ провинціальныхъ, слѣдитъ за журнальною полемикою и т. д. Его *Ежегодникъ*—драгоцѣнная справочная книга. Составитель, однако, не ограничивается справками, а высказываетъ и свои мнѣнія, иронизируетъ и полемизируетъ. Такъ очень больно достается отъ него нѣкоему г. Евгенію Боброву, новоявленному философу въ Юрьевѣ. Можно только пожалѣть, что, имѣя въ виду полноту свѣдѣній, Я. Н. Колубовскій вводитъ иногда въ *Философскій Ежегодникъ* ужъ очень большіе пустяки (въ книгѣ 1136 отзывовъ). Систематическій перечень облегчаетъ справки.

Сборникъ, изданный къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана, подъ ред. А. І. Степовича. Кіевъ, 1896 г. Мы считаемъ необходимымъ указать на этотъ *Сборникъ* не только въ виду его нѣкоторой литературной цѣнности (въ изданіе входятъ, напримѣръ, статьи г. Чубинскаго *Объ обратномъ дѣйствіи уголовнаго закона*, г. Степовича *О Шафарикѣ* и др.), но преимущественно потому, что получаемъ возможность, воспользовавшись нѣкоторыми указаніями юбилейной книги, напомнить читателямъ объ успѣшномъ существованіи единственнаго въ своемъ родѣ средняго учебнаго заведенія, во многомъ не похожаго на другія казенныя гимназіи и училища въ Россіи.

Коллегія Павла Галагана основана въ 1871 г. и открыта 1 октября того же года послѣднимъ представителемъ стараго малорусскаго рода Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ, впослѣдствіи (съ 1882 г.) членомъ государственнаго совѣта. Г. Галаганъ, воспитанникъ не безъизвѣстнаго Москвѣ, да и всей Россіи, Ѳ. В. Чижова, окончилъ юри-

дическiй факультетъ С.-Петербургскаго университета въ 1840 г., но чиновничьей службы не несъ. Самъ онъ, по своему характеру, убѣжденiямъ и дѣятельности представлялъ оригинальнѣйшее и симпатичное явленiе среди не только южно-русской, но и обще-русской аристократiи. Славянофилъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, украйнофилъ, какъ мѣстный человѣкъ, любившiй свой народъ за его многострадальную исторiю, величiе историческаго духа, чудную, безыскусственную поэзiю и высоко-человѣчные идеалы, Г. П. былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей освободительнаго перiода конца 50-хъ и начала 60-хъ гг. Никогда и впослѣдствiи онъ не отступалъ отъ своихъ опредѣленныхъ убѣжденiй и не прекращалъ своей общественной работы, значительно тяготясь, особенно въ послѣднее пятилѣтiе своей жизни, перерывами въ томъ трудѣ для своей родной земли, который, за частымъ пребыванiемъ Г. П. далеко отъ близкихъ ему интересовъ, терялъ свою интенсивность и значенiе. Въ освобожденiи крестьянъ, въ дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ быта, въ широкомъ распространенiи образованiя, въ судебной реформѣ, въ научно-литературномъ движенiи юга онъ принималъ дѣятельное и разнообразное участiе до самой своей смерти (1888 г.).

Въ 1869 г. у Г. П. умеръ единственный сынъ, Павелъ, юноша 16 лѣтъ. Родъ Галагановъ прекращался, а важнѣе всего, прекращались тѣ тенденцiи и падали тѣ надежды на продолженiе дѣла Г. П., какiя питалъ отецъ и какiя поддерживали его въ нелегкой у насъ общественной честной дѣятельности. Въ память этого сына, желая создать что-либо прочное и новое въ сферѣ общественнаго образованiя, заботясь о томъ, чтобы не прекратилось то общественное движенiе, которое должно было, по мнѣнiю Григорiя Галагана, жить для лучшаго будущаго нашего отечества, Галаганомъ основана коллегiя на пожертвованныя имъ суммы для всего обзаведенiя школы и поддержки ея доходами съ капиталовъ и имѣнiй, подаренныхъ коллегiи. Всего на коллегiю пожертвовано Г. Г. и его супругой гораздо больше миллiона рублей, а доходъ съ имѣнiй (около 7,000 дес.) и другого имущества въ теченiе 25 лѣтъ превзошелъ 570,000 руб. (въ одномъ прошломъ учебномъ году свыше 30 т. р.). На эти средства содержатся, воспитываются и обучаются въ коллегiи 30 стипендiатовъ; кромѣ того, доходы съ имѣнiй идутъ на общiе расходы по школѣ. Кромѣ стипендiатовъ имени Павла Галагана, въ этомъ закрытомъ учебномъ заведенiи живетъ и учится ежегодно отъ 30 до 40 своекоштныхъ воспитанниковъ. Курсъ коллегiи приноровленъ къ 4-мъ старшимъ классамъ гимназiй мин. нар. просв., такъ что въ коллегiю поступаютъ по окончанiи первыхъ 4-хъ классовъ гимназiи юноши 14—16 лѣтъ и проучившись въ ней четыре года, послѣ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости, 18—20 лѣтъ имѣютъ право поступить въ университетъ и другiя учебныя заведенiя. Всѣхъ получившихъ аттестатъ, за 22 состоявшихся выпуска, было 303 человѣка, изъ нихъ гораздо больше половины окончили уже университетъ и отдали себя государственной, общественной и литературной дѣятельности.

Уставъ коллегiи, о чемъ мы уже говорили вначалѣ, представляетъ много оригинальнаго. По уставу своему коллегiя состоитъ въ вѣдѣнiи мин. нар. просв., но состоитъ подъ ближайшимъ руководительствомъ университета Св. Владимiра. Избѣгая нивеллировки, господствующей въ нашей учебной практикѣ, учредитель колл. боялся, чтобы не произошло, какъ онъ выразился, „стрижки подъ гребенку“ и его

излюбленнаго заведенія. Поэтому онъ принялъ только „общія мѣры для всѣхъ“ при устройствѣ своей школы и въ то же время озаботился подчеркнуть въ уставѣ и дать коллегіи бо̀льшую самостоятельность въ ея дѣятельности, чѣмъ сколько ее имѣютъ казенныя гимназіи. Поэтому правленію и совѣту колл. предоставлено значительное вліяніе во всемъ, что касается внутренняго порядка заведенія, устройства учебной части, примѣненія воспитательныхъ началъ и т. д. Общій курсъ всѣхъ 4-хъ классовъ колл. не только по желанію министерства, но и по мысли учредителя долженъ давать въ цѣломъ не менѣе учебнаго курса классическихъ гимназій, такія требованія представляются и на экзаменахъ зрѣлости, но этотъ курсъ даетъ, въ образовательномъ особенно смыслѣ, больше нежели требуютъ, да и могутъ требовать, казенныя учебныя заведенія. Это зависитъ и отъ склада жизни учениковъ, и отъ чрезвычайно изобильнаго, разнообразнаго и систематическаго состава пособій, въ особенности библіотекъ, но преимущественно — отъ свободы коллегіальнаго устава, дающаго возможность распредѣлять учебный матеріалъ, учебные методы, программы не по омертвѣлымъ схемамъ, а сообразно индивидуальности учениковъ и классовъ и практическому опыту, вырабатываемому и видоизмѣняющемуся въ школѣ.

Читатели, полагаемъ, не посѣтуютъ на насъ за то, что мы указали на *Сборникъ* къ 25-лѣтію коллегіи и кратко познакомили съ особенностями не вполнѣ обычнаго средняго учебнаго заведенія, основаннаго далеко не ординарнымъ человѣкомъ и приготовляющагося существовать еще не одно 25-лѣтіе, прежде всего способствуя „развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательнаго опыта“. Если читатели обратятся къ *Сборнику*, то найдутъ тамъ не мало интереснаго матеріала, котораго мы не имѣли возможности коснуться въ этой небольшой замѣткѣ.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1895 года. М., 1896 г. Если педагогическая обстановка столичныхъ городскихъ начальныхъ училищъ можетъ быть названа роскошной сравнительно со скромными, скудными, а иногда и прямо нищенскими средствами деревенскихъ школъ, помѣщающихся зачастую въ тѣсныхъ, темныхъ, полуразвалившихся избенкахъ, съ провалившимися полами и провисшими потолками, съ грифельными досками, вмѣсто тетрадей, съ книгами для чтенія по одной на двоихъ или троихъ учениковъ и т. д., то того же нельзя сказать о гигіенической обстановкѣ *жизни* учениковъ тѣхъ же школъ. Дѣти деревни, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія питанія и общей суровости условій ихъ существованія, отличаются завиднымъ здоровьемъ и выносливостью. Такое явленіе объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они большую часть жизни дышатъ чистымъ, ничѣмъ не отравленнымъ воздухомъ, проводя время среди зелени полей и лѣсовъ, въ постоянномъ движеніи и вольныхъ играхъ. Наоборотъ, дѣти столицы и особенно низшихъ ея классовъ, при общихъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ городской жизни, не дающей свободнаго приволья для игръ и движеній, окружены сверхъ того еще цѣлымъ рядомъ спеціально вредныхъ вліяній заднихъ дворовъ, подвальныхъ жилищъ и другихъ особенностей жизненной обстановки городской бѣдноты. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что наблюденія за состояніемъ здоровья дѣтей, учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, привели, наконецъ, людей, близко къ нимъ стоящихъ, къ мысли объ устройствѣ временныхъ лѣтнихъ

колоній хотя бы для тѣхъ изъ этихъ дѣтей, на здоровьѣ которыхъ условія столичной жизни отразились наиболѣе неблагопріятнымъ образомъ. Первая попытка этого рода была сдѣлана въ 1888 году. Колонія устроена была для 19 дѣвочекъ во Владимірской губерніи, причемъ общая стоимость содержанія ихъ обошлась всего въ 221 рубль, при 70 рубляхъ расхода по обзаведенію. Устройство такой же колоніи для 14 дѣвочекъ въ слѣдующемъ году въ Московской губерніи обошлось 335 рублей, при 65 рубляхъ на обзаведеніе. Опыта двухъ лѣтъ было достаточно, чтобъ убѣдиться въ полезномъ вліяніи лѣтнихъ колоній на здоровье дѣтей, и мы видимъ, что въ 1890 году ихъ было устроено въ той же губерніи уже три, для 68 дѣвочекъ и 23 мальчиковъ. Начиная съ этого года, дальнѣйшее развитіе дѣла колоній представляется въ такомъ видѣ: въ 1891 г.—107 дѣвочекъ и 55 мальчиковъ пользуются деревенскимъ воздухомъ въ 5 колоніяхъ, въ 1892 г.—121 дѣвочка и 67 мальчиковъ размѣщаются въ 6 колоніяхъ, въ слѣдующемъ году—98 дѣвочекъ и 71 мальчикъ—въ 8 колоніяхъ, въ 1894 г.—102 дѣвочки и 81 мальчикъ—въ 10 колоніяхъ и, наконецъ, въ отчетномъ году 13 колоній были устроены для 116 дѣвочекъ и 94 мальчиковъ. За всѣ 8 лѣтъ въ 47 колоніяхъ нашли себѣ, такимъ образомъ, лѣтній отдыхъ 645 дѣвочекъ и 391 мальчикъ. Почти половина всѣхъ колоній была устроена въ Московской губерніи (24), остальныя—въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ: Владимірской, Смоленской, Орловской, Рязанской, Ярославской. Расходы по обзаведенію всѣхъ колоній равнялись 2,542 р., а общая стоимость содержанія дѣтей—22,204 р., въ среднемъ по 21 р. на одного ребенка. Судя по отчету за 1895 годъ, матеріальная сторона этого добраго дѣла зиждется на разнообразныхъ источникахъ. Такъ, въ этомъ году собраны были 4,691 р. 31 к. (всего израсходовано было на всѣ 13 колоній 4,161 р. 46 к. на содержаніе и 405 р. 86 к.—на инвентарь) главнымъ образомъ отъ училищъ, посылавшихъ своихъ дѣтей на воздухъ (2,741 р. 50 к.), затѣмъ отъ родителей (484 р. 50 к.), отъ попечителей школы (270 р.), отъ частныхъ лицъ (514 р.), отъ 4-хъ городскихъ попечительствъ (90 р.), отъ гигіеническаго Общества (100 р.) и отъ московской конторы удѣльнаго вѣдомства (20 р.); кромѣ того пожертвовано на инвентарь 405 р. 86 к. и выручено отъ спектакля—65 р. 45 к. Въ то же время городской голова выхлопоталъ безплатный проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, къ которымъ присоединилось и Общество Ярославской ж. д. Въ этомъ движеніи принимаетъ участіе также московская земская уѣздная управа, отводящая въ нѣкоторыхъ изъ своихъ школъ даровое помѣщеніе, и многіе помѣщики, дающіе колоніямъ безплатный же пріютъ въ своихъ усадьбахъ. Выборъ дѣтей производится при помощи врачей, а надзоръ за дѣтьми на мѣстѣ поручается надежнымъ лицамъ изъ педагоговъ, причемъ опытъ показалъ, что число дѣтей въ каждой колоніи не должно, въ видахъ пользы дѣла, превышать 15-ти чел. Пожелаемъ дальнѣйшаго и быстраго развитія дѣлу лѣтнихъ колоній, которыя имѣютъ всѣ права на болѣе солидное обезпеченіе со стороны денежныхъ средствъ. Насколько это важно, видно уже изъ того, что изъ числа дѣтей, принятыхъ въ колоніи въ 1895 году, по словамъ отчета, никогда не покидавшихъ города, *даже на 1 день*, было 93 человѣка, или 44,1%!

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, АВТОБІОГРАФІИ И БІОГРАФІИ.

„Изслѣдованія по исторіи русскаго права". Проф. *Д. Я. Самоквасова.* Вып. I и II.—„Исторія духовной жизни женщинъ". *Эрнеста Легувэ*—„Автобіографія" *Д. С. Милля.*—„Жизнь замѣчательныхъ людей. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность".

Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Проф. Д. Я. Самоквасова. М., 1896 г. Выпускъ первый. Предисловіе. Введеніе. Критическій обзоръ теорій догосударственнаго быта русскихъ славянъ. Ц. 1 р. Выпускъ второй. Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи. Цѣна 1 руб. 50 коп. Исторія *русскаго* права принадлежитъ у насъ къ числу предметовъ, къ которымъ *русскій* университетъ силою вещей не можетъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ; у насъ существуютъ каѳедры исторіи русскаго права, но нѣтъ ученыхъ степеней по исторіи права; обыкновенно исторія русскаго права у насъ читается лицами, получившими степени магистра или доктора государственнаго права и порой къ русскому праву имѣющими очень отдаленное, если не случайное, отношеніе. Къ числу такихъ невольныхъ и случайныхъ спеціалистовъ по исторіи русскаго права, которые большею частью молчатъ въ литературѣ сами и о которыхъ послѣдняя тоже предпочитаетъ молчать, принадлежитъ г. Самоквасовъ. Если мы не ошибаемся, имя этого автора впервые появилось въ литературѣ наканунѣ 1870 г., въ 1873 г. онъ выпустилъ диссертацію *Древніе города Россіи*, въ 1878 и 1884 гг. два выпуска *Исторіи русскаго права*, въ 1888 г. переиздалъ послѣднюю работу, о которой мы имѣли случай дать отзывъ въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за тотъ же годъ (стр. 538—541). Къ двумъ названнымъ сочиненіямъ примыкаютъ немногія отдѣльныя статьи г. Самоквасова, которыя заняты въ сущности тѣми же вопросами и дали въ нихъ свой обильный вкладъ точно также, какъ *Древніе города* вложили свою лепту въ его *Исторію русскаго права.* Ученый багажъ, какъ видите, не обильный, самоповторяющійся и съ очень печальной извѣстностью, если принять во вниманіе разрушительную критику на него гг. профф. М. М. Ковалевскаго, Д. Н. Анучина, В. И. Сергѣевича, А. Д. Градовскаго, И. И. Дитятина, Ѳ. Мищенка, Ѳ. И. Леонтовича и др. Ударовъ этой критики г. Самоквасовъ не отвелъ до сихъ поръ; а она утверждаетъ, что нашъ авторъ вводитъ лишь заблужденія въ науку, что его курсъ „представляетъ собою нѣчто рѣшительно невозможное и невѣроятное", производя въ общемъ „впечатлѣніе чего-то очень фантастическаго", что „ни одно изъ основныхъ его положеній и ни одинъ изъ выводовъ, дѣлаемыхъ имъ на основаніи этихъ положеній, не является не только вполнѣ, но даже и отчасти доказаннымъ", что онъ „наглядно показалъ, какъ *не* слѣдуетъ пользоваться источниками", что его „пріемами нельзя доказать что-либо, хотя доказывать можно все", что у него „слогъ, терминологія, понятія,—однимъ словомъ, все, за что ни возьмись, путанно, сбивчиво, неясно", что... но sapienti sat. Ограничимся общей характеристикой всѣхъ цитатъ, которыя можно было бы привести по адресу печальной научной репутаціи г. Самоквасова. Нашъ авторъ,—говорятъ критики,—не обладаетъ ни общимъ, ни спеціальнымъ образованіемъ, онъ не начитанъ толково въ спеціальной литературѣ и еще менѣе въ вопросахъ теоретическаго и философскаго свойствъ: отсюда полное незнакомство съ содержаніемъ, методомъ и

конечной цѣлью науки, которой представителемъ онъ пытался было сдѣлаться; г. Самоквасовъ не знаетъ ея терминовъ, часто не понимаетъ значенія тѣхъ научныхъ дисциплинъ, названія которыхъ приводитъ, не умѣетъ различать представителей различныхъ научныхъ направленій, не различаетъ иногда самыхъ наукъ, не отличаетъ источника отъ пособія, ему чужда идея научнаго прогресса, пониманіе существеннаго и случайнаго въ данномъ вопросѣ; въ конечномъ результатѣ онъ приходитъ къ принципіальному отрицанію науки. Исторія русскаго права, какъ наука и предметъ университетскаго преподаванія, для него представляется въ формѣ безпорядочной груды *фактовъ*, выборъ которыхъ обусловленъ для ученаго профессора съ одной стороны „патріотизмомъ", а съ другой „экзаменными требованіями, коимъ должны удовлетворить испытуемые въ коммиссіи юридической". Нужно „построить, — говоритъ г. Самоквасовъ, — фактическую систему исторіи русскаго *національнаго* права", а для этого онъ предпринимаетъ два похода: одинъ противъ всякой научной теоріи, другой—противъ нѣмецкихъ ученыхъ, оказавшихъ услуги русской учености, походъ только потому, что гг. Шлецеръ и Эверсъ по происхожденію нѣмцы, а не русскіе. И такъ, не эрудиція, не научный геній, не теорія, а національзмъ и канцелярская программа—истинныя основы науки съ точки зрѣнія г. Самоквасова. Но г. Самоквасовъ едва ли не смѣется больше надъ самимъ собой, чѣмъ надъ своими читателями. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ,—что главное содержаніе его науки—факты, а половину книги посвящаетъ изложенію, и очень плохому изложенію, теорій; онъ хочетъ увѣрить читателя, что его цѣль—щегольнуть національзмомъ, а самъ вертится вокругъ „языческой системы исторіи права" неизвѣстнаго народа, неизвѣстнаго времени. Да простятъ намъ читатели, если мы признаемся, что въ сущности считаемъ недостойнымъ научной критики серьезно говорить о *новомъ* трудѣ г. Самоквасова, разъ о немъ шла рѣчь въ нашемъ журналѣ почти десятокъ лѣтъ тому назадъ. Пусть не удивляются читатели, что десятокъ лѣтъ тому назадъ мы уже говорили о новомъ, недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи г. Самоквасова. Дѣло объясняется очень просто: г. Самоквасовъ, не мудрствуя лукаво, подъ новымъ и шумнымъ заголовкомъ *Изслѣдованія по исторіи русскаго права* издалъ свой „старый" курсъ *Исторіи русскаго права*. Отчего же и не переиздать старую вещь? Но г. Самоквасовъ все время изображаетъ перепечатку, какъ новое произведеніе, и на *Исторію русскаго права* ссылается какъ на нѣчто отъ нея отличное. Дальше этого идти некуда! Не даромъ же авторитетный рецензентъ *Исторіи русскаго права* въ *Кіевской Старинѣ* 1884 г. писалъ, что г. Самоквасовъ не прочь попользоваться чужой книжкой и тщательно замолчать именно ея существованіе. Разъ новая книга г. Самоквасова простая перепечатка старой при некрасивой обстановкѣ, разъ мы о ней говорили почти десятокъ лѣтъ назадъ, а недавніе критики (*Міръ Божій* 1896 г., № 12, *Журналъ Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ*, № 12, также *Русскія Вѣдомости*, № 305) только подкрѣпили прежній взглядъ на изданія г. Самоквасова, какъ на нѣчто невозможное, то неужели стоитъ продолжать разговоръ о ней и вылавливать изъ нея курьезы для потѣхи любителей смѣхотворныхъ вещей? Всего печальнѣе, что подобныя продѣлки еще имѣютъ мѣсто въ нашей литературѣ и способны вносить путаницу въ умы неопытныхъ и начинающихъ читателей. Чѣмъ вызвана подобная перепечатка подъ новымъ соусомъ? За послѣднее время въ извѣстной части рус-

скаго общества силенъ запросъ на *самообразованіе*, научно-популярныя работы читаются на расхватъ, книжка подъ новымъ заголовкомъ по вопросамъ, начинающимъ интересовать читающую публику, можетъ ходко пойти; къ тому же ее предлагаютъ пріобрѣтать и гг. студентамъ, какъ пособіе къ лекціямъ. Вотъ почему за 9 съ небольшимъ печатныхъ листовъ перваго выпуска на сѣроватой бумагѣ, разгонистаго шрифта и съ приличнымъ запасомъ опечатокъ почтенный авторъ назначилъ цѣлый рубль. Это при нынѣшнихъ стремленіяхъ издавать дешево, нѣсколько дорого. Если г. Самоквасовъ хоть сколько-нибудь дорожитъ интересами научной литературы, то мы бы посовѣтовали ему немедленно изъять свою книгу изъ продажи и тѣмъ избавиться отъ вѣскихъ и единодушныхъ упрековъ за скрытую перепечатку,—упрековъ, противъ которыхъ ему нельзя сказать ни одного слова.

Исторія духовной жизни женщинъ. Семь избранныхъ главъ. Эрнеста Легувэ, французскаго академика. Пер. Н. Ф. Д. Москва, 1896 г. Ц. 75 к. Въ эту книжку вошли семь главъ, выбранныхъ переводчикомъ изъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ книги Э. Легувэ *Исторія духовной жизни женщинъ*. Легувэ—горячій и краснорѣчивый защитникъ женщины вообще и женскаго достоинства и правъ въ частности; онъ дѣлаетъ это нѣсколько на французскій манеръ, — его рѣчь слишкомъ отдаетъ декламаціей, его доказательства часто состоятъ просто изъ воззваній; его глубокое уваженіе къ предмету горячей защитительной, часто панегирической рѣчи, чистота его убѣжденій и помысловъ не могутъ не снискать ему уваженія. „Благоговѣніе къ семьѣ, глубокое ощущеніе создаваемыхъ ею радостей и добросовѣстное изслѣдованіе налагаемыхъ ею обязанностей—вотъ что внушило мнѣ настоящій трудъ“,—такъ говоритъ о своей работѣ самъ авторъ въ предисловіи, и кто хочетъ остановить свое вниманіе на честномъ и чистомъ отношеніи къ тѣмъ жизненнымъ явленіямъ, которыя такъ часто фигурируютъ передъ нашими глазами въ массѣ искаженныхъ и извращенныхъ формъ и суррогатовъ, и кто не очень избалованъ строгимъ, научнымъ анализомъ, можетъ не безъ пользы прочесть эту книжку.

Автобіографія (Исторія моей жизни и убѣжденій) Джона-Стюарта Милля. Москва, 1896 г. Ц. 75 к. *Автобіографія* Д. С. Милля была уже разъ переведена по-русски въ тѣ годы, когда у насъ на Руси взгляды этого писателя пользовались особенно значительнымъ распространеніемъ и сочувствіемъ въ образованной части общества. Теперь, конечно, той книжки нигдѣ и достать нельзя, и фирма „Книжное дѣло“ очень кстати переиздала это сочиненіе въ новомъ переводѣ. По простотѣ и благородству тона, по чистотѣ и искренности воззрѣній, по глубокой симпатичности, мягкости и незлобивости натуры автора, *Автобіографія* Д. С. Милля представляетъ нѣчто дѣйствительно выходящее изъ ряду вонъ среди другихъ произведеній того же рода. Передъ читателемъ послѣдовательно проходитъ рядъ интересныхъ личностей и картинъ изъ жизни передовой англійской интеллигенціи первой половины нашего вѣка, тѣхъ „философскихъ радикаловъ“, смѣлые взгляды и сильная инициатива которыхъ подготовили въ Англіи глубокія реформы, еще разъ неотразимо доказавшія, что свободныя учрежденія и возможность честной общественной борьбы не позволяютъ надолго замалчивать насущныхъ потребностей жизни. Вотъ отецъ Д. С. Милля, Джемсъ Милль, публицистъ, политико-экономъ, теоретическій политикъ, психологъ, историкъ Индіи и чиновникъ на службѣ Остъ-

Индской Компаніи,—человѣкъ, вытесанный изъ одного куска камня, сильный, непреклонный, даже жесткій характеръ, человѣкъ, считавшій всякую чувствительность постыдной,—весь умъ, весь характеръ. А вотъ и то воспитаніе, которое получилъ его старшій сынъ—авторъ *Автобіографіи*,—воспитаніе въ своей основѣ классическое, но не бездушное, готовившее воспитанника къ познанію, черезъ посредство древнихъ авторовъ, вполнѣ реальныхъ интересовъ и наукъ—къ логикѣ, политикѣ, политической экономіи, а не къ безошибочному употребленію неправильныхъ глагольныхъ формъ, наклоненій, временъ, удареній и энклитикъ. Посмотрите, какъ учился Д. С. Милль. Онъ не сидѣлъ безконечно надъ грамматикой, добиваясь *удовлетворительнаго* знанія *на зубокъ* отъ первой до послѣдней страницы невозможныхъ руководствъ, „сочиненныхъ" представителями чрезвычайно почтенной, но столь же педантичной націи; онъ не дожидался въ этомъ процессѣ того неизбѣжнаго момента, когда наступитъ рѣшительное и ничѣмъ не поборимое отвращеніе къ этому руководству, отчасти потому, что однообразіе изучаемаго до послѣдней степени притупило уже всякую воспріимчивость къ его содержанію, отчасти потому, что растущій умъ требуетъ подходящей для себя пищи и рѣшительно отказывается видѣть въ средствѣ цѣль, ставить границу работѣ ума, которую все равно остановить невозможно. Милль много читалъ,—читалъ не для знанія формы, а для усвоенія содержанія,—занимался массой предметовъ, вопросовъ самыхъ трудныхъ, но и самыхъ существенныхъ, и могъ сказать о себѣ, что къ шестнадцати годамъ онъ, по серьезности своей подготовки, по объему своихъ знаній стоялъ настолько впереди своихъ сверстниковъ, что тѣ едва ли могли бы его догнать годамъ къ сорока своей жизни. Далеко нельзя сказать, чтобы воспитаніе Д. С. Милля было во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ, чтобъ его можно было прямо взять примѣромъ для подражанія; но въ немъ важна существенная его идея: воспитаніе отвѣчало здѣсь дѣйствительно жизненнымъ задачамъ, оно не чуждалось, не боялось ея, не видѣло въ ней своего врага, и Милль изучалъ дѣйствительно жизненные вопросы, конечно, такъ, какъ они отражались въ современной наукѣ и литературѣ. Воспитаніе Милля прошло внѣ учебнаго заведенія, оно прямо и незамѣтно перешло потомъ въ самостоятельную дѣятельность. Несомнѣнно, даже и въ Англіи такое воспитаніе, какое получилъ Д. С. Милль, могли пріобрѣсти лишь очень немногіе молодые люди, такъ какъ и тамъ крайне рѣдки личности, подобныя Джемсу Миллю и его философско-радикальному кружку; поэтому возможность такого воспитанія на частный счетъ и частными средствами нельзя не признать совершенно исключительной; но, какъ опытъ, оно должно имѣть громадное значеніе. Выйдя въ жизнь, Милль попалъ въ кружки просвѣщенной молодежи, и описаніе жизни этихъ кружковъ, ихъ занятій, интересовъ, ихъ „обществъ для преній", ихъ литературной и общественной дѣятельности будетъ чрезвычайно интересно для читателя. Не менѣе интересенъ и тотъ переломъ во внутренней жизни, въ жизни чувства, который совершился въ Миллѣ въ періодъ возмужанія. У каждаго человѣка бываетъ въ жизни моментъ, когда просыпается личная жизнь, когда приходится такъ или иначе опредѣлять свое отношеніе къ тому, чѣмъ жилъ до этого времени, когда приходится самому ставить цѣли своей жизни и дѣятельности, выбирать тѣ или другія средства для осуществленія своихъ задачъ. Въ этотъ моментъ человѣку нужно чувство, только оно можетъ подвинуть его къ чему-нибудь опредѣленному, только оно можетъ заставить

пойти въ одну сторону скорѣе, чѣмъ въ другую. Предыдущее воспитаніе Д. С. Милля не заботилось о культурѣ чувства, и Миллю пришлось тяжелымъ и мучительнымъ процессомъ *искать* чувства, въ которомъ онъ всегда ощущалъ настоятельную потребность, но котораго онъ въ этотъ моментъ не носилъ въ своей душѣ. И онъ нашелъ чувство, нашелъ его сначала въ музыкѣ, потомъ въ поэзіи Вордсворта, и еще черезъ нѣсколько лѣтъ въ глубокой и долголѣтней любви къ г-жѣ Тайлоръ. *Въ Автобіографіи* онъ является самымъ горячимъ ея панегиристомъ, ей онъ приписываетъ многія изъ своихъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе практическихъ идей и плановъ. Милль всегда нуждался въ привязанности, и это составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ его мягкой, женственной натуры. Въ *Автобіографіи* Милль говоритъ довольно много и о своихъ сочиненіяхъ, о способѣ, поводахъ ихъ написанія, о литературныхъ и общественныхъ своихъ отношеніяхъ. Для насъ это интересно и поучительно; мы видимъ здѣсь, какъ дѣлается *настоящая* культура, то, что по праву носитъ такое названіе; мы видимъ, *какъ* лучшіе люди умѣютъ служить наукѣ и общему благу. Насколько это поучительно и полезно, пусть судитъ самъ читатель.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Изд. Ф. Павленкова. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ И. И. Иванова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к. Среди біографій „замѣчательныхъ людей“, изданныхъ въ послѣднее время Ф. Павленковымъ, обращаетъ на себя вниманіе очеркъ жизни и литературной дѣятельности Шекспира, составленный названнымъ извѣстнымъ критикомъ. Отсутствіе біографіи великаго англійскаго драматурга составляло существенный пробѣлъ въ біографической библіотекѣ г. Павленкова. Извѣстно, какою популярностью пользуются произведенія Шекспира среди читающей публики всѣхъ странъ и народовъ. Комментаріи къ этимъ произведеніямъ составляютъ такую обширную литературу, какой не удостоивался ни одинъ писатель въ мірѣ. Достаточно вспомнить, что сравнительно краткій обзоръ литературы, созданной однимъ *Гамлетомъ* въ Германіи, представляетъ собою объемистый томъ. Само собою разумѣется, что задача всякаго труда, посвященнаго Шекспиру, осложняется благодаря такому обилію матеріала: шекспировская литература особенно нуждается въ тщательной критикѣ; по справедливому замѣчанію г. Иванова, о Шекспирѣ достовѣрно извѣстно только то, что онъ жилъ и написалъ болѣе трехъ десятковъ пьесъ; все остальное—болѣе или менѣе остроумная и правдоподобная сѣть предположеній и домысловъ, *литературная и психологическая комбинація*. Эти соображенія отразились на трудѣ автора: обыкновенно смѣлый въ своихъ выводахъ и широкихъ обобщеніяхъ, г. Ивановъ въ книгѣ о Шекспирѣ проявляетъ осторожность, стараясь держаться только достовѣрныхъ и точныхъ данныхъ о жизни и личности Шекспира. Отразились на книгѣ г. Иванова и общепринятые размѣры Павленковыхъ изданій: во многихъ случаяхъ авторъ не имѣлъ возможности остановиться на отдѣльныхъ драматическимъ сценахъ, часто единственныхъ во всей европейской литературѣ „по глубинѣ и тонкости психологіи, по красотѣ и силѣ поэзіи“.

Тѣмъ не менѣе, книга Иванова въ общемъ даетъ цѣльное представленіе о Шекспирѣ, какъ о художникѣ и человѣкѣ. Авторъ достигъ своей цѣли: ему удалось показать читателю основные мотивы чуднаго міра, заключеннаго въ душѣ поэта.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Wages and capital". *T. W. Taussig.*

Wages and capital. An examination of the wages fund doctrine. F. W. Taussig. London and New York, 1896. Macmillan and C°. Изслѣдованіе профессора Гарвардскаго университета Таусснга является очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу о заработномъ фондѣ. Написанная простымъ и яснымъ языкомъ, что̀ составляетъ, впрочемъ, обычное достоинство англійскаго изложенія, книга проф. Таусснга является полезною реакціей противъ увлеченій критиковъ теоріи заработнаго фонда, благодаря которымъ были затемнены нѣкоторыя положенія, существенно важныя для пониманія капиталистическаго воспроизводства и обмѣна. Такимъ увлеченіемъ является утвержденіе, будто натуральная заработная плата, средства существованія рабочихъ, берется не изъ предшествовавшаго, а изъ текущаго производства. Такое положеніе было выставлено еще Родбертусомъ, а въ новѣйшее время поддерживалось американскими экономистами Уокеромъ и Джорджемъ, а въ русской литературѣ М. Я. Герценштейномъ. Соотечественникъ Уокера и Джорджа, Таусснгъ въ первой части своего труда подвергаетъ весьма искусной и остроумной критикѣ это положеніе и доказываетъ, что̀ заработная плата берется изъ *предшествующаго* производства. При существованіи *послѣдовательнаго* раздѣленія труда въ данномъ обществѣ, изготовленіе даннаго предмета потребленія растягивается на много лѣтъ, начиная съ добыванія сырого матеріала и изготовленія орудій для производства этого продукта. Въ текущемъ производствѣ совершаются только послѣднія прикосновенія (last touches) труда къ продукту, придающія ему окончательную потребительную форму. Но большая часть операцій, необходимыхъ для изготовленія этого продукта, приходится на предшествующіе годы, поэтому нельзя говорить, что заработная плата создается текущимъ производствомъ. Къ такому утвержденію подаетъ поводъ то обстоятельство, что въ каждый данный моментъ въ данномъ обществѣ изготовленіе продукта совершается одновременно на всѣхъ ступеняхъ его производства, и это создаетъ иллюзію, что продуктъ, переходя изъ одной сферы производства въ другую, цѣликомъ изготовляется въ данный производственный періодъ. Но, очевидно, эти отдѣльные производительные процессы будутъ закончены въ различныя времена, и одинъ и тотъ же продуктъ одновременно не можетъ быть объектомъ и матеріаломъ производства. Выясненіе этихъ положеній составляетъ главную заслугу Таусснга. Менѣе оригиналенъ онъ во второй части своего труда, гдѣ онъ опровергаетъ второе предположеніе сторонниковъ теоріи заработнаго фонда, будто эта часть капитала, предназначенная для уплаты вознагражденія рабочимъ, представляетъ твердо-установленную, неизмѣнную величину. Это положеніе блестяще было уже опровергнуто Марксомъ, котораго, къ слову сказать, также какъ и Родбертуса, Таусснгъ совсѣмъ не знаетъ,—privilegium odiosum большинства американскихъ экономистовъ. Послѣдняя часть книги посвящена недурно составленному очерку исторіи вопроса (если не считать существенныхъ пробѣловъ въ ней, нами только-что отмѣченныхъ).

Теорія заработнаго фонда эксплуатировалась въ началѣ нынѣшняго вѣка съ апологетическими цѣлями. Ею доказывалось, что улучшеніе положенія рабочихъ невозможно, ибо заработный фондъ не можетъ быть

увеличенъ, что борьба рабочихъ изъ-за улучшенія своего положенія путемъ стачекъ, коалицій и т. д. безполезна и даже, въ концѣ-концовъ, вредна для рабочихъ. Проф. Таусситъ справедливо указываетъ, что всѣ эти выводы совершенно не оправдываются содержаніемъ ученія о заработномъ фондѣ. Вопросъ этотъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думали раньше. Ученіе о заработномъ фондѣ есть лишь *одна изъ многихъ* посылокъ, которыя нужно принять во вниманіе при обсужденіи этого вопроса. Но „it does not tell the whole story“.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Новая теорія владѣнія“. *Ф. П. Будкевича.*

Новая теорія владѣнія. Ф. П. Будкевича. Варшава, 1895 г. Г. Будкевичъ, находя, что существующія теоріи владѣнія, а въ особенности теоріи Савиньи и Іеринга не послѣдовательны и не выдерживаютъ критики, излагаетъ въ разсматриваемой брошюрѣ свою собственную, новую теорію владѣнія. Построенная на смѣшеніи самыхъ элементарныхъ понятій гражданскаго права и процесса, теорія эта является въ корнѣ несостоятельной. Исходнымъ пунктомъ для автора служитъ различіе петиторныхъ и поссесорныхъ исковъ (стр. 6—9); вопреки общепринятому мнѣнію, г. Будкевичъ находитъ, что при петиторномъ искѣ собственникомъ является не истецъ, а отвѣтчикъ, такъ какъ если истецъ имѣетъ право собственности, то никто другой этого права на то же имущество имѣть не можетъ, а потому „истцу—единственному собственнику — не зачѣмъ отыскивать право собственности съ лица, не имѣющаго этого права“; истецъ въ петиторномъ искѣ, по мнѣнію автора, есть лишь лицо, желающее быть собственникомъ и становящееся таковымъ лишь съ момента судебнаго рѣшенія. Но это неправильно. Судебное рѣшеніе не можетъ сдѣлать лицо собственникомъ, такъ какъ оно не творитъ права, а лишь подтверждаетъ, санкціонируетъ его; при петиторномъ искѣ истецъ и до судебнаго рѣшенія есть собственникъ, а отвѣтчикъ—владѣющій несобственникъ.

Найдя такимъ образомъ, что различіе петиторнаго и поссесорнаго исковъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ является собственникомъ отвѣтчикъ, а во второмъ—истецъ, авторъ выводитъ отсюда и всѣ свои основныя положенія: что владѣніе есть право собственника, заключающееся въ правѣ полнаго распоряженія имуществомъ, что право это есть неизбѣжное слѣдствіе права собственности и не можетъ быть отъ него отдѣлено, что несобственникъ не можетъ владѣть чужимъ имуществомъ, но можетъ лишь обладать имъ или пользоваться. Всѣ эти положенія, выведенныя, какъ мы указали, изъ невѣрнаго основанія, падаютъ сами собой.

Не имѣя возможности подробно разбирать теорію г. Будкевича, сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе: авторъ, доказывая, что владѣніе отдѣльно отъ собственности существовать не можетъ, говоритъ, что относительно движимостей уже самый фактъ обладанія вещью даетъ лицу на нее право собственности; но ни теорія, ни римское право подобнаго

общаго положенія относительно движимостей не знаютъ; если же авторъ основываетъ свои выводы на постановленіяхъ русскаго законодательства, то и тогда онъ не правъ: по ст. 534 т. X, гласящей, что „движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано“, обладатель вещи имѣетъ не самое право собственности, а лишь презумпцію, предположеніе собственности, что не одно и то же; къ тому же, если авторъ основывался на русскомъ правѣ, то онъ не могъ не знать, что въ X т. есть цѣлый отдѣлъ (ст. 513 и слѣд.), говорящій о „правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности“.

При разборѣ дѣйствующаго у насъ законодательства автора постоянно вводила въ заблужденіе терминологія нашего X т., обнимающая подъ словомъ „владѣніе“ и юридическое владѣніе, и право собственности, и держаніе; послѣдствіемъ этого были многіе ошибочные выводы автора.

Въ заключеніе не можемъ не привести слѣдующаго любопытнаго опредѣленія, дѣлаемаго авторомъ: „владѣніе, какъ фактъ, какъ объектъ, находящійся въ быту, есть имущество (?) движимое или недвижимое, принадлежащее субъекту онаго (?) на правѣ собственности“ (стр. 63).

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Новая химія“. *Д. Кука.* — „Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ“. Сост. *А. Плохинскій.* — „Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію“. Сост. *А. Мильнсъ Маршалль.*

Новая химія. Д. Кука. VI. Переводъ А. В. Алехина, подъ редакціей М. И. Коновалова. Библіотека для самообразованія. XXXII+465+VIII. Ц. 1 р. 75 к. Книга Кука представляетъ собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ Бостонѣ въ 1872 году. Авторъ задался цѣлью дать интеллигентному, но не спеціально-образованному читателю понятіе о теоріяхъ химіи, причемъ изложить эти теоріи не въ видѣ догмата, а показать, что привело къ установленію этихъ теорій, какіе факты служатъ ихъ основаніемъ. Выполнилъ свою задачу авторъ образцово. Прошло 23 года со времени выхода перваго англійскаго изданія, многое въ *Новой химіи* перестало быть новымъ, кое-что устарѣло, а книга Кука является незамѣнимымъ пособіемъ для человѣка, желающаго познакомиться съ теоріями химіи. *Новая химія* появляется не въ первый разъ на русскомъ языкѣ, первое изданіе вышло подъ редакціей проф. А. М. Бутлерова въ 1876 году. Новое изданіе, представляющее переводъ съ 10 англійскаго изданія, значительно разнится отъ изданія 1876 года; прибавлена цѣлая глава, содержащая прекрасное изложеніе основаній термохиміи и теоріи диссоціаціи. Редакторъ снабдилъ книгу большимъ количествомъ примѣчаній и разъясненій; жаль, что въ главѣ о термохиміи онъ не предостерегъ читателя, что увлекательно-изложенный авторомъ принципъ максимальной работы является предметомъ горячаго спора, въ которомъ перевѣсъ склоняется на сторону противниковъ принципа; желательно было бы также первую главу, по своей трудности составляющую исключеніе изъ всей книги, снабдить нѣкоторыми примѣчаніями. Переводъ сдѣланъ очень хорошо.

Издана книга, какъ и другіе выпуски „Библіотеки для самообразованія“, прекрасно.

Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Составилъ преподаватель естествознанія въ Михайловской сельско-хозяйственной школѣ А. Плохинскій. Задача, за которую взялся авторъ, написать учебникъ химіи для низшей сельскохозяйственной школы, является задачей далеко не легкой. Приступая къ выполненію ея, слѣдуетъ задать вопросъ, что надо дать ученику: слѣдуетъ ли его знакомить съ химическими теоріями, или достаточно познакомить его съ важнѣйшими фактами. Всякій, знакомый съ преподаваніемъ химіи, знаетъ, насколько трудно мало подготовленнымъ ученикамъ дается усвоеніе химическихъ теорій, всякій знаетъ, что излагать эти теоріи, не познакомивъ учениковъ предварительно съ цѣлымъ рядомъ фактовъ, совершенно безполезно. Авторъ глядитъ на дѣло иначе: выяснивъ на первыхъ четырехъ страницахъ понятіе о химическомъ явленіи, онъ затѣмъ излагаетъ: понятіе объ элементахъ, понятіе объ атомахъ, о молекулахъ (или какъ авторъ пишетъ малекулахъ), законъ постоянства состава, законъ сохраненія вещества, понятіе о химическомъ сродствѣ, и все это на пяти страницахъ; понятно, что изъ такого лаконическаго изложенія ученикъ не можетъ вынести никакого понятія не только о теоріяхъ химіи, а даже о томъ, что выражаетъ собой химическая формула; а между тѣмъ на слѣдующихъ 37 страницахъ, гдѣ описаны соединенія 19 элементовъ, приведено около сотни формулъ, которыя ученику надо заучить. Описаніе отдѣльныхъ элементовъ и ихъ соединеній носитъ скорѣе характеръ конспекта, чѣмъ учебника, причемъ въ изложеніи попадаются странности: такъ авторъ, опредѣливъ органическія вещества, какъ „вещества, въ составъ которыхъ входитъ углеродъ и которыя вырабатываются организмами животныхъ и растеній“ приводитъ въ спискѣ органическихъ веществъ керосинъ; откуда ученикъ вправѣ заключить, что керосинъ тоже продуктъ какого-нибудь животнаго или растенія. Автору надо было бы знать, что химическія формулы служатъ для выраженія фактовъ, а не фантазій, а между тѣмъ онъ пишетъ: $SiO_2+H_2O=H_2\ SiO_3, Te_2O_3+3H_2O=Te_2(OH)_6$. Въ цѣломъ книжка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ взялъ подробный учебникъ и сократилъ его, не приспособляясь къ пониманію учениковъ; получилось что-то вродѣ повторительнаго курса, усвоить который человѣку, не прошедшему курса по другому учебнику, невозможно.

Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Составилъ А. Мильнсъ Маршалль. Перевелъ съ пятаго посмертнаго изданія 1894 года Николай Зографъ. М., 1896 г. in 16°. Стр. XIX+160. Съ 36 рис. Цѣна 1 р. 25 к. Книга Мильнсъ Маршалля выдержала въ оригиналѣ пять изданій, и такой успѣхъ можно назвать вполнѣ заслуженнымъ, такъ какъ написана она съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкою практичностью. Книгу можно смѣло дать какъ руководство новичку, и онъ все время будетъ чувствовать, что книга руководитъ имъ дѣйствительно, какъ опытный наставникъ. Цѣлый рядъ на первый взглядъ мелочныхъ, но глубоко-практичныхъ и продуманныхъ указаній показываютъ, что авторъ ни на минуту не забывалъ, что онъ пишетъ не учебникъ, а руководство для практическихъ занятій, и такъ какъ издавна и вполнѣ справедливо лягушка считается классическимъ объектомъ для практическаго изученія анатоміи, то книгу Маршалля можно рекомендовать всякому естествоиспытателю и медику, желающему приступить къ практическимъ работамъ по зоотоміи. Книга украшена рядомъ прекрасныхъ, по большей части ориги-

нальныхъ рисунковъ. Переводъ сдѣланъ безукоризненно, и издана книга изящно, и форматомъ, и даже шрифтомъ вполнѣ подходя къ англійскому оригиналу, причемъ рисунки, рѣзанные на деревѣ, не уступаютъ оригиналамъ, съ которыхъ сдѣланы.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Техническій прогрессъ въ современной промышленности". *М. Шпигель.*—„Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія". *С. Ф. Гайсберга.*

Техническій прогрессъ въ современной промышленности. М. Шпигель. Пер. съ нѣм. Л. М. Зака. Библіотека общественныхъ знаній. Одесса. Ц. 20 к. Авторъ признаетъ за періодомъ времени съ 1860 г. до нашихъ дней выдающееся культурное значеніе. За этотъ краткій сравнительно промежутокъ времени нашли примѣненіе и получили надлежащее развитіе всѣ важнѣйшія изобрѣтенія и открытія текущаго столѣтія—другими словами человѣчество за послѣднія 35 лѣтъ безпримѣрно расширило свое господство надъ природой. „Стоитъ вспомнить только,—говоритъ авторъ,—какъ мало знали полвѣка назадъ—и то время, въ сравненіи съ теперешнею культурой, покажется какой-то отдаленною эпохой варварства. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ едва знали о желѣзныхъ дорогахъ и локомотивѣ. Пароходы по океану начали ходить только въ 1838 г. Электричество служило только для нѣкоторыхъ игрушекъ. Телеграфы находятся въ употребленіи собственно только съ 1844 г.".

Отмѣчая сдѣланные съ 60-хъ годовъ успѣхи въ различныхъ отрасляхъ человѣческаго труда, авторъ, между прочимъ, указываетъ, что во времена Адама Смита считалось чудомъ, какъ 10 человѣкъ могли изготовить въ день 48,000 булавокъ, а теперь, при современныхъ машинахъ, въ то же время съ тремя рабочими (которые только наблюдаютъ за машиной) получается $7^1/_2$ мил. булавокъ. На эту тему можно, конечно, написать не только брошюру, но даже обширный трактатъ. Только здѣсь требуется всесторонняя оцѣнка техническаго прогресса въ промышленности, а не одностороннее восхваленіе чудодѣйственныхъ машинъ, вполнѣ замѣняющихъ человѣка. Нужно взглянуть и на оборотную сторону медали.

Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Инжен. С. Ф. Гайсберга. Перев. съ нѣм. (Taschenbuch für monteure elektrischer Beleuchtungsanlagen) Н. С. Дрентельна. Съ измѣнен. и дополн. по 10-му изданію. В. К. Лебединскаго. 3-е русское изданіе. Съ 131 рис. въ текстѣ. Изд. Риккера. Ц. 1 р. 20 к. Прекрасная книжка Гейсберга содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для электротехники свѣдѣнія въ сжатой и удобопонятной формѣ. Всѣ отдѣлы изложены весьма основательно и сопровождаются многими цѣнными практическими указаніями и тщательно провѣренными цифровыми данными. 10-е нѣмецкое изданіе дополнено и переработано на основаніи новѣйшихъ указаній практики. Русскій переводъ сдѣланъ весьма тщательно, хотя мѣстами встрѣчаются неудачныя выраженія и шероховатости. Въ прибавленіи помѣщены: табличка для перевода метрическихъ мѣръ на русскія, краткія опредѣленія практическихъ электрическихъ единицъ и временныя правила относительно мѣръ предосторожности при устройствѣ и пользованіи электрическимъ освѣщеніемъ. Книжка прекрасно издана, снабжена отчетливыми рисунками и въ очень

хорошемъ переплетѣ стоитъ всего 1 р. 20 к. Можно только пожелать, чтобы подобныя изданія почаще появлялись у насъ. Успѣхъ ихъ, какъ показываетъ опытъ, даже въ Россіи вполнѣ обезпеченъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ". Вып. III, IV, V и VI.—„Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ". Матер. сгруппир. и обработ. *А. А. Поповымъ.*—„Богатство отъ земли". *Чарльза Барнарда.*

Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Выпуски III, IV, V и VI. Тифлисъ, 1896 г. Означенные выпуски *Сборника*, издаваемаго кавказскимъ филлоксернымъ комитетомъ, относятся къ 6 уѣздамъ Кутаисской губерніи, 2 уѣздамъ Бакинской и къ Эриванской губерніямъ. Западное Закавказье считается родиною винограда, но виноградарство въ этой мѣстности претерпѣвало остановки развитія вслѣдствіе распространенія магометанства, недружелюбно относящагося къ вину; абхазцы Сухумскаго округа, впрочемъ, никогда вполнѣ не отказывались отъ вина и продолжали выдѣлывать его доселѣ удержавшимися примитивными пріемами; въ Батумскомъ же округѣ среди аджарцевъ винодѣліе почти вполнѣ пріостановилось съ конца XVII вѣка, и продолжаютъ существовать только остатки виноградарства. За то на востокѣ, въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уѣздахъ, Бакинской губерніи, гдѣ христіанское населеніе занимается исключительно винодѣліемъ, даже большинство мусульманъ низменной полосы получаетъ довольно большой доходъ отъ своихъ виноградныхъ садовъ, благодаря возникновенію въ послѣднее время и постепенному развитію винокуренія изъ винограда. Въ Эриванской губерніи недавно возникло производство коньяка.

Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ. Матеріалъ сгруппированъ и обработанъ А. А. Поповымъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. В Верещагина. М., 1896 г. Ц. 2 р. Новая книга, изданная почтеннымъ дѣятелемъ русскаго молочнаго хозяйства Н. В. Верещагинымъ, содержитъ изложеніе наблюденій и опытовъ надъ производительностью молочнаго стада при Едимоновской школѣ за шестилѣтіе 1889—94 гг. Въ обширномъ предисловіи издатель, когда-то, хотя и недолго, бывшій сторонникомъ иностранныхъ производителей, снова горячо высказывается за преимущества русскаго рогатаго скота. Одно изъ качествъ присущихъ русской коровѣ, обиліе жира въ молокѣ вполнѣ доступно количественнымъ опредѣленіямъ и обратило уже на себя вниманіе заграничныхъ спеціалистовъ; но другое качество, за которое издавна ратуетъ Н. В. Верещагинъ—*хорошій вкусъ* молока отъ русскихъ коровъ, къ сожалѣнію, разбивается не опровергнутою поговоркою: „de gustibus non est disputandum". Теоретически едва ли можно отрицать соображенія, приводимыя въ пользу подбора коровъ по вкусу молока въ мелкихъ, преимущественно мѣщанскихъ хозяйствахъ (стр. 21); но не стоитъ ли это въ связи съ преобладаніемъ натуральнаго молочнаго хозяйства и удерживается ли эта „вкусность" тамъ, гдѣ молоко производится болѣе для рынка, чѣмъ для потребностей хозяевъ? Въ оцѣнкѣ русской коровы предшественникомъ автора явился, какъ оказывается, Ченслеръ, котораго авторъ неоднократно, хотя и ошибочно, относитъ къ XVII столѣтію, вмѣсто XVI. Текстъ А. А. Попова состоитъ изъ общаго введенія, описанія отдѣльныхъ годовъ, описанія

стада по группамъ (ярославскихъ, владимірскихъ, зырянскихъ и сѣверодвинскихъ коровъ) и выводовъ. Въ таблицахъ помѣщены сравнительныя данныя о продуктивности и кормленіи стадъ и о переработкѣ молока. Для удойливости, для процентовъ сухого вещества и жира даны три діаграммы. Если не ошибаемся, въ литературѣ еще не было столь подробныхъ изслѣдованій, относящихся къ русскимъ коровамъ.

Богатство отъ земли. Сочиненіе Чарльза Барнарда. Книжка I. Вліяніе погоды и климата на растенія. 1895 г. Ц. 30 к. Книжка II. Значеніе почвы для растеній. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1896 г. Ц. 40 к. Американская литература богата популярными агрономическими книжками, изъ которыхъ фермеры знакомятся съ нѣкоторыми научными вопросами, имѣющими отношеніе къ земледѣлію. Для русскаго мелкаго хозяина такія книжки нуждаются въ болѣе сильной переработкѣ, чѣмъ та, которой подверглось сочиненіе Барнарда со стороны г. Низовскаго (самый переводъ принадлежитъ г. Волкенштейну). Но и въ теперешнемъ видѣ книжки Барнарда принесутъ пользу лицамъ, занимающимся распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, какъ матеріалъ для бесѣдъ съ хозяевами и для преподаванія въ низшихъ школахъ.

МЕДИЦИНА.

„Терапія внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней". *К. О. Смита.* — „Книга здоровья". Пер. д-ра *П. Н. Булатова.*—„Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней". *Penzoldt и Stintzing.*

Терапія внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней. К. О. Смита. М., 1896 г. Ц. 3 р. Названная справочная книга назначается для практическихъ врачей съ цѣлью напомнить въ сжатомъ видѣ, что слѣдуетъ дѣлать, какія лѣкарства принимать въ томъ или другомъ случаѣ. Названія болѣзней и отдѣльныхъ симптомовъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, что облегчаетъ въ значительной степени пользованіе книгой. Предлагаемыя средства отличаются сравнительною простотой; обращено вниманіе въ достаточной мѣрѣ и на діэтетическую и профилактическую часть терапіи, что выдѣляетъ книгу среди другихъ ей подобныхъ. Изложеніе очень обстоятельное, толковое. Вообще эта „терапія" можетъ быть смѣло рекомендована каждому практикующему врачу. Цѣна книги назначена, къ сожалѣнію, довольно высокая.

Книга здоровья. Общедоступное руководство здравоохраненія. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра П. Н. Булатова. Изд. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. Въ началѣ книги на 36 страницѣ переданы самыя элементарныя свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Слѣдующія затѣмъ главы содержатъ изложеніе частной и общественной гигіены, понятіе о воздухѣ, чистомъ и загрязненномъ, о водѣ, пищѣ, одеждѣ, жилищѣ. Очень обстоятельны по содержанію главы о пищѣ и жилищѣ. Здѣсь выясняется значеніе различныхъ пищевыхъ припасовъ: муки, овощей, мяса, молока, вкусовыхъ веществъ и проч., вкратцѣ указаны признаки хорошей и фальсифицированной или испорченной пищи. Въ главѣ о жилищѣ излагаются довольно подробно свѣдѣнія о здоровомъ грунтѣ, о надлежащемъ положеніи жилища, о строительномъ матеріалѣ, о вентиляціи, отопленіи, освѣщеніи и т. д. Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ содержится общественная гигіена: вліяніе населеній на здоровье, мѣры оздоровленія человѣческихъ

населеній, водоснабженіе, уничтоженіе отбросовъ, полицейско-административныя мѣры. Далѣе нѣсколько страницъ посвящены физическому воспитанію дѣтей дома и въ школѣ. Что касается до профессіональной гигіены, то этотъ отдѣлъ слишкомъ ужъ кратокъ и слишкомъ страдаетъ общими мѣстами. Заключительная часть книги: „Вредъ наносимый здоровью внѣшними условіями“, — передаетъ свѣдѣнія, какъ предохранять себя отъ вліянія неблагопріятныхъ условій, отъ заразныхъ болѣзней, какъ помочь въ случаѣ пораненія, кровотеченія, какъ оживить утонувшаго и т. п. Въ концѣ коротенькія свѣдѣнія, касающіяся ухода за больными. Вообще книжка богата содержаніемъ и очень толково изложена, хотя нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ редакціонныхъ недостатковъ: такъ, наприм., на стр. 93 говорится, что при копченіи мясо „пропитывается частью вкусовыми составными частями дыма“, на стр. 191: „къ сожалѣнію, народъ пользуется для обеззараживанія недѣйствительными средствами: растворомъ желѣзнаго и мѣднаго купороса или сѣрными парами (сѣрной кислотой)“, при сжиганіи сѣры, какъ это дѣлается въ цѣляхъ дезинфекціи, образуются не сѣрные пары и не сѣрная кислота. Правда, ошибки эти не существенныя, но все же лучше было бы ихъ избѣжать. Внѣшность изданія вполнѣ приличная.

Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Penzoldt и Stintzing. Вып. X, XI, XII и XIII. Спб., 1896 г. Изд. Риккера. Настоящіе выпуски содержатъ изложеніе терапіи при заболѣваніяхъ дыхательныхъ органовъ, инфекціонныхъ, венерическихъ и нервныхъ заболѣваній. Особенной обстоятельностью отличается XIII выпускъ, гдѣ изложено лѣченіе венерическихъ болѣзней, въ частности перелоя и его осложненій, а также и выпускъ, посвященный терапіи бугорчатки легкихъ. Въ первомъ, въ началѣ, излагается профилактика венерическихъ болѣзней. Авторъ смотритъ на этотъ мудреный и всегда животрепещущій вопросъ съ истинной точки зрѣнія; распространеніе въ массѣ гигіеническихъ знаній, понятій объ опасности заразы путемъ печати, путемъ живого слова должно быть поставленно въ ряду самыхъ существенныхъ мѣропріятій. Пропагандой этихъ знаній должны заняться, во-первыхъ, врачи, затѣмъ общества распространенія народнаго образованія, учителя и сами родители. Этимъ путемъ, главнымъ образомъ, можно понизить частоту внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Всѣ мѣры должны быть направлены къ тому, чтобъ удалить всѣ моменты, благопріятствующіе чрезмѣрному и преждевременному развитію чувственности; въ этомъ отношеніи первую роль имѣетъ устраненіе чрезмѣрнаго обремененія нашего юношества въ среднихъ школахъ умственными занятіями, — обремененія „способствующаго преждевременному развитію половыхъ инстинктовъ“. По отношенію къ общественнымъ мѣропріятіямъ авторъ не принадлежитъ къ аболиціонистамъ и предлагаетъ правительственный надзоръ за проституціей и насильственное лѣченіе заболѣвшихъ; при этомъ онъ ставитъ, между прочимъ, слѣдующія положенія: a) оффиціальное внесеніе въ списки проститутокъ по судебному приговору на основаніи доказаннаго факта, послѣ одно- или многократнаго предупрежденія; b) зарегистрованныя проститутки обязаны являться два раза въ недѣлю для врачебнаго изслѣдованія, и въ случаѣ уклоненія предлагается насильственное приведеніе; c) заболѣвшія проститутки лѣчатся въ больницахъ безплатно до полнаго излѣченія, причемъ больницы эти совсѣмъ не должны походить на мѣста заключенія; d) сосредоточеніе проститутокъ въ домахъ терпимости представляетъ много преимуществъ для надзора, и „въ интересахъ общественнаго здо-

ровья и общественной безопасности дома терпимости слѣдовало бы скорѣе поощрять, чѣмъ подавлять", причемъ „проституткѣ должно быть предоставлено право выбора, жить ли ей одной или въ домѣ терпимости"; е) врачебное изслѣдованіе проститутокъ должно производиться два раза въ недѣлю. Дальнѣйшее изложеніе выпуска почти все посвящено терапіи перелоя.

XII выпускъ содержитъ изложеніе терапіи легочныхъ заболѣваній и бугорчатки легкихъ. И здѣсь та же полнота и обстоятельность содержанія, та же безпристрастная и тонкая оцѣнка различныхъ терапевтическихъ методовъ и та же правильность взглядовъ автора. Главное достоинство книги: это—ободряющее врача направленіе, вселяющее убѣжденіе въ возможности излѣченія или облегченія страданій. Скептицизмъ въ практической медицинѣ, сослуживъ свою долю пользы, какъ неизбѣжная реакція противъ господствовавшихъ нѣкогда увлеченій, выработавшій болѣе точные методы изслѣдованія, болѣе подробный анализъ этіологіи и сущности патологическихъ процессовъ,—принесъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не малую долю вреда, отнявъ у врача всякую вѣру въ полезность и дѣйствительность его мѣропріятій, связывая его иногда по рукамъ и по ногамъ.

Въ XI выпускѣ содержится лѣченіе болѣзней нервной системы. Общій планъ изложенія нисколько не разнится отъ плана предшествовавшихъ выпусковъ. Нельзя, однако, не поставить упрекомъ и автору и редактору перевода слѣдующую тираду: говоря, что шалости дѣтей часто представляютъ не что иное, какъ результатъ болѣзненнаго тѣлеснаго состоянія, и что „снисхожденіе къ нимъ нерѣдко доводитъ раздражительность до высшей степени", авторъ въ качествѣ наилучшаго средства предлагаетъ наказаніе (за болѣзнь?), которое „сразу можетъ положить конецъ болѣзненному раздраженію. Наказаніе рекомендуется тѣлесное, а для маленькихъ дѣтей побои лучше замѣнить „холодной водой", что лучше „предотвращать повтореніе болѣзненныхъ шалостей, чѣмъ долгіе уговоры". Такимъ же жалкимъ мѣстомъ является и дальнѣйшее разглагольствованіе по поводу школьнаго переутомленія, которое „въ общемъ преувеличено". По отношенію къ другимъ отдѣламъ нельзя не согласиться съ положеніями и выводами автора.

Что касается внѣшности изданія, то оно, какъ и всѣ изданія Риккера, безупречно.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

„Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника" *В. О. Крижа.* Вып. II.— „Дюжинка". *В. Р. Щ.*

Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II, содержащій въ себѣ 23 статьи для самостоятельнаго чтенія учениковъ (каждая статья можетъ быть дана отдѣльно отъ прочихъ. Для вкладыванія и сбереженія статей изданъ особый корешокъ, съ полезными для ученика свѣдѣніями, ц. 2 к.). В. О. Крижъ. Изд. 2-е. И. Ѳ. Жиркова съ 53-ю иллюстраціями въ текстѣ. М., 1896 г. Ц. 30 к. Книжка г. Крижа представляетъ изъ себя весьма полезный вкладъ въ библіотеку сельскаго школьника, не отличающуюся обыкновенно ни разнообразіемъ, ни обиліемъ матеріала. Содержаніе книжки, при небольшомъ количествѣ статей, и интересно, и разнообразно. Тутъ мы встрѣчаемъ такія стихотворенія Никитина и Некрасова, какъ *Пѣо*

никъ и его внукъ, *Дѣдушка Мазай и зайцы*, *Дядюшка Яковъ* и проч., которыя сами говорятъ за себя. Стихотворенія эти чередуются съ былинами о Садкѣ и Ильѣ Муромцѣ, а также съ двумя-тремя сказками, хотя и извѣстными, но довольно интересными. Всѣ названныя статьи, впрочемъ, относятся къ такъ называемому легкому чтенію; что же касается до серьезнаго чтенія, то ему отведено въ книжкѣ почтенное мѣсто. Такія статьи, какъ *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, Іоаннъ Гуттенбергъ*, небольшіе очерки о вредныхъ и полезныхъ для человѣка животныхъ („мышь", „летучая мышь"), написанные довольно образно и хорошимъ языкомъ, прочтутся ученикомъ не только съ интересомъ, но и съ несомнѣнною пользой. Даже такъ называемыя бесѣды, область, требующая отъ составителя большой опытности и педагогическаго такта, вполнѣ удались г. Крижу. Что же касается, наконецъ, до рисунковъ, помѣщенныхъ во II-мъ выпускѣ *Перваго домашняго чтенія*, то исполненіе многихъ изъ нихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Дюжинка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. В. Р. Щ. Спб., 1896 г. Цѣна 1 руб. Среди родителей и педагоговъ есть, какъ извѣстно, сторонники дѣтскаго театра, какъ полезнаго способа развлеченія. Мы не принадлежимъ къ числу ихъ и, напротивъ, думаемъ, что дѣтское лицедѣйство ничего, кромѣ вреда, въ воспитательномъ отношеніи принести не можетъ. Унижая незаслуженно (въ случаѣ неудачнаго исполненія роли) вполнѣ достойныхъ и скромныхъ дѣтей, это развлеченіе можетъ породить въ другихъ, отличившихся, цѣлый рядъ нежелательныхъ явленій: излишнее самомнѣніе и резонерство, фатовство и кокетство, не говоря уже о зависти и даже ненависти—обычныхъ спутниковъ сценическихъ дѣятелей. Желательно ли все это при болѣе или менѣе правильномъ ходѣ воспитанія? Если мы обратимся, далѣе, къ самой литературѣ дѣтскаго театра, то увидимъ, что ни одинъ изъ нашихъ лучшихъ писателей и драматурговъ никакихъ пьесъ для дѣтскаго театра не писалъ. Поэтому литература эта отличается крайнею скудостью и бѣдностью, причемъ ея авторами являются писатели совершенно неизвѣстные въ литературномъ мірѣ. Кто такое, напримѣръ, этотъ В. Р. Щ. (или В. Р. Щиглевъ, какъ значится въ подписи подъ предисловіемъ)? Изъ предисловія узнаемъ, что авторъ еще въ 1889 году издалъ три пьески для дѣтскаго театра, изъ которыхъ двѣ были напечатаны въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе*. „Сколько извѣстно, эти пьески понравились и во многихъ семьяхъ разыгрывались успѣшно. Такъ какъ спросъ, — говоритъ авторъ затѣмъ, — на пьески для дѣтскаго театра увеличивается, то я рѣшилъ пополнить первое изданіе и написалъ еще *девять* пьесокъ", изъ которыхъ одна была напечатана въ томъ же журналѣ за 1891 годъ. Итакъ, дѣятельность этого радѣтеля дѣтей поощряется и дѣтскимъ журналомъ, и самими родителями. Между тѣмъ намъ еще не приходилось читать ничего болѣе нелѣпаго и безсодержательнаго, какъ эти „пьески". На ряду со скудостью замысла, произведенія г. Щиглева вредны еще тѣмъ, что заставляютъ маленькихъ актеровъ фальшиво наивничать, выражаться не дѣтскимъ языкомъ и безъ конца противно резонерствовать. Напримѣръ, въ пьесѣ, неизвѣстно почему названной *Старый уголокъ*, мальчикъ-актеръ, прежде чѣмъ съѣсть апельсинъ, долженъ говорить такой монологъ *(подражая Гамлету)*: „Что-жъ, съѣсть? Не съѣсть? Вотъ въ чемъ вопросъ! Одинъ—пусть скроется въ карманѣ... А этотъ съѣмъ я. Хорошо-съ... Долой мундиръ твой! О, заранѣ я чувствую на языкѣ чудесный сокъ Мессины дальней!... Гм... Онъ пока еще въ рукѣ... Двѣ-три минуты и—печальнѣй

что можетъ быть тогда? Гдѣ онъ, природы южной порожденье? Мундиръ въ кусочки превращенъ, а вкусовыя ощущенья чрезъ пять минутъ совсѣмъ пройдутъ... О, какъ мгновенны наслажденья!“ и т. д. Въ другой пьесѣ дѣвочка, разсказывая о пріятномъ ощущеніи, которое испытала ея кузина, давши „нечаянно“ денежную бумажку одной бѣдной женщинѣ, пришедшей на кухню, дѣлаетъ такое сравненіе: „какъ будто, говоритъ, я была не въ кухнѣ, а гдѣ-то на балу и скушала порцію фисташковаго мороженаго!...“ Ну, а если какая-нибудь изъ слушательницъ попробуетъ „отдать нечаянно бумажку“ бѣдняку, да не испытаетъ подобнаго вкусового удовольствія, тогда что? Вѣроятно, поспѣшитъ утѣшиться на фисташковомъ мороженомъ? Въ пьесѣ *Воевода* авторъ заставляетъ дѣтей 13—14 лѣтъ, и даже *моложе*, представлять ни болѣе, ни менѣе какъ *Воеводу* Пушкина, причемъ дѣти (по мысли г. Щиглева) доискиваются до смысла этого стихотворенія и *не понимая,* зачѣмъ какой-то мужчина *цѣлуетъ колѣна* панны, жены воеводы, и почему послѣдній возмущается этимъ, объявляютъ: *„да вѣдь нельзя же передъ гостями всякую дрянь читать!“* Въ пьесѣ, носящей заглавіе *Тройка,* Костя (лѣтъ 12—13) декламируетъ извѣстное стихотвореніе *Кубокъ,* и пересыпаетъ свою декламацію такими замѣчаніями: „Очень картинно! Молодчина этотъ Шиллеръ!“, „Optime! Сочинено на пятерку, что и говорить, ну, и переводъ удовлетворителенъ: заслуживаетъ четверки. Молодецъ и Жуковскій, хотя въ послѣдней строчкѣ „ужъ“ не туда попало: слѣдовало бы „ужъ не спасетъ“, а не „ужъ сила“... Ничего, впрочемъ, и такъ ладно“. Но не будемъ утомлять читателя дальнѣйшими выписками, полагая, что и приведенныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ доброкачественности и пригодности для дѣтей пьесъ г. Щиглева. Содержаніе этихъ пьесъ лучше всего доказываетъ, какой опасности подвергаются дѣти, которыхъ неразумные родители поощряютъ къ театральнымъ лицедѣйствіямъ. Искренно жалѣемъ такихъ дѣтей и родителей!

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Географіи для народа.

Изданія „Посредника“: Разсказы о Литвѣ и литовцахъ. Г. Р.—Разсказы о Финляндіи. Очерки Ф. Девель.—Разсказы о Восточной Сибири. Кавказъ. А. Ставровскаго.—Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ. М. Черняева.—Новый Свѣтъ. О томъ, какъ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Е. Чижова.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Сост. Е. Н. Водовозова. Турки. Англичане. Нѣмцы. Итальянцы. Испанцы.—Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты. А. Быкова. Издан. книжн. склада А. Муриновой. За послѣдніе два года обращаютъ на себя вниманіе двѣ серіи географическихъ книжекъ, выходящихъ систематически одна за другой и пополняющихъ крайне серьезные пробѣлы въ народной литературѣ. Первая серія, о которой мы говоримъ, издается редакціей „Посредника“, вторая принадлежитъ Е. Н. Водовозовой. „Посредникъ“ поставилъ себѣ чрезвычайно важную и плодотворную задачу—создать рядъ книжекъ географическаго содержанія, доступныхъ самому широкому кругу читателей какъ по цѣнѣ, такъ и по языку, и знакомящихъ этихъ читателей съ различными странами и народами, ихъ нравами, обычаями, вѣрованіями и ихъ учрежденіями, и лишенныхъ подкладки того чело-

вѣконенавистничества и верховитаго отношенія къ иноплеменникамъ, какимъ, напримѣръ, отличаются многія изданія, усиленно рекомендуемыя для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ. Въ основѣ знакомства русскаго народа съ другими народами, по справедливому мнѣнію редакціи „Посредника“, должна прежде всего лежать мысль о томъ, что всѣ народы, все человѣчество есть нѣчто единое, цѣльное, что оно—единая семья, и „всѣ народы—дѣти одного Отца“, „всѣ люди—братья“, и что крупныхъ улучшеній въ ихъ жизни и уменьшенія ихъ несчастій и страданій можно добыть не враждою и насиліемъ, а проповѣдью любви и братства,—словомъ, не тѣмъ, что разъединяетъ людей, а тѣмъ, что соединяетъ ихъ. По мысли редакціи, каждый народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, кто бы онъ ни былъ, достоинъ и любви, и уваженія; въ каждомъ народѣ есть нѣчто свѣтлое и нѣчто великое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто особенное, выработанное имъ въ его исторической жизни и чему могутъ и должны поучиться у него другіе народы. Такимъ образомъ, въ основу новой серіи изданій „Посредника“ положена идея глубоко-гуманная и свѣтлая, заслуживающая полнаго вниманія и искренняго сочувствія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы просвѣщенія народныхъ массъ,—просвѣщенія въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Въ области литературы народной, въ книжкахъ географическаго содержанія, эта идея, насчитывающая нѣсколько тысячелѣтій своего существованія, тѣмъ не менѣе является идеей новой и, можно даже сказать, для русскаго читателя изъ народа—идеей неожиданной. Этого несчастнаго читателя, обыкновенно привязаннаго, въ силу разныхъ экономическихъ и другихъ условій, къ какому-нибудь медвѣжьему углу, до котораго не только не доходятъ иныя мысли, а даже и иныя слова, въ особенности же слово „право“, до сего времени чуть ли не оффиціально было принято считать какимъ-то кваснымъ патріотомъ-человѣконенавистникомъ, смотрящимъ на всѣ другіе народы сверху внизъ, чрезвычайно довольнаго самимъ собой и всѣмъ, что его окружаетъ и что ему даютъ, независимо или зависимо отъ его собственнаго желанія. Этотъ несчастный читатель живетъ себѣ да живетъ, не зная ровно ничего, что дѣлается въ другихъ странахъ, какъ устраиваютъ свою судьбу другіе народы, какія у нихъ стремленія и мечты, что и какъ они дѣлаютъ для ихъ осуществленія, насколько они осуществили ихъ. Все это для нашего читателя и непонятно какъ будто, и чуждо, и не можетъ онъ и въ толкъ взять, что и онъ самъ, своей собственной персоной, какова она тамъ ни на есть, тоже что-нибудь да значитъ и что-нибудь да можетъ, и тоже долженъ возможно больше, возможно глубже и шире и понимать, и сознавать. Казалось бы, географическая книжка должна бы учить не только географіи, но и сознанію личнаго достоинства; а у насъ до сего времени эти книжки, за очень немногими исключеніями, учили только высокомѣрію и лжи, или, въ лучшихъ случаяхъ, знакомили русскаго читателя съ какими-нибудь заморскими „монстрами“ и „раритетами“, передъ которыми этимъ читателямъ только и остается разинуть ротъ,—и больше ничего. Дошло дѣло до того, что въ одной одобренной книжкѣ предлагается читателю даже особенное толкованіе притчи о милосердномъ самарянинѣ, который, по мнѣнію составителя, долженъ быть таковымъ отнюдь не ко всѣмъ людямъ, а лишь къ своимъ иноплеменникамъ... А этотъ бѣдняга читатель никогда и не былъ и даже не могъ быть такимъ, какимъ его хотѣли видѣть: человѣкъ онъ добродушный, даже черезчуръ любвеобильный, нѣмца онъ хоть иной разъ и ругнетъ, а все же и поцѣлуется

съ нимъ, и накормитъ его, и ужъ, разумѣется, похвалитъ отъ всей души за то, что тотъ приготовляетъ дешево сельско-хозяйственныя машины; даже, напротивъ, нельзя не видѣть въ этомъ читателѣ значительное отсутствіе „патріотизма", потому что онъ искренно жалѣетъ, что на эти дешевыя машины пошлина-то очень ужъ велика. Нельзя не пожалѣть, что географическія изданія „Посредника", проникнутыя миролюбіемъ и гуманной идеей, до сего времени въ школы не допущены.

До сего времени вышло семь книжекъ. Изъ нихъ пять относятся къ Россіи (*Разсказы о Западной Сибири, Разсказы о Восточной Сибири, Разсказы о Литвѣ и литовцахъ, Кавказъ, Разсказы о Финляндіи*). О первой книжкѣ мы говорить не будемъ, такъ какъ изданіе ея разошлось. Изъ остальныхъ трехъ книжекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія книжка Г. Р. *О Литвѣ и литовцахъ*. Въ этой книжкѣ читатели найдутъ не только массу интересныхъ данныхъ о жизни и бытѣ литовцевъ, объ ихъ обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, ихъ ремеслахъ и промыслахъ, ихъ торговыхъ и семейныхъ дѣлахъ, объ ихъ семейной и общественной жизни и т. д., и т. д., но всѣ эти свѣдѣнія изложены чрезвычайно просто, толково, съ полнымъ знаніемъ литовскаго народа, а главное—изложены тепло и задушевно. Видно, что неизвѣстный авторъ книжки не только знаетъ литовскій народъ, но и любитъ его, а такое отношеніе ка народу придаетъ особый колоритъ всей книжкѣ. Что можно было сказать, въ ней все сказано и, притомъ, настолько талантливо, что ее прочтетъ съ удовольствіемъ не только „читатель изъ народа", но и всякій другой; ее можно рекомендовать и учителямъ географіи, и ученикамъ и ученицамъ среднеучебныхъ заведеній,—рекомендовать тѣмъ смѣлѣе, что, къ стыду нашему, на русскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ книжекъ о Литвѣ, если не считать устарѣвшей и слабой брошюры Р. Попова и громоздкаго и жидкаго изданія Вольфа *Живописная Россія*. Желательно, чтобы г. Г. Р. продолжалъ свои работы по народной литературѣ, тѣмъ болѣе, что настоящая его книжка представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ первою его работой (*Въ подземномъ царствѣ*), о которой мы давали отзывъ въ прошломъ году. Весьма недурно составлены и написаны прекраснымъ языкомъ разсказы неизвѣстнаго автора *О Финляндіи*. Нельзя только не пожалѣть, что объ этой симпатичной странѣ авторъ сообщаетъ слишкомъ мало свѣдѣній изъ исторіи,—упрекъ, который можно сдѣлать, кстати сказать, и г. Г. Р. Слѣдовало бы побольше сказать объ общественной самодѣятельности финскаго народа, о широкомъ развитіи среди него частной инціативы, затѣмъ о такихъ интересныхъ фактахъ, какъ гошеборгская система продажи спиртныхъ напитковъ и ея вліяніе на уничтоженіе пьянства въ народѣ. На этой книжкѣ особенно сказывается извѣстный недостатокъ всѣхъ изданій „Посредника", который, какъ мы имѣли уже случай неоднократно отмѣчать, придаетъ слишкомъ мало значенія государственнымъ учрежденіямъ и ихъ положительному или отрицательному вліянію на психическую, экономическую и всякія другія стороны народной жизни. Въ книжкѣ о Финляндіи описаніе финляндскихъ учрежденій совершенно почти отсутствуетъ; пробѣлъ этотъ не можетъ не броситься въ глаза, и его нельзя не поставить въ вину редакціи. Можно какъ угодно относиться къ значенію учрежденій, но нельзя, тѣмъ не менѣе, умалчивать о ихъ существованіи, нельзя не знакомить съ ними читателя, уже по тому одному, что эти учрежденія—реальный, существующій фактъ, который, какъ таковой, не можетъ не быть поучительнымъ для читателя; а такъ какъ Финляндія—

страна принадлежащая къ составу Россійской имперіи, а знакомство съ Россійской имперіей вмѣняется русскому обывателю въ обязанность даже тѣми людьми, кому „заграничныя страны“ по разнымъ причинамъ не нравятся, то тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что книжка о Финляндіи, изданная „Посредникомъ“, является на книжный рынокъ въ такомъ, такъ сказать, куцомъ видѣ. Что касается до книжки Л. Ставровскаго *О Кавказѣ*, то ее нельзя назвать удовлетворительной уже по одному тому, что она черезчуръ кратка, и въ столь небольшой объемъ нѣтъ никакой возможности вмѣстить все разнообразіе мѣстъ, племенъ и обычаевъ, какимъ отличается такая страна, какъ Кавказъ. Авторъ поставилъ себѣ непосильную задачу и не смогъ ее поэтому выполнить: получилось въ концѣ-концовъ сухой перечень фактовъ и сценъ, блѣдное описаніе мѣстностей, мало что говорящій уму и сердцу очеркъ племенъ и ихъ обычаевъ и нравовъ. Эта книжка заслуживаетъ коренной переработки во второмъ изданіи, которое желательно бы было видѣть въ значительно расширенномъ и дополненномъ видѣ. Нельзя назвать вполнѣ удовлетворительной и книгу Ф. Девеля *О Восточной Сибири*. Видно, что авторъ этой книги не справился съ массой разрозненнаго, сбивчиваго матеріала, который былъ у него подъ руками, не сумѣлъ разобраться въ немъ, вслѣдствіе чего его книжка не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, а скорѣе поражаетъ пестротой, и неподготовленному читателю довольно трудно въ ней разобраться. Эту книжку можно отмѣтить лишь какъ первую попытку собрать болѣе или менѣе новыя свѣдѣнія, относящіяся къ отдаленнѣйшимъ окраинамъ Россіи, за неимѣніемъ другихъ книгъ, болѣе удовлетворяющихъ своему назначенію. Изъ серіи книгъ, посвященной заграничнымъ странамъ, до сего времени появились лишь двѣ: во-первыхъ, книжка М. Черняевой *Объ Австраліи и австралійцахъ* и Е. Чижова *Новый Свѣтъ*. Книжка г-жи Черняевой составлена прекрасно и несомнѣнно будетъ читаться съ большимъ интересомъ въ самыхъ разнообразныхъ читательскихъ кругахъ. Составительница прекрасно сдѣлала, отступивъ отъ шаблоннаго пріема, набившаго всѣмъ оскомину: она не только описываетъ,—она драматизируетъ свои описанія удачными выборками изъ путешествій, связывая то или другое описаніе, тотъ или иной наблюденный фактъ съ живою, мыслящею, чувствующею *личностью* очевидца-путешественника. Получается въ концѣ-концовъ не сухое описаніе, а разсказъ о поучительныхъ приключеніяхъ, но въ этомъ разсказѣ, въ этихъ приключеніяхъ центръ тяжести лежитъ не въ самомъ приключеніи, а въ томъ, чему оно учитъ. Г-жа Черняева сумѣла собрать массу интереснаго матеріала и перерыла очевидно много новыхъ источниковъ. Нельзя не упрекнуть ее въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что она отвела слишкомъ мало мѣста исторіи и жизни австралійскихъ колоній (извѣстная книга Паркса даетъ для этого массу интереснѣйшаго и поучительнѣйшаго матеріала, а сравненіе колонизаторовъ русскихъ съ англійскими напрашивается само собою). Во-вторыхъ, увлеченная своею идей, г-жа Черняева совершенно отступаетъ отъ истины, объясняя, напримѣръ, существованіе у дикарей людоѣдства не чѣмъ инымъ, какъ незнаніемъ истинъ христіанской религіи (стр. 88). За исключеніемъ этихъ двухъ замѣчаній, мы можемъ лишь дать о книжкѣ г-жи Черняевой самый лестный отзывъ и даже отмѣтить тотъ фактъ, что авторъ очевидно обладаетъ писательскимъ огонькомъ, умѣло подчеркиваетъ существенныя мѣста и вообще заинтересовываетъ читателя. Желательно, чтобы г-жа Черняева

продолжала свои работы по народной литературѣ. Книжка г. Чижова *Новый Свѣтъ* (исторія Хр. Колумба) составлена также недурно, и ее тоже можно рекомендовать читателямъ; напрасно только составитель слишкомъ отрицательно относится къ самой личности Колумба, основываясь на извѣстныхъ авторахъ, старающихся уменьшить заслугу великаго генуэзца, слишкомъ гонится за популярнымъ изложеніемъ, жертвуя ради него научною истиной (наприм., на стр. 8 мы читаемъ, что земля *свободно* (?) держится въ небесномъ пространствѣ и т. п.).

Книжки г-жи Водовозовой удачно отличаются отъ изданій „Посредника“ тѣмъ, что составительница обращаетъ вниманіе на значеніе и исторію учрежденій тѣхъ странъ, которыя она описываетъ; она посвящаетъ много вниманія экономической жизни каждаго народа, общественной жизни всѣхъ сословій, а также знакомитъ „съ образомъ правленій въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ вполнѣ прочно установился и отражается на всей жизни, нравахъ и привычкахъ народа“, и старается дать „вполнѣ ясное представленіе о земледѣльческой, промышленной и торговой дѣятельности каждаго народа, поскольку она имѣетъ значеніе въ его жизни“. Каждая книжка даетъ довольно полное представленіе о данномъ народѣ. Было бы ошибочно смѣшивать географическую серію книгъ г-жи Водовозовой съ ея извѣстнымъ трудомъ *Жизнь европейскихъ народовъ*. Книжка эта представляетъ полную переработку этого послѣдняго труда, отчасти дополненную, а отчасти сокращенную. Особенно интересно составлена и даетъ массу новыхъ свѣдѣній книжка, посвященная англичанамъ, а также книжка о германцахъ, гдѣ читатели найдутъ, между прочимъ, интересное описаніе экономической неурядицы и сопровождающей ее классной борьбы въ этихъ странахъ. Всѣ книжки написаны болѣе или менѣе по одному плану: страна и народъ, главные города и провинціи, занятіе народа и экономическое положеніе разныхъ классовъ, религія и праздники, характеръ народный и въ *нѣкоторыхъ* книжкахъ государственныя устройства. О томъ, что описаніе этого послѣдняго встрѣчается не въ каждой книжкѣ, нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ каждой странѣ есть свои особенности въ этомъ отношеніи, и, кромѣ того, въ разныхъ странахъ писаный законъ далеко не въ одинаковой степени отождествленъ съ закономъ, примѣняемымъ на практикѣ. Еслибы въ нѣкоторыхъ книжкахъ и встрѣтились кое-какія повторенія, то жалѣть все же не пришлось бы, какъ не приходится и долго еще не придется жалѣть о распространеніи среди русскихъ читателей, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, правовыхъ понятій вообще. Между тѣмъ такого рода книжки по географіи представляютъ богатый матеріалъ и вполнѣ удобную почву для популяризаціи этихъ понятій.

Серія, издаваемая и составляемая г-жею Водовозовой, охватываетъ лишь народы европейскіе. Книжка, составленная г-жею А. Быковой, пополняетъ весьма чувствительный недостатокъ подобнаго рода книгъ по отношенію къ странамъ не-европейскимъ. Эта послѣдняя книжка посвящена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Читатели найдутъ въ ней главнымъ образомъ описаніе государственнаго устройства этой страны, ея экономическаго положенія въ связи съ исторіей ея и географическими ея условіями. Авторъ прежде всего даетъ очеркъ заселенія страны европейскими выходцами, ихъ борьбы съ туземцами, далѣе рисуетъ ихъ борьбу съ метрополіей и освобожденіе штатовъ отъ англійской зависимости, далѣе разсматриваетъ организацію союзнаго правительства и дѣлаетъ общій очеркъ территоріи Штатовъ во всемъ

разнообразіи математическихъ и географическихъ и другихъ естественно-историческихъ условій. Въ слѣдующей главѣ, посвященной населенію штатовъ, читатель найдетъ интересный и поучительный историческій очеркъ рабства въ Соединенныхъ Штатахъ и борьбы американскаго народа за освобожденіе негровъ. Слѣдующія главы посвящены описанію добывающей и обрабатывающей промышленности, торговлѣ, народному образованію, религіи и церкви, и, наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ старается дать характеристику американца, его склада ума, его семейной жизни и т. д. Книжка г-жи Быковой составлена по хорошимъ источникамъ (главнымъ образомъ по Брайсу) и богата содержаніемъ; во всемъ видна добросовѣстность автора. Изложеніе книги нѣсколько сухое, языкъ отвлеченный и нерѣдко тяжелый. Это портитъ впечатлѣніе, производимое этою прекрасною въ другихъ отношеніяхъ книжкой.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *декабрь*.—„Русское Богатство“, *ноябрь*.“—Сѣверный Вѣстникъ“, *декабрь*.—„Образованіе“ 1896 г.—„Дѣтское чтеніе“, *февраль* 1896 г.—*январь* 1897 г.—„Дѣтскій Отдыхъ“, *май—декабрь* 1896 г.

Отсутствіе общихъ, охватывающихъ всѣ явленія общественной жизни идей,—таково было печальное свойство, отличавшее нашу журналистику въ истекшемъ году. Не безъ того, чтобы среди журнальнаго мусора и дѣловыхъ докладовъ, наполнявшихъ наши журналы, не встрѣчалось и кое-что интересное и внушительное... Въ теченіе года мы, по мѣрѣ силъ, указывали на это интересное и внушительное. Но какъ его мало было! И напрасны были бы всѣ объясненія такого прискорбнаго явленія тѣмъ обстоятельствомъ, что сама жизнь блѣдна и скучна, что въ ней нѣтъ животворныхъ началъ, которыя могли бы одухотворить и дать жизненную силу журналистикѣ. Такое объясненіе слишкомъ очевидно невѣрно. Нѣтъ, въ жизни, гдѣ-то въ ея глубинахъ, совершаются неслышные и незримые процессы броженія, и въ самыхъ литературныхъ проявленіяхъ,— не рѣшаемся сказать—въ литературныхъ отраженіяхъ жизни, — совершается какая-то еще не вполнѣ опредѣлившаяся эволюція, дѣлающая нашу журналистику такой, какова она есть, т.-е. сонной, неувѣренной ни въ себѣ, ни въ обществѣ и вялой. Внѣшнимъ образомъ эта эволюція выражается, можетъ быть, нѣкоторымъ паденіемъ типа большого журнала и поворотомъ во вниманіи публики въ сторону газеты, преимущественно ежедневной и къ книгѣ, главнымъ образомъ, переводной. Какъ бы то ни было непріятно само по себѣ для истинно-интеллигентнаго русскаго человѣка такое обстоятельство, оно—фактъ, который невозможно игнорировать и съ которымъ нельзя не считаться. И какъ бы парадоксально ни казалось наше утвержденіе читателю, мы рѣшаемся утверждать, что самъ по себѣ этотъ фактъ несомнѣнно прогрессивный. Дѣло въ томъ, что толпа, демократія, выступаетъ все больше и больше, хотя и далеко еще неопредѣленно, на арену общественной жизни и разрушаетъ старыя формы и въ самой жизни, и въ литературѣ. Центръ тяжести все болѣе и болѣе перемѣщается въ направленіи идей и требованій этой толпы. И вотъ, съ одной стороны, газетныя сенсаціонныя новости и веселенькія общественно-литературныя сплетни, а съ другой — жажда книги, поученія, котораго толпа ищетъ главнымъ образомъ въ переводной кни-

гѣ, часто хорошей, а еще чаще просто модной. Въ предыдущемъ обозрѣніи мы въ немногихъ словахъ указали или, лучше сказать, намекнули на судьбы нашего разночинца... Мы говорили тамъ, что у него не хватило самостоятельныхъ, личныхъ, такъ сказать, силъ, не хватило ни рѣшимости, ни умственной энергіи, чтобы проявить свою собственную человѣческую личность, чтобы создать свои собственныя формы культурнаго развитія. Онъ, такъ сказать, сѣлъ между двухъ стульевъ. Съ одной стороны, всѣ свои силы, главнымъ образомъ интеллектуальныя, онъ понесъ—худо ли, хорошо ли—на служеніе меньшему брату. А съ другой—эмоціональная сторона его духовной природы, его жажда къ свѣту и блеску жизни, законное стремленіе къ наслажденіямъ и къ счастію,—заставляла его примыкать къ единственной существующей въ странѣ старой культурѣ—культурѣ барско-бюрократической—и проникаться ею. Въ результатѣ такихъ двухъ по существу противоположныхъ стремленій, разночинецъ, несмотря на свою довольно-таки вліятельную роль въ исторіи нашей общественности, изнемогъ въ борьбѣ съ самимъ собой скорѣе, чѣмъ съ внѣшними условіями, какъ-то выцвѣлъ и обезличился. Въ концѣ-концовъ, второе изъ его стремленій, эмоціональное, одержало побѣду надъ первымъ, интеллектуальнымъ. Онъ, разночинецъ, началъ жить какими-то порывами, минутками особаго общественнаго оживленія, проявлявшагося преимущественно въ годины бѣдствій, и въ обычное время, послѣ различныхъ метаній въ разныя стороны, до символизма и декадентства включительно, сдѣлался просто хмурымъ и неинтереснымъ человѣкомъ. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій въ одномъ разсказѣ приводитъ слова умной старушки, что плохо и скучно живется потому, что интереснаго мужчины нѣтъ. Очень мѣткое и для того времени, когда были написаны или сказаны эти слова, пророческое замѣчаніе. Дѣйствительно, нѣтъ, пожалуй, ни интереснаго мужчины, ни интересной женщины; на поверхности общественной жизни фигурируютъ неинтересные, хмурые люди, забывшіе завѣты прошлаго, лишенные памяти и традицій и неспособные выдумать что-либо новое и интересное. Въ сущности говоря, всѣ эти хмурые люди просто на-просто остановились въ недоумѣніи предъ вопросомъ, до сихъ поръ еще нерѣшеннымъ: есть ли выходъ изъ старой дилеммы — служеніе или старая культура, есть ли что-либо третье, въ чемъ могла бы проявиться и вылиться всецѣло, стать во всю свою величину человѣческая личность, со всѣми своими сложными духовными запросами, со всѣми своими стремленіями и къ жизненнымъ наслажденіямъ, къ полнотѣ и блеску жизни, и къ развитію и свободѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ неистребимыми изъ души человѣческой стремленіями альтруистическими, съ желаніемъ положить душу свою за брата своего... Вопросъ такъ сложенъ, составляющіе его элементы такъ мало выяснены, что и недоумѣніе, и хмурость современнаго интеллигента, принадлежащаго и соціально и, главнымъ образомъ, духовно къ типу разночинца и въ силу совершившейся экономической и общественной эволюціи оказавшагося на поверхности, довольно понятны... Но отъ этого не легче, что они понятны. Они продолжаютъ давить и интеллигента-разночинца, и все общество, какъ кошмаръ.

Но вѣдь это на поверхности, скажете вы. А что же въ глубинахъ? Смѣлый вопросъ—и съ нашей стороны было бы не только смѣлостью, а прямо-таки дерзостью даже пытаться отвѣчать на него. Намъ приходится тутъ ограничиваться догадками. Многія соображенія и не ма-

лое количество дѣйствительно происходящихъ явленій заставляютъ насъ догадываться, что тамъ, въ глубинахъ-то этихъ, совершается что-то не вполнѣ ординарное и во всякомъ случаѣ достаточно интересное, что подъ замерзшей общественной поверхностной корой не только бѣжитъ, но и кипитъ, какая-то живая вода, малыми, почти незамѣтными струйками иногда прорывающаяся сквозь эту замерзшую кору, что идетъ какой-то совсѣмъ новый, еще неизвѣданный нами процессъ,—и процессъ, во всякомъ случаѣ, не регрессивный... Но и только—больше мы ничего не знаемъ, даже ни о чемъ не можемъ догадаться. Это даже не догадка, не гипотеза, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а скорѣе смутное чувство.

Что же тутъ дѣлать литературѣ, и въ особенности художественной? Литература не можетъ жить, пробавляясь только смутными чувствами. Для ея оживленія необходимы если не подлинные факты дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь и сколько-нибудь обоснованныя гипотезы. Она, вѣдь, бѣдняжка, всегда и во всѣ времена бываетъ только зеркаломъ дѣйствительности. Нѣтъ, даже и не зеркаломъ, а записной книжкой, дневникомъ уже пережитаго или, по крайней мѣрѣ, текущаго,—но текущаго вполнѣ сложившагося и опредѣлившагося въ своихъ общихъ очертаніяхъ. И вотъ именно такого сложившагося и опредѣлившагося литература передъ собой и не имѣетъ. И она невольно замираетъ и уступаетъ мѣсто голому, неосмысленному факту; журналъ все болѣе и болѣе стушевывается предъ ежедневною газетой, этой выразительницей общественнаго мнѣнія, какъ принято говорить, а вѣрнѣе—отголоскомъ его невыяснившихся и неопредѣлившихся настроеній.

Мы намѣренно употребили выраженіе *замираетъ,* а не умираетъ. Потому что литература, въ широкомъ смыслѣ этого слова, въ различныхъ своихъ формахъ (къ которымъ, однако, по нашему мнѣнію, собственно говоря, не принадлежитъ ежедневная пресса) умереть не можетъ, какъ не можетъ умереть человѣческая мысль.

Вышеизложенный процессъ появленія хмурости и вялости, отсутствіе *волевыхъ импульсовъ* и въ жизни, и въ литературѣ, разумѣется, не такъ простъ, какъ мы начертали это въ предыдущихъ замѣчаніяхъ. Да и было бы вполнѣ невозможнымъ дѣломъ, неисполнимою задачей пытаться изобразить его въ бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ во всей сложности его развѣтвленій и со всей путаницей сопутствующихъ причинъ и явленій. А кромѣ того, намъ думается, что обязанность журналиста передъ читателемъ состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить въ общихъ чертахъ сущность совершающагося въ жизни сложнаго процесса, предоставляя кое-что и личной работѣ читателя, его проницательности и вдумчивости. Тѣмъ не менѣе, кое-какія стороны процесса могутъ быть кстати отмѣчены и на этихъ страницахъ.

Таковъ, наприм., замолкшій, къ счастью, споръ о пресловутыхъ „русскихъ ученикахъ". Много въ этомъ спорѣ было и чернилъ пролито, и крови испорчено,—и, кажется, вполнѣ безплодно, какъ, впрочемъ, и очень многое совершенно безплодно совершается въ нашей довольно-таки, по правдѣ сказать, нелѣпо текущей дѣйствительности.

Противники истощили силы и замолкли. И только. А любопытно бы было взглянуть на это явленіе, т.-е. на появленіе въ значительномъ количествѣ „русскихъ учениковъ", съ вышеупомянутой точки зрѣнія, т.-е. какъ на частичное проявленіе процесса исканія интеллигентомъ-разночинцемъ новаго пути и новыхъ жизненныхъ формъ, новыхъ формъ

культуры. Несомнѣнно, что съ такой точки зрѣнія явленіе представится куда интереснѣе толстовства, о которомъ и теперь словесная борьба не совсѣмъ прекратилась. Интереснѣе потому, что толстовство, въ сущности, почти всѣми своими идейными сторонами примыкаетъ къ старымъ культурнымъ формамъ, къ старому барству, хотя и отрицая его; а теоріи „русскихъ учениковъ" зовутъ насъ совсѣмъ къ новому, нами неизвѣданному. Тутъ, разумѣется, дѣло не въ томъ, на правильномъ ли пути стоятъ эти теоріи, имѣютъ ли онѣ какое-либо серьезное значеніе въ нашей дѣйствительности. Этотъ вопросъ въ настоящее время мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ наше отношеніе къ теоріямъ достаточно выяснилось предъ читателемъ. Мы полагаемъ, что теорія и ея русскіе представители въ особенности стоятъ на пути не вѣрномъ, главнымъ образомъ потому, что они догматичны. Но повторяемъ: теперь насъ не эта сторона дѣла занимаетъ. Мы хотимъ только указать, что стремленіе къ изысканію новыхъ формъ быта въ средѣ новыхъ общественныхъ слоевъ столь сильно, что оно не останавливается даже предъ очевидной непригодностью догматики.

Но неудовлетворенность и недоумѣніе предъ дилеммой выражается не однимъ только исканіемъ новыхъ путей, а часто и попытками оживленія стараго, уже пережитаго и часто безвозвратно прошедшаго, нѣкоторымъ пережевываніемъ такъ называемыхъ „забытыхъ словъ". И не подумайте, что такое пережевываніе всегда бываетъ пережевываніемъ хорошаго, добраго стараго. Къ сожалѣнію, не такъ. Разъ люди начинаютъ въ безсильной тоскѣ неудовлетворенности обращаться къ старому, они вмѣстѣ съ добрымъ пережевываютъ и не совсѣмъ доброе... И до такой степени всѣ шашки перемѣшались, что доброе вы встрѣтите тамъ, гдѣ этого всего меньше ожидать могли, и, наоборотъ, недоброе тамъ, гдѣ ему бы и быть не приличествовало.

Приведемъ примѣры:

Недавно *Гражданинъ* удивилъ читателя хвалебнымъ гимномъ въ честь освободительныхъ реформъ Императора Александра II. „Освобожденіе крестьянъ, — говоритъ онъ (цитируемъ по „общественной хроникѣ" *Вѣстн. Евр.*),—созданіе безцензурной печати, отдѣленіе административной и судебной властей, городское и земское самоуправленіе— все это представляло одну стройную систему, одно начало, проведенное чрезъ всѣ реформы. Это—преддверіе конституціоннаго образа правленія. Въ складкахъ этихъ реформъ несомнѣнно заключалась и свобода. Она вѣяла, она чувствовалась, она носилась въ воздухѣ. И въ частной жизни, и въ общественной, и въ государственной замѣчался сильнѣйшій подъемъ духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все *лучшее* въ обществѣ, всѣ *лучшія* стремленія, всѣ *высшія* проявленія души *лучшей* части общества. Словно Духъ Божій носился въ атмосферѣ и воспроизводилъ тотъ удивительный подъемъ духа, который окружалъ освободительныя реформы. Теперь какъ-то странно даже вспоминать этотъ подъемъ духа. Теперь, когда мы присутствуемъ на похоронахъ всѣхъ этихъ реформъ, когда мы видимъ затоптанными въ грязь всѣ высшіе идеалы людей 60 годовъ, когда мы наблюдаемъ повсюду главенство толпы — становится жутко на душѣ, слезы душатъ горло, словно стоите вы передъ незасыпанной еще могилой, въ которой похоронено все дорогое вашему сердцу, вся ваша духовная жизнь".

Вотъ они какія иногда, эти забытыя слова, бываютъ, и вотъ гдѣ они иногда вспоминаются!... Хроникеръ *Вѣстн. Евр.* указываетъ, что за бочкой меду слѣдуетъ и бочка дегтю... Но намъ-то это неинтерес-

но. Мало интересно и то обстоятельство, что „могилу-то зарывать“ помогали *Гражданинъ* и его присные. Не въ томъ дѣло... А въ томъ только, что приведенныя слова *Гражданина* не просто „гимнъ“, но и вопль, плачъ человѣка съ истерзанной жизнью душой, человѣка, утратившаго вѣру въ начала старой культуры, сознавшаго, что она безвозвратно отжила, и не видящаго въ жизни зачатковъ новой культуры. Пусть мы знаемъ, что плачущій человѣкъ пришелъ бы въ трепетъ и началъ бы брыкаться, еслибъ былъ способенъ усмотрѣть въ жизни такіе зачатки новой создающейся культуры. Это все равно,— важенъ самый фактъ его тоски, его слезъ... Ужъ если, даже и такихъ мастодонтовъ, какъ *Гражданинъ*, жизнь прошибаетъ своими требованіями, даже до пролитія слезъ, то кто же долго можетъ сопротивляться ея требованіямъ и нуждамъ?

Это—хорошія „забытыя слова“. Но бываютъ и иныя, далеко не столь хорошія, и къ сожалѣнію встрѣчаемъ мы ихъ въ томъ же *Вѣст. Евр*... Попытаемся быть при изложеніи того, что мы хотимъ сказать читателю, настолько объективными, насколько это въ данномъ случаѣ возможно.

Въ послѣднихъ книгахъ *Вѣстн. Евр.* печаталась довольно большая повѣсть *Андрей Мологинъ*. Повѣсть себѣ ничего — ни лучше, ни хуже обычнаго беллетристическаго матеріала. Начало повѣсти г. Головина подавало даже нѣкоторыя надежды. Тамъ были изображены только что окончившіе университетскій курсъ молодые люди и была сдѣлана попытка дать нѣкоторую характеристику нѣкоторымъ изъ направленій, будто бы преобладающихъ среди нашей учащейся молодежи. Другое уже дѣло, дѣйствительно ли среди молодежи преобладаютъ именно тѣ направленія, которыя изображаетъ авторъ. Но все же и то, что онъ видимо хотѣлъ дать, могло бы быть довольно интересно, хотя можетъ-быть и не вполнѣ правдиво. Могло быть—да не вышло. А не вышло потому, что послѣ первыхъ же сценъ и разговоровъ молодежи началась обыкновенная муторная любовная канитель — и притомъ эту канитель авторъ тянетъ безъ всякихъ признаковъ какого-нибудь психологическаго анализа, безъ самыхъ малѣйшихъ слѣдовъ литературнаго таланта. *Онъ,* достойный, любилъ *ее*, а *она* не любила *его*, а полюбила другого, недостойнаго; а *онъ*, недостойный-то, увлекся распутной бабенкой и измѣнилъ *ей*, т.-е. не бабенкѣ, конечно, — та, понятно, сама ему измѣнила, а первой *ей*,—и притомъ погубилъ Богомъ данные ему таланты, и хотя по настоянію своего прежняго соперника, *достойнаго*, сдѣлался земскимъ начальникомъ, но не процвѣлъ, а напротивъ оказался тѣмъ, чѣмъ ему съ самаго начала быть надлежало т.-е. попросту прохвостомъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, повѣсть именно такая, которую смѣло можно прочитать и немедленно же забыть, а самое лучшее—совсѣмъ не читать. А ужъ разговаривать о ней и подавно не стоило бы, еслибы... въ ней нѣкотораго, довольно-таки въ носъ бьющаго направленія не имѣлось. А направленіе, дѣйствительно, въ ней есть, и направленіе въ носъ бьющее. Это направленіе выражено въ лицѣ главнаго, въ сущности, героя повѣсти, Курцова, противопоставляемаго авторомъ талантливой русской натурѣ, Андрею Мологину. Авторъ положительно любуется г. Курцовымъ; онъ, т.-е. не авторъ, а Курцовъ, и сѣчетъ, и рубитъ, и въ плѣнъ беретъ. Даже красавица Нина только сначала предпочла ему красиваго и безпутнаго Мологина, но вскорѣ раскаялась въ своемъ прегрѣшеніи и легкомысліи и полюбила, хотя уже и безнадежно, авторскаго любимца. Чѣмъ

же, однако, очаровалъ автора г. Курцовъ? Да тѣмъ, что онъ прежде всего всякія безумныя мечтанія отвергаетъ, и крестьянъ къ суду земскаго начальника тянетъ за потравы — не ради низкой корысти, конечно, а ради внѣдренія въ крестьянскую душу чувства законности и постепеннаго и закономѣрнаго прогресса. Онъ, Курцовъ этотъ, разумѣется, западникъ чистѣйшей воды и въ этомъ своемъ достоинствѣ противопоставляется не только безпутному „самобытнику" Мологину, но и подлецу-радикалу управляющему, готовому служить и нашимъ и вашимъ,—ибо, понятное дѣло, убѣжденія, которыми зараженъ управляющій, бывшій Петровецъ, есть не что иное, какъ мерзкая зависть. Вооруженный такими неодолимыми достоинствами, Курцовъ побѣдоносно „претъ въ пространство", грудь впередъ и руки на-отмашъ, и въ своемъ побѣдномъ шествіи по пути прогресса все преодолѣваетъ; хозяйство у него идетъ чудесно, земство его облюбовало, еще больше облюбовало его дворянство. И вотъ онъ добился всего, чего такая самодовольная особа добиться можетъ: онъ — предводитель и внѣдряетъ въ души подвѣдомственныхъ ему мужиковъ чувства порядка и законности... при посредствѣ, разумѣется, земскихъ начальниковъ. И вотъ такую-то противную фигуру осмѣливаются рекомендовать намъ, какъ истиннаго дѣятеля и носителя россійскаго прогресса. „И нѣтъ у него сомнѣній въ вѣрности избраннаго имъ пути", нѣсколько восторженно заключаетъ свое диковинное произведеніе г. Головинъ. Ужъ на что вѣрнѣе, и какія тутъ сомнѣнія? Знай себѣ „при въ пространство"— и шабашъ.

Но что же сей сонъ означаетъ? — съ недоумѣніемъ спроситъ читатель.—И при чемъ тутъ нехорошія „забытыя слова"?

Что именно обозначаетъ сей сонъ,—можетъ быть, читатель усмотритъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія; а причемъ тутъ нехорошее забытое, мы попытаемся объяснить сразу.

Современный читатель, такъ основательно забывшій многое изъ прошлаго, навѣрное не помнитъ и того, кого именно, какой типъ людей окрестили у насъ въ 60-е и въ 70-е годы прозвищемъ „постепеновца"... А, право, помнить бы это не мѣшало, и въ особенности не мѣшало бы помнить, какую роль люди этого типа сыграли въ исторіи нашей общественности. Постепеновецъ гончаровскій Штольцъ, постепеновецъ и тургеневскій Соломинъ (хотя только и отчасти,—слишкомъ уменъ былъ покойный Тургеневъ, чтобы „чистаго постепеновца" признать положительнымъ типомъ). Они, постепеновцы-то эти, *первые* въ эпоху только что начавшихся реформъ, въ эпоху страстной борьбы, когда многое, правда, было добыто, но еще ничего не было *обезпечено*, провозгласили скверный „принципъ": наше время—не время великихъ задачъ... Они первые поставили ту „точку", которая послужила такою чудесною точкой опоры для разныхъ, съ позволенія сказать, сыновъ своего отечества... Потомъ все это измѣнилось—и „постепеновцы", гордо стремившіеся въ пространство, топчась на одномъ мѣстѣ, сами довольно-таки неожиданно для себя, оказались не въ авантажѣ и стушевались... Теперь, очевидно, г. Головинъ полагаетъ, что наступило время, когда имъ снова полагается на свѣтъ выползти... И, можетъ быть, не одинъ г. Головинъ это полагаетъ. Припомните, наприм., знаменитую въ нѣкоторомъ родѣ статью г. Слонимскаго о сліяніи нашей интеллигенціи съ бюрократіей, и вы, можетъ быть, кое-что и сообразите.

Главное свойство гг. Курцовыхъ, какъ теперешнихъ, такъ и прежнихъ, какъ нашихъ россійскихъ, такъ и западно-европейскихъ, состо-

итъ въ томъ, что они черезчуръ ужъ скоро, если можно такъ выразиться, насыщаются, — конечно, духовно; хотя не безъ того, чтобъ и матеріальная сторона дѣла тутъ не играла нѣкоторой роли вновь пріобрѣтенными ими лично для себя благами. Этимъ свойствомъ обусловливается и ихъ отношеніе къ такъ называемымъ утопіямъ. Это—отношеніе замоскворѣцкой купчихи къ жупелу: трепетъ или озлобленіе. Вѣрнѣе сказать, и трепетъ, и озлобленіе. Двѣ эти эмоціи въ данномъ случаѣ синхроничны. И въ самомъ дѣлѣ, замоскворѣцкая купчиха въ первый моментъ произнесенія слова „жупелъ" трепещетъ и падаетъ въ обморокъ, но въ слѣдующую минуту она непремѣнно озлобляется... И тогда она клевещетъ. Вотъ таково же и отношеніе гг. Курцовыхъ къ „утопіямъ"... И тутъ снова мы имѣемъ дѣло съ пережевываніемъ стараго. Въ то время, о которомъ съ такимъ упоеніемъ и гордостью вспоминаетъ *Гражданинъ,* начало происходить нѣкоторое отдѣленіе овецъ отъ козлищъ, т.-е. тогдашнихъ Курцовыхъ отъ утопистовъ. Правда, разница въ томъ, что въ то время отдѣленіе сіе производилось съ другой стороны... А теперь, очевидно, гг. Курцовы возмнили, что настало ихъ время и что снова пора приступить къ раздѣленію овецъ отъ козлищъ. Ну, что же? На здоровье! Только не ошибаются ли гг. Курцовы, благоразумно ли они поступаютъ и во благовременіе ли начатъ ими походъ противъ утопій?

Слѣдуетъ, однако, сдѣлать одну оговорку. По нынѣшнимъ временамъ такія оговорки совершенно необходимы. Читатель долженъ постоянно помнить, что мы просто констатируемъ фактъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣроятности или ложности самыхъ спорныхъ теорій или гипотезъ. Мы отмѣчаемъ только отношеніе къ нимъ гг. Курцовыхъ и находимъ, что это отношеніе... какъ бы это сказать?... неприличное, что ли? И въ самомъ дѣлѣ, замоскворѣцкой купчихѣ, можетъ быть, и прилично и трепетать, и злобствовать, и въ припадкѣ озлобленія даже клеветать при произнесеніи слова: жупелъ, но прилично ли это здравомыслящимъ и серьезнымъ людямъ?

Несомнѣнно пока одно, что открытъ чуть ли не систематическій походъ противъ „утопій", и, по нашему мнѣнію, это одинъ изъ признаковъ какъ текущей дѣйствительности, такъ и настроенія нѣкоторой части нашей журналистики. Съ такимъ фактомъ надо считаться и его необходимо объяснить. Объясненіе мы пытались дать выше и, вѣроятно, намъ не одинъ еще разъ придется вернуться къ нему и развить его подробнѣе и съ нѣкоторыми деталяли. Придется потому, что это явленіе не случайное, не капризъ нѣкоторыхъ органовъ печати или нѣкоторыхъ писателей, а признакъ развитія нашей общественности, и въ качествѣ таковаго не можетъ безслѣдно исчезнуть и въ нашей литературѣ.

И вотъ въ теченіе прошлаго года на страницахъ одного и того же журнала въ статьяхъ гг. Герье, Слонимскаго, наконецъ, Соловьева мечутся громы въ „утопіи". Общее свойство всѣхъ этихъ воителей и рыцарей состоитъ въ томъ, что они... какъ бы это повѣжливѣе выразиться?... плохо освѣдомлены о томъ, о чемъ берутся разсуждать. Г. Соловьевъ, напримѣръ, человѣкъ съ безспорнымъ и очень большимъ публицистическимъ талантомъ, съ значительными знаніями въ области философіи и прикосновенныхъ къ ней научныхъ дисциплинъ, но въ знаніи экономической науки онъ, очевидно, не пошелъ дальше Жана Баттиста Сея и Бастіа, блаженной памяти, присоединивъ къ нимъ, вѣроятно, нѣкоторыя популярныя брошюрки Рихтера и экономи-

стовъ этической школы. И это не помѣшало ему, однако, взяться за обсужденіе темъ экономическихъ (*Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія*).

Мы не будемъ, разумѣется, отрицать основательности нѣкоторыхъ изъ общихъ положеній, изъ которыхъ исходитъ г. Соловьевъ въ своемъ разсужденіи, и именно тѣхъ положеній, которыя заимствованы имъ у этической школы и только изложены по-своему. Хотя, кстати сказать, и самыя-то эти положенія основаніе свое ведутъ изъ нѣкотораго методологическаго недоразумѣнія, отъ непониманія того, что при обсужденіи экономическихъ вопросовъ возможно отвлеченіе элемента чисто-экономическаго отъ всѣхъ иныхъ, ему сопутствующихъ и его корректирующихъ, и составленіе на основаніи такого отвлеченнаго діалектическаго метода выводовъ, подлежащихъ повѣркѣ и исправленію данными, добытыми другими методами и другими научными дисциплинами... Тѣмъ не менѣе, мы готовы подписаться подъ такими положеніями г. Соловьева, какъ, наприм., слѣдующее: „никакихъ самостоятельныхъ экономическихъ законовъ, никакой особой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ", хотя слѣдующее сейчасъ за этими словами утвержденіе, будто „самостоятельный и безусловный законъ одинъ — нравственный и необходимость одна — нравственная", заводитъ въ такія дебри абстрактной метафизики, въ которыя мы ни сами не пойдемъ за г. Соловьевымъ, ни читателя не поведемъ.

Не объ этихъ вѣрныхъ или невѣрныхъ, но всегда остроумныхъ, хотя и не всегда глубокихъ замѣчаніяхъ г. Соловьева мы ведемъ теперь рѣчь съ читателемъ, а объ отношеніи автора къ „жупелу". Въ этомъ смыслѣ статья г. Соловьева особенно любопытна. Не обладая талантомъ упомянутаго знаменитаго публициста, мы ограничимся собираніемъ разсыпанныхъ въ его статьѣ перловъ и діамантовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, они сами за себя многое скажутъ уму и сердцу читателя.

Въ подчиненіи всего началу матеріальному „исчезаетъ принципіальное различіе между соціализмомъ и враждебной ему буржуазной экономіей" (ср. Малона, Бебеля и изъ статей Фурье). „Соціализмъ изъ начала (?) ставитъ совершенство общества во всецѣлую зависимость отъ хозяйственнаго строя—и поэтому въ сущности стоитъ на одной почвѣ съ „мѣщанскимъ царствомъ". („Философъ свободенъ и въ темницѣ"—съ одной стороны, „съ милымъ рай и въ шалашѣ"—съ другой!)... „Земля не есть только вещь (т.-е. не матерія, что ли, а духъ?), она есть овеществленная сущность". „На чемъ можетъ быть основано право собственности рабочаго на продуктъ труда? Развѣ только на неточности этого выраженія". Говоря о правѣ наслѣдства и о беззаботности, г. Соловьевъ прямо уже ругается: „при недостаткѣ этого свойства (высоты птичьяго полета) беззаботность уподобляется тому животному, которое не только подкапываетъ корни дуба, но и вмѣсто желудей пожираетъ своихъ собственныхъ поросятъ".

Перейдемъ, однако, къ разсмотрѣнію того матеріала, который находимъ въ послѣднихъ книжкахъ журнала.

Въ *Русск. Богат.* мы находимъ два недурные очерка изъ быта ссыльныхъ въ Сибири: *Уйбанъ-Хайлахъ* г. С—каго и *Смѣнщикъ* г. Гвоздева. Вообще Сибири со ссыльными въ нашей литературѣ по нѣкоторымъ случайнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ обстоятельствамъ посчастливилось. Даже немного досадно становится, что такая масса

силъ, иногда очень недюжинныхъ, — припомнимъ хоть бы г. Мельшина — тратится именно на Сибирь. Кажется, будто окружающая насъ жизнь, ея запросы, ея интересы и порождаемыя ею психологическія и иныя задачи и проблемы, создаваемые ею типы утратили для публики всякій интересъ. Или, наоборотъ, все это—и эта жизнь, эти запросы, эти проблемы и эти типы—столь запутаны и сложны (и это такъ и есть въ дѣйствительности), что беллетристы, которымъ никоимъ образомъ нельзя отказать въ талантахъ, останавливаются предъ нашей жизнью въ недоумѣніи и не знаютъ, съ какой стороны подойти къ ней, съ какой точки зрѣнія ее разсматривать, какъ ее изображать...

Очеркъ г. С—каго симпатиченъ по замыслу (изображеніе духовной жизни бродяги, разбитаго параличомъ, медленно умирающаго въ Якутской юртѣ и во время своей болѣзни задумавшагося надъ вѣковѣчными вопросами о жизни и ея значеніи), но блѣдноватъ и слабъ по исполненію. *Смѣнщикъ* г. Гвоздева, напротивъ, написанъ ярко; авторъ не жалѣетъ красокъ для описанія всего ужаса положенія бѣдной, мелкой „шпанки“, котораго „партія“ преслѣдованіями всякаго рода заставляетъ сдѣлаться *Смѣнщикомъ*, т.-е. пойти въ каторгу (вѣчную) за другого, стараго бродягу. Картины этапной жизни, этапныхъ нравовъ, безпощадной и свирѣпой жестокости арестантской этики и логики — выписаны съ суровымъ реализмомъ, — столь суровымъ, что морозъ подираетъ по кожѣ. Ни одной сколько-нибудь человѣчной черточки въ этихъ суровыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкихъ фигурахъ, ни одного проблеска человѣческаго чувства, человѣческой мысли! Впечатлѣніе получается, несомнѣнно, сильное, но впечатлѣніе отнюдь не художественное, не такое, какое мы получаемъ при чтеніи *Записокъ изъ Мертваго дома*, *Міра отверженныхъ*, разсказовъ г. Короленка изъ того же мірка, изъ разсказовъ г. Елпатьевскаго, даже изъ небеллетристическихъ очерковъ покойнаго Ядринцева и др. Отдѣлавшись отъ перваго впечатлѣнія ужаса, производимаго очеркомъ г. Гвоздева, читатель непремѣнно думаетъ, что тутъ что-то не такъ, что не могли же такъ грубо ошибиться тонкіе и правдивые наблюдатели и часто тонкіе и сильные художники, что г. Гвоздевъ тоже, несомнѣнно, правдивъ и его описаніе вѣрно дѣйствительности, но въ немъ нѣтъ чего-то, что составляетъ душу всякаго художественнаго произведенія, — нѣтъ любви къ челевѣку, нѣтъ жалости къ описываемому имъ міру. Очеркъ г. Гвоздева ярокъ, но это — не художественное произведеніе. Онъ не вызываетъ въ душѣ читателя *вѣры* въ человѣка,—а безъ этой вѣры мертва жизнь, мертва и художественная литература.

Изъ серьезныхъ статей разбираемой книги *Русск. Богат.* укажемъ на статьи г. Зака (*Наша податная система*) и г. Шрейдера (*Муниципальные этюды*).

„Бросивъ общій взглядъ на всю совокупность русскихъ налоговъ,— говоритъ г. Закъ,—мы видимъ, что наша система прямого обложенія принадлежитъ къ типу такъ называемаго Ertragsteuersystem, ищущей податнаго объекта не въ общей суммѣ доходовъ плательщиковъ, а въ выручкѣ, которую онъ можетъ получить отъ имущества и заработковъ. Формы обложенія крайне неподвижны, не принимаютъ во вниманіе индивидуальныхъ особенностей облагаемаго хозяйства, поражаютъ не доходъ, а ту абстрактную величину, которая *можетъ быть* получена плательщикомъ“. Вообще говоря, раціональная постановка подобной

системы является въ настоящее время недостижимой утопіей и потому тамъ, гдѣ она существуетъ, мѣриломъ для обложенія служатъ разные внѣшніе признаки, дающіе неудовлетворительный базисъ для налога. „Еслибы законодатель,—продолжаетъ г. Закъ,—и хотѣлъ вполнѣ послѣдовательно провести принципы справедливости (а этого совсѣмъ не замѣчается въ нашей системѣ обложенія), то на практикѣ эти благопожеланія не могли бы быть осуществленны... Полное проведеніе требованій справедливости возможно только въ томъ случаѣ, если окончательно порвать съ анахронической Ertragsteursystem и вмѣсто нея ввести систему общеподатного обложенія“.

Наша податная система,—продолжаетъ авторъ,—настоятельно нуждается въ реформѣ. У насъ существуютъ даже изъятія отъ налоговъ—фактъ, являющійся анахронизмомъ въ финансовой политикѣ конца XIX вѣка. У насъ нѣтъ и намека на соразмѣрность налога съ платежеспособностью: чѣмъ меньше мы имѣемъ, тѣмъ больше платимъ. Крестьянская земля обложена сильнѣе частновладѣльческой; крупные заводчики платятъ столько же, сколько мелкіе; неравномѣрность красной нитью проходитъ чрезъ всю податную систему. „Нужно ли доказывать, что наша податная система нуждается въ коренной реформѣ? Здѣсь не палліативы нужны, не починки и поправки, а замѣна всего механизма другимъ, принадлежащимъ совсѣмъ къ иному типу. Реформы податной системы должна стоять на первой очереди въ ряду финансовыхъ мѣропріятій, ибо налогъ, взимаемый безъ соблюденія требованій справедливости, врѣзывается въ самый народный капиталъ. Тяжесть налога означаетъ истощеніе народнаго хозяйства...“ Не установленіемъ металлической валюты должны мы теперь заниматься, а реорганизаціей налоговъ на началахъ, соотвѣтствующихъ выводамъ финансовой науки“.

Сильныя и мужественныя слова. Среди нашей литературы докладовъ и всяческихъ компромиссовъ съ дѣйствительностью, мы даже какъ-то ужъ отвыкли отъ такихъ словъ, отъ такой прямой и послѣдовательно-принципіальной и истинно - научной постановки вопросовъ. Нашему уху и нашему уму привычнѣе утвержденія „изслѣдованія такого типа, какъ, напримѣръ, изслѣдованія г. Тернера (*Государство и землевладѣніе*). Мы только указываемъ на статью г. Зака, какъ на образчикъ настоящей, подлинной литературы, не имѣя претензій въ бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ исчерпать ея интересное содержаніе.

Очень любопытна и статья г. Шрейдера (*Муниципальные этюды*). Авторъ, сознаваясь въ недостаткѣ матеріала по избранному имъ предмету, тѣмъ не менѣе даетъ очень интересную попытку сравненія стараго Городового Положенія съ новымъ. Выводы получаются довольно неожиданные и крайне любопытные. Въ ряду многочисленныхъ нареканій на прежнее городское самоуправленіе, наиболѣе тяжкія падали на долю „третьяго разряда“ избирателей, городской мелкоты. Теперь эта мелкота совершенно устранена отъ участія въ городскихъ дѣлахъ. Что же, однако, говорятъ факты? А вотъ что: указывалось на безпорядочность избирательныхъ собраній третьяго разряда. На самомъ мѣстѣ, въ собраніи, намѣчались кандидаты, здѣсь же они подвергались публичной и безпощадной критикѣ. Конечно,—замѣчаетъ авторъ,—избирательная оппозиція у самыхъ урнъ—это нѣчто противорѣчащее теоріи принципу свободы выборовъ. Но гоните жизнь въ дверь—она влетитъ въ окно. Разъ избирателямъ не было даровано право предвыборныхъ

сходокъ и открытой агитаціи, то агитація эта неизбѣжно должна была перенестись къ самымъ избирательнымъ урнамъ. Избиратели третьяго разряда относились къ выборамъ горячо и не могли относиться иначе по той простой причинѣ, что этотъ разрядъ представлялъ основную массу городского населенія, ближе всего заинтересованнаго въ правильномъ ходѣ городскихъ дѣлъ и всего больше страдающаго отъ недостатковъ самоуправленія. Городская мелкота проявляла особую чувствительность ко всему, что сколько-нибудь соприкасалось съ муниципальной областью. Характерно, что въ думскихъ засѣданіяхъ мѣста для зрителей переполнялись именно этою мелкотой, а не представителями интеллигенціи, бюрократіи, буржуазіи—вообще, такъ называемаго, общества. Эта публика чрезвычайно дорожила гласностью думскихъ засѣданій и съ горячимъ негодованіемъ встрѣчала все, мѣшающее гласности. Конечно, не всегда избранники третьяго разряда были *лучшими* въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, но почти всегда они были лучшими въ смыслѣ наибольшей приспособленности для борьбы за интересы разряда. Приводимыя г. Шрейдеромъ цифры указываютъ между прочимъ, на слѣдующій любопытный фактъ: представительство третьяго разряда было значительно подвижнѣе, обновлялось чаще, чѣмъ представительство двухъ первыхъ. Въ первомъ разрядѣ „новичковъ“ (новыхъ гласныхъ) было $22^1/_2\%$, а „старичковъ“ (старыхъ) 44%, а въ третьемъ первыхъ было $48^1/_2\%$ и вторыхъ только 21%. Вообще гласные третьяго разряда не засиживались на своихъ мѣстахъ, въ противоположность гласнымъ первыхъ двухъ разрядовъ. Далѣе любопытно и то, что въ третьемъ разрядѣ число гласныхъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ росло быстрѣе, чѣмъ въ двухъ первыхъ (въ первомъ разрядѣ приростъ $45^1/_2\%$, а въ третьемъ 73%). Болѣе быстрое обновленіе состава гласныхъ вело въ третьемъ разрядѣ къ повышенію образовательнаго ихъ уровня. Головъ, заступающихъ ихъ мѣсто, членовъ управы было, разумѣется, меньше изъ числа представителей третьяго разряда, но „судьба давала компенсацію третьему разряду въ формѣ обидной для двухъ первыхъ разрядовъ“. Лица городской іерархіи изъ представителей третьяго разряда получали оклады жалованья въ полтора раза большіе, чѣмъ представители первыхъ двухъ. Что же означаетъ этотъ фактъ? А вотъ что: управцы, вышедшіе изъ рядовъ третьяго разряда, были *въ массѣ образованнѣе* своихъ коллегъ. И потому должны были получать высшее вознагражденіе за лучшій трудъ, болѣе напряженный и болѣе продуктивный.

Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Шрейдеръ, таковъ: третій разрядъ избирателей былъ именно тѣмъ, чрезъ который по преимуществу входили въ составъ муниципалитетовъ новыя и свѣжія силы. Онъ отдавалъ въ распоряженіе муниципальныхъ учрежденій самые лучшіе, наиболѣе образованные, энергичные и жизнедѣятельные свои элементы. На первый взглядъ въ такомъ выводѣ есть что-то парадоксальное, но только на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что избиратели третьяго разряда ясно сознавали, что ихъ представители въ думѣ—меньшинство и что получить вѣсъ и значеніе они могутъ только при томъ условіи, если будутъ выдѣляться образованіемъ, если будутъ наилучшимъ образомъ вооружены для борьбы за интересы своихъ избирателей. Но откуда же брались образованные представители третьяго разряда? Они брались изъ интеллигентовъ-пролетаріевъ, совсѣмъ непричастныхъ ни къ торговлѣ, ни къ промышленности, ни къ домовла-

дѣнію. Выгнанная въ дверь жизнь проникала—и могла проникать—при прежнемъ городовомъ положеніи въ окно.

Г. Михайловскій (*Литература и жизнь*) даетъ начало этюда объ основныхъ мотивахъ творчества Ибсена. По началу статьи, трудно, разумѣется, судить, удастся ли автору доказать свой взглядъ о сущности творчества Ибсена. Какъ и всегда, нашъ критикъ - публицистъ по пути бросаетъ нѣкоторыя цѣнныя указанія и замѣчанія. Но, признаться, для насъ еще остается не вполнѣ выясненнымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Ибсена слѣдуетъ считать поэтомъ долга, отвѣтственности человѣка, изобразителемъ мотивовъ совѣсти и чести. „Мнѣ кажется, говоритъ г. Михайловскій, что весь литературный багажъ или, по крайней мѣрѣ, большая его часть составляетъ въ совокупности одну большую книгу объ „отвѣтственности человѣка". Отвѣтственность же человѣка предъ собой и предъ другими исчерпывается понятіями вины и заслуги и соотвѣтственными имъ мотивами совѣсти и чести". „Для Ибсена, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, несчастное супружество есть не цѣль описанія, а только поводъ—и не единственный—для изображенія однихъ и тѣхъ же движеній человѣческой души въ различныхъ, но въ сущности немногихъ комбинаціяхъ. Эти движенія одни и тѣ же: чувство оскорбленной чести и угнетенной совѣсти".

Точка зрѣнія, несомнѣнно, и очень оригинальная, и могущая повести къ весьма любопытнымъ выводамъ. Но мы не вполнѣ увѣрены, что она вѣрная, что ее дѣйствительно можно приложить къ творчеству Ибсена. Самъ г. Михайловскій замѣчаетъ, что „критикъ можетъ *не найти* общую почву (общую для себя и разбираемаго писателя), а *навязать* ее изучаемому писателю, и тогда все его зданіе окажется построеннымъ на пескѣ". Не на пескѣ ли построено и это зданіе г. Михайловскаго? Не вложилъ ли и онъ въ произведенія Ибсена тѣхъ дѣйствительно важныхъ мотивовъ, которые занимали давно и продолжаютъ занимать самого г. Михайловскаго? Подождемъ и увидимъ. Самъ почтенный авторъ рекомендуетъ прочитать статью до конца—и тогда судить. А пока въ статьѣ г. Михайловскаго намъ представляются особенно цѣнными его бѣглыя замѣчанія (къ сожалѣнію, немногія и недостаточно рѣзко выраженныя) о „разныхъ уродствахъ символическаго, мистическаго и архаически-наивнаго характера", которыя въ такомъ изобиліи встрѣчаются въ произведеніяхъ Ибсена—и, можетъ-быть, даже составляютъ существенный характеръ его творчества.

Вопросу о символистическомъ искусствѣ посвящаетъ свои *Литературныя замѣтки* и г. Волынскій. Предметъ его статьи—разборъ произведеній г. Сологуба. Критикъ раздѣлываетъ разбираемаго автора, что называется „подъ орѣхъ" (часто довольно остроумно и довольно основательно). Кстати слѣдуетъ припомнить, что г. Сологубъ въ нѣкоторомъ родѣ одинъ изъ духовныхъ сыновей г. Волынскаго и одинъ изъ соискателей новыхъ путей искусства и „новой" красоты. Произведенія г. Сологуба печатались исключительно во вдохновляемомъ г. Волынскимъ журналѣ. Что же! Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ, хотя, по совѣсти сказать, подобные литературные обычаи и пробы... немножко странноваты. Не въ томъ, однако, дѣло. Показавъ на примѣрѣ г. Сологуба все свое отвращеніе къ декадентству, критикъ спрашиваетъ: что такое символизмъ? И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ опредѣленіемъ: „символизмъ есть художественное сочетаніе міра явленій съ таинственнымъ міромъ божества". Замѣтивъ далѣе, что „самое поня-

тіе *явленія* имѣетъ логическій смыслъ только при міросозерцаніи идеалистическомъ (?), въ которомъ видимое и невидимое, реальное и мистическое слиты въ неразрывномъ единствѣ, какъ неотъемлемые признаки двухъ соприкасающихся между собой міровъ", критикъ съ свойственнымъ ему паѳосомъ провозглашаетъ, что „искусство является настоящимъ художественнымъ сочетаніемъ міра явленій съ таинственнымъ міромъ божества, творческая работа возможна только тогда, когда художникъ живо ощущаетъ Бога, непосредственно соприкасается съ нимъ, непроизвольно (непремѣнно непроизвольно? А *произвольно* нельзя?) соединяетъ чувственныя впечатлѣнія съ внутреннимъ религіознымъ „экстазомъ"...

Все это написано, разумѣется, in gloriam излюбленной г. Волынскимъ идеалистической философіи, т.-е., по-просту говоря, самаго закорузлаго средневѣковаго мистицизма, дѣлавшаго изъ философіи ancilla теологіи. (Да не подумаетъ читатель, что это мы смѣшиваемъ идеалистическую философію съ мистицизмомъ. Нѣтъ, ихъ смѣшиваетъ проповѣдникъ идеалистики, г. Волынскій.) Разговаривать съ г. Волынскимъ по этому поводу—дѣло совершенно безплодное, хотя и любопытно было бы спросить его, куда при такомъ пониманіи искусства онъ опредѣлитъ, ну, хоть скептика Шекспира, язычника Гёте и, боимся, чуть ли не агностика нашего Тургенева? Вѣдь, въ сущности, подъ такое опредѣленіе искусства подойдутъ, пожалуй, только такія отжившія его формы, какъ средневѣковая мистерія, да древнія теологическія поэмы. Не это ли и есть новое искусство, которое ищетъ г. Волынскій съ присными? Но, повторяемъ, не затѣмъ мы привели опредѣленіе символизма г. Волынскимъ, чтобы разговаривать съ нимъ. Умыселъ у насъ иной былъ.

Въ той же книгѣ *Сѣверный Вѣстникъ* напечатана „сказка дѣйствительности" г. Немировича-Данченко: „Удача". Такъ вотъ въ этой „сказкѣ дѣйствительности" г. Немировичъ-Данченко довольно-таки, по правдѣ сказать, грубо выражается по сему поводу (т.-е. о „новой"-то красотѣ): „какой-то дуракъ пустилъ въ ходъ мнѣніе, что старое искусство умерло—точно есть смерть для вѣчнаго". А дальше тотъ же беллетристъ даетъ (хотя и не прямое, а косвеннымъ образомъ) опредѣленіе искусства: „Формы! Оставьте ихъ тѣмъ, кто уже выработалъ идеи и понятія. Что мы съ вами сдѣлали для этого? Бездонный океанъ непонятаго народа — *ему бы служить*, пока рука кисть (или перо) держитъ—а вы бурьяномъ да чертополохомъ тощую ниву глушите".

Не худо бы было вамъ, господа, промежъ себя разобраться. А то что же это такое выходитъ? Г. Сологубъ талантливый, пожалуй, человѣкъ, но декадентъ, надъ коимъ надо еще побѣду одержать; г-жа Крестовская не только не талантливая, а просто-таки безграмотная писательница (зри тѣ же *Литературныя замѣтки*), а г. Немировичъ-Данченко—тотъ ужъ просто пророковъ „новаго" искусства дураками обзываетъ. Вѣдь, эдакъ, пожалуй, г. Волынскому придется остаться наединѣ съ разбитыми „зеркалами" г-жи Гиппіусъ, сидѣть предъ ними, любоваться на отраженіе Великаго духа и ждать... пока на пустомъ полѣ нѣтовые цвѣты выростутъ.

Образованіе, *1896 г.* Подъ новой редакціей журналъ этотъ, не измѣняясь въ своемъ прежнемъ симпатичномъ направленіи, подвергся довольно существенному измѣненію въ сторону расширенія своей программы. Помимо статей педагогическаго характера, особенно по во-

просамъ народной школы, здѣсь стали помѣщаться и статьи научно-популярнаго содержанія. А приложенія къ книжкамъ журнала посвящаются цѣльнымъ научнымъ трактатамъ какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, а также и педагогическимъ сочиненіямъ.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, журналъ дѣлается очень интереснымъ, разнообразнымъ и общедоступнымъ по своему содержанію. Такъ, укажемъ на выпущенныя редакціей послѣднія изданія: *Этюды по философіи наукъ* А. Лаланда, *Воображеніе и память* Ф. Кейра, *Очерки начальнаго образованія въ Скандинавскихъ странахъ* Е. Страннолюбской, *Аффективная память* Т. Рибо, *Физическое воспитаніе юношества* проф. А. Массо, *Этика и политическая экономія* проф. Ф. Іодля, *Внушеніе и воспитаніе* Ф. Тома, *Объ утомленіи глаза* д-ра Р. Каца, *Исторія человѣческой культуры* І. Генеггера и проч.

Въ отдѣлѣ педагогическомъ, между прочимъ, помѣщена статья г-жи Рогаль-Левицкой. Авторъ знакомитъ насъ, на основаніи личныхъ наблюденій, съ жизнью виленской воскресной школы, въ судьбахъ которой она сама принимала непосредственное участіе. Въ виду того, что до сихъ поръ у насъ еще очень мало установилось опредѣленныхъ воззрѣній на задачи воскресныхъ школъ, всякое сообщеніе фактическаго характера о постановкѣ этого дѣла въ той или иной мѣстности пріобрѣтаетъ серьезный интересъ, какъ матеріалъ для выработки будущихъ категорическихъ положеній и принциповъ.

Прежде всего поучительно и трогательно заявленіе автора объ изумительномъ прилежаніи, съ которымъ ученицы воскресныхъ школъ относились къ своему дѣлу. Истомленныя тяжкимъ трудомъ работницы, не имѣя свободныхъ часовъ среди дня, усердно готовятъ уроки по ночамъ, сокращая время своего, столь необходимаго для нихъ, освѣжающаго сна. Это свѣдѣніе можно смѣло обобщить: гдѣ бы вы ни читали о воскресныхъ школахъ, вы вездѣ наталкиваетесь на утвержденіе о необыкновенномъ усердіи учащихся къ работѣ.

Нельзя не обратить вниманія на тѣ данныя, по которымъ мы можемъ судить о томъ, какого рода книги должны пользоваться особенной симпатіей простолюдина. По словамъ г-жи Рогаль-Левицкой, всего болѣе читались повѣсти и разсказы романическаго содержанія, и непремѣнно изъ той среды, которая совсѣмъ чужда простому народу. Историческіе романы и повѣсти Всеволода Соловьева, гр. Алексѣя Толстого, Карамзина, Пушкина, Лажечникова, Эберса, *Хижина дяди Тома* Бичеръ-Стоу, *Рыжій графъ* Засодимскаго—читались положительно нарасхватъ. Гоголевскія повѣсти не нравились. Совсѣмъ не дружелюбно относились къ книжкамъ съ содержаніемъ изъ крестьянскаго или вообще простонароднаго быта. *Записки охотника* Тургенева, *Поликушка* А. Толстого, *Пахарь* Григоровича и т. п. брались рѣдко и неохотно.

Картины природы казались скучными и мало понятными. Г-жа Рогаль-Левицкая приводитъ свой разговоръ съ одной изъ воскресницъ о разсказѣ Короленко *Лѣсъ шумитъ*. На вопросъ автора: „Понравилась ли вамъ эта книжка?“ — ученица отвѣтила: „Да, очень; только вотъ въ началѣ скучно...“ — „А что?“ — „Да, можетъ быть, у кого времени свободнаго много, оно интересно, а намъ хочется, чтобы *скорѣе шло дѣйствіе*, а тутъ *большой придатокъ* — какъ сосны шумятъ, да про лѣсъ...“

Мало читались и статьи естественно-историческаго и вообще научно-

популярнаго содержанія. Исключеніе представляетъ прекрасная брошюра Рубакина *О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы*, привлекавшая читателей живостью, простотою изложенія и своимъ содержаніемъ, захватывающимъ воображеніе читателей.

Въ отдѣлѣ статей общаго содержанія помѣщены: два очерка по литературной критикѣ (г-жи Венгеровой—объ Ибсенѣ и г. Хирьякова—о Полонскомъ); статья академика Бертело *Значеніе химіи и ея примѣненія*, Чепинскаго *Исторія древнихъ религій*, проф. Шарля Рише *Страданіе съ точки зрѣнія біологіи*, Н. Каспійскаго *Научныя бесѣды* и т. д.

Дѣтское чтеніе, *февраль 1896 г.—январь 1897 г.* Съ каждой книжкой журналъ болѣе и болѣе упрочиваетъ свою репутацію. Можно сказать безъ преувеличенія, что одни и тѣ же писатели, которые пользуются въ интеллигентномъ обществѣ самой широкой популярностью, сдѣлались любимцами и въ дѣтской средѣ, благодаря частому своему появленію въ журналѣ г. Тихомирова. Въ истекшемъ году особенный успѣхъ у юныхъ читателей имѣло капитальное произведеніе М. Н. Альбова *Снѣжокъ и картошка.* Оно только что вышло въ свѣтъ отдѣльною книгой. Достаточно указать на такія имена, какъ Д. Н. Маминъ, К. М. Станюковичъ, Г. А. Мачтетъ, П. В. Засодимскій, И. Н. Потапенко, чтобы составить себѣ представленіе о богатствѣ художественно-литературнаго отдѣла. Дѣти очень любятъ читать про старину, и потому понятно, съ какимъ удовольствіемъ читали они такъ живо написанный большой разсказъ, скорѣе повѣсть, Д. Л. Мордовцева *За юную Украину* и очень содержательный этюдъ И. И. Иванова, относящійся къ эпохѣ 1812 года: *Страница изъ исторіи Москвы.*

Вообще, ознакомленіе дѣтей съ исторіей въ той или иной формѣ, въ видѣ ли историческихъ повѣстей и разсказовъ, или въ видѣ популярно-научныхъ историческихъ статей,—очень желательно, въ виду того, что этотъ предметъ совсѣмъ запущенъ въ нашей средней школѣ. Хорошо бы было, еслибы редакція озаботилась и о развитіи біографическаго отдѣла. Помѣщенная въ январьской книжкѣ сего года и еще не оконченная статья И. И. Иванова служитъ образцомъ такого рода очерковъ. Авторъ началъ біографію знаменитаго творца *Хижины дяди Тома*, г-жи Бичеръ-Стоу, и съ свойственною ему умѣлостью мѣтко озаглавилъ свой очеркъ словами, характеризующими личность этой писательницы: *Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей.* Какъ сильно бьется сердце юнаго читателя, когда онъ читаетъ „правдивыя сказанья“ о праведной жизни семьи Бичеръ-Стоу! Вотъ чтеніе, которое должно высоко настроить душу читателя!

Свѣтлое настроеніе сообщается и *Сказаніемъ о четвертомъ волхвѣ*, этой живой, художественной проповѣди любви и милосердія. Очень интересна и содержательна историческая картинка *Фаустъ и Фаустина*, хотя она занимаетъ всего 3—4 странички. Сюжетъ взятъ изъ эпохи Нерона, и авторъ удачно вводитъ васъ сразу въ атмосферу коварства, жестокости и лицемѣрія, которыми характеризуется эпоха. И словно въ видѣ оттѣненія этихъ лютыхъ пороковъ представлены, совершенно согласно съ исторіей, два дивныхъ образа, дѣти съ чистой, ангельской душой, дѣлающіе великій подвигъ спасенія Неронова любимца отъ неминуемой смерти, которою ему грозила неистовая, дикая толпа, воспламененная жаждою мести за старыя обиды, которыя она претерпѣла отъ только что умершаго тирана. Съ большимъ интересомъ читается по-

мѣщенный тоже въ январьскомъ выпускѣ очеркъ *Англійскія пѣсни о Зеленомъ охотникѣ Робинъ Гудѣ.*

Въ видѣ приложенія къ журналу издается *Педагогическій Листокъ*, выходящій 4 раза въ годъ. Здѣсь помѣщаются статьи, относящіяся по преимуществу къ вопросамъ начальнаго, какъ домашняго, такъ и школьнаго воспитанія и обученія. О направленіи *Педагогическаго Листка* какъ въ отношеніи научномъ, такъ и общественно-педагогическомъ можно составить себѣ достаточное представленіе по статьямъ хотя бы первой книжки настоящаго года. В. А. Вагнеръ даетъ прекрасный, по своей популярной формѣ изложенія, и вполнѣ доступный для человѣка съ образованіемъ обыкновеннаго сельскаго учителя научный этюдъ: *Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ.* И, замѣтьте, ясность и простота изложенія нисколько не мѣшаютъ этюду быть строго научнымъ и чрезвычайно интереснымъ и для человѣка большого образованія. Пока помѣщена первая, историческая часть статьи. Авторъ показываетъ, что движеніе естествознанія началось на первой ступени мысли человѣческой съ метода аналогіи въ ея простѣйшемъ элементарномъ видѣ; второю ступенью является методъ индуктивный и почти одновременно съ нимъ дедукція. Наконецъ, наступаетъ періодъ положительный, въ основѣ котораго лежитъ опытное знаніе съ его индуктивнымъ методомъ, совмѣстно съ методами, которые исторически ему предшествовали. Всѣ эти методы, не всегда состоятельные порознь, даютъ при совмѣстномъ пользованіи ими ту науку, которая „постигаетъ и предвидитъ". Въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ разсмотритъ вопросъ непосредственно педагогическаго характера—о методахъ преподаванія естественныхъ наукъ.

Не мало интересныхъ свѣдѣній заключается и въ извлеченіи изъ *Записокъ о губернскихъ педагогическихъ курсахъ въ Твери*, Д. И. Тихомирова.

Дѣтскій отдыхъ, *май—декабрь 1896 г.* Съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить то утѣшительное явленіе, что журналъ въ теченіе послѣдняго полугодія принялъ характеръ гораздо болѣе симпатичный въ педагогическомъ отношеніи, нежели раньше. Желаемъ отъ души, чтобы такой характеръ журнала удержался и на дальнѣйшее время. Не отстаетъ журналъ и отъ того теченія, иниціаторомъ котораго выступило впервые *Дѣтское чтеніе*: развивать художественный вкусъ читателей хорошими вещами настоящихъ писателей, а не такихъ, которые попадаютъ въ дѣтскую литературу только потому, что литературная неумѣлость не даетъ имъ доступа къ читателямъ взрослымъ при посредствѣ нашихъ толстыхъ журналовъ. Такъ, въ теченіе прошлаго года въ немъ участвовали: Д. Н. Маминъ, И. Н. Потапенко, П. А. Сергѣенко, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ. Большое вниманіе обращено здѣсь на отдѣлъ естественно-историческій. Тутъ помѣщены статьи: *Среди природы* г. Любителя природы, *Путешествіе по Туркестану*— Н. В. Богоявленскаго, *Бамбукъ* — П. Ф.—га, *Солнечное затменіе*— В. Ч. и проч. Интересны изложенія легендъ и сказаній разныхъ народовъ, которыя дѣти такъ любятъ читать. Статьи этого рода принадлежатъ такимъ спеціалистамъ, какъ проф. П. Г. Виноградовъ и этнографъ А. С. Хахановъ. Много и біографическаго матеріала, помѣщаемаго какъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, такъ и въ отдѣлѣ „Отголоски". Журналъ хорошо дѣлаетъ, что знакомитъ дѣтей съ біографіей не только иностранныхъ знаменитостей, какъ Бичеръ-Стоу, но

и такихъ русскихъ дѣятелей, какъ Екатерина Вторая, Пироговъ, Островскій, Некрасовъ и проч. Мы бы только посовѣтовали редакціи озаботиться о томъ, чтобъ эти біографіи излагались болѣе обстоятельно, живо и художественно, въ примѣненіи къ возрасту, развитію и умственнымъ интересамъ читателей-дѣтей. Съ этой стороны редакціи предстоитъ работа, и работа очень серьезная: найти умѣлыхъ біографовъ и историковъ для дѣтей—дѣло у насъ чрезвычайно трудное. Но такихъ работниковъ энергичная редакція можетъ „создать": на усиленный спросъ и упорные поиски въ концѣ-концовъ всегда откликаются подходящіе люди.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1896 г. по 1 января 1897 г.

Арбузовъ. Сказки. Рига, 1896 г. Ц. 60 к.

Аргамаковъ. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ, 1897 г. Ц. 1 р.

Багешотъ. Научные законы. Развитіе народовъ. Перев. съ франц. Харьковъ, 1896 г. Ц. 75 к.

Берліозъ, Г. Симфоніи Бетховена, критическій очеркъ. Перев. съ франц. Спб., Ц. 60 к.

Бертенсонъ. О больнеологическихъ средствахъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Бехтеревъ, проф. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб., 1896 г.

„Библіотека маленькаго читателя“.— Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ Калымовъ. 2 выпуска. М., 1896 г. Ц. по 15 к.

Стихи и разсказы. Сост. Ивинъ. Москва. Ц. 15 к.

Бобровскій. Курсъ практической педагогики, съ рисунками. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка (Опытъ нар. гигіены). М., 1896 г. Ц. 35 к.

Брандесъ, Г. Литературные портреты. Перев. съ нѣм. 1896 г. Ц. 1 руб. 35 к.

Бѣлоконскій. Народное начальное образованіе въ Курской губ. Курскъ, 1897 г.

Бѣлоусовъ. Къ вопросу объ ассенизаціи русскихъ городовъ. Матеріалы по общей гигіенѣ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Будищевъ, Ал. Степные волки. Разсказы. Ц. 1 р.

Бюхеръ, К. Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣм. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Васневскій. Гипнотизмъ у животныхъ. Опытъ лѣченія гипнот. животныхъ. Перев. съ польск. Хвалынскъ, 1896 г. Ц. 35 к.

Введенская. Ради дѣтей. Разсказы. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Волконскій, С. Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичн. лекціи читан. въ Америкѣ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герасименко. Миньятюры. Наброски и разсказы. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 руб.

Глаголевъ, проф. Запретныя идеи. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Гофманъ, А. Начальная хрестоматія нѣмец. яз. Для мужскихъ гимназій. Вып. I. Курсъ 2 кл. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія. Перев. Нечаева. Съ 707 фиг. Спб., 1897 г.

Г. Михаилъ, Ученіе о костяхъ. Конспектъ описательной анатоміи человѣка. Москва, 1897 г. Ц. 20 к.

Догановичъ, Анна. Ѳомка-дуракъ. Разсказъ. Москва, Ц. 15 к.

Дружбинъ. И все это правда! Съ рис. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Желиховская. Мое отрочество. Съ рис. Спб., Ц. 3 р.

Зацѣпина. Приключенія маленькаго Коли. Спб. Ц. 30 к.

Ибсенъ, Генрихъ. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири, по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 г. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. Т. IV. Москва, 1897 г. Ц. 2 р.

Колеръ, проф. Право какъ элементъ культуры. Пер. Вормса. Москва, 1896 г. Ц. 20 к.

Коренблитъ. Нѣмецко-русскій технический словарь. Вып. XXX. Москва, 1896 г.

Корженевскій, Б. По Востоку. Путевые очерки и картины. Въ 3 част., съ 117 рис. Москва, 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Лависсъ, Эрн. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. Тимоѳеевой. Москва, 1897 г. Ц. 1 р.

Лахманова. Дѣвочка. Изд. Девріена. Спб., Ц. 2 р. 50 к.

Лепеллетье, Эд. Графъ де-Ризооръ. Истор. ром. (съ франц.). Москва, 1896 г.

Лорана, Эмиля д-ра. Тюремный міръ. Юрид. библіот. Пер. съ франц. Спб., Ц. 1 р. 60 к.

Любимовъ. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лялина. Мореплаватели: Головнинъ, Коцебу, Невельской. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Масловичъ. Басни и были. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Менделевичъ, Р. А. Святочныя поэмы. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Мережковскій. Вѣчные спутники. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Мироновъ. Оспа. Ц. 15 к. Дифтеритъ. Ц. 15 к. День добраго мира. Разсказъ. Ц. 5 к. Хвалынскъ, 1897 г.

Михайловъ. Роль и значеніе первобытной женщины. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Новая книга. Наша мать природа. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности Харьк. Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1895 г. Харьковъ, 1896 г.

Реклю, Элизэ. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XVII, XVIII, XIX. Спб., 1896 г. Ц. по 8 р.

Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней подъ ред. Самойлова. Вып. 15 и 16. Спб., 1896 г.

Самборскій. Корова. Анатомическое строеніе тѣла рогатаго скота. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Самойловичъ. Волшебныя сказки. Съ рис. Ц. 3 р.

Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Вып. VII. Тифлисской губ. Тифлисъ, 1896 г.

Сергѣевъ, С. Вопросы русской промышленности. Библіот. обществ. знаній. Серія I, вып. 10-й. Одесса. Ц. 40 к.

Сибирскій торгово-промышленный календарь на 1897 г. Изд. Романова. Томскъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцова. Удивительныя приключенія муравья. Спб. Ц. 30 к.

Тарасовъ, И. Т. Очеркъ науки полицейскаго права. Пособіе для слушанія лекцій. Москва, 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.

Тэйлоръ, Эдуардъ. Первобытная культура. Второе изд. Въ двухъ томахъ. Томъ II. Спб., 1897 г. Ц. 4 р.

Утѣхинъ. Сельско-хозяйственное счетоводство. Спб., 1897 г.

Фрейбергъ. Растенія — друзья человѣка. I. Финиковыя и кокосовыя пальмы. II. Бамбукъ. Съ рисунками. Москва. Ц. по 20 к.

Шмелевъ, Иванъ. На скалахъ Валаама, за гранью міра. Москва, 1897 г. Ц. 80 к.

Щегловъ. Корделія. 2-е изд. Веселый театръ. Спб. Ц. 1 р. и 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

— Камо Грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

***Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій. Т I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

***Столѣтовъ, Т. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

I.

Религія, философія, психологія, педагогика, логика.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к

Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.

— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Водовозовъ, В. И. Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ с. нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.

— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Москва, 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницще и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
— Основанія экспериментальной психологіи. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
Данилевскій, Н. Я. Душа и природа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кирхманъ, Ф. Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кирхнеръ, І. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого. „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
— Свое слово. Философско - литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.
Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.
Куно-Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два вып. 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
— Эмоціи. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Лебо, Эжень. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Любимовъ, Н. А. Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Навиль, Э. Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общест. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Оствальдъ, В. Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к.

Потебни, А. Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективиой памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сѐлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Смаильсъ, Самуэль. Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза. Этика. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ө. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.
Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.
Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. перев. съ нѣмец. М. Некрасова, подъ редак. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіем объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 р. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ ч., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.
Шперкъ, Ө. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 годъ. Ц. 20 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
Schrader, W. Гимпазіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

II,

Беллетристика.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Бальзакъ. Бѣдные родственники. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Горіо (романъ) и разсказы. Ц. 50 к.
— Модеста Миньонъ. Ц. 50 к.
— Беатриса. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
***Безобразовъ, П. В.** Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
Бёрне, Л. Сочиненія въ 2 т. въ пер. П. Вейнберга, со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ, Спб., 1896 г. Ц. 3 р., стр. LXII+261+330.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бретъ - Гартъ. Гэбріель Конрой. Ц. 50 к
— Кресси (ром.). Разсказы. Ч. I. Ц. 50 к.
— Разсказы. Ч. II. Ц. 50 к.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьернстьерне - Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Вовчокъ, Марко. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.
Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священикъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Гофманъ. Фантастическіе очерки и разсказы. Ц. 50 к.
— Серапіоновы братья. Ч. I, II и III. Цѣна за три части 1 р. 50 к.
Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 3 р.
Грабинъ, А. Т. Воздушные за́мки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 9 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.
— Святочные разсказы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Записки Пиквикскаго клуба. Ч. I и II. Ц. 1 р.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Длусскій. Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Басни. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
Жоржъ, Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
— Большія надежды. Ц. 50 к.
— Римъ. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Марсельскія тайны. Месть. Ц. 50 к.
— Карьера Ругоновъ. Ц. 50 к.
— Добыча. Ц. 50 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Каменскій, Я. А. Т. II. Мелкія соч. Москва, 1894 г. Ц. 1 р 50 к.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894г. Ц. 75 к.
Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.
Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Крушеванъ, П. Призраки. М. 1896 г. Ц. 2 р.
Лажечниковъ, И. Ледяной домъ. Съ рисунк. П. Полякова. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсалина. Ц. 3 р М., 1883 г.
— Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
***Маминъ-Сибирякъ**, Д. Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
— Басни и были. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
— Васька-горнистъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Невѣжинъ, П. М. Жестокая воля. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Немировичъ - Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2 т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Переводъ съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Острогорскій, Викторъ. Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошномъ перепл.—1 р. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 10 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.

Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Поэ. Эдгаръ. Баллады и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.

— Разсказы. Т. I. Ц. 50 к.

— Повѣсти, разсказы, притчи, сказки. Ц. 50 к.

Прево, М. Женскіе силуэты. Москва, Ц. 75 к.

Проблески. Сборникъ произведен і русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Раменскій, Н. Братья - изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.

Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоттъ, Вальтеръ. Вэверлей. Ц. 50 к.

— Гай Маннерингъ. Ц. 50 к.
— Робъ-Рой. Ц. 50 к.
— Ламермурская невѣста. Ц. 50 к.
Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степановъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2
Твэнъ. Американскій претендентъ. Юмористическіе очерки и разсказы. Ц. 50 к.
— Янки при дворѣ короля Артура. Ц. 50 к.
— Похожденіе Тома Соуэра. Ц. 50 к.
— Жизнь на Миссисипи. Ц. 50 к
Токвиль. Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. Москва, 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Фарраръ, В. Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.
Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
Флоберъ. Буваръ и Пекюше. Три разсказа. Ц. 50 к.
Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
Цаппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Чаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
Шелли. Сочиненія. Вып. I, II, III и IIII. Спб., 1894—1895 гг. Цѣна кажд. вып. 50 к.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к
— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.
Шпильгагенъ. Сомкнутыми рядами. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— О чемъ пѣла ласточка. Скелетъ въ домѣ. Ц. 50 к.
— Тамъ исцѣляются. Прекрасная риканка. Ц. 50 к.
— Загадочныя натуры. Ч. I и II. Ц. 1 р.
Э—на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.
Эберсъ. Дочь египетскаго царя. Ц. 50 к.
— Сераписъ. Ц. 50 к.
— Слово. Ц. 50 к.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г Ц. 15 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

III.

Исторія литературы, критика, публицистика.

Аминторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Безобразовъ, П. В. О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи з анія. П., 1896 г. Ц. 25 к.

***Брандесъ, Г.** Литературные портреты. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.

Водовозовъ, В. И. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой части 1 руб.

— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.

— Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Зетъ, Е. Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.

Каро, Э. Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ эконономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 т. Ц. 2 р.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Комаровскій, Л. А. Восточный вопросъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

IV.

Исторія, археологія, біографіи, мемуары.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Т. I. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Бокль, Г. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Введенскій, Алексѣй. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Водовозовъ, В. И. Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гиббинсъ, Г. Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.: часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ универ. на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины блажен. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба вып. 6 р.
— Паденіе античнаго миросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
Лависъ и Рамбо. Всеобщая исторія. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Переводъ П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ливій, Титъ. Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Цѣна по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Милль, Джонъ-Стюартъ. Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Михневичъ, В. Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Пер. съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Переводъ съ французскаго. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.
Снегиревъ, Л. Маркизъ де-Нэвъ. Серг. Посадъ. Ц. 60 к.
Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.
Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Фриманъ, Эдуардъ, Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.
Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 т. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Штейнъ, Вл. Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

V.

Юридическія книги, политическая экономія, финансы и статистика.

Безобразовъ, П. В. Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц.
Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.
В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экономіи. Спб 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Верблoвскій, Г. Вопросы русскаго

гражданскаго права и процесса. Ц. 2 р. 50 к.

Водовозовы, М. и **Н.** Изданія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften". Ц. 1 р. 50 к.

— Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.

— Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwört. der Staatswissenschaft. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. Москва, 1892 г. Ц. 75 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Головачевъ. Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. Ц. 50 к.

Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гуревич—. Родители и дѣти. Спб. Ц. 1 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Иванюковъ, И. И. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.

Іодль, Ф. Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Кампфмейеръ, П. Изъ нѣмецкой деревни. Перев. съ нѣмец. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

— Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М., 1896 г. Ц. 2 р.

— Происхожденіе современной демократіи. Т. IV. Ц. 2 р.

***Колеръ.** Право какъ элементъ культуры. М., 1896 г. Ц. 20 к.

Кольбериnъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Крушеванъ, П. Дѣло Арбатанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.

Марконетъ, А. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Морилло, А., и **Дебенъ, Г.** Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. Переводъ съ французск. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Новгородцевъ, П. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. М., 1896 г. Ц. р. 25 к.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственыхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сорокинъ, В. О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Суворовъ, Н., проф. Гражданскій бракъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.
Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Чичеринъ, Б. Н. Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Ч. II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
— Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.
Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Экштейнъ, I., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Hermann de Baets. Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. М., 1896 г. Ц. 50 к.

VI.

Географія, Этнографія, Путешествія.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Богаевскій, П. Мултанское „моленіе“ вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
Верещагинъ, В. В. На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6. к.
Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изд. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская) Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадоч-

ныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Спб., 18 3 г. Ц. 1 р. 75 к.

Реклю, Э. Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, В. О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингтсона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.

VII.

Естествознаніе.

Аксеновъ, С. Краткій курсъ химическаго анализа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 80 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предис. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Васневскій, Г. Гипнотизмъ у животныхъ. Х., 1896 г. Ц. 35 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гано, А. Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія. Ч. I. П., 1896 г.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣсто происхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Кольбе, Б. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

— Введеніе къ ученію объ электричествѣ Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химичскому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики.

— Исторія Рима отъ основанія города. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи.

— Астрономія. П., 1896 г. Ц. 6 р.

Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Тимирязевъ, К. Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г. Т. II (части 3 и 4). Ц. 4 р. М., 1895 г. стр. 656; Т. III (часть 5). Ц. 3 р. М., 1896 г. стр. 545.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успенскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2 е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Фламмаріонъ, К. Общедоступная астрономія. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Фраасъ, Э. Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Циммерманъ, А. Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

VIII.

Медицина, Гигіена.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Берже, П. Модная болѣзнь нашего времени слабые нервы. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р

Вагнеръ. Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Енцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Гсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Юстусъ, В., д-ръ. Болѣзни волосъ и ихъ лѣченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.
Iager'a, H, д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Legrain, D-r. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Тверь, 1896 г. Ц. 75 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Salomonsen, C., проф., и **Черевковъ, д-ръ.** Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

IX.

Технологія и сельское хозяйство.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Альтгаузенъ, Л., агрономъ. Искусственное удобреніе и сидерація въ Германіи и Россіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Беккерледжъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Өедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
В. А. Производство ваксы, лаковъ, мазей, маслъ и дегры для кожи и кореневн. продуктовъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.
Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства
Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Даниловъ, Ф. А. Самовозгораніе угля, хлопка, замасленнаго тряпья и проч. М., 1896 г. Ц. 20 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
Кляри. Ретушь фотографическихъ негативовъ. Перев. съ фран. М., 1896 г. Ц. 60 к
Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. Ш. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. П., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Мангуби, И. Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.
Оглоблинъ, В. Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Снб., 1893 г. Ц. 3 р.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Торминъ. Опытный малярь и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и

переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельско-хозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фортунатовъ, А. Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цвѣтковъ, А. А. Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховской, Н. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).

— Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Leland, G. Рѣзьба по дереву. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Marissiaux, L., et Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

X.

Искусство.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Ц. по 2 р.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и поздняя эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

— Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко - сравнительные очерки. Изданіе 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Винкельманъ, І. І. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Додоновъ, А. М. Руководство къ

правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Карьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Пер. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 р.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Трахтенбергъ, М. А. Лекціи по болѣзнямъ сердца. Ч. I и II. Харьковъ, Ц. 4 р.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 188? г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Щервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Autour du monde. Альбомъ акварелей съ типами и видами всѣхъ странъ свѣта. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно по 35 к.

La Françe. Альбомъ акварелей съ видами и типами Франціи. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Отдѣльно каждый вып. по 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

XI.

Учебники и книги для дѣтей.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, Г. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Арабскія сказки тысяча одна ночь. Въ 3-хъ томахъ. Новый полный перев. Доппельмайеръ. М., 1890 г. Ц. 8 р. 65 к.

— Руфина Каздоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Асбьернсена, П. Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь

и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Васильевъ, В. И. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М., 1886 г. Ц. 25 к.
— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Ариѳметика: — отношенія, пропорціи, проценты, учетъ векселей. М., 1896 г. Ц. 25 к.
Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
— Исторія среднихъ вѣковъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к
Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
Водовозова, Е. Н. На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рисунк.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка па латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ— 1 р. 75 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Догановичъ, А. Ѳомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Егоровъ, Ѳ. Методика - ариѳметики. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Зелинскій, В. Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.
Игра футболь съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г Ц. 70 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I, Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.
Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.
Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Коропчевскій, Д. А. Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
Кругловъ, А. Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб., 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роск. перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецк. обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Народныя русскія сказки. М., 1288 г. Ц. 1 р.
Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Острогорскій, Викторъ. Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 к.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Ц. 2 р.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Сбп., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.
— Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соковнинъ, А. Быть и казаться Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Средина и постоянство. (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
Страховъ, Н. Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и цер-

ковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е, М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изданіе 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Выпускъ I. Ц. 25 коп. Выпускъ II. Ц. 40 к.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

Флеровъ. Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шмидтъ, О. Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.

Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III-я IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

XII.

Справочныя книги, календари, словарь и проч.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р. (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
Горбуновъ. Програмы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Програмы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Програмы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
***Гранатъ, А. и К°.** Настольный энциклопедическій словарь. 8 томовъ. Ц. 42 р. (въ переплетѣ).
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Записная книга на 1896 г. Съ цѣлой стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ 1/2 стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/3 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Въ Нижній на выставку! Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь, 29 выпуск. Цѣна каждому выпуску 40 коп. М. 1896 г.
Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.
Посновъ, А. Руководство къ нивральной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.
Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.
Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Подписка принимается только годовая; въ разсрочку подписка не принимается.

Артиллерійскій журналъ. Изд. безцензурное, ежемѣсячное. Съ дост. и перес. 7 р. за годъ. Спб.

Археологическія извѣстія и замѣтки. Журналъ безцензурный, ежемѣсячный, подпис. цѣна за годъ 3 р. съ дост. и перес. Моск.

Архивъ ветеринарн. наукъ. Ежемѣсячное безцензурн. изданіе, 5 р. въ годъ. Спб.

Atеneum. Журналъ подцензурный, ежемѣс. подп. цѣна за годъ 12 руб. Варшава.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Библіографъ. Журналъ историко-литературный и критико-библіографическій, подцензурный, подп. цѣна 5 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Спб.

Библіотека знаменитыхъ писателей. Журналъ подцензурный. Ц. 12 р. въ годъ съ доставк. и перс. Спб.

Библіотека Врача. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Подп. цѣна съ доставк. и перес. 10 р. въ годъ. Москва.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Благовѣстъ. Журналъ подцезурный. Цѣна съ дост. и перес. 5 р. въ годъ. Спб.

Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно Ц. съ пер. и дост. 10 р.

Будьте здоровы! Популярно-медиц. и гигіеническій журналъ, подп. цѣна 5 р. съ дост. и перес. Спб.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная гавета. Ц. съ пер. и дост. 12 р.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета: 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер., съ карт. 5 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“. Ц. съ дост. и пер. 10 руб.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Воспитаніе и обученіе. Ежемѣсячн. педагогич. сборникъ. Ц. съ перес. и дост. 2 р. Спб.

Врачъ. Газета безцензурная, еженедѣльная. За годъ съ перес. и дост. 9 руб. Спб.

Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

Всходы. 5 р. Спб.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р., съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 руб.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Вѣстникъ винодѣлія. Ц. 6 руб. Одесса.

Вѣстникъ Воспитанія. Журналъ иллюстрированный подцензурный безъ дост. 5 р., съ дост. и перес. 6 руб. Москва.

Городской и сельскій учитель. Журналъ подцензурный съ доставк. и перес. за годъ 3 р Симбирскъ.

Гражданинъ. Газета вых. 2 р. въ нед. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 6 руб.

Деревня Сельско-хоз. журналъ. Под. Ц. съ дост. и перес. 3 руб. Спб.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Домашняя Библіотека. 4 руб. Спб.

Душеполезное Чтеніе. Журналъ подцензурный еженедѣльный. Под. Ц. съ достав. и перес. 4 р. Москва.

Дѣло. Иллюстр., научно-практич. популярный журналъ. Изд. ежемѣсячное, подцензур. Ц. за годъ съ дост. и пересылкой 1 руб. Москва.

Дѣтскій Отдыхъ. Журналъ подцензурный, иллюстрированный, ежемѣ-

сячный. Подписн. Ц. съ дост. и перес. 6 р. Москва.

Дѣтское Чтеніе. Иллюстр. подцензурный ежемѣсячный журналъ. Подп. Ц. съ дост. и пер. 6 р., б. д. и пер. 5 р. Москва.

Дѣтская Медицина. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Естествознаніе и Географія. Ежемѣсяч. научно-популярный и педагогическій журналъ б. д. 4 р., съ доставкой и перес. 4 р. 50 к. Москва.

Желѣзнодорожное дѣло. Журналъ безцензурный. Съ дост. и перес. 6 р. въ годъ.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ доставк. и пересылк. 14 руб.

Задушевное Слово. Ежемѣсячный журналъ, подцензурный, старшій возрастъ: съ дост. и перес. 6 р.; младш. возрастъ съ дост. и пер. 6 р. Спб.

Звѣзда. Литер. художеств. журналъ. Еженедѣльное подцензурное изданіе. Съ дост. и пер. 6 р. Спб.

Земледѣльческая Газета. Еженедѣльное безцензурное изданіе. Ц. съ перес. 4 р. 15 к. Вмѣстѣ съ журналомъ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“ издающ. подъ одной редакціей. Ц. съ перес. 8 р. 30 к. Спб.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Игрушечка. Дѣтскій журналъ подцензурный, ежемѣсячный, иллюстрированный для младшаго возраста. Подп. Ц. съ перес. 3 р., съ прилож. отдѣла для малютокъ 5 р. Спб.

Инженеръ. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный; под. Ц. съ дост. и пер. 12 руб. Кіевъ.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 руб.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р.

Книжный Вѣстникъ. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный, съ пер. 3 р. Спб,

Край. („Kraj“). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц съ дост. 10 р., 5 р. съ пер. 12 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.

Курьеръ Торговли и Промышленности. Ежедневная торг.-промыш. и заводская фабричная газета, съ перес. 5 р. Москва.

Литературное Обозрѣніе. Съ перес. Спб.

Лучъ Ежедневная газета. Ц съ приложеніями и съ пересыл 7 р. Спб.

Лѣсной Журналъ. Съ перес. 4 р. Спб.

Малютка. Иллюстрированный журналъ для дѣтей. Изд. подцензурное, ежемѣсячное. Ц. съ перес. 2 р. 50 к.

Медицинское Обозрѣніе. Журналъ безцензурный. Выходитъ 2 раза въ годъ. Ц. съ перес. 12 р. Москва.

Міръ Божій. Ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ. Ежемѣсячное подцензурное изданіе. Ц. съ перес. 7 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ перес. 12 р.

Научное Обозрѣніе. Журналъ подцензурный еженедѣльный. Ц. съ перес. 7 р. Спб.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ перес. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. съ перес. 7 р.

Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.

Новое Слово. Ежемѣсячный журналъ. Подписка съ октября 1895 г. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перс.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. 1-е изд.: съ перес. 17 р., II-е изд.: съ перес. 10 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 8 р.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 18 р.

Новости Иностранной Литературы, собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Москва.

Новый Русскій Базаръ. Журналъ иллюстрирован. подцензурный ежедневный. Ц. на 1-е изд. съ перес. 7 р. Ц. на 2-е изд. съ перес. 9 р. Ц. на 3-е изд. съ пер. 12 р.

Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 руб.

Образованіе. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Парижскія Моды. Съ перес. 4 р.

Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ перес. 10 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ перес. 10 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 6 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и перс. 6 руб.

Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Ремесленная Газета. Газета подцензурная, еженедѣльная. Съ перс. 6 р. Москва.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 6 р.

Родникъ. Журналъ иллюстрированный, ежемѣсячный. Съ приложеніемъ „Воспитаніе и обученіе" 6 р. съ перес. Отдѣльно „Воспитан. и обученіе" 2 р. съ перес. Спб.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ порес. 9 руб., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 13 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Русскій Паломникъ. Иллюстрированный журналъ, подцензурный, еженедѣльный. Съ приложеніями 6 р.

Русскій Начальный Учитель. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Спб.

Русскій Архивъ. Журналъ безцензурный ежемѣс. Съ перес. 9 р. Москва.

Русская Старина. Журналъ безцензурный, ежемѣсячный. Съ пер. 9 р. Спб.

Русская Школа. Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 7 р. Спб.

Русское Слово. Съ перес. 5 руб. Москва.

Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Журналъ безцензурный ежемѣс. съ перес. 4 р. 40 к. Вмѣстѣ съ „Земледѣльческою Газетой" годовая цѣна съ перес. 8 р. 25 к. Спб.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно. Ц. съ съ пересылкой 17 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и летературная газета. Ц. съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg. Zeitung. Газета политическая ежедневная. Ц. съ пер. 14 р.

